ВС

Профессоръ Петроградскаго Университета
А. И. ВВЕДЕНСКІЙ

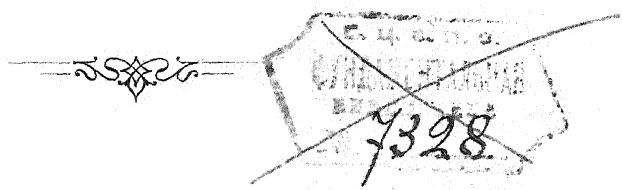
ЛОГИКА,

КАКЪ ЧАСТЬ ТЕОРІИ ПОЗНАНІЯ.

Третье, вновь переработанное, изданіе.

Братія! не будьте дѣти умомъ: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолѣтни.
(Апост. Павелъ).

2891
169
В. 24.



ПЕТРОГРАДЪ.
Типографія М. М. Стасюлевича. Вас. остр., 5 лин., 28
1917.

1 В

Пров. 1958

ВС
51

4758

БИБЛИОТЕКА
КОНСЕРВАТОРСКОЙ

684
30

Предисловіе къ 3-му изданію.

Это изданіе настолько же отличается отъ второго, насколько второе отъ перваго. Это — почти новая книга. Я не только принялъ во вниманіе всѣ замѣчанія, сдѣланныя мнѣ въ печати и частнымъ образомъ по поводу двухъ первыхъ изданій, но на основаніи своихъ преподавательскихъ наблюденій и самъ подмѣтилъ, что слѣдуетъ передѣлать въ этомъ изданіи, что выпустить изъ него, а что прибавить. Всѣ передѣлки были направлены къ дальнѣйшему усиленію ясности изложенія. Выпущены же здѣсь только тѣ ученія, которыя хотя и очень тѣсно соприкасаются съ логикой, но относятся не къ ней самой, а къ психологіи. Таковы, напр., ученіе о разницѣ между интуитивнымъ и дискурсивнымъ мышленіемъ, вопросъ, принадлежатъ ли логическіе законы мышленія къ нормативнымъ или естественнымъ и т. п. Прибавленія же сдѣланы въ частяхъ, посвященныхъ теоріи познанія, напр.—прибавлено изложеніе эмпиризма.

Главная же перемѣна въ частяхъ, посвященныхъ теоріи познанія, состоитъ въ обработкѣ логицизма, какъ особаго гносеологическаго направленія. Во второмъ изданіи я излагалъ логицизмъ, не употребляя этого названія, въ видѣ всего лишь моихъ дополненій и поправокъ къ кантовскому критицизму и только подъ конецъ печатанія я подмѣтилъ, что изъ этихъ дополненій можетъ быть выработано новое, совершенно независимое (конечно, логически, а не генетически независимое) отъ критицизма, доказательство неосуществимости метафизическаго знанія. Во второмъ изданіи я могъ лишь мимоходомъ указать на это, именно въ 16 параграфѣ XVII главы. Здѣсь же я впервые выработалъ это дока-

зательство и умышленно помѣстилъ его раньше изложенія критицизма, чтобы подчеркнуть его полную независимость (повторяю не генетическую, а логическую) отъ критицизма.

Въ заключеніе приношу глубокую благодарность всѣмъ, кто сообщилъ мнѣ, въ печати или частнымъ путемъ, свои критическія замѣчанія по поводу этой книги.

Александръ Введенскій.

23 іюня 1917 г.

НЕОБХОДИМЫЯ ПОПРАВКИ:

Стр.:	*Строка:*	*Напечатано:*	*Слѣдуетъ читать:*
177	17 сверху	*заранѣе видныхъ правилъ*	*основныхъ правилъ*
215	1 снизу	Ferio	Darii
216	3 сверху	Ferio	Darii
216	5 »	*Ferio*	*Darii*
360	1 примѣч.	Σι	Ει
ib.	ib.	ἐγήγεφται	ἐγήγερται

ГЛАВА I.

Задачи логики и ея отличія отъ психологіи.

1. Опредѣленіе логики. *Логикою называется наука о правильности и ошибочности мышленія. Правильнымъ же называется мышленіе, пригодное для расширенія знанія, а ошибочнымъ или неправильнымъ — непригодное для этой цѣли.* Задачи логики состоятъ въ томъ, чтобы: 1) отыскать тѣ правила или условія, при исполненіи которыхъ (будетъ ли оно преднамѣреннымъ или ненамѣреннымъ, это все равно) мышленіе выходитъ пригоднымъ для расширенія знанія; 2) объяснить ихъ законами мышленія; 3) съ помощью найденныхъ ею правилъ выслѣдить всѣ тѣ ошибки мышленія (т.-е. нарушенія этихъ правилъ), которыя встрѣчаются въ немъ на дѣлѣ, и описать ихъ составъ, т.-е. указать, въ чемъ состоитъ каждая изъ нихъ. Выраженіе „встрѣчающіяся на дѣлѣ ошибки“ означаетъ такія ошибки, которыя не столь грубы, не столь рѣзко кидаются въ глаза, чтобы ихъ никто не допускалъ. Напротивъ, онѣ попадаются даже въ нѣкоторыхъ научныхъ произведеніяхъ.

Свое названіе логика получила отъ греческаго слова λόγος, обозначающаго, съ одной стороны, слово или рѣчь, а съ другой — и то, что̀ выражается въ рѣчи, т.-е. мышленіе, умъ и т. п. А отъ этого названія образовали слова *„логическій“* — относящійся къ логикѣ — и *„логичный“* — согласный съ правилами логики. И правила логики стали называть „логическими правилами“, ихъ нарушенія „логическими ошибками“, а тѣ изъ законовъ мышленія, которыми объясняются логическія правила, „логическими законами мышленія“. Про мышленіе же стали выражаться, что оно бываетъ „логичнымъ“ и „нелогичнымъ“.

Логика основана Аристотелемъ (384—322 г. до Р. Хр.), но не надо думать, что онъ же и назвалъ ее логикой. Названіе „логика“ возникло даже и не въ школѣ Аристотеля, а въ другой философской школѣ — въ стоической, появившейся въ началѣ III-го вѣка до Р. Хр., и съ той поры постоянно употребляется въ смыслѣ одной изъ философскихъ наукъ.

2. Логика открытій и логика провѣрки. Не можетъ быть никакой рѣчи о присоединеніи новой мысли къ составу знанія, пока она нами не провѣрена. Поэтому логика, стремясь найти тѣ правила, при умышленномъ или неумышленномъ исполненіи которыхъ мышленіе становится годнымъ для расширенія знанія, должна сосредоточить свое вниманіе на провѣркѣ мыслей и указать тѣ правила, при исполненіи которыхъ въ провѣряемой мысли обнаружилась бы или ея истинность, или ея ложность.

Но раньше, чѣмъ провѣрять данную мысль, надо, чтобы она уже возникла у насъ и внушала намъ, хоть какую-нибудь, надежду на то, что она окажется истинной: иначе или у насъ совсѣмъ не будетъ провѣряемой мысли, или же не будетъ никакихъ причинъ, побуждающихъ насъ къ провѣркѣ этой мысли. *Всякую мысль, возникшую такимъ путемъ, что она внушаетъ намъ какую бы то ни было, хотя бы и самую слабую, надежду, что при провѣркѣ она окажется истинной, но которая остается еще не вполнѣ провѣренной, принято называть догадкой или гипотезой. Мы же условимся называть* **всѣ** *такія мысли догадками*, потому что слово „гипотеза“ имѣетъ еще другое, узкое значеніе, при которомъ подъ нимъ подразумѣваютъ не всякія догадки, а лишь нѣкоторыя изъ нихъ; и *мы условимся употреблять слово „гипотеза“ лишь въ узкомъ смыслѣ*, безъ котораго логика не можетъ обойтись, и съ которымъ мы ознакомимся въ свое время. Такимъ образомъ, *знаніе расширяется тѣмъ путемъ, что у насъ сперва возникаетъ догадка* (или, какъ иначе выражаются, сперва возникаетъ гипотеза), *которая подвергается провѣркѣ и, въ концѣ концовъ, либо отбрасывается и замѣняется новой догадкой* (которая можетъ быть, между прочимъ, простой поправкой прежней), когда мы удостовѣримся въ ложности или ошибочности провѣряемой догадки, *либо становится прочнымъ достояніемъ науки*, когда мы удостовѣримся въ истинности этой догадки. Возникновеніе догадки часто называютъ открытіемъ новой истины. Поэтому все сейчасъ сказанное можно еще и такъ редактировать: *при расширеніи знанія мы всегда имѣемъ дѣло съ одной стороны съ открытіемъ новой истины, а съ другой—съ ея провѣркой.*

Однако, *не слѣдуетъ думать, будто бы въ логикѣ содержатся ученія о правилахъ двухъ родовъ:* во-первыхъ, о правилахъ, соблюденіе которыхъ приводило бы насъ къ открытію новыхъ истинъ, каковое ученіе можно назвать и нерѣдко называютъ *логикой открытій*, и, во-вторыхъ, о правилахъ провѣрки открытій; а это ученіе для отличія отъ предположительно допускаемой логики открытій можно назвать и нерѣдко называютъ *логикой провѣрки.* Логика открытій, конечно, составила бы очень важную науку; и, начиная съ XIV ст. по XVII ст. включительно, нѣкоторые философы (Раймундъ Луллій, Джордано Бруно, Френсизъ Беконъ) пытались построить ее подъ именемъ ars inveniendi—„искусства открытій“. Но, въ концѣ концовъ, обнаружилось, что такая задача врядъ ли даже осуществима, и, по крайней мѣрѣ — въ настоящее время, приходится довольствоваться лишь логикой провѣрки.

3. Неосуществимость логики открытій. Возникновеніе новыхъ удачныхъ догадокъ зависитъ не отъ соблюденія тѣхъ или иныхъ правилъ мышленія, но отъ личныхъ дарованій, которыхъ нельзя замѣнить никакими правилами, и которыя въ каждомъ человѣкѣ дѣйствуютъ настолько своеобразными путями, что послѣдніе оказываются недоступными для другого человѣка, поставленнаго въ тѣ же самыя условія, и поэтому не укладываются въ общеобязательныя правила. При тѣхъ же самыхъ обстоятельствахъ, при которыхъ даровитый человѣкъ приходитъ къ блестящимъ открытіямъ, къ счастливымъ догадкамъ, у человѣка зауряднаго, лишеннаго научнаго творчества, не возникаетъ ровно никакой догадки, хотя бы онъ зналъ все, что извѣстно и первому. Во времена Архимеда многіе знали всю тогдашнюю физику и, садясь въ ванну, находились въ такихъ же условіяхъ, встрѣчали такія же явленія, какъ и Архимедъ; но только у него одного при этихъ условіяхъ явилась догадка о существованіи закона, названнаго его именемъ. Точно также во времена Ньютона всѣ образованные люди уже знали, что луна, вопреки закону инерціи, движется не по прямой линіи, а вокругъ земли, и вмѣстѣ съ тѣмъ постоянно наблюдали, что тѣло, лишенное подставки, падаетъ на землю; но одинъ лишь Ньютонъ догадался, что та же самая причина, которая заставляетъ яблоко падать на землю, принуждаетъ и луну какъ бы падать на землю, т.-е. двигаться не по прямой линіи, какъ это слѣдовало бы по закону инерціи, но описать кругъ возлѣ земли [1]). Ньютона однажды спросили, какъ онъ приходитъ къ своимъ удивительнымъ открытіямъ, и онъ сумѣлъ отвѣтить только такими словами: „постоянно думая о нихъ“. Слѣдовательно, онъ не подмѣтилъ никакихъ общихъ правилъ въ способѣ совершенія своихъ открытій, кромѣ необходимости упорнаго труда.

И современная логика (по крайней мѣрѣ та ея часть, которая настолько разработана, что ее можно преподавать всѣмъ и каждому, сдѣлать однимъ изъ предметовъ общаго, а не спеціальнаго образованія) составляетъ только логику провѣрки, т.-е. науку о правилахъ, которыя должны быть соблюдены при провѣркѣ уже возникшей догадки, чтобы выяснить, имѣетъ ли она право войти въ составъ знанія: *логика всегда предполагаетъ, что догадка уже возникла, и ведетъ рѣчь только о томъ, какъ ее провѣрить*. И это нужно твердо помнить при изученіи логики: иначе мы многаго не поймемъ въ ней, потому что станемъ искать въ ней отвѣты на такіе вопросы, которыхъ она не рѣшаетъ.

По всему этому, *если логика упоминаетъ о средствахъ, которыя въ рукахъ даровитаго человѣка содѣйствуютъ открытію новыхъ истинъ*,

---

[1]) Разсказы о способѣ открытія архимедова и ньютонова законовъ не могутъ быть подтверждены историческими документами, но это безразлично, потому что психологически-то они вполнѣ правдивы: они, все-таки, показываютъ, подъ вліяніемъ какихъ, всѣмъ доступныхъ, обстоятельствъ Архимедъ и Ньютонъ *могли* додуматься до своихъ догадокъ.

т.-е. имѣютъ эвристическое [1]) *значеніе, то только для того, чтобы ихъ не принимали ошибочно за годныя и для провѣрки мыслей, именно — для доказательствъ.* Дѣло въ томъ, что мы такіе способы мышленія, которые часто приводятъ къ удачнымъ догадкамъ, напр.—заключенія по аналогіи, ошибочно склоняемся считать за доказательства, между тѣмъ какъ они еще не годны для этой цѣли.

4. Независимость логики отъ психологіи. *Хотя логика изучаетъ мышленіе, но не слѣдуетъ думать ни того, что будто бы она составляетъ психологію мышленія* (т.-е. часть психологіи, посвященную изученію мышленія), *ни того, что будто бы она основывается на психологіи.* Психологіей же, какъ извѣстно, называется наука, изучающая всѣ душевныя явленія, въ томъ числѣ и явленія мышленія. Между логическимъ и психологическимъ изученіемъ мышленія существуетъ столь рѣзкая разница, что логика составляетъ не только особую науку сравнительно съ психологіей мышленія, но еще науку, вполнѣ самостоятельную относительно психологіи, независимую отъ нея, а вовсе не основанную на психологіи, и можно изучать логику, совсѣмъ не зная психологіи. Правда, логикѣ приходится по временамъ ссылаться на нѣкоторые психологическіе факты, но на такіе, что для удостовѣренія въ ихъ существованіи нѣтъ ни малѣйшей надобности въ изученіи психологіи, такъ что такими ссылками отнюдь не умаляется самостоятельность логики относительно психологіи. Это похоже на то, какъ при изученіи физики, напр., — свѣтовыхъ и звуковыхъ явленій, тоже приходится ссылаться на нѣкоторые психологическіе факты; но это нисколько не умаляетъ самостоятельности физики и не препятствуетъ изучать ее даже тѣмъ, кто не подозрѣваетъ о существованіи психологіи. Напр.: логикѣ приходится указывать на фактъ переживанія нами сужденій и умозаключеній; но вѣдь это то же самое, что и физикѣ приходится указывать на переживаніе нами свѣтовыхъ, звуковыхъ и тепловыхъ ощущеній. Ни въ томъ, ни въ другомъ случаѣ нѣтъ никакой надобности въ психологіи, чтобы удостовѣриться въ существованіи этихъ фактовъ, и не возникаетъ ни малѣйшей зависимости отъ нея. Точно также логикѣ приходится ссылаться на то, что мы въ состояніи *мыслить* (т.-е. переживать различныя сужденія и умозаключенія) о многомъ такомъ, чего мы не *представляемъ себѣ* и не въ силахъ *представить*, напр.— о четырехмѣрномъ пространствѣ, о чисто-духовныхъ сущностяхъ, въ родѣ души, о тріединомъ Богѣ и т. п. Но вѣдь это то же самое, какъ и физикѣ приходится указывать на то, что мы можемъ слышать недоступное зрѣнію и видѣть недоступное слуху и т. п.: нѣтъ никакой надобности изучать психологію, чтобы провѣрить эти ссылки.

Вообще запомнимъ хорошенько: *ошибочно думать, будто бы данная наука зависитъ отъ психологіи, коль скоро опирается на такъ называемые психологическіе факты, т.-е. на факты, которые должна изу-*

---

[1]) Слово „эвристическій“ происходитъ отъ греческаго εὑρίσκω (нахожу, открываю) и означаетъ „относящійся къ открытіямъ“, „содѣйствующій открытіямъ“.

чать психологія, или которые подлежатъ ея вѣдѣнію. Если бы эта мысль была вѣрна, то всѣ науки оказались бы основанными на психологіи; ибо всѣ онѣ опираются на какіе-нибудь психологическіе факты. Напр.: естественныя науки опираются на наши воспріятія данныхъ опыта; а эти воспріятія суть психологическіе факты, подлежатъ вѣдѣнію психологіи; и ученіе о воспріятіяхъ составляетъ наиболѣе разработанный отдѣлъ современной психологіи. Далѣе математика опирается на счетъ чиселъ, на сравненіе величинъ и т. п.; а все это (счетъ, сравненіе и т. д.) психологическіе факты. Если же явная нелѣпость, будто бы математика и естественныя науки зависятъ отъ психологіи или основываются на ней, то *наука только тогда зависитъ отъ психологіи, когда она опирается не просто на факты, изучаемые психологіей, но на психологическія ученія объ этихъ фактахъ*, напр.—на ученіе психологіи о составныхъ элементахъ того или другого факта, о зависимости даннаго психологическаго факта отъ другихъ фактовъ и т. п.

Удостовѣриться же въ полной независимости логики отъ психологіи, въ томъ, что первая вовсе не основывается на второй, можно слѣдующимъ путемъ: *всѣ науки, въ томъ числѣ и психологія, должны подчиняться логикѣ и ея правиламъ; поэтому сама-то логика съ своими правилами должна оставаться совершенно независимой отъ всѣхъ другихъ наукъ.* Иначе по какому праву мы стали бы оцѣнивать посредствомъ логики истинность той науки, отъ которой, по нашему мнѣнію, зависитъ логика? Это былъ бы явный кругъ въ разсужденіи. *Логика, построенная въ зависимости отъ чего бы то ни было, основанная на чемъ бы то ни было, кромѣ нея самой, можетъ быть только искаженіемъ всякой логики, нелогичной логикой.* Мы хотимъ обосновать логику на психологіи; но сама-то психологія имѣетъ ли право болтать все, что̀ ей вздумается? Если да, если она избавлена отъ обязанности подчиняться правиламъ логики о методахъ провѣрки мыслей, то основанная на *такой* психологіи логика можетъ быть только нелогичной; если же нѣтъ, если каждое слово психологіи, въ свою очередь, должно быть провѣряемо правилами логики, то, значитъ, послѣднія вовсе не основываются на психологіи, а существуютъ независимо отъ нея.

Замѣтимъ кстати: только-что изложенными соображеніями можно обнаружить и всю ошибочность мнѣнія Н. О. Лосскаго, будто бы логика должна опираться на такъ называемую гносеологію. (Это требованіе высказано имъ въ его брошюрѣ „Логика проф. А. И. Введенскаго“ Спб. 1912 г., напечатанной первоначально въ видѣ статьи въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“ за 1912 г.). А сама-то гносеологія, спросимъ мы Н. О. Лосскаго, имѣетъ ли право болтать все, что̀ ей вздумается, или же она тоже должна подчиняться логикѣ? Если должна, то логика оказывается независимой отъ гносеологіи и не имѣетъ права основываться на ней.

5. Главное отличіе логики отъ психологіи. Но когда говорятъ, будто бы логика *основывается* на психологіи мышленія, все-таки, еще отличаютъ ихъ другъ отъ друга, а только разсматриваютъ первую, какъ бы

прикладную часть второй. Но иной разъ думаютъ даже, будто бы логика и есть не что иное, какъ психологія мышленія, будто бы первая есть часть, выдѣленная изъ *всей* психологіи, подъ именемъ особой науки, будто бы логика разсматриваетъ относительно явленій мышленія точно такіе вопросы, какіе имѣетъ въ виду психологія относительно *другихъ* душевныхъ явленій, кромѣ мышленія. Но это глубоко ошибочный взглядъ: логика вовсе не составляетъ психологіи мышленія, и ни та, ни другая не могутъ замѣнять собой другъ друга. Логика и психологія мышленія, конечно, тѣсно *соприкасаются* другъ съ другомъ, ибо разсматриваютъ одинъ и тотъ же предметъ — мышленіе, но разсматриваютъ онѣ его *съ разныхъ точекъ зрѣнія;* поэтому и ихъ вопросы о мышленіи вовсе не совпадаютъ другъ съ другомъ, а какъ бы находятся въ разныхъ плоскостяхъ. *Разница между логической и психологической точкой зрѣнія на мышленіе состоитъ въ слѣдующемъ: психологія изучаетъ явленія мышленія, равно какъ и всѣ вообще душевныя явленія, безоцѣночнымъ образомъ, т.-е. она оставляетъ въ сторонѣ всѣ вопросы о правильности и ошибочности мышленія, а вмѣсто этого разсматриваетъ только, изъ какихъ неразложимыхъ дальше и несводимыхъ другъ на друга элементовъ душевной жизни слагаются переживанія или процессы явленій мышленія, будетъ ли оно правильнымъ или ошибочнымъ, это все равно. Сверхъ этого она выясняетъ, какъ эти переживанія зависятъ отъ памяти, воображенія, чувствъ и воли. Логика же, наоборотъ, разсматриваетъ въ мышленіи одну только правильность и ошибочность, независимо отъ того, каковъ составъ душевныхъ переживаній въ томъ и въ другомъ случаѣ, и какова связь этихъ переживаній съ другими явленіями душевной жизни.* Такимъ образомъ, логическая точка зрѣнія отличается отъ психологической, какъ *оцѣночная* отъ *безоцѣночной.*

Психологія вообще ставитъ своей цѣлью безоцѣночное изученіе душевныхъ явленій. Она разсматриваетъ ихъ просто, какъ данные въ опытѣ факты, стараясь выяснить, изъ какихъ неразложимыхъ и несводимыхъ другъ на друга элементовъ душевной жизни, и по какимъ именно законамъ слагается каждое душевное явленіе, въ какой зависимости отъ него находится переживаніе другихъ душевныхъ явленій, и какъ послѣднія, въ свою очередь, вліяютъ на данное явленіе. Напр., психологія разсматриваетъ наши чувства и страсти только для того, чтобы отвѣтить на всѣ подобные вопросы по поводу нихъ, а вовсе не для того, чтобы оцѣнивать ихъ съ этической точки зрѣнія. Такую оцѣнку психологія предоставляетъ этикѣ. Сообразно съ этимъ и мышленіе психологія разсматриваетъ независимо отъ оцѣнки его годности или негодности для расширенія знанія, а направляетъ свое вниманіе на сами душевныя переживанія, приписываемыя мышленію, на ихъ составъ, на ихъ зависимость отъ памяти, воображенія, чувствъ, воли и т. п. Логика же, наоборотъ, оцѣниваетъ годность всякаго способа мышленія для расширенія знанія, т.-е. его правильность, и описываетъ отличія правильнаго мышленія отъ неправильнаго, *независимо* отъ того, каковы

наши душевныя переживанія въ томъ и другомъ случаѣ, и каковы ихъ взаимоотношенія съ памятью, воображеніемъ, чувствами и волей.

При такомъ ограниченіи своихъ задачъ логика, конечно, вовсе не обязана объяснять, что̀ такое мышленіе, какова его природа, и каковы его отличія отъ дѣятельности памяти и воображенія. Это — задачи психологіи, а не логики. При изученіи же логики достаточно помнить, что *переживанія сужденій и умозаключеній всѣми принято называть мышленіемъ*. Дѣло въ томъ, что въ мышленіи логикѣ приходится затрогивать, именно, сужденія и умозаключенія. Даже о такъ называемыхъ понятіяхъ она принуждена говорить, какъ мы скоро увидимъ, только потому, что они встрѣчаются въ каждомъ сужденіи. Поэтому для логики безразлично, относится ли къ мышленію еще что-нибудь, кромѣ сужденій и умозаключеній, или же все оно исчерпывается переживаніемъ однихъ только этихъ явленій. Но для нея до нѣкоторой степени важно, что переживанія сужденій и умозаключеній всѣми безъ всякаго спора причисляются къ мышленію: иначе, чего добраго, возникли бы споры, имѣетъ ли она право называться *логикой*, т.-е. наукой о *мышленіи*. Вѣдь въ буквальномъ переводѣ слово „логика“ означаетъ „относящееся къ мышленію“.

Такимъ образомъ, во всемъ нашемъ изложеніи *слово „мышленіе“ обозначаетъ переживанія сужденій или умозаключеній*, при чемъ намъ рѣшительно все равно, изъ какихъ элементовъ душевной жизни состоятъ эти переживанія, потому-что логика изучаетъ только правильность и ошибочность нашего обращенія съ сужденіями и умозаключеніями. Но, какъ мы скоро убѣдимся, каждое сужденіе можно разсматривать, какъ бы составленное изъ двухъ понятій. Поэтому про понятія всегда говорятъ, что они *мыслятся*, а не представляются нами, потому-что про сужденія, коль скоро ихъ переживанія называются *мышленіемъ*, приходится говорить, что они *мыслятся*, а не представляются нами.

6. Логика и психологія сужденій. Но почему логика должна разсматривать сужденія и умозаключенія, и какіе основные вопросы должна она имѣть въ виду при ихъ изученіи въ отличіе отъ психологіи, которая тоже изучаетъ ихъ?

Сужденіями логика издавна назвала такія мысли (о переживаніи которыхъ намъ безпрестанно свидѣтельствуетъ наше самонаблюденіе), *въ которыхъ мы что-либо утверждаемъ или отрицаемъ о чемъ-либо;* а вслѣдъ за логикой это же самое названіе усвоила для нихъ и психологія. Напр., мысли, высказанныя въ двухъ слѣдующихъ предложеніяхъ: „металлы — проводники электричества“ и „киты не рыбы“, называются сужденіями. *Изъ сужденій-то, а не изъ какихъ-либо другихъ мыслей*, какъ бы ихъ ни называла психологія или обыденная жизнь, *и состоитъ знаніе:* другія мысли — понятія, представленія и т. п. — входятъ въ составъ знанія лишь постольку, поскольку онѣ служатъ составными частями сужденій. Въ самомъ дѣлѣ:

Знаніе должно состоять не иначе, какъ изъ *истинныхъ* мыслей; *истин-*

ными же и ложными могутъ быть только сужденія, а не отдѣльно взятыя понятія или представленія и другія мысли, какъ бы онѣ ни назывались въ психологіи и обыденной жизни. Напр.: каково бы ни было по своему содержанію отдѣльно взятое понятіе, въ немъ еще нѣтъ ни истины, ни лжи, а та или другая появляются лишь съ того момента, когда мы сдѣлаемъ это понятіе частью какого-нибудь сужденія. Такъ, возьмемъ понятіе *завѣдомо несуществующаго* предмета, именно—трехголоваго человѣка. Въ немъ самомъ по себѣ еще нѣтъ никакой лжи, равно какъ и никакой истины. И только тогда возникнетъ ложь или истина, когда мы сдѣлаемъ это понятіе частью слѣдующихъ сужденій: „трехголовый человѣкъ существуетъ“ (ложь); „трехголовыхъ людей нѣтъ“ (истина); „Адамъ былъ трехголовымъ человѣкомъ“ (ложь); „онъ не былъ трехголовымъ человѣкомъ“ (истина). Возьмемъ теперь, наоборотъ, понятіе предмета, *завѣдомо существующаго*, хотя бы луны. Въ немъ самомъ по себѣ нѣтъ никакой истины, равно какъ и никакой лжи. Но та или другая окажется только въ тѣхъ сужденіяхъ, частью которыхъ будетъ служить это понятіе, напр., въ такихъ сужденіяхъ: „луна вращается вокругъ земли“ (истина); „луна больше солнца“ (ложь) и т. п.

Если же знаніе состоитъ изъ сужденій, то *логика должна выяснить, какъ провѣряются различныя сужденія*. А для этого, въ свою очередь, она предварительно должна дать отчетъ, *что именно мыслится въ нихъ, какъ они видоизмѣняются, и при какихъ видоизмѣненіяхъ имѣютъ наибольшее значеніе для знанія*. Вотъ только эти вопросы логика и имѣетъ въ виду относительно сужденій. Самое же переживаніе сужденій, тѣ элементы душевной жизни, изъ которыхъ состоитъ это переживаніе, его зависимость отъ ея другихъ явленій и его вліянія на нихъ,—все это логикой оставляется въ сторонѣ и должно изучаться не ею, но психологіей, которая, въ свою очередь, оставляетъ въ сторонѣ логическіе вопросы о сужденіяхъ [1]).

---

[1]) Н. О. Лосскій, критикуя въ уже упомянутой брошюрѣ „Логика проф. А. И. Введенскаго“ предшествующее изданіе этой книги, вѣроятно, не доглядѣлъ ни только-что изложеннаго мѣста главнаго текста, ни перваго параграфа слѣдующей главы, или же совершенно не понялъ связи этихъ двухъ мѣстъ съ содержаніемъ книги. Только этимъ и можно объяснить его упрекъ мнѣ, будто бы въ моей книгѣ вовсе нѣтъ теоріи сужденій. Онъ доказываетъ этотъ упрекъ слѣдующимъ образомъ: нельзя же, говоритъ онъ, считать теоріей сужденій простого упоминанія, что логика издавна назвала сужденіями такія мысли, въ которыхъ мы что-либо утверждаемъ или отрицаемъ о чемъ-нибудь, и на *цѣлыхъ двухъ* страницахъ расписываетъ, почему нельзя. На это доказательство отвѣчу очень коротко: конечно, нельзя, потому что въ этомъ упоминаніи содержится простое указаніе тѣхъ фактовъ, которые логика условливается называть сужденіями, а вовсе не ученіе объ этихъ фактахъ. По существу же отвѣчу такъ на упрекъ Н. О. Лосскаго: изъ только-что изложеннаго мѣста главнаго текста видно, что *логической* теоріей сужденій служитъ вся логика цѣликомъ. До психологическихъ же и метафизическихъ теорій (въ томъ числѣ и до метафизико-психологической теоріи самого Н. О. Лосскаго, которую онъ ошибочно называетъ гносеологической) логикѣ нѣтъ никакого дѣла. Моя же книга умышленно обходитъ молчаніемъ

7. Логика и психологія умозаключеній. *Умозаключеніемъ въ логикѣ называется такое соединеніе двухъ или большаго числа сужденій, относительно котораго намъ, по крайней мѣрѣ, кажется, что съ однимъ изъ нихъ насъ принуждаютъ соглашаться остальныя, если мы согласимся съ каждымъ изъ этихъ остальныхъ.* Напр., къ умозаключеніямъ принадлежатъ два слѣдующихъ *соединенія* сужденій: 1) „собака животное; слѣд., голова собаки есть голова животнаго"; 2) „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги; слѣд., и ртуть упруга". Въ умозаключеніи то сужденіе, соглашаться съ которымъ насъ принуждаютъ (или, по крайней мѣрѣ, кажется, что принуждаютъ) остальныя, называются *выводомъ или заключеніемъ*. Въ нашихъ примѣрахъ выводами служатъ сужденія: „голова собаки есть голова животнаго" и „ртуть упруга". Сужденія же, которыя принуждаютъ (или, по крайней мѣрѣ, кажутся принуждающими) соглашаться съ выводомъ, называются *посылками*. Въ первомъ примѣрѣ одна посылка „собака—животное", а во второмъ ихъ двѣ: „ртуть — жидкость" и „всѣ жидкости упруги".

Въ нѣкоторыхъ умозаключеніяхъ намъ только кажется съ перваго взгляда, что ихъ посылки принуждаютъ соглашаться съ выводомъ, а при ближайшемъ разсмотрѣніи обнаруживается, что въ дѣйствительности нѣтъ такого принужденія. Всѣ подобныя умозаключенія логика называетъ *неправильными или ошибочными*. Тѣ же умозаключенія, въ которыхъ посылки дѣйствительно принуждаютъ соглашаться съ выводомъ, логика называетъ *правильными*. Про выводъ *правильныхъ* умозаключеній въ логикѣ принято говорить, что выводъ въ нихъ *вытекаетъ*, или *слѣдуетъ*, или *получается изъ посылокъ*. Про выводъ же *неправильныхъ* принято говорить, что въ нихъ выводъ не вытекаетъ, не слѣдуетъ, не получается изъ посылокъ, а также, что онъ ошибочно выведенъ или ошибочно полученъ изъ посылокъ. Связь вывода съ его посылками или зависимость вывода отъ посылокъ въ правильныхъ умозаключеніяхъ принято называть *логической связью или логической зависимостью*. Въ неправильныхъ же умозаключеніяхъ, разумѣется, нѣтъ логической связи между выводами и посылками, а она только кажется тамъ существующей. Связь правильнаго вывода съ посылками потому называется логической, что она-то и изучается логикой въ умозаключеніяхъ, а сверхъ того она, какъ мы узнаемъ въ свое время, требуется при данныхъ посылкахъ логическими законами мышленія.

Причина, по которой логика изучаетъ умозаключенія, состоитъ въ

даже и многія дополненія къ *логической* теоріи, именно — тѣ, которыя, можетъ быть, говорятъ святую истину, да не имѣютъ пока никакого, ни философскаго, ни утилитарнаго, значенія. Обыкновенно ихъ механически присоединяютъ къ тѣмъ ученіямъ, которыя изложены въ III и IV главѣ моей книги. Причины же, по которымъ я умышленно умалчиваю объ этихъ дополненіяхъ, встрѣчаемыхъ у многихъ современныхъ авторовъ, подробно объяснены въ первомъ параграфѣ слѣдующей, т.-е. II-ой главы этой книги.

томъ, что *правильныя умозаключенія вполнѣ пригодны для провѣрки сужденій, если только они состоятъ изъ истинныхъ посылокъ.* Напр., въ математикѣ мы безпрерывно пользуемся для этой цѣли именно умозаключеніями. Конечно, благодаря умозаключеніямъ, у насъ, сверхъ того, часто возникаютъ удачныя догадки, открываются новыя истины; однако, это обстоятельство еще не могло бы принудить логику изучать умозаключенія, если она уже рѣшила быть только логикой провѣрки (см. стр. 3). Но она должна изучать ихъ, коль скоро они пригодны для провѣрки сужденій, именно — *логика должна: 1) выяснить тѣ правила, при соблюденіи которыхъ (умышленномъ или неумышленномъ, это все равно) посылки дѣйствительно принуждаютъ согласиться съ выводомъ, и 2) съ помощью этихъ правилъ выслѣдить и описать всѣ встрѣчающіяся на дѣлѣ ошибки въ умозаключеніяхъ.*

Кромѣ же этихъ двухъ задачъ, логика ничего другого не изучаетъ въ умозаключеніяхъ, предоставляя въ нихъ все остальное психологіи. Именно: логика вовсе не разсматриваетъ тѣхъ душевныхъ переживаній, посредствомъ которыхъ возникаютъ, или образовываются, въ нашихъ мысляхъ соединенія сужденій въ видѣ вывода и посылокъ, т.-е. въ видѣ умозаключеній. Напротивъ, логика разсматриваетъ только *готовыя* соединенія сужденій въ видѣ выводовъ и посылокъ. Точно также логика не говоритъ о тѣхъ душевныхъ переживаніяхъ, которыя доводятъ насъ до ошибокъ въ умозаключеніяхъ, т.-е. не говоритъ о происхожденіи ошибокъ, а ограничивается только указаніемъ, въ чемъ именно *состоятъ* эти ошибки въ ихъ *готовомъ* видѣ. Такимъ образомъ, *разница между логическимъ и психологическимъ изученіемъ умозаключеній состоитъ въ томъ, что логика имѣетъ въ виду одну лишь правильность и неправильность готоваго соединенія вывода съ посылками, независимо отъ того, путемъ какихъ душевныхъ переживаній возникаютъ эти соединенія; психологія же разсматриваетъ именно эти душевныя переживанія, а вовсе не правильность или ошибочность соединенія вывода съ посылками.*

Въ связи съ этимъ находится и тотъ языкъ, которымъ должна пользоваться наука, говоря объ умозаключеніяхъ, именно:

1. Хотя слово „умозаключеніе“ люди, мало заботящіеся о точности своего языка, нерѣдко употребляютъ для обозначенія того душевнаго переживанія, посредствомъ котораго въ нашихъ мысляхъ *возникаетъ* выводъ, когда нами мыслятся посылки, и устанавливается этимъ путемъ соединеніе вывода съ посылками, но его слѣдуетъ употреблять только въ смыслѣ *готоваго* соединенія сужденій въ видѣ выводовъ и посылокъ. Поэтому, если почему-нибудь приходится упомянуть о томъ душевномъ переживаніи, съ помощью котораго возникаетъ это соединеніе, то для избѣжанія всякой двусмысленности необходимо называть его „переживаніемъ умозаключенія“, „происходящимъ при умозаключеніи переживаніемъ“ и т. п., но отнюдь не просто умозаключеніемъ.

2. Слова „выводъ вытекаетъ, получается изъ посылокъ“ и т. п.,

никогда не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ того душевнаго переживанія, которое приводитъ къ возникновенію вывода изъ этихъ посылокъ. Подъ ними надо подразумѣвать только то, что выводъ находится въ логической связи съ посылками, что онѣ дѣйствительно принуждаютъ соглашаться съ нимъ.

8. Пункты, въ которыхъ психологія сама основывается на логикѣ. Изъ сейчасъ сказаннаго ясно, что, на-ряду съ изученіемъ умозаключеній съ логической точки зрѣнія, должно быть и психологическое, направленное на разсмотрѣніе душевныхъ переживаній, происходящихъ при умозаключеніяхъ. Въ него-то должно войти и объясненіе тѣхъ причинъ, по которымъ умозаключенія, оцѣниваемыя логикой, какъ ошибочныя, кажутся кому-нибудь правильными. Сама логика, разумѣется, не въ силахъ разрѣшить эту задачу, потому что ея собственная работа ограничивается лишь указаніемъ, въ чемъ *состоитъ* правильность и ошибочность соединенія даннаго вывода съ данными посылки, *независимо* отъ тѣхъ переживаній, которыя привели насъ къ этому соединенію. Психологія же, разсматривающая именно эти переживанія и вліяніе на ихъ ходъ со стороны другихъ душевныхъ явленій, имѣетъ въ своемъ распоряженіи всѣ средства для объясненія, почему во время этихъ переживаній логически неправильное соединеніе вывода съ посылками иногда принимаютъ за правильное.

Такимъ образомъ, *ошибочныя умозаключенія, да и вообще всѣ логическія ошибки образуютъ собой тѣ пункты, въ которыхъ особенно тѣсно соприкасаются между собой логика и психологія мышленія.* Но, какъ видимъ, это соприкосновеніе отнюдь не образуетъ ихъ тожества между собой, а тѣмъ болѣе—зависимости логики отъ психологіи, обоснованія логическихъ ученій психологическими. Напротивъ: *въ этихъ пунктахъ психологія зависитъ отъ логики и основывается на предварительномъ изученіи логики.* Вѣдь нельзя же объяснять, по какимъ причинамъ возникаютъ и остаются незамѣтными логическія ошибки, когда еще неизвѣстно, въ чемъ именно состоитъ каждая изъ нихъ, чѣмъ, напр., отличается неправильное умозаключеніе (т.-е. неправильное соединеніе вывода съ посылками) отъ правильнаго. Очевидно, часть вопросовъ, подлежащихъ вѣдѣнію психологіи мышленія, возникаютъ только потому, что существуетъ независимая отъ нея логика; и въ этомъ сказывается зависимость психологіи мышленія отъ логики.

9. Двоякій вредъ, причиняемый психологіи ея смѣшеніемъ съ логикой. Понявъ всю глубину отличій логики отъ психологіи, легко понять, какъ вредно и для той и для другой науки сильное распространеніе ихъ смѣшенія и ихъ подмѣны другъ другомъ.

Въ психологіи это приводитъ, во-первыхъ, къ тому, что психологія мышленія остается въ крайне неразработанномъ видѣ, особенно же психологія умозаключеній: послѣдней, можно сказать, еще вовсе не существуетъ. Въ наиболѣе распространенныхъ учебникахъ психологіи мы замѣчаемъ, что объ умозаключеніяхъ или вовсе не говорятъ, или же повторяютъ въ не-

обычайно сжатыхъ чертахъ то же самое, что говорится въ логикѣ [1]). Что можетъ быть полезнѣе для педагога, чѣмъ психологическое объясненіе всевозможныхъ логическихъ ошибокъ? Но самыя подробныя руководства психологіи упорно молчатъ о нихъ. Разумѣется, если мы вообразили, будто бы логика составляетъ психологію мышленія, то намъ покажется совершенно ненужнымъ въ психологіи особое ученіе о томъ самомъ, о чемъ уже говорится въ логикѣ.

Во-вторыхъ, этимъ смѣшеніемъ внушаются ложные взгляды на причисляемыя къ мышленію душевныя переживанія: они невольно *логизируются* въ нашихъ глазахъ, т.-е. представляются происходящими только по образцу тѣхъ схемъ, которыя логика устанавливаетъ для поясненія особенностей правильнаго мышленія, между тѣмъ какъ самонаблюденіе свидѣтельствуетъ, что эти схемы далеко не всегда совпадаютъ съ душевными переживаніями, а иногда сильно расходятся съ ними. И въ этомъ несовпаденіи нѣтъ ничего удивительнаго; ибо всѣ логическія схемы устанавливаются для поясненія такихъ особенностей правильнаго мышленія, которыя подмѣчаются въ немъ, при его разсмотрѣніи и сравненіи съ неправильнымъ, *независимо* отъ происходящихъ въ томъ и другомъ случаѣ душевныхъ переживаній [2]).

10. Двѣ причины произвола въ логикѣ, обосновываемой на психологіи. Психологическая неразличимость вѣры и знанія. Что же касается вреда, причиняемаго логикѣ вслѣдствіе ея смѣшенія съ психологіей, то въ тѣхъ случаяхъ, когда такое смѣшеніе сказывается въ видѣ попытокъ обосновывать правила логики на психологіи, это должно вести къ всевозможнѣйшему произволу во взглядахъ на эти правила. Не говоря уже о томъ, что психологія мышленія одна изъ самыхъ неразработанныхъ областей психологіи, что въ ней все спорно, уже самое рѣшеніе производить *оцѣнку* правильности и неправильности мышленія путемъ его *безоцѣночнаго* разсмотрѣнія содержитъ въ себѣ величайшій произволъ, который непремѣнно долженъ повесть къ произволу и въ окончательныхъ выводахъ. *Посредствомъ умозаключеній въ выводѣ мы можемъ правильно получить расширеніе знанія только о такихъ понятіяхъ, которыя уже находятся въ посылкахъ.* (Особенно сильно это кинется въ глаза, когда мы систематически разсмотримъ въ логикѣ всѣ до одного умозаключенія). Напр., изъ посылокъ: „ртуть — жидкость; всѣ жидкости упруги“, очевидно, нельзя иначе, какъ путемъ явнаго произвола, вывесть никакого расширенія знанія ни о металлахъ, ни о простыхъ тѣлахъ, ни о проводимости ртутью электричества и т. п., а можно расширять знаніе только о понятіяхъ, уже находящихся въ этихъ посылкахъ. Въ силу этого правила изъ безоцѣночнаго изученія

---

[1]) Исключеніе составляетъ „Психологія безъ всякой метафизики“ А. И. Введенскаго, Спб. 1914 г.; но эта книга только-что вышла и уже по одному этому не можетъ называться распространенной.

[2]) Примѣры логизированія мышленія, именно — логизированія тѣхъ душевныхъ переживаній, которыя происходятъ при умозаключеніяхъ, см. въ „Психологіи безъ всякой метафизики“ А. И. Введенскаго, Спб. 1914 г., стр. 226 и 235—237.

какихъ-либо фактовъ, *изъ безоцѣночныхъ посылокъ* по поводу нихъ, и выводить правильно можно только *безоцѣночныя заключенія*, но отнюдь не оцѣночныя. *Изъ психологическаго разсмотрѣнія мышленія можно правильно выводить только психологическія же, а не логическія заключенія о немъ.* Если же мы заранѣе рѣшили во что бы то ни стало присоединять къ безоцѣночнымъ, психологическимъ посылкамъ, говорящимъ о мышленіи, выводы оцѣночные, относящіеся къ логикѣ, то послѣдніе могутъ быть выведены изъ такихъ посылокъ только кажущимся образомъ; а поэтому такіе выводы часто могутъ оказаться ложными. Это все равно, какъ если бы мы рѣшили, во что бы то ни стало, отвѣтить на такой вопросъ: „на пароходѣ везли столько-то грузу, столько-то пассажировъ и столько-то человѣкъ команды; сколько лѣтъ капитану этого парохода?“

Есть еще другая, и притомъ важнѣйшая, причина, вслѣдствіе которой всякая попытка обосновывать логику на психологіи должна вести къ всевозможнѣйшему произволу въ нашихъ взглядахъ на условія расширенія знанія и годности мышленія для его расширенія. Эта причина состоитъ въ томъ, что *знаніе и вѣра психологически ровно ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга; разница между ними получается при ихъ разсмотрѣніи не съ психологической, а съ логической точки зрѣнія на мышленіе.* Поэтому если мы станемъ обосновывать на психологіи свои заключенія объ условіяхъ годности мышленія для расширенія знанія, то они, по меньшей мѣрѣ, окажутся произвольными, а иногда прямо таки ложными по существу: вѣдь у насъ не будетъ никакихъ средствъ различить, имѣемъ ли мы въ виду условія расширенія знанія или расширенія вѣры; а мы, между тѣмъ, взялись говорить объ условіяхъ годности мышленія для расширенія *знанія*. При такихъ условіяхъ подъ видомъ знанія мы сплошь да рядомъ будемъ говорить о томъ, что составляетъ и можетъ составлять всего только вѣру. Теперь все дѣло въ одномъ: дѣйствительно ли знаніе и вѣра психологически ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга?

Что такое знаніе и вѣра, если ихъ разсматривать психологически? Переживанія увѣренности въ истинности нѣкоторыхъ нашихъ мыслей: гдѣ нѣтъ такого переживанія, гдѣ мысль присутствуетъ въ сознаніи просто, безъ всякаго вопроса объ ея истинности, или же гдѣ этотъ вопросъ и возникаетъ въ сознаніи по поводу данной мысли, да нѣтъ вмѣстѣ съ тѣмъ увѣренности въ ея истинности, не можетъ быть никакой рѣчи ни о вѣрѣ, ни о знаніи. Поэтому и нашъ вопросъ объ ихъ психологическомъ различіи сводится къ такому: существуетъ ли какая-либо психологическая, т.-е. находящаяся въ самомъ переживаніи, разница въ увѣренности, бывающей при вѣрѣ и знаніи? Ровно никакой. Въ самомъ дѣлѣ: *качественно* оба эти переживанія увѣренности, очевидно, не отличаются другъ отъ друга, такъ какъ иначе нельзя было бы смѣшивать ихъ другъ съ другомъ, ошибочно принимать вѣру за знаніе, между тѣмъ какъ мы безпрестанно встрѣчаемъ подобное смѣшеніе. *Количественной* разницы между ними тоже нѣтъ никакой; ибо и вѣра, и знаніе могутъ быть одинаково твердыми, одинаково

непоколебимыми, съ одинаковой силой исключать какія бы то ни было сомнѣнія. Ошибочно думать, будто бы знаніе отличается большей *степенью* увѣренности, чѣмъ вѣра. Напротивъ, вѣра иной разъ доходитъ до того, что считаетъ себя неподлежащей никакимъ сомнѣніямъ, объявляетъ явно нелѣпыми всякія сомнѣнія въ ея истинности. Наконецъ, послѣдній доводъ: путемъ самонаблюденія всякій согласится, что *сомнѣніе психологически противоположно и вѣрѣ, и знанію.* Но какъ могло бы оно быть *психологической* противоположностью *одновременно* и съ вѣрой, и съ знаніемъ, если бы между послѣдними существовала какая-либо *психологическая* разница? Тогда, будучи противоположно съ однимъ изъ нихъ, оно не могло бы быть вмѣстѣ съ тѣмъ противоположно и съ другимъ. Если сѣверъ и западъ не одно и то же, то югъ не можетъ быть противоположнымъ и съ тѣмъ, и съ другимъ. Но если сѣверъ, т.-е. сторона горизонта, находящаяся противъ насъ, когда солнце восходитъ вправо отъ насъ, и та сторона горизонта, которая лежитъ по направленію къ полярной звѣздѣ, одно и то же, то югъ окажется противоположнымъ и съ той, и съ другой.

Разница между вѣрой и знаніемъ появляется только въ томъ случаѣ, когда мы разсматриваемъ ихъ не психологически, но чисто логически, т.-е. когда обращаемъ вниманіе не на происходящія при нихъ переживанія увѣренности, а только на то, *какъ и чѣмъ доказывается* истинность мыслей, причисляемыхъ къ вѣрѣ и знанію. Поэтому если бы на-ряду съ психологической точкой зрѣнія на мышленіе не было логической, то у насъ не было бы понятій вѣры и знанія, а были бы только понятія увѣренности и сомнѣнія, съ одной стороны, а съ другой—понятія мыслей, въ истинности которыхъ мы увѣрены, и мыслей, въ истинности которыхъ мы неувѣрены. Раздѣлять же тѣ мысли, въ истинности которыхъ мы увѣрены, на принадлежащія къ вѣрѣ и знанію, впервые принуждаетъ разсмотрѣніе ихъ не съ психологической, безоцѣночной, а съ чисто-*логической*, съ оцѣночной точки зрѣнія, хотя бы оно производилось безъ предварительнаго научнаго изученія логики: тогда одна часть этихъ мыслей оцѣнивается иначе, чѣмъ другая, и пріобрѣтаетъ одно названіе, а другая другое, именно — „знаніе“ и „вѣра“. При этомъ ошибочно думать, что для примѣненія къ дѣлу логической точки зрѣнія нужно предварительное существованіе логики. Напротивъ, возникновеніе самой-то логики возможно только въ томъ случаѣ, если уже стали сознавать логическую точку зрѣнія на мышленіе. Поэтому раздѣленіе мыслей, сопровождаемыхъ увѣренностью въ ихъ истинности, на вѣру и знаніе, конечно, возникло еще до появленія логики. Послѣ же того, какъ возникла логика, одна изъ ея обязанностей состоитъ въ указаніи, какимъ требованіямъ должны удовлетворять мысли, въ истинности которыхъ мы увѣрены, чтобы онѣ имѣли право считаться знаніемъ. А когда это будетъ сдѣлано, то легко будетъ опредѣлить, что́ такое *вѣра, если ее разсматривать съ логической точки зрѣнія;* ибо съ этой точки зрѣнія *вѣра есть остатокъ, получаемый чрезъ вычитаніе всего знанія изъ совокупности тѣхъ мыслей, которыя сопровождаются увѣренностью въ ихъ истинности.* Надо только выяснить до-

чускаемыя логикой границы знанія. Для вѣры же, разумѣется, не можетъ быть никакихъ подобныхъ границъ, и къ ней придется относить самыя разнообразныя мысли: на-ряду со всевозможнымъ вздоромъ, въ истинности котораго мы почему-нибудь увѣрены, тутъ окажутся и наиважнѣйшія по своему содержанію мысли—религіозная вѣра. И такое сосѣдство нисколько не шокируетъ послѣднихъ, потому что оно возникаетъ только при разсмотрѣніи нашихъ мыслей съ чисто-логической точки зрѣнія; а это, разумѣется, нисколько не препятствуетъ ихъ глубокому различію въ ихъ важности.

11. Вредъ для логики отъ механическаго переплетенія ея съ психологіей. Причины ложнаго мнѣнія о трудности логики. Мы пока говорили только о такомъ смѣшеніи логики съ психологіей, при которомъ первую стараются превратить въ выводы изъ второй, обосновываютъ положенія логики психологіей. Но это смѣшеніе можетъ принять и форму механическаго переплетенія логики съ психологіей мышленія, т.-е. послѣднюю можно безпрестанно втискивать въ первую. Тогда возникнетъ слѣдующій вредъ для логики: она утратитъ связность и цѣльность содержанія и будетъ казаться очень трудной. Въ самомъ дѣлѣ: сплетенная съ инороднымъ содержаніемъ, она пріобрѣтаетъ характеръ чисто-механическаго соединенія разрозненныхъ ученій, неимѣющихъ между собой никакой внутренней связи и поэтому утрачивающихъ всякій смыслъ. А такъ какъ читатель невольно думаетъ, что эти постороннія примѣси должны же имѣть въ ней какой-либо смыслъ, что онѣ, навѣрное, нужны для изложенія логики, а не зря втиснуты въ нее, но не усматриваетъ въ нихъ никакой связи съ дальнѣйшимъ, то ему, конечно, приходитъ въ голову, будто бы логика такъ трудна, что рѣдко кто въ силахъ понять ее, что большинство можетъ ее только заучить наизусть, но отнюдь не понять. Въ дѣйствительности же это самая легкая изо всѣхъ философскихъ наукъ. И если рѣчь идетъ не о кажущемся, но о подлинномъ изученіи науки, то учащіеся усваиваютъ логику неизмѣримо легче, чѣмъ психологію. Пусть нѣкоторые изъ нихъ утверждаютъ, будто бы логика очень трудна, во всякомъ случаѣ — гораздо труднѣе психологіи. Это — ошибочное мнѣніе, которое возникаетъ по тремъ слѣдующимъ причинамъ:

1. *Вслѣдствіе наклонности подмѣнивать знаніе предмета*, изучаемаго въ какой-либо наукѣ и пріобрѣтаемаго путемъ собственно личнаго разсматриванія этого предмета (при чемъ книгами слѣдуетъ пользоваться только, какъ средствомъ, объясняющимъ, на что именно, и въ какомъ порядкѣ въ немъ надо обращать вниманіе), *знаніемъ однихъ лишь чужихъ мыслей о немъ*, изложенныхъ въ разныхъ книгахъ. Такой подмѣной страдаютъ иногда даже вполнѣ зрѣлые ученые: у иного вся его ученость почти сполна сводится къ тому, что онъ усвоилъ и скомпилировалъ мысли разныхъ другихъ ученыхъ безъ всякаго собственнаго разсмотрѣнія изучаемаго ими предмета, а только провѣряя ихъ другъ другомъ. О молодежи же нечего и говорить: среди нея въ этой подмѣнѣ доходятъ до того, что иногда вѣрятъ въ возможность знать исторію литературы, не прочитавши ни одного литературнаго памятника. Оттого-то молодежь такъ охотно кидается глотать сразу множе-

ство книгъ раньше, чѣмъ съ помощью внимательнаго чтенія и перечитыванія одной и той же книги, посвященной изученію какого-либо предмета, научится разсматривать самостоятельно, т.-е. собственными глазами, этотъ предметъ, такъ, чтобы провѣрять все сказанное въ любой книгѣ не другими книгами, а путемъ собственнаго сравненія сказаннаго въ провѣряемой книгѣ съ самимъ предметомъ, о которомъ въ ней говорится. Молодежь обыкновенно и не подозрѣваетъ сильнаго вреда отъ преждевременнаго глотанія помногу книгъ. Въ психологіи же очень легко достигается указанная подмѣна: въ ней сплошь да рядомъ усваиваютъ однѣ лишь чужія мысли по поводу душевныхъ явленій, никогда не разсматривая ихъ путемъ собственнаго самонаблюденія надъ ними. А въ логикѣ усвоить какія бы то ни было ученія можно только въ томъ случаѣ, если самъ разсмотришь то, о чемъ говорится въ нихъ. Отсюда и возникаетъ ложное мнѣніе о трудности логики у тѣхъ, кто безпрестанно поддается наклонности подмѣнивать изученіе самого предмета изученіемъ чужихъ мыслей о немъ. Но кто твердо держится правила, что изученіе науки состоитъ въ собственноличномъ розсмотрѣніи ея предмета, никогда не скажетъ, будто бы логика труднѣе психологіи, напротивъ—быстро убѣдится, что она едва-ли не легче психологіи. Средствомъ же, которое въ логикѣ противодѣйствуетъ наклонности подмѣнивать знаніе предмета знаніемъ чужихъ мыслей о немъ, служитъ то правило, чтобы не ограничиваться разсмотрѣніемъ однихъ лишь поясните́льныхъ примѣровъ, которые приводятся въ книгѣ, но нужно провѣрять все сказанное въ ней и другими примѣрами, какъ приводимыми въ задачникахъ для упражненій, такъ и тѣми, которые долженъ подмѣчать самъ изучающій и въ мышленіи обыденной жизни, и въ знакомыхъ ему наукахъ.

2. *Логика наука точная и требуетъ, чтобы мы употребляли всѣ установленные ею термины только въ томъ смыслѣ, какой она условилась придавать имъ, и чтобы вообще мы точно высказывались обо всемъ указываемомъ ею въ мышленіи:* въ противномъ случаѣ все, что́ мы узнаемъ изъ нея, быстро спутается между собой и испарится изъ памяти. Многіе же не обращаютъ ни малѣйшаго вниманія на свою рѣчь и обо всемъ выражаются въ высшей степени небрежно и неточно. А это приводитъ къ мнѣнію, что хотя понять логику, пожалуй, и легко, все сразу въ ней ясно, но очень трудно усвоить ее: почти тотчасъ же все узнанное вылетаетъ изъ головы. Но этому горю очень легко помочь. Надо только внимательно наблюдать за своими выраженіями, именно: надо привыкнуть къ тому, чтобы высказывать каждымъ изъ нихъ не больше и не меньше, чѣмъ мы хотѣли сказать; а для достиженія этой цѣли надо постоянно давать себѣ отчетъ, почему мы употребляемъ такое, а не другое выраженіе.

3. Наконецъ, нѣкоторымъ учащимся логика кажется непреодолимо трудной вслѣдствіе того поразительнаго невѣжества, съ какимъ они пошли въ высшую школу: они не въ силахъ понять содержаніе даже самыхъ легкихъ научныхъ примѣровъ, заимствованныхъ изъ гимназическаго курса математики, физики и т. п., а поэтому не въ силахъ понять и то, что́ говорится

Библиотека Императорской Академии

логикой съ помощью этихъ примѣровъ о научныхъ методахъ. Но это уже вина ихъ самихъ, а не логики, которая, конечно, назначена не для тѣхъ, кто ничего не знаетъ и раньше ничему не научился.

ГЛАВА II.

Значеніе логики. Логика и философія.

1. Возможныя значенія каждой науки. Каждая наука *должна* имѣть смыслъ, оправдывающій ея изученіе, а не быть просто умственнымъ спортомъ, который не имѣетъ иного значенія, кромѣ интереса къ нему. А можетъ наука имѣть смыслъ только въ томъ случаѣ, если она имѣетъ либо утилитарное (отъ utilis—полезный), либо философское значеніе. Подъ утилитарнымъ значеніемъ данной науки подразумѣвается или возможность прямо примѣнять доставляемыя этой наукой свѣдѣнія къ улучшенію нашей жизни, или возможность при ея помощи содѣйствовать этому улучшенію косвеннымъ путемъ, именно—содѣйствуя развитію другой науки, имѣющей прямое утилитарное значеніе. Такъ, утилитарное значеніе физики и химіи состоитъ въ томъ, что при ихъ помощи можно улучшать наше матеріальное благосостояніе, а сверхъ того еще въ томъ, что онѣ содѣйствуютъ развитію физіологіи, которая помогаетъ намъ улучшать наше здоровье. Утилитарное значеніе психологіи—въ содѣйствіи улучшенію воспитанія и т. д. Подъ философскимъ значеніемъ науки подразумѣвается ея пригодность служить прямо или косвенно къ улучшенію нашего міровоззрѣнія.

Итакъ, каждая наука *обязана* имѣть либо философское, либо утилитарное значеніе. Наука же, неимѣющая ни того, ни другого значенія, составитъ своеобразный умственный спортъ, культивируемый нѣкоторыми любителями, которые обладаютъ особеннымъ вкусомъ къ безсмысленной умственной дѣятельности, спортъ, незаслуживающій никакого уваженія и никакой поддержки со стороны государства и общества. Конечно, этимъ не исключается возможность, что въ наукѣ, имѣющей несомнѣнную важность, найдутся такія *части*, которыя не имѣютъ ни философскаго, ни утилитарнаго значенія, такъ что имъ можно приписать всего лишь *запасное* значеніе: онѣ годны лишь про запасъ, въ надеждѣ, что съ теченіемъ времени онѣ пріобрѣтутъ либо философское, либо утилитарное значеніе. Дѣло въ томъ, что у большинства ученыхъ вырабатывается страсть къ научнымъ изслѣдованіямъ, такъ что ученый начинаетъ увлекаться ими, какъ своего рода спортомъ, и производитъ свои изслѣдованія ради процесса изслѣдованія, не обращая вниманія, имѣютъ ли эти изслѣдованія какое-либо цѣнное значеніе. До сихъ поръ во множествѣ случаевъ тѣ изслѣдованія, которыя сначала не

имѣли никакого значенія, съ теченіемъ времени пріобрѣтали его въ большей или меньшей степени. Поэтому страсть ученыхъ къ изслѣдованіямъ ради изслѣдованій нисколько не ослабѣваетъ, а усиливается: они утѣшаютъ себя тѣмъ, что эти изслѣдованія имѣютъ запасное значеніе, могутъ пригодиться для будущаго. Теперь въ большинствѣ наукъ есть цѣлая масса работъ, которыя еще не имѣютъ никакого значенія, кромѣ чисто запасного. Но, хотя нельзя безъ всякихъ оговорокъ порицать ученыхъ за такое положеніе дѣлъ, тѣмъ не менѣе очевидно, что они не въ правѣ вводить подобныя изслѣдованія въ составъ излагаемаго съ каѳедры общеобязательнаго курса. Даже отъ тѣхъ учащихся, которые хотятъ заняться спеціальнымъ образомъ данной наукой, нужно съ большой осторожностью и съ тщательнымъ выборомъ требовать знанія частей науки, имѣющихъ всего лишь запасное значеніе, и для остальныхъ должно назначаться только то, что̀ неоспоримымъ образомъ имѣетъ либо философское, либо утилитарное значеніе.

Замѣтимъ кстати, что утилитарное значеніе науки часто называютъ *практическимъ*, а философское—*теоретическимъ*. Но это не совсѣмъ удобно, потому что нерѣдко порождаетъ сбивчивость въ понятіяхъ. Дѣло въ томъ, что слова „теоретическій и практическій“ имѣютъ еще другой смыслъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя обойтись безъ ихъ употребленія въ этомъ другомъ смыслѣ, именно: теоретическія науки просто описываютъ дѣйствительность, *разсматриваютъ* ее, какъ она есть, не говоря о томъ, какъ съ ней поступать. Таковы — математика, физика, исторія и т. д. Отсюда и названіе этихъ наукъ „теоретическія“ отъ греческаго слова, означающаго смотрѣть, созерцать. Практическія же науки не просто разсматриваютъ дѣйствительность, а учатъ тому, какъ намъ поступать или какъ намъ *дѣйствовать*. Таковы этика (ученіе о нравственномъ законѣ и о нравственныхъ обязанностяхъ), ученіе о правѣ, медицина, техника и т. д. По-гречески дѣйствовать—πράττειν; отсюда слово πράκτικος—относящійся къ дѣятельности; а отсюда названіе этихъ наукъ „практическія“. И, очевидно, наука можетъ быть практической, но имѣть философское значеніе; такова, напр., этика. И, наоборотъ, наука можетъ быть теоретической, но имѣть только утилитарное, а не философское значеніе. Такова, напримѣръ, бактеріологія. Оттого-то и неудобно утилитарное и философское значеніе называть практическимъ и теоретическимъ.

Разсмотримъ же вопросъ о значеніи логики, при чемъ подробнѣе всего остановимся на выясненіи ея философскаго значенія. Съ точки зрѣнія университетскаго преподаванія оно самое важное. Хотя университетъ и есть universitas literarum, т.-е. цѣлое, состоящее изъ совокупности *всѣхъ* наукъ, но наукъ, обязательно имѣющихъ философское значеніе, а не одно лишь утилитарное, чѣмъ университетъ и отличается отъ политехникума, который тоже долженъ соединять въ себѣ всѣ науки, но имѣющія утилитарное значеніе. Главная задача университета, какъ она возникла исторически, состоитъ въ научномъ улучшеніи міровоззрѣнія; только поэтому университеты всегда играли важную роль въ исторіи и всегда высоко цѣнились во всѣхъ

культурныхъ государствахъ. Нѣкоторыя утилитарныя цѣли, конечно, могутъ преслѣдоваться и университетомъ (какъ, напримѣръ, подготовка врачей, педагоговъ, судебныхъ дѣятелей), если удобнѣе, по связи наукъ между собой, пріурочить ихъ къ университету, чѣмъ къ политехникуму. Но это позволительно (и даже желательно) только въ смыслѣ добавочныхъ задачъ и лишь постольку, поскольку онѣ не противорѣчатъ главной задачѣ университета и не заслоняютъ ея [1]). По всему этому въ университетскомъ преподаваніи важнѣе всего обращать вниманіе на философское, а не на утилитарное значеніе науки. О послѣднемъ въ университетѣ умѣстно говорить только, какъ о чемъ-то добавочномъ.

2. Утилитарное значеніе логики. Утилитарное значеніе логики состоитъ въ томъ, что она даетъ нѣкоторый матеріалъ для педагогики. Для построенія нѣкоторыхъ отдѣловъ педагогики, именно тѣхъ, которые касаются умственнаго воспитанія, мы, разумѣется, должны знать всѣ годные для расширенія знанія способы мышленія, потому что: 1) только при этомъ условіи мы въ состояніи подобрать такой образовательный матеріалъ, черезъ изученіе котораго умъ ученика упражнялся бы *всесторонними* образомъ въ научномъ мышленіи, т.-е. усваивалъ бы всѣ разнообразные пріемы научнаго мышленія; и 2) только зная и понимая сущность каждаго изъ этихъ пріемовъ мышленія, мы въ состояніи будемъ безошибочно вести своихъ учениковъ въ той гимнастикѣ ума, которая получается отъ употребленія каждаго изъ этихъ пріемовъ. Задача же средняго образованія состоитъ именно въ томъ, чтобы развить *всесторонним* образомъ умъ учениковъ посредствомъ разнообразныхъ упражненій въ научномъ мышленіи. Оттого-то средняя школа и не можетъ ограничиться только одной наукой или однообразными науками, напримѣръ, однѣми математическими, а нужно смѣшивать въ ней различныя науки (хотя бы онѣ и забывались впослѣдствіи), чтобы получалась разнообразная гимнастика ума.

Говоря объ утилитарномъ значеніи логики, часто упоминаютъ о пользѣ, приносимой мышленію знаніемъ логики. Отнюдь не отрицая этой пользы, не слѣдуетъ ее преувеличивать. Прежде очень часто, даже постоянно, авторы учебниковъ логики разсматривали и строили ее, какъ *руководство къ усвоенію искусства правильно мыслить*, какъ систематическій сборникъ такихъ правилъ, посредствомъ запоминанія которыхъ мы научимся правильно мы-

---

[1]) Въ послѣднее время въ политехникумахъ, все больше и больше, наблюдается стремленіе захватывать въ руки университетскія функціи (юридическую и даже преподавательскую подготовку), такъ что если университеты не будутъ преслѣдовать ровно никакихъ утилитарныхъ задачъ, то съ теченіемъ времени политехникумы втянутъ въ себя всѣ утилитарныя функціи университета. А это значитъ, что всѣ соприкасающіеся съ практической жизнью люди будутъ лишены университетскаго образованія (кромѣ тѣхъ немногихъ, которые будутъ имѣть возможность и желаніе пройти университетъ сверхъ политехникума). Но такъ какъ въ политехникумѣ отношеніе къ наукѣ всегда будетъ чисто профессіональное, преслѣдующее главнымъ образомъ, если не исключительно, утилитарныя задачи, то такая перспектива врядъ ли желательна.

слить. Иногда они даже озаглавливали свои сочиненія словами „искусство мыслить“, „искусство правильно разсуждать“ и т. п. И такими стремленіями они, въ видѣ естественной реакціи противъ нихъ, создали мнѣніе о полной безполезности логики для мышленія, ибо слишкомъ легко убѣдиться въ ошибочности взглядовъ этихъ авторовъ.

Прежде всего ясно кидается къ глаза, что можно правильно мыслить, вовсе не зная логики: на каждомъ шагу встрѣчаются люди, которые ея никогда не изучали (а нѣкоторые изъ нихъ даже и не подозрѣваютъ объ ея существованіи) и, все-таки, вполнѣ правильно мыслятъ. А это показываетъ, что логика врядъ ли полезна, если ее считать руководствомъ къ усвоенію искусства правильно мыслить. Мало того, изученіе такого руководства будетъ доступно только тѣмъ, кому оно, навѣрное, ненужно: вѣдь *для изученія самой-то логики уже необходимо умѣть правильно мыслить*. Очевидно, надо отказаться отъ мысли, будто бы логика можетъ быть руководствомъ къ усвоенію искусства правильно мыслить. Несомнѣнно, что гораздо осуществимѣе въ видѣ книги руководство къ усвоенію искусства танцовать, чѣмъ логика въ подобномъ смыслѣ.

Однако, люди, изучавшіе логику, напр., извѣстный химикъ Либихъ, постоянно настаиваютъ, что она *содѣйствуетъ* правильности мышленія (не создаетъ ея впервые, а только усиливаетъ ее). Въ чемъ же состоитъ такое содѣйствіе? Хотя логика совершенно безполезна въ смыслѣ руководства къ *усвоенію* искусства правильно мыслить, она несомнѣнно служитъ *руководствомъ къ критикѣ проявленій этого искусства. Знаніе логики отнюдь не искореняетъ въ насъ наклонности къ логическимъ ошибкамъ, но дѣлаетъ насъ болѣе чуткими къ нимъ и помогаетъ намъ быстрѣе ихъ подмѣтить и объяснить, въ чемъ онѣ состоятъ;* а всѣмъ этимъ она, конечно, до нѣкоторой степени *содѣйствуетъ* правильности мышленія.

Вѣдь логика съ помощью установленныхъ ею правилъ мышленія выслѣживаетъ и описываетъ всѣ встрѣчающіяся на дѣлѣ ошибки мышленія. Если же мы изучимъ всѣ эти ошибки, то мы, конечно, сдѣлаемся къ нимъ болѣе чуткими, и вмѣстѣ съ тѣмъ намъ будетъ легче объяснять, въ чемъ состоитъ встрѣченная нами ошибка.

И, разумѣется, изученіе логики съ особой силой изощряетъ въ насъ чуткость къ ошибкамъ, допущеннымъ *чужимъ* мышленіемъ. Вѣдь очень часто, если не въ большинствѣ случаевъ, тѣ же самыя причины, которыя заставили насъ допустить ошибку въ нашемъ мышленіи, съ прежней силой дѣйствуютъ и въ то время, когда мы его подвергаемъ критикѣ, и поэтому попрежнему скрываютъ отъ нашего взора сдѣланную самими нами логическую ошибку. Но мало вѣроятности, чтобы однѣ и тѣ же причины съ одинаковой силой побуждали непремѣнно къ однѣмъ и тѣмъ же ошибкамъ и критика, и автора чужихъ ошибокъ. Поэтому *изученіе логики помогаетъ намъ самостоятельнѣе, критически относиться ко всѣмъ пріобрѣтаемымъ нами отъ другихъ лицъ свѣдѣніямъ и воззрѣніямъ.*

Поэтому вполнѣ цѣлесообразно, чтобы, излагаемая въ видѣ „руководства

въ критикѣ мышленія" (т.-е. съ обращеніемъ особеннаго вниманія на логическія ошибки), логика изучалась рѣшительно всѣми, кто хочетъ получить высшее образованіе, т.-е. либо на всѣхъ факультетахъ, либо въ старшихъ классахъ гимназій. Это не то, что психологія: послѣдняя не должна бы служить предметомъ особаго преподаванія въ гимназіяхъ. Ея содержаніе еще не установилось, и пока оно сводится къ безконечнымъ спорамъ по поводу почти каждаго ея положенія. Вмѣстѣ съ тѣмъ самонаблюденіе надъ душевными явленіями съ *психологической* точки зрѣнія, кромѣ немногихъ простѣйшихъ случаевъ, доступно далеко не всѣмъ: его примѣненіе къ дѣлу въ большинствѣ случаевъ требуетъ особыхъ спеціальныхъ способностей и особыхъ наклонностей. По всему этому преподаваніе психологіи въ гимназіяхъ въ видѣ особаго учебнаго предмета скорѣе приноситъ вредъ, чѣмъ пользу: оно не искореняетъ, а еще усиливаетъ наклонность подмѣнивать знаніе самого изучаемаго наукой предмета, которое пріобрѣталось бы собственноличнымъ разсмотрѣніемъ этого предмета, знаніемъ всего лишь чужихъ мыслей о немъ, возникшихъ въ головахъ разныхъ ученыхъ при наблюденіи надъ этимъ предметомъ. Для гимназій вполнѣ достаточно, если къ такой подмѣнѣ пріучаютъ путемъ не рѣдко встрѣчающагося преподаванія физики безъ опытовъ, исторіи литературы безъ сообщенія достаточной начитанности въ литературныхъ памятникахъ и тому подобными путями. Психологія при такихъ условіяхъ будетъ излишней роскошью: и безъ нея выработается не мало наклонности къ попугайному пустомельству. Въ интересахъ общаго образованія гораздо полезнѣе упразднить въ гимназіяхъ психологію, какъ особый учебный предметъ, а прибавивъ къ двумъ уже существующимъ урокамъ логики еще одинъ, поручить ее преподавателю, отнюдь не связывая его никакой опредѣленной программой-minimum, чтобы онъ наглядно, при помощи самыхъ легкихъ психологическихъ фактовъ, ознакомилъ учениковъ (отчасти въ видѣ вступленія въ логику, отчасти же въ видѣ разныхъ дополненій къ ней) съ отличіемъ психологической точки зрѣнія при самонаблюденіи надъ душевными явленіями отъ логической, съ тѣмъ, какъ разнообразенъ міръ душевныхъ явленій (т.-е. съ раздѣленіемъ и подраздѣленіемъ ихъ на основные классы), и какимъ путемъ они изучаются. Достаточно, чтобы ученики поняли, что, кромѣ логики, есть еще и остающаяся неизвѣстной имъ психологія съ своими особыми, наглядно выяснившимися передъ ними, задачами, и что духовный міръ, подобно матеріальному, можно изучать съ различныхъ точекъ зрѣнія. Но при этомъ необходимо вмѣнить преподавателю въ непреложную обязанность тщательно остерегаться, что, въ концѣ концовъ, ученики, чего добраго, не усвоятъ ни логики, о которой забудутъ изъ-за психологіи, ни психологіи, на которую, конечно, окажется мало времени, и къ подлинному (а не подмѣненному) усвоенію которой способны далеко не всѣ, даже изъ лучшихъ учениковъ.

3. Главная задача философіи. Но если бы логика не имѣла ни малѣйшаго утилитарнаго значенія, то ее, все-таки, пришлось бы изучать изъ-за ея важнаго значенія для философіи. Ея философское значеніе мо-

жетъ быть понято только въ томъ случаѣ, если мы сперва тщательно выяснимъ, что̀ такое философія. При этомъ слово „философія“, конечно, должно обозначать собой не то, что̀ намъ самимъ вздумается подразумѣвать подъ нимъ (будетъ ли такое значеніе содержащимъ въ себѣ благоговѣніе или пренебреженіе къ философіи, это безразлично), а только ту *особую науку, отличающуюся чѣмъ-то отъ всѣхъ остальныхъ наукъ, о которой говорится въ исторіи философіи.* Въ противномъ случаѣ у насъ получится фальсифицированная философія, которая имѣетъ столь же мало права называться философіей, какъ маргаринъ масломъ. Правда, у многихъ людей есть сильная наклонность судить о философіи, исходя изъ произвольно составленнаго ими взгляда, какими задачами *должна* заниматься она, по ихъ мнѣнію. И единственнымъ основаніемъ, которымъ они оправдываютъ свое отношеніе къ дѣлу, служатъ такія слова: „я (видите ли: „*самъ Я*“?) понимаю философію по-своему, иначе, чѣмъ Вы и разные ученые, а посему философія *должна* заниматься тѣмъ-то и тѣмъ-то“. Но поступать такъ, это то же самое, что̀ торговать маргариномъ подъ именемъ масла, т.-е. фальсифицировать философію: какъ продавецъ *обязанъ* называть масломъ только масло, а не приготовленную изъ маргарина имитацію масла, такъ и въ употребленіи слова философія не должно быть никакого произвола, никакихъ ссылокъ, что „я понимаю философію иначе“, а надо смотрѣть въ исторіи философіи, чѣмъ всегда она стремилась быть и чѣмъ отличалась отъ всего, что̀ похоже на нее, но съ ней не совпадаетъ.

При обзорѣ любого изложенія исторіи философіи тотчасъ кидается въ глаза, что философія всегда ставитъ своей задачей быть *системой научно-разработаннаго міровоззрѣнія.* А что̀ такое міровоззрѣніе? У всякаго не слишкомъ тупого (въ умственномъ и нравственномъ смыслѣ слова) человѣка, не поглощеннаго борьбой за существованіе, но пользующагося нѣкоторымъ досугомъ, довольно рано, а подъ конецъ юности непремѣнно, возникаетъ рядъ жгучихъ вопросовъ, необходимыхъ для того, чтобы выяснить смыслъ существованія человѣка, напримѣръ: каково положеніе человѣка во вселенной? Каково строеніе этой вселенной: осуществляется ли въ ней какой-нибудь смыслъ или разумная цѣль, или же она, напротивъ, управляется слѣпыми, чисто механическими причинами? Какова сущность и первооснова вещей, образующихъ вселенную? Изъ чего состоитъ человѣкъ: изъ одного ли тѣла, такъ что душа составляетъ только видимость, или же онъ состоитъ изъ души и тѣла, или же, наконецъ, только изъ души, такъ что тѣло и все матеріальное составляетъ лишь одну видимость? Если есть душа, то каковы ея судьбы послѣ смерти человѣка? и т. д. *Совокупность отвѣтовъ на всѣ вопросы, возбуждаемые вопросомъ о смыслѣ существованія человѣка, называется міровоззрѣніемъ.*

Вслѣдствіе важности этихъ вопросовъ они неизбѣжно привлекаютъ къ себѣ наибольшее вниманіе и вынуждаютъ отыскать на нихъ какіе-нибудь отвѣты, т. е. отличаются, какъ говорится, жгучимъ характеромъ. Поэтому каждый человѣкъ и каждый народъ всегда имѣютъ какое-нибудь міровоз-

зрѣніе. Но послѣднее можетъ возникнуть различнымъ путемъ: 1) или человѣкъ можетъ построить его въ *случайномъ* видѣ, обращаясь не систематически, подъ вліяніемъ запросовъ жизни, къ тому или другому вопросу и опираясь въ своихъ отвѣтахъ на предвзятыя, непровѣренныя мнѣнія, усвояя ихъ по традиціи; 2) или же онъ станетъ разрабатывать свое міровоззрѣніе въ видѣ науки, т. е. a) систематически, чтобы не пропустить ни одного изъ вопросовъ, возбуждаемыхъ основнымъ вопросомъ о смыслѣ существованія человѣка, и b) въ то же время будетъ подвергать критической оцѣнкѣ тѣ идеи, на которыхъ это міровоззрѣніе зиждется, а для этого, въ свою очередь, будетъ всячески избѣгать принимать что-нибудь безъ всякихъ основаній и вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ соблюдать всѣ правила научной предосторожности, какія только можетъ изобрѣсти нашъ умъ. Словомъ, можно разрабатывать наше міровоззрѣніе и такимъ образомъ, чтобы получаемые нами отвѣты были, если не вполнѣ достовѣрны, то все-таки отличались наибольшею вѣроятностью, т. е. *наукообразно*—въ видѣ науки. Такое разработанное въ видѣ науки міровоззрѣніе и составляетъ цѣль тѣхъ ученій, о которыхъ говорится въ исторіи философіи. Поэтому простѣйшее опредѣленіе философіи могло бы, повидимому, быть такъ формулировано: *философія, это—система научно-разработаннаго міровоззрѣнія.* Тѣмъ, что она разрабатывается *научнымъ* образомъ, она отличается отъ міровоззрѣнія религіознаго и поэтическаго.

Но нельзя остановиться на такомъ опредѣленіи философіи: оно слишкомъ широко. Указывая, чѣмъ философія отличается отъ религіознаго и поэтическаго міровоззрѣнія, оно еще не даетъ возможности отличить ее отъ простого соединенія важныхъ для міровоззрѣнія выводовъ, добытыхъ разными другими науками, т. е. оно еще не даетъ возможности понять, почему же философія всегда занимала и занимаетъ *особое* мѣсто среди другихъ наукъ, почему она всегда разсматривалась, какъ *особая наука, чѣмъ-то отличающаяся* отъ всѣхъ остальныхъ наукъ, а поэтому и отъ простого соединенія между собой (или, какъ иные любятъ выражаться, отъ синтеза) выводовъ, добытыхъ другими науками по вопросамъ, касающимся міровоззрѣнія. Напротивъ, на основаніи разсматриваемаго опредѣленія выходитъ, что философіи нечѣмъ быть, какъ всего только простымъ, систематически расположеннымъ соединеніемъ (синтезомъ) выводовъ, добываемыхъ другими науками.

4. Важность теоріи познанія для философіи. Для того, чтобы міровоззрѣніе было *научно* разработаннымъ, оно должно опираться на особую науку—теорію познанія или гносеологію, которая поэтому составляетъ основной и важнѣйшій отдѣлъ философіи. Важное значеніе теоріи познанія для философіи можно доказать двоякимъ образомъ: A) теоретически и B) исторически. При изложеніи же перваго доказательства само собой сдѣлается яснымъ, что̀ такое теорія познанія, чѣмъ раньше всего *должна* она заниматься, чтобы имѣть какой-либо смыслъ, а не превращаться въ чистѣйшій умственный спортъ.

А) *Теоретически.* При *научной* разработкѣ міровоззрѣнія оказывается необходимымъ рѣшать такіе вопросы, надъ которыми мы нисколько не задумываемся при другихъ условіяхъ, и безъ предварительнаго изученія которыхъ наше міровоззрѣніе никоимъ образомъ не можетъ считаться научно-разработаннымъ, а именно: при разработкѣ нашего міровоззрѣнія намъ приходится установить хоть какія-нибудь мнѣнія о такихъ предметахъ, относительно которыхъ невольно возникаетъ сомнѣніе, доступны ли они нашему *познанію*, т. е. *наукѣ*, или должны быть предоставлены *вѣрѣ*, которая, конечно, можетъ опираться и на важные мотивы, напримѣръ, нравственные, эстетическіе, но все-таки будетъ вѣрой, а не знаніемъ. Таковы, напримѣръ, Богъ, душа и т. д. Совсѣмъ умолчать о нихъ въ міровоззрѣніи нельзя: при такомъ умолчаніи оно не было бы цѣльнымъ воззрѣніемъ на *міръ* и на смыслъ существованія человѣка въ мірѣ, т. е. не было бы *міровоззрѣніемъ*. А все это такіе предметы, которые по существу своему, по своему понятію о нихъ, опыту недоступны, гдѣ бы и когда бы мы его ни переживали и какъ бы ни изощряли наши органы чувствъ. (Подъ словомъ *опытъ* мы всегда будемъ подразумѣвать, какъ это уже принято въ философской литературѣ, не одни лишь эксперименты, но какъ эксперименты, такъ и наблюденія, безразлично, и поэтому экспериментъ будемъ называть не опытомъ, а экспериментомъ. Для философіи необходимъ терминъ, который имѣлъ бы общее значеніе и обозначалъ бы сразу, какъ эксперименты, такъ и наблюденія. И она имѣетъ неоспоримое право условиться употреблять для этой цѣли слово „опытъ“; ибо первоначально это слово обозначаетъ не одни лишь эксперименты—это только натуралисты привыкли употреблять его въ столь узкомъ смыслѣ,—а какъ эксперименты, такъ и наблюденія. Напримѣръ, когда мы говоримъ про кого-нибудь, что это опытный человѣкъ, что у него большой житейскій опытъ, то этимъ вовсе не хотимъ сказать, будто бы онъ много экспериментировалъ надъ людьми, но что у него было много наблюденій надъ ними). Всѣ же науки, которыя оправдали свое право на существованіе тѣмъ, что безпрерывно увеличиваютъ сумму хорошо доказанныхъ, никѣмъ не оспариваемыхъ свѣдѣній, занимаются изученіемъ лишь такихъ предметовъ, которые или уже доступны переживаемому нами опыту (физическія, химическія явленія и т. п.), или же, по крайней мѣрѣ, были бы доступны нашему опыту, если бы мы либо перенеслись въ другое мѣсто или въ другое время, либо всего лишь усилили по своему произволу степень воспріимчивости нашихъ чувствъ, какъ внѣшнихъ, такъ и внутренняго (самонаблюденія), нисколько не мѣняя общаго характера ихъ дѣятельности. Примѣрами такихъ предметовъ служатъ: внутреннее строеніе земли, прошлыя историческія событія, тончайшія составныя части душевныхъ переживаній и т. п.

Въ виду всего этого невольно возникаетъ сомнѣніе: могутъ ли и въ какой мѣрѣ могутъ быть провѣрены наши мнѣнія о такихъ предметахъ, какъ: Богъ, душа и т. п., вообще о такихъ предметахъ, которые лежатъ *за предѣлами не только дѣйствительно переживаемаго, но и всякаго возможнаго для насъ опыта*, гдѣ бы и когда бы мы ни были и какъ бы ни изощ-

ряли степень воспріимчивости нашихъ чувствъ? Не будутъ ли всѣ эти мнѣнія, какъ утвердительныя, такъ и отрицательныя (напримѣръ: Богъ есть, Бога нѣтъ), *одинаково* недоказуемыми, а поэтому одинаково неопровержимыми (ибо чрезъ опроверженіе одного изъ этихъ мнѣній было бы доказано другое), а слѣдовательно, въ *научномъ* отношеніи одинаково позволительными? Если же такъ окажется на дѣлѣ, то изъ всѣхъ этихъ одинаково недоказуемыхъ и неопровержимыхъ мнѣній, которыя, очевидно, въ силу ихъ недоказуемости и неопровержимости, могутъ быть только вѣрой, а не знаніемъ, въ составъ научно-разработаннаго міровоззрѣнія надо вводить только такую вѣру, въ пользу которой можно привести какіе-нибудь вѣскіе мотивы, хотя бы они и не составляли доказательствъ и не обращали нашей вѣры въ знаніе. Вѣдь ясно, что въ составъ *научно* переработаннаго міровоззрѣнія должны входить только или такія мысли, которыя будутъ вполнѣ доказанными, или же такія, про которыя мы научнымъ путемъ убѣдились, что онѣ и недоказуемы, и неопровержимы, и про которыя мы, все-таки, можемъ дать отчетъ, почему же тѣмъ не менѣе мы предпочитаемъ ихъ всѣмъ другимъ, столь же недоказуемымъ и неопровержимымъ, мыслямъ. Такимъ образомъ, въ составъ философіи непремѣнно войдетъ и будетъ занимать въ ней первое мѣсто *изученіе самаго факта знанія*, именно: философія должна будетъ *выяснить тѣ условія, благодаря которымъ существуетъ безспорно признаваемое знаніе* (*математика и естественныя науки*), *дабы посредствомъ выясненія этихъ условій установить, до какихъ предѣловъ* (*или границъ*) *можетъ простираться наше знаніе, такъ что, перейдя эти границы, мы попадаемъ въ область, въ которой возможны лишь одинаково недоказуемыя и одинаково неопровержимыя мнѣнія, т. е. вѣра, а не знаніе.*

Сначала неизбѣжность для философіи этой задачи можетъ оставаться незамѣтной (такъ оно и было въ исторіи философіи), но, рано или поздно, должно выясниться, что безъ предварительнаго изученія знанія съ указанной точки зрѣнія наше міровоззрѣніе не можетъ быть разработаннымъ *научно*, т. е.,—безъ этого условія философія не можетъ имѣть *научнаго* характера; поэтому только-что охарактеризованное ученіе о знаніи становится первѣйшей задачей философіи. И такое *ученіе о знаніи, выясняющее условія, благодаря которымъ становится возможнымъ безспорно существующее знаніе, и въ зависимости отъ этихъ условій устанавливающее границы, до которыхъ можетъ простираться какое бы то ни было знаніе, и за которыми открывается область одинаково недоказуемыхъ мнѣній*, принято называть „*теоріей познанія*“ или „*гносеологіей*“. „Гносеологія“—слово греческое, въ переводѣ на русскій языкъ оно означаетъ то же, что „теорія познанія“. Употребляютъ же его у насъ въ Россіи на-ряду съ терминомъ—„теорія познанія“, какъ его синонимъ, по той причинѣ, что отъ послѣдняго термина нельзя образовать прилагательное безъ насилія надъ русскимъ языкомъ (слово „теоретикопознавательный“ крайне неуклюжее): а отъ слова „гносеологія“ легко образуется прилагательное „гносеологическій“.

Конечно, теорія познанія на-ряду съ только-что указанной задачей въ правѣ поставить себѣ еще и другія—дополнительныя. Но, если она хочетъ быть наукой, имѣющей смыслъ, то прежде всего она должна заниматься выясненіемъ вопроса о существованіи или несуществованіи границъ знанія; ибо только изъ-за этого вопроса она пріобрѣтаетъ философское значеніе; утилитарнаго же значенія у нея нѣтъ никакого—ни прямого, ни косвеннаго. Вѣдь можно разрабатывать всѣ утилитарныя науки безъ всякой помощи со стороны теоріи познанія.

В) *Исторически.* Такимъ образомъ, философія должна быть прежде всего гносеологіей, и въ исторіи философіи мы находимъ этому другое доказательство. На первыхъ порахъ своего существованія, въ VI и въ первой половинѣ V вѣка до Р. Х., философія обходилась безъ изученія познанія, слѣдствіемъ чего было возникновеніе среди, такъ называемыхъ, софистовъ (подъ каковымъ именемъ въ V вѣкѣ подразумѣвалась особая, только-что сложившаяся, профессія платныхъ преподавателей уже извѣстныхъ научныхъ свѣдѣній, особенно же риторики) отрицанія возможности какого бы то ни было знанія, а вмѣстѣ съ ней возможности научно переработаннаго міровоззрѣнія. Одни изъ софистовъ утверждали, что всѣ мнѣнія о любомъ предметѣ одинаково истинны, а другіе—что всѣ мнѣнія о немъ одинаково ложны. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ получается одинъ выводъ: ни о чемъ не можетъ быть такого мнѣнія, которое имѣло бы общеобязательное значеніе, такъ что не стоитъ заниматься ни научными изслѣдованіями, ни научной переработкой нашего міровоззрѣнія; ибо обо всемъ можно доказать или опровергнуть любое мнѣніе (а нѣкоторые софисты полагали, что о каждомъ предметѣ можно и доказать, и опровергнуть любое мнѣніе). Поэтому единственно, чѣмъ стоило заниматься, по мнѣнію этихъ отрицателей возможности знанія, такъ это только искусствомъ посредствомъ рѣчи доводить своихъ слушателей до согласія съ любымъ мнѣніемъ—риторикой. Такими взглядами на знаніе софисты V вѣка принудили своего современника—знаменитаго Сократа (ум. въ 399 г. до Р. Х.), а вслѣдъ за нимъ его ученика Платона (ум. въ 347 г.) и ученика послѣдняго—Аристотеля (ум. въ 322 г.), подвергнуть изученію и самое знаніе. И какъ только Сократъ ввелъ въ составъ философіи всего только одни лишь начатки теоріи познанія, развитые нѣсколько дальше Платономъ и Аристотелемъ, то философія тотчасъ же достигла въ лицѣ этихъ трехъ мыслителей небывалаго до той поры процвѣтанія и вліянія. Сходныя явленія повторяются и въ исторіи новой философіи. Въ XVII и XVIII вв. философія отличается сильнымъ развитіемъ и вліяніемъ на умы современниковъ, и этимъ она обязана перевороту, произведенному въ теоріи познанія Декартомъ (ум. въ 1650 г.) и Фр. Бекономъ (ум. въ 1624 г.), подобно тому какъ въ XIX столѣтіи весь ея характеръ измѣнился подъ вліяніемъ новаго переворота въ теоріи познанія, произведеннаго Кантомъ (ум. въ 1804 г.), основавшимъ, такъ называемое, критическое направленіе въ гносеологіи. Всѣ эти факты исторически доказываютъ, что теорія познанія составляетъ такой отдѣлъ фи-

лософіи, безъ котораго послѣдняя даже не имѣетъ права называться философіей.

5. Окончательное опредѣленіе философіи. Теперь ясно, что и опредѣлять философію надо такъ: *философія есть міровоззрѣніе, научно переработанное при помощи теоріи познанія*, или иначе: *философія есть теорія познанія съ присоединеніемъ связанной съ нею и основанной на почвѣ добытыхъ ею выводовъ системы научно-разработаннаго міровоззрѣнія.*

Противъ только-что указаннаго опредѣленіи философіи можно, пожалуй, возразить, что оно страдаетъ плеоназмомъ, потому что задача построенія *научно* разработаннаго міровоззрѣнія можетъ быть разрѣшена лишь при помощи теоріи познанія, такъ что, пожалуй, незачѣмъ *особо* упоминать о послѣдней въ опредѣленіи философіи. Но *если* даже и справедливо, будто бы это опредѣленіе страдаетъ нѣкоторымъ плеоназмомъ (въ чемъ можно сильно сомнѣваться) [1]), за то оно крайне удобно, потому что, придерживаясь его, мы будемъ въ состояніи легко рѣшить, относится ли данный вопросъ къ составу философіи, или нѣтъ, а именно: если онъ принадлежитъ къ теоріи познанія или не можетъ быть рѣшенъ безъ ея помощи, то онъ навѣрняка относится къ философіи. Въ остальныхъ же случаяхъ онъ или принадлежитъ какой-нибудь другой наукѣ, или же разсужденія по поводу него могутъ составить (если они отличаются особенной глубиной и мудростью) всего только матеріалы для философіи, но еще не составляютъ самой философіи въ томъ научномъ значеніи этого слова, какъ оно установилось исторически, которое, какъ научное и исторически установившееся, имѣетъ „общеобязательное“ значеніе. Такъ, напримѣръ, сочиненія Л. Толстого содержатъ важные матеріалы для философіи; но они еще не составляютъ философіи въ общеобязательномъ значеніи этого слова.

Нерѣдко въ учебникахъ даютъ философіи иныя опредѣленія, чѣмъ указанное нами. Конечно, обыкновенно въ нихъ не говорятъ ничего такого, чего бы не было въ философіи, ничего ложнаго; но всѣ они по своей неясности крайне неудобны. Разсмотримъ одно изъ нихъ, наиболѣе распространенное. Оно говоритъ, что философія составляетъ науку о высшихъ (основныхъ или самыхъ общихъ) принципахъ или началахъ. Принципомъ же или началомъ называется все то, что лежитъ въ основѣ какой-либо обширной области; напримѣръ, принципами нравственной дѣятельности будутъ лежащія въ ея основѣ понятія о добрѣ и злѣ; принципами механики—понятія массы, матеріи, и т. п.

Разумѣется, это опредѣленіе не высказываетъ про философію ничего ложнаго. Вѣдь, изучая условія и границы возможности нашего познанія и пересматривая для этой цѣли всѣ тѣ идеи, которымъ нашъ умъ склоняется приписывать значеніе познанія, намъ незачѣмъ разсматривать всѣ безъ

---

[1]) Вѣдь не сразу видно, что научностью переработки міровоззрѣнія требуется вести эту переработку при помощи теоріи познанія: въ противномъ случаѣ философія возникла бы не иначе, какъ въ связи съ теоріей познанія.

исключенія идеи, а достаточно разсмотрѣть лишь тѣ, которыя служатъ принципами или началами, потому что достовѣрность всѣхъ выводныхъ идей зависитъ отъ достовѣрности тѣхъ началъ, изъ которыхъ онѣ вытекаютъ. Но, руководясь этимъ опредѣленіемъ, никакъ нельзя устранить слѣдующее недоумѣніе: „чѣмъ же философія отличается отъ другихъ наукъ; въ правѣ ли она претендовать на *особое* мѣсто среди другихъ наукъ, т.-е. считаться *особой* наукой? Вѣдь всѣ принципы въ большей или меньшей степени уже разсматриваются въ остальныхъ наукахъ; ибо каждая наука опирается на какіе-нибудь принципы, такъ что для философіи, повидимому, не остается никакого дѣла“. Правда, въ отвѣтъ на это указываютъ, что отличіе философіи состоитъ въ изученіи однихъ лишь самыхъ высшихъ (т.-е. самыхъ общихъ) началъ. Но тогда наше недоумѣніе, все-таки, сохраняетъ всю свою силу, только принимаетъ другую форму, именно: „въ чемъ же отличія этого второго разсмотрѣнія самыхъ высшихъ принциповъ отъ остальныхъ наукъ?“ Болѣе того, къ прежнему недоумѣнію присоединяется еще новое, именно: „гдѣ провести границу между *самыми* высшими и *не самыми* высшими принципами, т.-е. между философіей и другими науками? Очевидно, эта граница будетъ столь же произвольной, какъ и въ томъ случаѣ, если мы захотимъ отобрать изъ толпы людей самыхъ высокихъ (не одного самаго высокаго, но самыхъ высокихъ — во множественномъ числѣ)“. Если же мы опредѣляемъ философію, какъ теорію познанія, соединенную съ системой научно-разработаннаго при ея помощи міровоззрѣнія, то намъ станутъ ясны и право философіи на особое мѣсто, и границы между философіей и другими науками: ибо ни одна наука не разрабатывается при помощи теоріи познанія, такъ что становится очевиднымъ право философіи на особое мѣсто среди другихъ наукъ. Далѣе: при нашемъ опредѣленіи указывается не произвольное количественное отличіе философіи отъ другихъ наукъ, но рѣзко замѣтное качественное отличіе—разработка міровоззрѣнія при помощи теоріи познанія.

6. Окончательная формулировка главнаго вопроса теоріи познанія. Разъяснимъ подробнѣе наиважнѣйшій вопросъ гносеологіи, при чемъ ознакомимся съ нѣкоторыми терминами, которые приходится постоянно употреблять при изученіи философіи, и съ ихъ помощью редактируемъ главный гносеологическій вопросъ. Прежде всего, термины „трансцендентный“ и „имманентный“, которые, какъ и всѣ научные термины, имѣютъ чисто-условное значеніе. Поэтому объ ихъ исторически установившемся, общеобязательномъ значеніи надо судить не столько по ихъ этимологіи, сколько по ходу исторіи, пріурочившему къ нимъ ихъ значеніе, и употреблять ихъ только въ этомъ исторически установившемся, а не въ томъ широкомъ обывательскомъ смыслѣ, въ какомъ могли бы употреблять ихъ древніе римляне, изъ языка которыхъ взяты эти термины.

Трансцендентными называются такіе предметы, которые, по самому понятію о нихъ, при существующей организаціи нашихъ познавательныхъ способностей, никогда, нигдѣ и ни при какомъ изощреніи на-

ших способностей внутренняго и внѣшняго воспріятія не могли бы быть восприняты въ опытъ, такъ что они по самому существу своему остаются за предѣлами не только дѣйствительно переживавшагося кѣмъ-либо, но и всякаго возможнаго опыта. Они остаются за предѣлами и всѣхъ возможныхъ экспериментовъ, и всѣхъ возможныхъ наблюденій, гдѣ бы и когда бы ни производились тѣ и другія, и какъ бы ни изощрялась при этомъ наша внѣшняя или внутренняя воспріимчивость при помощи подходящихъ инструментовъ. Имманентными же называются такіе предметы, которые или дѣйствительно воспринимаются нами въ опытѣ, или *могли бы* быть восприняты въ немъ, если бы мы перенеслись на другое мѣсто, или жили въ другое время, или же при помощи надлежащихъ инструментовъ достаточно изощрили внѣшнюю или внутреннюю воспріимчивость. Словомъ: это—предметы, которые остаются въ предѣлахъ опыта, *возможнаго* для существа, имѣющаго такую же организацію познавательныхъ способностей, какъ у людей. Напр.: душа и Богъ, по самому понятію о нихъ, *не могутъ* быть восприняты въ опытѣ, пока организація нашихъ познавательныхъ способностей остается такой же, какова она у насъ сейчасъ, такъ что эти предметы остаются внѣ предѣловъ всякаго возможнаго опыта: ихъ нельзя воспринять въ опытѣ *никогда и ни при какомъ изощреніи нашей воспріимчивости*. Слѣдовательно, это—трансцендентные предметы. Предметы же, находящіеся на Марсѣ, составляютъ имманентные предметы; ибо хотя они никогда не воспринимались и, по всей вѣроятности, никогда не будутъ восприняты въ опытѣ, они, все-таки, остаются въ предѣлахъ *возможнаго* опыта: вѣдь они *могли бы* восприниматься нами безъ всякой перемѣны нашихъ познавательныхъ способностей, если бы мы перенеслись съ земли на Марсъ, или—если бы мы при помощи надлежащихъ инструментовъ достаточно изощрили наше зрѣніе.

Изъ всего сказаннаго (въ § 4 этой главы) о неизбѣжности возникновенія гносеологическихъ изслѣдованій при научной переработкѣ міровоззрѣнія ясно, что главнымъ вопросомъ гносеологіи долженъ быть слѣдующій: „возможно ли знаніе трансцендентныхъ предметовъ, или же всякое мнѣніе о нихъ должно оставаться навсегда лишь вѣрой, хотя бы даже и неопровержимой, но недоказуемой? *Свидѣтельствуетъ ли безпрерывный успѣхъ имманентнаго знанія о возможности наряду съ нимъ еще и трансцендентнаго, или же, наоборотъ, тѣ самыя условія, которыя создаютъ возможность имманентнаго знанія, запрещаютъ надѣяться на осуществленіе трансцендентнаго?* Можетъ быть, этимъ-то именно и надо объяснить, что до сихъ поръ нѣтъ никакого трансцендентнаго знанія, а вовсе не тѣмъ, что для его построенія еще не хватило слишкомъ двухъ тысячъ лѣтъ существованія европейской науки?“

Но можно и слѣдуетъ гораздо шире редактировать этотъ же самый вопросъ. Дѣло въ томъ, что изученіе (точнѣе попытка изученія) трансцендентныхъ предметовъ вполнѣ справедливо всегда и всѣми относится къ, такъ называемой, метафизикѣ; ибо какъ только мы поймемъ, что̀ такое метафизика, такъ тотчасъ же станетъ яснымъ не только то, что ей-то

именно и слѣдуетъ изучать трансцендентные предметы, но даже и то, что вопросъ о возможности знанія трансцендентныхъ предметовъ составляетъ лишь часть вопроса о возможности метафизики въ видѣ знанія (а не въ видѣ одной только, хотя бы и неопровержимой, но недоказуемой вѣры). Именно: *если возможна метафизика въ видѣ знанія, то нѣтъ никакихъ основаній, кромѣ ссылки на исторически обнаружившіяся неудачи, сомнѣваться въ возможности трансцендентнаго знанія; если же невозможна метафизика вообще, то и подавно невозможно трансцендентное знаніе.* Поэтому наипервѣйшій вопросъ теоріи познанія, если его взять во всей его полнотѣ, долженъ быть такъ редактированъ: *„возможна ли метафизика въ видѣ знанія, или же тѣ самыя условія, которыя дали бы намъ право считать вообще возможнымъ какое бы то ни было знаніе сверхъ простой установки данныхъ опыта* (говорящихъ, напримѣръ: „мнѣ больно“; „вспоминается то-то“; „я вижу то-то, хотя и не ручаюсь за правильность своего видѣнія“ и т. п.), *они-то навсегда лишаютъ насъ надежды на метафизическое знаніе?“* Но все это требуетъ поясненія, что такое метафизика.

7. Метафизика и ея задачи. Истинное и кажущееся бытіе. *Въ настоящее время подавляющее большинство авторовъ, по крайней мѣрѣ — тѣ, которые не хотятъ пользоваться въ своихъ разсужденіяхъ двусмысленными словами, употребляютъ слово „метафизика“ только въ смыслѣ ученія объ истинномъ бытіи, т.-е. о бытіи, мыслимомъ въ томъ видѣ, какъ оно существуетъ само по себѣ, независимо отъ того, какимъ оно сознается нами, или — какимъ представляется намъ существующимъ.* При этомъ истинное бытіе противопоставляется *кажущемуся бытію.* Подъ послѣднимъ подразумѣвается бытіе, мыслимое въ томъ видѣ, какъ оно кажется или представляется намъ существующимъ. Истинное и кажущееся бытіе называется еще и другими именами. Подъ вліяніемъ греческой философіи первое называютъ *ноуменами* (отъ греческаго слова νοούμενον, т.-е. мыслимое, умопостигаемое) или *ноуменальнымъ бытіемъ*, а второе *феноменами* (отъ греческаго слова φαίνομαι — казаться) или *феноменальнымъ бытіемъ.* Съ конца же восемнадцатаго вѣка подъ вліяніемъ нѣмецкаго философа Канта (1724—1804) истинное бытіе называютъ также *вещами въ себѣ.* Это переводъ латинскаго выраженія res in se или нѣмецкаго Ding an sich. Кажущееся же бытіе подъ вліяніемъ Канта стали называть *явленіями* (Erscheinung). Но надо твердо помнить, что *слово явленіе, когда подъ нимъ подразумѣваютъ кажущееся бытіе, имѣетъ болѣе широкое значеніе, чѣмъ въ естественныхъ наукахъ.* Въ послѣднихъ явленіемъ называется только какая-либо перемѣна въ вещахъ, но не сами вещи, напр.: паденіе тѣла, соединеніе химическихъ веществъ въ одно сложное тѣло, разложеніе сложнаго тѣла на простыя и т. п. Въ философіи же называютъ всякое кажущееся бытіе явленіемъ, слѣдов. и вещи, если онѣ мыслятся въ томъ видѣ, какъ онѣ всего лишь представляются или кажутся намъ, а не какъ существуютъ сами по себѣ.

Однако, не слѣдуетъ думать, будто бы понятія истиннаго и кажущатося бытія созданы метафизикой. Напротивъ, они отъ нея получили только свои разныя названія, а возникаютъ они, но безъ опредѣленнаго названія, еще раньше всякой метафизики. Болѣе того, отъ того-то и возникаетъ сама метафизика, что эти понятія существуютъ еще раньше ея возникновенія. Это они заставляютъ ее возникнуть. Происходитъ это слѣдующимъ образомъ: наблюдая бытіе, какъ оно дано намъ въ опытѣ, мы сначала, конечно, относимся ко всѣмъ даннымъ опыта съ полнымъ довѣріемъ. Сначала мы вполнѣ убѣждены, что всѣ они образуютъ собою истинное бытіе. Но постепенно мы встрѣчаемъ рядъ фактовъ, внушающихъ намъ *подозрѣніе:* таково ли истинное бытіе, какъ то, которое дано намъ въ опытѣ? Напр.: намъ кидается въ глаза, что та самая вещь, которая однимъ человѣкомъ чувствуется, какъ теплая, другимъ чувствуется, какъ холодная. Или: человѣкъ, отличающійся той особенностью зрѣнія, которая называется дальтонизмомъ, видитъ *спѣлую* ягоду земляники и листъ земляники *одинаково* окрашенными, при чемъ никакъ не узнаешь, какой именно цвѣтъ имѣютъ въ его глазахъ и листъ, и ягода: тотъ ли, который другіе люди называютъ краснымъ, или же тотъ, который—зеленымъ, или же какой-нибудь невѣдомый третій. Самъ дальтонистъ можетъ только сказать, что и листъ, и ягода *одного* цвѣта, описать же этотъ цвѣтъ, конечно, нельзя; вѣдь цвѣтъ настолько неописуемъ, что слѣпорожденныхъ никакими описаніями нельзя довесть до знанія цвѣта. Но какъ бы ни стояло дѣло, несомнѣнно, что либо ягода земляники, либо ея листъ для дальтониста окрашены не въ такой цвѣтъ, какъ для другихъ людей. А развѣ могла бы одна и та же вещь быть сразу и теплой и холодной, окрашенной для дальтониста въ одинъ, а для другихъ людей въ другой цвѣтъ, если бы она воспринималась нами въ опытѣ въ томъ видѣ, въ какомъ она существуетъ и въ дѣйствительности? Кромѣ того, есть множество другихъ фактовъ, которые возбуждаютъ то же самое *подозрѣніе:* „таковы ли вещи въ дѣйствительности, какими онѣ намъ кажутся данными въ опытѣ?“ Распространяться объ этихъ фактахъ въ настоящую минуту нѣтъ никакой надобности. И безъ того ясно, что упомянутое подозрѣніе *принуждаетъ* философію, уже при самомъ ея возникновеніи, заняться изслѣдованіемъ истиннаго бытія.

Такого изслѣдованія, очевидно, никакъ нельзя избѣжать при построеніи научно-переработаннаго міровоззрѣнія. Этимъ и объясняется тотъ историческій фактъ, что оно тотчасъ же было начато, какъ только возникла философія въ Европѣ; ибо она тотчасъ же стала утверждать, что хотя вещи и кажутся намъ существенно разнородными, но въ дѣйствительности всѣ онѣ служатъ лишь видоизмѣненіями единаго всеобщаго начала (милетская школа), а вмѣстѣ съ тѣмъ стала обвинять наши чувства въ безпрерывномъ обманѣ, въ который они вводятъ всѣхъ людей поголовно, показывая имъ существующимъ то, чего въ дѣйствительности нѣтъ (элейская и гераклитовская школы и т. д.).

На основаніи же всего сказаннаго ясно, что *главныя задачи метафизики* сводятся къ тремъ слѣдующимъ вопросамъ:

1.—„*Составляетъ ли истинное бытіе, т.-е. вещи въ себѣ, то же самое, что и данныя опыта, или же оно отличается отъ нихъ?*“

2.—„*Если оно не то же самое, что данныя опыта, то каково же оно: въ чемъ сходство и разница между вещами въ себѣ и данными опыта, т.-е. между истиннымъ (ноуменальнымъ) и кажущимся (феноменальнымъ) бытіемъ?*“

3.—А въ этихъ двухъ вопросахъ, очевидно, заключается еще и такой: „*входятъ ли въ составъ истиннаго бытія, иначе—вещей въ себѣ, также и трансцендентные предметы; или же нѣтъ никакихъ трансцендентныхъ предметовъ, а всякое бытіе имманентно, хотя бы и воспринималось нами не вполнѣ въ томъ самомъ видѣ, какъ оно существуетъ въ дѣйствительности, а въ кажущемся (феноменальномъ)?*“

Такимъ образомъ, *метафизика должна быть наукой объ истинномъ бытіи, о вещахъ въ себѣ; но именно по этому самому* (если только она окажется возможной въ видѣ науки или знанія) *ей приходится быть и наукой о трансцендентныхъ предметахъ, о томъ, существуютъ ли и они, какъ составная часть истиннаго бытія, или же ихъ вовсе нѣтъ, а если существуютъ, каковы они.* Если же окажется невозможнымъ въ видѣ знанія даже и ученіе объ истинномъ бытіи вообще, т.-е. метафизика вообще, то, очевидно, и подавно невозможно знаніе о томъ, относятся ли къ составу истиннаго бытія тѣ или другіе трансцендентные предметы. *Поэтому и вопросъ о возможности трансцендентнаго знанія цѣлесообразнѣе всего ставить въ болѣе общей формѣ, какъ вопросъ о возможности метафизики вообще.*

Но, скажутъ намъ, мы еще не объяснили, какъ возникаютъ понятія истиннаго и кажущагося бытія, а безъ этого нельзя правильно обращаться съ ними, т.-е. нельзя ни правильно строить метафизику, ни правильно рѣшать вопросъ объ ея возможности въ видѣ знанія. Въ дѣйствительности же *это—крайне ошибочное мнѣніе, будто бы необходимо знать происхожденіе понятія, чтобы правильно обращаться съ нимъ.* Чтобы правильно пользоваться какимъ-нибудь понятіемъ, *надо только точнымъ образомъ знать его содержаніе*, т.-е. знать, что именно мыслится въ немъ. Напр.: когда мы изучаемъ геометрію, то намъ нѣтъ ни малѣйшей надобности знать, какъ возникли понятія точки, линіи, поверхности и т. п., а достаточно знать точнымъ образомъ содержаніе каждаго изъ этихъ понятій. Точно также, когда мы изучаемъ ариѳметику, намъ нѣтъ надобности знать, какъ возникаетъ понятіе числа. И до какой степени знаніе происхожденія понятія оказывается ненужнымъ для правильнаго обращенія съ нимъ, ясно видно изъ слѣдующаго факта. Психологи все еще спорятъ о происхожденіи понятій числа, точки, линіи, поверхности и т. п.: считать ли ихъ прирожденными или же постепенно складывающимися у насъ подъ вліяніемъ нашихъ наблюденій надъ данными опыта. Но это нисколько не препятствуетъ существо-

ванію геометріи и ариѳметики. Такимъ образомъ, *ни для построенія метафизики, ни для рѣшенія вопроса объ ея возможности въ видѣ знанія нѣтъ никакой надобности въ выясненіи вопроса о происхожденіи понятій кажущагося и истиннаго бытія. Надо только знать, что подразумѣвается подъ каждымъ изъ нихъ.*

Но если кому-нибудь непремѣнно хочется имѣть отвѣтъ на этотъ вопросъ, то онъ очень простъ. Мы безпрестанно сталкиваемся съ такими душевными переживаніями, которыя вполнѣ похожи на правильныя воспріятія вещей, между тѣмъ, какъ мы очень быстро удостовѣряемся, что при этомъ переживаніи намъ только кажется, будто бы мы имѣемъ дѣло съ правильнымъ воспріятіемъ вещей, въ дѣйствительности же этого нѣтъ. Таковы прежде всего различные *обманы чувствъ*, когда, напр., палка, опущенная наискось въ воду, кажется сломанной. Таковы же разнообразныя *иллюзіи, т.-е. искаженныя воспріятія*, когда, напр., колеблющаяся вѣтка кажется намъ развѣвающимся цвѣтнымъ флагомъ, или висящее на стѣнѣ полотенце—мертвецомъ въ бѣломъ саванѣ и т. п. Таковы же *галлюцинаціи, т.-е. насквозь мнимыя воспріятія*, когда, напр., пьяница видитъ зеленаго змѣя или бѣлаго слона, тамъ, гдѣ совершенно ровный, ничѣмъ не занятый, полъ. Таковы же *сновидѣнія* и т. д. Все это и внушаетъ мысль о *кажущемся* бытіи, т.-е. о бытіи, которое всего только представляется существующимъ, а само-по-себѣ, независимо отъ того, чтобы казаться или представляться существующимъ, въ дѣйствительности не существуетъ. А одновременно съ этимъ понятіемъ, какъ соотносительное съ нимъ, возникаетъ и понятіе истиннаго бытія, т.-е. бытія, существующаго само-по-себѣ, независимо отъ того, представляется ли оно намъ существующимъ или нѣтъ, и независимо отъ того, какъ именно представляется намъ существующимъ. При этомъ дѣло не обходится безъ нѣкотораго творчества со стороны мышленія. Вѣдь подъ истиннымъ бытіемъ подразумѣвается не только такое бытіе, какъ прямая палка, колеблющаяся вѣтка, бѣлое полотенце, вещи, воспринимаемыя на-яву, а не во снѣ и т. п., но также и такое бытіе, которое нисколько не похоже на воспринимаемыя вещи, лишь бы оно существовало само-по-себѣ, независимо отъ того, воспринимается ли оно нами или нѣтъ. Таковы, напр., Богъ, душа и т. п. Такимъ образомъ, понятія истиннаго и кажущагося бытія обязаны своимъ происхожденіемъ не только опыту, но и творчеству мышленія.

8. Условія безпредпосылочнаго отношенія гносеологіи къ истинному бытію и къ знанію. Необходимо замѣтить, что нерѣдко опредѣляютъ метафизику, какъ ученіе о трансцендентныхъ предметахъ, но такъ не слѣдуетъ поступать въ самомъ началѣ гносеологіи. Вѣдь гносеологія (а съ ней и логика, которая, какъ мы сейчасъ увидимъ, образуетъ собою первоначальную часть теоріи познанія), конечно, должна вести всѣ свои изслѣдованія безъ всякихъ произвольныхъ предпосылокъ объ истинномъ бытіи, а въ разсматриваемомъ опредѣленіи уже заранѣе относятся къ нему, какъ бы къ завѣдомо трансцендентному. Но, можетъ быть, оно не все сплошь трансцендентно, или даже вовсе не трансцендентно! Очевидно, въ началѣ своихъ

изслѣдованій теорія познанія (а съ ней и логика) должна позволить смотрѣть на истинное бытіе, кому какъ угодно. Она въ самомъ началѣ изслѣдованій не въ правѣ даже запретить держаться во взглядахъ на него, такъ называемаго, *наивнаго реализма*. Подъ этимъ именемъ подразумѣвается въ философіи обывательская увѣренность, будто бы всѣ данныя опыта точь въ точь таковы, какъ само же истинное бытіе (или вещи въ себѣ), будто бы даже всѣ цвѣта, запахи, вкусы, тепло, холодъ и т. д. принадлежатъ самому истинному бытію (самимъ вещамъ въ себѣ). Словомъ: *наивный реализмъ не допускаетъ никакой разницы между данными опыта и истиннымъ бытіемъ, иначе вещами въ себѣ*. Такимъ образомъ, *теорія познанія (а съ ней и логика) должна, по крайней мѣрѣ, въ началѣ своихъ изслѣдованій отличать понятія „метафизическаго“ и „трансцендентнаго“*: все трансцендентное, конечно, уже съ самаго начала оказывается метафизическимъ, потому что относится къ составу истиннаго бытія, къ вещамъ въ себѣ; но метафизическое, можетъ быть, еще не все окажется трансцендентнымъ. Считать же все его заранѣе трансцендентнымъ—это значитъ исходить изъ произвольной предпосылки.

Единственно, изъ чего въ правѣ *исходить* теорія познанія, это изъ допущенія въ видѣ *факта*, что кое-какое знаніе безспорно существуетъ, что примѣромъ такого безспорно существующаго знанія служатъ математика и естественныя науки (астрономія, химія и т. д.). Но и то нужно оговориться: подъ безспорно существующимъ естествознаніемъ или естественными науками теорія познанія въ правѣ подразумѣвать отнюдь не тѣ гипотезы, которыя сплошь да рядомъ попадаются въ нихъ, а только слѣдующее: 1 — простую (несоединенную ни съ какими доказательствами и умозаключеніями) установку данныхъ опыта, 2 — знаніе законовъ природы и 3 — основанныя на нихъ технику и предсказанія будущихъ явленій природы, а равно заключенія о такихъ прошлыхъ событіяхъ, о которыхъ нѣтъ показаній очевидцевъ. Что же касается гипотезъ, употребляемыхъ въ естествознаніи, то онѣ зачастую отличаются завѣдомо метафизическимъ характеромъ, какъ, напр., атомистическая гипотеза, а иногда даже несомнѣнно трансцендентнымъ, какъ напр., гипотеза силы (не закона, но самой силы) всемірнаго тяготѣнія. Такъ какъ же при такихъ условіяхъ допускать ихъ принадлежность къ знанію, если съ помощью допущенія фактически существующаго знанія въ видѣ математики и естественныхъ наукъ мы должны рѣшить вопросъ, въ правѣ ли мы допускать наряду съ ними въ видѣ знанія, или третьей безспорно возможной науки, еще и метафизику? Очевидно, если мы въ теоріи познанія подъ естественными науками станемъ подразумѣвать и всѣ попадающіяся въ нихъ гипотезы, то этимъ самымъ предрѣшимъ утвердительнымъ образомъ главный гносеологическій вопросъ: мы уже заранѣе допустимъ возможность метафизики въ видѣ знанія. Поэтому *мы всегда будемъ подразумѣвать подъ естествознаніемъ, или естественными науками, лишь тѣ его части, которыя останутся въ немъ за вычетомъ изъ него всѣхъ употребляемыхъ имъ гипотезъ*.

Но ограничивъ только-что указаннымъ образомъ смыслъ выраженій

„естествознаніе“ и „естественныя науки“, мы вмѣстѣ съ тѣмъ расширимъ ихъ значеніе, по сравненію съ обычнымъ, нефилософскимъ, слѣдующимъ образомъ: *всякія* данныя опыта, *кромѣ* данныхъ въ опытѣ *вещей*, будемъ называть „*явленіями природы*“, а подъ „*природой*“ будемъ подразумѣвать совокупность *всѣхъ* данныхъ опыта, каковы бы они ни были, въ томъ числѣ и *всѣ* данныя въ опытѣ *вещи*. Такимъ образомъ, словамъ „природа“ и „явленіе природы“ мы условливаемся придавать въ логикѣ и гносеологіи столь широкое значеніе, что подъ нихъ подойдутъ и душевныя явленія, и историческія явленія, и явленія языка и т. д.; слово же „явленіе природы“ будетъ означать у насъ *не только измѣненіе, но и любое свойство вещей, образующихъ природу, словомъ — все то, что можетъ быть воспринято въ опытѣ, какъ внутреннемъ* (т.-е. путемъ самонаблюденія), *такъ и во внѣшнемъ, только не сами вещи*. А поэтому подъ естествознаніемъ и естественными науками мы будемъ подразумѣвать изученіе какихъ бы то ни было данныхъ опыта, такъ что сюда будетъ относиться также и психологія, и исторія, и изученіе языка и т. п.

Обыкновенно подъ „природой“ подразумѣваютъ совокупность лишь тѣхъ данныхъ опыта, которыя остаются за вычетомъ человѣка и всего, что обусловлено въ своемъ существованіи человѣкомъ, такъ что обыкновенно къ природѣ не причисляютъ ни душевныхъ явленій, ни историческихъ явленій, ни явленій языка и т. п. Но, съ одной стороны, и самъ человѣкъ, а поэтому и все, что обусловлено человѣкомъ, несомнѣнно, образуетъ часть природы, а съ другой—догадки о законахъ, управляющихъ связью всѣхъ этихъ явленій, приходится доказывать совершенно такими же методами, какъ и обо всѣхъ явленіяхъ природы. Напр., психологія пользуется доказательствами, которыя употребляются и въ естественныхъ наукахъ въ обычномъ, узкомъ значеніи этого выраженія. Поэтому логикѣ, сосредоточивающей свое вниманіе на самихъ доказательствахъ, на ихъ особенностяхъ, а не на предметахъ, по поводу которыхъ употребляются эти доказательства, удобнѣе подразумѣвать подъ „природой“ и человѣка со всѣми явленіями, существованіе которыхъ обусловлено существованіемъ человѣка.

По той же причинѣ подъ „явленіями природы“ логикѣ удобнѣе подразумѣвать не только измѣненія въ вещахъ, какъ это подразумѣваютъ физика, химія, физіологія и т. д., но *даже и постоянно существующія свойства*, какъ, напр., раздвоенность копытъ у жвачныхъ животныхъ, принадлежность тѣла къ хорошимъ проводникамъ электричества, обладаніе тѣми или другими химическими свойствами и т. п.; ибо, какъ мы убѣдимся въ свое время, доказательства законовъ природы, управляющихъ связью свойствъ, совершенно таковы, какъ и доказательства законовъ, управляющихъ измѣненіями данныхъ въ опытѣ вещей. Такимъ образомъ, *выраженіе „явленіе“, взятое просто, безъ прибавки слова „природы“*, въ гносеологіи и логикѣ обозначаетъ „феномены“, „кажущееся бытіе“, въ противоположность „ноуменамъ“, „вещамъ въ себѣ“, „истинному бытію“; *выраженіе же „явленіе природы“* обозначаетъ всѣ данныя опыта (и измѣненія, и свойства вещей),

кромѣ самихъ вещей. Такое не вполнѣ одинаковое въ разныхъ случаяхъ употребленіе слова „явленіе“ не вызываетъ никогда никакихъ недоразумѣній и поэтому сдѣлалось общепринятымъ.

Итакъ, когда мы говоримъ, что примѣромъ безспорно существующаго знанія служатъ математика и естественныя науки, то подъ послѣдними мы впредь будемъ подразумѣвать (если не сдѣлаемъ особой оговорки) не только астрономію, механику, физику, химію и біологію, но также и психологію, исторію, лингвистику и т. д., словомъ—*всякое изученіе данныхъ опыта, производимое, независимо отъ того, считаются ли они истиннымъ или кажущимся бытіемъ;* ибо вопросомъ объ истинномъ бытіи всѣ названныя науки, если и интересуются, то только въ своихъ гипотезахъ, а не въ тѣхъ частяхъ, которыя мы будемъ имѣть въ виду подъ именемъ естествознанія и естественныхъ наукъ. Для всѣхъ подобныхъ наукъ, и для физики съ ея законами, и для техники, и для астрономіи, и для психологіи и т. д. рѣшительно все равно, считаемъ ли мы всѣ данныя опыта самимъ же истиннымъ бытіемъ, какъ это дѣлаетъ наивный реализмъ, или же, подражая идеализму, сплошной галлюцинаціей. Вѣдь и въ галлюцинаціи можно устанавливать законы, по которымъ она переживается, и на основаніи этихъ законовъ можно точнымъ образомъ предсказывать будущія событія въ этихъ переживаніяхъ, распоряжаться при помощи надлежащихъ (хотя бы и относящихся къ составу этой галлюцинаціи) машинъ и аппаратовъ ходомъ этой галлюцинаціи и т. п. Оттого-то такой выдающійся натуралистъ, какъ Гельмгольцъ, объявивъ идеализмъ совершенно неопровержимымъ, не видѣлъ въ немъ никакой опасности для естествознанія; ибо послѣднее повсюду, кромѣ нѣкоторыхъ гипотезъ, отвлекается отъ вопроса, служатъ ли данныя опыта кажущимся или истиннымъ бытіемъ, явленіями или вещами въ себѣ.

Но имѣетъ ли право теорія познанія заранѣе, безъ всякаго изслѣдованія, признавать за фактъ существованіе знанія, хотя бы и въ такихъ скромныхъ границахъ, чтобы подразумѣвать подъ этимъ фактомъ всего лишь математику и естествознаніе въ только-что указанномъ значеніи слова (т.-е. за вычетомъ гипотезъ, но съ распространеніемъ его на всякое изученіе данныхъ опыта, отвлекающееся отъ вопроса, считать ли ихъ истиннымъ или кажущимся бытіемъ)? Не слѣдуетъ ли ей сперва самой изъ себя установить, что̀ такое знаніе, построить, такъ сказать, идеалъ знанія и послѣ того обсудить, что̀ можетъ и что̀ не можетъ считаться знаніемъ? Отнюдь не слѣдуетъ: ибо теорія познанія, какъ и всякая теорія, обязана быть теоріей, исходящей изъ существующихъ *фактовъ*, а не изъ тѣхъ *выдумокъ*, которыя мы можемъ сами насочинить и назвать *именемъ* существующихъ фактовъ (т.-е. знаніемъ), если отвлечемся отъ разсмотрѣнія фактически существующаго знанія. Поэтому *теорія познанія должна взять фактически существующее безспорное знаніе и именно его разсматривать съ цѣлью выяснить условія, дѣлающія его возможнымъ, а послѣ того выяснить, что̀ можетъ и что̀ не можетъ подходить подъ эти условія, т.-е. что̀ можетъ и что̀ никогда не можетъ стать знаніемъ.* Только въ этомъ слу-

чаѣ она можетъ быть вполнѣ свободной отъ всякихъ произвольныхъ предпосылокъ, касающихся знанія. *Если же теорія познанія станетъ строить понятіе (или идеалъ) знанія сама изъ себя, безъ разсмотрѣнія фактически существующаго знанія, то она не будетъ застрахована ни отъ произвольныхъ, а поэтому зачастую ложныхъ, предпосылокъ, касающихся понятія (или идеала) знанія, ни отъ превращенія въ теорію о такой выдумкѣ, которая вполнѣ произвольно, обыкновенно, названа знаніемъ.*

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство: по поводу предшествующаго изданія этой книги нѣкоторые критики высказали мнѣніе, что хотя всѣ излагаемые въ ней гносеологическіе выводы и вполнѣ вѣрны, но они страдаютъ односторонностью, недосказанностью, потому что всѣ они основаны на разсмотрѣніи только математики и естествознанія; а кромѣ этихъ двухъ наукъ есть-де еще науки психологическія и историческія. Но это—простое недоразумѣніе, потому что подъ словомъ „естествознаніе“, если оно не сопровождается никакой ограничительной оговоркой, всегда подразумѣвается въ этой книгѣ изученіе какихъ бы то ни было данныхъ опыта, такъ что въ него входятъ и психологическія, и историческія науки; ибо всѣ онѣ говорятъ о природѣ въ только-что указанномъ, широкомъ смыслѣ этого слова.

9. Философское значеніе логики и нравственное значеніе теоріи познанія. Теперь уже видна важность логики для философіи чрезъ посредство теоріи познанія. Послѣдняя, допустивъ, что математика и естественныя науки образуютъ безспорное, фактически существующее знаніе, должна прежде всего выяснить тѣ условія, отъ которыхъ зависитъ его возможность (см. стр. 25 и 34). Въ числѣ же этихъ условій на первомъ планѣ стоитъ, конечно, правильность мышленія; слѣдовательно, теорія познанія должна раньше всего выяснить условія правильности мышленія. А это значитъ, что она должна быть прежде всего логикой, такъ что логика образуетъ собой не что иное, какъ часть теоріи познанія, именно—ея первую часть, выдѣленную въ особую философскую дисциплину только ради удобства ея изученія. Поэтому если нельзя сомнѣваться въ философскомъ значеніи теоріи познанія, то не можетъ быть никакихъ сомнѣній и въ философскомъ значеніи логики. Логика такъ важна для философіи, что, можно сказать, не стоитъ заниматься философіей безъ основательнаго знанія логики: безъ него можно только научиться эффектно болтать и резонерствовать по поводу разныхъ философскихъ вопросовъ, но нельзя ихъ понять во всей ихъ глубинѣ.

Поэтому логику часто характеризуютъ, какъ *пропедевтику философіи*. А изъ того значенія, какое имѣетъ логика для философіи, именно—какъ часть теоріи познанія, слѣдуетъ, что съ каѳедры философіи логику надо такъ излагать, чтобы она приводила насъ къ главному вопросу теоріи познанія, т. е.—какъ часть теоріи познанія.

Но защитники возможности метафизики въ видѣ знанія оспариваютъ важность теоріи познанія. Злоупотребляя исторически сложившимся значеніемъ этого слова, они подъ этимъ именемъ подразумѣваютъ такое ученіе о

знаніи, которое состояло бы изъ объясненія факта существованія знанія, объясненія, выведеннаго изъ ученія о природѣ истиннаго бытія. Но вопросъ о самой возможности метафизики въ видѣ знанія они считаютъ едва-ли не явно безсмысленнымъ и стараются вычеркнуть его изъ гносеологіи. Для оправданія своихъ намѣреній они напоминаютъ о томъ безспорномъ фактѣ, что какъ бы кто ни рѣшалъ вопросъ о возможности метафизики въ видѣ знанія, про себя-то, въ глубинѣ своей души, все равно, каждый сохранитъ *твердое* убѣжденіе въ истинности какого-либо метафизическаго направленія, которое и будетъ управлять всей его жизнью. Такъ къ чему же, спрашиваютъ они, огородъ городить?

А къ тому, отвѣтимъ мы, чтобы *знать*, считать ли намъ наши „*твердыя*" метафизическія убѣжденія знаніемъ или вѣрой, и вообще, чтобы провесть границу между знаніемъ и вѣрой. А вѣдь, несомнѣнно, это—очень важная вещь; ибо у знанія и вѣры неодинаковыя нравственныя права. Какъ бы ни была тверда моя вѣра, я не имѣю ни малѣйшаго нравственнаго права принуждать другихъ людей къ исполненію требованій, предписываемыхъ моей *вѣрой*; во имя вѣры нравственно позволительно обращаться съ какими-либо требованіями только къ тѣмъ, кто и самъ исповѣдуетъ мою вѣру. Но нѣтъ ровно ничего безнравственнаго, если во имя требованій, предъявляемыхъ *знаніемъ*, принуждаютъ принимать различныя мѣры противъ эпидемической болѣзни и тѣхъ, кто самъ совершенно не понимаетъ необходимости этихъ мѣръ. Наоборотъ, такое принужденіе тотчасъ же становится нравственно непозволительнымъ, коль скоро окажется, что эти мѣры требуются вовсе не знаніемъ, но вѣрой, ошибочно принятой врачами за знаніе.

Такъ вотъ зачѣмъ нужно городить гносеологическій огородъ: *вовсе не за тѣмъ, чтобы искоренить или даже ослабить въ нашей душѣ какія бы то ни было метафизическія убѣжденія* (пусть они остаются во всей ихъ неприкосновенности), но для того, чтобы *расчистить почву для нравственно обязательнаго отношенія къ этимъ убѣжденіямъ*. Люди очень охотно считаютъ твердость, непоколебимость увѣренности за отличительный признакъ знанія. Но съ одной стороны это, и съ чисто теоретической точки зрѣнія, явная ошибка, возникающая изъ непониманія, что никакія *психологическія* свойства переживанія увѣренности не могутъ отличать знаніе отъ вѣры, а съ другой стороны—человѣчество такъ много настрадалось отъ отожествленія твердыхъ убѣжденій съ знаніемъ, что теперь уже никакъ нельзя уклоняться отъ нравственной обязанности изслѣдовать, какія изъ твердыхъ убѣжденій ни въ какомъ случаѣ, несмотря на всю свою твердость, не могутъ стать знаніемъ, а принуждены навсегда оставаться вѣрой. Стоитъ только вспомнить инквизицію, религіозныя войны и т. д.: все это возникало подъ вліяніемъ распространенной среди представителей схоластики мысли, будто бы твердыя религіозно-метафизическія убѣжденія служатъ знаніемъ, и поэтому даютъ право государству принуждать подданныхъ къ исполненію требованій, выведенныхъ изъ этихъ убѣжденій. *Рѣшеніе вопроса о возможности метафизики въ видѣ знанія нравственно обязательно для современной науки,*

и тѣмъ обязательнѣе, чѣмъ сильнѣе дѣйствуетъ принципъ государственности.

10. Исторія и разныя значенія термина „метафизика“. По поводу термина „метафизика“ необходимо замѣтить слѣдующее: на-ряду съ такимъ его употребленіемъ, которое только-что было объяснено нами, все еще попадается другое, старинное, сбивчивое и двусмысленное употребленіе этого термина, разобраться въ которомъ можно не иначе, какъ узнавши и хорошо запомнивъ исторію этого термина.

Терминъ „метафизика“ возникъ совершенно случайно и первоначально онъ отнюдь не обозначалъ какого-либо отдѣла философіи. Въ первой половинѣ I вѣка до Р. Х. извѣстному въ то время своей ученостью послѣдователю аристотелевской философіи (называемой иначе перипатетической) Андронику Родосскому попалъ найденный незадолго передъ этимъ очень цѣнный экземпляръ сочиненій Аристотеля, нѣкогда принадлежавшій, по всей вѣроятности, самому Аристотелю и снабженный его собственноручными исправленіями, именно—составленныя учениками Аристотеля записи его лекцій, лучшія изъ которыхъ онъ отбиралъ и перерабатывалъ, намѣреваясь издать ихъ въ свѣтъ, но не успѣлъ этого сдѣлать. Какъ бы то ни было, экземпляръ, попавшій Андронику, цѣнился такъ высоко, что его изданіе (разумѣется, рукописное, какъ и всѣ изданія древности) сдѣлалось образцомъ для всѣхъ послѣдующихъ изданій сочиненій Аристотеля; и до насъ они дошли въ одномъ изъ списковъ съ изданія Андроника. Послѣдній нашелъ въ этомъ экземплярѣ нѣсколько статей, связанныхъ между собою по своему содержанію, но не имѣвшихъ ни своихъ особыхъ заглавій и никакого общаго для нихъ для всѣхъ заглавія. Андроникъ въ своемъ изданіи сочиненій Аристотеля помѣстилъ эти статьи послѣ сочиненія, озаглавленнаго „Физика“, и когда ему случалось упоминать о нихъ (напримѣръ, въ предисловіи къ своему изданію и т. п.), то онъ называлъ ихъ греческимъ выраженіемъ μετὰ τὰ φυσικά, т. е. „то, что̀ послѣ физики“. Отсюда-то и возникъ терминъ „метафизика“, который, какъ видимъ, сперва обозначалъ отнюдь не какой-либо отдѣлъ философіи, а всего лишь *мѣсто* нѣкоторыхъ статей Аристотеля въ изданіи его сочиненій. Но вслѣдствіе постояннаго называнія этихъ статей метафизикой, это слово въ концѣ концовъ привыкли употреблять, какъ названіе *ученій*, изложенныхъ въ этихъ статьяхъ. Такое употребленіе термина „метафизика“ впервые попадается лишь въ IV вѣкѣ послѣ Р. Хр. Раньше же эти ученія называли тѣмъ же именемъ, какъ называлъ ихъ самъ Аристотель—πρώτη φιλοσοφία, т.-е. „первая философія“. У Аристотеля же первая философія, т. е. ученія, изложенныя въ статьяхъ, названныхъ Андроникомъ „то, что̀ послѣ физики“ (или по-гречески „метафизика“), была посвящена двоякаго рода вопросамъ: съ одной стороны—ученію о первыхъ началахъ знанія (оттого-то Аристотель и называлъ ее „*первой философіей*“), а съ другой—ученію объ истинномъ бытіи и даже трансцендентнымъ вопросамъ (напримѣръ, одна изъ этихъ статей сплошь посвящена ученію о Богѣ). Поэтому слово „метафизика“ пріобрѣло двоякое значеніе: имъ стали называть

и ученіе объ основныхъ принципахъ знанія (которое только въ XIX в. впервые окрестили именемъ теоріи познанія или гносеологіи), и ученіе объ истинномъ бытіи, а поэтому и о трансцендентныхъ предметахъ. Такая двойственность въ употребленіи термина „метафизика“ до Канта и во времена Канта была общераспространеннымъ явленіемъ.

Дѣло въ томъ, что до Канта рѣдко кто сомнѣвался въ возможности метафизики въ видѣ знанія: *до Канта и нѣкоторое время послѣ Канта почти всегда теорія познанія тѣсно сливалась съ метафизикой*, такъ что тогда еще не было надобности называть ихъ разными именами. Раньше ученіе о знаніи, кромѣ логики, сводилось либо къ психологіи знанія, именно— къ изученію происхожденія мыслей, которыя мы считаемъ знаніемъ, либо къ метафизикѣ знанія, т. е. къ объясненію существованія знанія на основаніи взглядовъ, касающихся истиннаго бытія. Только во второй половинѣ XIX в., увѣренность, будто бы въ метафизикѣ возможно знаніе, а не одна лишь вѣра, сдѣлалась простымъ пережиткомъ прошлаго, хотя и часто попадающимся у тѣхъ людей, которые не умѣютъ отличить пріятности ученія (метафизическаго) отъ его доказанности, сильной желательности какого-либо знанія (трансцендентнаго) отъ его осуществимости, а вслѣдствіе этого не въ силахъ уразумѣть, что существуетъ и абсолютно непознаваемое, и что о немъ возможна только вѣра, какъ бы ни были необходимы какіе-нибудь метафизическіе взгляды въ составѣ цѣльнаго міровоззрѣнія. И только въ это время, именно—*во второй половинѣ XIX в., почувствовали необходимость употреблять различныя названія для теоріи познанія и для ученія объ истинномъ бытіи. И вотъ тогда-то, не раньше 60-хъ годовъ XIX вѣка, установилось выраженіе Erkenntnisstheorie, которое на русскій языкъ перевели „теорія познанія“*; а послѣ того, какъ уже привыкли употреблять его по-русски, подмѣтили, что отъ него нельзя образовать прилагательнаго безъ насилія для русскаго уха, и поэтому стали употреблять терминъ „гносеологія“, не взамѣнъ термина „теорія познанія“,—ибо уже привыкли къ этому выраженію,—а на-ряду съ нимъ, какъ его синонимъ.

Однако, еще и теперь не всѣ называютъ метафизикой одно лишь ученіе объ истинномъ бытіи: нѣкоторые (именно тѣ, кому хочется, во что бы то ни стало, спасти увѣренность, будто возможна метафизика въ видѣ знанія) и до сихъ поръ все еще употребляютъ слово „метафизика“ въ томъ его старомъ, двойственномъ и сбивчивомъ смыслѣ, какой оно имѣло, когда еще совпадало съ аристотелевскимъ терминомъ „первая философія“. По всему этому необходимо при чтеніи любой книги, когда встрѣчается въ ней слово „метафизика“, давать себѣ отчетъ, въ какомъ смыслѣ употребилъ его авторъ: иначе можно превратно понять его или стать втупикъ. Напримѣръ, многіе становятся втупикъ, узнавъ, что Кантъ въ одномъ сочиненіи, именно—въ „Критикѣ чистаго разума“, тщательнѣйшимъ образомъ доказываетъ невозможность метафизики въ видѣ *науки* или знанія, а вслѣдъ затѣмъ написалъ сочиненіе, озаглавленное, „Prolegomena къ метафизикѣ, которая должна появиться въ видѣ *науки*“, т. е. вступленіе или предисловіе къ метафизикѣ,

въ видѣ *науки*. Но въ первомъ случаѣ онъ подъ метафизикой подразумѣваетъ ученіе объ истинномъ бытіи, а во второмъ—теорію познанія, какового термина еще не было въ его времена. А изъ всего сказаннаго вытекаетъ: *обучающіеся философіи должны безукоризненнымъ и прочнымъ образомъ усвоить исторію термина „метафизика“ и ясно понимать всѣ его значенія.* При этомъ необходимо еще запомнить, что у англичанъ нерѣдко научная терминологія отличается кое-какими особенностями отъ общеевропейской, и что *нѣкоторые (но далеко не всѣ) англійскіе писатели употребляютъ слово метафизика взамѣнъ психологіи.* Напримѣръ, Милль поступаетъ такъ въ своей „Системѣ логики“.

11. Методы устраненія для защиты метафизики. Нѣтъ такихъ ухищреній, которыя поклонниками метафизики не были бы испробованы, чтобы защитить ея возможность въ видѣ знанія, а не одной лишь вѣры. Въ большинствѣ случаевъ метафизики замалчиваютъ самое существованіе вопроса о возможности метафизики въ видѣ знанія и строятъ себѣ свои системы, кому какая придется по вкусу, преподнося ихъ подъ видомъ „новѣйшаго“ слова науки, слѣд., *знанія*. Словомъ, они такъ поступаютъ, какъ будто бы вопросъ о возможности метафизики никогда не возникалъ, хотя онъ былъ во всей своей широтѣ и самымъ яснымъ образомъ поставленъ еще Кантомъ, т.-е. въ XVIII в., а частичнымъ образомъ и въ болѣе сбивчивыхъ формахъ ставился еще и раньше: съ того самаго времени, какъ Сократъ въ составъ философіи ввелъ предварительное разсмотрѣніе знанія. Вспомнивъ же, что существуетъ, все-таки, теорія познанія, метафизики часто выставляютъ подъ этимъ именемъ фальсифицированную гносеологію, именно—метафизическія *объясненія* знанія, т.-е. систему такихъ метафизическихъ предположеній, чтобы изъ нихъ вытекало и существованіе знанія. Иногда же вмѣсто замалчиванія вопроса о возможности метафизики въ видѣ знанія прибѣгаютъ къ *методу устраненія* (чтобы не сказать „*запрещенія*“) этого вопроса, безплодно доказывая либо его непозволительность, либо его ненадобность.

Почему-то особенно охотно они прибѣгаютъ къ подобному методу въ устной полемикѣ (на философскихъ диспутахъ, публичныхъ лекціяхъ и т. п.), но изрѣдка пользуются имъ и въ литературѣ. И въ томъ, и въ другомъ случаѣ, строго говоря, они своими стараніями обнаруживаютъ лишній разъ несостоятельность претензій метафизики быть знаніемъ, а не одной лишь вѣрой: никто не станетъ уклоняться отъ постановки сходнаго вопроса относительно такого ученія, которое дѣйствительно можетъ быть знаніемъ. Почему же метафизикамъ становится такъ не по сердцу, когда спрашиваютъ о возможности метафизики въ видѣ знанія?

Впрочемъ, ихъ попытки устранить разсмотрѣніе этого вопроса обыкновенно высказываются съ столь бурнымъ натискомъ и съ такой рѣшительностью, что нерѣдко сбиваютъ съ толку ихъ слушателей и читателей: тѣ и другіе, вслѣдствіе неожиданности подобнаго устраненія, бываютъ какъ бы оглушены тѣмъ апломбомъ, съ какимъ его высказываютъ. Поэтому изучающимъ философію необходимо съ самаго начала ознакомиться хоть съ нѣсколькими

изъ видоизмѣненій этого метода защиты метафизики въ видѣ знанія. Нѣтъ никакой надобности гнаться за ихъ исчерпывающимъ обзоромъ; уже при ознакомленіи съ нѣкоторыми изъ нихъ всѣ стороны главнаго гносеологическаго вопроса выступаютъ на видъ съ такой ясностью, что послѣ того уже нельзя будетъ смутить никакимъ апломбомъ, съ которымъ пытаются запретить заниматься этимъ вопросомъ.

12. Методъ ложной предпосылки. Одно изъ видоизмѣненій метода устраненія утверждаетъ, будто бы, ставя нашъ гносеологическій вопросъ только о метафизикѣ, спрашивая только о ней одной, возможна ли она въ видѣ знанія, мы тѣмъ самымъ допускаемъ *произвольную* предпосылку, что она находится совсѣмъ въ иномъ положеніи, чѣмъ математика и естественныя науки; мы-де заранѣе руководимся предвзятой мыслью объ ея несоотвѣтствіи понятію знанія. И немудрено, говорятъ, что при такихъ условіяхъ получатся крайне неблагопріятные результаты для метафизики, которыхъ, конечно, не вышло бы, если бы взамѣнъ столь *произвольнаго* отношенія къ ней, т.-е. взамѣнъ разсужденій объ ея возможности, мы стали усердно заниматься ею самой. Развѣ, говорятъ, далеко ушелъ бы математикъ, если бы, взамѣнъ открытія и доказательства новыхъ теоремъ, онъ сталъ заниматься разсужденіями, возможна ли вообще-то математика въ видѣ знанія?

Въ отвѣтъ на это разсужденіе мы, прежде всего, должны согласиться, что математикъ при указанныхъ условіяхъ, дѣйствительно, не сдѣлаетъ ни одного шагу впередъ, но только, какъ *математикъ*; ибо съ того момента, когда онъ взамѣнъ открытія и доказательства новыхъ теоремъ займется изслѣдованіемъ о возможности математики въ видѣ знанія, онъ перестанетъ быть математикомъ, а сдѣлается философомъ. Но это, конечно, не помѣшаетъ ему узнать много новаго въ философіи математики. Такъ точно и мы, занимаясь изслѣдованіемъ вопроса о возможности метафизики, конечно, не двинемся ни на шагъ въ знаніи самой метафизики; но мы объ этомъ не заботимся, и это вовсе не помѣшаетъ намъ узнать гносеологію.

Далѣе, мы должны согласиться и съ тѣмъ еще, что наша постановка главнаго гносеологическаго вопроса, дѣйствительно, предполагаетъ метафизику находящейся въ совсѣмъ иномъ положеніи, чѣмъ математика и естествознаніе: послѣднія предполагаются (за вычетомъ лишь естественно-научныхъ гипотезъ) уже безспорно существующими въ видѣ знанія, а про метафизику всего только еще спрашивается, *можетъ* ли она существовать въ такомъ видѣ, т.-е. про нее уже предполагается, что пока ея еще нѣтъ въ видѣ безспорнаго знанія. Но такое предположеніе не содержитъ въ себѣ ровно ничего „предвзятаго“, и оно вовсе не „произвольная“ предпосылка, а *выраженіе несомнѣннаго факта*. Въ математикѣ и естествознаніи, если изъ него вычесть гипотезы, уже выработалась цѣлая масса безспорныхъ положеній, такъ доказываемыхъ, что съ ними принуждены всѣ соглашаться; напр., нельзя спорить ни противъ астрономическихъ предсказаній, ни противъ указаній техники и т. п. *Въ метафизикѣ же все еще нѣтъ ни одного (и не въ переносномъ, а въ буквальномъ смыслѣ слова „ни одного“) положе-*

нія, доказываемаго кѣмъ бы то ни было изъ метафизиковъ, которое не оспаривалось бы другими метафизиками. И это, несмотря на то, что метафизикой человѣчество всегда интересовалось и занималось гораздо больше, чѣмъ математикой и естествознаніемъ. Такое положеніе дѣлъ не только уполномочиваетъ, а прямо-таки обязываетъ, прежде чѣмъ строить какую бы то ни было метафизику, „прежде чѣмъ заниматься ею самой", изслѣдовать, возможна ли она вообще-то въ видѣ знанія.

Такимъ образомъ, обвиняя насъ въ *произвольной* предпосылкѣ, наши противники сваливаютъ на насъ часть своего собственнаго грѣха: это они исходятъ, не то что изъ произвольной, а, прямо-таки, изъ *ложной* предпосылки, будто бы метафизика въ такомъ же положеніи, какъ математика съ естествознаніемъ, будто бы и въ ней существуютъ какіе-либо безспорные отправные пункты для дальнѣйшей работы, какъ это имѣетъ мѣсто въ математикѣ и естествознаніи. Вотъ почему это видоизмѣненіе метода устраненія слѣдуетъ называть „методомъ *ложной* предпосылки".

13. Методъ замалчиванія явныхъ противорѣчій. Иногда домогаются устранить изслѣдованіе вопроса о возможности метафизики въ видѣ знанія тѣмъ путемъ, что обусловливаютъ свое всемилостивѣйшее соизволеніе на него требованіемъ исполнить сперва такую работу, которая логикой заранѣе осуждена остаться завѣдомо безплодной, даже и въ томъ случаѣ, если бы мы сдѣлали безконечно большой рядъ попытокъ къ ея осуществленію, а вмѣстѣ съ тѣмъ она завѣдомо метафизическаго характера, такъ что если бы мы, по неосмотрительности, подчинились предъявленному намъ требованію, то, съ одной стороны, тѣмъ самымъ молча заранѣе согласились бы строить метафизику раньше изслѣдованія ея возможности, а съ другой стороны—никогда бы не могли успѣть приступить къ такому изслѣдованію. Противники главнаго вопроса гносеологіи говорятъ такъ: „необходимость ставить этотъ вопросъ вы подтверждаете постоянными противорѣчіями всѣхъ метафизиковъ между собой. Но развѣ не можетъ быть, что эти противорѣчія всего только кажущіяся? Можетъ быть, разныя метафизическія направленія служатъ всего только одностороннимъ изложеніемъ одной и той же истины, такъ что вовсе не противорѣчатъ другъ другу, а всего только дополняютъ другъ друга, подобно тому какъ физикъ и химикъ, или же психологъ и логикъ и т. д., хотя говорятъ объ одномъ и томъ же предметѣ, высказываютъ *разныя* мысли по поводу него. Однако, это вовсе не значитъ, чтобы они противорѣчили другъ другу; напротивъ, ихъ мысли служатъ одностороннимъ изложеніемъ полнаго знанія этого предмета, такъ что дополняютъ другъ друга. Поэтому прежде, чѣмъ ставить вопросъ о возможности метафизики въ видѣ знанія, необходимо (дабы у насъ не было никакихъ *произвольныхъ* предпосылокъ, допущенныхъ уже самой постановкой вопроса) тщательно удостовѣриться въ окончательной *неосуществимости какихъ бы то ни было попытокъ* такъ объединить между собой всѣ безъ исключенія метафизическія направленія, чтобы каждое изъ нихъ, будучи взято отдѣльно отъ другихъ, оказалось одностороннимъ изложеніемъ одной и той же объединяющей ихъ между со-

бой метафизической системы, а чтобы, взятыя всѣ вмѣстѣ, они дополняли другъ друга до полученія этой полной, объединяющей ихъ системы. Начавъ такую работу съ тщательнаго критическаго разбора всѣхъ прежнихъ попытокъ подобнаго объединенія, напр.—Гегеля, разумѣется, нельзя останавливаться только на нихъ, а надо и самому изобрѣтать одну за другой всевозможныя объединяющія точки зрѣнія до тѣхъ поръ, пока мы не удостовѣримся, что не можетъ быть больше *никакихъ другихъ*, а вмѣстѣ съ тѣмъ обнаружимъ, что при *каждой* изъ нихъ снова всплываютъ тѣ противорѣчія между метафизическими направленіями, которыя мы хотѣли устранить какой-либо объединяющей системой".

Не ясно ли, что отъ насъ требуютъ заняться явно метафизической работой объединенія всевозможныхъ метафизическихъ направленій раньше, чѣмъ мы узнаемъ, стоитъ ли вообще-то заниматься построеніемъ какой бы то ни было метафизической системы въ видѣ знанія? Но мы вовсе не обязаны покоряться этому требованію. Дѣло въ томъ, что если нашъ противникъ думаетъ, будто бы, напр., между матеріализмомъ (т.-е. *отрицаніемъ* существованія самостоятельнаго духовнаго начала) и спиритуализмомъ (т.-е. *допущеніемъ* существованія такого начала) вовсе нѣтъ противорѣчія, а они только дополняютъ другъ друга, то онъ самъ же и обязанъ доказать такой диковинный взглядъ, а не имѣетъ ни малѣйшаго права требовать, чтобы *другіе*, да еще практически, на дѣлѣ, убѣждали его въ неустранимости этого противорѣчія путемъ *какихъ бы то ни было* объединяющихъ метафизическихъ системъ, перепробованныхъ хотя бы и въ безконечно большомъ числѣ. Всякій, кто понимаетъ и помнитъ, что такое противорѣчіе, уже и безъ того заранѣе знаетъ, что ни одна изъ попытокъ такъ объединить матеріализмъ и спиритуализмъ, чтобы между ними не оставалось никакого противорѣчія, никогда не удастся, и что такія попытки могутъ разнообразиться до безконечности; ибо каждая изъ нихъ можетъ достигать своей цѣли только ошибочнымъ путемъ, а содержаніе ошибочныхъ мыслей можетъ видоизмѣняться до безконечности. Къ тому же мы взяли въ видѣ примѣра только противорѣчіе матеріализма съ спиритуализмомъ, но примѣровъ столь же явнаго противорѣчія можно привесть сколько угодно. Развѣ не явно противорѣчатъ другъ другу идеализмъ, утверждающій, что внѣшній міръ только кажется существующимъ, а на дѣлѣ не обладаетъ никакой объективной реальностью, и разныя видоизмѣненія реализма, изъ которыхъ каждое настаиваетъ на таковой реальности? Далѣе, развѣ не явно противорѣчатъ панпсихизму, утверждающему, что внѣшній міръ только кажется матеріальнымъ, а на дѣлѣ состоитъ изъ однѣхъ лишь духовныхъ сущностей (напр., изъ непротяженныхъ чисто духовныхъ атомовъ и т. п.), всѣ остальныя реалистическія направленія: напр., матеріализмъ, дуалистическій спиритуализмъ и т. д.? Не ясно ли, что выставлять разсматриваемое видоизмѣненіе метода устраненія можно только цѣною *замалчиванія явныхъ противорѣчій?*

14. Методъ двойной подмѣны естествознанія и метафизики.

Иногда утверждаютъ, будто бы мы не имѣемъ права употреблять понятія кажущагося и истиннаго бытія, т.-е. явленій и вещей въ себѣ, а поэтому и не въ правѣ спрашивать, возможна ли метафизика; ибо въ этомъ вопросѣ всегда подразумѣваютъ, что она образуетъ ученіе объ истинномъ бытіи, о вещахъ въ себѣ, между тѣмъ какъ вслѣдствіе непозволительности употреблять понятія истиннаго и кажущагося бытія, она должна быть такимъ ученіемъ объ единственно данномъ намъ въ опытѣ бытіи, которое велось бы *независимо* отъ того, считается ли оно истиннымъ или кажущимся. Сомнѣваться же въ возможности *такого* ученія явная нелѣпость. Такимъ образомъ, вопросъ о возможности метафизики въ видѣ знанія умѣстенъ только въ примѣненіи къ ошибочной метафизикѣ, какой она была до сихъ поръ, а не къ той, какой ей слѣдуетъ быть теперь, когда уже обнаружилась невозможность метафизики въ смыслѣ ученія объ истинномъ бытіи, а чрезъ это обнаружилась и необходимость выбросить изъ употребленія понятія вещей въ себѣ и явленій, такъ чтобы метафизика строилась безъ помощи такого предвзятаго противопоставленія вещей въ себѣ и явленій.

Но подобные защитники метафизики не замѣчаютъ, что, *требуя выбросить изъ употребленія понятія истиннаго и кажущагося бытія (иначе вещей въ себѣ и явленій), они этимъ самымъ требуютъ, чтобы мы выбросили изъ употребленія и самую мысль о какой бы то ни было метафизикѣ, будетъ ли она вѣрой или знаніемъ, безразлично.* Въ самомъ дѣлѣ, если мы станемъ просто изучать данныя опыта, какъ единственное данное намъ бытіе, *независимо* отъ того, считать ли его истиннымъ или кажущимся, то вѣдь у насъ получится естествознаніе. Къ чему сведется такое изученіе даннаго въ опытѣ бытія, для котораго совершенно безразлично, образуетъ ли оно собой истинное или кажущееся бытіе, т.-е. вещи въ себѣ или явленія, и которое поэтому вовсе не пользуется этими понятіями? Только къ установкѣ законовъ природы, къ основаннымъ на нихъ предсказаніямъ ея будущихъ событій и къ заключеніямъ объ ея прежнихъ никѣмъ не наблюдавшихся событіяхъ; ибо только для такихъ изслѣдованій, дѣйствительно, безразлично, образуютъ ли данныя опыта истинное или кажущееся бытіе. Но все это задачи естествознанія, въ томъ расширенномъ (чрезъ подведеніе подъ него и психологіи, и лингвистики и т. д.), а вмѣстѣ съ тѣмъ и въ съуженномъ (чрезъ вычитаніе гипотезъ) смыслѣ слова „естествознаніе“, въ какомъ мы его установили выше. Такимъ образомъ, *само же разсматриваемое возраженіе, съ одной стороны, соглашается съ невозможностью метафизики въ видѣ знанія, если подъ ней подразумѣвать ученіе объ истинномъ бытіи, а съ другой стороны—устраняетъ всякую возможность иной метафизики, кромѣ какъ служащей, просто на просто, другимъ названіемъ для той части естествознанія, которая остается за вычетомъ изъ него всѣхъ метафизическихъ гипотезъ.*

Однако, это возраженіе назначено для *спасенія* метафизики въ видѣ знанія, и при томъ такого знанія, которое не было бы повтореніемъ естествознанія, а существовало бы *рядомъ* съ нимъ, какъ какое-то *особое* знаніе

по сравненію съ нимъ. И очевидно, что *логически неизбѣжно* спасать метафизику съ помощью такого метода лишь той цѣной, чтобы *сначала подмѣнить ее естествознаніемъ, т.-е. сначала заставить ее заниматься изученіемъ данныхъ опыта, независимо отъ того, считать ли ихъ истиннымъ или кажущимся бытіемъ, а послѣ того естествознаніе свести понемногу на скрытую метафизику, т.-е. на такое ученіе объ истинномъ бытіи (или о вещахъ въ себѣ), при которомъ послѣднее не называется прямо по имени, а только описывается.* Вотъ почему этотъ методъ надо называть „методомъ *двойной* подмѣны естествознанія и метафизики".

Наглядным примѣромъ его употребленія въ русской литературѣ служитъ ученіе Н. О. Лосскаго. Онъ считаетъ непозволительнымъ, т.-е. предвзятой предпосылкой, разсуждать объ явленіяхъ и вещахъ въ себѣ, приглашаетъ, взамѣнъ того, заняться только разсмотрѣніемъ того, что̀ *прямо, непосредственно* дано въ опытѣ, *независимо* отъ всякаго подведенія этого даннаго подъ истинное или кажущееся бытіе; а вмѣстѣ съ тѣмъ онъ же учитъ, что всякое бытіе есть бытіе въ сознаніи (хотя и не въ человѣческомъ), а поэтому духовно, что матеріализмъ ошибоченъ, что человѣкъ состоитъ изъ комплекса духовныхъ сущностей, которыя прямо непосредственно заглядываютъ одна внутрь другой и т. п. [1]); но названія „вещи въ себѣ" и „явленія" (или истинное и кажущееся бытіе) устраняются при этомъ самымъ тщательнымъ образомъ.

Такимъ образомъ, сама же метафизика Н. О. Лосскаго служитъ наглядным подтвержденіемъ, что *какая бы то ни было метафизика* (считаемъ ли мы ее вѣрой или знаніемъ, это безразлично) *существуетъ только въ томъ случаѣ, когда уже возникло подозрѣніе, что данныя опыта, чего добраго, не тожественны (вполнѣ или отчасти—это безразлично) съ истиннымъ бытіемъ, т.-е. когда уже употребляются понятія вещей въ себѣ и явленія (иначе—истиннаго и кажущагося бытія), хотя и безъ этихъ названій.* Если же эти понятія, хотя бы и безъ названій, еще не возникли, или же мы насильственно устраняемъ ихъ изъ употребленія, то и не можетъ быть никакой рѣчи о метафизикѣ, а на-ряду съ математикой можетъ стоять только естествознаніе въ широкомъ значеніи этого слова. Поэтому во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи мы откровенно, а не скрытымъ образомъ, будемъ всегда подразумѣвать подъ метафизикой ученіе объ истинномъ бытіи, т.-е. о вещахъ въ себѣ.

15. Методъ отожествленія разнородныхъ задачъ. Говорятъ еще, будто бы само-то изслѣдованіе вопроса о возможности метафизики въ видѣ знанія уже составляетъ метафизику и дѣлаетъ ее уже существующей; ибо ему тоже приходится быть ученіемъ объ истинномъ бытіи: вѣдь нельзя говорить о метафизикѣ, не говоря объ истинномъ бытіи, о вещахъ въ себѣ. Но здѣсь сказывается грубое смѣшеніе разнородныхъ задачъ. *Метафизика*

[1]) Сравн. его „Обоснованіе интуитизма" и его же „Основныя ученія психологіи съ точки зрѣнія волюнтаризма".

стремится узнать само истинное бытіе, гносеологія же разсматриваетъ вовсе не само истинное бытіе, а всего только его познаваемость или непознаваемость, т.-е. однѣ лишь мысли о немъ, именно—выясняетъ, можно ли доказать какія бы то ни было *мысли* объ истинномъ бытіи, хотя сами по себѣ онѣ, можетъ быть, и согласуются съ нимъ, и можно ли опровергнуть какія бы то ни было *мысли о немъ*, хотя сами-то по себѣ онѣ, можетъ быть, и несогласны съ нимъ. Такимъ образомъ, гносеологія есть ученіе о *мысляхъ* по поводу истиннаго бытія, о возможности или невозможности быть въ составѣ знанія, между прочимъ, и такимъ мыслямъ, а метафизика — ученіе о самомъ истинномъ бытіи, объ его природѣ, объ его видоизмѣненіяхъ и т. п. И считать гносеологію метафизикой приблизительно то же самое, что считать соображенія о возможности достичь сѣвернаго полюса на аэропланѣ самимъ путешествіемъ на полюсъ съ помощью этого снаряда.

ГЛАВА III.

Сужденія и предложенія. Термины и понятія.

---

1. Части сужденія и ихъ словесные знаки. Изъ всего сказаннаго о задачахъ логики ясно, что ей приходится изучать провѣрку сужденій; ибо изъ нихъ-то и состоитъ знаніе (стр. 7 и 8). Поэтому ей естественнѣе всего начать свое дѣло съ разсмотрѣнія сужденій, обо всемъ же прочемъ, напр., о понятіяхъ, говорить лишь постольку, поскольку это необходимо для лучшаго освѣщенія сужденій, разсматриваемыхъ съ логической точки зрѣнія.

Что же касается сужденій, то, сообразно съ установленнымъ на стр. 7 опредѣленіемъ сужденій, *логика должна различать въ каждомъ сужденіи три части*: 1) мысль о томъ, о чемъ въ сужденіи мы что-нибудь утверждаемъ или отрицаемъ; 2) мысль о томъ, что именно утверждается или отрицается нами; 3) самое утвержденіе или отрицаніе. Первая изъ этихъ частей называется въ логикѣ *подлежащимъ* сужденія, вторая *сказуемымъ* сужденія, а третья *отношеніемъ сказуемаго къ подлежащему или же*, чаще всего, *связкой* сужденія. Въ сужденіяхъ, высказываемыхъ такими предложеніями: „собаки суть животныя“, „киты не рыбы“, мысли о собакахъ и китахъ служатъ подлежащими, а мысли о животныхъ и рыбахъ сказуемыми. Связкой, или отношеніемъ сказуемаго къ подлежащему, въ первомъ служитъ утвержденіе, а во второмъ отрицаніе сказуемаго о подлежащемъ.

Словесные знаки, высказывающіе сужденія, названы въ грамматикѣ предложеніями (это названіе для нихъ усвоила и логика), *такъ что каждое сужденіе высказывается предложеніемъ, хотя еще не каждое пред-*

ложеніе высказываетъ собой сужденіе. Такъ, вопросительныя предложенія, напр.: „не стоитъ ли кто-нибудь за дверями?“, или повелѣнія, въ родѣ: „дайте мнѣ хлѣба!“, не высказываютъ никакихъ сужденій; ибо они не высказываютъ собой ни утвержденій, ни отрицаній, такъ что мысли, высказываемыя этими предложеніями, не могутъ считаться сужденіями. И эти мысли вовсе не разсматриваются логикой, потому что онѣ никогда не могутъ сдѣлаться знаніемъ. Знаніе всегда состоитъ только изъ утвержденій или отрицаній чего-нибудь о чемъ-нибудь, а не изъ вопросовъ, повелѣній, возгласовъ и т. п. Поэтому логика разсматриваетъ только сужденія, а не всякія мысли, какія могутъ быть высказаны предложеніями.

Назвавъ словесные знаки сужденій предложеніями, грамматика вмѣстѣ съ тѣмъ стала называть нѣкоторыя части предложеній тѣми же именами, какими логика называетъ части сужденій, такъ что, изучая сужденія, *нужно умѣть отличать части даннаго сужденія отъ одноименныхъ частей предложенія, посредствомъ котораго высказано это сужденіе.* Вѣдь надо не упускать изъ виду, что части предложенія суть слова и подчинены правиламъ словъ, части же сужденій суть мысли; а нельзя думать, чтобы правила словъ оказались непремѣнно и правилами мыслей, хотя до извѣстной степени правила мыслей должны отражаться и на предложеніяхъ.

Во всѣхъ языкахъ подлежащее и сказуемое *сужденій* очень часто, а можетъ быть, даже чаще всего, но еще далеко не всегда, высказываются въ предложеніяхъ такими частями предложеній, которыя называются въ грамматикѣ подлежащими и сказуемыми *предложеній.* Такъ дѣло стоитъ, по крайней мѣрѣ, въ слѣдующихъ примѣрахъ: „ртуть — жидкость“; „металлы — элементы“ и т. д. Связка же, если она утвердительная, въ русскомъ языкѣ (но не во всѣхъ языкахъ) нерѣдко вовсе не отмѣчается въ предложеніи, какъ это и было въ только-что указанныхъ примѣрахъ, или же обозначается словами „есть“, „суть“, „составляютъ“, „служатъ“, „принадлежатъ“, „относятся“ и т. п., или, наконецъ, отмѣчается окончаніемъ глагольной формы. Напр., „логика *есть* наука“; „логика *составляетъ* науку, *служитъ* наукой, *принадлежитъ* къ наукамъ и т. п.“; „земля *движется*“. Отрицательная же связка всегда высказывается въ предложеніи какой-либо отрицательной частицей. Напр.: „коровы *не* принадлежатъ къ плотоядным“, „киты *не* рыбы“ и т. п. И отыскивая въ предложеніи ту часть, которая выражаетъ собой сказуемое *сужденія,* не слѣдуетъ относить къ ея составу отрицательныхъ частицъ „не“, „ни“ и т. п. Эти частицы выражаютъ въ предложеніи не само сказуемое, а всего лишь его *отрицаніе* относительно подлежащаго, такъ что онѣ принадлежатъ не къ составу знака сказуемаго, а къ составу знака связки. Напр., въ сужденіяхъ: „киты не рыбы“, „параллели не пересѣкаются“ сказуемыми *сужденій* служатъ только „*рыбы*“ и „*пересѣкаться*“ (потому что только эти мысли отрицаются относительно китовъ и параллелей), а не „*не рыбы*“ и не „*не пересѣкаться*“.

Замѣтимъ здѣсь еще слѣдующее: нѣкоторые авторы для устраненія смѣшенія подлежащаго и сказуемаго *сужденія* съ подлежащимъ и сказуемымъ *предложенія* называютъ первыя „субъектомъ“ и „предикатомъ“, а названія „подлежащее“ и „сказуемое“ употребляютъ только для частей *предложенія*. Но изъ этого не выходитъ никакого толку; ибо всякій знаетъ и невольно вспоминаетъ, что „субъектъ“ по-русски значитъ „подлежащее“, а „предикатъ“ — „сказуемое“. Поэтому либо по-прежнему происходитъ то самое смѣшеніе, которое хотятъ предупредить эти авторы, либо отъ него спасаются тѣмъ, что начинаютъ говорить не просто „субъектъ и предикатъ“, съ одной стороны, и „подлежащее и сказуемое“ съ другой, но слѣдующимъ образомъ: „субъектъ и предикатъ *сужденія*“, „подлежащее и сказуемое *предложенія*“. А это значитъ, что, кромѣ замѣны русскаго названія иностраннымъ, все остается по-старому. Такъ, по крайней мѣрѣ, показала мнѣ моя преподавательская практика; ибо было время, когда и я пробовалъ указаннымъ путемъ предупреждать разсматриваемое смѣшеніе, но на дѣлѣ убѣдился, что онъ не достигаетъ цѣли. Таковъ мой отвѣтъ на упрекъ одного изъ критиковъ моей „Логики, какъ части теоріи познанія“, зачѣмъ-де я взамѣнъ выраженій „подлежащее и сказуемое *сужденія*“ не употребляю болѣе короткихъ и предохраняющихъ отъ означеннаго смѣшенія „субъектъ“ и „предикатъ“.

2. Отступленія строя предложенія отъ строя сужденія. Хотя подлежащее и сказуемое сужденія очень часто высказываются подлежащимъ и сказуемымъ предложенія, но такое совпаденіе бываетъ далеко не всегда. Напр., въ предложеніи „древніе персы поклонялись солнцу“ четыре части, а въ сужденіи, которое высказано этимъ предложеніемъ, кромѣ связки, ихъ только двѣ, именно: здѣсь подлежащее сужденія въ предложеніи высказано подлежащимъ и опредѣленіемъ, вмѣстѣ взятыми (древніе персы), а сказуемое сужденія (поклонялись солнцу)—сказуемымъ предложенія, взятымъ вмѣстѣ съ дополненіемъ. Вѣдь слова „поклонялись солнцу“ въ сужденіи обозначаютъ одну мысль, именно—ту самую, которую мы утверждаемъ о древнихъ персахъ, равно какъ слова „древніе персы“ тоже обозначаютъ здѣсь лишь одну мысль.

Мало того: легко можетъ быть, что подлежащее (или сказуемое) сужденія будетъ высказано даже вовсе не подлежащимъ (или сказуемымъ) предложенія, но какой-либо другой частью, напр., однимъ лишь дополненіемъ. Такъ, напр., въ томъ же самомъ предложеніи: „древніе персы поклонялись солнцу“, посредствомъ логическаго ударенія, словомъ, обозначающимъ сказуемое сужденія, можно сдѣлать „солнце“,—между тѣмъ, какъ въ предложеніи это слово всегда служитъ только дополненіемъ. Именно, если мы скажемъ: „древніе персы поклонялись *солнцу*“ (съ ударенiемъ на словѣ „солнцу“), то мы уже выскажемъ такую мысль: „то, чему поклонялись древніе персы (это—подлежащее сужденія), есть солнце (сказуемое сужденія)“. Теперь мы говоримъ о *предметѣ* поклоненія древнихъ персовъ (именно, что оно есть солнце); а прежде, когда мы брали то же самое предложеніе,

но иначе читали его, мы говорили о *древнихъ персахъ* (именно, что они солнцепоклонники), а не о предметѣ ихъ поклоненія.

Такимъ образомъ, строй предложеній, очевидно, не всегда соотвѣтствуетъ строю высказываемыхъ ими сужденій. Пока мы указали примѣры такихъ отступленій строя предложеній отъ строя сужденій, которыя касаются только подлежащаго и сказуемаго сужденій; но когда мы поближе разсмотримъ сужденія, то убѣдимся, что подобныя отступленія касаются и еще кое-чего въ сужденіяхъ. И при логическомъ изученіи сужденій нужно выучиться посредствомъ надлежащихъ упражненій (очень легкихъ и быстро приводящихъ къ цѣли) такъ преобразовывать строй даннаго предложенія, замѣняя его другимъ предложеніемъ, равнозначащимъ съ даннымъ (т.-е. высказывающимъ то же самое сужденіе), чтобы ясно выступали на видъ всѣ особенности высказаннаго имъ сужденія.

При этомъ не надо смущаться, что нерѣдко преобразованное предложеніе окажется какимъ-то сухимъ, блѣднымъ по своей выразительности и неизящнымъ или тяжеловѣснымъ, не только съ эстетической, а даже съ синтаксической точки зрѣнія. Мы легко поймемъ неизбѣжность въ нѣкоторыхъ случаяхъ подобныхъ явленій и отсутствіе въ нихъ всякой важности для изученія логики, какъ только вникнемъ въ причины, принуждающія строй предложеній отступать отъ строя сужденій.

Три причины обусловливаютъ отступленіе строя предложеній отъ строя сужденій:

1) Языкъ служитъ для выраженія не однихъ только сужденій и нашего годнаго для знанія общенія съ ними, но также и для выраженія отношеній всего нашего духа къ высказываемымъ мыслямъ, напр.—для выраженія вызываемыхъ ими душевныхъ настроеній, волненій и т. п. А все это, разумѣется, такъ или иначе должно отражаться и на строѣ предложеній, который поэтому не всегда будетъ вполнѣ соотвѣтствовать строю высказываемыхъ сужденій.

2) На языкѣ, а поэтому и на строѣ предложеній, отражаются и наши эстетическія требованія, предъявляемыя нами къ рѣчи: такъ, въ однихъ случаяхъ они принуждаютъ насъ пропускать нѣкоторыя слова, подразумѣвая ихъ, въ разсчетѣ, что всякій догадается о нихъ, въ другихъ же распредѣлять слова такъ, а не иначе и т. п.

3) Языкъ каждаго народа составляетъ какъ бы особый организмъ, живущій своей особою жизнью, по своимъ особымъ законамъ сравнительно съ языками другихъ народовъ, такъ что въ каждомъ языкѣ есть своя особая грамматика, въ томъ числѣ и особыя синтаксическія правила. Логика же, т.-е. совокупность правилъ мышленія, пригоднаго для расширенія знанія, разумѣется, у всѣхъ народовъ, какъ бы ни различались ихъ языки, можетъ быть только одна, потому что знаніе и провѣрка сужденій, входящихъ въ составъ знанія, должны отличаться общеобязательнымъ характеромъ, такъ что знаніе, на какомъ бы языкѣ оно ни излагалось, должно состоять изъ сужденій, одинаковыхъ для всѣхъ народовъ. Но синтакси-

ческія правила, и вообще особенности каждаго языка, принуждаютъ зачастую одно и то же сужденіе высказывать на различныхъ языкахъ предложеніями, построенными неодинаково, вслѣдствіе чего строй каждаго изъ этихъ предложеній далеко не всегда можетъ совпадать съ строемъ высказываемаго сужденія. Напр., возьмемъ сужденіе: „у меня нѣтъ денегъ“. Въ *предложеніи*, высказывающемъ это сужденіе по-русски, совсѣмъ нѣтъ подлежащаго, хотя въ этомъ *сужденіи*, конечно, есть и подлежащее, и сказуемое. По-нѣмецки и по-французски это сужденіе будетъ высказано такимъ предложеніемъ, въ которомъ подлежащимъ будетъ служить слово, обозначающее „я“: „ich habe kein Geld“; „je n'ai pas d'argent“. А полатыни то же самое сужденіе будетъ высказано предложеніемъ, въ которомъ подлежащимъ служитъ слово, обозначающее деньги: „mihi deest pecunia“. Ясно, что не всѣ эти предложенія будутъ имѣть такой же строй, какъ въ высказываемомъ ими сужденіи.

Конечно, всѣ эти причины, вызывая различныя отступленія въ строѣ нашей рѣчи сравнительно съ строемъ мыслей, вынуждаютъ насъ прибѣгать къ другимъ вспомогательнымъ средствамъ для выраженія нашихъ мыслей, кромѣ словъ и ихъ сочетаній въ видѣ предложеній. Такими средствами служатъ: во-первыхъ, такъ называемыя, логическія ударенія; и, во-вторыхъ, связь рѣчи, т.-е. связь смысла даннаго предложенія съ общимъ смысломъ остальныхъ и, главнымъ образомъ, сосѣднихъ. Она часто легко обнаруживаетъ передъ нами то, что остается въ предложеніи или совсѣмъ невысказаннымъ, или же неясно высказаннымъ.

3. Ошибочность принятыхъ въ грамматикѣ опредѣленій для подлежащаго и сказуемаго предложенія. Противопоставленіе подлежащаго и сказуемаго *сужденія* подлежащему и сказуемому *предложенія* можетъ намъ показаться нѣсколько страннымъ. Это зависитъ, во-первыхъ, отъ ошибочной предвзятой мысли, будто бы рѣчь не выражаетъ ничего другого, кромѣ мыслей, и поэтому подчиняется, будто бы, сполна законамъ мыслей; во-вторыхъ же—отъ того, что съ дѣтства мы привыкли къ ошибочно установленнымъ грамматикой опредѣленіямъ подлежащаго и сказуемаго *предложенія*, именно: „въ предложеніи подлежащимъ называется слово, обозначающее *предметъ, о которомъ говорится въ предложеніи;* сказуемымъ же называется слово, обозначающее *то, что говорится о предметѣ*, который высказывается подлежащимъ“. А сообразно съ этимъ опредѣленіемъ выходитъ, что подлежащее предложенія должно всегда обозначать подлежащее сужденія, а сказуемое перваго—сказуемое второго. Но въ доказательство ошибочности грамматическаго опредѣленія подлежащаго и сказуемаго предложенія можно привесть слѣдующіе доводы:

1. Это опредѣленіе слишкомъ широко; ибо подъ него часто подойдутъ и такія части многихъ предложеній, которыхъ никто не считаетъ подлежащимъ или сказуемымъ. Такъ, возьмемъ предложеніе: „дайте мнѣ хлѣба“. Какое слово обозначаетъ здѣсь предметъ, о которомъ говорится? Конечно, „хлѣба“, потому что здѣсь идетъ рѣчь о хлѣбѣ. Но сама же грамматика

отказывается признать это слово за подлежащее предложенія. Значитъ, данное опредѣленіе подлежащаго предложенія вовсѣмъ вѣрно. Слѣдовательно, предметъ, о которомъ говорится въ предложеніи, только часто (можетъ быть, въ большинствѣ случаевъ), но не всегда обозначается въ предложеніи такимъ словомъ, которое служитъ подлежащимъ предложенія. Можетъ быть, намъ возразятъ, что мы сейчасъ взяли въ видѣ примѣра такое предложеніе (повелительное), которое вовсе не высказываетъ сужденія. Но на это мы такъ отвѣтимъ: хотя это—правда, нашъ примѣръ, все-таки, пригоденъ, чтобы при его помощи показать излишнюю широту принятаго въ грамматикѣ опредѣленія подлежащаго. Вѣдь, будь оно вполнѣ правильнымъ, мы *обязаны* были бы считать и въ этомъ примѣрѣ подлежащимъ слово „хлѣба“ [1]). Кромѣ того, вспомнимъ и нашъ прежній примѣръ: „древніе персы поклонялись *солнцу*“ (удареніе на послѣднемъ словѣ). О чемъ здѣсь говорится (если мы произносимъ это предложеніе съ удареніемъ на словѣ *„солнцу“)? О томъ, чему поклонялись древніе персы.* А что именно говорится объ этомъ предметѣ? Говорится, что оно есть солнце. Слѣдовательно, если бы принятыя въ грамматикѣ опредѣленія подлежащаго и сказуемаго были вполнѣ вѣрны, то мы должны были бы утверждать, что въ нашемъ предложеніи сказуемымъ служитъ слово „солнцу“, *а все прочее* составляетъ въ этомъ предложеніи подлежащее, взятое вмѣстѣ съ его поясни-тельными частями. Но „солнцу“ грамматика считаетъ здѣсь дополненіемъ, а пояснительной частью подлежащаго она считаетъ здѣсь *только* слово „древніе“, но не считаетъ таковой слово „поклонялись“, называя его сказуемымъ предложенія. А теперь мы уже взяли въ видѣ примѣра такое предложеніе, которое завѣдомо высказываетъ сужденіе. Грамматика, говоря о подлежащемъ и сказуемомъ *предложенія,* упустила изъ виду, что предметъ, о которомъ говорится въ предложеніи, мѣняется въ зависимости отъ логическаго ударенія, а предложеніе остается въ это время безъ перемѣны.

2. Разсматриваемыя опредѣленія подлежащаго и сказуемаго *предложеній*, хотя и употребляются *грамматикой*, очевидно, установлены не съ грамматической, а съ логической точки зрѣнія, т.-е. съ точки зрѣнія того, что именно *мыслится* въ томъ *сужденіи*, которое высказывается предложеніемъ. Но грамматическая и логическая точка зрѣнія, очевидно, не могутъ быть тождественны между собой; ибо въ то время, какъ логика изучаетъ сужденія, мысли, грамматика изучаетъ слова и ихъ сочетанія между собой, которыя должны подчиняться своимъ особымъ законамъ, настолько особымъ, что у каждаго народа своя особая грамматика, между тѣмъ какъ логика для всѣхъ народовъ одна и та же. Слѣдовательно, если мы хотимъ оставаться вѣрными грамматической точкѣ зрѣнія на разницу между частями предложенія, то мы должны искать эту разницу не въ томъ, что именно

---

[1]) Какъ видимъ, разсматриваемое возраженіе ошибочное: въ немъ та ошибка, которая называется въ логикѣ ignoratio elenchi. Но людской умъ очень склоненъ къ подобной ошибкѣ; поэтому небезполезно свести счеты съ приведеннымъ возраженіемъ.

мыслится въ сужденіи, высказываемомъ даннымъ предложеніемъ, но въ тѣхъ *чисто-грамматическихъ* особенностяхъ, которыми отличаются другъ отъ друга части предложенія: *съ чисто-грамматической точки зрѣнія каждая данная часть предложенія есть не что иное, какъ слово, подчиняющееся такимъ грамматическимъ требованіямъ, которыя не таковы, какъ для другихъ частей предложенія.* Поэтому, держась чисто грамматической точки зрѣнія, слѣдовало бы опредѣлять подлежащее или сказуемое *предложенія* не иначе, какъ приблизительно слѣдующимъ образомъ: подлежащее (или сказуемое) есть то слово въ предложеніи, которое обладаетъ вотъ такими-то грамматическими особенностями (при этомъ надо въ точности перечислить эти особенности, напр.: подлежащее есть слово, которое стоитъ въ предложеніи или будетъ стоять—если сдѣлать это предложеніе независимымъ отъ другихъ—только въ именительномъ падежѣ и т. п.).

Конечно, противъ этого могутъ возразить, что опредѣлять подлежащее и сказуемое *предложенія* только-что указаннымъ путемъ крайне неудобно въ дидактическомъ отношеніи: дѣти, которыя только-что еще начинаютъ изучать грамматику, не въ силахъ понять и усвоить такое опредѣленіе. Но, во-первыхъ, у насъ рѣчь идетъ не о дѣтяхъ, которыя занимаются всего только грамматикой и поэтому еще не въ силахъ вполнѣ усвоить разницу между логической и грамматической точкой зрѣнія, а о тѣхъ, кто уже изучаетъ *логику:* они-то должны въ точности научиться отличать логическую точку зрѣнія отъ грамматической и части сужденій отъ частей предложеній. Во-вторыхъ, что касается дѣтей, то, конечно, всякій преподаватель имѣетъ неоспоримое право, въ видѣ дидактическаго пріема, значительно облегчающаго преподаваніе грамматики, опредѣлять подлежащее и сказуемое такъ, какъ это принято въ ней, хотя такое опредѣленіе завѣдомо ошибочно. При этомъ онъ можетъ разсчитывать или на то, что сдѣлаетъ съ теченіемъ времени, когда дѣти достаточно освоятся съ грамматикой, надлежащія поправки (*безсознательно, т.-е. безъ всякаго пониманія того, что дѣлается*, такая поправка и производится въ видѣ, такъ называемыхъ, *правилъ синтаксиса* относительно подлежащаго и сказуемаго), или же на то, что это ошибочное опредѣленіе пригодно для большинства предложеній, а въ остальныхъ дѣти будутъ постепенно находить ихъ подлежащія и сказуемыя по аналогіи съ первымъ. Въ дѣйствительности такъ и бываетъ: дѣти очень быстро убѣждаются, что нельзя въ поискахъ подлежащаго и сказуемаго всегда руководствоваться указанными имъ опредѣленіями, ибо подъ нихъ часто подойдутъ дополненія и разныя другія части предложенія; но дѣти практически, по аналогіи съ извѣстными имъ примѣрами, навыкаютъ отличать другъ отъ друга и правильно классифицировать всѣ эти части. Право преподавателей грамматики на употребленіе такого дидактическаго пріема неоспоримо; но не слѣдуетъ считать истиной то, что завѣдомо невѣрно, но позволительно ради упрощенія учебнаго дѣла, ради наискорѣйшаго обученія тому или другому предмету.

3. Наконецъ, *если бы* отожествленіе подлежащаго, а равно и ска-

зуемаго, *предложенія* съ одноименными частями *сужденія* было вѣрно, то было бы совершенно невозможно переводить съ какого-нибудь языка, *которымъ мы еще не владѣемъ, какъ своимъ роднымъ*, на родной языкъ [1]). Дѣйствительно, раньше, чѣмъ перевести какое-нибудь предложеніе съ чужого языка, надо выяснить самому себѣ, что въ этомъ предложеніи служитъ подлежащимъ и что—сказуемымъ. Если же подлежащее предложенія есть слово, обозначающее предметъ, о которомъ говорится въ данномъ предложеніи, сказуемое—слово, обозначающее то, что говорится о предметѣ, то спрашивается: какъ же намъ угадать подлежащее и сказуемое предложенія раньше, чѣмъ будетъ сдѣланъ переводъ даннаго предложенія? Вѣдь только переведя данное предложеніе на свой языкъ, мы въ силахъ будемъ понять, что именно и о чемъ именно говорится въ немъ; а намъ надо понять это еще раньше, чѣмъ мы сдѣлали переводъ. И выходитъ, что при всякой попыткѣ къ переводу мы должны были бы попасть въ безвыходный заколдованный кругъ.

Но выяснимъ путемъ самонаблюденія, какъ именно мы дѣлаемъ переводъ съ чужого языка на родной. Разумѣется, для этого самонаблюденія надо брать переводы съ такого языка, котораго мы еще не понимаемъ прямо, безъ предварительнаго перевода. Оказывается, что во время перевода мы еще не знаемъ, гдѣ стоитъ слово, обозначающее предметъ, о которомъ говорится, и слово, обозначающее то, что о предметѣ говорится, а мы смотримъ прежде всего—гдѣ присутствуютъ тѣ или другія грамматическія особенности, и по нимъ угадываемъ, гдѣ находится подлежащее, сказуемое и другія части переводимаго предложенія. Угадавъ же это, мы русскія слова, соотвѣтствующія этимъ частямъ, употребляемъ такъ, чтобы они образовали такія же части русскаго предложенія. А послѣ того, если построенное нами такимъ путемъ русское предложеніе выйдетъ неуклюжимъ, мы надлежащимъ образомъ исправляемъ его строй, вовсе не стѣсняясь тѣмъ, чтобы сказуемое оригинала совпадало съ сказуемымъ перевода и т. д.

4. Термины. *Тѣ словесные знаки, которые обозначаютъ подлежащее сужденія, а также и тѣ, которые обозначаютъ сказуемое сужденія, называются въ логикѣ терминами.* Напр.: „ртуть“, „жидкость“, „металлы“, „древніе персы“, „поклоняться солнцу“, „то, чему поклонялись древніе персы“, „солнце“ и т. д., все это термины. *И въ глазахъ логики каждое предложеніе, которое высказываетъ сужденіе, состоитъ всего лишь изъ трехъ частей, именно—изъ двухъ терминовъ и знака связки* (при чемъ послѣдній въ русскомъ языкѣ часто пропускается): *одинъ изъ этихъ терминовъ обозначаетъ подлежащее сужденія, а другой—сказуемое.* Грамматика насчитываетъ въ предложеніи гораздо большее число частей; но это потому, что она изучаетъ самый языкъ, рѣчь какого-либо особаго народа, логика же не изучаетъ никакого языка и относится къ предложеніямъ только, какъ

[1]) Къ языкамъ, съ которыми мы хорошо освоились, трудно примѣнить послѣдующія разсужденія, ибо мы ихъ начинаемъ понимать безъ предварительнаго перевода.

къ средству высказывать сужденія, даже независимо отъ того, какому языку будутъ принадлежать эти предложенія. И такъ какъ въ сужденіи кромѣ связки есть только подлежащее и сказуемое, то съ логической точки зрѣнія въ такомъ предложеніи, которое высказываетъ какое-либо сужденіе, на-ряду съ знакомъ связки не можетъ быть ничего другого, кромѣ двухъ терминовъ.

Что же касается самихъ терминовъ, то они могутъ быть или простыми, состоящими каждый только изъ одного слова, каковы: „китъ“, „рыба“, „двигаться“, „цвѣтъ“ и т. д., или же сложными, состоящими изъ соединенія нѣсколькихъ словъ, каковы: „морская рыба“, „двигаться вокругъ своей оси“, „цвѣтъ, наблюдаемый въ солнечномъ спектрѣ“ и т. п. Но какъ бы ни былъ сложенъ данный терминъ, образующія его слова, разумѣется, еще не составляютъ предложенія, потому что въ послѣднемъ должно быть два термина. По своему происхожденію *термины* дѣлятся на *естественные*, созданные самимъ народомъ для обозначенія мыслей, созрѣвшихъ уже въ обыденной жизни, и на *искусственные или техническіе*, созданные наукой, т.-е. одними лишь учеными, для обозначенія мыслей, созрѣвающихъ только при изученіи науки. Примѣры естественныхъ терминовъ: „китъ“, „рыба“, „движеніе“, „домашнее животное“, „поклоненіе солнцу“ и т. д. Примѣры техническихъ или искусственныхъ терминовъ: „предложеніе“, „сказуемое“, „волнообразныя колебанія воздуха“, „гипотенуза“, „индуктивные токи“ и т. д. И языкъ каждой науки состоитъ изъ двухъ частей: отчасти изъ естественныхъ, а отчасти изъ искусственныхъ терминовъ, при чемъ для образованія послѣднихъ наука нерѣдко заимствуетъ слова не изъ родного, но изъ чужихъ языковъ, именно—изъ латинскаго и греческаго. Совокупность искусственныхъ терминовъ, установленныхъ данной наукой, взятыхъ въ связи съ объясненіемъ ихъ значенія, называется *терминологіей* этой науки.

5. Признаки и ихъ подраздѣленія. При дальнѣйшемъ изученіи сужденій намъ придется упоминать о признакахъ тѣхъ предметовъ, которые мыслятся въ подлежащемъ и сказуемомъ. Поэтому удобнѣе всего сперва сказать, что такое признаки и чѣмъ они отличаются другъ отъ друга. *Признаками называется все то, въ чемъ предметы сходны или же различны между собой.* Напр.: четыреугольность составляетъ одинъ изъ признаковъ всякаго квадрата, которымъ послѣдній сходенъ и съ остальными квадратами, и съ параллелограммами, и съ трапеціями, словомъ, со всѣми четыреугольниками, какъ бы они ни назывались. Этимъ же самымъ признакомъ, между прочимъ, квадраты отличаются отъ всѣхъ треугольниковъ и многоугольниковъ. Дыханіе легкими составляетъ одинъ изъ признаковъ китовъ, которымъ всѣ они сходны и между собой, и со всѣми млекопитающими, и со всѣми птицами, и которымъ вмѣстѣ съ тѣмъ отличаются отъ рыбъ. Краснота есть признакъ одного изъ цвѣтовъ спектра, равно какъ желтизна—признакъ другого цвѣта и т. д.

Признаки раздѣляются на *общіе*, принадлежащіе сразу многимъ предметамъ, которые черезъ это оказываются сходными между собой въ обладаніи этими признаками, и *единичные*, которыми отдѣльный предметъ отли-

чается отъ всѣхъ безъ исключенія предметовъ, даже отъ наиболѣе сходныхъ съ нимъ. Такъ, у каждаго человѣка есть признаки, общіе со всѣми людьми, такъ что въ обладаніи этими признаками онъ оказывается сходнымъ со всѣми людьми. Но у каждаго человѣка есть и такіе признаки, посредствомъ которыхъ онъ отличается отъ всѣхъ людей, даже отъ наиболѣе похожихъ на него. Точно также у каждаго квадрата есть признаки общіе и со всѣми квадратами, и со всѣми четыреугольниками, и т. д., а вмѣстѣ съ тѣмъ у него же есть и единичные признаки, которыми данный квадратъ отличается отъ всѣхъ квадратовъ, напр., его величина, занимаемое имъ мѣсто, положеніе, въ которомъ онъ вычерченъ, и т. п.

Признаки, будутъ ли они общими или единичными, раздѣляются еще на существенные и несущественные. Существенными признаками называются такіе признаки, изъ которыхъ каждый, взятый отдѣльно, необходимъ, а всѣ вмѣстѣ достаточны, чтобы отличить данный предметъ, или же данную группу предметовъ, отъ всѣхъ остальныхъ предметовъ. Напр., существенными признаками квадратовъ служатъ: четыре стороны, прямолинейность этихъ сторонъ, образованіе ихъ пересѣченіемъ четырехъ прямыхъ угловъ и равенство этихъ сторонъ между собой; ибо каждый изъ этихъ признаковъ необходимъ, чтобы отличить квадраты отъ любой другой фигуры, а всѣ вмѣстѣ достаточны для этой цѣли. Дѣйствительно: если мы отбросимъ хоть одинъ изъ этихъ признаковъ, то мы уже не отличимъ квадратовъ съ помощью оставшихся у насъ признаковъ отъ всѣхъ фигуръ. Напр.: безъ равенства сторонъ мы не отличимъ ихъ отъ продолговатыхъ прямоугольниковъ; безъ прямизны угловъ мы не отличимъ ихъ отъ ромбовъ и т. д. Съ другой стороны, всѣхъ этихъ признаковъ, взятыхъ вмѣстѣ, уже достаточно, чтобы отличить квадраты отъ какихъ угодно фигуръ. Въ самомъ дѣлѣ: у квадратовъ, конечно, есть еще и другіе общіе имъ всѣмъ признаки, напр., обладаніе равными діагоналями, взаимная перпендикулярность діагоналей и т. п.; но намъ ни въ одномъ изъ этихъ признаковъ уже нѣтъ никакой надобности на-ряду съ преждеуказанными (четырехсторонность, прямолинейность сторонъ и т. д.), чтобы отличить квадраты отъ всѣхъ фигуръ. Такимъ образомъ, вышеуказанные признаки принадлежатъ въ квадратахъ къ существеннымъ, а всѣ прочіе несущественные. Другой примѣръ: существенными признаками китовъ служатъ, во-первыхъ, принадлежность къ животнымъ, т.-е. всѣ существенные признаки животныхъ вообще (рождаемость, смертность, способность двигаться и т. д.), во-вторыхъ, опредѣленная внѣшняя форма; ибо каждый изъ этихъ признаковъ необходимъ, чтобы отличить китовъ отъ всѣхъ предметовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ ихъ достаточно для этой цѣли. Всѣ же остальные признаки китовъ (а этихъ признаковъ такъ много, что изъ нихъ слагается довольно длинное, даже съ трудомъ запоминаемое, вслѣдствіе его длины, зоологическое описаніе китовъ) называются ихъ несущественными признаками. Наконецъ, существенными признаками Аристотеля служитъ то, что это—греческій философъ, жившій между 384 и 322 гг. до Р. Х.; а все, что мы знаемъ о немъ изъ исторіи (ученикъ Платона,

основатель логики, воспитатель Александра Македонскаго и т. д.), хотя и составляетъ признаки Аристотеля, но уже несущественные.

6. Относительность въ разницѣ существенныхъ и несущественныхъ признаковъ. Однако, наше опредѣленіе существенныхъ признаковъ еще должно быть пополнено кое-чѣмъ. Вѣдь *иногда* (хотя не всегда) *въ данномъ предметѣ или въ данной группѣ предметовъ можно выбрать два такихъ сочетанія признаковъ, что съ помощью каждаго изъ этихъ сочетаній мы отличимъ этотъ предметъ или данную группу предметовъ отъ всѣхъ остальныхъ*. Напр., квадраты можно отличить отъ всѣхъ предметовъ не только тѣми признаками, которые мы сейчасъ указывали (четыреугольность, прямоугольность и равенство сторонъ), но также и съ помощью слѣдующей суммы признаковъ: четыреугольность и обладаніе діагоналями, которыя были бы взаимно перпендикулярными, взаимно дѣлящими одна другую пополамъ и равными между собой. Вѣдь такими признаками обладаютъ только квадраты, такъ что и про эти признаки можно сказать, что каждый изъ нихъ необходимъ, а взятые вмѣстѣ, они достаточны, чтобы отличить квадраты отъ всѣхъ остальныхъ предметовъ. Точно также, чтобы отличить Аристотеля отъ всѣхъ остальныхъ людей, достаточно указать, что онъ былъ воспитателемъ Александра Македонскаго, умалчивая и о томъ, что онъ былъ философомъ и о томъ, когда онъ родился и умеръ.

Поэтому *окончательное опредѣленіе существенныхъ признаковъ должно быть такимъ: это—признаки, которые и необходимы, и достаточны, чтобы съ ихъ помощью отличить предметъ или группу предметовъ отъ всѣхъ остальныхъ, и которые, вмѣстѣ съ тѣмъ, изъ всѣхъ подобныхъ признаковъ* (т.-е. необходимыхъ и достаточныхъ для той же цѣли) *оказываются болѣе важными при разсмотрѣніи даннаго предмета или данной группы предметовъ съ той точки зрѣнія, съ какой мы хотимъ узнать послѣдніе*. И существенными признаками квадратовъ потому приходится считать прежде указанные (четыреугольность, прямоугольность и равносторонность), а не тѣ, которые были указаны сейчасъ, что при изученіи геометріи первые оказываются важнѣе вторыхъ. Точно также оттого приходится считать существенными для Аристотеля преждеуказанные признаки, что при изученіи исторіи они важнѣе, чѣмъ то обстоятельство, что онъ былъ воспитателемъ Александра Македонскаго: оттого-то онъ и сдѣлался воспитателемъ послѣдняго, что былъ самымъ выдающимся философомъ того времени, когда надо было пригласить воспитателя къ Александру.

Такимъ образомъ, принадлежность даннаго признака къ числу существенныхъ или несущественныхъ зависитъ не только отъ мыслимаго нами предмета, но и отъ нашей точки зрѣнія на него, такъ что выходитъ до извѣстной степени обстоятельствомъ относительнымъ. Этимъ-то и объясняется, что *нерѣдко, но, конечно, не всегда, для одного и того же предмета можно устанавливать различныя опредѣленія, и каждое изъ нихъ, все-таки, будетъ вполнѣ правильнымъ*. А не слѣдуетъ упускать изъ виду, что каждое правильное опредѣленіе (какъ это уже извѣстно изъ любого гимназическаго

курса логики, да и самому легко подмѣтить) должно состоять изъ перечня существенныхъ признаковъ, перечня исчерпывающаго, полнаго, но и ограничивающагося одними только существенными признаками: опредѣленіе есть указаніе *всѣхъ* существенныхъ, *но однихъ только* существенныхъ признаковъ. И возможность двоякаго правильнаго опредѣленія одного и того же предмета ясно обнаруживается даже въ геометріи, именно: существуютъ двѣ системы изложенія одной и той же геометріи Эвклида (не Эвклида и Лобачевскаго, но одного Эвклида, т.-е. той самой геометріи, съ которой всякій изъ насъ знакомится въ гимназіи); обѣ онѣ одинаково распространены и одинаково строго доказываютъ всѣ свои теоремы, хотя не съ одинаковой легкостью въ изложеніи. Въ одной изъ нихъ прямая линія опредѣляется, *какъ линія, постоянно сохраняющая одно и то же направленіе, т.-е. какъ нигдѣ неизмѣняющая его*, такъ что сохраненіе первоначальнаго направленія считается въ этой системѣ существеннымъ признакомъ прямой линіи. Въ другой же системѣ прямая линія опредѣляется, какъ *такая линія, что для точнаго указанія ея положенія въ пространствѣ достаточно отмѣтить только двѣ находящихся на ней точки.* (Для точнаго же указанія положенія кривой линіи въ пространствѣ надо на ней отмѣтить не меньше трехъ точекъ. Напримѣръ, положеніе круговой линіи въ пространствѣ можно точнымъ образомъ указать не иначе, какъ при помощи трехъ лежащихъ на ней точекъ). Такимъ образомъ, въ этой системѣ изложенія сохраненіе первоначальнаго направленія не считается существеннымъ признакомъ прямой линіи: иначе о немъ упоминалось бы въ опредѣленіи прямой.

Намъ, конечно, съ перваго взгляда кажется, будто бы каждый признакъ долженъ быть существеннымъ или несущественнымъ самъ по себѣ, независимо отъ точки зрѣнія, съ какой мы разсматриваемъ данный предметъ или данный классъ предметовъ, будто бы его принадлежность къ числу существенныхъ есть вещь вполнѣ безотносительная, зависящая только отъ свойствъ разсматриваемаго предмета. Но это простой самообманъ, который зависитъ отчасти отъ того, что мы слишкомъ сильно свыкаемся съ той точкой зрѣнія, съ какой мы разсматриваемъ данный предметъ, и поэтому начинаемъ ее считать единственно возможной, независимой отъ нашихъ цѣлей и намѣреній, *вызываемой самимъ предметомъ*, а не тѣми намѣреніями, съ какими мы разсматриваемъ его. Отчасти же этотъ самообманъ создается и поддерживается тѣмъ обстоятельствомъ, что очень часто, если не въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, намѣренія разныхъ людей, и намѣренія одного и того же человѣка въ разное время, при разсмотрѣніи какого-либо предмета оказываются одинаковыми между собой; а вслѣдствіе этого и та точка зрѣнія, съ которой каждый изъ нихъ разсматриваетъ данный предметъ, оказывается постоянно и для каждаго изъ нихъ одинаково обязательной (ибо она обусловливается ихъ намѣреніями); а черезъ это, въ свою очередь, и раздѣленіе признаковъ даннаго предмета на существенные и несущественные выходитъ постоянно и для каждаго изъ нихъ одинаково обязательнымъ (ибо оно зависитъ отъ занятой для нихъ точки зрѣнія). И вотъ, эту постоянную

и одинаковую для всѣхъ обязательность въ раздѣленіи признаковъ даннаго предмета на двѣ группы ошибочно считаютъ зависящей не отъ собственныхъ намѣреній разныхъ лицъ, не отъ одинаковости этихъ намѣреній, но отъ самого предмета. А тогда, разумѣется, будетъ казаться, будто бы въ принадлежности признака къ существеннымъ или несущественнымъ вовсе нѣтъ ничего относительнаго, ничего такого, что̀ зависѣло бы отъ нашей точки зрѣнія на предметъ.

7. Неудача попытокъ сдѣлать безотносительной разницу между существенными и несущественными признаками. Но хорошо или дурно объяснили мы указанный сейчасъ самообманъ, подъ его вліяніемъ многіе пытаются такъ опредѣлить разницу между существенными и несущественными признаками, чтобы въ ней не было ничего относительнаго, ничего зависящаго отъ предпочтенной нами точки зрѣнія на разсматриваемые предметы. Но всѣ эти попытки оказываются неудачными и этимъ лишній разъ подтверждаютъ, что принадлежность признака къ существеннымъ или несущественнымъ зависитъ не только отъ него самого, но и отъ выбранной нами точки зрѣнія на него. Въ самомъ дѣлѣ:

а) Иногда опредѣляютъ существенный признакъ, какъ такой, безъ котораго предметъ не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть, при чемъ не говорятъ объ его разсмотрѣніи съ извѣстной точки зрѣнія, а вообще, т.-е. подразумѣвается, что съ устраненіемъ существеннаго признака предметъ не можетъ быть тѣмъ, чѣмъ онъ есть, если даже разсматривать его съ *любой* точки зрѣнія. Но вѣдь какой бы признакъ мы ни устранили изъ предмета, хотя бы самый ничтожный, сейчасъ же онъ перестаетъ быть тѣмъ, чѣмъ былъ прежде. Напр., если допустить, что величина даннаго стола устранилась и замѣнилась иной величиной, столъ будетъ уже не прежнимъ, а другимъ столомъ. Онъ останется тѣмъ, чѣмъ былъ, если его разсматривать только, какъ столъ, т.-е. при разсмотрѣніи его съ опредѣленной точки зрѣнія. Слѣдовательно, при томъ опредѣленіи понятія существенныхъ признаковъ, о которомъ сейчасъ идетъ рѣчь, всѣ признаки окажутся одинаково существенными, а между тѣмъ, само-то это опредѣленіе строится именно для того, чтобы отличить существенные признаки отъ несущественныхъ. Значитъ, для достиженія этой цѣли надо прибавить, что при устраненіи существеннаго признака предметъ не можетъ быть такимъ, какимъ онъ есть, *если онъ разсматривается съ извѣстной точки зрѣнія.*

b) Говорятъ еще такъ: существенный признакъ—тотъ, наличность котораго требуется сущностью предмета, а несущественный только допускается, но еще не требуется ею. Это было бы вполнѣ пригоднымъ средствомъ для отличенія существеннаго признака отъ несущественнаго, но въ томъ только случаѣ, если бы наука уже знала сущность вещей, а этого нѣтъ. И какъ далеки мы отъ этого знанія, видно хотя бы изъ того, что споръ между матеріализмомъ, дуалистическимъ спиритуализмомъ и панпсихизмомъ еще далеко не закончился, а гносеологія утверждаетъ даже, что онъ никогда не закончится. Если же сущности вещей мы еще не знаемъ, то, конечно, мы еще

не въ правѣ говорить о томъ, что̀ дѣйствительно требуется ею, а что̀ только допускается. Пока мы въ правѣ говорить только о томъ, что̀ мы сами считаемъ въ предметахъ болѣе существеннымъ; но тогда результатъ, т.-е. признаніе признака существеннымъ или несущественнымъ, окажется въ зависимости отъ той точки зрѣнія, съ какой мы разсматриваемъ предметъ.

c) Въ „Логикѣ“ Владиславлева и въ нѣкоторыхъ другихъ [1]) существенный признакъ опредѣляется, какъ такой, который требуется „идеей“ предмета, при чемъ подъ „идеей“ въ данномъ случаѣ подразумѣвается нѣчто въ родѣ того, что̀ подразумѣваютъ, когда говорятъ, напримѣръ, объ идеѣ какого-нибудь художественнаго произведенія. Именно: думаютъ, что какъ въ художественномъ произведеніи воплощена нѣкоторая идея, которая обусловливаетъ, изъ какихъ частей состоитъ это произведеніе, и какъ онѣ относятся другъ къ другу, такъ точно и въ каждой вещи воплощена нѣкоторая идея (или смыслъ), которая обусловливаетъ ея общій характеръ. Тогда все, что̀ требуется идеей вещи, составитъ ея существенные признаки, а что̀ лишь допускается, но еще не требуется ея идеей, будетъ несущественнымъ признакомъ. Но ясно, что такое различеніе существеннаго признака отъ несущественнаго стоитъ въ прямой зависимости отъ предположенія, будто бы мы уже знаемъ самую сущность вещи: вѣдь здѣсь идеей названо то же самое, что̀ понимается подъ сущностью вещи. Но мы разсматриваемъ, можетъ ли быть указана безотносительная разница между существенными и несущественными признаками при томъ условіи, что мы еще не знаемъ сущности вещей.

d) Существенный признакъ опредѣляется еще иногда, какъ признакъ *невыводной*, изъ котораго въ то же время можно вывести множество другихъ признаковъ предмета. Такъ, напримѣръ, въ понятіи квадрата четыре равныхъ стороны и четыре равныхъ угла—признаки существенные. Но такая *абсолютная* разница между существенными и несущественными признаками только кажущаяся. Говорятъ, равенство угловъ и сторонъ квадрата—невыводной (а потому существенный) признакъ. Почему же невыводной? Потому, что онъ уже содержится въ самомъ опредѣленіи квадрата. А что, если мы опредѣлимъ квадратъ, *какъ фигуру, въ которой можно провести только двѣ и притомъ равныхъ діагонали, взаимно перпендикулярныхъ и дѣлящихъ одна другую пополамъ?* Тогда у насъ тоже получится опредѣленіе квадрата, а не чего-либо другого; но равенство сторонъ и угловъ уже окажется признакомъ выводнымъ, т.-е. *несущественнымъ*. Вѣдь это равенство можно доказать, опираясь на наше опредѣленіе, т.-е. можно доказать, что у такой фигуры непремѣнно будутъ равныя стороны и равные углы. На это можно возразить, что первое опредѣленіе квадрата гораздо удобнѣе, и что при такомъ опредѣленіи легче изучать геометрію. Совершенно вѣрно, но вѣдь это вмѣстѣ съ тѣмъ значитъ, что безотносительной разницы между призна-

[1]) См., такъ называемую, большую логику (университетскій курсъ) Владиславлева.—Логика. Обозрѣніе и т. д. Спб., 1881, стр. 50 и слѣд., также Ueberweg. System der Logik. Bonn 1857, § 57.

ками въ данномъ случаѣ не устанавливается, и что она сводится къ разницѣ въ удобствѣ изученія предмета, т.-е. зависитъ отъ избранной нами точки зрѣнія.

8. Понятія. Теперь вернемся къ сужденіямъ. Каждый терминъ, конечно, обозначаетъ какіе-либо мыслимые нами предметы (будутъ ли это вещи, или же свойства, состоянія вещей, и т. п., это все равно). И не трудно замѣтить, что *всѣ термины обозначаютъ предметы, мыслимые (или умственно разсматриваемые) со стороны однихъ только ихъ существенныхъ признаковъ.* Это видно хотя бы изъ слѣдующаго соображенія: термины служатъ для того, чтобы мы сообщали другъ другу свои мысли и правильно понимали другъ друга. А при этомъ условіи нельзя подразумѣвать подъ терминами такіе предметы, которые мыслились бы нами со стороны всѣхъ до одного принадлежащихъ имъ признаковъ. Вѣдь чаще всего у каждаго предмета бываетъ столько разнообразныхъ признаковъ, что всѣ ихъ нельзя даже запомнить. Напр., сколько признаковъ у китовъ, у рыбъ, у Аристотеля и т. д.? Но нельзя подразумѣвать подъ терминами и предметы, мыслимые со стороны какихъ попало признаковъ. Вѣдь тогда ни у какого термина не будетъ строго опредѣленнаго смысла, а каждый будетъ употреблять его по-своему, такъ что мы не въ состояніи будемъ правильно понимать другъ друга. Если же термины обозначаютъ предметы, мыслимые только со стороны ихъ существенныхъ признаковъ, то смыслъ каждаго термина легко запомнить, потому что такихъ признаковъ помногу никогда не бываетъ въ предметахъ: иначе нельзя было бы научиться отличать предметы другъ отъ друга. Вмѣстѣ съ тѣмъ при этомъ условіи каждый терминъ будетъ для всѣхъ людей имѣть одинаковый смыслъ.

Термины, какъ сейчасъ сказано, обозначаютъ предметы мыслимые или умственно разсматриваемые со стороны однихъ только ихъ существенныхъ признаковъ. Но термины же, какъ сказано на стр. 54, служатъ словесными знаками подлежащаго и сказуемаго сужденія. Слѣд., подлежащее и сказуемое сужденія образуютъ собою такія мысли о предметахъ, въ которыхъ послѣдніе мыслятся или умственно разсматриваются со стороны ихъ существенныхъ признаковъ. *Мысли же о предметахъ, разсматриваемыхъ со стороны ихъ существенныхъ признаковъ, называются въ логикѣ понятіями.* Напр., понятіе квадрата есть мысль о квадратахъ, разсматриваемыхъ или мыслимыхъ со стороны существенныхъ признаковъ. Понятіе кита есть мысль о китахъ, разсматриваемыхъ со стороны существенныхъ признаковъ, и т. д. А изъ всего этого получаются два слѣдствія: одно о сужденіяхъ, а другое о терминахъ. Первое таково: *подлежащее и сказуемое каждаго сужденія образуютъ собой два понятія.* Въ одномъ изъ нихъ мыслится то, о чемъ утверждается или отрицается что-нибудь, а въ другомъ что именно утверждается или отрицается о первомъ. Поэтому *всякое сужденіе, когда мы его разсматриваемъ съ логической точки зрѣнія, можетъ быть названо состоящимъ изъ соединенія двухъ понятій въ видѣ подлежащаго и сказуемаго.* Другое же слѣдствіе, о терминахъ,

таково: *термины не только обозначаютъ предметы, мыслимые со стороны ихъ существенныхъ признаковъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ словесными знаками тѣхъ понятій, съ помощью которыхъ нами мыслятся предметы, обозначаемые терминами.*

Такимъ образомъ, мы узнали, что̀ именно мыслится въ сужденіяхъ, какъ это требовалось сказаннымъ на стр. 8, именно—два понятія, соединенныхъ въ видѣ подлежащаго и сказуемаго. А теперь намъ предстоитъ узнать, какъ видоизмѣняются сужденія и при какихъ сужденіяхъ они пріобрѣтаютъ наибольшую важность для знанія (ср. стр. 8). Но для этого, конечно, надо сперва еще больше познакомиться съ понятіями, коль скоро они-то и мыслятся въ сужденіяхъ.

9. Важнѣйшія недоразумѣнія по поводу понятій. Прежде всего нужно предостеречь отъ слѣдующихъ недоразумѣній по поводу понятій:

1. Часто говорятъ, что знаніе состоитъ изъ понятій. Доходятъ даже до того, что слово „понятіе“ употребляютъ, какъ синонимъ слова „знаніе“. Напр., говорятъ объ ученикѣ, оттого провалившемся на экзаменѣ изъ геометріи, что онъ не умѣлъ доказать ни одной теоремы о равенствѣ треугольниковъ: „у него нѣтъ ни малѣйшаго понятія о треугольникахъ“. Но понятіе треугольника, напр., опредѣленіе треугольника, не могло же не выработаться у того, кого обучали геометріи; слѣдовательно, здѣсь подъ выраженіемъ „ни малѣйшаго понятія“ подразумѣваютъ „ни малѣйшаго знанія“. Однако, *слова, что знаніе состоитъ изъ понятій, вѣрны лишь съ той оговоркой, чтобы понятія разсматривались здѣсь, какъ части сужденій, а не предполагались взятыми отдѣльно*, безъ ихъ соединенія въ видѣ сужденій. Вѣдь знаніе состоитъ изъ сужденій, а не изъ какихъ-либо другихъ мыслей, и понятія могутъ входить въ составъ знанія лишь, какъ части сужденія. Отдѣльно же взятое понятіе, напр., понятіе квадрата, еще не образуетъ знанія (ср. стр. 8). Въ связи съ этимъ *въ логикѣ никогда не слѣдуетъ употреблять слово „понятіе“ вмѣсто слова „знаніе“*, какъ это позволяетъ себѣ дѣлать обыденная жизнь: иначе наше изложеніе станетъ сбивчивымъ, неяснымъ. И запомнить это правило тѣмъ необходимѣе, что многіе авторы (напр., Риккертъ и другіе) тоже позволяютъ себѣ подобную небрежность въ выраженіяхъ, т. е. употребляютъ слово понятіе и въ смыслѣ знанія, чѣмъ, разумѣется, вовсе не содѣйствуютъ ясности ни въ своихъ разсужденіяхъ, ни въ головахъ своихъ читателей, запоминающихъ какъ бы относящееся къ понятіямъ то, что̀, можетъ быть, и вѣрно, да вѣрно-то о сужденіяхъ, а не объ отдѣльно взятыхъ понятіяхъ.

2. Когда логика говоритъ, что каждое сужденіе состоитъ изъ соединенія двухъ понятій, то не слѣдуетъ думать, будто бы она этимъ хочетъ сказать, что возникновеніе понятій предшествуетъ возникновенію сужденій, что, будто бы, сперва возникаютъ понятія, а послѣ того, соединяя ихъ по два утвердительнымъ или отрицательнымъ отношеніемъ, мы образуемъ изъ нихъ сужденія. *Логика вовсе не интересуется вопросами о взаимномъ отношеніи въ возникновеніи сужденій и понятій въ нашемъ умѣ:* это

психологическіе, а не логическіе вопросы. И въ разсматриваемомъ положеніи логика утверждаетъ только слѣдующее: если вглядѣться въ любое сужденіе съ логической точки зрѣнія, то оно окажется состоящимъ изъ соединенія (посредствомъ утвердительной или отрицательной связи) двухъ понятій; а какъ это произошло въ данномъ сужденіи, логика вовсе не говоритъ и оставляетъ этотъ вопросъ открытымъ во всѣ стороны.

3. Понятія, конечно, необходимо отличать отъ всѣхъ другихъ мыслей, въ частности отъ представленій, смѣшать съ которыми ихъ легче всего. Представленіями называются въ психологіи, какъ это показываетъ уже ихъ названіе, такія мысли, посредствомъ которыхъ мы какъ бы воспринимаемъ предметы, какъ бы *ставимъ* ихъ передъ собой, хотя въ дѣйствительности ихъ нѣтъ передъ нами. Въ этомъ отношеніи представленія сходны съ понятіями. Разница же между тѣми и другими сводится къ тому, что посредствомъ представленія мы разсматриваемъ, т. е. какъ бы воспринимаемъ, предметы со стороны какихъ угодно признаковъ, независимо отъ того, будутъ ли они существенными или несущественными, а посредствомъ понятій только со стороны существенныхъ. *Но отличая понятія отъ представленій, разумѣется, въ логикѣ не слѣдуетъ предрѣшать въ какую бы то ни было сторону, а надо оставить открытымъ психологическій вопросъ объ элементахъ душевной жизни, составляющихъ переживанія понятія и представленія*, именно, переживаются ли нами понятія, какъ вполнѣ самостоятельныя мысли сравнительно съ представленіями, или же переживаніе понятій составляетъ лишь особое видоизмѣненіе въ переживаніи представленій. Напр.—понятія, можетъ быть, по психологическому составу ихъ переживанія то же самое, что и представленія, но такія, въ которыхъ вниманіе приковано къ однимъ лишь существеннымъ признакамъ. Логикѣ нѣтъ никакой нужды до состава самаго переживанія понятій и представленій: при ея изученіи достаточно принять къ свѣдѣнію, что понятіемъ называется мысль о предметѣ (или группѣ предметовъ), разсматриваемомъ (или разсматриваемыхъ) со стороны существенныхъ признаковъ, и что здѣсь-то именно коренится то отличіе понятій отъ представленій, которое одно только и важно для логики. Изученіе же сходства и разницы въ тѣхъ душевныхъ переживаніяхъ, которыя бываютъ при понятіяхъ и представленіяхъ, должно быть предоставлено психологіи.

4. Нѣкоторые авторы употребляютъ слово „понятіе“, какъ синонимъ общаго представленія, т. е. такого представленія, посредствомъ котораго мы какъ бы воспринимаемъ предметы, которыхъ въ дѣйствительности нѣтъ передъ нами, только со стороны ихъ общихъ признаковъ; и при такомъ словоупотребленіи понятія, конечно, могутъ быть только общими, а отнюдь не единичными. Но такъ какъ логикѣ нѣтъ дѣла до представленій, то для нея такое словоупотребленіе негодно. Да и само по себѣ оно дурно: общія представленія уже и безъ того имѣютъ свое названіе, и, называя ихъ еще понятіями, вносятъ сбивчивость въ научную терминологію.

ГЛАВА IV.

Видоизмѣненія понятій и сужденій.

1. Содержаніе и объемъ понятія. Теперь, сообразно съ сказаннымъ на стр. 8, мы должны разсмотрѣть видоизмѣненія сужденій, дабы выяснить, при какихъ видоизмѣненіяхъ они пріобрѣтаютъ большее значеніе для расширенія знанія. Но очевидно, что эти видоизмѣненія должны быть въ нѣкоторой связи съ видоизмѣненіями понятій, какъ частей сужденія, такъ что сперва надо ознакомиться съ видоизмѣненіями понятій. Для достиженія же этого, надо еще ближе всмотрѣться въ понятія.

И вотъ, въ каждомъ понятіи приходится различать двѣ стороны: *содержаніе и объемъ даннаго понятія.*

Содержаніемъ даннаго понятія называется совокупность всѣхъ тѣхъ признаковъ, со стороны которыхъ мыслится въ этомъ понятіи предметъ или группа предметовъ. Напр.: прямолинейность сторонъ, ихъ равенство, образованіе ихъ пересѣченіями четырехъ прямыхъ угловъ составляютъ содержаніе понятія квадрата. И, конечно, *содержаніе каждаго понятія состоитъ только изъ существенныхъ признаковъ*, потому что понятіями называются мысли о предметахъ, разсматриваемыхъ со стороны существенныхъ признаковъ (см. стр. 61). *Объемомъ же понятія называется совокупность такихъ предметовъ, что въ каждомъ изъ нихъ находятся всѣ признаки, образующіе содержаніе даннаго понятія.* Напр.: объемъ понятія человѣка составляютъ всѣ люди, квадрата—всѣ квадраты и т. д., потому что въ каждомъ человѣкѣ есть всѣ признаки, образующіе содержаніе понятія человѣка; въ каждомъ квадратѣ—всѣ признаки, образующіе содержаніе понятія квадрата, и т. д.

При этомъ надо замѣтить, что про каждый предметъ, который принадлежитъ къ объему даннаго понятія, принято говорить, что онъ „*подходитъ* подъ это понятіе“. Такъ, каждый человѣкъ подходитъ подъ понятіе человѣка, каждый квадратъ подъ понятіе квадрата и т. д. Про понятіе же, подъ которое подходятъ извѣстные предметы, говорятъ такъ: оно „*содержитъ ихъ подъ собой*“ или—„*относится къ нимъ*“. Напр., понятіе человѣка содержитъ подъ собой всѣхъ людей, относится къ каждому человѣку; понятіе квадрата содержитъ подъ собой всѣ квадраты, относится ко всѣмъ квадратамъ и т. п.

2. Видоизмѣненія понятій по ихъ содержанію и объему. По своему содержанію понятія, разумѣется, могутъ быть настолько же разнообразны, какъ и предметы, подходящіе подъ эти понятія. Напримѣръ: есть понятія математическія (раздѣляемыя еще на ариѳметическія, алгебраическія и геометрическія), физическія, химическія и т. д. Однако, намъ нѣтъ необходи-

мости останавливаться на видоизмѣненіяхъ понятій по содержанію. Дѣло въ томъ, что изучаемыя логикой правила мышленія должны имѣть значеніе не для одного какого-либо понятія съ его опредѣленнымъ содержаніемъ, но либо для всѣхъ безъ исключенія, либо, по крайней мѣрѣ, для очень широкихъ группъ понятій, какъ бы ни были они разнообразны по своему содержанію. Отсюда ясно, что только немногія изъ этихъ правилъ мышленія окажутся въ большей или меньшей зависимости отъ различій въ содержаніи понятій. Поэтому мы будемъ упоминать о видоизмѣненіи понятій по содержанію лишь тамъ и лишь настолько, гдѣ и насколько это необходимо для выясненія правилъ мышленія, связанныхъ съ этими видоизмѣненіями. Иное дѣло видоизмѣненія понятій по объему: они отличаются столь общимъ характеромъ, т.-е. повторяются въ томъ же самомъ видѣ въ столь разнообразныхъ по своему содержанію понятіяхъ, что даже общія для всѣхъ безъ исключенія понятій правила мышленія часто бываютъ связаны съ этими видоизмѣненіями. И такія видоизмѣненія понятій удобнѣе разсмотрѣть всѣ сразу.

Понятія, по своему объему, раздѣляются на единичныя и общія. У первыхъ объемомъ служитъ только одинъ предметъ; таковъ понятіе Аристотеля, Петра Великаго, вотъ этой книги, которую я сейчасъ держу въ рукахъ, и т. п. У вторыхъ объемомъ служитъ цѣлая группа предметовъ; напр., понятія звука, запаха, человѣка, квадрата, движенія—суть общія понятія, потому что подъ нихъ подходятъ всѣ звуки, всѣ запахи и т. д. *Содержаніемъ же каждаго общаго понятія, конечно, могутъ служить только общіе признаки, именно—общіе для всѣхъ предметовъ, образующихъ объемъ даннаго понятія.* Напр., содержаніемъ понятія квадрата могутъ служить только признаки общіе всѣмъ квадратамъ. Это ясно уже изъ того, что называется объемомъ понятія. Но *содержаніемъ единичнаго понятія наряду съ нѣкоторыми общими признаками служатъ и единичные, именно—тѣ, которыми предметъ, образующій объемъ даннаго единичнаго понятія, отличается отъ всѣхъ предметовъ безъ исключенія, даже отъ наиболѣе похожихъ на него.* Напр., въ содержаніи понятія Аристотеля, кромѣ общихъ признаковъ (именно—философъ и греческій философъ) есть еще такіе единичные признаки: родился въ 384 г. до Р. Хр. и умеръ въ 322 г. до Р. Хр., которыми онъ отличается даже отъ всѣхъ греческихъ философовъ.

Замѣтимъ хорошенько, что если разсматривать понятія съ *логической* точки зрѣнія, то между общими и единичными понятіями нѣтъ и не можетъ быть никакой иной разницы, кромѣ той, что объемомъ первыхъ служитъ цѣлый классъ предметовъ, объемомъ же вторыхъ только одинъ предметъ. Этимъ, конечно, логика вовсе не говоритъ, чтобы не было никакой разницы и въ душевныхъ переживаніяхъ, соотвѣтствующихъ тѣмъ и другимъ понятіямъ, хотя не говоритъ и того, чтобы была подобная разница: *логика отвлекается отъ разсмотрѣнія этихъ переживаній, какъ неимѣющихъ для нея никакого значенія.* Вѣдь оцѣнивать правильность и неправильность тѣхъ пріемовъ мышленія, при разсмотрѣніи которыхъ приходится принять во вниманіе разницу между общими и единичными понятіями, часто отлично умѣютъ

и тѣ люди, которые никогда не задумывались надъ душевными переживаніями, соотвѣтствующими общимъ и единичнымъ понятіямъ. Да по правдѣ-то сказать, кто же ихъ въ точности знаетъ при томъ жалкомъ положеніи, въ которомъ находится психологія мышленія?

Поэтому разсужденія о *номинализмѣ* и *концептуализмѣ* (т.-е. о психологическихъ теоріяхъ этихъ переживаній), а также и о *реализмѣ* (о метафизическомъ ученіи, возникшемъ въ XI вѣкѣ въ связи съ этими психологическими теоріями, которое иногда тоже прихватываютъ по дорогѣ, когда эти теоріи приводятъ при логическомъ разсмотрѣніи общихъ и единичныхъ понятій), составляютъ чисто-механическій, ни къ чему не нужный, привѣсокъ къ логикѣ, который только затемняетъ связь ея частей между собой и препятствуетъ понять во всей глубинѣ разницу между логикой и психологіей. Но продолжимъ наше чисто логическое разсмотрѣніе видоизмѣненій понятій, дабы съ его помощью разсмотрѣть, тоже съ чисто-логической точки зрѣнія, и видоизмѣненія сужденій.

3. Взаимоотношенія понятій по ихъ объему. Часто бываетъ, что весь объемъ одного общаго понятія составляетъ часть объема другого общаго понятія. Напримѣръ: объемъ понятія негра составляетъ часть объема понятія человѣка. Таковы же слѣдующія пары понятій: дубъ и дерево; квадратъ и четыреугольникъ; окунь и рыба; краснота и цвѣтъ и т. д. Такія *общія понятія, у которыхъ весь объемъ одного составляетъ часть объема другого, принято называть по отношенію другъ къ другу—видовыми* и *родовыми* (или прямо *видомъ* и *родомъ*), или *болѣе* и *менѣе общими*, или же *подчиняющими* и *подчиненными*, или, наконецъ, *частными* и *общими*. Изъ нихъ понятія съ бо́льшимъ объемомъ называются относительно понятій съ меньшимъ объемомъ родовыми (или родами),—болѣе общими, подчиняющими, общими; а понятія съ меньшимъ объемомъ относительно понятій съ бо́льшимъ объемомъ называются видовыми (или видами), менѣе общими, подчиненными, частными. Впрочемъ, названія *подчиняющаго* и *подчиненнаго*, а также *общаго* и *частнаго* понятія распространяютъ и на такія пары понятій, изъ которыхъ одно общее, напр., человѣкъ, а другое единичное, напр., Аристотель, но такое, что его предметъ подходитъ подъ первое понятіе.

Не надо упускать изъ виду, что понятія называются всѣми этими именами *лишь относительно другъ друга*, такъ что одно и то же понятіе по отношенію къ одному будетъ видовымъ, подчиненнымъ и т. д., а по отношенію къ другому—родовымъ, подчиняющимъ и т. д. Такъ, напр., понятіе млекопитающаго животнаго есть родъ, т.-е. родовое или подчиняющее, или болѣе общее понятіе относительно понятія собаки; но оно же составляетъ видъ, или видовое, или подчиненное, или менѣе общее понятіе относительно понятія позвоночнаго животнаго.

Два изъ этихъ названій, именно—*видъ и родъ*, *употребляются, кромѣ логики* (гдѣ они служатъ синонимами родового и видового понятія), *еще въ зоологіи и ботаникѣ*, куда они попали именно изъ логики. Но въ логикѣ понятія вида и рода суть понятія чисто относительныя, въ зоологіи же и

ботаникѣ они употребляются болѣе самостоятельно, такъ что здѣсь родъ никогда не называется видомъ—и наоборотъ; ибо въ этихъ наукахъ подъ видомъ подразумѣвается извѣстная, строго опредѣленная, степень общности понятія, а подъ родомъ слѣдующая, ближайшая къ нему, степень общности. Поэтому надо отнюдь не смѣшивать значенія терминовъ „родъ и видъ", принятаго въ логикѣ, съ тѣмъ, которое приписано имъ въ зоологіи и ботаникѣ.

Иногда *можетъ случиться, что нѣсколько понятій окажутся подчиненными одному и тому же понятію и притомъ такъ, что ихъ объемы нисколько не совпадаютъ другъ съ другомъ*, даже своими частями. Напр.: понятіе рыбы и понятіе птицы оба подчинены понятію позвоночнаго животнаго, при чемъ объемы двухъ первыхъ понятій совсѣмъ не совпадаютъ другъ съ другомъ. Въ такомъ случаѣ *эти понятія*, подчиненныя одному общему, *относительно другъ друга называются соподчиненными одному и тому же понятію*. Само собой разумѣется, что каждое изъ общихъ соподчиненныхъ понятій есть видовое относительно подчиняющаго, а это послѣднее родовое относительно каждаго изъ подчиненныхъ ему понятій. Но соподчиненными могутъ быть также и единичныя понятія, напр.: „Аристотель" и „Петръ Великій" соподчинены понятію „человѣка".

Употребляя названіе „соподчиненныя" понятія, непремѣнно надо имѣть въ виду, чтобы объемы понятій совсѣмъ не совпадали другъ съ другомъ: въ противномъ случаѣ они уже не могутъ называться соподчиненными, хотя бы и подчинялись одному общему понятію. Напримѣръ: понятіе обитателей Африки и понятіе негровъ нельзя назвать соподчиненными понятію человѣка, хотя каждое изъ нихъ и подчинено ему; ибо объемы первыхъ двухъ понятій отчасти совпадаютъ другъ съ другомъ. Вѣдь часть негровъ принадлежитъ къ обитателямъ Африки, и наоборотъ — часть обитателей Африки состоитъ изъ негровъ.

4. Взаимная зависимость объема и содержанія въ нѣкоторыхъ понятіяхъ. Въ нѣкоторыхъ понятіяхъ объемъ и содержаніе оказываются во взаимной зависимости другъ отъ друга, именно: *во всякой парѣ понятій, изъ которыхъ одно подчинено другому, объемъ и содержаніе находятся въ обратномъ отношеніи другъ къ другу*. Это вотъ что значитъ: изъ этихъ двухъ понятій объемъ больше у того, которое бѣднѣе по своему содержанію, и, наоборотъ, богаче содержаніемъ то изъ нихъ, которое меньше по своему объему. Напр., понятію прямоугольника подчинено понятіе квадрата, и первое изъ нихъ по своему содержанію бѣднѣе, чѣмъ второе: вѣдь содержаніе перваго составляетъ только часть содержанія второго (ибо въ понятіи квадрата содержатся всѣ признаки прямоугольника въ соединеніи еще съ новымъ—равенства всѣхъ сторонъ). Объемъ же понятія прямоугольника больше или шире, чѣмъ объемъ подчиненнаго ему понятія (квадрата), такъ какъ послѣдній составляетъ лишь часть перваго. То же самое видно на понятіяхъ окуня и рыбы и т. п.

Надо не упускать изъ виду, что эта обратная взаимная зависимость объема и содержанія должна быть не во всякой парѣ понятій, а только

въ тѣхъ понятіяхъ, которыя служатъ подчиняющимъ и подчиненнымъ относительно другъ друга. Напр.: нѣтъ никакого основанія предполагать эту зависимость въ понятіяхъ курицы и окуня, или въ понятіяхъ квадрата и круга и т. п. Вмѣстѣ съ тѣмъ не слѣдуетъ выражаться (какъ это иногда дѣлаютъ), будто бы объемъ и содержаніе подчиняющаго и подчиненнаго понятія обратно „пропорціональны“ другъ другу: математика справедливо объявитъ такую мысль вполнѣ произвольной, ни на чемъ не основанной.

Причина же, по которой указанная зависимость объема и содержанія непремѣнно существуетъ въ каждомъ подчиняющемъ и подчиненномъ понятіи, такова: предметы, подходящіе подъ подчиненное понятіе, напр.—квадраты, составляя часть объема подчиняющаго понятія (т. е. часть подходящихъ подъ него предметовъ), напр. — прямоугольника, разумѣется, должны имѣть всѣ признаки, которые образуютъ содержаніе послѣдняго (квадраты должны имѣть всѣ признаки прямоугольниковъ), а вмѣстѣ съ тѣмъ они должны имѣть еще такіе признаки, которые отличаютъ ихъ отъ остальныхъ предметовъ, подходящихъ подъ то же подчиняющее понятіе (квадраты должны имѣть признаки, отличающіе ихъ отъ остальныхъ прямоугольниковъ); и существенные изъ этихъ отличительныхъ признаковъ должны войти въ составъ содержанія даннаго подчиненнаго понятія. Такимъ образомъ, его объемъ, какъ часть, окажется всегда меньше объема подчиняющаго понятія, содержаніе же богаче, чѣмъ въ подчиненномъ, ибо всегда будетъ состоять изъ содержанія послѣдняго съ прибавленіемъ къ нему еще новыхъ признаковъ. И очевидно, что причина, обусловливающая эту зависимость объема и содержанія, должна дѣйствовать только въ такихъ понятіяхъ, изъ которыхъ одно подчинено другому, а не въ какихъ попало. Вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что она еще вовсе не требуетъ пропорціональности въ обратномъ отношеніи объема и содержанія подчиняющаго и подчиненнаго понятія.

Какъ непосредственное слѣдствіе, изъ только-что указанной взаимной зависимости объема и содержанія, вытекаетъ еще слѣдующее обстоятельство: *если взять такой рядъ понятій, чтобы каждое предшествующее было подчинено слѣдующему за нимъ* (напр.—квадратъ, прямоугольникъ, параллелограммъ, четыреугольникъ и т. п.), *или же, наоборотъ, чтобы каждое предшествующее подчиняло себѣ слѣдующее за нимъ* (напр. — животное, человѣкъ, аріецъ, славянинъ, чехъ и т. д.), *то чѣмъ больше объемъ понятія, принадлежащаго къ такому ряду, чѣмъ общѣе оно, тѣмъ бѣднѣе его содержаніе, и чѣмъ богаче оно по содержанію, тѣмъ меньше его объемъ.* Самымъ богатымъ, но зато и самымъ узкимъ по своему объему, оказалось бы въ подобномъ ряду единичное понятіе.

5. Ограниченіе и обобщеніе понятія. Распространеніе на термины названій, служащихъ для понятій. Въ связи съ только-что указанной взаимной зависимостью объема и содержанія понятій, изъ которыхъ одно подчинено другому, выработались и сдѣлались общепринятыми слѣдующія названія: *ограниченіе и обобщеніе даннаго понятія, ограничивать*

(иначе — суживать) и обобщать (иначе — расширять) данное понятіе. Именно:

Про каждое подчиненное понятіе принято говорить, что оно составляетъ ограниченіе подчиняющаго, ибо объемъ перваго составляетъ часть или ограниченіе объема второго. Напр.: понятіе квадрата называютъ ограниченіемъ понятія четыреугольника; понятіе четыреугольника, въ свою очередь, называютъ ограниченіемъ понятія плоской фигуры; а это понятіе, въ свою очередь,—ограниченіемъ понятія фигуры вообще. Про каждое же подчиняющее понятіе принято говорить, что оно есть обобщеніе подчиненнаго; и это потому, что первое общѣе второго. Напр.: понятіе четыреугольника называютъ обобщеніемъ понятія квадрата; понятіе плоской фигуры обобщеніемъ понятія четыреугольника и т. д.

При этомъ надо имѣть въ виду, что *и про всякую мысль, болѣе общую, чѣмъ другая, тоже принято выражаться, что первая служитъ обобщеніемъ второй, будутъ ли объ эти мысли понятіями или сужденіями, это все равно.* А что такое болѣе общія сужденія, это мы узнаемъ въ слѣдующей главѣ.

Что же касается выраженія *„ограничивать“, иначе — „суживать“ данное понятіе*, то подъ нимъ подразумѣвается *присоединеніе новаго признака къ содержанію даннаго понятія.* Напр.: о присоединеніи къ содержанію понятія прямоугольника признака, состоящаго въ равенствѣ сторонъ, говорятъ, что это присоединеніе ограничиваетъ или суживаетъ понятіе прямоугольника. Почему употребляется такое выраженіе? Да потому, что чрезъ присоединеніе новаго признака получается новое понятіе, объемъ котораго меньше, т.-е. ограниченнѣе или у́же, чѣмъ у прежняго, составляетъ часть объема прежняго понятія. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ, вмѣсто прежняго понятія прямоугольника вообще, получилось новое понятіе прямоугольника, имѣющаго равныя стороны, т.-е. квадрата, и объемъ этого новаго понятія ограниченнѣе или у́же, чѣмъ у прежняго. Другой примѣръ: если мы къ содержанію понятія четыреугольника прибавимъ признакъ прямизны у́половъ, получается понятіе прямоугольника, объемъ котораго ограниченнѣе, чѣмъ у четыреугольника.

Выраженіе же *„обобщать“, иначе — „расширять“ данное понятіе* примѣняется къ *уничтоженію какого-либо признака въ содержаніи даннаго понятія.* Напр.: если въ содержаніи понятія квадрата уничтожить признакъ равенства сторонъ, то говорятъ, что мы обобщили или расширили понятіе квадрата. И это выраженіе употребляется потому, что та часть содержанія даннаго понятія, которая останется неуничтоженной, образуетъ новое понятіе, и при томъ болѣе общее, чѣмъ прежнее, слѣд., съ объемомъ расширеннымъ сравнительно съ прежнимъ понятіемъ. Такъ, чрезъ уничтоженіе въ понятіи квадрата признака равенства сторонъ уцѣлѣвшіе у насъ признаки образуютъ содержаніе понятія прямоугольника, которое общѣе прежняго, такъ что его объемъ расширенъ сравнительно съ объемомъ понятія квадрата. А если, далѣе, въ понятіи прямоугольника отбросить при-

знакъ прямизны угловъ, получится уже понятіе четыреугольника вообще, объемъ котораго шире, чѣмъ у понятія прямоугольника и т. д.

И вполнѣ понятно, почему *прибавленіе новаго признака къ содержанію даннаго понятія ограничиваетъ объемъ послѣдняго*, т.-е. превращаетъ данное понятіе въ новое съ меньшимъ объемомъ, чѣмъ прежде, *а уничтоженіе признака, входящаго въ содержаніе понятія, обобщаетъ послѣднее*, т.-е. превращаетъ его въ новое понятіе, болѣе общее, чѣмъ прежнее. Это потому, что чѣмъ больше признаковъ соединимъ мы вмѣстѣ, тѣмъ меньше найдется такихъ предметовъ, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ сразу всѣ эти признаки. И, наоборотъ, чѣмъ меньше признаковъ возьмемъ мы, тѣмъ больше встрѣтится такихъ предметовъ, чтобы каждый изъ нихъ имѣлъ сразу всѣ эти признаки.

Въ заключеніе замѣтимъ, что всѣ названія, которыя употребляются для обозначенія разныхъ сторонъ и взаимоотношенія понятій, примѣняются, ради краткости выраженій, и къ терминамъ, обозначающимъ понятія, о которыхъ мы говоримъ. Именно: говорятъ объ объемѣ и содержаніи даннаго термина (напр., термина квадратъ) вмѣсто „объема и содержанія понятія, обозначаемаго даннымъ терминомъ“; называютъ термины, разсматриваемые по отношенію другъ къ другу, родовыми и видовыми, подчиняющими и подчиненными, соподчиненными; точно такъ же, какъ и о понятіяхъ говорятъ, что данный терминъ служитъ ограниченіемъ или обобщеніемъ такого-то другого и т. д. А вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣленія терминовъ называютъ и опредѣленіями понятій, которыя обозначаются этими терминами. Напр., опредѣленіе термина „квадратъ“ называютъ и опредѣленіемъ понятія квадрата.

6. Простыя и сложныя сужденія. Обращаясь къ разсмотрѣнію сужденій, мы прежде всего подмѣчаемъ, что *сужденія бываютъ простыми и сложными*. Въ простыхъ утверждается или отрицается только одно сказуемое и только объ одномъ подлежащемъ. Напр.: „древніе персы поклонялись солнцу“, „киты не рыбы“ и т. д. Въ сложныхъ же сужденіяхъ либо объ одномъ подлежащемъ утверждаются (или же отрицаются) сразу нѣсколько сказуемыхъ, либо, наоборотъ, одно сказуемое утверждается (или отрицается) сразу о нѣсколькихъ подлежащихъ. Примѣры перваго рода: „ртуть и жидкость, и металлъ“; „сахаръ ни черенъ, ни красенъ, ни желтъ“. Примѣры второго рода: „и золото, и серебро, и платина суть металлы“; „ни золото, ни серебро, ни платина не составляютъ окисляющихся металловъ».

Очевидно, каждое сложное сужденіе можно разложить на нѣсколько простыхъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ его можно вполнѣ провѣрить путемъ провѣрки каждой изъ тѣхъ частей, на которыя мы его разложимъ. Напр., сужденіе „ртуть и жидкость, и металлъ“ можно разложить на два такихъ: „ртуть жидкость“ и „ртуть металлъ“, при чемъ оно будетъ вполнѣ провѣрено путемъ провѣрки каждаго изъ этихъ сужденій. Вотъ по этимъ двумъ причинамъ *логика всегда говоритъ только о простыхъ сужденіяхъ, а всѣ*

сложныя разсматриваетъ, какъ соединеніе простыхъ. Съ психологической точки зрѣнія, можетъ быть, такой взглядъ и невѣренъ, т.-е. можетъ быть и есть какая-нибудь разница въ переживаніяхъ простого и сложнаго сужденія. Но вѣдь логикѣ до этихъ переживаній нѣтъ никакого дѣла (см. стр. 6 и 8), а важна провѣрка сужденій. Съ точки же зрѣнія одной лишь провѣрки сложныя сужденія, конечно, можно считать всего лишь соединеніями простыхъ.

7. Относительность сужденія. Въ сужденіяхъ отношеніе сказуемаго къ подлежащему, т. е. утвержденіе или отрицаніе перваго относительно второго, можетъ быть мыслимо или независящимъ, или зависящимъ отъ какихъ-либо условій. Напр., въ сужденіи: „сумма внутреннихъ угловъ плоскаго треугольника равна двумъ прямымъ", геометрія Эвклида мыслитъ отношеніе между подлежащимъ и сказуемымъ независящимъ отъ какихъ бы то ни было условій. Такое сужденіе называется безусловнымъ или *категорическимъ*. По-русски его иногда называютъ „рѣшительнымъ"; но это названіе не привилось, а взамѣнъ него гораздо чаще употребляется выраженіе „безусловный". Въ связи же съ терминомъ „категорическій" употребляютъ такое выраженіе: „высказываться категорически", это значитъ—высказаться рѣшительно, т. е. безъ всякихъ оговорокъ и условій. Общая схема категорическихъ сужденій такова: „S есть (или не есть) P", гдѣ S обозначаетъ любое подлежащее (отъ латинскаго слова Subjectum подлежащее), а P—любое сказуемое (отъ латинскаго названія сказуемаго—Praedicatum).

Но мы можемъ мыслить отношеніе между подлежащимъ и сказуемымъ, какъ находящееся въ зависимости отъ какого-нибудь условія. При этомъ, въ свою очередь, возможны два случая:

1) Это *условіе указывается въ видѣ другого сужденія, такъ что мы получаемъ пару категорическихъ сужденій, изъ которыхъ истинность одного обусловливаетъ истинность другого,* напр., „если радіусы двухъ круговъ равны между собой (одно категорическое сужденіе, обусловливающее своей истинностью истинность слѣдующаго за нимъ), то эти круги равны" (другое категорическое сужденіе). *Такая пара категорическихъ сужденій называется сужденіемъ условнымъ или гипотетическимъ.* Его общая схема такова: „если A есть (или не есть) B, то C есть (или не есть) D". И каждое категорическое сужденіе, служащее частью даннаго условнаго сужденія, называется особымъ именемъ. То категорическое сужденіе, истинность котораго обусловливаетъ собой истинность другой части условнаго сужденія, называется „обусловливающимъ сужденіемъ", а чаще всего „основаніемъ въ данномъ условномъ сужденіи", иногда же „условіемъ въ данномъ сужденіи"; другая же часть называется „слѣдствіемъ въ данномъ сужденіи".

2) Въ другихъ же случаяхъ зависимость отношенія сказуемаго къ подлежащему мыслится слѣдующимъ образомъ: *для одного и того же подлежащаго указывается нѣсколько сказуемыхъ, такъ связанныхъ между собою, что одно изъ нихъ непремѣнно должно быть утверждаемо отно-*

сительно подлежащаго, а нельзя отрицать ихъ о немъ всѣ сразу, такъ что общая схема этихъ сужденій будетъ такова: „A есть или B, или C, или D“. Здѣсь мыслится, что относительно A непремѣнно нужно утверждать одно изъ трехъ сказуемыхъ—B, C и D, а нельзя ихъ отрицать о немъ всѣ сразу. Такія сужденія называются *раздѣлительными или дисъюнктивными* и бываютъ, въ свою очередь, двоякими: чисто-раздѣлительными и соединительно-раздѣлительными.

a) *Чисто-раздѣлительныя сужденія* тѣ, въ которыхъ мыслится, что изо всѣхъ указанныхъ сказуемыхъ можно утверждать о подлежащемъ *только одно* какое-нибудь, а не болѣе одного сразу. Напр.: „данный уголъ будетъ или тупымъ, или прямымъ, или острымъ“. Здѣсь мыслится, что изъ трехъ данныхъ сказуемыхъ можно утверждать относительно понятія угла только одно, а не всѣ сразу, или даже не по два сразу. Вѣдь ни одинъ уголъ не можетъ быть сразу и тупымъ, и прямымъ, и острымъ, но только однимъ изъ трехъ.

b) *Соединительно-раздѣлительныя сужденія* тѣ, въ которыхъ мыслится, что изо всѣхъ указанныхъ сказуемыхъ непремѣнно должно быть утверждаемо относительно подлежащаго *хоть одно*, но вмѣстѣ съ тѣмъ мыслится возможность утверждать ихъ и всѣ сразу относительно него. Напр.: „всякій оказывающій значительные успѣхи въ наукахъ или талантливъ, или усидчивъ“. Здѣсь мыслится, что относительно подлежащаго непремѣнно надо утверждать *хоть одно* изъ двухъ указанныхъ сказуемыхъ, но мыслится и возможность утверждать ихъ о немъ и оба сразу. Вѣдь оказывающій большіе успѣхи въ наукахъ можетъ быть сразу и талантливымъ, и крайне усидчивымъ.

Только-что описанная разница сужденій, т.-е. *разница сужденій, состоящая въ ихъ принадлежности къ категорическимъ, условнымъ и раздѣлительнымъ, называется разницей въ отношеніи ихъ сказуемаго къ подлежащему.*

8. Качество и количество сужденія. Всякое категорическое сужденіе, равно какъ и всякая часть условнаго сужденія, очевидно, можетъ быть или *утвердительнымъ* (напр.: „столъ стоитъ“), или *отрицательнымъ* (напр.: „столъ не стоитъ“). *Принадлежность сужденія къ числу утвердительныхъ или отрицательныхъ называется качествомъ сужденія.* И общая схема утвердительныхъ сужденій такова: „*S* есть *P*“, а общая схема отрицательныхъ „*S* не есть *P*“. Что же касается раздѣлительныхъ сужденій, то въ нихъ, конечно, каждое сказуемое *утверждается* о подлежащемъ, но въ соединеніи съ мыслью о возможности, даже необходимости, при нѣкоторыхъ условіяхъ, отрицать его.

Вмѣстѣ съ тѣмъ каждое категорическое сужденіе, равно какъ и каждая часть условнаго, а также и каждое раздѣлительное сужденіе можетъ оказаться или общимъ, или частнымъ, или единичнымъ. Если сказуемое относится ко всему объему подлежащаго, которымъ служитъ общее понятіе, то сужденіе называется *общимъ*. Напр.: „всякій треугольникъ имѣетъ сумму

угловъ, равную двумъ прямымъ". Общая схема такихъ сужденій такова: „всякое (или всегда) S есть P", или же „ни одно (или никогда) S не есть P". Если же въ сужденіи сказуемое относится лишь къ нѣкоторой части объема подлежащаго, то такое сужденіе называется *частнымъ*. Напр., „нѣкоторые треугольники имѣютъ по одному прямому углу". Общая схема частныхъ сужденій такова: „нѣкоторыя (или иногда) S суть (или не суть) P". Въ частныхъ сужденіяхъ остается неопредѣленнымъ, невыясненнымъ, размѣръ той части подлежащаго, къ которой относится сказуемое сужденія. Единичными же сужденіями называются тѣ, у которыхъ подлежащимъ служитъ единичное понятіе, напр., „Аристотель основатель логики". *Принадлежность сужденія къ общимъ, частнымъ или единичнымъ называется его количествомъ.*

Не мѣшаетъ замѣтить, что *общія и частныя сужденія обыкновенно называются такими именами, которыя сразу показываютъ и качество и количество сужденія*, именно: общеутвердительныя сужденія, общеотрицательныя, частноутвердительныя и частноотрицательныя, т.-е. общія утвердительныя, общія отрицательныя и т. д. И такъ какъ логикѣ особенно часто приходится говорить именно объ этихъ сужденіяхъ, то условились въ ней для краткости обозначать каждое изъ нихъ опредѣленной латинской буквой: общеутвердительныя — буквой A (первая гласная въ латинскомъ словѣ affirmo—утверждаю), общеотрицательныя—буквой E (первая гласная въ словѣ nego — отрицаю), частноутвердительныя — I (вторая гласная въ affirmo), частноотрицательныя— O (вторая гласная въ nego).

Относительно словесныхъ знаковъ количества сужденія надо обратить вниманіе на слѣдующее:

a) Знакомъ общности могутъ служить взамѣнъ словъ „каждый", „всѣ", „всегда", „ни одинъ", „ни въ какомъ случаѣ" и т. п. также и слова ограничительныя: „только", „одни лишь" и т. п. Напр., „только люди—разумныя животныя" образуетъ общее сужденіе („всѣ разумныя животныя суть люди"); но въ немъ его строй не соотвѣтствуетъ строю предложенія.

b) Знакъ общности очень часто пропускается въ предложеніи, и, все-таки, легко бываетъ догадаться, что передъ нами общее сужденіе. Напр.: „люди смертны", „киты не рыбы", очевидно, общія сужденія. Но начинающіе изучать логику нерѣдко думаютъ, что такія предложенія, какъ, напримѣръ: „ртуть жидкость", „водородъ—металлъ", „натрій легче воды" (т.-е. предложенія, въ которыхъ подлежащее употребляется въ единственномъ числѣ) обозначаютъ сужденія единичныя. Здѣсь, думаютъ начинающіе, рѣчь идетъ только объ *одной* ртути, объ *одномъ* водородѣ и т. д., а не о всѣхъ металлахъ, не о всѣхъ газахъ и т. д. Въ дѣйствительности же это столь же общія сужденія, какъ и „человѣкъ—смертенъ": *если бы они были единичными, то каждое изъ нихъ относилось бы только къ тому, что въ одно и то же время существуетъ всего лишь въ одномъ мѣстѣ, а не во многихъ сразу.* Но каждое изъ этихъ сужденій относится ко *всѣмъ* частицамъ ртути, водорода и т. д., существующимъ одновременно во *множествѣ* мѣстъ.

с) Наконецъ, если на знакѣ частности сдѣлать въ предложеніи логическое удареніе, то такое предложеніе будетъ высказывать сразу два частныхъ сужденія. Напр., „*нѣкоторые* металлы жидки“ (удареніе на словѣ „нѣкоторые“) высказываетъ, что одни металлы жидки, а другіе не жидки. Если же на знакѣ частности нѣтъ ударенія, то предложеніе высказываетъ только одно частное сужденіе. По связи рѣчи легко понять, надо или не надо ставить логическое удареніе на знакѣ частности („нѣкоторые“, „иногда“ и т. п.). Но въ логикѣ, гдѣ предложенія часто разсматриваются въ видѣ примѣровъ внѣ связи рѣчи, просто *условились* не ставить ударенія на знакѣ частности, такъ чтобы частное предложеніе обозначало только одно частное сужденіе.

9. Модальность сужденія. Отношеніе сказуемаго къ подлежащему даже и въ категорическихъ сужденіяхъ можетъ быть мыслимо въ трехъ видахъ: 1) мы можемъ его мыслить, какъ всего только возможное, такъ что, мысля данное сужденіе, мы въ то же время мыслимъ о возможности противоположнаго отношенія подлежащаго и сказуемаго, чѣмъ то, въ которомъ они находятся въ нашемъ сужденіи. Напр., когда мы говоримъ: „можетъ быть, завтра пойдетъ снѣгъ“, то здѣсь одновременно мыслится и возможность того, что снѣгъ завтра не пойдетъ. Такія сужденія принято называть *проблематическими* или *возможными*. 2) Мы можемъ мыслить данное сужденіе такъ, что отношеніе его сказуемаго къ подлежащему мыслится въ немъ, какъ необходимое, какъ незамѣнимое противоположнымъ отношеніемъ. Напр., „радіусъ, перпендикулярный къ хордѣ, необходимо раздѣлитъ ее пополамъ“. Такія сужденія называются *аподиктическими* или *необходимыми*, иначе— неизбѣжными. 3) Наконецъ я могу мыслить сужденіе просто, не мысля ни того, что оно пока еще только возможно, ни того, что оно уже необходимо. Напр., „радіусъ, перпендикулярный къ хордѣ, дѣлитъ ее пополамъ“, „завтра будетъ снѣгъ“ и т. п. Тогда сужденіе называется *ассерторическимъ* или *дѣйствительнымъ*. Принадлежность сужденія къ числу аподиктическихъ, проблематическихъ или ассерторическихъ называется его *модальностью*.

Очень часто, если не въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ, въ курсахъ логики, упомянувъ о модальности сужденій, во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи имѣютъ въ виду одни лишь ассерторическія сужденія, напримѣръ: правила умозаключеній устанавливаютъ только для такихъ случаевъ, когда посылками служатъ одни лишь ассерторическія сужденія и т. п. Такъ точно поступимъ и мы. Отъ этого не произойдетъ никакого ущерба. Дѣло въ томъ, что *проблематическія и аподиктическія сужденія можно разсматривать, какъ сужденія (ассерторическія) о возможности и необходимости даннаго (ассерторическаго же) сужденія*, такъ чтобы подлежащимъ служило само данное сужденіе, а сказуемымъ понятіе возможности или необходимости. Такъ, проблематическое сужденіе: „можетъ быть, Гольфстремъ измѣнитъ свое направленіе“, можно разсматривать, какъ слѣдующее ассерторическое сужденіе о сужденіи: „сужденіе, что Гольфстремъ измѣнитъ свое направленіе (подлежащее)—возможно (сказуемое)“. Аподиктическое сужденіе: „радіусъ, пер-

пендикулярный къ хордѣ, непремѣнно дѣлитъ ее пополамъ", можно разсматривать, какъ такое ассерторическое сужденіе о сужденіи: „сужденіе, что радіусъ, перпендикулярный къ хордѣ, дѣлитъ ее пополамъ (подлежащее)— необходимо (сказуемое)". Слѣдовательно, мы въ правѣ для сокращенія работы ограничиться установленіемъ правилъ логики для однихъ лишь ассерторическихъ сужденій и, если понадобится, примѣнить ихъ къ проблематическимъ и аподиктическимъ, разсматривая послѣднія, какъ ассерторическія сужденія о возможности или необходимости даннаго намъ сужденія.

10. Матеріалъ (матерія) и форма сужденія. *Подлежащее и сказуемое сужденія, разсматриваемыя со стороны ихъ содержанія, издавна во всѣхъ книгахъ принято называть матеріей сужденія.* Но теперь удобнѣе называть ихъ *матеріаломъ* сужденія. Слово „матерія" обозначало прежде матеріалъ вообще. Это значеніе сохранилось за нимъ и теперь въ нѣкоторыхъ случаяхъ: такъ, матеріалъ платья называютъ матеріей. Но въ наукѣ слово „матерія" теперь уже слишкомъ тѣсно слилось съ понятіемъ матеріала *внѣшняго* міра; а въ то же время явилось слово „матеріалъ", означающее то же, что прежде обозначало слово „матерія". Поэтому стало удобнѣе называть подлежащее и сказуемое не матеріей, но матеріаломъ сужденія; и мы условимся такъ поступать, запомнивъ только (на случай, когда намъ придется пользоваться относящейся къ логикѣ литературой), что въ другихъ книгахъ еще нѣтъ такого нововведенія, и что тамъ вездѣ матеріалъ сужденія называютъ его матеріей.

Видоизмѣненія же сужденій по относительности, качеству, количеству и модальности называются въ логикѣ видоизмѣненіями формы сужденій, разсматриваемой съ четырехъ различныхъ точекъ зрѣнія: отношенія сказуемаго къ подлежащему, качества сужденія, количества сужденія и модальности сужденія. Эти видоизмѣненія оттого причисляются къ формѣ сужденій, что они непремѣнно встрѣтятся въ сужденіяхъ независимо отъ того, каковъ будетъ ихъ матеріалъ, и непремѣнно должны быть въ сужденіяхъ на-ряду съ ихъ матеріаломъ. Но то, что непремѣнно должно быть въ предметахъ на-ряду съ ихъ матеріаломъ и не зависитъ въ своемъ характерѣ отъ того, какимъ будетъ этотъ матеріалъ, принято называть формой предмета. Поэтому и логика говоритъ, что на-ряду съ матеріаломъ (т.-е. на-ряду съ содержаніемъ тѣхъ понятій, которыя служатъ подлежащимъ и сказуемымъ) въ сужденіяхъ есть еще форма, видоизмѣняющаяся въ четырехъ направленіяхъ, устанавливаемыхъ нами съ четырехъ, только-что названныхъ, точекъ зрѣнія.

11. Пріемъ англійскихъ логиковъ въ ученіи о понятіяхъ и сужденіяхъ. Мы вездѣ говорили *о понятіяхъ*, объ ихъ отличіяхъ и взаимоотношеніяхъ, а въ связи съ этимъ о сужденіяхъ, а не о терминахъ и предложеніяхъ. Но почти во всѣхъ (если не прямо во всѣхъ) англійскихъ сочиненіяхъ по логикѣ и въ тѣхъ сочиненіяхъ континентальнаго происхожденія, которыя написаны подъ вліяніемъ англійской литературы, глава о понятіяхъ отсутствуетъ, а говорится взамѣнъ того объ *именахъ* или *терминахъ*, при

чемъ о нихъ высказывается все то, что мы говорили о понятіяхъ. Но это не должно насъ удивлять; ибо терминъ (или имя, какъ иногда называютъ его) есть не что иное, какъ словесный знакъ, обозначающій понятіе. Слѣдовательно, мы въ правѣ, если хотимъ, поступать слѣдующимъ образомъ: вмѣсто того, чтобы говорить прямо о понятіяхъ, мы можемъ говорить о терминахъ, но имѣя въ виду не ихъ грамматическую сторону, а только ихъ значеніе. А такъ какъ термины обозначаютъ именно понятія, то, разумѣется, при этомъ придется сказать все то, что мы говорили о понятіяхъ: термины будутъ имѣть разное содержаніе и разные объемы относительно другъ друга, будутъ видовыми, родовыми и т. д.

И если кто ради дидактическихъ соображеній предпочитаетъ говорить не о понятіяхъ, но о терминахъ или именахъ, то, конечно, тотъ въ правѣ поступать и такъ, какъ это дѣлаютъ англійскіе логики. Но такой дидактическій пріемъ нельзя считать полезнымъ. Во-первыхъ, онъ пріучаетъ къ ложной мысли, будто бы каждое понятіе уже имѣетъ свой установившійся терминъ; а между тѣмъ могутъ возникать понятія (и въ наукѣ, и въ логическихъ примѣрахъ), которыя еще не имѣютъ установившагося термина. Во-вторыхъ, употребляя этотъ пріемъ, ради послѣдовательности надо разсматривать уже не сужденія, а ихъ словесные знаки, т.-е. предложенія. Англійскіе логики такъ и дѣлаютъ. Но отсюда возникаютъ новыя неудобства; ибо строй сужденій зачастую не совпадаетъ съ строемъ предложеній, которыя высказываютъ эти сужденія, такъ что, говоря о предложеніяхъ, намъ, все-таки, приходится имѣть въ виду *сужденія* же, только *не произнося этого названія*, а дѣлая видъ, будто бы мы говоримъ объ однихъ лишь предложеніяхъ, отчего, разумѣется, наше изложеніе сдѣлается не легче и яснѣе, а, напротивъ, сбивчивѣе.

Эта неизбѣжная сбивчивость вынудила нѣкоторыхъ изъ англійскихъ логиковъ дѣлить предложенія на „логическія“ и „нелогическія“, подразумѣвая подъ первыми такія, въ строѣ которыхъ нѣтъ отступленій отъ сужденій, а подъ нелогическими такія, строй которыхъ отступаетъ отъ строя сужденій. Но очень часто нѣтъ ровно никакой словесной разницы между „логическими“ и „нелогическими“ предложеніями. Напр., предложеніе: „древніе персы поклонялись солнцу“ будетъ и логическимъ, и нелогическимъ, глядя по тому, какъ я прочту его, или въ зависимости отъ связи рѣчи. Поэтому если мы захотимъ описать, въ чемъ состоитъ разница между логическими и нелогическими предложеніями (а мы должны это сдѣлать), то намъ, все-таки, придется имѣть въ виду *сужденія*,—но *не называя ихъ*, коль скоро мы хотимъ говорить только о предложеніяхъ, а не о сужденіяхъ. Слѣдовательно, наше изложеніе, все-таки, будетъ неяснымъ.

Итакъ, въ логикѣ нельзя, въ концѣ-концовъ, обойти молчаніемъ отличія сужденій отъ предложеній. А поэтому гораздо цѣлесообразнѣе въ дидактическомъ отношеніи имѣть откровенно въ виду и откровенно называть, какъ сужденія, такъ и отличія ихъ строя отъ строя выражающихъ ихъ предложеній, а не говорить объ однихъ лишь предложеніяхъ, подразумѣвая при

этомъ, конечно, не ихъ грамматическія особенности, а то, что̀ обозначается предложеніями, т.-е. сужденія.

Наконецъ, такъ какъ предложеніями логика интересуется лишь въ той степени, въ какой они высказываютъ собой сужденія, то подобно тому, какъ названія, обозначающія видоизмѣненія понятій, примѣняются и къ терминамъ (см. стр. 70), такъ точно названія, обозначающія видоизмѣненія сужденій, примѣняются и къ высказывающимъ ихъ предложеніямъ. Поэтому говорятъ о категорическихъ, условныхъ, общихъ, утвердительныхъ, проблематическихъ и т. п. предложеніяхъ.

ГЛАВА V.

Особенная важность общихъ сужденій и ихъ взаимоотношенія по степенямъ общности.

---

1. Зависимость познавательнаго значенія сужденія отъ его формы. Не трудно замѣтить, что *значеніе или важность даннаго сужденія для знанія зависитъ, между прочимъ, и отъ формы этого сужденія.* Такъ, если бы у насъ не было ни одного провѣреннаго категорическаго сужденія, а только условныя и раздѣлительныя, то наше знаніе не имѣло бы ровно никакой цѣны. Напр.: само по себѣ условное сужденіе „если A есть B, то C есть D“ еще не имѣетъ никакой цѣны, хотя бы оно и было доказано неоспоримымъ образомъ. Вѣдь пока у насъ нѣтъ никакого категорическаго сужденія, мы остаемся въ неизвѣстности, какъ же относиться къ A и C: считать ли первое за B, а второе за D, или же надо отрицать и то, и другое? И условныя, и раздѣлительныя сужденія пріобрѣтаютъ свою цѣнность для знанія лишь въ связи съ категорическими.

Вмѣстѣ съ тѣмъ можно подмѣтить, что *наибольшее значеніе для знанія имѣютъ общія сужденія.* Чтобы удостовѣриться въ этомъ, мы поступимъ слѣдующимъ образомъ: сначала укажемъ, что столь точныя и вмѣстѣ съ тѣмъ столь разнородныя науки, какъ *математика и естествознаніе, въ обычномъ значеніи этого слова, когда подъ нимъ подразумѣваютъ изученіе одной лишь внѣшней природы (астрономію, физику, химію и т. д.), постоянно стремятся къ доказательству общихъ сужденій*; потомъ укажемъ причины, по которымъ, по мѣрѣ возможности, такъ и слѣдуетъ поступать во *всякой* наукѣ; а послѣ того обратимся къ исторіи, въ которой съ перваго взгляда кажется, будто бы общія сужденія вовсе не важны для нея.

2. Какъ относятся математика и естествознаніе къ общимъ сужденіямъ? Всѣ сужденія, доказываемыя математикой, т.-е. *всѣ математическія теоремы суть сужденія общія.* Вѣдь всякая геометрическая теорема

относится ко всему объему понятія, о которомъ въ ней идетъ рѣчь. Напр.: „*всякая* прямолинейная фигура имѣетъ сумму внутреннихъ угловъ, равную двумъ прямымъ, умноженнымъ на число сторонъ безъ двухъ“. Эта теорема относится ко всякимъ прямолинейнымъ фигурамъ, слѣдовательно, есть сужденіе общее. Въ алгебраическомъ положеніи: $(a^2 - b^2) = (a + b)(a - b)$, т.-е. разность квадратовъ двухъ количествъ равна произведенію суммы на разность тѣхъ же количествъ, рѣчь идетъ о *всякой* разности квадратовъ двухъ количествъ; слѣдовательно, и это—общее сужденіе. Такъ точно въ ариѳметическомъ положеніи: $3 + 4 = 7$, рѣчь идетъ о *всякой* тройкѣ, сложенной съ *любой* четверкой, а не о тѣхъ тройкахъ или четверкахъ, которыя встрѣчались бы только *по временамъ*, такъ что и здѣсь мы имѣемъ дѣло съ *общимъ* сужденіемъ. Словомъ, среди математическихъ теоремъ встрѣчаются одни только общія сужденія.

Естествознаніе стремится, главнымъ образомъ, къ доказательству общихъ сужденій, пользуясь чаще всего единичными и частными, лишь какъ средствомъ, ведущимъ къ этой цѣли. Конечно, безъ помощи единичныхъ и частныхъ сужденій оно не можетъ обойтись; ибо оно должно *опираться* на установку (или, какъ часто выражаются, на констатированіе) подмѣченнаго при наблюденіяхъ и экспериментахъ. Подъ установкой (иначе—констатированіемъ) чего-либо бывшаго или подмѣченнаго подразумѣвается указаніе или ссылка на бывшее или подмѣченное, взятое въ его чистомъ видѣ, т.-е. безъ всякой примѣси нашихъ мыслей или выводовъ по поводу него, какъ бы ни казались они неизбѣжно требуемыми самимъ бывшимъ или подмѣченнымъ. Если естествознаніе не захочетъ опираться на установку подмѣченнаго при наблюденіяхъ и экспериментахъ, то, конечно, оно рискуетъ взамѣнъ совокупности мыслей, завѣдомо согласныхъ съ природой, сдѣлаться совокупностью выдумокъ о природѣ. Установка же подмѣченнаго при наблюденіяхъ и экспериментахъ, относясь *только* къ тѣмъ предметамъ, надъ которыми мы уже успѣли произвесть свои наблюденія и эксперименты, мыслится нами въ видѣ единичныхъ и; самое большее, частныхъ сужденій. Поэтому естествознаніе принуждено пользоваться частными и единичными сужденіями. Но пользуется-то оно ими, главнымъ образомъ, только, какъ *средствомъ* для провѣрки своихъ общихъ сужденій, а гонится за доказательствомъ послѣднихъ. Дѣйствительно, *естествознаніе отнюдь не ограничивается описаніемъ подмѣченнаго при наблюденіяхъ и экспериментахъ въ его чистомъ видѣ, а всегда стремится вывесть отсюда какія-либо общія заключенія.* Напр., ни физика, ни химія не описываютъ *прямо или въ чистомъ видѣ* того, что подмѣчается въ лабораторіяхъ и записывается въ лабораторныхъ журналахъ; и ни одному физику, ни одному химику не придетъ въ голову напечатать въ видѣ ученой работы одни лишь свои лабораторные журналы. А они-то, говоря, что тогда-то, тамъ-то и тѣмъ-то подмѣчено то-то, составили бы описаніе подмѣченнаго при экспериментахъ въ его *чистомъ* видѣ и представляли бы собой единичныя сужденія. Но физикъ и химикъ, если и печатаютъ лабораторные журналы, то этимъ не ограничиваются, а пользуются ими въ печати только для того,

чтобы подтвердить ими свои различные заключенія и выводы, сдѣланные ими на основаніи своихъ записей. Такъ точно и врачи не печатаютъ въ видѣ ученой работы однѣ только, такъ называемыя, исторіи болѣзней, т.-е. записи, въ которыхъ ежедневно заносится все, что наблюдалось у даннаго больного въ теченіе даннаго дня, и всѣ употребленныя противъ болѣзни средства, такъ что эти записи состоятъ изъ однихъ лишь единичныхъ сужденій. Ссылки на исторію болѣзни дѣлаются въ медицинскихъ сочиненіяхъ только для подтвержденія различныхъ заключеній о больныхъ данною болѣзнью. И зоологъ, и ботаникъ, когда излагаютъ въ чистомъ видѣ, т.-е. въ видѣ единичныхъ сужденій, то, что они подмѣтили въ изучаемыхъ ими предметахъ, тоже имѣютъ въ виду установить и подтвердить при помощи такихъ описаній свои разнообразныя заключенія объ этихъ предметахъ.

Все это доказываетъ, что естествознаніе пользуется единичными и частными сужденіями, главнымъ образомъ, только, какъ средствомъ для оправданія какихъ-то заключеній по поводу данныхъ опыта. Но что именно преслѣдуется при этомъ? *Оно стремится выяснить законы природы и причины*, производящія явленія природы. Законы же природы мыслятся всегда въ видѣ общихъ сужденій. Напр., законъ Ньютона: „*всякія* двѣ матеріальныя частицы взаимно сближаются съ ускореніями, прямо пропорціональными ихъ массамъ и обратно пропорціональными квадрату разстояній“, или законъ Архимеда: „*всякое* тѣло, погруженное въ жидкость, теряетъ столько вѣса, сколько вѣситъ вытѣсненный имъ объемъ жидкости“,—оба они мыслятся въ видѣ общихъ сужденій. То же самое мы увидимъ и въ любомъ другомъ законѣ природы. Что же касается знанія причинъ, производящихъ явленія природы, то и оно мыслится въ видѣ общихъ сужденій. Вѣдь причина *всегда* производитъ свое дѣйствіе, и если мы не всегда наблюдаемъ это, то не потому, чтобы причина то производила, то не производила своего дѣйствія, а только потому, что послѣднее иногда уничтожается другой причиной, дѣйствующей одновременно съ первой и производящей дѣйствіе, противоположное первому. Если же причина *всегда* производитъ свое дѣйствіе, то узнать, что такое-то обстоятельство служитъ причиной даннаго явленія природы, это значитъ удостовѣриться въ справедливости *общаго* сужденія, говорящаго: „*всякое* повтореніе этого обстоятельства сопровождается повтореніемъ даннаго явленія природы“. Напр., узнать, что нагрѣваніе желѣза служитъ причиной его расширенія, значитъ удостовѣриться, что *всякое* нагрѣваніе желѣза сопровождается его расширеніемъ [1]).

---

[1]) В. Э. Вальденбергъ въ своихъ „Замѣчаніяхъ“ по поводу предшествующаго изданія этой книги, напечатанныхъ въ Журн. Мин. Нар. Просв. 1913 г., № 12, говоритъ, что изложенный мной взглядъ на причину слишкомъ узокъ, что онъ годится только для естествознанія, но не для исторіи, такъ какъ историческія событія никогда не повторяются. „Нельзя требовать, говоритъ В. Э. Вальденбергъ, чтобы намъ указывали такія событія, которыя *всегда* производятъ войну 1812 года, такъ какъ эта война была всего одинъ разъ и въ будущемъ никогда не повторится“. Совершенно вѣрно, что не повторится. Но почему? Только потому, что никогда не повторится вся сово-

3. Въ какихъ наукахъ больше оправданныхъ общихъ сужденій? Итакъ, каждая изъ разсмотрѣнныхъ нами наукъ цѣнитъ общія сужденія гораздо больше, чѣмъ частныя и единичныя. А такъ какъ эти науки рѣзко отличаются другъ отъ друга по своему характеру, то подмѣченная нами въ нихъ общая черта врядъ ли можетъ принадлежать только имъ однѣмъ, а, скорѣе всего, должна составлять свойство всякой науки. Въ связи съ этимъ стоитъ еще одно обстоятельство, которое до нѣкоторой степени тоже подтверждаетъ, что общія сужденія гораздо важнѣе, чѣмъ частныя и единичныя. Оно было указано уже Аристотелемъ, только онъ не совсѣмъ точно формулировалъ его (если онъ самъ составилъ эту формулу, а не тотъ изъ его учениковъ, въ записи котораго дошли до насъ его слова) [1]). Онъ говоритъ, что чѣмъ общѣе знаніе, тѣмъ оно точнѣе. Это не вѣрно: мы можемъ наговорить всевозможный вздоръ въ видѣ общихъ сужденій. За то вѣрно, что *чѣмъ точнѣе наука, тѣмъ больше общихъ сужденій входитъ въ составъ доставляемаго ею знанія.* Дѣйствительно: математика самая точная наука; она служитъ образцомъ научной точности; и все доставляемое ею знаніе, всѣ ея теоремы состоятъ изъ однихъ лишь общихъ сужденій. Изъ нихъ состоитъ и механика. Почти исключительно изъ нихъ состоятъ и физика, и химія. А все это самыя точныя дисциплины естествознанія. Точность науки и большое число хорошо доказанныхъ общихъ сужденій это, можно сказать, почти что синонимы.

4. Почему всякая наука должна больше всего цѣнить общія сужденія? Но правильно ли поступаютъ и математика, и естествознаніе, когда придаютъ особенную важность общимъ сужденіямъ? Легко доказать, что *общимъ сужденіямъ надо приписывать наибольшую важность и въ томъ случаѣ, когда мы хотимъ, чтобы наука*, точнѣе совокупность всѣхъ наукъ, *имѣла философское значеніе, такъ и въ томъ случаѣ, если она должна имѣть утилитарное значеніе.* Не цѣнить общихъ сужденій, какъ цѣль, изъ-за которой нужны и частныя съ единичными, наука можетъ только въ томъ случаѣ, если весь смыслъ ея существованія сводится лишь къ ея интересности, къ забавности заниматься ею, какъ умственнымъ спортомъ, т.-е. если въ ней нѣтъ смысла.

Чтобы имѣть философское значеніе, наука, взятая во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ, должна намъ дать знаніе обо всемъ. Но если мы ограни-

---

купность тѣхъ событій и обстоятельствъ, которыя служили причиной этой войны. А если бы она сполна повторилась, то, конечно, повторилась бы и вся война 1812 года. Такимъ образомъ, и въ исторіи причиной какого-либо событія служитъ то, повтореніе чего всегда сопровождается повтореніемъ этого событія, съ тѣмъ только неважнымъ для насъ отличіемъ, что причины историческихъ событій на дѣлѣ или вовсе не повторяются въ ихъ полномъ видѣ или же повторяются при обстоятельствахъ, неодинаковыхъ съ прежними, а поэтому и вызываемыя ими событія не повторяются въ прежнемъ видѣ.

[1]) Дошедшія до насъ сочиненія Аристотеля образуютъ составленныя его учениками записи его лекцій, которыя онъ исправлялъ и перерабатывалъ для изданія въ свѣтъ, но еще далеко не во всѣхъ ихъ частяхъ успѣлъ произвесть эту работу.

чимся одними единичными сужденіями, то знаніе обо всемъ станетъ задачей невыполнимой, вслѣдствіе ея безконечности. Вѣдь число единичныхъ предметовъ, т.-е. и вещей, и ихъ свойствъ, и происходящихъ перемѣнъ въ вещахъ—безконечно. Поэтому, чтобы узнать отдѣльно каждую вещь и каждое происходящее въ ней событіе, намъ придется провѣрять относительно нихъ безконечное число единичныхъ сужденій. А такая работа, очевидно, неосуществима вслѣдствіе ея безконечности. Но *знаніе обо всемъ станетъ осуществимымъ, если мы будемъ строить его изъ общихъ сужденій*; ибо каждое общее сужденіе относится ко *всѣмъ* предметамъ, подходящимъ подъ его подлежащее, хотя бы ихъ было безконечное число, такъ что оно *можетъ* дать намъ знаніе, относящееся къ *безконечному* числу однородныхъ предметовъ. Напр., законъ Архимеда, будучи общимъ сужденіемъ, даетъ намъ знаніе, относящееся къ безконечному числу предметовъ: ибо онъ касается сразу *всѣхъ* тѣлъ и *всѣхъ* случаевъ ихъ погруженія въ жидкость, гдѣ бы и когда бы оно ни происходило.

Далѣе: *знаніе можетъ обладать утилитарнымъ значеніемъ только въ томъ случаѣ, если оно даетъ намъ средства или а) предсказывать ходъ изучаемыхъ имъ явленій природы, или b) распоряжаться ими, т.-е. господствовать надъ природой, сообразуясь съ нашей пользой. А для той и другой цѣли нужны общія сужденія.*

a) Сразу видно, что безъ нихъ нельзя предсказывать явленія природы. Дѣйствительно: если я знаю, что данный законъ движенія имѣетъ *общее* значеніе, т.-е. что онъ относится ко всѣмъ тѣламъ, то, пользуясь имъ, я могу предсказывать, какъ тѣло будетъ двигаться при извѣстныхъ условіяхъ. Если же онъ относится не ко всѣмъ тѣламъ, а лишь *къ какимъ-то* нѣкоторымъ, т.-е. если онъ будетъ мнѣ извѣстенъ всего лишь въ видѣ частнаго сужденія, то я не буду знать, дѣйствуетъ ли онъ именно въ тѣхъ случаяхъ, которые я хочу предсказать.

b) Что же касается умѣнья господствовать надъ природой, т.-е. по своему желанію распоряжаться ходомъ ея явленій, то оно неосуществимо, если мы не умѣемъ предсказывать, каковъ будетъ этотъ ходъ при тѣхъ или другихъ обстоятельствахъ. Дѣйствительно: умѣть распоряжаться ходомъ явленій природы значитъ—умѣть ставить ихъ въ такія условія, чтобы эти явленія пошли въ ту сторону, въ какую мы хотимъ, и приняли тотъ характеръ, какой намъ надо. Вѣдь по одному лишь нашему желанію или повелѣнію не произойдетъ ни то, ни другое. Природу, конечно, можно подчинять своимъ желаніямъ, но не иначе, какъ повинуясь или подражая ей, т.-е. комбинируя такія же условія, при которыхъ она уже и сама по себѣ, помимо нашего вмѣшательства, породила бы явленія, желательныя для насъ: natura parendo vincitur, справедливо говорилъ Френсизъ Беконъ (ум. въ 1626). А для того, чтобы ставить явленія природы въ такія условія, при которыхъ они приняли бы желательный для насъ ходъ и характеръ, мы должны заранѣе знать, т.-е. должны умѣть предсказывать, какъ именно пойдутъ они и какой характеръ примутъ они при тѣхъ или другихъ условіяхъ. Слѣдо-

вательно, если для научныхъ предсказаній необходимы доказанныя общія сужденія, то они же необходимы и для того, чтобы господствовать надъ природой, т.-е. распоряжаться ходомъ ея явленій.

5. Наибольшая важность общихъ сужденій въ исторіи. Посмотримъ теперь, какъ дѣло стоитъ въ исторіи. По характеру своихъ изслѣдованій она, повидимому, осуждена довольствоваться однимъ лишь единичными сужденіями; ибо она должна говорить о томъ, что совершилось тамъ-то и тогда-то, т.-е. о томъ, что можно мыслить только въ видѣ единичныхъ сужденій. Въ дѣйствительности же и въ исторіи важнѣйшую роль играютъ общія сужденія.

Вѣдь исторія не должна ограничиваться *только* тѣмъ, чтобы пересказать факты прошлаго, распредѣливъ ихъ въ чисто внѣшнемъ хронологическомъ порядкѣ, въ родѣ того, какъ это дѣлается въ лѣтописяхъ, гдѣ, годъ за годомъ, разсказываются событія, происшедшія въ данномъ году. Такихъ повѣствованій, съ какой бы точностью ни были они подтверждены посредствомъ историческихъ источниковъ, еще никто не назоветъ самой исторіей, въ смыслѣ *науки* о прошломъ, а всего только сборникомъ матеріаловъ для исторіи, какъ науки.

Правда, тѣ историческія сочиненія, которыя не идутъ дальше только-что указанной границы, т.-е., дальше простого возстановленія картинъ прошлаго, размѣщаемыхъ въ чисто хронологическомъ порядкѣ, мы все-таки называемъ *научными*, слѣд., причисляемъ къ наукѣ, если содержаніе рисуемыхъ ими картинъ прошлаго хорошо доказано въ нихъ. Такимъ образомъ, въ нашихъ взглядахъ на такія сочиненія у насъ есть какая-то двойственность: съ одной стороны эти сочиненія относятся къ наукѣ, а съ другой стороны, еще не составляютъ исторіи въ смыслѣ науки. Но это объясняется тѣмъ, что такія сочиненія хотя и образуютъ всего только матеріалы для исторіи, какъ науки, однако не сырые матеріалы, а *выработанные* историкомъ изъ сырыхъ матеріаловъ. Вѣдь тѣ картины прошлаго, которыя историкъ излагаетъ въ подобномъ сочиненіи, не списаны имъ прямо съ натуры; ибо фактовъ, соотвѣтствующихъ этимъ картинамъ, уже нѣтъ, и прямо съ этихъ фактовъ уже нельзя ничего списывать. Но всѣ эти картины прошлаго составляютъ *доказанныя* историкомъ съ помощью историческихъ источниковъ его *заключенія* о прошломъ. Такимъ образомъ, та *работа* или та *дѣятельность*, какую продѣлываетъ историкъ при составленіи сочиненія, не идущаго дальше простого возстановленія картинъ прошлаго и распредѣленія ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, имѣетъ научный характеръ и поэтому должна относиться къ наукѣ. Но когда мы разсматриваемъ результаты этой дѣятельности по ихъ *важности или значенію* для науки, то и не считаемъ ихъ исторической наукой, а всего только обработкой матеріала для нея.

А отсюда ясно, что тѣ единичныя и частныя сужденія, въ видѣ которыхъ только и можно было бы мыслить эти точныя повѣствованія, сами по себѣ еще не важны для исторической науки: они составляютъ въ ея глазахъ только предварительную ступень знанія, только средство, необходимое для какой-то другой цѣли. Для какой же?

Прежде всего мы требуемъ отъ исторіи, чтобы, повѣствуя точнымъ образомъ о фактахъ прошлаго, она вмѣстѣ съ тѣмъ и объяснила намъ его, чтобы она указала намъ *причины*, по которымъ оно должно было возникнуть и принять такой, а не другой характеръ. *Исторія, какъ наука, начинается лишь съ того момента, когда она начинаетъ объяснять прошлое: до той поры существуютъ всего лишь, болѣе или менѣе, обработанные матеріалы для науки о прошломъ.* А мы сейчасъ видѣли, что узнать причину какого-нибудь явленія—это значитъ узнать то, повтореніе чего *всегда* приведетъ къ повторенію этого явленія, т.-е. доказать *общее* сужденіе. Такимъ образомъ, исторія, какъ наука, нуждается въ общихъ сужденіяхъ, прежде всего, для объясненія прошлаго.

Далѣе: мало, кто станетъ оспаривать, что *и исторіи*, подобно естествознанію, *необходимо стараться открыть законы, которымъ подчинены явленія, изучаемыя ею*, и которые, подобно законамъ природы, могли бы мыслиться лишь въ видѣ общихъ сужденій. Разумѣется, въ исторіи эти законы черезчуръ сложны, и мы еще долго, а можетъ быть и никогда, не будемъ въ силахъ облечь ихъ въ точныя словесныя формулы, какъ это мы дѣлаемъ съ множествомъ законовъ природы. Но взамѣнъ этого мы, все-таки, должны стремиться при помощи *сопоставленія и сравненія* между собой единичныхъ историческихъ фактовъ (мыслимыхъ въ видѣ единичныхъ сужденій), по крайней мѣрѣ, *почувствовать* эти законы, чтобы съ ихъ помощью быть предусмотрительнѣе относительно хода государственной жизни во всѣхъ ея частяхъ. Если же усмотрѣніе историческихъ законовъ составляетъ одну изъ задачъ исторіи, которой она не должна упускать изъ виду, хотя бы еще и не могла надѣяться на ея рѣшеніе, то это снова доказываетъ, что и въ исторіи, подобно естествознанію, общія сужденія имѣютъ значительно большую цѣнность, чѣмъ частныя и единичныя.

Но ихъ значеніе идетъ еще дальше. *Сами-то обработанные матеріалы для исторіи, какъ науки о прошломъ, добываются съ помощью общихъ сужденій.* Историческія событія и вся обстановка, при которой протекала изучаемая исторіей прошлая жизнь народа, не находятся передъ нами, но еще должны быть возстановлены нами самими съ помощью источниковъ. Въ этомъ первѣйшая задача исторіи. И при этомъ возстановленіи приходится намъ пользоваться сужденіями, имѣющими общее значеніе для всѣхъ людей, высказывающими общечеловѣческія свойства, чтобы, опираясь на эти сужденія, угадать съ помощью сопоставленія свидѣтельствъ современниковъ, съ одной стороны, и различныхъ уцѣлѣвшихъ остатковъ отъ прошлой жизни, съ другой, какими были въ дѣйствительности событія и обстановка изучаемой нами прошлой жизни даннаго народа. Такимъ образомъ, *хотя съ перваго взгляда и кажется, будто бы для исторіи важны одни лишь единичныя сужденія, въ дѣйствительности же выходитъ, что для нея еще важнѣе общія сужденія, при чемъ ихъ важность оказывается тройкой: 1) съ помощью однихъ изъ нихъ мы доказываемъ тѣ самыя единичныя сужденія, которыя возстановляютъ передъ нами картины изучаемаго исторіей*

прошлаго; 2) съ помощью другихъ мы объясняемъ это прошлое; 3) наконецъ, тѣ общія сужденія, которыя высказываютъ общеисторическіе законы, служатъ цѣлью, къ которой должна стремиться исторія.

Въ настоящее время среди учащихся и большой публики подъ вліяніемъ Виндельбанда и Риккерта [1]) (понятыхъ правильно или неправильно, это безразлично) нерѣдко встрѣчается мнѣніе, будто бы окончательной цѣлью исторіи служитъ само же единичное; будто бы она вовсе не обязана стремиться къ тому, чтобы указать намъ или, по крайней мѣрѣ, заставить насъ чувствовать общіе историческіе законы, такъ какъ прошлое „интересно“ намъ само по себѣ. Намъ-де просто интересно знать, какъ другіе люди страдали и радовались: Наполеонъ, Цезарь и т. д. намъ интересны сами по себѣ, какъ единичныя живыя лица, а вовсе не какъ примѣры чего-то общаго. Поэтому-де Виндельбандъ вполнѣ справедливо естествознаніе называетъ наукой *номотетической* (т.-е. законоустанавливающей), а исторію *идіографической* (т.-е. единичноописывающей). И любопытно—поклонники чистой единичности, или чистой идіографичности исторіи иногда доходятъ до такой крайности, что не хотятъ допускать въ ней даже и объясненій изучаемаго ею прошлаго: намъ, говорятъ они, „интересно“, чтобы она только нарисовала мнѣ Наполеона, какъ живого, а отнюдь не разсуждала о немъ. Насъ интересуетъ самъ Наполеонъ, а не какія-либо разсужденія историка о немъ; разсужденія позволительны въ исторіи только, какъ основанныя на источникахъ доказательства соотвѣтствія рисуемыхъ ею картинъ прошлаго съ самимъ прошлымъ.

Но доходятъ ли до этой крайности или нѣтъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, поборники ограниченія исторіи однѣми идіографическими задачами, однимъ лишь описаніемъ единичнаго, постоянно мотивируютъ свой взглядъ на нее ссылкой на свой „интересъ“, требованіемъ отъ исторіи того, что было бы „интересно“ для нихъ. Но, скажемъ мы въ отвѣтъ, наука *обязана* имѣть смыслъ, а не быть *всего только* „интересной“. Если же исторія должна разсказывать о Наполеонѣ *только* потому, что намъ интересно послушать, каковъ онъ былъ и что дѣлалъ, то развѣ въ ней больше смысла, чѣмъ въ тѣхъ „исторіяхъ“, которыя скотница Хавронья разсказывала Митрофанушкѣ Простакову и его учителю Вральману? Вѣдь они оба были большіе охотники послушать эти исторіи, т.-е. сильно „интересовались“ ими. Не даромъ Аристотель утверждалъ, что въ исторіи меньше научнаго элемента, чѣмъ въ поэзіи, такъ какъ послѣдняя въ единичныхъ образахъ воплощаетъ общее, идеи; ибо въ его время не было другой исторіи кромѣ чисто-идіографической; не было даже и мысли о возможности въ ней какихъ-либо другихъ цѣлей, кромѣ чисто-идіографическихъ.

Правда, на это возражаютъ, что если въ исторіи не мириться съ ограниченіемъ ея дѣятельности однимъ лишь единичнымъ, то множество, если не

---

[1]) См. статью (вѣрнѣе, рѣчь на одномъ изъ университетскихъ торжествъ) перваго „Естествознаніе и исторія“ въ его „Прелюдіяхъ“ и „Философію исторіи“ второго.

большинство, историческихъ работъ нельзя будетъ причислить къ научнымъ, такъ какъ онѣ не идутъ дальше единичнаго. Но почему не идутъ? Если потому, что ихъ авторы и хотѣли бы пойти дальше, да не въ силахъ, то этимъ доказывается только то, что крайне трудно осуществить всѣ тѣ конечныя задачи, которыхъ исторія, все-таки, не должна упускать изъ виду, коль скоро хочетъ имѣть смыслъ, хотя и не въ силахъ приступить къ ихъ точному рѣшенію. Если же авторъ потому ограничивается однимъ лишь единичнымъ, что оно интересно для него само по себѣ, безъ всякихъ заботъ о дальнѣйшемъ смыслѣ въ описаніи единичнаго, даже безъ всякой мысли о томъ, чтобы знаніе этого единичнаго имѣло *запасное* значеніе (ср. выше стр. 17 и 18), то это значитъ, что и среди ученыхъ можно встрѣтить людей, похожихъ на гоголевскаго Петрушку. Послѣдній читалъ какую попало книгу, хотя бы и астрономическую, въ которой онъ ровно ничего не понималъ; но его „интересовало“, что изъ буквъ всегда выходитъ какое-нибудь слово, „которое иной разъ даже, чортъ знаетъ, что значитъ“. Такъ точно и тѣхъ историковъ, которые не хотятъ заботиться даже о запасномъ значеніи своихъ работъ, очевидно, только и интересуетъ, что съ помощью источниковъ всегда можно возстановить передъ собой какой-нибудь фактъ прошлаго, а вовсе не то, какой смыслъ въ ихъ работѣ.

6. Особыя задачи логики относительно общихъ сужденій и разница послѣднихъ между собой. Въ виду особенной важности общихъ сужденій для научнаго знанія, логика, разумѣется, должна обращать вниманіе на нихъ, и поэтому относительно нихъ у нея должны быть нѣкоторыя особыя задачи при изученіи провѣрки сужденій. Такъ, прежде всего, *логика, говоря о провѣркѣ сужденій, должна обращать особое вниманіе на то, какіе методы провѣрки оказываются пригодными для доказательства общихъ сужденій.*

Но этого мало: она, конечно, должна не упускать изъ виду, что и сами-то общія сужденія могутъ быть и болѣе, и менѣе общими. Дѣйствительно, есть такія общія сужденія, что, оставаясь по существу или содержанію доставляемаго ими знанія одинаковыми между собой, они отличаются другъ отъ друга степенями своей общности, именно: знаніе, доставляемое однимъ изъ такихъ общихъ сужденій, служитъ обобщеніемъ или распространеніемъ на большій кругъ предметовъ знанія, доставляемаго другимъ общимъ же сужденіемъ, относится къ послѣднему, какъ къ своему частному случаю. Такое взаимоотношеніе общихъ сужденій другъ къ другу, разумѣется, должно быть, прежде всего, отмѣчено особыми названіями.

И вотъ, *два общихъ сужденія, отличающихся другъ отъ друга только тѣмъ, что въ одномъ изъ нихъ подлежащимъ служитъ болѣе общее понятіе, а въ другомъ менѣе общее, называются, относительно другъ друга*, такими именами: первое (у котораго подлежащимъ служитъ болѣе общее понятіе) *болѣе общимъ*, иначе—*подчиняющимъ* сужденіемъ, а второе *менѣе общимъ*, иначе—*подчиненнымъ*. Напр., такими именами называются относительно другъ друга два слѣдующихъ общихъ сужденія: „славяне арійцы“

и „чехи арійцы“, а также два слѣдующихъ, тоже общихъ сужденія: „млекопитающія не дышатъ жабрами“ и „киты не дышатъ жабрами“. Въ каждой парѣ этихъ сужденій дѣло стоитъ слѣдующимъ образомъ: оба сужденія общія и, разсматриваемыя по существу (или содержанію) доставляемаго ими знанія, одинаковы между собой, но знаніе, мыслимое въ первомъ сужденіи данной пары, составляетъ обобщеніе, распространеніе на большій кругъ предметовъ знанія, мыслимаго во второмъ сужденіи той же пары, относится къ нему, какъ къ своему частному случаю: на всѣхъ славянъ обобщено, или распространено то, что̀ считается вѣрнымъ о чехахъ, а на всѣхъ млекопитающихъ то, что̀ вѣрно о китахъ.

Эти же самыя названія принято примѣнять и къ двумъ такимъ общимъ сужденіямъ, у которыхъ подлежащимъ и сказуемымъ одного служатъ вполнѣ одинаковыя ограниченія (о значеніи этого названія см. выше стр. 69) *соотвѣтственной части другого*, въ родѣ, напр., слѣдующихъ паръ общихъ сужденій: „металлы простыя тѣла“ и „жидкіе металлы—жидкія простыя тѣла“; или—„площадь прямолинейной фигуры, построенной на гипотенузѣ прямоугольнаго треугольника, равна суммѣ площадей подобныхъ ей прямолинейныхъ фигуръ, такъ построенныхъ на его катетахъ, чтобы они вмѣстѣ съ гипотенузой служили сходными сторонами этихъ трехъ фигуръ“ и „площадь квадрата, построеннаго на гипотенузѣ прямоугольнаго треугольника, равна суммѣ площадей квадратовъ, построенныхъ на катетахъ послѣдняго“; или—„сумма внутреннихъ угловъ прямолинейной фигуры равняется двумъ прямымъ, умноженнымъ на число сторонъ этой фигуры безъ двухъ“ и „сумма внутреннихъ угловъ плоскаго треугольника равняется двумъ прямымъ (т.-е. двумъ прямымъ, умноженнымъ на три безъ двухъ)“. Вѣдь знаніе, доставляемое однимъ изъ сужденій каждой подобной пары, служитъ, какъ и въ предшествующихъ примѣрахъ, обобщеніемъ знанія, мыслимаго въ другомъ сужденіи той же пары, относится къ нему, какъ къ своему частному случаю. Поэтому вполнѣ естественно, что стали называть сужденія каждой подобной пары тоже болѣе и менѣе общими, подчиняющими и подчиненными.

Вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтимъ, что *названія „подчиненнаго и подчиняющаго“ принято примѣнять* еще и къ слѣдующимъ парамъ сужденій: во-первыхъ, *къ такому общему и частному сужденію, которыя во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ вполнѣ одинаковы*, напр., „всѣ птицы обладаютъ крыльями“ и „нѣкоторыя птицы обладаютъ крыльями“; во-вторыхъ, *къ такому общему и единичному сужденію, у которыхъ подлежащимъ одного служитъ единичное понятіе, подчиненное подлежащему другого, и которыя одинаковы въ остальныхъ отношеніяхъ*, напр.: „всѣ люди смертны“ и „я смертенъ“. Въ обоихъ этихъ случаяхъ общее сужденіе относительно частнаго или единичнаго потому называется подчиняющимъ, что знаніе, доставляемое общимъ сужденіемъ, служитъ обобщеніемъ знанія, доставляемаго частнымъ или единичнымъ, относится къ послѣднему, какъ къ своему частному случаю. Названія же „болѣе и менѣе общее“, разумѣется, здѣсь неумѣстны, коль скоро одно изъ этихъ сужденій либо частное, либо единичное.

Если же общія сужденія относительно другъ друга бываютъ и болѣе, и менѣе общими, то разумѣется, *должны быть и такія общія сужденія, которыя оказываются одинаковой, или равной общности съ другими, т.-е. оказываются* столь же общими, какъ и другія. И такими именами называются общія сужденія, у которыхъ *то же самое подлежащее,* какъ напр., „утконосы млекопитающія"; „утконосы водятся въ Австраліи"; „утконосы не водятся въ Европѣ" и т. п.

Само собой разумѣется, что всякое подчиняющее сужденіе, доставляя болѣе широкое знаніе, чѣмъ любое изъ подчиненныхъ ему, заслуживаетъ особаго вниманія со стороны логики. Поэтому, *говоря о разныхъ классахъ доказательствъ, логика всегда должна отмѣчать, какъ относится въ разсматриваемомъ классѣ доказываемое сужденіе къ тѣмъ основаніямъ, съ помощью которыхъ оно доказывается,—составляетъ ли оно относительно нихъ подчиняющее или подчиненное сужденіе, или же выходитъ сужденіемъ одинаковой съ ними общности.*

Въ заключеніе замѣтимъ, что, пользуясь научной литературой, надо имѣть въ виду слѣдующее обстоятельство: *многіе авторы подчиненное сужденіе,* будетъ ли оно общимъ, частнымъ или единичнымъ, *называютъ относительно его подчиняющаго „частнымъ", а подчиняющее относительно его подчиненнаго „общимъ"*, а поэтому про доказательство подчиненнаго сужденія посредствомъ подчиняющаго или же наоборотъ—подчиняющаго посредствомъ подчиненнаго, говорятъ, что въ немъ „частное" доказывается „общимъ", или же наоборотъ—„общее частнымъ". Про доказательство же, въ которомъ общее сужденіе доказывается столь же общимъ, они выражаются, что въ немъ доказывается „частное частнымъ". Такимъ образомъ, *выраженіе „частное сужденіе" у этихъ авторовъ пріобрѣтаетъ двойственное значеніе:* во-первыхъ, примѣняемое къ сужденію, разсматриваемому *безъ отношенія* къ другому, оно обозначаетъ только такія сужденія, которыя не принадлежатъ ни къ общимъ, ни къ единичнымъ; во-вторыхъ, въ примѣненіи къ сужденію, разсматриваемому *относительно* другого, оно служитъ синонимомъ слова „подчиненный" и обозначаетъ не только частныя (въ безотносительномъ смыслѣ), но также и общія, и единичныя сужденія. Связь рѣчи всегда даетъ возможность тѣмъ, кто уже достаточно освоился съ логикой, узнать, въ какомъ смыслѣ употреблено выраженіе „частное сужденіе". Но пока логика еще впервые изучается, лучше всего для предупрежденія разныхъ недоразумѣній взамѣнъ выраженія „общее и частное" употреблять только выраженія „подчиняющее и подчиненное", которыя настолько же общеприняты, какъ и „общее съ частнымъ", между тѣмъ не вносятъ ни малѣйшей сбивчивости въ изложеніе логики.

ГЛАВА VI.

Зависимость познавательнаго значенія сужденія отъ его матеріала.

1. Раздѣленіе утвердительныхъ сужденій на аналитическія и синтетическія. *Кантъ первый подмѣтилъ, что даже и общія сужденія имѣютъ различное познавательное значеніе въ зависимости отъ ихъ состава или матеріала, т.-е. въ зависимости отъ содержанія ихъ подлежащаго и сказуемаго.* На эту разницу въ *составѣ* сужденій, конечно, различные мыслители наталкивались и раньше, но ни одинъ изъ нихъ не подмѣтилъ во всей полнотѣ зависимости познавательнаго значенія сужденій отъ ихъ состава. Кантъ же обратилъ особенное вниманіе на это обстоятельство и поэтому счелъ нужнымъ назвать особыми именами сужденія, отличающіяся другъ отъ друга по своему составу; одни изъ нихъ онъ назвалъ *аналитическими*, другія же *синтетическими*.

Въ чемъ же, по словамъ Канта, разница между составомъ аналитическихъ и синтетическихъ сужденій? Онъ опредѣлилъ ее только въ примѣненіи къ утвердительнымъ категорическимъ сужденіямъ, оговорясь, что сказанное про нихъ легко будетъ примѣнить и къ отрицательнымъ сужденіямъ. Вотъ его слова: „я буду говорить здѣсь только объ утвердительныхъ сужденіяхъ; къ отрицательнымъ же легко будетъ примѣнить выводы потомъ“ [1]). И мы сначала будемъ говорить только о категорическихъ утвердительныхъ сужденіяхъ, а потомъ посмотримъ, можно ли дѣленіе на аналитическія и синтетическія примѣнить и къ другимъ сужденіямъ, кромѣ утвердительныхъ категорическихъ, и прежде всего, къ отрицательнымъ категорическимъ, а потомъ къ условнымъ и раздѣлительнымъ.

Въ аналитическихъ сужденіяхъ, по словамъ Канта, сказуемымъ служитъ такое понятіе, все содержаніе котораго образуетъ большую или меньшую часть содержанія подлежащаго, такъ что первое можетъ быть найдено путемъ простого расчлененія или анализа содержанія подлежащаго. Напримѣръ, сужденіе: „квадратъ есть прямоугольникъ“—аналитическое. Вѣдь въ составъ понятія квадрата входитъ прямоугольность, такъ что здѣсь содержаніе сказуемаго, взятое все цѣликомъ, составляетъ лишь нѣкоторую часть содержанія подлежащаго и можетъ быть найдено уже путемъ простого расчлененія содержанія понятія квадрата. Другой примѣръ: „тѣла—протяженны“. Это тоже аналитическое сужденіе; ибо подъ тѣломъ уже подразумѣвается нѣчто протяженное: въ составъ содержанія понятія тѣла уже входитъ протяженность, какъ существенный признакъ всякаго тѣла. *Син-*

[1]) Критика Чистаго Разума, Введеніе IV, русск. пер. М. И. Владиславлева.

тетическими же Кантъ условился называть тѣ сужденія, въ которыхъ сказуемое еще не находится все цѣликомъ въ составѣ подлежащаго, какъ часть его содержанія, и поэтому не можетъ быть найдено путемъ одного лишь расчлененія содержанія подлежащаго. Какъ примѣръ подобныхъ сужденій Кантъ беретъ сужденіе,—„всѣ тѣла тяжелы“. Здѣсь понятіе тяжести не служитъ признакомъ, образующимъ содержаніе понятія тѣла. Вѣдь, расчленивъ понятіе физическаго тѣла, мы увидимъ, что въ немъ мыслится только нѣчто, *наполняющее* своимъ протяженіемъ часть пространства, но еще не мыслится, будетъ ли это нѣчто тяжелымъ или нѣтъ; и если понадобится для объясненія природы, то мы безъ всякаго противорѣчія съ понятіемъ тѣла можемъ допустить существованіе невѣсомыхъ тѣлъ. Прежняя физика такъ и поступала. Она допускала цѣлый рядъ невѣсомыхъ жидкостей: теплородъ, свѣтовой эоиръ, электрическая жидкость и т. д.

Чтобы легче было запомнить разницу между утвердительными аналитическими и синтетическими сужденіями, укажемъ составъ первыхъ въ схематической формѣ. Пусть у насъ будетъ сужденіе: „S есть P“, гдѣ подъ S и P можно подразумѣвать любыя понятія. Такъ вотъ, если $S=P+a$ (при чемъ a можетъ быть равно даже и нулю, такъ что наше сужденіе можетъ обращаться и въ тавтологію „P есть P“), то наше сужденіе „S есть P“ будетъ аналитическимъ, потому что въ его сказуемомъ не будетъ ничего такого, чего не было бы въ содержаніи его подлежащаго. Но если, напр., $S=x+a$, а $P=x+b$, то наше сужденіе „S есть P“ будетъ уже синтетическимъ, потому что въ его сказуемомъ есть то, чего нѣтъ въ содержаніи подлежащаго, именно—признакъ b.

2. Анализъ и синтезъ. Одна изъ особенностей критической теоріи познанія. Почему сужденія называются аналитическими и синтетическими? Названія „аналитическій“ и „синтетическій“ происходятъ отъ словъ „анализъ“ и „синтезъ“, которыя стали нерѣдко употреблять въ *психологической* литературѣ для обозначенія двухъ противоположныхъ по своимъ результатамъ *переживаній* душевной жизни. Подъ анализомъ стали въ психологіи подразумѣвать душевное переживаніе, приводящее къ тому, что какая-нибудь сложная мысль оказывается расчлененной на ея составные элементы, вслѣдствіе чего каждый изъ нихъ разсматривается нами порознь, такъ что намъ становятся яснѣе и его особенности, и его отношенія къ другимъ элементамъ. Напримѣръ, мы можемъ разсматривать любой образъ, хотя бы Исаакіевскаго Собора, не только какъ цѣлое, но и по частямъ, вслѣдствіе чего сходство и различіе, существующія между ними, и ихъ отношенія другъ къ другу станутъ для насъ яснѣе. Это и составитъ анализъ. Подъ синтезомъ же принято подразумѣвать такое душевное переживаніе, послѣ котораго оказываются объединенными въ одно цѣлое раздѣльныя мысли. Напримѣръ, мы можемъ сперва узнать отдѣльныя части любого зданія; и потомъ изъ образовъ отдѣльныхъ частей, объединяя ихъ въ одно цѣлое, мы составимъ образъ всего зданія. Это будетъ—синтезъ.

Самые же термины „анализъ“ и „синтезъ“ взяты съ греческаго языка,

при чемъ „анализъ“ буквально означаетъ всякое раздѣленіе, развязываніе, расчлененіе, разложеніе, а „синтезъ“ соединеніе, связываніе. И сперва они употреблялись только въ логической литературѣ, куда, въ свою очередь, попали изъ математической. Въ послѣдней же они употреблялись, какъ названія двухъ родовъ *доказательствъ*, на которые древніе математики раздѣлили всѣ геометрическія доказательства. Въ логикѣ поэтому тоже стали употреблять эти термины, какъ названія тѣхъ родовъ *доказательствъ*, на которые дѣлили прежде всѣ доказательства, пока не убѣдились, что такая классификація ихъ не доставляетъ наукѣ никакихъ удобствъ. И въ новѣйшихъ сочиненіяхъ, относящихся къ логикѣ, часто вовсе не упоминаютъ объ анализѣ и синтезѣ, а раздѣляютъ доказательства на классы, называемые другими именами и устанавливаемые совсѣмъ съ иной точки зрѣнія, чѣмъ раздѣленіе на анализъ и синтезъ. Психологія же заимствовала эти слова изъ логики, но стала подразумѣвать подъ ними не доказательства, а вышеупомянутыя душевныя *переживанія*.

Но оставимъ въ сторонѣ всѣ безъ исключенія психологическіе вопросы, которые могутъ возникнуть по поводу анализа и синтеза, потому что мы заняты логикой, а не психологіей. И если мы объяснили, что̀ такое анализъ и синтезъ въ психологіи, то сдѣлали это по слѣдующей причинѣ: многіе люди, памятуя, въ какомъ смыслѣ стала употреблять эти выраженія психологія, судятъ объ аналитическихъ и синтетическихъ сужденіяхъ не на основаніи разсмотрѣнія самихъ сужденій, а по ихъ *названіямъ*, которыя производятъ отъ *психологическаго* смысла терминовъ „анализъ“ и „синтезъ“; и по всему этому многіе воображаютъ, будто бы Кантъ своимъ раздѣленіемъ сужденій на аналитическія и синтетическія хотѣлъ указать разницу въ способѣ происхожденія (или въ способѣ образованія нами) сужденій, именно — будто бы одни изъ нихъ *возникаютъ* путемъ анализа, а другіе путемъ синтеза. Но это — ошибочное мнѣніе.

Уже изъ одного вышеприведеннаго опредѣленія разницы между аналитическими и синтетическими сужденіями ясно видно, что *это раздѣленіе основано вовсе не на происхожденіи сужденій, но на ихъ составѣ*, разсматриваемомъ *независимо* отъ ихъ происхожденія, такъ что это раздѣленіе указываетъ отнюдь не на разницу въ происхожденіи, а *только* на разницу въ составѣ. И самъ Кантъ еще особо подчеркнулъ это слѣдующими словами, какими онъ однажды начинаетъ свое раздѣленіе: „*какое бы происхожденіе*, говоритъ онъ, и какую бы логическую форму ни имѣли сужденія, *во всякомъ случаѣ* у нихъ есть различіе *по составу*“ [1]).

И вообще отличительная черта основанной Кантомъ критической теоріи познанія, для которой раздѣленіе сужденій на аналитическія и синтетическія образуетъ одинъ изъ краеугольныхъ камней, состоитъ, какъ очень часто подчеркиваетъ и самъ Кантъ, именно въ томъ, что она изучаетъ *отнюдь не происхожденіе*, не психологическій генезисъ, а лишь *составъ* знанія.

[1]) Prolegomena § 2 a. Въ подлинникѣ — „dem Inhalte nach“.

Поэтому для нея, какъ и для логики, совершенно безразлично, какъ именно возникаютъ въ нашемъ умѣ аналитическія и синтетическія сужденія. Это дѣло психологіи, а не логики и не критической теоріи познанія. Послѣдняя, какъ и логика, интересуется всего только составомъ сужденій и зависимостью отъ него ихъ значенія для нашего знанія.

И если Кантъ назвалъ одни изъ сужденій аналитическими, а другія синтетическими, то это потому, что для *удостовѣренія въ истинности* первыхъ достаточно понять, т.-е. расчленить, иначе—*проанализировать*, ихъ подлежащее. Вѣдь какъ только мы убѣдимся этимъ путемъ, что въ содержаніе подлежащаго, напримѣръ—понятія квадрата, *сполна* (т.-е. безъ всякаго остатка) входитъ, или *сполна* подразумѣвается въ немъ, содержаніе его сказуемаго, напримѣръ—четыреугольность, то тѣмъ самымъ мы уже удостовѣримся, что послѣднее должно быть утверждаемо относительно перваго, т.-е. удостовѣримся въ истинности нашего сужденія; ибо было бы явнымъ противорѣчіемъ съ понятіемъ квадрата, а поэтому и явной нелѣпостью, говорить о квадратѣ, что онъ не есть четыреугольникъ, коль скоро въ понятіи квадрата уже подразумѣвается четыреугольность. Что же касается синтетическихъ сужденій, то для удостовѣренія въ ихъ истинности еще не достаточно проанализировать, т.-е. расчленить, ихъ подлежащее: коль скоро въ содержаніе ихъ сказуемаго входитъ то, чего нѣтъ въ подлежащемъ, то сколько бы мы ни расчленяли послѣднее, *однимъ лишь этимъ путемъ* мы никогда не убѣдимся, что сказуемое должно быть утверждаемо, а не отрицаемо, относительно своего подлежащаго. Такъ, сколько бы мы ни расчленяли понятіе физическаго тѣла, все-таки, не выходило бы ровно никакого противорѣчія съ нимъ, если бы мы говорили, что физическія тѣла не вѣсомы. Чтобы удостовѣриться въ сужденіи: „всѣ физическія тѣла вѣсомы“, мы должны къ пониманію ихъ подлежащаго, доставляемому анализомъ послѣдняго, присоединить, т.-е. поставить съ нимъ въ связь (по-гречески — въ синтезъ), еще что-нибудь такое, что́ принудило бы насъ къ согласію съ этимъ сужденіемъ. Вотъ отчего эти сужденія названы синтетическими, а вовсе не оттого, чтобы имѣлось въ виду ихъ происхожденіе.

Итакъ, *раздѣленіе* сужденій на аналитическія и синтетическія *основано только на составѣ* ихъ подлежащаго и сказуемаго. Поэтому названія „аналитическія и синтетическія сужденія“ никогда не слѣдуетъ понимать въ смыслѣ указанія способа *происхожденія* сужденій; и отъ послѣдняго надо вполнѣ отвлекаться, когда говорятъ о тѣхъ и другихъ сужденіяхъ.

3. Средство для различенія аналитическихъ и синтетическихъ сужденій. И для того, чтобы читатель никогда не сбивался на психологію при рѣшеніи вопроса, имѣетъ ли онъ дѣло съ аналитическимъ или синтетическимъ сужденіемъ, т.-е. чтобы онъ никогда не пытался рѣшать этотъ вопросъ посредствомъ угадыванія способа ихъ возникновенія, мы еще иначе редактируемъ, въ чемъ состоитъ ихъ разница, и вмѣстѣ съ тѣмъ укажемъ очень простое средство для рѣшенія означеннаго вопроса. Эта разница, какъ мы видѣли, обусловлена *содержаніемъ* подлежащаго и сказуемаго. Содержа-

ніе же понятія указывается его опредѣленіемъ; ибо каждое *опредѣленіе, если его разсматривать съ логической точки зрѣнія, образуетъ собой не что иное, какъ сложное сужденіе, одной частью котораго служитъ опредѣляемое понятіе, а другой частью такое соединеніе нѣсколькихъ понятій, чтобы въ каждомъ изъ нихъ отдѣльно мыслился какой-либо признакъ, входящій въ содержаніе опредѣляемаго понятія, а чтобы во всѣхъ нихъ, взятыхъ вмѣстѣ, мыслилось все его содержаніе.* Напр., таково опредѣленіе, говорящее: „квадратъ (опредѣляемое понятіе) есть четыреугольникъ (одинъ признакъ, входящій въ составъ содержанія опредѣляемаго понятія), имѣющій равныя стороны и прямые углы (два другихъ признака, входящихъ въ содержаніе опредѣляемаго понятія, при чемъ вмѣстѣ съ первымъ они образуютъ уже все содержаніе этого понятія)“. Въ виду всего этого можно еще слѣдующимъ образомъ редактировать описаніе разницы между аналитическими и синтетическими сужденіями: *къ аналитическимъ сужденіямъ принадлежатъ только такія, въ которыхъ сказуемымъ служатъ исключительно составныя части опредѣленія подлежащаго.* Если же въ сказуемомъ найдется хоть что-нибудь незаключающееся въ опредѣленіи подлежащаго, то это сужденіе—синтетическое.

А изъ этого ясно, что безошибочнымъ, и въ то же время очень легкимъ, средствомъ для различенія аналитическихъ и синтетическихъ сужденій служитъ *разсмотрѣніе опредѣленія подлежащаго*, а разумѣется, также *и сказуемаго*, если оно еще не вполнѣ ясно, именно—выясненіе, заключается ли *все, безъ остатка*, содержаніе сказуемаго въ опредѣленіи подлежащаго. Если да, то сужденіе аналитическое; если нѣтъ—синтетическое. Напр., „квадраты имѣютъ взаимноперпендикулярныя діагонали“ сужденіе синтетическое, потому что въ опредѣленіи квадрата нѣтъ ни малѣйшей мысли о взаимномъ положеніи діагоналей. Сужденіе же „квадраты имѣютъ равныя стороны“—аналитическое. „Золото желтаго цвѣта“ тоже аналитическое сужденіе, потому что желтизна одинъ изъ признаковъ, образующихъ опредѣленіе золота. Сужденія же: „золото легче платины“, „золото водится въ Сибири“, „золото употребляется для монетъ“ и т. п. синтетическія.

4. Познавательное значеніе аналитическихъ и синтетическихъ сужденій. Эти двѣ группы сужденій сильно разнятся между собой въ познавательномъ значеніи, именно: *знаніе расширяется всегда только при помощи оправданныхъ синтетическихъ сужденій, аналитическія же сужденія не расширяютъ его, а скорѣе только разъясняютъ его* тѣмъ, что разъясняютъ содержаніе своего подлежащаго. Поэтому Кантъ называетъ аналитическія сужденія еще также *разъясняющими* знаніе, а синтетическія—*расширяющими* его [1]). Впрочемъ, онъ забылъ оговориться, что есть и такія

[1]) Въ одномъ же мѣстѣ своего сочиненія Prolegomena (именно, въ томъ самомъ мѣстѣ, которое только-что было цитировано нами въ § 2 этой главы) онъ даже сначала говоритъ о томъ, что сужденія бываютъ по содержанію своему либо *разъясняющими*, либо *расширяющими* знаніе, а лишь послѣ этого прибавляетъ такія слова: „первыя могутъ быть названы *аналитическими*, а вторыя—*синтетическими*“. (Кур-

аналитическія сужденія, у которыхъ нѣтъ даже *разъясняющаго* значенія, именно—*тавтологическія*.

Доказывается же, что только синтетическія сужденія расширяютъ знаніе, слѣдующими соображеніями:

1) *Знаніе не можетъ обойтись безъ оправданныхъ сужденій о существованіи.* Они такъ важны, что безъ нихъ знаніе имѣетъ самую малую цѣну. Знаніе о томъ, что такіе-то предметы обладаютъ такими-то и такими-то свойствами, мало чѣмъ отличается отъ выдумокъ, если мы еще не знаемъ, существуютъ ли эти предметы. *А сужденія о существованіи—всѣ синтетическія, ибо ни въ одномъ понятіи не содержится бытіе подходящихъ подъ него предметовъ.* „Крокодилы существуютъ“, „аэролиты существуютъ“, это—сужденія синтетическія; ибо въ составъ понятія крокодила или понятія аэролита не входитъ существованіе подходящихъ подъ него предметовъ. Въ существованіи аэролитовъ даже долго сомнѣвались.

Для *общаго* же доказательства только-что упомянутаго правила (что въ составъ понятія никогда не входитъ существованіе подходящихъ подъ него предметовъ) обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство:

Когда мы составляемъ какое бы то ни было понятіе, то для его содержанія совершенно безразлично, существуютъ ли подходящіе подъ него предметы или нѣтъ. При составленіи каждаго понятія всѣ наши заботы ограничиваются лишь собираніемъ такихъ признаковъ, которые характеризовали бы подходящіе подъ него предметы, *если бы* они существовали, для чего указывается ихъ родъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и ихъ отличія отъ всего подчиненнаго этому роду. Другими словами: всѣ наши заботы при этомъ построеніи сводятся только къ тому, чтобы охарактеризовать особый *видъ или способъ* существованія предметовъ, подходящихъ подъ наше понятіе, *предполагая* ихъ существующими, т.-е.—указать, какими они будутъ въ томъ случаѣ, *если* они существуютъ. Напр., при построеніи понятій человѣка, души, матеріи и т. д. мы заботимся только о томъ, чтобы охарактеризовать видъ или способъ существованія соотвѣтствующихъ предметовъ, *предполагая* ихъ существующими. Поэтому однимъ лишь расчлененіемъ содержанія понятія мы можемъ узнать только то, каковъ долженъ быть соотвѣтствующій ему предметъ, *если* онъ существуетъ, а никогда не узнаемъ, существуетъ ли онъ на самомъ дѣлѣ или нѣтъ.

2) Далѣе: *только синтетическія сужденія замѣтнымъ образомъ расширяютъ наше знаніе даже и послѣ того, какъ у насъ уже есть оправданныя сужденія о существованіи.* Для доказательства допустимъ, что мы уже знаемъ, для какихъ изъ нашихъ понятій существуютъ подходящіе подъ нихъ предметы, а для какихъ не существуютъ, и посмотримъ, въ какомъ случаѣ наше знаніе расширится замѣтнымъ образомъ: тогда ли, когда мы

сивъ вездѣ самого Канта). Такимъ образомъ, онъ еще разъ ясно показалъ, что сужденія раздѣлены имъ на аналитическія и синтетическія вовсе не ради способа ихъ происхожденія, но ради разницы въ ихъ значеніи для знанія.

оправдаемъ относительно этихъ предметовъ аналитическія, или же—синтетическія сужденія. Положимъ, мы знаемъ, что физическія тѣла существуютъ. Возьмемъ теперь два сужденія: аналитическое—„всякое тѣло протяженно“, и синтетическое—„всякое тѣло вѣсомо“, и будемъ считать каждое изъ нихъ вполнѣ истиннымъ. Которое изъ нихъ неоспоримымъ образомъ расширило наше знаніе? Разумѣется, синтетическое, ибо въ аналитическомъ сказуемымъ служитъ понятіе протяженности, которое уже образуетъ часть содержанія подлежащаго: слѣдовательно, аналитическое сужденіе не говоритъ намъ ничего новаго о физическихъ тѣлахъ, а лишь разъясняетъ, что̀ именно признавали мы существующимъ. Сужденіе же „всѣ тѣла вѣсомы“ говоритъ о тѣлахъ нѣчто новое, чего мы еще не знали, когда удостовѣрились въ ихъ существованіи.

Замѣтимъ, что аналитическія сужденія не всегда даже и разъясняютъ наше знаніе. Такъ называемыя, сужденія *тавтологическія*, или *тавтологіи*, т.-е. сужденія, въ которыхъ сказуемымъ служитъ то же понятіе, какое служитъ и подлежащимъ, напримѣръ: „*А* есть *А*“, „добро есть добро“ и т. п., суть сужденія аналитическія, ибо въ нихъ содержаніе сказуемаго *цѣликомъ* повторяется въ подлежащемъ; а между тѣмъ они даже нисколько не разъясняютъ нашего знанія о существующихъ предметахъ.

5. О раздѣленіи отрицательныхъ сужденій на аналитическія и синтетическія. Кантъ, говоря о разницѣ аналитическихъ и синтетическихъ сужденій, имѣлъ въ виду одни лишь категорическія утвердительныя сужденія. Хотя онъ и оговорился, что сказанное о нихъ легко можно примѣнить и къ отрицательнымъ сужденіямъ, но самъ не сдѣлалъ этого примѣненія: ему по ходу его изслѣдованій въ этомъ не было надобности [1]). Разсмотримъ же теперь, какъ опредѣлять отрицательныя аналитическія и синтетическія сужденія. Вѣдь очевидно, что опредѣленіе аналитическихъ сужденій, которое далъ самъ Кантъ, и которое мы имѣли въ виду до сихъ поръ, пригодно только для утвердительныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, если мы опредѣляемъ аналитическія сужденія, какъ такія, въ которыхъ сказуемое составляетъ часть содержанія подлежащаго, подразумѣвается въ немъ, то очевидно, что при *такомъ составѣ* подлежащаго и сказуемаго послѣднее можно только утвер-

---

[1]) Никакъ нельзя думать, что онъ просто забылъ объ этомъ примѣненіи. Нѣтъ, онъ, навѣрное, хорошо помнилъ о немъ. Дѣло въ томъ, что въ первомъ изданіи „Критики чистаго разума“ онъ въ буквальномъ переводѣ такъ выражается: „если я стану обсуждать только утвердительныя; ибо примѣненіе къ отрицательнымъ легко“ (wenn ich nur die bejahende erwäge: denn auf die verneinende ist die Anwendung leicht,—см. стр. 6 оригинальнаго перваго изданія). Во второмъ же изданіи, подвергнутомъ *тщательному исправленію*, а во многихъ частяхъ *переработанному заново*, онъ не только не устранилъ этой оговорки, но еще редактировалъ ее съ прибавкой слова „послѣ того“ (nachher), именно (въ буквальномъ переводѣ): „если я стану обсуждать только утвердительныя; ибо примѣненіе послѣ того къ отрицательнымъ легко“ (wenn ich nur die bejahende erwäge; denn auf die verneinende ist nachher die Anwendung leicht,—см. стр. 10 второго оригинальнаго изданія), между тѣмъ онъ и во второмъ изданіи, хотя оно снабжено разными дополненіями, все-таки, не указываетъ этого примѣненія.

ждать, а отнюдь нельзя отрицать относительно перваго. Напримѣръ: относительно квадрата можно только утверждать, а отнюдь не отрицать, что онъ четыреугольникъ. Слѣд., *примѣняя раздѣленіе сужденій на аналитическія и синтетическія также и къ отрицательнымъ, надо опредѣлять отрицательныя аналитическія сужденія иначе, чѣмъ утвердительныя.*

Но какъ найти, въ чемъ состоитъ разница въ составѣ отрицательныхъ аналитическихъ и синтетическихъ сужденій? Очевидно, наша задача сводится къ слѣдующей: *на основаніи состава подлежащаго и сказуемаго такъ раздѣлить всѣ отрицательныя сужденія на два класса, чтобы послѣдніе во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ оказались вполнѣ аналогичными съ утвердительными аналитическими и синтетическими сужденіями.* Если такое раздѣленіе всѣхъ отрицательныхъ сужденій удастся произвесть, то Кантъ правъ, говоря о возможности примѣнить раздѣленіе сужденій на аналитическія и синтетическія также и къ отрицательнымъ. Въ противномъ же случаѣ онъ ошибся, и раздѣленіе сужденій на аналитическія и синтетическія умѣстно только въ примѣненіи къ утвердительнымъ сужденіямъ.

Условимся же называть отрицательное сужденіе аналитическимъ въ томъ случаѣ, если въ составъ содержанія одного изъ его элементовъ (или подлежащаго, или сказуемаго) входитъ такой признакъ, который входитъ и въ содержаніе другого элемента этого сужденія, но такъ, что въ составъ одного изъ этихъ элементовъ (въ какой именно—это безразлично) онъ входитъ утвердительнымъ образомъ, а въ составъ другого—отрицательнымъ образомъ, т.-е. онъ тамъ не просто отсутствуетъ, но отрицается; иначе говоря—одинъ изъ элементовъ сужденія мыслится не просто, какъ лишенный этого признака, а какъ соединенный съ его отрицаніемъ. Тѣ же отрицательныя сужденія, у которыхъ въ составѣ содержанія подлежащаго и сказуемаго нѣтъ такого признака, чтобы онъ одновременно входилъ и въ подлежащее, и въ сказуемое, но въ одно изъ нихъ утвердительнымъ, а въ другое отрицательнымъ образомъ, условимся называть синтетическими. Для поясненія же, что значитъ „просто отсутствовать въ содержаніи понятія“, „входить въ его составъ отрицательнымъ образомъ“ и „входить въ его составъ утвердительнымъ“, возьмемъ понятіе параллелограмма и трапеціи. Въ содержаніи этихъ понятій совершенно умалчивается, каковы ихъ углы, равные ли между собой или неравные, прямые или непрямые и т. д. Такимъ образомъ, признакъ величины угловъ здѣсь *просто отсутствуетъ:* мысля параллелограммы или трапеціи, мы не приписываемъ имъ и не отрицаемъ за ними никакой опредѣленной величины угловъ, а просто обходимъ ее молчаніемъ. Иначе стоитъ дѣло съ параллельностью сторонъ. Въ составѣ содержанія и понятія параллелограмма, и понятія трапеціи мыслится, что они *обладаютъ* одной парой взаимнопараллельныхъ сторонъ, такъ что обладаніе парой такихъ сторонъ образуетъ признакъ, который входитъ въ составъ содержанія каждаго изъ этихъ понятій *утвердительнымъ образомъ.* Что же касается другой пары сторонъ, то въ параллелограммѣ про нее мыслится, что и онѣ взаимно параллельны, такъ

что обладаніе *другой* парой взаимнопараллельныхъ сторонъ входитъ въ составъ содержанія понятія параллелограмма тоже утвердительнымъ образомъ. Въ трапеціи же мыслится *отрицаніе* обладанія *другой* парой взаимнопараллельныхъ сторонъ; ибо подъ трапеціями подразумѣваются такіе четыреугольники, у которыхъ только одна пара взаимнопараллельныхъ сторонъ, а другая *не такова*. И вотъ, про этотъ-то признакъ мы говоримъ, что онъ *входитъ* въ составъ понятія трапеціи, но входитъ *отрицательнымъ образомъ*; ибо содержаніе понятія трапеціи составляется, между прочимъ, изъ *отрицанія* обладанія другой парой взаимнопараллельныхъ сторонъ. Поэтому два слѣдующихъ отрицательныхъ сужденія: „*параллелограммы не суть трапеціи*“ и „*трапеціи не параллелограммы*“ принадлежатъ къ аналитическимъ; ибо въ каждомъ изъ этихъ сужденій, какъ въ подлежащее, такъ и въ сказуемое, входитъ одинъ и тотъ же признакъ (именно — „обладаніе другой парой взаимнопараллельныхъ сторонъ“), но въ одно изъ нихъ онъ входитъ утвердительнымъ образомъ, а въ другое отрицательнымъ. Приведемъ теперь примѣръ синтетическаго отрицательнаго сужденія. Имъ можетъ служить сужденіе: „*стекло не есть проводникъ электричества*“. Здѣсь въ содержаніи подлежащаго и сказуемаго нѣтъ такого признака, который входилъ бы и туда, и сюда, но въ одно изъ нихъ утвердительнымъ, а въ другое отрицательнымъ образомъ.

Легко убѣдиться, что отрицательныя аналитическія сужденія, дѣйствительно, вполнѣ аналогичны съ утвердительными аналитическими, отрицательныя же синтетическія съ утвердительными синтетическими, именно: подобно утвердительнымъ аналитическимъ, отрицательныя аналитическія сужденія таковы, что 1) нашего знанія не расширяютъ, и 2) вмѣстѣ съ тѣмъ, чтобы удостовѣриться въ ихъ истинности, достаточно понять ихъ подлежащее и сказуемое, т.-е. разсмотрѣть опредѣленія того и другого. Отрицательныя же синтетическія сужденія, подобно утвердительнымъ, 1) расширяютъ наше знаніе, и 2) для удостовѣренія въ ихъ истинности еще недостаточно понять ихъ подлежащее и сказуемое. Такъ, возьмемъ отрицательное аналитическое сужденіе: „параллелограммы не суть трапеціи“, или наоборотъ: „трапеціи не суть параллелограммы“. Въ каждомъ изъ этихъ сужденій знаніе объ его подлежащемъ отнюдь не расширилось посредствомъ такого сужденія, а развѣ только разъяснилось, потому что, коль скоро мы понимаемъ, что̀ такое параллелограммъ и трапеція, то мы уже этимъ самымъ сразу знаемъ, что они не одно и то же. Вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что для удостовѣренія въ истинности каждаго изъ этихъ сужденій достаточно понять или расчленить подлежащее и сказуемое этихъ сужденій, т.-е. разсмотрѣть опредѣленія того и другого. Но возьмемъ теперь отрицательное синтетическое сужденіе: „стекло не есть проводникъ электричества“. Оно явнымъ образомъ расширяетъ наше знаніе о стеклѣ. И, вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бы ясно и отчетливо мы ни понимали, что̀ такое стекло, и что̀ такое проводникъ электричества, т.-е. сколько бы мы ни разсматривали опредѣленія понятія стекла и понятія проводника

электричества, мы, все-таки, еще не удостовѣримся въ томъ, что стекло не есть проводникъ электричества.

Тотъ составъ отрицательныхъ сужденій, при которомъ они будутъ аналитическими, мы можемъ высказать, чтобы легче было запомнить его, и въ схематической формѣ. Для этой цѣли условимся такъ поступать: если признакъ x входитъ въ содержаніе какого-нибудь понятія M *отрицательнымъ образомъ*, то мы это будемъ обозначать черезъ *non* x, такъ что все содержаніе этого понятія изобразится такой схемой: $M=a+non\ x$. Условившись въ этомъ, мы можемъ сказать, что *отрицательное сужденіе „S не есть P“ будетъ аналитическимъ, т.-е. всего только разъясняющимъ наше знаніе, въ томъ случаѣ, если у него $S=a+x$, а $P=b+non\ x$, или же наоборотъ: $S=a+non\ x$, а $P=b+x$, при чемъ a можетъ равняться b, или же каждое изъ нихъ можетъ равняться нулю. Если же отрицательное сужденіе не подходитъ ни подъ одну изъ этихъ схемъ, то оно—синтетическое, т.-е. расширяетъ наше знаніе.*

6. О примѣненіи раздѣленія на аналитическія и синтетическія къ условнымъ и раздѣлительнымъ сужденіямъ. Кантъ еще высказался (въ мѣстѣ, цитированномъ нами на стр. 90), что сужденія раздѣляются на аналитическія и синтетическія, *„какую бы логическую форму* ни имѣли они“. А какъ стоитъ дѣло съ условными и раздѣлительными сужденіями?

Очевидно, что примѣненіе къ условнымъ сужденіямъ, взятымъ въ ихъ *цѣломъ* видѣ, раздѣленія на аналитическія и синтетическія, равно какъ и раздѣленія ихъ на общія и частныя, вещь невозможная, такъ какъ всякое условное сужденіе состоитъ изъ *двухъ* категорическихъ сужденій, поставленныхъ въ такую зависимость, что, соглашаясь съ однимъ, мы должны согласиться и съ другимъ. Поэтому легко можетъ быть, что одна часть условнаго сужденія окажется аналитической, а другая синтетической, равно какъ одна частнымъ сужденіемъ, а другая общимъ и т. п. Слѣдов. *надо говорить о принадлежности къ тому или другому классу не цѣлаго условнаго сужденія, а только той или другой его части.* А такъ какъ каждая часть его есть сужденіе категорическое, то мы уже знаемъ, въ какомъ случаѣ она будетъ аналитическимъ и въ какомъ синтетическимъ сужденіемъ.

Что же касается раздѣлительныхъ сужденій, то каждое изъ нихъ будетъ или явной нелѣпостью, такъ что не можетъ войти въ составъ знанія, или же такимъ сужденіемъ, что каждое изъ его сказуемыхъ будетъ относиться къ своему подлежащему не аналитически, а синтетически. Въ самомъ дѣлѣ, раздѣлительными сужденіями мы называемъ такія, гдѣ для одного и того же подлежащаго мы указываемъ нѣсколько сказуемыхъ, при чемъ каждое изъ нихъ утверждается о своемъ подлежащемъ въ соединеніи съ мыслью, что оно *можетъ* быть и отрицаемо относительно него. Наприм., въ сужденіи „A есть или B, или C“ мыслится только, что *хоть одно* изъ этихъ сказуемыхъ должно быть приписано подлежащему A, но какое именно, еще неизвѣстно, и поэтому про каждое изъ нихъ мыслится, что оно *можетъ* быть и отрицаемо относительно A. Такъ можетъ ли при та-

комъ условіи сужденіе не быть явно нелѣпымъ, если хоть одно изъ этихъ сказуемыхъ относится къ подлежащему аналитически? Вѣдь если *B* относится къ *A* аналитически, т.-е. подразумѣвается въ *A*, то намъ уже нельзя говорить, будто бы *A* есть или *B*, или *C*, потому что *A должно* быть *B*.— Напримѣръ, если въ квадратѣ подразумѣвается четыреугольность, то уже нельзя говорить: квадратъ есть или четыреугольникъ, или пятиугольникъ. Онъ можетъ и долженъ быть только четыреугольникомъ, а не чѣмъ другимъ. Итакъ, *всякое раздѣлительное сужденіе, кромѣ явно нелѣпыхъ, таково, что каждое изъ его сказуемыхъ относится къ его подлежащему синтетически, а не аналитически, т.-е. не подразумѣвается въ немъ; такъ что всѣ раздѣлительныя сужденія, употребляемыя при расширеніи знанія, должны считаться синтетическими.*

7. Причина и одно изъ проявленій враждебнаго отношенія къ критической теоріи познанія. Какъ только Кантъ указалъ на важную разницу въ познавательномъ значеніи между аналитическими и синтетическими сужденіями, такъ тотчасъ противъ такого раздѣленія сужденій стали дѣлать нѣкоторыя возраженія съ цѣлью подорвать это раздѣленіе. Такія старанія объясняются очень просто: тотъ фактъ, что одни изъ сужденій всего только разъясняютъ наше знаніе, а другія расширяютъ его, составляетъ, какъ мы уже упоминали, одинъ изъ краеугольныхъ камней основаннаго Кантомъ направленія въ разработкѣ теоріи познанія. За этимъ направленіемъ, а равно и за всей философіей, основанной на этой теоріи познанія, исторически установилось названіе *критической* для отличія отъ другихъ направленій, за которыми установилось названіе *догматическихъ*. Этими названіями мы и будемъ всегда пользоваться, какъ исторически установившимися. Критическая теорія познанія должна быть не по вкусу догматически настроеннымъ умамъ; ибо послѣдніе пропитаны увѣренностью, будто бы возможна и метафизика въ видѣ знанія. Критическая же теорія познанія приводитъ къ такому заключенію: одно изъ двухъ—или мы должны отрицать характеръ знанія у такихъ наукъ, какъ математика и самыя точныя отрасли естествознанія или же считать метафизику возможной только въ видѣ вѣры, а не знанія. А это, конечно, должно было вооружать противъ нея догматически настроенные умы. Поэтому всячески старались подкопаться подъ нее и, между прочимъ, разыскивали возраженія противъ раздѣленія сужденій на аналитическія и синтетическія. Эти возраженія иногда встрѣчаются еще и теперь. Поэтому въ логикѣ, при изложеніи которой имѣется въ виду прежде всего ея философское значеніе, необходимо ознакомиться съ ними, тѣмъ болѣе, что они нерѣдко сбиваютъ съ толку начинающихъ изучать философію.

8. Ошибочность возраженія, основаннаго на неотдѣлимости анализа отъ синтеза. Первое изъ нихъ обусловливается исключительно или величайшимъ невниманіемъ къ чужимъ рѣчамъ, или же полной неспособностью встать на логическую точку зрѣнія, такъ какъ сводится къ подмѣнѣ чисто-логической точки зрѣнія, принятой и ясно подчеркнутой Кантомъ при его раздѣленіи сужденій, психологической, разсматривающей сужде-

нія по ихъ происхожденію. Это возраженіе ссылается на то, что ни одно сужденіе (кромѣ развѣ тавтологическихъ, сводящихся къ схемѣ „*A* есть *A*“) не можетъ возникнуть ни посредствомъ одного лишь анализа—безъ всякой примѣси синтеза, ни посредствомъ одного лишь синтеза—безъ всякой примѣси анализа, такъ что анализъ и синтезъ не отдѣлимы другъ отъ друга; поэтому-де не можетъ быть ни чисто аналитическихъ, ни чисто синтетическихъ сужденій, а каждое должно быть сразу и аналитическимъ, и синтетическимъ. Ясно, что это возраженіе не относится къ дѣлу, хотя, можетъ быть (даже вѣроятнѣе всего), оно и высказываетъ святую истину. Оно построено на ложномъ предположеніи, будто бы сужденія дѣлятся на аналитическія и синтетическія по способу своего происхожденія; въ дѣйствительности же они такъ дѣлятся исключительно по своему составу или матеріалу, съ цѣлью оцѣнить зависимость ихъ значенія для знанія отъ *состава*, независимо отъ того, какимъ путемъ они возникаютъ. Если же разсматривать сужденія только по ихъ составу, т.-е. съ чисто-логической точки зрѣнія, то каждое изъ нихъ можетъ быть только либо аналитическимъ, либо синтетическимъ, а не можетъ быть такихъ сужденій, которыя выходили бы сразу и аналитическими, и синтетическими.

9. Ошибочность возраженія, основаннаго на превращеніи всѣхъ синтетическихъ сужденій въ аналитическія. Съ перваго взгляда гораздо серьезнѣе слѣдующее возраженіе: „если дѣлить сужденія на аналитическія и синтетическія по ихъ *составу*, то нужно признать, что всякое синтетическое сужденіе рано или поздно превращается въ аналитическое, такъ что *по мѣрѣ роста нашего знанія число синтетическихъ сужденій безпрерывно уменьшается*, и наше раздѣленіе оказывается неустойчивымъ, имѣющимъ значеніе только для настоящей минуты. Въ самомъ дѣлѣ, если я сегодня еще не знаю, что квадратъ имѣетъ взаимно перпендикулярныя діагонали, то для меня сегодня это сужденіе синтетическое. Завтра же, вслѣдствіе расширенія моего знанія, измѣнится мое понятіе о квадратѣ: оно обогатится новыми признаками. И это же самое сужденіе сдѣлается для меня завтра аналитическимъ, потому что въ составъ понятія о квадратѣ вошло сегодня, что у него взаимно перпендикулярныя діагонали. А какой же смыслъ можетъ быть въ такомъ неустойчивомъ раздѣленіи? Не ясно ли, что и основанная на немъ теорія познанія будетъ настолько же неустойчивой, имѣющей значеніе только для настоящей минуты?“. Но это возраженіе оказывается вполнѣ несостоятельнымъ, исходящимъ изъ ложной предпосылки. Противъ него можно выставить слѣдующіе доводы, которые опровергаютъ его по всѣмъ пунктамъ:

1) Оно опирается на ложное предположеніе, будто бы *каждое* синтетическое сужденіе, рано или поздно, дѣлается аналитическимъ. Въ дѣйствительности же синтетическія сужденія превращаются въ аналитическія въ высшей степени рѣдко. Вѣдь для того, чтобы синтетическое сужденіе сдѣлалось аналитическимъ, необходимо, чтобы измѣнилось самое содержаніе понятій, изъ которыхъ оно составлено, напр.: необходимо, чтобы въ его подлежащее вошло большее число признаковъ, чѣмъ ихъ было прежде. Такъ, если въ составъ

содержанія понятія квадрата, дѣйствительно, войдетъ признакъ обладанія взаимно перпендикулярными діагоналями, то послѣ того сужденіе: „квадратъ обладаетъ такими діагоналями“, сдѣлается аналитическимъ, а до той поры будетъ все еще синтетическимъ. Разсмотримъ же, измѣняется ли содержаніе нашихъ прежнихъ понятій въ зависимости отъ расширенія знанія. Легко доказать, что такое измѣненіе происходитъ крайне рѣдко. Вѣдь совокупность признаковъ, составляющихъ содержаніе какого-либо понятія, указывается его опредѣленіемъ, такъ что, если бы, по мѣрѣ развитія знанія, измѣнялось содержаніе нашихъ понятій, то вмѣстѣ съ тѣмъ измѣнялись бы и опредѣленія употребляемыхъ въ наукѣ понятій: въ старину для нихъ давались бы одни опредѣленія, а позднѣе—совсѣмъ другія. Точно также понятія, употребляемыя въ любомъ учебникѣ, пришлось бы на дальнѣйшихъ страницахъ опредѣлять иначе, чѣмъ на каждой предшествующей. Въ дѣйствительности же, за ничтожными исключеніями, научныя понятія, напримѣръ: квадратъ, кругъ, эллипсисъ и т. д., опредѣлялись въ старину такъ же, какъ и теперь, и при дальнѣйшемъ изложеніи науки для нихъ удерживаются тѣ же опредѣленія, какія указаны на ея первыхъ страницахъ. *И развитіе знанія почти никогда не состоитъ въ перемѣнѣ содержанія понятій (что тотчасъ должно бы отразиться на ихъ опредѣленіяхъ), но оно сводится отчасти къ возникновенію новыхъ понятій, отчасти же къ оправданію новыхъ сужденій по поводу прежнихъ понятій.* Изрѣдка, конечно, могутъ быть случаи, что сначала понятіе было составлено неудачно, а послѣ того приходится его исправлять, такъ что измѣнится и его опредѣленіе, вслѣдствіе чего *нѣкоторыя* синтетическія сужденія, дѣйствительно, съ теченіемъ времени *могутъ* обратиться въ аналитическія. Но все это бываетъ лишь изрѣдка, пока понятіе еще впервые вырабатывается въ наукѣ, и его содержаніе еще не установилось окончательно; а послѣ того, какъ оно установится, навсегда прекратится и превращеніе синтетическихъ сужденій объ этомъ понятіи въ аналитическія. Изъ всего этого ясно, что далеко не всѣ синтетическія сужденія, а только очень немногія превращаются въ аналитическія вслѣдствіе развитія знанія.

2) Но даже и въ тѣхъ рѣдкихъ случаяхъ, когда, дѣйствительно, происходитъ перемѣна въ содержаніи неудачно составленнаго понятія (а слѣдовательно, и въ его опредѣленіи), дѣло стоитъ вовсе не такъ, какъ предполагается въ разсматриваемомъ возраженіи; вовсе не такъ, чтобы въ это время все ограничивалось однимъ лишь уменьшеніемъ суммы синтетическихъ сужденій въ связи съ одновременнымъ увеличеніемъ суммы аналитическихъ. Нѣтъ, *въ то самое время, когда, вслѣдствіе измѣненія и исправленія какого-либо неудачно составленнаго понятія, нѣкоторыя синтетическія сужденія становятся аналитическими, нѣкоторыя изъ аналитическихъ, въ свою очередь, становятся синтетическими.* Напр., въ психологіи подверглось измѣненію понятіе ощущенія; ибо прежде подъ ощущеніями подразумѣвались душевныя переживанія, дающія намъ знать о качествахъ внѣшнихъ вещей, объ ихъ цвѣтѣ, запахѣ, вкусѣ и т. д.; а теперь подъ ними подра-

зумѣваются душевныя переживанія, возникающія вслѣдствіе своеобразнаго возбужденія, или нервнаго тока, проникшаго въ головной мозгъ изъ чувствующаго нерва, который подвергся дѣйствующему на него раздраженію. И, разумѣется, сужденіе, что ощущенія возникаютъ вслѣдствіе такого возбужденія головного мозга, прежде было синтетическимъ, а теперь стало аналитическимъ [1]). За то одновременно съ нимъ подверглось обратному превращенію, т.-е. изъ аналитическаго сдѣлалось синтетическимъ, сужденіе, что ощущенія показываютъ намъ качества внѣшнихъ вещей. Вѣдь прежде само же это сужденіе и служило опредѣленіемъ ощущеній. Въ новомъ же понятіи, т.-е. въ новомъ опредѣленіи ощущеній, оно вовсе не подразумѣвается: при новомъ опредѣленіи ощущеній подъ нихъ подводятся и ощущенія мускульныхъ сокращеній, и ощущенія болевыя и т. д., которыя даютъ намъ знать вовсе не о качествахъ внѣшнихъ вещей. Такъ точно, если бы геометръ началъ строить геометрію, установивъ такое опредѣленіе квадрата: „квадратъ есть прямолинейная фигура, имѣющая двѣ взаимноравныхъ и взаимноперпендикулярныхъ діагонали, которыя дѣлятъ другъ друга пополамъ“, а послѣ того, замѣтивъ, что съ геометрической точки зрѣнія болѣе важными, а потому и существенными, признаками квадрата служатъ прямоугольность четыреугольника въ соединеніи съ равенствомъ сторонъ, сталъ бы такъ опредѣлять квадратъ: „это прямоугольный четыреугольникъ, имѣющій равныя между собой стороны“—тогда, конечно, сужденіе, что квадраты—четыреугольники, прежде у него было бы синтетическимъ, а теперь оно стало бы аналитическимъ; зато, въ свою очередь, сужденіе, что квадраты имѣютъ взаимноперпендикулярныя діагонали, прежде было бы аналитическимъ, а теперь оно стало бы синтетическимъ.

Изъ всего сказаннаго ясно, что *вовсе нѣтъ и никогда не можетъ быть безпрерывнаго уменьшенія числа синтетическихъ сужденій; напротивъ, оно, по мѣрѣ роста нашего знанія, безпрерывно увеличивается.* Ибо, во-первыхъ, расширяется-то знаніе, какъ мы уже видѣли (на стр. 100), только посредствомъ новыхъ синтетическихъ сужденій, такъ что съ расширеніемъ знанія безпрерывно увеличивается бывшее въ немъ до той поры число синтетическихъ сужденій; во-вторыхъ, синтетическія сужденія о такихъ понятіяхъ, которыя уже установились въ своемъ содержаніи, никогда не превращаются въ аналитическія (см. стр. 100); въ-третьихъ, наконецъ, когда понятіе всего только еще вырабатывается и поэтому еще мѣняется въ своемъ

---

[1]) Строго говоря, надо было бы такъ выражаться: *предложеніе*, которое прежде высказывало синтетическое сужденіе, теперь стало высказывать аналитическое, потому что само-то сужденіе, которое прежде высказывалось этимъ предложеніемъ, разумѣется, совсѣмъ *исчезло* изъ науки, коль скоро прежнее понятіе ощущенія исчезло и замѣнилось новымъ; теперь уже нѣтъ въ наукѣ ни прежняго понятія ощущеній, ни прежнихъ сужденій о нихъ, а сохранились только старыя названія и старыя предложенія по поводу ощущеній, т.-е. старыя *слова*, соединенныя съ *новыми* понятіями и сужденіями. Но для упрощенія дѣла будемъ говорить неточнымъ языкомъ разсматриваемаго возраженія.

содержаніи, то одновременно съ превращеніемъ нѣкоторыхъ синтетическихъ сужденій въ аналитическія происходитъ и превращеніе нѣкоторыхъ аналитическихъ въ синтетическія (см. стр. 100).

10. Причины мнѣнія, будто бы всѣ синтетическія сужденія должны превращаться въ аналитическія. Если такъ легко убѣдиться въ томъ, что синтетическія сужденія при развитіи нашего знанія переходятъ въ аналитическія лишь въ видѣ рѣдкихъ исключеній, то какъ же объяснить, что многимъ кажется, будто бы такое превращеніе совершается *безпрерывно* по мѣрѣ развитія нашего знанія, и будто бы *всякое* синтетическое сужденіе, рано или поздно, сдѣлается аналитическимъ. Хотя это психологическій вопросъ, но не безполезно разсмотрѣть его, потому что если не объяснить, какія причины приводятъ къ этому ошибочному мнѣнію, то онѣ, пожалуй, снова породятъ его. Заблужденіе, о которомъ идетъ рѣчь, объясняется двумя причинами:

а) Во-первыхъ, оно составляетъ слѣдствіе психологическаго закона неразрывныхъ ассоціацій, въ силу котораго *двѣ мысли, часто переживавшіяся одновременно или непосредственно одна за другой, вступаютъ между собой въ столь тѣсную и прочную связь, что, разъ возникаетъ въ умѣ одна изъ нихъ, она неудержимо (тотчасъ же) вызываетъ за собой и другую.* Мысли, столь тѣсно связанныя между собой, называются членами неразрывной ассоціаціи, а сама эта прочная связь называется *неразрывной* ассоціаціей. И такія ассоціаціи отличаются не только своей прочностью, какъ бы неотдѣлимостью ихъ членовъ другъ отъ друга, а пріобрѣтаютъ еще одну особенность: *по мѣрѣ того, какъ ассоціація становится прочнѣе, т.-е. дѣлается все болѣе и болѣе неразрывной, связь ея членовъ другъ съ другомъ начинаетъ намъ казаться внутренней связью, т.-е. намъ начинаетъ казаться, что одна изъ неразрывно ассоціированныхъ мыслей подразумѣвается въ другой.* Напр.: одинъ датскій путешественникъ былъ посаженъ по распоряженію сіамскаго короля въ тюрьму за дерзкую ложь передъ королемъ, состоявшую въ томъ, что, по словамъ путешественника, на его родинѣ зимой вода во всѣхъ рѣкахъ становится настолько твердой, что тогда по ней не только свободно переходятъ, а даже переѣзжаютъ въ тяжелыхъ экипажахъ. Сіамскій король въ своей тропической странѣ привыкъ видѣть и представлять себѣ воду не иначе, какъ въ жидкомъ состояніи, и вслѣдствіе неразрывной ассоціаціи ему стало казаться, будто бы въ представленіи воды уже подразумѣвается ея пребываніе въ жидкомъ состояніи. Другой примѣръ: одинъ студентъ-филологъ утверждалъ, будто бы примѣръ: „водородъ есть металлъ“ неправиленъ по содержанію, потому что-де водородъ газъ, а не металлъ. У него понятіе металла (т.-е. понятіе, установленное съ химической точки зрѣнія, съ точки зрѣнія состава тѣла) неразрывно ассоціировалось съ понятіемъ твердаго состоянія (т.-е. съ понятіемъ, установленнымъ съ физической точки зрѣнія, отвлекающейся отъ разницы въ химическомъ составѣ тѣлъ); и ему стало казаться, что въ понятіи металла уже подразумѣвается твердое состояніе. Наконецъ, многимъ кажется, что въ по-

нятіи лебедя уже подразумѣвается его бѣлизна, между тѣмъ какъ есть и черные лебеди.

Если же мы давно удостовѣрились въ истинности какого-нибудь синтетическаго сужденія и послѣ того очень часто мыслили его, то по только-что указанной причинѣ намъ невольно начнетъ казаться, будто бы въ его подлежащемъ уже подразумѣвается его сказуемое (если это утвердительное сужденіе или же будто бы въ его подлежащемъ подразумѣвается отрицаніе его сказуемаго, если наше сужденіе отрицательное). Такъ, напримѣръ, если мы сильно свыклись съ сужденіемъ: „квадратъ обладаетъ взаимно перпендикулярными діагоналями“, то между его подлежащимъ и сказуемымъ установится неразрывная ассоціація, и намъ начнетъ казаться, будто бы обладаніе такими діагоналями уже подразумѣвается въ понятіи квадрата. А это значитъ—намъ начнетъ казаться, будто бы это сужденіе съ теченіемъ времени сдѣлалось аналитическимъ, хотя сначала было синтетическимъ. Такимъ образомъ, одна изъ причинъ возникновенія ошибочнаго мнѣнія, будто бы всѣ синтетическія сужденія переходятъ постепенно въ аналитическія, состоитъ въ томъ, что мы *психологическія* свойства привычнаго сужденія, которыя оно пріобрѣтаетъ по закону неразрывныхъ ассоціацій, смѣшиваемъ *съ логическими, привычность* или *неразрывность* связи двухъ понятій смѣшиваемъ съ ихъ *логической подразумѣваемостью* одного изъ нихъ въ другомъ.

b) Вторая же причина разсматриваемаго заблужденія состоитъ въ томъ, что въ обыденной жизни слово „понятіе“ имѣетъ еще другое значеніе, чѣмъ въ какомъ оно употребляется въ логикѣ. Въ обыденной жизни „понятіемъ“ зачастую называютъ не только часть сужденія, какъ это условилась дѣлать логика, но также и *знаніе* (см. стр. 62). Понятіе же въ смыслѣ *знанія*, конечно, измѣняется, по мѣрѣ развитія нашего знанія: оно, въ этомъ (обывательскомъ) смыслѣ слова, разумѣется, становится шире и богаче вслѣдствіе развитія знанія. И вотъ, кто не принимаетъ во вниманіе, въ какомъ смыслѣ употребляется слово „понятіе“, когда Кантъ говоритъ объ аналитическихъ и синтетическихъ сужденіяхъ, самъ же употребляетъ его въ смыслѣ знанія, тотъ естественно проникается увѣренностью, будто бы *понятія* (т.-е. знанія) безпрерывно измѣняются въ своемъ составѣ, становятся шире и богаче. А коль скоро онъ додумался до этого, то ему должно казаться, что становится богаче по содержанію и подлежащее всякаго *доказаннаго* синтетическаго сужденія, вслѣдствіе чего это сужденіе должно превратиться въ аналитическое. Конечно, все это еще невѣрно относительно понятій въ томъ смыслѣ слова, въ какомъ мы условились употреблять его въ логикѣ (на стр. 62); ибо понятія въ этомъ (научномъ) значеніи слова сами по себѣ еще не составляютъ знанія, и съ ихъ содержаніемъ ровно ничего не дѣлается (оно нисколько не измѣняется и не обогащается) оттого, что относительно нихъ мы доказываемъ новыя сужденія. Но вѣдь мы говоримъ сейчасъ про тѣхъ людей, которые смѣшиваютъ другъ съ другомъ научное и обывательское значеніе слова „понятіе“.

ГЛАВА VII.

Основные методы провѣрки сужденій.

1. Оправданіе и опроверженіе сужденій. Методъ и пріемъ. Логика, какъ уже сказано на стр. 8, должна изучить, какъ провѣряются сужденія. *Провѣрить данное сужденіе значитъ удостовѣриться или въ его истинности, или въ его ложности, иначе—ошибочности.* Удостовѣреніе въ истинности сужденія условимся называть *оправданіемъ* сужденія, а удостовѣреніе въ ошибочности—*опроверженіемъ* сужденія, такъ что провѣрка сужденія можетъ состоять либо въ его оправданіи, либо въ его опроверженіи. Поэтому и *логическое ученіе о провѣркѣ сужденій должно состоять, съ одной стороны, изъ ученія о методахъ или пріемахъ ихъ оправданія, а съ другой—о методахъ или пріемахъ ихъ опроверженія.*

Термины „методъ“ или „пріемъ“ чаще всего употребляются въ одинаковомъ значеніи. Если же и дѣлаютъ между ними разницу, то только слѣдующую: *методомъ часто называютъ совокупность однородныхъ пріемовъ, но совокупность ихъ никогда не называютъ пріемомъ; каждый же отдѣльный пріемъ называютъ и методомъ.* Такъ, напримѣръ, говорятъ, что методъ математики отличается отъ метода исторіи. Это значитъ, вся совокупность пріемовъ, употребляемыхъ въ математикѣ, отличается отъ совокупности пріемовъ, употребляемыхъ въ исторіи. Вообще же *подъ методомъ или пріемомъ подразумѣваютъ способъ употребленія какого-либо матеріала и какой-либо дѣятельности, приноровленный къ достиженію опредѣленной цѣли.* Напр., методъ преподаванія есть способъ употребленія преподаваемаго матеріала и дѣятельности преподавателя, приспособленный къ тому, чтобы ученики возможно быстро и съ наилучшими результатами для цѣлей преподаванія усваивали преподаваемый матеріалъ. Методъ же (или пріемъ) оправданія или опроверженія сужденія состоитъ въ приноровленномъ къ ихъ оправданію или опроверженію употребленіи уже имѣющихся у насъ знаній, мышленія и чувствъ, съ помощью которыхъ мы подмѣчаемъ все существующее и происходящее, какъ въ внѣшнемъ, матеріальномъ, такъ и въ внутреннемъ, душевномъ, мірѣ. Наконецъ, отмѣтимъ, что слово методъ въ буквальномъ переводѣ съ греческаго (μέθοδος—слово женскаго рода, вслѣдствіе чего часто говорятъ „метода“ вмѣсто „методъ“) обозначаетъ „путь“. Поэтому взамѣнъ слова „методъ“, особенно же въ смыслѣ отдѣльно взятаго пріема, нерѣдко говорятъ „путь“: „путь оправданія, опроверженія и т. д.“.

Говоря о провѣркѣ сужденій (т.-е. объ ихъ оправданіи и опроверженіи), приходится вести рѣчь объ однихъ лишь синтетическихъ сужденіяхъ; ибо аналитическія сужденія сами собой очевидны для всякаго, кто ихъ понимаетъ, такъ что, съ одной стороны, если они въ чемъ и нуждаются, то

отнюдь не въ томъ, чтобы ихъ оправдывали, а самое большее—лишь въ разъясненіи ихъ составныхъ частей (подлежащаго и сказуемаго), а съ другой стороны—ихъ нельзя и опровергать, но обязательно соглашаться съ ними. Отсюда слѣдуетъ, что *всѣ оправдываемыя или опровергаемыя въ наукѣ сужденія принадлежатъ къ числу синтетическихъ.* Напр., всякій законъ природы, скажемъ—законъ Архимеда: „всякое погруженіе тѣла въ жидкость сопровождается потерей его вѣса", есть сужденіе синтетическое; ибо понятіе потери вѣса не содержится въ понятіи (т.-е. въ опредѣленіи) погруженія въ жидкость. Также и любая теорема математики принадлежитъ къ синтетическимъ сужденіямъ. Такъ, теорема: „сумма угловъ плоскаго треугольника равна двумъ прямымъ" сужденіе синтетическое; ибо сколько бы мы ни разсматривали опредѣленіе (т.-е. содержаніе) понятія суммы угловъ плоскаго треугольника, мы не нашли бы тамъ ея равенства двумъ прямымъ. Далѣе, теорема алгебры: $a^2 - b^2 = (a + b) \cdot (a - b)$,—есть сужденіе синтетическое; ибо здѣсь подлежащимъ служитъ понятіе однихъ двухъ дѣйствій—возвышеніе въ квадратъ и вычитаніе полученныхъ результатовъ; сказуемымъ же служитъ понятіе *совсѣмъ другихъ* дѣйствій, хотя и производимыхъ надъ тѣми же количествами—ихъ сложеніе, ихъ вычитаніе и умноженіе результатовъ того и другого. Что же касается опроверженія сужденій, то, очевидно, никому не придетъ въ голову опровергать какое-нибудь аналитическое сужденіе, коль скоро онъ понимаетъ его, напримѣръ—опровергать, что всѣ тѣла протяженны. Слѣд., въ наукѣ никогда не могутъ попадаться пріемы, назначенные для опроверженія аналитическихъ сужденій. По всему этому въ дальнѣйшемъ изложеніи, говоря объ оправданіи и объ опроверженіи сужденій, мы обыкновенно будемъ подразумѣвать безъ всякаго особаго напоминанія, что имѣемъ въ виду одни лишь синтетическія сужденія; ибо изъ сказаннаго сейчасъ ясно, что *всѣ научные пріемы провѣрки сужденій назначены исключительно для синтетическихъ сужденій.*

2. Основные методы оправданія сужденій. Знаніе непосредственное и опосредствованное. *Основные методы оправданія сужденій сводятся къ двумъ: къ простой установкѣ* (или, какъ выражаются иначе, къ простому констатированію) *данныхъ опыта и къ доказательству, такъ что всякій методъ оправданія составляетъ либо видоизмѣненіе одного изъ этихъ, либо ихъ разнообразныя соединенія между собой. Подъ простой установкой данныхъ опыта подразумѣвается такая установка* (или констатированіе) *подмѣченнаго при наблюденіяхъ и экспериментахъ, при которой данныя опыта берутся въ ихъ чистомъ видѣ,* безъ соединенія съ какими то ни было основанными на нихъ *умозаключеніями.* Напр.: если мы провѣряемъ сужденіе—„длина этой книги составляетъ четверть аршина"—и при измѣреніи книги найдемъ въ ней эту самую длину, то наше сужденіе будетъ оправдано путемъ простого измѣренія, т.-е. путемъ простой установки данныхъ опыта. *Подъ доказательствомъ же въ логикѣ подразумѣвается оправданіе сужденія посредствомъ умозаключеній,* какъ это, напр., дѣлается въ геометріи: въ ней всѣ теоремы оправдываются умозаключеніями,

т.-е. доказательствами. Въ обыденной жизни мы всякое оправданіе сужденія, даже и простую установку данныхъ опыта, называемъ доказательствомъ; логика же, разумѣется, должна отличать другъ отъ друга различные пріемы оправданія сужденій и поэтому называетъ доказательствомъ только ихъ оправданіе съ помощью умозаключеній. Послѣднія, конечно, могутъ быть и соединены, и не соединены съ установкой данныхъ опыта; но они непремѣнно должны входить въ составъ оправданія сужденій, чтобы оно называлось доказательствомъ.

Очевидно, что нельзя сомнѣваться въ пригодности для оправданія сужденій, какъ простой установки данныхъ опыта, такъ и доказательствъ; и нельзя сомнѣваться, что основное подраздѣленіе пріемовъ оправданія сужденій ограничивается только этими двумя видами. На основаніи же того, какимъ изъ этихъ двухъ основныхъ методовъ оправдано сужденіе, *все знаніе раздѣляется на двѣ части: на непосредственное и опосредствованное.* Непосредственнымъ знаніемъ называется совокупность всѣхъ сужденій, оправданныхъ простой установкой данныхъ опыта, опосредствованнымъ же—оправданное какими бы то ни было доказательствами.

Разумѣется, *непосредственное знаніе образуетъ необходимую составную часть науки.* Напр., химія, физика, медицина и т. д. безъ помощи непосредственнаго знанія превратились бы въ сборникъ выдумокъ о природѣ вмѣсто сборника истинъ объ ней. Точно такъ же исторія не могла бы быть наукой, если бы она не опиралась на знаніе источниковъ, знаніе, которое, конечно, относится къ непосредственному, потому что не требуетъ никакихъ доказательствъ, а всего только внимательнаго разсмотрѣнія источниковъ. Но непосредственное знаніе имѣетъ значительно низшую цѣнность, чѣмъ опосредствованное, ибо: *наука только тамъ, гдѣ есть опосредствованное знаніе, т.-е. только тамъ, гдѣ употребляются доказательства.* Непосредственное же знаніе, взятое само по себѣ безъ всякой дальнѣйшей обработки, еще не составляетъ науки, а служитъ всего только *сырымъ матеріаломъ* для науки. Такъ лабораторные журналы, исторія болѣзни и тому подобные сборники непосредственнаго знанія еще не составляютъ ни физики, ни химіи, ни медицины, а служатъ всего только сырымъ матеріаломъ для этихъ наукъ. Точно также описанія рукописей или какихъ-либо коллекцій тоже не составляютъ науки, а служатъ всего только сырымъ матеріаломъ для нея.

Замѣтимъ кстати, что теперь намъ еще легче прежняго можно объяснить, *почему къ исторіи, если ея работа не идетъ дальше одного лишь возстановленія картинъ прошлаго, возстановленія, изложеннаго не только безъ всякихъ попытокъ найти историческіе законы, но даже и безъ всякаго объясненія этого прошлаго, существуетъ какое-то двойственное отношеніе,* какъ мы упомянули объ этомъ выше, на стр. 82. Съ одной стороны, про *такую* историческую работу говорятъ, что сама она еще не составляетъ науки и снабжаетъ насъ всего только провѣреннымъ съ помощью источниковъ матеріаломъ для науки, а съ другой стороны, эту же самую работу, все-таки, считаютъ *научной*, слѣд.—*уже относящейся къ наукѣ.* Это за-

виситъ отъ того, что слово „наука“ употребляютъ двоякимъ образомъ. Съ одной стороны, подъ нимъ подразумѣвается не какое попало знаніе, но только знаніе, имѣющее какой-нибудь смыслъ, утилитарный или философскій. И въ этомъ случаѣ ту исторію, о которой у насъ идетъ рѣчь, называютъ всего лишь сборникомъ провѣренныхъ и систематически расположенныхъ матеріаловъ для науки, а еще не хотятъ считать прямо наукой. Но, съ другой стороны, имѣя въ виду, что характернымъ признакомъ науки служитъ употребленіе *доказательствъ*, называютъ научными, уже относящимися къ наукѣ и тѣ историческія работы, о которыхъ идетъ рѣчь; ибо въ нихъ тоже употребляются доказательства. Вѣдь въ нихъ съ помощью источниковъ *доказывается* правильность нарисованныхъ ими картинъ прошлаго. Простого же протоколированія какихъ бы то ни было, хотя бы и самыхъ важныхъ, событій, производимаго *очевидцами* этихъ событій, никогда не называютъ наукой; и это оттого, что для такого протоколированія нѣтъ надобности въ доказательствахъ. Такимъ образомъ, когда называютъ наукой и ту исторію, которая ограничивается простымъ возстановленіемъ прошлаго, даже безъ всякаго его объясненія, то дѣлаютъ это только потому, что въ ней употребляются *доказательства*, что она составляетъ *опосредствованное* знаніе, а вовсе не потому, чтобы она уже сама по себѣ, т.-е. оставаясь на этомъ уровнѣ, имѣла какую-либо важность или смыслъ.

Узнавши основные методы оправданія сужденій, мы, какъ сказано на стр. 85, должны поставить относительно нихъ слѣдующій вопросъ: какой изъ нихъ пригоденъ для оправданія *общихъ* сужденій? А это то же самое, что спрашивать: гдѣ встрѣчаются общія сужденія, во всякомъ ли знаніи, какъ непосредственномъ, такъ и опосредствованномъ, или же только въ одномъ изъ нихъ?

Путемъ простой установки данныхъ опыта нельзя оправдать ни одного общаго сужденія, и она пригодна только для оправданія единичныхъ и частныхъ сужденій; доказательства же вполнѣ пригодны и для оправданія общихъ сужденій, такъ что непосредственное знаніе можетъ состоять только изъ единичныхъ и частныхъ сужденій, общія же сужденія могутъ встрѣчаться только въ опосредствованномъ знаніи. Въ самомъ дѣлѣ:

Въ пригодности доказательствъ для оправданія, между прочимъ, и общихъ сужденій легко убѣдиться, хотя бы тѣмъ путемъ, что въ геометріи для оправданія ея теоремъ употребляются доказательства, а всѣ ея теоремы, какъ мы уже видѣли на стр. 77, принадлежатъ общимъ сужденіямъ.

Невозможность же оправдывать общія сужденія простой установкой данныхъ опыта явствуетъ изъ слѣдующихъ соображеній: каждое общее сужденіе относится къ *безконечному* числу предметовъ. Напр.: законъ Архимеда относится къ безконечному числу погруженій безконечнаго числа тѣлъ; сужденіе о смертности людей относится къ безконечному числу людей. При простой же установкѣ данныхъ опыта можно имѣть дѣло только съ *конечнымъ* числомъ предметовъ, напр.—лишь съ опредѣленнымъ, конечнымъ, числомъ погруже-

ній въ жидкость, лишь съ смертью опредѣленнаго, конечнаго, числа людей и т. п. И вотъ, вслѣдствіе такого положенія дѣлъ выходитъ, что если мы ограничимся дѣйствительно простой установкой данныхъ опыта, то общность нашего сужденія, т.-е., отнесеніе его къ *безконечному* числу предметовъ, останется у насъ неоправданной, и для ея оправданія къ установкѣ данныхъ опыта надо присоединить еще какія-нибудь умозаключенія. Сама же простая установка данныхъ опыта въ силахъ оправдать лишь сужденія, относящіяся къ *конечному* числу предметовъ, т.-е. единичныя и частныя [1]). Разъяснимъ это слѣдующими примѣрами:

Возьмемъ, законъ Архимеда: „всякое тѣло, погруженное въ жидкость, становится легче, чѣмъ въ воздухѣ“. Развѣ можно его оправдать *простой* установкой данныхъ опыта, т.-е. безъ всякихъ умозаключеній о томъ, чего мы еще не наблюдали? Нельзя, потому что для этого намъ пришлось бы пересмотрѣть въ опытѣ не только все безконечное число тѣлъ, о которыхъ говорится въ этомъ законѣ, но и всѣ безъ исключенія случаи погруженія какого бы то ни было тѣла въ какую бы то ни было жидкость, гдѣ бы и когда бы ни происходили эти случаи, хотя бы въ самомъ отдаленномъ *будущемъ*. Но все это неосуществимо, и при простой установкѣ данныхъ опыта можно наблюсти только *нѣсколько* погруженій въ жидкость, и не всѣхъ, а только *нѣсколькихъ* тѣлъ, и при томъ не во всякое время, но только въ прошломъ. А это значитъ, что если ограничиться *простой* установкой данныхъ опыта, то мы въ состояніи оправдать лишь такое, всего только частное, сужденіе: „*нѣкоторыя* тѣла, именно тѣ, которыя уже удалось наблюдать, при наблюденныхъ нами погруженіяхъ въ жидкость, *дѣлались* легче, чѣмъ въ воздухѣ“. Слѣд., если мы хотимъ оправдать законъ Архимеда во всей его общности, т.-е. такъ, чтобы онъ относился къ безконечному числу всѣхъ возможныхъ погруженій въ жидкость безконечнаго числа тѣлъ, то къ установкѣ данныхъ опыта надо присоединить еще какія-то умозаключенія, чтобы съ ихъ помощью на основаніи того частнаго сужденія, которое намъ оправдала простая установка данныхъ опыта, заключить объ истинности такого общаго, которому было бы подчинено наше частное сужденіе. Въ чемъ состоятъ эти умозаключенія, мы увидимъ, когда будемъ разсматривать доказательства физики и другихъ наукъ, доказывающихъ съ помощью опыта столь общія сужденія, какъ законы природы. Теперь же намъ нужно только удостовѣриться, что дѣйствительно ни одно общее сужденіе не можетъ быть

[1]) Правило, что ни одно общее сужденіе не можетъ быть оправдано простой установкой данныхъ опыта, надо такъ усвоить, чтобы всегда имѣть его въ виду и чувствовать его всѣмъ своимъ существомъ. Разсматривая индуктивныя доказательства, читатели увидятъ, какъ оно важно для логики. Но этого мало: въ этомъ правилѣ центръ тяжести всей теоріи познанія. Къ сожалѣнію, это правило такъ легко, что знакомятся съ нимъ безъ всякаго труда, а поэтому почти тотчасъ же забываютъ о немъ и попрежнему руководятся ошибочнымъ мнѣніемъ, будто бы мы прямо въ опытѣ, т.-е. безъ всякихъ умозаключеній по поводу его данныхъ, видимъ оправданіе многихъ общихъ сужденій, напр., закона Архимеда и т. п.

оправдано простой установкой данныхъ опыта, такъ что, если, напр., въ физикѣ и оправдываются законы природы *съ помощью* опыта, то при этомъ дѣло никогда не ограничивается *простой* установкой данныхъ опыта, а всегда къ ней присоединяются еще какія-то умозаключенія.

Другой примѣръ. Можно ли оправдать простой установкой данныхъ опыта такое общее сужденіе: „всѣ люди смертны, т.-е. рано или поздно умираютъ“? Конечно, нельзя. Вѣдь если мы хотимъ здѣсь обойтись безъ всякихъ умозаключеній, а одной лишь простой установкой данныхъ опыта, то намъ пришлось бы для оправданія этого сужденія увидѣть на дѣлѣ (т.-е. въ опытѣ) смерть *каждаго* человѣка, какой только существовалъ прежде, существуетъ теперь, и какой могъ бы родиться когда-либо *впослѣдствіи*. Но все это неосуществимо, и простой установкой данныхъ опыта можно удостовѣриться лишь въ смерти тѣхъ, кто уже умеръ до сихъ поръ, а отнюдь не въ смерти тѣхъ, кто еще живъ или даже еще не успѣлъ родиться. Такимъ образомъ, простой установкой данныхъ опыта можно оправдать мнѣніе о смертности людей только въ видѣ сужденія, говорящаго лишь о *нѣкоторыхъ* людяхъ, а не обо всѣхъ безъ исключенія, т.-е. въ видѣ *частнаго* сужденія. Для оправданія же этого мнѣнія въ видѣ общаго сужденія, очевидно, къ установкѣ данныхъ опыта надо присоединить еще какія-то умозаключенія, дабы съ ихъ помощью изъ того, что уже показано намъ простой установкой данныхъ опыта, изъ смерти *нѣкоторыхъ* людей, заключить о томъ, чего сама она не въ силахъ показать, о смерти *всѣхъ* людей.

Итакъ, простой установкой данныхъ опыта можно оправдывать только единичныя сужденія, какъ говорящія о томъ, что подмѣчалось *до сихъ поръ* въ *одномъ* извѣстномъ предметѣ, и, самое большее, частныя, какъ говорящія, что подмѣчалось *до сихъ поръ въ нѣкоторыхъ* предметахъ, но отнюдь не общія сужденія, и даже не такія единичныя или частныя, которыя обобщали бы, или распространяли бы на *всѣ* времена подмѣчавшееся *до сихъ поръ* въ данномъ предметѣ или въ нѣкоторыхъ предметахъ, подходящихъ подъ данное общее понятіе. Для оправданія даже и такого скромнаго обобщенія необходима помощь умозаключеній, т.-е. доказательствъ.

Поэтому и *предложенія, которыя высказываютъ одну лишь простую установку данныхъ опыта, почти всегда обязательно редактировать въ глагольной формѣ прошедшаго, а не настоящаго времени. Вѣдь форма настоящаго времени (praesens) обыкновенно высказываетъ гораздо больше, чѣмъ въ силахъ показать простая установка данныхъ опыта.* Такая форма чаще всего высказываетъ уже нѣкоторое обобщеніе, а поэтому нуждается въ доказательствѣ. Напр., предложеніе „*я становлюсь* легче при погруженіи въ воду“ высказываетъ неизмѣримо больше, чѣмъ въ силахъ показать *простая* установка данныхъ опыта, и обобщаетъ ея показанія на всякое время, а поэтому нуждается въ доказательствѣ. Вѣдь смыслъ этой фразы сводится къ слѣдующему общему сужденію: „*всякое* мое погруженіе въ воду заставляетъ меня становиться легче“. Ограничиваясь же *простой* установкой данныхъ опыта, безъ всякой примѣси обобщеній и умозаключеній, слѣдуетъ такъ

редактировать вышеуказанную фразу: „при всѣхъ наблюденныхъ погруженіяхъ въ воду я *становился* (прошедшее время) легче“. Точно также, ограничиваясь простой установкой данныхъ опыта, слѣдуетъ такъ выражаться: „нѣкоторые (или иногда) металлы *оказывались* (прошедшее время) хорошими проводниками электричества“, а не такъ: „нѣкоторые (или иногда) металлы *оказываются* (настоящее время) хорошими проводниками электричества“. Послѣдняя редакція выходитъ за предѣлы простой установки данныхъ опыта, потому что обобщаетъ ея показанія на всякое время [1]). *Предложенія, въ которыхъ высказываются сужденія, оправданныя простой установкой данныхъ опыта, т.-е. непосредственное знаніе, лишь тогда можно безошибочно редактировать въ глагольной формѣ настоящаго времени, когда эти сужденія (или это знаніе) относятся только къ настоящему времени*, какъ, напр.: „я вижу передъ собой столъ“, „мнѣ вспоминается то-то“ и т. п.

Въ заключеніе замѣтимъ, что Н. О. Лосскій въ своей книгѣ „Обоснованіе интуитивизма“ высказывается, будто бы и путемъ простой установки данныхъ опыта уже получается знаніе въ видѣ общихъ сужденій. Другими словами: по его мнѣнію, есть такія общія сужденія, которыя образуютъ *непосредственное* знаніе. Но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Онъ стремится обосновать свои взгляды на знаніе *психологически*, чрезъ разсмотрѣніе тѣхъ душевныхъ переживаній, посредствомъ которыхъ *возникаютъ* сужденія и умозаключенія. Съ психологической же точки зрѣнія нельзя отличить вѣру, включая въ нее и всѣ еще непровѣренныя догадки, отъ знанія, и поэтому то, что̀ въ правѣ считаться всего лишь догадкой, легко принять за знаніе. Догадки же, несомнѣнно, часто возникаютъ при простой установкѣ данныхъ опыта и въ видѣ *общихъ* сужденій, при чемъ послѣднія нерѣдко сопровождаются очень сильной увѣренностью въ ихъ истинности. И вотъ, принимая подъ вліяніемъ своего психологизма *такія* догадки за знаніе, Н. О. Лосскій и утверждаетъ, будто бы *знаніе*, состоящее изъ *общихъ* сужденій, получается и путемъ простой установки данныхъ опыта. Но догадка, какой бы сильной увѣренностью въ ея истинности она ни сопровождалась, и какимъ бы путемъ она ни возникла, только тогда пріобрѣтаетъ право называться знаніемъ, когда она уже оправдана; ибо знаніе состоитъ не просто изъ мыслей, сопровождаемыхъ увѣренностью (хотя бы и очень сильной) въ ихъ истинности, но изъ такихъ мыслей, увѣренность въ истинности которыхъ уже оправдана. Оправдывать же *общія* сужденія путемъ простой установки данныхъ опыта оказывается, какъ мы сейчасъ убѣдились, явно не-

[1]) Отсюда видно, какъ важно умѣнье точно выражаться при изученіи логики. Необычайно легкое и простое ученіе, съ которымъ мы встрѣтимся впослѣдствіи, что всѣ индуктивныя доказательства опираются, какъ на подразумѣваемую предпосылку, на принципъ единообразія природы (или его частный случай, принципъ причинности), многимъ не дается только оттого, что, говоря о простой установкѣ данныхъ опыта, они ея показанія редактируютъ уже съ примѣсью разныхъ обобщеній, именно—въ глагольной формѣ настоящаго времени.

возможнымъ дѣломъ. Поэтому крайне ошибочно говорить, будто бы *знаніе*, состоящее изъ *общихъ* сужденій, получается также и путемъ простой установки данныхъ опыта: *такое* знаніе можетъ быть только опосредствованнымъ, но отнюдь не непосредственнымъ.

3. Сужденія подлинно общія и кажущіяся общія. Къ сказанному нами относительно оправданія общихъ сужденій нужно прибавить одну оговорку. Повидимому, есть такія общія сужденія, которыя могутъ быть оправданы простой установкой данныхъ опыта, какъ напримѣръ: „*всѣ* апостолы родомъ изъ Галилеи“, или „*всѣ* дома, построенные въ Петербургѣ за такой-то промежутокъ времени, крыты желѣзомъ“ и т. п.

Но дѣло въ томъ, что *мы постоянно имѣемъ въ виду одни лишь подлинно общія* сужденія; а тѣ примѣры, о которыхъ мы сейчасъ упомянули, представляютъ собой всего только *кажущіяся общія*. Каждое подлинно-общее сужденіе относится къ безконечно большому числу предметовъ, вслѣдствіе чего оно имѣетъ неизмѣримо большее познавательное значеніе, чѣмъ сколько его у единичныхъ сужденій. *А кажущіяся общія сужденія относятся всегда лишь къ строго опредѣленному, хотя бы и очень большому, числу предметовъ, которые можно пересмотрѣть всѣ до одного порознь. И познавательное значеніе всякаго кажущагося общаго сужденія равно всего лишь познавательному значенію нѣсколькихъ единичныхъ сужденій, взятыхъ въ строго опредѣленномъ числѣ;* ибо кажущееся общее сужденіе всегда можно замѣнить строго опредѣленнымъ числомъ единичныхъ сужденій. Такъ, напримѣръ, кажущееся общее сужденіе „всѣ апостолы родомъ изъ Галилеи“ можетъ быть замѣнено двѣнадцатью слѣдующихъ единичныхъ сужденій: 1) „апостолъ Андрей родомъ изъ Галилеи“; 2) „ап. Петръ—тоже“; 3) „ап. Ѳома—тоже“ и т. д., перечисливъ поименно всѣхъ апостоловъ. Вотъ оттого-то, что кажущіяся общія сужденія замѣняютъ собой сумму строго опредѣленнаго числа единичныхъ сужденій, и можно оправдывать первыя простой установкой данныхъ опыта: вѣдь *оправданіе кажущагося общаго сужденія сводится къ оправданію строго опредѣленнаго числа тѣхъ единичныхъ сужденій, которыя замѣняютъ собой данное кажущееся общее сужденіе.*

А изъ разницы въ познавательномъ значеніи кажущихся и подлинно общихъ сужденій ясно, что *логика должна обращать особое вниманіе только на подлинно общія сужденія* (сравн. съ этимъ выше стр. 77 и слѣд.). *Поэтому ихъ только она и называетъ общими, а кажущіяся общія считаетъ всего лишь суммирующимъ соединеніемъ нѣсколькихъ единичныхъ сужденій.* Можетъ быть, на это возразятъ: „да въ правѣ ли логика такъ поступать? А что, если по душевнымъ переживаніямъ, которыя происходятъ при сужденіяхъ, кажущіяся общія сужденія отнюдь не то же самое, что сумма опредѣленнаго числа единичныхъ сужденій?“ Очень можетъ быть, скажемъ мы, что такъ оно и есть на дѣлѣ, только это не имѣетъ ни малѣйшаго значенія для логики; ибо она разсматриваетъ сужденія вовсе не съ психологической точки зрѣнія, но вполнѣ *независимо* отъ состава происходящихъ при

нихъ душевныхъ переживаній, только съ точки зрѣнія ихъ провѣрки и значенія для знанія. И коль скоро кажущіяся общія сужденія провѣряются, какъ сумма опредѣленнаго числа единичныхъ сужденій, и вмѣстѣ съ тѣмъ имѣютъ для знанія лишь такое значеніе, какъ эти единичныя сужденія, взятыя вмѣстѣ, то съ *логической точки зрѣнія* мы имѣемъ неоспоримое право разсматривать ихъ, какъ суммирующее соединеніе этихъ самыхъ единичныхъ сужденій.

4. Составныя части и основныя видоизмѣненія доказательствъ. Значеніе чертежа въ геометріи. Изъ всего сказаннаго объ особенной важности общихъ сужденій и объ основныхъ методахъ оправданія сужденій ясно, что логика должна разсмотрѣть прежде всего доказательства, различные же способы простой установки данныхъ опыта—лишь послѣ нихъ, и только въ той мѣрѣ, въ какой это нужно для болѣе подробнаго освѣщенія доказательствъ.

Всякое же доказательство сводится къ большему или меньшему числу умозаключеній, иногда даже къ одному. Но, очевидно, *не всякое умозаключеніе можетъ служить доказательствомъ* или его составной частью, *а только* удовлетворяющее двумъ слѣдующимъ условіямъ: во-первыхъ, *если оно будетъ безукоризненно правильнымъ;* во-вторыхъ, *если его посылками служатъ истинныя сужденія.*

И *доказательства*, какъ бы они ни видоизмѣнялись, очевидно, *должны состоять изъ трехъ частей:* 1) изъ *тезиса или* (какъ его называютъ въ русскомъ переводѣ съ греческаго) *положенія*, которымъ служитъ доказываемое нами сужденіе; 2) *изъ основаній*, т.-е. изъ такихъ сужденій, въ истинности которыхъ мы не сомнѣваемся, и поэтому пользуемся ими, какъ посылками умозаключеній, посредствомъ которыхъ доказываемъ свое положеніе; 3) *изъ разсужденія* или *демонстраціи*, т.-е. изъ указанія (съ помощью различныхъ союзовъ въ родѣ: слѣдовательно, такъ что, поэтому и т. п.) этихъ умозаключеній посредствомъ сопоставленія, съ одной стороны, основаній въ видѣ посылокъ, образующихъ эти умозаключенія, а съ другой—вытекающихъ изъ нихъ выводовъ.

Основанія доказательствъ нѣкоторые называютъ еще доводами, а нѣкоторые—аргументами. Но оба эти термина (доводъ и аргументъ) нерѣдко употребляются въ смыслѣ доказательства въ его цѣломъ или, по крайней мѣрѣ въ смыслѣ разсужденія. Въ виду такой неопредѣленности значенія этихъ терминовъ условимся вовсе не пользоваться ими, а обходиться лишь съ помощью прежде указанныхъ названій, т.-е. доказательство, тезисъ или положеніе, основанія доказательства, разсужденіе. *И при изученіи каждаго видоизмѣненія доказательствъ логика, очевидно, должна разсматривать ихъ со стороны указанныхъ въ нихъ трехъ частей.* Понятіе же основанія доказательства, конечно, не слѣдуетъ смѣшивать съ понятіемъ основанія въ условномъ сужденіи.

Прежде всего логика, разумѣется, должна указать *основныя видоизмѣненія доказательствъ.* Ихъ два: 1) *доказательства, соединенныя съ*

установкой данныхъ опыта, которая при этомъ снабжаетъ наше доказательство хоть нѣкоторыми изъ его основаній; 2) *доказательства, несоединенныя съ установкой данныхъ опыта*. Въ самомъ дѣлѣ: законъ Архимеда, составляя одно изъ общихъ сужденій, несомнѣнно, можетъ оправдываться лишь однимъ изъ видоизмѣненій доказательствъ, а не простой установкой данныхъ опыта (см. выше стр. 107); а его доказательство въ физикѣ, очевидно, изъ числа соединенныхъ съ установкой данныхъ опыта, потому что опирается на нихъ, какъ на свои основанія. Въ геометріи же, и вообще въ математикѣ, мы встрѣчаемъ доказательства безъ всякой установки данныхъ опыта.

Правда, съ перваго взгляда можетъ кому-нибудь показаться, будто бы доказательства геометрическихъ теоремъ тоже соединены съ установкой данныхъ опыта, потому-де что мы при нихъ пользуемся наблюденіемъ надъ чертежемъ. Но значеніе чертежа при геометрическихъ доказательствахъ совсѣмъ иное: *чертежъ употребляется при геометрическихъ доказательствахъ отнюдь не для того, чтобы устанавливать въ видѣ основаній нашего доказательства какія-либо данныя опыта, а только для того, чтобы сдѣлать всѣ наши разсужденія болѣе наглядными*, чтобы пояснить на этомъ чертежѣ каждый шагъ въ нашемъ разсужденіи. Напр., когда мы доказываемъ, что въ треугольникахъ противъ равныхъ угловъ лежатъ равныя стороны, то мы беремъ чертежъ вовсе не для того, чтобы установить *данную въ опытѣ* длину сторонъ начерченнаго нами треугольника, вовсе не для того, чтобы на дѣлѣ *измѣрить* эти стороны, а только для поясненія хода нашихъ разсужденій. Это совсѣмъ не то, что доказательство закона Архимеда: здѣсь мы, дѣйствительно, устанавливаемъ данныя опыта, именно—на дѣлѣ *взвѣшиваемъ* тѣло до и послѣ погруженія въ жидкость. Вотъ, если бы мы доказывали равенство сторонъ треугольника, лежащихъ противъ его равныхъ угловъ такъ, чтобы на дѣлѣ *смѣрили* эти стороны въ начерченномъ нами треугольникѣ и установили этимъ путемъ ихъ *данное* въ опытѣ равенство, а ко всему этому прибавили какія-нибудь умозаключенія, тогда мы дѣйствительно имѣли бы предъ собой доказательство, соединенное съ установкой данныхъ опыта. Но мы въ геометріи такъ никогда не поступаемъ; слѣдовательно, она, несомнѣнно, доказываетъ всѣ теоремы безъ всякой помощи со стороны установки данныхъ опыта.

5. Раціональныя и эмпирическія науки. Вслѣдствіе распаденія научныхъ доказательствъ на два указанныхъ класса давно уже возникло въ научной литературѣ раздѣленіе знанія, взятаго въ его цѣломъ, а съ нимъ и всѣхъ наукъ на двѣ части: *знаніе раціональное*, называемое иначе *умозрительнымъ*, а иногда *спекулятивнымъ* (раціональныя, или умозрительныя, или спекулятивныя науки) и *эмпирическое* (эмпирическія науки). Первое состоитъ изъ сужденій, оправдываемыхъ доказательствами, несоединенными съ установкой данныхъ опыта, и примѣромъ раціональнаго знанія служатъ геометрія, нѣкоторыя части физики (именно—тѣ части, въ которыхъ доказываются новые законы физики безъ установки данныхъ опыта—безъ всякихъ

экспериментовъ, но одними лишь вычисленіями, основанными на прежде найденныхъ законахъ) и т. п. Эмпирическое же знаніе, въ свою очередь, состоитъ изъ двухъ частей: либо изъ сужденій, оправдываемыхъ простой установкой данныхъ опыта (конечно, это будутъ только единичныя и частныя сужденія), либо изъ сужденій, оправданныхъ доказательствами, соединенными съ установкой данныхъ опыта (здѣсь могутъ быть всякія сужденія—и общія, и частныя, и единичныя). Примѣрами эмпирическаго знанія служатъ географія, тѣ части физики, которыя доказываютъ ея законы съ помощью экспериментовъ, исторія и т. д. При этомъ надо замѣтить, что раздѣленіе знанія въ его цѣломъ на раціональное и эмпирическое не вызываетъ никакихъ затрудненій и въ высшей степени просто. Что же касается причисленія той или другой науки къ раціональнымъ или эмпирическимъ, то иногда приходится производить его лишь на основаніи преобладанія въ ней раціональнаго или эмпирическаго знанія, потому что нѣкоторыя науки, какъ, напримѣръ, физика, состоятъ и изъ того, и изъ другого вида знанія.

Названіе же свое раціональныя науки получили отъ латинскаго слова ratio—разумъ, подъ которымъ подразумѣвается способность къ умозаключеніямъ. Умозрительными же онѣ названы потому, что при употребляемыхъ ими доказательствахъ нашему уму приходится смотрѣть не на опытъ, а только на самого себя, точнѣе на свои собственные законы, на законы мышленія. Умозрѣніе же по-латыни названо speculatio (буквально—созерцаніе); отсюда выраженіе „спекулятивный“, т.-е. умозрительный. Эмпирическія же науки получили свое названіе отъ греческаго ἐμπειρία—опытъ, такъ что эмпирическій буквально значитъ „опытный“. Но по-русски какъ-то неловко говорить объ опытномъ знаніи и опытныхъ наукахъ: по-русски слѣдуетъ только людей называть опытными и неопытными. Поэтому чаще всего (хотя не исключительно) въ русской научной литературѣ употребляютъ выраженія „эмпирическое знаніе“ и „эмпирическія науки“.

6. Общая методологія и методологіи отдѣльныхъ наукъ. Разумѣется, логикѣ удобнѣе разсмотрѣть порознь, такъ сказать, въ особыхъ главахъ, оба класса доказательствъ: соединенныя и несоединенныя съ установкой данныхъ опыта или, какъ ихъ можно иначе называть, доказательства наукъ эмпирическихъ и чисто-раціональныхъ, т.-е. не имѣющихъ никакой примѣси эмпирическаго знанія, примѣромъ которыхъ служитъ геометрія.

Замѣтимъ раньше всего, что логика, излагается ли она, какъ часть теоріи познанія, или же, какъ руководство къ критикѣ уже совершившагося мышленія, имѣетъ полное право ограничиться тѣмъ, чтобы дать лишь *общее* описаніе доказательствъ, т.-е. указать такія свойства доказательствъ, которыя повторялись бы либо во всѣхъ раціональныхъ наукахъ, либо во всѣхъ эмпирическихъ, какъ бы ни видоизмѣнялись методы тѣхъ и другихъ наукъ, въ зависимости отъ ихъ приноровленія къ особенностямъ изучаемыхъ ими предметовъ; ибо съ помощью такого, общаго, описанія, съ одной стороны, мы получимъ возможность выяснить, до какихъ границъ можетъ простираться доступное намъ опосредствованное (оправдываемое какими бы то

ни было доказательствами) знаніе, такъ что удовлетворимъ требованіямъ логики, какъ части теоріи познанія, а съ другой стороны—явится возможность составить перечень логическихъ ошибокъ, которыя могутъ встрѣтиться при употребленіи тѣхъ и другихъ доказательствъ, такъ что мы удовлетворимъ и требованіямъ логики, какъ руководства къ критикѣ мышленія.

Конечно, на-ряду съ общимъ описаніемъ доказательствъ вполнѣ возможно и изученіе въ нихъ тѣхъ особыхъ видоизмѣненій, которыя они пріобрѣтаютъ въ каждой отдѣльной наукѣ, напр., въ геометріи, въ алгебрѣ, въ исторіи, въ біологіи и т. д., въ зависимости отъ особенностей предметовъ каждой отдѣльной науки. Но коль скоро эти видоизмѣненія доказательствъ зависятъ отъ особенностей предметовъ, изучаемыхъ въ той или другой наукѣ, то узнать и понять ихъ возможно только въ связи съ изученіемъ этихъ предметовъ. Слѣд., изученіе означенныхъ видоизмѣненій должно производиться не логикой, но тѣми самыми науками, въ которыхъ они встрѣчаются.

Ученіе о тѣхъ видоизмѣненіяхъ, которыя возникаютъ въ описываемыхъ логикой научныхъ методахъ вслѣдствіе ихъ приноровленія къ особенностямъ предметовъ, изучаемыхъ данной отдѣльной наукой, принято называть *методологіей данной науки*, напр., методологіей исторіи, геометріи и т. п. При этомъ „методологію“ данной науки надо отличать отъ „методики“ этой науки: *методикой данной науки* принято называть ученіе о методахъ преподаванія данной науки. Въ этомъ смыслѣ и употребляютъ выраженія „методика геометріи“, „методика исторіи“ и т. п. Методологію каждой данной науки, въ виду однородности ея задачъ съ задачами логики, иногда называютъ *логикой данной науки*; и тогда логику въ обычномъ значеніи этого слова для отличія отъ логикъ отдѣльныхъ наукъ называютъ *общей логикой*, а также *общей методологіей*. Но такія названія употребляются очень рѣдко, какъ не совсѣмъ удачныя, а замѣняются обыкновенно терминами „логика“ и „методологіи отдѣльныхъ наукъ“. Дѣло въ томъ, что въ составъ логики (общей) входитъ не одна лишь общая методологія, а также и такія ученія, которыя нельзя назвать методологіей, т.-е. ученіемъ о методахъ, какъ, напр., ученія о видоизмѣненіяхъ сужденій, понятій, о логическихъ законахъ мышленія и т. п.

7. Методы опроверженія сужденій и противоположныя сужденія. Прежде чѣмъ переходить къ особому разсмотрѣнію доказательствъ раціональныхъ и эмпирическихъ наукъ, мы должны, чтобы закончить рѣчь объ основныхъ методахъ провѣрки сужденій, ознакомиться и съ методами ихъ опроверженія (см. выше, стр. 104).

При разсмотрѣніи методовъ опроверженія сужденій тотчасъ же обнаруживается, какъ это ни неожиданно съ перваго взгляда, *что они сводятся къ пріемамъ оправданія сужденій; единственное новое, что встрѣчается въ методахъ опроверженія, состоитъ въ противопоставленіи другъ другу двухъ такихъ сужденій, которыя за ихъ особенности принято въ логикѣ называть противоположными.* Вслѣдствіе этого логика избавлена отъ необходимости подробно изучать методы опроверженія сужденій и въ правѣ

ограничиться лишь самымъ общимъ описаніемъ ихъ, чтобы только подтвердить сказанное сейчасъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ она должна разсмотрѣть противоположныя сужденія.

Противоположными сужденіями логика условилась называть каждую пару такихъ сужденій, у которыхъ вполнѣ одинаковый матеріалъ, но разное качество, если только они не будутъ оба частными. Такимъ образомъ, они могутъ быть оба общими (какъ напр.: „всѣ цвѣты пахучи“ и „ни одинъ цвѣтокъ не пахучъ“), или же—одно изъ нихъ общимъ, а другое частнымъ (напр., „всѣ цвѣты пахучи“ и „нѣкоторые цвѣты не пахучи“, а также—„ни одинъ цвѣтокъ не пахучъ“ и „нѣкоторые цвѣты пахучи“), или же, наконецъ, оба единичными (напр., „Аристотель далъ логикѣ названіе“ и „Аристотель не далъ логикѣ названія“). Но если два сужденія, у которыхъ вполнѣ одинаковый матеріалъ и разное качество, будутъ оба частными, какъ, напр., „нѣкоторые цвѣты пахучи“ и „нѣкоторые цвѣты не пахучи“, то они уже не называются противоположными. Конечно, не называются противоположными и тѣ сужденія, которыя не подходятъ подъ только-что указанное опредѣленіе противоположныхъ сужденій, у которыхъ, напр., разный матеріалъ, или при одинаковомъ матеріалѣ одинаковое качество и т. п.

Противоположныя сужденія обладаютъ слѣдующей особенностью: относительно нихъ видно прямо, безъ всякихъ добавочныхъ сужденій, что они не могутъ быть вмѣстѣ истинными. Напр., не могутъ быть вмѣстѣ истинными два такихъ противоположныхъ сужденія: „всѣ цвѣты пахучи“ и „ни одинъ цвѣтокъ не пахучъ“. Или—два такихъ: „всѣ цвѣты пахучи“ и „нѣкоторые цвѣты не пахучи“. И эта невозможность быть вмѣстѣ истинными видна здѣсь прямо, безъ всякихъ добавочныхъ сужденій. Въ тѣхъ же сужденіяхъ, которыя не называются противоположными, дѣло стоитъ слѣдующимъ образомъ: одни изъ нихъ могутъ быть вмѣстѣ истинными; другія же—хотя и не могутъ быть вмѣстѣ истинными, только эта невозможность становится въ нихъ видной не иначе, какъ съ помощью хоть одного добавочнаго сужденія. Напр.: сужденія „нѣкоторые цвѣты пахучи“ и „нѣкоторые цвѣты не пахучи“ могутъ быть вмѣстѣ истинными, равно какъ и множество другихъ сужденій, которыя не называются противоположными, въ родѣ, напр., такихъ: „всѣ люди смертны“ и „всѣ птицы смертны“, или „собаки лаютъ“ и „кошки мяукаютъ“. Два же слѣдующихъ сужденія, которыя тоже не называются противоположными: „киты рыбы“ и „киты не дышатъ жабрами“, оказываются такими, что они хотя не могутъ быть вмѣстѣ истинными, потому что всѣ рыбы дышатъ жабрами, но эта невозможность становится здѣсь видной только съ помощью добавочнаго сужденія „всѣ рыбы дышатъ жабрами“, а безъ него она остается незамѣтной. За только-что указанную особенность противоположныя сужденія и получили въ логикѣ, въ отличіе отъ всѣхъ другихъ сужденій, свое особое названіе.

Что же касается опроверженія сужденій, то для этой цѣли пригодны два пріема: 1) *опроверженіе черезъ оправданіе сужденія, противополож-*

нашо опровергаемому; 2) *deductio ad absurdum, т.-е. доведеніе до нелѣпости или приведеніе къ нелѣпости.* Первый, какъ показываетъ уже его названіе, состоитъ въ томъ, что *для опроверженія даннаго сужденія мы оправдываемъ, какимъ бы то ни было путемъ, сужденіе, противоположное опровергаемому.* Напр., для опроверженія сужденія „всѣ лебеди бѣлаго цвѣта“ мы оправдываемъ сужденіе „есть и небѣлые лебеди“ (именно, черные). Дѣло въ томъ, что эти сужденія, какъ противоположныя другъ другу, не могутъ быть вмѣстѣ истинными. Слѣд., если мы удостовѣрились въ истинности послѣдняго (т.-е., если мы оправдали его), то тѣмъ самымъ опровергли первое. Второй же пріемъ, или *deductio ad absurdum, состоитъ въ доказательствѣ, что изъ опровергаемаго сужденія вытекаетъ такой выводъ, который противоположенъ какому-нибудь истинному сужденію.* Напр., для опроверженія сужденія „есть и такія пары прямыхъ линій, перпендикулярныхъ къ одной и той же третьей, которыя пересѣкаются между собой“ мы доказываемъ, что изъ этого сужденія вытекаетъ такой выводъ: „иногда изъ одной точки можно опустить два перпендикуляра на одну и ту же линію“ .(Вѣдь каждая изъ упомянутыхъ паръ линій образуетъ два такихъ перпендикуляра, которые опущены на третью прямую линію изъ одной и той же точки). А этотъ выводъ противоположенъ уже доказанному въ геометріи (т.-е. истинному) сужденію, говорящему: „изъ одной точки никогда нельзя опустить два перпендикуляра на одну и ту же прямую“.

Изъ сказаннаго о методахъ опроверженія сужденій ясно, что всѣ дальнѣйшія подробности о нихъ, дѣйствительно, сведутся къ ученію о методахъ оправданія сужденій: вѣдь при одномъ изъ нихъ намъ приходится *оправдывать* сужденіе, противоположное опровергаемому, а при другомъ *доказывать*, что изъ опровергаемаго сужденія вытекаетъ вотъ такое-то слѣдствіе. Поэтому логика, указавъ, въ чемъ состоятъ методы опроверженія, больше уже не говоритъ о нихъ.

8. Сужденія противныя и противорѣчащія. Логическій квадратъ. Здѣсь вполнѣ кстати отмѣтить, что *нѣкоторыя изъ противоположныхъ сужденій, именно такія, которыя не принадлежатъ къ единичнымъ, получили въ логикѣ еще особыя названія вслѣдствіе разницы въ ихъ свойствахъ*, именно:

1) *Два общихъ противоположныхъ сужденія*, какъ напр.: „всѣ цвѣты пахучи“ и „вовсе нѣтъ пахучихъ цвѣтовъ“ *принято называть противными*—contraria judicia.

2) *Два противоположныхъ сужденія, изъ которыхъ одно общее, а другое частное*, какъ напримѣръ: „всѣ цвѣты пахучи“ и „нѣкоторые цвѣты не пахучи“, *принято въ логикѣ называть противорѣчащими—contradictoria.* Такимъ образомъ, *необходимо отличать противоположность противную, иначе—контрарную, отъ противорѣчащей, иначе—контрадикторной, противоположности.*

Разница же въ свойствахъ противныхъ и противорѣчащихъ сужденій такова: два противныхъ сужденія, хотя, какъ и всѣ противопо-

ложныя, не могутъ быть одновременно истинными, могутъ оказаться одновременно ложными. Дѣйствительно: два противныхъ сужденія — „всѣ цвѣты пахучи“ и „вовсе нѣтъ пахучихъ цвѣтовъ“ на дѣлѣ оказываются оба ложными. *Противорѣчащія же сужденія не только не могутъ быть одновременно истинными, но вмѣстѣ съ тѣмъ не могутъ быть и одновременно ложными,* такъ что если мы опровергнемъ одно изъ нихъ, то тѣмъ самымъ оправдаемъ другое. Дѣйствительно: сужденія „всѣ цвѣты пахучи“ и „нѣкоторые цвѣты не пахучи“ таковы, что они не только не могутъ быть сразу истинными, но и не могутъ быть оба ложными. Если ложно, что „всѣ цвѣты пахучи“, то должно быть истиной, что „хоть нѣкоторые цвѣты не пахучи“. И наоборотъ; если ложно, что „хоть нѣкоторые цвѣты не пахучи“, то истинно, что „всѣ цвѣты пахучи“. *На этомъ свойствѣ противорѣчащихъ сужденій, что они не могутъ быть сразу ложными, основываются, такъ называемыя, непрямыя или апагогическія доказательства,* о которыхъ намъ скоро придется говорить. *Сущность апагогическихъ или непрямыхъ доказательствъ въ томъ и состоитъ, что мы при нихъ доказываемъ данное намъ сужденіе посредствомъ опроверженія противорѣчащаго съ нимъ.*

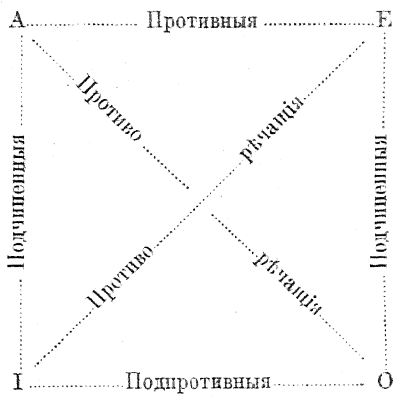
Что же касается единичныхъ противоположныхъ сужденій, то они обладаютъ такими же свойствами, какъ противорѣчащія, т.-е. они тоже не могутъ быть одновременно истинными, но и не могутъ быть одновременно ложными. Напр.: „Аристотель далъ названіе логики“ и „онъ ей не далъ названія“. Тѣмъ не менѣе противорѣчащими сужденіями называются только такія противоположныя сужденія, изъ которыхъ одно общее и частное, *единичныя же противоположныя сужденія остались безъ особаго названія.*

Чтобы еще сильнѣе оттѣнить разницу свойствъ противныхъ и противорѣчащихъ сужденій, въ логикѣ дали особое названіе и для двухъ *частныхъ* сужденій, состоящихъ изъ вполнѣ одинаковаго матеріала, но имѣющихъ разныя качества, какъ напримѣръ: „нѣкоторые цвѣты пахучи“ и „нѣкоторые цвѣты не пахучи“. Такія сужденія, т.-е. *два частныхъ сужденія, имѣющихъ одинаковый матеріалъ но разное качество, условились называть подпротивными*—subcontraria. Это, конечно, не противоположныя сужденія, и они могутъ быть сразу истинными: на дѣлѣ и оказывается, что одни цвѣты пахучи, а другіе не пахучи. Но, разумѣется, *такія сужденія не могутъ быть сразу ложными:* не можетъ быть, чтобы оказалось сразу ложнымъ и то, что хоть нѣкоторые цвѣты пахучи, и то, что хоть нѣкоторые цвѣты не пахучи. Другими словами: такія сужденія обладаютъ свойствами, обратными по сравненію съ противными сужденіями. Вѣдь противныя могутъ быть сразу ложными, но не могутъ быть сразу истинными.

И чтобы легче было запомнить всѣ эти названія, употребляютъ мнемоническій пріемъ, называемый *логическимъ квадратомъ,* состоящій изъ чертежа квадрата, возлѣ верхнихъ угловъ котораго обозначаютъ названія качества и количества сужденій. При этомъ предполагается, что всѣ эти сужденія состоятъ изъ вполнѣ одинаковаго матеріала. Тогда верхняя сто-

рона квадрата будетъ соединять противныя сужденія; нижняя — подпротивныя, а каждая діагональ—противорѣчащія. Буквы A, E, I, O обозначаютъ, какъ и всегда, качество и количество сужденій (кромѣ единичныхъ).

Общеутвердит. Всякое *S* есть *P*.



Общеотрицат. Ни одно *S* не есть *P*.

Частноутверд. Нѣкоторыя *S* составляютъ *P*.

Частноотриц. Нѣкоторыя *S* не составляютъ *P*.

Что же касается боковыхъ сторонъ, соединяющихъ общія и частныя сужденія, состоящія изъ одинаковаго матеріала и имѣющія одинаковое качество (въ родѣ: „всѣ цвѣты пахучи“ и „нѣкоторые цвѣты пахучи“), то, какъ уже было указано въ свое время, такія сужденія называются относительно другъ друга подчиняющими и подчиненными (сравн. стр. 86). Такимъ образомъ, всѣ стороны логическаго квадрата, равно какъ и діагонали, соединяютъ сужденія, имѣющія свои особыя названія относительно другъ друга.

Для всего послѣдующаго изложенія не будетъ ни малѣйшей надобности ни въ названіи, ни въ свойствахъ подпротивныхъ сужденій. И это не только вѣрно для нашего изложенія, но и вообще въ любомъ курсѣ логики подпротивныя сужденія остаются безъ всякаго дальнѣйшаго употребленія. Поэтому единственный смыслъ, какой еще можно придать упоминанію о нихъ, а въ связи съ ними и обо всемъ логическомъ квадратѣ, это сильнѣе подчеркнуть разницу въ свойствахъ противныхъ и противорѣчащихъ сужденій, хотя многіе преподаватели ошибочно придаютъ значеніе какой-то глубокой мудрости твердому знанію логическаго квадрата и свойствъ каждой пары сужденій, изображаемой какой-либо изъ его линій. И такой взглядъ на дѣло тѣмъ удивительнѣе, что обыкновенно въ общепринятыхъ курсахъ логики не говорятъ ни слова о методахъ опроверженія сужденій: не объясняютъ даже и причинъ, по которымъ логика въ правѣ ограничиваться разсмотрѣніемъ однихъ лишь методовъ оправданія. А при такихъ условіяхъ логическій квадратъ окончательно утрачиваетъ всякій смыслъ. И не мудрено, что гимназисты часто ненавидятъ его, хотя вообще они любятъ всевозможные мнемоническіе пріемы.

ГЛАВА VIII.

Доказательства, несоединенныя съ установкой данныхъ опыта, или чисто-раціональныхъ наукъ.

1. О положеніяхъ, доказываемыхъ въ чисто раціональныхъ наукахъ. Намъ уже извѣстно (см. стр. 112), что всякія доказательства, будутъ ли они соединенными или несоединенными съ установкой данныхъ опыта, логика должна разсматривать со стороны доказываемыхъ ими положеній (или тезисовъ), разсужденія (или демонстраціи), которымъ доказывается положеніе, и основаній, опираясь на которыя, оно доказывается. И сперва мы разсмотримъ доказательства, которыя *нигдѣ* не соединяются съ установкой данныхъ опыта, т.-е. употребляются только въ *чисто-раціональныхъ* наукахъ, въ родѣ геометріи. И это разсмотрѣніе мы поведемъ въ томъ самомъ порядкѣ частей каждаго доказательства, въ какомъ сейчасъ перечислили ихъ; и, какъ уже было сказано (стр. 114), мы должны оставить *общее* для всѣхъ раціональныхъ наукъ описаніе доказательствъ.

При этомъ, конечно, проще всего поступать слѣдующимъ образомъ: *вглядываться въ доказательства всѣхъ знакомыхъ намъ раціональныхъ наукъ, напр., геометріи, алгебры, ариѳметики, и вмѣстѣ съ тѣмъ обсуждать, могутъ ли свойства, подмѣчаемыя нами въ доказательствахъ, употребляемыхъ въ этихъ наукахъ, считаться общими для доказательствъ всѣхъ раціональныхъ наукъ безъ исключенія. И если отвѣтъ на этотъ вопросъ не будетъ ясенъ сразу и самъ собой, то мы должны обратиться къ разсмотрѣнію умозаключеній, дабы найти въ нихъ надлежащія указанія, какъ слѣдуетъ отвѣчать на нашъ вопросъ.* Вѣдь всякое доказательство, несоединенное съ установкой данныхъ опыта, состоитъ изъ однихъ лишь умозаключеній, такъ что и тѣ свойства доказательствъ, которыя могли бы встрѣтиться во всѣхъ раціональныхъ наукахъ, должны зависѣть *только* отъ правилъ умозаключеній. Такимъ долженъ быть методъ изученія логикой доказательствъ, несоединенныхъ съ установкой данныхъ опыта. Примѣнимъ же его къ дѣлу, начиная, какъ сейчасъ сказано, съ разсмотрѣнія положеній или тезисовъ, оправдываемыхъ подобными доказательствами.

Мы уже упоминали раньше, что относительно положеній, оправдываемыхъ какими бы то ни было доказательствами, какъ соединенными, такъ и несоединенными съ установкой данныхъ опыта, мы обязательно должны имѣть въ виду два слѣдующихъ вопроса (см. стр. 85 и слѣд.):

1. Какими они могутъ выходить по своему *количеству*?

2. Если они могутъ выходить *общими*, то какими они могутъ быть относительно основаній, съ помощью которыхъ они доказаны—болѣе, менѣе или столь же общими, какъ и основанія?

Наблюдая для отвѣта на первый вопросъ геометрическія доказательства, мы подмѣчаемъ, что въ *чисто-раціональныхъ наукахъ доказываемыя положенія могутъ быть и общими, и частными.* Напримѣръ, всѣ геометрическія теоремы, очевидно, суть общія сужденія. А вотъ примѣръ частнаго тезиса, доказаннаго безъ установки данныхъ опыта: „нѣкоторые четыреугольники суть прямоугольники". Его доказательство: „квадраты четыреугольники, а они и прямоугольники; слѣд., нѣкоторые четыреугольники оказываются прямоугольниками". Но въ *чисто-раціональныхъ наукахъ, т.-е. при доказательствахъ, нигдѣ несоединенныхъ съ установкой данныхъ опыта, никогда не могутъ быть тезисы единичными сужденіями.* И это вотъ почему: если мы хотимъ единичное сужденіе доказать посредствомъ умозаключенія, выводя его, какъ неизбѣжное слѣдствіе изъ уже признанныхъ посылокъ, то, какъ въ этомъ легко убѣдиться при помощи любого примѣра, мы достигнемъ этой цѣли только въ томъ случаѣ, если среди нашихъ посылокъ будетъ хоть одно единичное сужденіе; изъ другихъ же посылокъ (изъ общихъ или частныхъ) нельзя получить въ выводѣ единичное сужденіе. Особенно же ясно это кинется въ глаза, когда мы *систематически* пересмотримъ *всѣ* виды умозаключеній. А то единичное сужденіе, которое мы возьмемъ въ видѣ посылки для доказательства нашего единичнаго сужденія, въ свою очередь, должно быть оправдано, чтобы служить основаніемъ для доказательства нашего сужденія и т. д., такъ что, въ концѣ-концовъ, послѣднее-то единичное сужденіе, которое появится у насъ въ видѣ посылки, можетъ быть оправдано не иначе какъ при помощи установки данныхъ опыта. Слѣд., мы будемъ имѣть дѣло не съ *чисто*-раціональной наукой.

Обратимся теперь къ вопросу: какими могутъ быть въ чисто-раціональныхъ наукахъ доказываемыя положенія, если они выходятъ *общими*, сравнительно съ доказывающими основаніями? Разсматривая геометрическія доказательства, мы убѣждаемся, что *посредствомъ доказательствъ, несоединенныхъ съ установкой данныхъ опыта, можно доказывать такія общія сужденія, которыя сравнительно съ доказывающими основаніями бываютъ 1) и менѣе общими, 2) и столь же общими, 3) и болѣе общими.* Вотъ примѣры, подтверждающіе каждую изъ этихъ возможностей:

1) Теорема, говорящая, что при равныхъ катетахъ *прямоугольные* треугольники равны, доказывается ссылкой на теорему, что равны между собой *всякіе* треугольники, у которыхъ равны по двѣ стороны и по углу между этими сторонами. Здѣсь мы доказываемъ сужденіе менѣе общее, чѣмъ то, на которое опирались, какъ на доказывающее основаніе, т.-е. подчиненное ему.

2) Доказавъ относительно *всѣхъ* треугольниковъ какія-нибудь теоремы (хотя бы объ условіяхъ ихъ равенства), мы, опираясь на *эти* теоремы, какъ на основанія, доказываемъ новыя теоремы, тоже относящіяся ко *всѣмъ* треугольникамъ; слѣдовательно, здѣсь мы доказываемъ положенія *настолько же общія*, какъ и доказывающія основанія; ибо и тѣ, и другія относятся одинаково ко всѣмъ треугольникамъ.

3) Вотъ два примѣра, подтверждающихъ, что въ геометріи можно *доказывать болѣе общія сужденія, опираясь, какъ на доказывающія основанія, на сужденія менѣе общія, т.-е. совершать посредствомъ своихъ доказательствъ обобщенія сужденій*:

а) Первымъ примѣромъ служитъ доказательство теоремы, гласящей, что всякая прямолинейная фигура имѣетъ такую сумму внутреннихъ угловъ, которая равна двумъ прямымъ угламъ, умноженнымъ на число сторонъ данной фигуры безъ двухъ. Или иначе—*всякая n-угольная прямолинейная фигура имѣетъ сумму внутреннихъ угловъ, равную* 2d (n—2). При доказательствѣ этой теоремы мы опираемся, какъ на доказывающее основаніе, на сужденіе, гласящее, что всякій треугольникъ имѣетъ сумму внутреннихъ угловъ, равную 2d (3—2). А это послѣднее положеніе есть сужденіе менѣе общее, нежели то, которое доказывается при его помощи, подчиненное ему.

Чтобы все сказанное по поводу этой теоремы было вполнѣ понятнымъ, напомнимъ, какъ она доказывается. Мы беремъ любую прямолинейную многоугольную фигуру, напримѣръ, n-угольную, и разбиваемъ ее діагоналями, проведенными изъ одной вершины во всѣ остальныя, на треугольники. При этомъ оказывается: 1) что она распадается на число треугольниковъ, равное n—2, т.-е. числу сторонъ взятой фигуры безъ двухъ; 2) что сумма внутреннихъ угловъ данной n-угольной фигуры равняется совокупности суммъ внутреннихъ угловъ треугольниковъ, на которыя она распалась. А такъ какъ (этими словами приводится основаніе доказательства) сумма внутреннихъ угловъ треугольника равна 2d, т.-е. 2d (3—2), число же полученныхъ треугольниковъ, какъ мы замѣтили выше, равняется n—2, то (теперь идетъ доказываемое положеніе) сумма внутреннихъ угловъ n-угольной фигуры равна 2d (n—2). Слѣдовательно, теорема, касающаяся суммы внутреннихъ угловъ треугольника, дѣйствительно употребляется здѣсь, какъ доказывающее основаніе.

b) Возьмемъ теперь такую теорему: „площадь всякой прямолинейной фигуры, построенной на гипотенузѣ, равняется суммѣ площадей подобныхъ ей прямолинейныхъ фигуръ, такъ построенныхъ на катетахъ того же треугольника, чтобы катеты и гипотенуза представляли сходныя стороны всѣхъ построенныхъ на нихъ фигуръ“. Основаніемъ при доказательствѣ этой теоремы служитъ теорема Пиѳагора, гласящая, что „квадратъ, построенный на гипотенузѣ, равняется суммѣ квадратовъ, построенныхъ на катетахъ“. Но всѣ квадраты суть фигуры, подобныя другъ другу, а потому выходитъ, что теорема Пиѳагора есть не что иное, какъ частный случай той, которая доказывается на основаніи ея, послѣдняя же составляетъ сужденіе болѣе общее, чѣмъ пиѳагорова теорема, образуетъ собой ея обобщеніе.

Въ самомъ дѣлѣ: вспомнимъ, какъ доказывается разсматриваемая теорема. Катеты прямоугольнаго треугольника мы называемъ буквами a и b, а его гипотенузу буквой c, при чемъ пусть эти буквы обозначаютъ у насъ и величины этихъ линій. Подобныя же фигуры, такъ построенныя на этихъ линіяхъ, чтобы послѣднія служили ихъ сходными между собой сторонами,

назовемъ слѣдующимъ образомъ (при чемъ каждая буква пусть обозначаетъ и величину площади соотвѣтственной фигуры): построенную на a—буквой P, построенную на b—буквой Q, а построенную на c—буквой R. Извѣстно, что площади подобныхъ прямолинейныхъ фигуръ относятся, какъ квадраты сходныхъ сторонъ, вслѣдствіе чего у насъ получаются два слѣдующихъ равенства:

$$\frac{P}{R}=\frac{a^2}{c^2} \text{ и } \frac{Q}{R}=\frac{b^2}{c^2}$$

Складывая ихъ, мы получаемъ новое равенство, именно:

$$\frac{P+Q}{R}=\frac{a^2+b^2}{c^2}$$

Но на основаніи пиѳагоровой теоремы $a^2+b^2=c^2$; слѣдовательно, правая часть нашего равенства обращается въ единицу, такъ что

$$\frac{P+Q}{R}=1$$

откуда $P+Q=R$, что̀ и требовалось доказать.

2. О разсужденіи (демонстраціи) въ доказательствахъ чисто-раціональныхъ наукъ. Разсматривая доказательства раціональныхъ наукъ со стороны разсужденій и наблюдая геометрическія доказательства, можно подмѣтить въ разсужденіяхъ, кромѣ большей или меньшей сложности, зависящей отъ числа умозаключеній, образующихъ данное разсужденіе, еще два видоизмѣненія, относительно которыхъ вполнѣ очевидно, что они могутъ встрѣчаться въ доказательствахъ всѣхъ чисто-раціональныхъ наукъ, какъ бы ни отличались послѣднія другъ отъ друга. Это—видоизмѣненія, зависящія: 1) отъ употребленія или неупотребленія въ нашемъ разсужденіи пріема опроверженія чрезъ deductio ad absurdum, и 2) отъ употребленія или неупотребленія въ нашемъ разсужденіи пріема дѣленія понятія, образующаго подлежащее доказываемаго положенія. Эти видоизмѣненія таковы:

1) *По употребленію deductio ad absurdum.* Всѣ доказательства могутъ быть прямыми или непрямыми, иначе—апагогическими. *Апагогическія или непрямыя доказательства* состоятъ въ томъ, что для доказательства даннаго положенія мы опровергаемъ по методу deductio ad absurdum сужденіе, противорѣчащее этому положенію. (Смотр. о такихъ сужденіяхъ, стр. 117). Опроверженіе же одного изъ противорѣчащихъ сужденій служитъ *оправданіемъ* другого; ибо два такихъ сужденія не могутъ быть оба ложными (см. выше, стр. 118), такъ что послѣ такого опроверженія становится доказаннымъ наше положеніе. Примѣрами апагогическихъ доказательствъ служатъ всѣ доказательства, ошибочно называемыя въ математикѣ „доказательствами отъ противнаго“: гораздо вѣрнѣе было бы называть ихъ (т.-е. названіе, принятое въ математикѣ, больше согласовалось бы съ терминологіей логики) „доказательствами отъ противорѣчащаго“, потому что они мо-

гутъ осуществляться посредствомъ опроверженія только противорѣчащаго, а не противнаго сужденія. Въ прямыхъ же доказательствахъ мы доказываемъ свое положеніе, выводя его прямо, какъ слѣдствіе изъ другихъ сужденій, уже признанныхъ за истинныя, а *не* обращаемся вмѣсто того къ опроверженію сужденія, противорѣчащаго съ нимъ. Примѣромъ прямого доказательства можетъ служить хотя бы только-что изложенное доказательство теоремы о суммѣ внутреннихъ угловъ прямолинейныхъ фигуръ.

2) *По употребленію раздѣленія понятія.* Доказательства, несоединенныя съ установкой данныхъ опыта, могутъ быть раздѣлены еще на *простыя* и *раздѣлительныя.* Разница между ними слѣдующая: при раздѣлительныхъ доказательствахъ мы, чтобы доказать свое положеніе въ общемъ видѣ, предварительно раздѣляемъ на нѣсколько частей весь объемъ подлежащаго нашего положенія, а потомъ доказываемъ утвердительную или отрицательную связь его сказуемаго *для каждой* изъ нихъ отдѣльно; а этимъ самымъ будетъ доказана та же самая связь этого сказуемаго и для всего объема подлежащаго, такъ что наше положеніе будетъ доказано въ видѣ общаго сужденія. Напр., этимъ методомъ доказывается теорема, гласящая, что вписанный уголъ равняется $^1/_2$ центральнаго, опирающагося на ту же дугу. Именно: весь объемъ понятія вписаннаго угла дѣлится на три слѣдующихъ части: а) такіе вписанные углы, у которыхъ центръ круга находится внѣ угла, б) углы, у которыхъ центръ круга находится внутри угла, в) наконецъ, углы, у которыхъ центръ круга находится на одной изъ сторонъ угла, т.-е. послѣдняя служитъ діаметромъ круга. Потомъ мы доказываемъ, что данная теорема вѣрна для каждаго изъ этихъ случаевъ отдѣльно, а поэтому она вѣрна и для всего объема понятія вписаннаго угла.

Эти доказательства называются раздѣлительными по той причинѣ, что при нихъ мы употребляемъ пріемъ *раздѣленія объема даннаго общаго понятія на части, для которыхъ вмѣстѣ съ тѣмъ указываемъ и ихъ отличія другъ отъ друга. А такой пріемъ называется въ логикѣ дѣленіемъ или раздѣленіемъ понятія.*

Простыя же доказательства—такія, при которыхъ мы доказываемъ нашъ тезисъ, не прибѣгая къ помощи пріема раздѣленія понятія, служащаго подлежащимъ доказываемаго положенія. Примѣрами простыхъ доказательствъ могутъ быть всѣ теоремы, упомянутыя на стр. 121 и слѣд. Изъ нихъ вмѣстѣ съ тѣмъ видно, что простое доказательство отличается отъ раздѣлительныхъ вовсе не отсутствіемъ сложности разсужденія (по числу умозаключеній оно можетъ выйти очень сложнымъ), но отсутствіемъ пріема раздѣленія понятія, которое служитъ подлежащимъ въ доказываемомъ положеніи.

По поводу раздѣлительныхъ доказательствъ надо замѣтить, что логика, конечно, должна разсмотрѣть въ видѣ дополненія къ ученію о доказательствахъ также и методы раздѣленія понятія, коль скоро они употребляются, какъ вспомогательные пріемы при доказательствахъ.

3. Объ основаніяхъ въ доказательствахъ чисто-раціональныхъ наукъ: прежде доказанныя положенія и высшія основанія. Обращаясь

къ разсмотрѣнію доказательствъ со стороны основаній, мы встрѣчаемся съ вопросомъ: что употребляется въ видѣ основаній при доказательствахъ, несоединенныхъ съ установкой данныхъ опыта? [1]).

Конечно, *въ каждой раціональной наукѣ употребляются въ видѣ основаній, между прочимъ, и такія положенія, которыя уже раньше доказаны этой же самой наукой при помощи другихъ употребляемыхъ ею основаній*, такъ что множество изъ положеній, доказываемыхъ данной раціональной наукой, служатъ, въ свою очередь, основаніями для доказательства новыхъ положеній той же науки. Напр., въ геометріи многія доказанныя ею теоремы, въ свою очередь, служатъ послѣ того основаніями для доказательства новыхъ теоремъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ очевидно, что *въ каждой раціональной наукѣ должна быть бо́льшая или меньшая группа такихъ сужденій, посредствомъ прямой или косвенной помощи которыхъ доказываются всѣ безъ исключенія положенія этой науки*, именно: прямая помощь такихъ сужденій состоитъ въ томъ, что сперва сами же они и употребляются въ видѣ единственныхъ основаній при доказательствѣ нѣкоторыхъ положеній данной науки; косвенная же помощь такихъ сужденій сводится къ тому, что на основаніи положеній, доказанныхъ исключительно съ ихъ помощью, доказываются другія положенія этой науки. Такъ, напр., въ геометріи самыя первыя теоремы доказываются посредствомъ *прямой* помощи нѣкоторыхъ аксіомъ и опредѣленій понятій; но эти же самыя аксіомы и опредѣленія оказываютъ намъ *косвенную* помощь при доказательствѣ другихъ теоремъ, именно—тѣмъ путемъ, что въ видѣ основаній мы употребляемъ при доказательствѣ послѣднихъ первыя теоремы; вѣдь сами-то первыя теоремы были доказаны посредствомъ этихъ опредѣленій и аксіомъ. И вотъ, *тѣ сужденія, посредствомъ прямой или косвенной помощи которыхъ доказываются всѣ безъ исключенія положенія данной раціональной науки* (или раціональной части эмпирической науки), *принято называть ея послѣдними, или высшими, или же первыми основаніями*. Напримѣръ, въ геометріи ея послѣдними (или высшими, или первыми) основаніями служатъ, такъ называемыя, аксіомы и опредѣленія тѣхъ понятій, надъ которыми работаетъ геометрія.

---

[1]) Въ обоихъ первыхъ изданіяхъ этой книги относительно основаній ставился еще и разсматривался вопросъ: какъ подъискиваются при доказательствѣ подходящія основанія? И оказывалось, что логика не въ силахъ установить правила для подъискиванія основаній. Теперь же я убѣдился, что ошибочна самая постановка этого вопроса въ логикѣ, какъ страдающая смѣшеніемъ логической точки зрѣнія съ психологической. Логика должна разсматривать *готовыя* доказательства, а вовсе не процессы ихъ *возникновенія*. Вопросъ же о процессѣ подъискиванія основаній касается процесса возникновенія доказательства, а поэтому относится не къ логикѣ, но къ психологіи. Да и сводится онъ къ вопросу о процессѣ подъискиванія такихъ посылокъ, изъ которыхъ вытекалъ бы данный выводъ, именно—изъ которыхъ вытекало бы доказываемое положеніе. А такой вопросъ, очевидно, не относится къ логикѣ, коль скоро она изучаетъ *готовыя* умозаключенія, отвлекаясь отъ разсмотрѣнія процессовъ ихъ возникновенія (сравн. стр. 10).

Понятно, почему подобныя основанія называются высшими, коль скоро посредствомъ ихъ прямой или косвенной помощи доказываются всѣ безъ исключенія положенія данной науки; но нѣсколько странно, что ихъ же называютъ сразу и послѣдними, и первыми. Это зависитъ вотъ отъ чего: если мы выхватимъ изъ чисто-раціональной науки (или раціональной части эмпирической науки) какое-нибудь доказываемое ею положеніе и будемъ разсматривать, какъ оно доказывается въ ней, то найдемъ чаще всего, что для его доказательства употребляется какое-либо прежде доказанное положеніе, а для собственнаго доказательства послѣдняго употребляется въ видѣ основаній другое прежде доказанное положеніе, и такъ далѣе, до тѣхъ поръ, пока, въ концѣ концовъ, на самомъ *послѣднемъ* мѣстѣ, въ видѣ доказывающихъ основаній, у насъ получатся сужденія, принадлежащія къ числу высшихъ основаній данной науки. Поэтому ея высшія основанія и называютъ вмѣстѣ съ тѣмъ послѣдними. Но почти всегда при *изложеніи* раціональныхъ наукъ поступаютъ, какъ и въ геометріи, т.-е. *прежде всего* выставляютъ на видъ высшія основанія данной науки, такъ что они при этомъ занимаютъ *первое* мѣсто, а послѣ того доказываютъ одно за другимъ положенія, доказываемыя ею прямо или косвенно при помощи этихъ основаній. Вотъ по этой-то причинѣ высшія основанія называютъ еще не только послѣдними, но также и первыми.

Ясно, что всѣ особенности основаній, принадлежащихъ къ положеніямъ, прежде доказаннымъ данной раціональной наукой, т.-е. ихъ содержаніе, и ихъ достовѣрность, зависятъ отъ высшихъ или послѣднихъ основаній этой науки. Поэтому *нашъ прежній вопросъ (что употребляется въ видѣ основаній при доказательствахъ, несоединенныхъ съ установкой данныхъ опыта) сводится теперь уже къ такому вопросу: „что служитъ послѣдними, или высшими, основаніями въ раціональныхъ частяхъ знанія?“*

Нѣтъ ли въ нихъ какихъ-либо особенностей, которыя были бы общими для всѣхъ раціональныхъ наукъ, т.-е. постоянно повторялись бы въ каждой изъ нихъ? Не зная всѣхъ раціональныхъ наукъ, конечно, нельзя отвѣтить на этотъ вопросъ посредствомъ простого сравненія между собой ихъ высшихъ основаній. Но мы и здѣсь употребимъ тотъ же пріемъ, какъ и прежде, т.-е. разсмотримъ, какими особенностями обладаютъ послѣднія или высшія основанія въ уже знакомыхъ намъ раціональныхъ наукахъ, и, подмѣтивъ ихъ, обсудимъ, должны ли онѣ повторяться во *всѣхъ* раціональныхъ наукахъ, или же составляютъ своеобразную, частную особенность однѣхъ лишь знакомыхъ намъ раціональныхъ наукъ.

Что же касается тѣхъ основаній, которыя принадлежатъ къ числу прежде доказанныхъ положеній любой раціональной науки, то у насъ относительно нихъ не можетъ быть никакихъ новыхъ вопросовъ. Мы уже заранѣе знаемъ, какая въ нихъ окажется общая черта, постоянно повторяющаяся во всѣхъ раціональныхъ наукахъ: та, что всѣ они, навѣрное, будутъ сужденіями синтетическими и, почти навѣрное, общими. Вѣдь каждая наука стремится оправдывать, главнымъ образомъ, общія сужденія (см. выше, стр. 77

и слѣд.), такъ какъ только при этомъ условіи она можетъ имѣть какой-либо смыслъ, т.-е. или философское, или утилитарное значеніе. А въ то же время *доказываемыя* въ наукѣ сужденія *всегда* принадлежатъ къ числу синтетическихъ (см. выше стр. 105). Поэтому мы сосредоточимся только на вопросѣ о высшихъ основаніяхъ.

4. Два рода высшихъ основаній въ чисто-раціональныхъ наукахъ и необходимость опредѣленій въ числѣ ихъ. Всматриваясь во всѣ знакомыя намъ раціональныя науки, въ геометрію, алгебру и ариѳметику, мы найдемъ (какъ мы сейчасъ же покажемъ), *что послѣдними, или высшими, основаніями всегда служатъ два рода общихъ сужденій: во-первыхъ, опредѣленія понятій, надъ которыми работаетъ данная раціональная наука; во-вторыхъ, большее или меньшее число такихъ общихъ синтетическихъ сужденій, которыя данной раціональной наукой допускаются, какъ завѣдомо годныя для знанія, т.-е. какъ завѣдомо истинныя, безъ всякихъ доказательствъ со стороны этой науки.* Они почему-то принимаются ею за истинныя сужденія и безъ всякаго доказательства со стороны ея самой употребляются ею на-ряду съ опредѣленіями, какъ послѣднія или высшія основанія ея доказательствъ. Удостовѣримся же во всемъ этомъ.

Относительно опредѣленій легко убѣдиться, что они служатъ высшими основаніями во всѣхъ знакомыхъ намъ раціональныхъ наукахъ. Напр., въ геометріи высшими основаніями служатъ, между прочимъ, опредѣленія линіи, плоскости, тѣла, квадрата, круга, пирамиды и т. д.; въ ариѳметикѣ—опредѣленія сложенія, суммы, разности и т. д.; въ алгебрѣ—опредѣленія корня, степени, логариѳма, уравненія и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ сразу видно, что опредѣленія *непремѣнно* должны быть въ числѣ высшихъ основаній *каждой* раціональной науки. Дѣло въ томъ, что *обо всякомъ понятіи мы обязаны, съ одной стороны, утверждать все, что̀ содержится въ его опредѣленіи, а съ другой—отрицать все, что̀ противорѣчитъ послѣднему.* Напр.: говоря о квадратѣ, мы обязаны признавать въ немъ, т.-е. утверждать о немъ все, что̀ содержится въ его опредѣленіи — и равенство сторонъ, и прямоугольность, и четыреугольность и т. д., и вмѣстѣ съ тѣмъ обязаны отрицать о квадратѣ все, что̀ противорѣчитъ какому-либо изъ признаковъ, указанныхъ въ его опредѣленіи, напримѣръ — круглоту, пятиугольность, неравенство сторонъ и т. п. А если такъ, то ясно, что при доказательствахъ въ видѣ послѣднихъ основаній въ каждой раціональной наукѣ *должны* употребляться, между прочимъ, и опредѣленія тѣхъ понятій, надъ которыми работаетъ данная раціональная наука.

Замѣтимъ кстати, что если опредѣленія служатъ основаніями при доказательствахъ, то логика, очевидно, должна на-ряду съ ученіемъ о доказательствахъ изложить въ видѣ дополнительной статьи ученіе объ опредѣленіяхъ, указывающее правила, которыя должны быть исполнены въ опредѣленіяхъ, чтобы послѣднія оказались годными служить основаніями для правильныхъ доказательствъ, такъ что въ видѣ дополнительныхъ статей къ ученію о доказательствахъ въ логикѣ должно быть еще и ученіе о раздѣленіи понятія (ср. выше стр. 124), и ученіе объ опредѣленіяхъ.

Итакъ, однимъ изъ двухъ родовъ послѣднихъ основаній при доказательствахъ, несоединенныхъ съ установкой данныхъ опыта, непремѣнно служатъ опредѣленія. Но ими, какъ уже сказано, дѣло не ограничивается, а на-ряду съ ними въ каждой раціональной наукѣ, а также и въ раціональной части каждой эмпирической науки, употребляется въ видѣ послѣднихъ основаній большее или меньшее число общихъ синтетическихъ сужденій, принимаемыхъ безъ всякихъ доказательствъ данной раціональной наукой или раціональной частью эмпирической науки. *Такъ, по крайней мѣрѣ, дѣло стоитъ въ настоящее время во всѣхъ тѣхъ раціональныхъ наукахъ, съ которыми мы уже знакомы*, именно: и въ геометріи, и въ алгебрѣ съ ариѳметикой. А будетъ ли такое положеніе дѣлъ постояннымъ, навсегда сохраняющимся и общимъ для всѣхъ безъ исключенія раціональныхъ наукъ, это, конечно, мы еще должны выяснить. Но сперва удостовѣримся въ справедливости сказаннаго для настоящаго времени и въ примѣненіи къ уже знакомымъ намъ раціональнымъ наукамъ, т.-е. въ примѣненіи къ геометріи и алгебрѣ съ ариѳметикой.

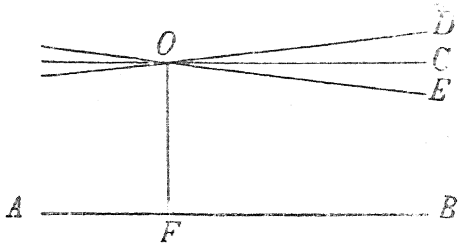
Въ этихъ наукахъ послѣдними, или высшими, основаніями на-ряду съ опредѣленіями служатъ, такъ называемыя, аксіомы, которыя, какъ извѣстно, допускаются безъ всякихъ доказательствъ со стороны употребляющей ихъ науки. Что же касается аксіомъ, то, можетъ быть, тамъ и встрѣтятся такія, которыя принадлежатъ къ числу аналитическихъ сужденій и именно *поэтому* допускаются безъ всякихъ доказательствъ (ибо аналитическія сужденія не требуютъ никакихъ доказательствъ), но очень легко удостовѣриться, что *и въ геометріи, и въ алгебрѣ съ ариѳметикой въ числѣ аксіомъ находятся также и общія синтетическія сужденія.* А этимъ и обнаруживается, что въ названныхъ наукахъ на-ряду съ опредѣленіями послѣдними основаніями служатъ еще такія общія синтетическія сужденія, которыя допускаются безъ всякихъ доказательствъ со стороны науки, употребляющей эти сужденія въ видѣ послѣднихъ основаній. Весь вопросъ только въ томъ, правда ли, что въ геометріи и алгебрѣ съ ариѳметикой встрѣчаются и такія аксіомы, которыя принадлежатъ къ числу общихъ *синтетическихъ* сужденій.

Почти всѣ теоремы геометріи прямо или косвенно опираются на аксіому о прямой линіи: „прямая линія есть кратчайшее разстояніе между двумя точками“. А эта аксіома образуетъ сужденіе общее (ибо она относится ко *всѣмъ* прямымъ безъ исключенія) и синтетическое. Въ самомъ дѣлѣ, ея сказуемымъ служитъ понятіе наикратчайшаго разстоянія. Содержаніе же этого понятія, очевидно, не составляетъ и не можетъ составить части содержанія подлежащаго, т.-е. понятія прямой линіи. Вѣдь послѣднее понятіе есть понятіе *качества* линіи (именно ея *формы*); понятіе же *наикратчайшаго* разстоянія (или *наикратчайшей* линіи) есть понятіе *количества;* а, разумѣется, количество не составляетъ части содержанія качества. Такимъ образомъ, эта аксіома образуетъ сужденіе общее синтетическое [1]).

---

[1]) Можетъ быть, возразятъ, что это сужденіе принимается за аксіому, т.-е. допускается безъ всякихъ доказательствъ, только при такой системѣ изложенія геомет-

Въ тѣхъ же теоремахъ геометріи, при доказательствѣ которыхъ нѣтъ надобности опираться на аксіому о прямой линіи, напр., въ теоремахъ, касающихся параллельныхъ линій или суммы внутреннихъ угловъ, мы, взамѣнъ того, прямо или косвенно опираемся на другую аксіому. Это — такъ называемая, одиннадцатая аксіома Эвклида [1]), гласящая, что черезъ данную точку O къ данной прямой AB можно въ той же плоскости провесть только одну прямую, которая нигдѣ не пересѣкалась бы съ прямой AB, именно линію OC, перпендикулярную къ OF, т.-е. къ перпендикуляру, опущенному изъ O на AB, а *всякая наклонная къ этому перпендикуляру, напр.*—OD *и* OE, *непремѣнно пересѣчется съ линіей* AB. (Обыкновенно эту аксіому такъ и высказываютъ, что всякая линія, напр.— OD, наклонная къ перпендикуляру, опущенному изъ какой-либо ея точки O на данную прямую AB, находящуюся въ той же плоскости, гдѣ OD, при достаточномъ продолженіи пересѣчется съ этой линіей AB). И эта аксіома, несомнѣнно, тоже образуетъ сужденіе и общее (ибо относится ко всѣмъ линіямъ, наклоннымъ къ OF), и синтетическое: вѣдь ея сказуемое (пересѣкаетъ линію AB, перпендикулярную къ OF) не образуетъ части содержанія ея подлежащаго (линія, наклонная къ OF), ибо не входитъ въ составъ его опредѣленія.



Что касается алгебры съ ариѳметикой, то и здѣсь есть послѣднія основанія, представляющія собой общія синтетическія сужденія. Сюда принадлежитъ аксіома, на которую опираются всѣ алгебраическія и ариѳметическія теоремы, и съ устраненіемъ которой рушится вся алгебра съ ариѳметикой, именно: „сумма, полученная отъ сложенія нѣсколькихъ количествъ въ одномъ порядкѣ (напр., слѣва направо), равна суммѣ, полученной отъ сложенія

ріи, которая (предложена французскимъ математикомъ Лежандромъ въ началѣ XIX в. и) опредѣляетъ прямую линію, какъ линію, нигдѣ неизмѣняющую своего направленія. Но есть-де другая, болѣе старая система изложенія, исходящая изъ такого опредѣленія прямой: „это линія, положеніе которой въ пространствѣ вполнѣ указывается уже двумя взятыми на ней точками“. И въ этой системѣ сужденіе, что прямая образуетъ наикратчайшее разстояніе, уже отнюдь не допускается въ видѣ аксіомы, но доказывается наистрожайшимъ образомъ. Это правда. Но въ этой системѣ, взамѣнъ аксіомы о наикратчайшемъ разстояніи, допускается въ видѣ аксіомы, т.-е. безъ всякихъ доказательствъ, какъ одно изъ высшихъ основаній, такое сужденіе: „между каждой парой точекъ существуетъ прямая линія (т.-е. положеніе которой въ пространствѣ вполна указывается этой парой точекъ)“. А это сужденіе, какъ и всѣ сужденія о *существованіи*, синтетическое, и вмѣстѣ съ тѣмъ общее, какъ относящееся ко *всякой* парѣ точекъ. Такимъ образомъ, наши слова о двухъ родахъ высшихъ основаній къ геометріи остаются вѣрными и при этой системѣ изложенія.

[1]) Эвклидъ первый изложилъ систематически геометрію. Онъ жилъ около 300 г. до Рожд. Хр.

тѣхъ же количествъ въ любомъ другомъ порядкѣ (напр., справа налѣво)". Это сужденіе не только общее (ибо относится ко всякой суммѣ), но еще и синтетическое. Правда, здѣсь въ составъ подлежащаго и въ составъ сказуемаго входитъ понятіе *суммы, полученной отъ сложенія однихъ и тѣхъ же количествъ;* но въ составъ подлежащаго входитъ понятіе суммы, полученной отъ сложенія количествъ въ *извѣстномъ* порядкѣ, а въ сказуемомъ говорится о суммѣ, полученной отъ сложенія тѣхъ же количествъ въ *другомъ* порядкѣ. Между тѣмъ, одно направленіе сложенія не можетъ же подразумѣваться въ другомъ, отличающемся отъ него. Значитъ, здѣсь сказуемое нашего сужденія не подразумѣвается все цѣликомъ въ его подлежащемъ, а подразумѣвается же только нѣкоторая его часть, такъ что эта аксіома образуетъ такое сужденіе: „S есть P", въ которомъ $S = X + a$, а $P = X + b$. Слѣд., эту аксіому надо считать сужденіемъ синтетическимъ; а этимъ подтверждается наше положеніе, что алгебра съ ариѳметикой тоже пользуются, какъ высшими основаніями, такими общими синтетическими сужденіями, которыя въ нихъ допускаются безъ всякаго доказательства съ ихъ стороны.

5. Полная характеристика второго рода высшихъ основаній. Пангеометрія Лобачевскаго. Итакъ, мы удостовѣрились, что во всѣхъ уже знакомыхъ намъ раціональныхъ наукахъ, по крайней мѣрѣ, при ихъ нынѣшнемъ уровнѣ развитія, дѣйствительно, употребляются два рода высшихъ основаній: опредѣленія и большее или меньшее число такихъ общихъ синтетическихъ сужденій, которыя допускаются въ видѣ основаній данной раціональной наукой безъ всякихъ доказательствъ со стороны ея самой. Но это—еще неполная характеристика этого второго рода высшихъ основаній. Полная же ихъ характеристика должна быть высказана слѣдующимъ образомъ: *эти общія синтетическія сужденія допускаются въ видѣ послѣднихъ, или высшихъ, основаній данной раціональной наукой безъ всякихъ доказательствъ со стороны ея самой, хотя они вовсе не таковы, чтобы сомнѣніе въ ихъ истинности и требованіе для нихъ своего особаго доказательства было явной нелѣпостью.* Правда, передъ тѣми, кто всего только *начинаетъ* изучать геометрію, опредѣляютъ геометрическія аксіомы, какъ истины, настолько очевидныя, что для нихъ *не требуется* никакихъ доказательствъ. А отсюда возникаетъ и дѣлается привычнымъ мнѣніе, будто бы въ истинности геометрическихъ аксіомъ никакъ нельзя усомниться, будто бы всякое сомнѣніе въ нихъ и требованіе для нихъ своего доказательства сразу обнаруживаетъ свою нелѣпость. Но это невѣрное мнѣніе, какъ это ясно изъ ряда слѣдующихъ доводовъ:

1. Коль скоро эти аксіомы принадлежатъ къ синтетическимъ сужденіямъ (а только о такихъ аксіомахъ у насъ и идетъ рѣчь), то ихъ уже нельзя считать не поддающимися никакому сомнѣнію. Такими могутъ почитаться только аналитическія сужденія; ибо ихъ нельзя замѣнять противоположными безъ явнаго противорѣчія съ ихъ подлежащимъ. (О противоположныхъ сужденіяхъ см. стр. 116, о непозволительности же противорѣчить опредѣленію см. стр. 127). Напр., нельзя замѣнить сужденіе „квадраты

равностороннія фигуры“ сужденіемъ „квадраты не составляютъ равносторонних фигуръ“ безъ явнаго противорѣчія опредѣленію квадрата. Въ синтетическихъ же сужденіяхъ такая замѣна вполнѣ возможна безъ всякаго противорѣчія съ опредѣленіемъ его подлежащаго. Напр.: нѣтъ никакого *явнаго* противорѣчія съ опредѣленіемъ квадрата, если взамѣнъ сужденія „всѣ квадраты имѣютъ взаимно-перпендикулярныя діагонали“ мы станемъ говорить, что квадраты не имѣютъ взаимно-перпендикулярныхъ діагоналей. Поэтому, *относительно каждаго синтетическаго сужденія мы имѣемъ полное право сомнѣваться, слѣдуетъ ли допускать въ знаніи именно это сужденіе или же одно изъ противоположныхъ съ нимъ*. Слѣд., не можетъ быть никакой явной нелѣпости сомнѣваться въ *любой математической* (а не только геометрической) аксіомѣ и требовать, чтобы она была доказана, коль скоро она принадлежитъ къ числу *синтетическихъ* сужденій.

2. Можетъ быть, скажутъ: „да оттого явно нелѣпо сомнѣваться въ геометрическихъ аксіомахъ и требовать для каждой изъ нихъ своего особаго доказательства, что онѣ слишкомъ очевидны“. Но если мы позволяемъ себѣ сомнѣваться даже въ такихъ очевидныхъ истинахъ, что всякій діаметръ дѣлитъ кругъ на равныя части, что всѣ прямые углы равны между собой и т. п., и требуемъ, чтобы наука доказывала эти истины, а не допускала ихъ безъ всякихъ доказательствъ, то нѣтъ никакихъ причинъ, которыя запрещали бы намъ сомнѣваться въ любой аксіомѣ и требовать ея доказательства. Вѣдь теорема о дѣленіи круга пополамъ и многія другія, хотя бы о равенствѣ всѣхъ прямыхъ угловъ, о равенствѣ вертикальныхъ угловъ и т. д., *не менѣе очевидны*, чѣмъ любая изъ геометрическихъ аксіомъ, т.-е. съ каждой изъ этихъ теоремъ было бы не менѣе легко согласиться безъ всякихъ доказательствъ, чѣмъ съ любой изъ аксіомъ. А мы, все-таки, доказываемъ эти теоремы, т.-е. подвергаемъ ихъ сомнѣнію, потому что доказывать можно только то, въ чемъ мы предварительно усомнились.

3. Если бы было явно нелѣпымъ сомнѣваться въ геометрическихъ аксіомахъ, то никто изъ математиковъ никогда не дѣлалъ бы никакихъ попытокъ доказывать какую бы то ни было аксіому, между тѣмъ исторія геометріи полна стараніями, по крайней мѣрѣ, уменьшить ихъ число тѣмъ путемъ, чтобы доказать хоть нѣкоторыя изъ нихъ, пользуясь при этомъ въ видѣ основаній опредѣленіями и остальными аксіомами. Особенно много подобныхъ попытокъ было сдѣлано въ разное время относительно, такъ называемой, одиннадцатой аксіомы Эвклида.

4. Попытки доказать одиннадцатую аксіому Эвклида привели, въ концѣ концовъ, къ обнаруженію очень важнаго для логики и гносеологіи обстоятельства, открытаго однимъ русскимъ математикомъ, имя котораго сдѣлалось чрезъ это открытіе всемірно извѣстнымъ. Это—профессоръ Казанскаго университета Лобачевскій (жившій въ 1793—1856 гг.). Онъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми другими европейскими математиками напалъ на слѣдующую мысль, которую, впрочемъ, сперва осуществилъ только онъ одинъ, а другіе уже поль-

зовались его трудами, именно: онъ попробовалъ допустить въ числѣ послѣднихъ основаній, лежащихъ въ основѣ геометріи, взамѣнъ одиннадцатой эвклидовой аксіомы противоположное сужденіе и вывести отсюда всѣ слѣдствія. По этой аксіомѣ черезъ точку O, взятую внѣ данной прямой AB, на плоскости, гдѣ находятся и O и AB, можно провесть только одну линію OC, которая не пересѣкалась бы съ прямой AB (см. чертежъ на стр. 129), а всякая другая прямая, проведенная черезъ ту же точку и лежащая въ той же плоскости, при достаточномъ продолженіи, пересѣчется съ прямой AB. *Лобачевскій же допустилъ, что черезъ точку O можно провесть не одну, но много линій, т.-е. цѣлый пучекъ линій, непересѣкающихся съ линіей AB, напримѣръ, всѣ лежащія внутри угла между линіями OD и OE, и находящіяся въ той же плоскости, гдѣ O и AB* (см. упомянутый чертежъ на стр. 129), и сталъ выводить отсюда всѣ слѣдствія. И что же оказалось? Исходя изъ этого предположенія, онъ построилъ полную систему геометріи, которая *нигдѣ не запутывается въ противорѣчіяхъ*, т.-е. оказывается *не менѣе возможной, а поэтому и не менѣе допустимой*, чѣмъ геометрія Эвклида. А это доказываетъ, что нѣтъ никакой нелѣпости, если мы сомнѣваемся въ истинности одиннадцатой аксіомы Эвклида и требуемъ, чтобы намъ ее доказали.

Конечно, при развитіи своей геометріи Лобачевскому пришлось включить въ нее нѣсколько новыхъ теоремъ, какихъ нѣтъ у Эвклида, а нѣкоторыя эвклидовы—слегка измѣнить. Приведемъ примѣры тѣхъ и другихъ, но безъ всякихъ доказательствъ.

Какъ на важнѣйшее, именно—основное, измѣненіе, можно указать на слѣдующее: у Эвклида сумма внутреннихъ угловъ въ треугольникѣ равна 2d, т.-е. двумъ прямымъ, а у Лобачевскаго ихъ сумма немного меньше 2d, при чемъ эта разница, сравнительно съ 2d, зависитъ отъ величины сторонъ даннаго треугольника: чѣмъ больше величины его сторонъ, тѣмъ и разница между 2d и суммой его внутреннихъ угловъ будетъ больше, т.-е. тѣмъ больше этой суммѣ будетъ не хватать до 2d. Наоборотъ, чѣмъ меньше величина его сторонъ, тѣмъ меньше эта разница. И при уменьшеніи сторонъ даннаго треугольника сумма его внутреннихъ угловъ настолько приближается къ 2d, что при безконечно малыхъ сторонахъ означенная разница обращается въ нуль, т.-е. *сумма внутреннихъ угловъ треугольника при безконечно малыхъ сторонахъ становится, какъ и у Эвклида, равной 2d.*

А какъ на примѣръ новыхъ теоремъ, несуществующихъ въ эвклидовой геометріи, укажемъ на слѣдующія: чѣмъ больше линія OF, т.-е. разстояніе точки O отъ линіи AB (см. черт., стр. 129), тѣмъ больше будетъ пучекъ тѣхъ линій, которыя съ линіей AB не пересѣкаются, т.-е. тѣмъ больше уголъ, образуемый линіями OD и OE, которыя служатъ границами этого пучка. И при безконечномъ удаленіи O отъ AB уголъ, образуемый двумя крайними линіями этого пучка, линіями OD и OE, будетъ равняться 2d, т.-е. при этомъ условіи линіи OD и OE сольются съ OF, такъ что *ни одна* изъ линій, проходящихъ черезъ O, нигдѣ не пересѣчется съ линіей AB,

кромѣ линіи *OF*. Чѣмъ же меньше разстояніе *O* отъ *AB*, тѣмъ этотъ пучекъ дѣлается меньше, и при безконечно маломъ разстояніи уголъ, образуемый его крайними линіями *OD* и *OE*, будетъ равняться нулю, т.-е. линіи *OD* и *OE* совпадутъ и между собой, и съ линіей *OC*: *и тогда черезъ точку O пройдетъ, какъ и у Эвклида, только одна линія, непересѣкающаяся съ линіей AB, именно линія OC* (съ которой совпадутъ и *OD* съ *OE*).

Изъ всѣхъ этихъ примѣровъ видно въ то же время, что *теоремы эвклидовой геометріи являются частными случаями геометріи Лобачевскаго, именно—такими случаями, когда дѣло касается величинъ безконечно малыхъ*. Такимъ образомъ, геометрія Лобачевскаго имѣетъ болѣе общее значеніе, чѣмъ эвклидовская: послѣдняя получится изъ первой въ томъ случаѣ, если допустить, что геометрія Лобачевскаго примѣнена къ безконечно малымъ величинамъ. Въ виду этого Лобачевскій назвалъ свою геометрію „*Пангеометріей*“, т.-е. всегеометріей.

Труды Лобачевскаго, касающіеся послѣднихъ, или высшихъ основаній геометріи, этимъ не ограничились; но для нашихъ цѣлей нѣтъ никакой нужды слѣдить за ними дальше. Зато необходимо упомянуть, что, встрѣченные на западѣ съ величайшимъ интересомъ [1]), они были тщательно провѣрены лучшими европейскими математиками, найдены безошибочными и вызвали много новыхъ сходныхъ изслѣдованій, которыя не прекращаются и до сихъ поръ подъ именемъ „пангеометрическихъ“ (всегеометрическихъ) или „метагеометрическихъ“ (послѣгеометрическихъ).

Изъ всего сказаннаго ясно, что *геометрическія аксіомы вовсе не принадлежатъ къ числу такихъ мыслей, сомнѣваться въ которыхъ и требовать, чтобы ихъ доказывали, было бы явною нелѣпостью. Но то же самое, разумѣется, должно быть сказано и относительно синтетическихъ аксіомъ алгебры съ ариѳметикой;* ибо это ясно вытекаетъ изъ того перваго довода, которымъ мы сейчасъ подтверждали эту же самую мысль относительно геометрическихъ аксіомъ. Вся разница только въ томъ, что ариѳметическія аксіомы еще не такъ хорошо обслѣдованы въ философіи математики, какъ геометрическія. Для нихъ, напримѣръ, еще не явился свой Лобачевскій, а многіе даже и не подозрѣваютъ объ ихъ существованіи до тѣхъ поръ, пока имъ не укажутъ на приведенную нами (на стр. 129) въ видѣ примѣра одну изъ этихъ аксіомъ. Оттого-то мы при поясненіи характера послѣднихъ основаній въ раціональныхъ наукахъ обращаемъ наибольшее вниманіе на геометрическія аксіомы: наши слова легче понять въ при-

[1]) Въ Россіи же долгое время они оставались незамѣченными, и имя Лобачевскаго сравнительно недавно и лишь подъ вліяніемъ западной науки стало пользоваться у насъ надлежащимъ уваженіемъ и извѣстностью: Россія такъ привыкла къ самоосмѣянію, что не уважаетъ никакого русскаго таланта, и даже генія, до тѣхъ поръ, пока не услышитъ соотвѣтственнаго приказа съ запада. Сходно, какъ съ Лобачевскимъ, она поступала и съ Менделѣевымъ, и съ Толстымъ: не оцѣни ихъ быстро на западѣ, у насъ еще долго не научились бы гордиться этими именами.

мѣненіи къ этимъ аксіомамъ. Но все, что говорится о нихъ не съ геометрической, а съ логической точки зрѣнія, вполнѣ примѣнимо и къ аксіомамъ алгебры съ ариѳметикой.

6. Точное опредѣленіе аксіомъ. Замѣтимъ кстати, что если синтетическія аксіомы геометріи отнюдь не принадлежатъ къ числу такихъ мыслей, сомнѣваться въ которыхъ и требовать для которыхъ, чтобы ихъ доказывали, было бы явной нелѣпостью, то ясно, что то опредѣленіе аксіомъ, которое указывается начинающимъ изучать геометрію, вѣрно только приблизительно, а не вполнѣ. Очевидность геометрическихъ аксіомъ, хоть и очень велика, но еще не доходитъ до такой степени, чтобы сдѣлать явно нелѣпымъ всякое сомнѣніе въ нихъ и требованіе для нихъ своего доказательства. Дѣло въ томъ, что если указать вполнѣ точное опредѣленіе аксіомъ тѣмъ, кто еще не освоился съ своеобразнымъ духомъ геометріи, зависящимъ отъ ея принадлежности къ чисто-раціональнымъ наукамъ, то они не поймутъ этого опредѣленія и долго не въ состояніи будутъ настолько овладѣть геометріей, чтобы проникнуться ея духомъ, какъ *чисто-раціональной* науки, т.-е. состоящей изъ доказательствъ, *нигдѣ* несоединяемыхъ съ установкой данныхъ опыта. Поэтому имъ указываютъ лишь приблизительно вѣрное опредѣленіе аксіомъ, которое, однако, оказывается достаточнымъ, чтобы съ его помощью изучить всю геометрію. Изъ педагогическихъ соображеній съ ними поступаютъ такъ же, какъ съ начинающими изучать грамматику. Послѣднимъ тоже указывается всего лишь приблизительно вѣрное опредѣленіе подлежащаго *предложенія* („часть предложенія, обозначающая предметъ, о которомъ въ немъ говорится"), которое въ дѣйствительности настолько невѣрно, что если строго слѣдовать ему, то придется въ иныхъ случаяхъ считать подлежащимъ дополненіе, какъ, напримѣръ, въ предложеніи: „дайте мнѣ хлѣба" (сравн. стр. 51 и слѣд.). Но это не вполнѣ, а всего лишь приблизительно вѣрное опредѣленіе подлежащаго оказывается достаточнымъ, чтобы съ его помощью овладѣть синтаксисомъ.

Точное же опредѣленіе геометрическихъ аксіомъ должно быть вотъ какимъ: *это — такія общія синтетическія положенія геометріи, въ которыхъ столь же позволительно сомнѣваться, пока ихъ не докажутъ, какъ и во всѣхъ остальныхъ ея положеніяхъ, но которыя отличаются отъ нихъ сразу двумя слѣдующими особенностями: 1) они принадлежатъ къ тѣмъ, согласиться съ которыми безъ доказательства легче, чѣмъ съ остальными (т.-е. отличаются отъ остальныхъ большей очевидностью); 2) а изъ всѣхъ подобныхъ же имъ (по своей очевидности) общихъ синтетическихъ положеній выбираются такія, которыя, взятыя въ возможно меньшемъ числѣ, оказались бы вполнѣ достаточными, чтобы, пользуясь ими на-ряду съ опредѣленіями, какъ высшими основаніями, можно было доказать всѣ остальныя положенія геометріи, въ томъ числѣ и тѣ, которыя обладаютъ первой особенностью (т.-е. съ которыми столь же легко согласиться безъ доказательствъ, какъ и съ аксіомами).* Оттого-то геометры и стремились всегда *уменьшить* число аксіомъ, т.-е. такъ дока-

зать нѣкоторыя изъ нихъ, чтобы пользоваться при ихъ доказательствѣ въ видѣ основаній лишь остальными аксіомами и опредѣленіями. По этой причинѣ не считаются аксіомами такія положенія, какъ о дѣленіи круга діаметровъ на равныя части и т. п., хотя они настолько же очевидны, какъ и аксіомы (т.-е. съ ними такъ же легко можно согласиться безъ доказательствъ, какъ и съ аксіомами): вѣдь число аксіомъ должно быть, какъ можно, меньше, а геометрія можетъ обойтись безъ употребленія такихъ положеній въ видѣ аксіомъ. Наконецъ, по той же причинѣ въ *эвклидовой* геометріи къ аксіомамъ причисляется именно одиннадцатая аксіома Эвклида, а не какое-нибудь другое положеніе, съ помощью котораго можно было бы доказать и саму эту аксіому, въ родѣ, напр., положенія, что въ параллельныхъ линіяхъ внутренніе накрестъ лежащіе углы равны между собой, или положенія, что въ параллельныхъ линіяхъ сумма внутреннихъ односторонникъ угловъ равна двумъ прямымъ и т. д. Конечно, съ помощью каждаго изъ этихъ положеній, если принять его за аксіому, взамѣнъ одиннадцатой эвклидовой, можно было бы доказать и саму одиннадцатую аксіому Эвклида [1]); но даже съ первымъ изъ нихъ, не говоря уже о второмъ, труднѣе согласиться безъ доказательствъ, чѣмъ съ одиннадцатой аксіомой Эвклида, т.-е. оно *менѣе очевидно*, чѣмъ эта аксіома.

7. Способъ рѣшенія вопроса о второмъ родѣ высшихъ основаній. Теперь передъ нами слѣдующій вопросъ: *что же, положеніе дѣлъ, подмѣчаемое въ настоящее время въ уже знакомыхъ намъ раціональныхъ наукахъ, составляетъ ли такое свойство, которое должно непремѣнно быть всегда и во всѣхъ раціональныхъ наукахъ, или же это частная особенность однѣхъ лишь знакомыхъ наукъ, да и при томъ еще, можетъ быть, всего только временная?* Выяснить это обстоятельство, конечно, можно только въ томъ случаѣ, если мы узнаемъ *причину* того положенія дѣлъ, которое мы подмѣтили въ знакомыхъ намъ раціональныхъ наукахъ, именно— если мы узнаемъ слѣдующее: *почему въ каждой знакомой намъ раціональной наукѣ на-ряду съ опредѣленіями употребляются въ видѣ высшихъ*

[1]) Именно: если взамѣнъ одиннадцатой аксіомы принять за аксіому, что въ параллельныхъ линіяхъ внутренніе накрестъ лежащіе углы равны, то очень легко доказать одиннадцатую аксіому. Въ самомъ дѣлѣ: если мы допустимъ, что черезъ точку *O* (см. чертежъ на стр. 129) можно провести не одну, но нѣсколько линій, параллельныхъ съ данной линіей *AB*, напримѣръ, *OD* и *OE*, то, въ виду допущенной нами аксіомы, вышло бы, что углы *DOF* и *EOF* должны быть равны между собой (ибо каждый изъ нихъ, по допущенной нами аксіомѣ, равенъ углу *AFO*, какъ своему внутреннему накрестъ лежащему), т.-е. вышло бы, что часть равна цѣлому. Слѣдовательно, черезъ точку *O* можетъ пройти только одна линія, которая оказалась бы параллельной съ *AB*. Если же вмѣсто одиннадцатой эвклидовой мы примемъ за аксіому положеніе, что въ параллельныхъ линіяхъ сумма внутреннихъ односторонникъ угловъ равна двумъ прямымъ, то, пользуясь имъ, какъ основаніемъ, въ связи съ теоремой (доказанной независимо отъ ученія о параллельныхъ линіяхъ), что сумма смежныхъ угловъ равна двумъ прямымъ, мы докажемъ сначала, что въ параллельныхъ линіяхъ внутренніе накрестъ лежащіе углы равны, а дальнѣйшій ходъ доказательства будетъ такой же, какъ только-что изложенный.

основаній еще и такія общія синтетическія сужденія, которыя допускаются ею безъ всякихъ доказательствъ съ ея стороны, хотя въ нихъ столь же позволительно сомнѣваться, какъ и во всѣхъ синтетическихъ сужденіяхъ? Другими словами, почему эти науки не могутъ ограничиться употребленіемъ въ видѣ высшихъ основаній однихъ лишь опредѣленій?

Отвѣтить же на этотъ вопросъ можно только въ томъ случаѣ, если мы изучимъ умозаключенія настолько, чтобы узнать относительно нихъ, *при какомъ условіи въ правильныхъ умозаключеніяхъ можно получить въ выводѣ общее синтетическое сужденіе.* Дѣло въ томъ, что въ раціональныхъ наукахъ цѣлью ихъ доказательствъ служатъ *общія* сужденія; ибо только при этомъ условіи наука будетъ имѣть смыслъ, т.-е. либо философское, либо утилитарное значеніе (сравн. выше стр. 80). А эти сужденія, коль скоро они доказываются, будутъ синтетическими (ибо аналитическія не нуждаются ни въ какихъ доказательствахъ, сравн. стр. 104), такъ что *главной цѣлью каждой раціональной науки служитъ доказательство общихъ синтетическихъ сужденій.* А доказательства раціональныхъ наукъ состоятъ только изъ умозаключеній; слѣд., если мы хотимъ узнать, при какихъ высшихъ основаніяхъ раціональныя науки будутъ достигать своей главной цѣли (состоящей въ доказательствѣ общихъ синтетическихъ сужденій), то, очевидно, намъ надо разсмотрѣть умозаключенія съ только-что указанной точки зрѣнія.

И вотъ, забѣгая впередъ, мы уже теперь скажемъ, что *какъ бы ни видоизмѣнялись умозаключенія, общій синтетическій выводъ можетъ быть правильно полученъ только въ томъ случаѣ, если и въ числѣ посылокъ окажется хотъ одно общее синтетическое сужденіе; изъ однихъ же аналитическихъ сужденій, какъ бы ни комбинировали мы ихъ между собой, можно правильно выводить только аналитическія общія сужденія, или же частныя синтетическія.* Во всемъ этомъ мы легко убѣдимся въ главѣ объ умозаключеніяхъ. А отсюда становится понятнымъ, что ни одна раціональная наука не можетъ ограничиться употребленіемъ въ видѣ высшихъ основаній однихъ лишь опредѣленій; ибо при такомъ ограниченіи она утратила бы возможность доказывать общія синтетическія сужденія. Вѣдь *опредѣленія принадлежатъ къ числу аналитическихъ сужденій;* ибо каждое опредѣленіе образуетъ собой сложное сужденіе, сказуемыя котораго высказываютъ только то, что входитъ въ содержаніе ихъ подлежащаго; а изъ однихъ аналитическихъ сужденій нельзя правильно выводить общія синтетическія, какъ это сейчасъ было упомянуто нами. Слѣдовательно, для пріобрѣтенія возможности доказывать общія синтетическія сужденія, каждая раціональная наука, на-ряду съ опредѣленіями, должна употреблять въ видѣ высшихъ основаній еще большее или меньшее число общихъ синтетическихъ сужденій, которыя, конечно, приходится ей допускать безъ всякихъ доказательствъ со стороны ея самой (ибо одними опредѣленіями ихъ нельзя доказать, какъ и всѣ общія синтетическія), и которыя, какъ синтетическія, еще не исключаютъ возможности сомнѣваться въ нихъ и требовать для нихъ своего особаго доказательства. Такимъ образомъ, *то самое положеніе дѣлъ, которое мы подмѣчаемъ въ уже знакомыхъ намъ*

раціональныхъ наукахъ при ихъ нынѣшнемъ уровнѣ развитія, должно составлять постоянное и общее свойство всѣхъ раціональныхъ наукъ, т.-е. каждая раціональная наука, на-ряду съ опредѣленіями, непремѣнно должна употреблять въ видѣ высшихъ основаній еще большее или меньшее число общихъ синтетическихъ сужденій, допускаемыхъ ею безъ всякихъ доказательствъ со стороны ея самой. *И причина такого свойства всѣхъ раціональныхъ наукъ коренится въ томъ правилѣ умозаключеній, о которомъ мы сейчасъ упомянули.* Но все это сказано нами, забѣгая впередъ; доказано же это будетъ позднѣе, путемъ разсмотрѣнія умозаключеній.

8. Ошибки въ доказательствахъ. До сихъ поръ мы постоянно предполагали, что имѣемъ дѣло только съ правильными доказательствами, несоединенными съ установкой данныхъ опыта. Но они нерѣдко бываютъ и неправильными или ошибочными. Всякое ошибочное доказательство часто называютъ *паралогизмомъ* или *софизмомъ*. Многіе авторы слово „паралогизмъ“ употребляютъ въ смыслѣ невольной, неумышленной ошибки, а „софизмъ“ въ смыслѣ произвольной, умышленной. Оттого-то большая публика привыкла считать слово „софизмъ“ обиднымъ. Другіе же авторы разсуждаютъ такъ: съ логической точки зрѣнія нѣтъ никакой разницы, имѣемъ ли мы дѣло съ умышленной или неумышленной ошибкой; ибо логика разсматриваетъ доказательства въ *готовомъ* видѣ, отвлекаясь отъ бывающихъ при нихъ душевныхъ переживаній, а слѣдовательно, и отъ способа *происхожденія* ошибокъ. Поэтому такіе авторы не дѣлаютъ разницы между терминами „паралогизмъ“ и „софизмъ“, а употребляютъ ихъ, какъ синонимы, при чемъ слово „софизмъ“ употребляется ими гораздо чаще, чѣмъ „паралогизмъ“. Но можно обходиться даже и совсѣмъ безъ употребленія этихъ спорныхъ названій, изъ которыхъ одно, вдобавокъ (именно „софизмъ“), многими считается обиднымъ: ихъ всегда можно замѣнять выраженіями „логическая ошибка“, „ошибка въ доказательствѣ“ и т. п. Такъ мы и будемъ поступать. Зато не мѣшаетъ запомнить, что слово *софистъ* всѣми употребляется только въ порицательномъ смыслѣ. Подъ нимъ всѣ подразумѣваютъ умственнаго фокусника, человѣка, который умышленно строитъ ошибочныя доказательства, чтобы сбить другихъ съ толку. Поэтому на такое слово уже всѣ обижаются.

Такъ какъ доказательство состоитъ изъ трехъ частей (см. стр. 112), то *въ каждомъ доказательствѣ, будетъ ли оно соединено или не соединено съ установкой данныхъ опыта, можно ожидать три рода ошибокъ, именно: 1) въ разсужденіи, 2) въ основаніяхъ и 3) въ положеніи.* И въ доказательствахъ, несоединенныхъ съ установкой данныхъ опыта, на дѣлѣ встрѣчаются всѣ эти роды ошибокъ, при чемъ каждую изъ нихъ принято обозначать особымъ названіемъ, чтобы легче было указывать ее при разборѣ научныхъ произведеній.

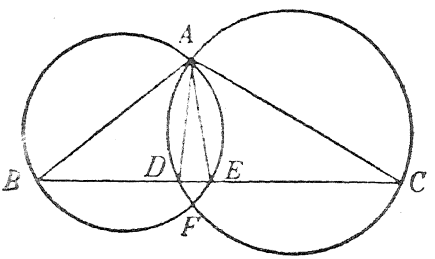
I. *Ошибки въ разсужденіи* сводятся либо къ тому, что доказываемое положеніе въ дѣйствительности вовсе не вытекаетъ изъ приводимыхъ основаній, а присоединяется къ нимъ произвольнымъ образомъ, либо оно выведено изъ нихъ путемъ ошибочнаго умозаключенія. И въ томъ, и въ дру-

гомъ случаѣ ошибка называется *ошибкой произвольнаго (или неправильнаго) вывода* (по-латыни fallacia fictae necessitatis — ошибка мнимой необходимости). Примѣры неправильныхъ умозаключеній, съ помощью которыхъ получается неправильный выводъ, намъ пока еще незачѣмъ приводить, потому что мы съ ними встрѣтимся при разсмотрѣніи умозаключеній. Что же касается произвольнаго присоединенія вывода къ основаніямъ, изъ которыхъ онъ вовсе не вытекаетъ, то, конечно, коротенькій примѣръ подобной ошибки врядъ ли можно встрѣтить на дѣлѣ: въ корсткихъ разсужденіяхъ эта ошибка слишкомъ сильно кидалась бы въ глаза. Впрочемъ, все-таки, есть люди, которые сами не замѣчаютъ подобной ошибки въ слѣдующемъ разсужденіи: „цвѣтъ никогда не бываетъ самъ по себѣ, безъ другого предмета; слѣд., все цвѣтное имѣетъ свой цвѣтъ“. Но кто не слыхалъ ораторовъ, которые говорятъ въ *защиту* какой-либо мысли длинную рѣчь, состоящую изъ такихъ соображеній, что ни одно изъ нихъ не относится къ дѣлу, а въ заключеніе, все-таки, приглашаютъ присоединиться къ этой мысли? А иногда приводятъ даже такіе доводы, изъ которыхъ вытекаетъ выводъ, какъ разъ обратный тому, который хотятъ доказать этими доводами. То же самое нерѣдко наблюдается и на экзаменахъ: отвѣчающій упоминаетъ о чемъ попало, а заканчиваетъ дѣло утвержденіемъ, будто все это приводитъ къ тому выводу, про который онъ всего лишь запомнилъ, что какими-то путями нужно придти къ нему. Все это примѣры ошибки произвольнаго вывода. И ее можно встрѣтить не только въ устныхъ рѣчахъ, а даже и въ нѣкоторыхъ книгахъ, если только читать ихъ безъ предвзятой мысли, будто бы все напечатанное типографской краской непремѣнно должно быть святой истиной. Напр.: что такое обоснованіе правилъ логики психологіей, какъ не ошибка произвольнаго вывода?

II. *Ошибки въ основаніяхъ*, конечно, могутъ сводиться только къ тремъ основнымъ: 1) къ употребленію основанія, ложность котораго уже извѣстна намъ и тотчасъ же можетъ быть изобличена нами; 2) къ употребленію основанія, хотя и не такого, чтобы мы могли изобличить его ложность, но ничѣмъ недоказаннаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, неочевиднаго само собой; 3) къ употребленію въ видѣ основанія такого сужденія, которое само же доказано съ помощью положенія, для доказательства коего оно употребляется въ видѣ основанія. И на дѣлѣ встрѣчается каждая изъ этихъ ошибокъ, при чемъ онѣ пріобрѣли слѣдующія названія:

1) Если въ видѣ основанія употребляется въ доказательствѣ такое сужденіе, ложность котораго намъ уже извѣстна, то эту ошибку называютъ либо по-гречески πρῶτον ψεῦδος—*первичная или основная ложь*, либо по-латыни — error fundamentalis, т.-е. *основное заблужденіе*, либо по-русски „*употребленіемъ ложнаго основанія*“, а также „*ложной предпосылки*“. И эта ошибка встрѣчается въ самыхъ разнообразныхъ формахъ, при чемъ иногда очень трудно замѣтить ее даже въ томъ случаѣ, когда мы знаемъ, что въ разсматриваемомъ доказательствѣ есть какая-то ошибка. Въ подтвержденіе приведемъ нѣсколько примѣровъ этой ошибки.

Напр.: съ помощью подобной ошибки доказывается, будто-бы изъ одной точки можно опустить два перпендикуляра на данную линію. Чертятъ два пересѣкающихся круга и черезъ A, одну изъ точекъ ихъ пересѣченія, проводятъ въ каждомъ кругѣ діаметры, т. е. линіи AB и AC, концы которыхъ соединяютъ между собой прямой линіей BC. Послѣ того точки D и E, въ которыхъ эта линія пересѣкаетъ наши окружности, соединяютъ прямыми съ A и указываютъ, что полученные этимъ путемъ углы ADC и AEB, какъ вписанные и опирающіеся своими концами на діаметръ своего круга, должны быть прямыми, такъ что изъ A оказались опущенными на линію BC сразу два перпендикуляра AD и AE. Вся суть дѣла въ томъ, что AB и AC, хотя и названы здѣсь діаметрами, на самомъ дѣлѣ проведены не черезъ центры, а нѣсколько въ сторонѣ отъ нихъ, вслѣдствіе чего линія BC, въ свою очередь, проходитъ не черезъ F, т. е. не черезъ другую точку пересѣченія двухъ круговъ (какъ это вышло бы, если бы она соединяла концы истинныхъ діаметровъ), но нѣсколько въ сторонѣ отъ нея. Такимъ образомъ, ошибка этого доказательства состоитъ въ употребленіи въ видѣ основанія ложной мысли, будто бы хорды AB и AC служатъ діаметрами.



Другимъ примѣромъ разсматриваемой ошибки служитъ доказательство, что $4=2$, именно: „обозначимъ $1+1$ буквой a и 2 буквой b, такъ что $a=b$. Тогда:

1) $a^2=ab$, отсюда же получимъ:
2) $a^2-b^2=ab-b^2$, отсюда:
3) $(a+b)\ (a-b)=b\ (a-b)$, отсюда:
4) $a+b=b$

А это значитъ, что $1+1+2$, т.-е. 4, равно 2“. Суть дѣла въ томъ, что мы здѣсь пользуемся, какъ однимъ изъ основаній доказательства, предположеніемъ, будто бы *можно* сократить третье равенство путемъ дѣленія обѣихъ его частей на $a-b$. Но, какъ мы знаемъ изъ алгебры, это — ложное предположеніе, потому что $a-b=0$, а нельзя сокращать равенства путемъ дѣленія обѣихъ частей на 0.

Примѣромъ употребленія невѣрнаго основанія служитъ также знаменитый софизмъ, унаслѣдованный нами отъ глубокой древности подъ именемъ: „Ахиллесъ и черепаха“. Онъ состоитъ въ доказательствѣ, что „если Ахиллесъ находится на нѣкоторомъ разстояніи отъ черепахи и начинаетъ двигаться одновременно съ ней въ томъ же самомъ направленіи, какъ и она, то, хотя онъ двигается въ десять разъ скорѣе черепахи, онъ все-таки никогда не догонитъ ея“, именно: „пока Ахиллесъ пройдетъ упомянутое

разстояніе, черепаха уползетъ отъ него еще дальше на $^1/_{10}$ этого разстоянія. А пока Ахиллесъ пройдетъ это новое разстояніе, черепаха опять уползетъ отъ него еще дальше, именно, на $^1/_{10}$ этого новаго разстоянія и т. д. до безконечности. Такимъ образомъ, Ахиллесу приходится гнаться за черепахой *безконечно большое время*, т.-е. онъ никогда не догонитъ ея". Все это доказательство исходитъ изъ невѣрнаго основанія, будто бы то конечное время, которое нужно Ахиллесу, чтобы пройти первоначальное разстояніе между нимъ и черепахой, отъ прибавленія къ нему его $\frac{1}{10}$ части $+$ $+\frac{1}{100}+\frac{1}{1000}+$ и т. д. сдѣлается безконечно большимъ временемъ. Въ дѣйствительности же всѣ эти прибавки: $\frac{1}{10}+\frac{1}{100}+\frac{1}{1000}+$ и т. д., т.-е. 0,111 .... (періодическая дробь съ единицей въ періодѣ) составятъ, по правиламъ періодическихъ дробей, всего только $^1/_9$ вышеупомянутаго времени, а вовсе не безконечно большую величину.

Два видоизмѣненія употребленія невѣрнаго основанія, какъ встрѣчающіяся чаще другихъ, получили еще свои особыя названія, именно:

а) *Ошибочное употребленіе условной истины безусловнымъ образомъ*. Изрѣдка эту ошибку называютъ у насъ и по-латыни, именно: fallacia a dicto secundum quid ad dictum simpliciter, т.-е. ошибка отъ сказаннаго сообразно съ чѣмъ-нибудь къ сказанному просто. Уже самое названіе показываетъ, что эта ошибка состоитъ въ такомъ употребленіи, въ видѣ основанія, мысли, вѣрной при нѣкоторыхъ особыхъ обстоятельствахъ, какъ если бы она всегда была вѣрна, между тѣмъ какъ это предположеніе оказывается ошибочнымъ. Напр., ошибочно пользоваться, какъ основаніемъ доказательства, мыслью, что вредно глотать мышьякъ, несопровождаемой никакой ограничительной оговоркой; ибо пріемъ мышьяка вреденъ лишь при значительномъ количествѣ послѣдняго, въ малыхъ же количествахъ мышьякъ служитъ иногда полезнымъ лекарствомъ.

Есть такой частный случай только-что указаннаго видоизмѣненія ошибки ложнаго основанія, который встрѣчается такъ часто, что ему тоже слѣдуетъ дать особое названіе, хотя этого еще не дѣлаютъ до сихъ поръ въ курсахъ логики. Ошибка, о которой мы говоримъ, сводится къ ложной предпосылкѣ, будто бы обо всякомъ предметѣ можно правильно судить, въ чемъ онъ состоитъ, исходя изъ одного лишь этимологическаго смысла его названія, между тѣмъ какъ это возможно далеко не всегда, потому что названіе—вещь чисто условная. Напр., въ эту ошибку впадаютъ тѣ, кто, исходя изъ этимологическаго значенія словъ анализъ и синтезъ, думаетъ, будто бы къ аналитическимъ принадлежатъ тѣ сужденія, которыя возникаютъ съ помощью анализа, а къ синтетическимъ — возникающія съ помощью синтеза. Другой примѣръ той же самой ошибки: иногда воображаютъ, будто бы мы навѣрное знаемъ сущности многихъ предметовъ, потому что мы-де имѣемъ понятіе этихъ предметовъ, а въ понятіяхъ мыслятся существенные признаки, т.-е. сущность предмета. Здѣсь о существенныхъ признакахъ судятъ не на

основаніи того, что̀ условлено подразумѣвать подъ этимъ названіемъ, а исходя изъ этимологическаго смысла слова существенный, что̀ значитъ— относящійся къ сущности. Самое подходящее названіе для разсматриваемаго видоизмѣненія ошибки ложнаго основанія будетъ „*ошибка вербализма*“, потому что наклонность думать, будто бы каждое слово непремѣнно должно показывать, въ чемъ состоятъ предметы, называемые даннымъ словомъ, удобнѣе всего называть *вербализмомъ* отъ латинскаго verbum — слово. И вполнѣ ясно, что ошибка вербализма составляетъ частный случай такого употребленія мысли, вѣрной въ нѣкоторыхъ случаяхъ, какъ если бы она всегда была вѣрна, т.-е. частный случай ошибки употребленія условной истины безусловнымъ образомъ.

b) *Употребленіе основанія, доказывающаго слишкомъ много.* Изрѣдка и у насъ называютъ ее словами: „ошибка qui nimium probat nihil probat“, т.-е. кто лишнее доказываетъ, ничего не доказываетъ. Эта ошибка состоитъ въ употребленіи основанія, доказывающаго не только желательное положеніе, но еще и другія положенія, о которыхъ авторъ доказательства, умышленно или неумышленно, молчитъ, а которыя, между тѣмъ, завѣдомо ложны, такъ что этимъ самымъ опровергаютъ (чрезъ deductio ad absurdum) и приведенное авторомъ основаніе. Такой ошибкой страдаетъ доказательство Платона о нравственной непозволительности самоубійства. Оно основано на томъ, что человѣкъ не въ правѣ лишать себя того, что̀ дано ему не имъ самимъ. Но вѣдь изъ этого же самаго основанія вытекаетъ, что человѣкъ не въ правѣ дарить полученное по наслѣдству, стричь свои ногти, волосы и т. д.; а этимъ опровергается основаніе разсматриваемаго доказательства.

2) Вторая главная ошибка въ основаніяхъ, именно — состоящая въ употребленіи въ видѣ основанія такого сужденія, которое еще остается спорнымъ, авторъ же доказательства относится къ нему, какъ бы къ безспорному, называется petitio principii, т.-е. требованіемъ основанія, потому что для собственнаго доказательства приведеннаго основанія нужно же, т.-е. *требуется* какое-нибудь другое основаніе. По-русски ее часто называютъ „*исходить изъ произвольнаго (или спорнаго) основанія*“, а также „*изъ произвольной предпосылки*“. Ея примѣромъ служитъ доказательство Аристотеля, что вселенная должна гдѣ-либо оканчиваться; „ибо, говоритъ онъ, будь она безконечной, то у нея не могло бы быть одного опредѣленнаго центра. Напротивъ — каждая ея точка, находясь на одинаково безконечномъ разстояніи отъ любого мѣста наружной стороны вселенной, съ такимъ же правомъ считалась бы ея центромъ, какъ и любая другая. Но мы знаемъ, прибавлялъ Аристотель, что всѣ тяжелыя тѣла стремятся къ центру земли, который находится лишь въ одномъ строго опредѣленномъ мѣстѣ“, и заключалъ отсюда, что вселенная ограничена. Такимъ образомъ, онъ исходитъ изъ основанія, которое, конечно, теперь, въ XX вѣкѣ, мы считаемъ завѣдомо ложнымъ, а въ тѣ времена его, правда, не считали таковымъ, но еще надо было его доказывать, а не исходить изъ него, какъ бы изъ безспорнаго, именно—будто бы центръ земли и есть центръ вселенной.

Два видоизмѣненія petitio principii получили свои особыя латинскія названія; но послѣднихъ въ русской научной литературѣ, кажется, никогда не употребляютъ, а оба эти видоизмѣненія вмѣстѣ называютъ *смѣшеніемъ раздѣлительнаго смысла съ собирательнымъ*. Это—слѣдующія ошибки:

а) Первая состоитъ въ томъ, что мысль, вѣрная относительно множества предметовъ, разсматриваемыхъ, какъ собирательное цѣлое, безъ всякой провѣрки употребляется въ видѣ основанія въ примѣненіи къ каждому изъ нихъ въ отдѣльности. Напр., русскіе — большіе суевѣры; но если эту же мысль, вѣрную про русскихъ, разсматриваемыхъ, какъ собирательное цѣлое, какъ весь народъ, употребляютъ безъ провѣрки въ видѣ основанія доказательства объ отдѣльно взятомъ русскомъ, то и получится указанная ошибка. По-латыни такую ошибку называютъ fallacia a sensu composito ad sensum divisum, т.-е. ошибка отъ смысла собирательнаго къ смыслу раздѣлительному.

b) Вторая же—обратнаго характера и состоитъ въ приписываніи безъ всякой провѣрки соединенію нѣсколькихъ предметовъ, взятому въ видѣ одного цѣлаго, того, что вѣрно про каждый изъ этихъ предметовъ въ отдѣльности. Напр., если больной, разсматривая симптомы своей болѣзни и находя, что каждый изъ нихъ порознь неопасенъ, начинаетъ думать, что они и всѣ вмѣстѣ неопасны, то, пользуясь такой мыслью въ видѣ основанія, онъ совершаетъ разсматриваемую ошибку: всѣ его симптомы, дѣйствительно, неопасны, но всѣ — въ смыслѣ всякаго отдѣльно взятаго, а ихъ соединеніе вмѣстѣ все-таки можетъ оказаться крайне опаснымъ. По-латыни такую ошибку называютъ fallacia a sensu diviso ad sensum compositum, т.-е. ошибка отъ смысла раздѣлительнаго къ смыслу собирательному.

3) Третья главная ошибка въ основаніяхъ состоитъ, какъ уже сказано, въ употребленіи въ видѣ основанія такого сужденія, которое, въ свою очередь, было доказано посредствомъ этого же самаго основанія, такъ что сужденіе A было доказано при помощи сужденія B, а сужденіе B, въ свою очередь, доказывается при помощи A. Эту ошибку обыкновенно называютъ по-латыни, именно: circulus vitiosus, т.-е. порочный кругъ, или circulus in demonstrando, in probando, т.-е. кругъ въ доказательствѣ или въ оправданіи. Но часто называютъ ее въ нашей научной литературѣ и по-русски, именно: *„заколдованный кругъ“*. Ошибка эта встрѣчается обыкновенно въ длинныхъ разсужденіяхъ; въ короткихъ же она почти невозможна, ибо здѣсь рѣдко кто не замѣтилъ бы ея. Но въ длинныхъ разсужденіяхъ она попадается иногда даже у самыхъ выдающихся ученыхъ. Подтвержденіемъ можетъ служить доказательство достовѣрности прирожденныхъ идей въ философіи Декарта, именно: Декартъ доказываетъ сперва существованіе и правдивость Бога при помощи ряда идей, которыя, по его ученію, принадлежатъ къ числу прирожденныхъ, а достовѣрность прирожденныхъ идей доказываетъ ссылкой на правдивость Бога. Онъ-де, влагая ихъ въ нашу природу, не могъ допустить, чтобы онѣ были ошибочными, потому что по самому понятію своему Онъ правдивъ.

III. *Ошибки въ доказываемомъ положеніи*, конечно, могутъ состоять только въ томъ, что мы на дѣлѣ доказываемъ не то положеніе, которое принялись доказывать, а такое другое, которое лишь болѣе или менѣе напоминаетъ намъ о первомъ, но считаемъ доказательство этого другого положенія за доказательство перваго. Называютъ эту ошибку почти всегда полатыни, именно: ignoratio (или mutatio) elenchi. Первое названіе въ переводѣ на русскій языкъ означаетъ „игнорированіе доказательства", а второе *„замѣну или подмѣну доказательства"* [1]). И послѣднее выраженіе иногда употребляютъ, какъ русское названіе этой ошибки. Съ перваго взгляда подобная ошибка въ доказательствѣ кажется вещью совершенно невозможной. Въ дѣйствительности же она встрѣчается въ высшей степени часто и въ самыхъ разнообразныхъ видоизмѣненіяхъ, какъ это видно хотя бы изъ слѣдующихъ примѣровъ: 1) Такъ, говоритъ кто-нибудь о какой-либо нравственной обязанности, о томъ, какъ всѣмъ *слѣдуетъ* поступать, а на это ему возражаютъ, что такъ обыкновенно не поступаютъ, и думаютъ, будто бы этимъ уже доказали ошибочность его мнѣнія. Ясно, что здѣсь подмѣнили доказательство *несуществованія* той нравственной обязанности, о которой говоритъ противникъ, доказательствомъ *обычнаго несоблюденія* ея людьми. 2) Зачастую опроверженіе одного лишь доказательства какой-либо мысли считаютъ уже достаточнымъ для опроверженія самой этой мысли, т.-е. подмѣниваютъ опроверженіе ея самой опроверженіемъ ея доказательства; между тѣмъ доказательство можетъ быть крайне неудачнымъ, а доказываемая имъ мысль, все-таки, вполнѣ вѣрной. Напр., многіе, опровергнувъ вышеупомянутое доказательство Платона о непозволительности самоубійства, начинаютъ думать, будто бы однимъ этимъ они уже успѣшно опровергли доказываемое имъ положеніе. Другой примѣръ: многіе, когда встрѣтятъ или сами составятъ удачное опроверженіе всѣхъ извѣстныхъ имъ доказательствъ бытія Бога, заключаютъ изъ этого, что Бога вовсе нѣтъ, а между тѣмъ недоказанность и даже недоказуемость существованія данной вещи еще не служитъ доказательствомъ ея несуществованія. 3) Многіе метафизики считаютъ свою теорію уже прочно обоснованной однимъ тѣмъ, что они побѣдоносно разобьютъ всѣ возраженія, какія можно выставить противъ нея, и на этомъ успокаиваются, т.-е. подмѣниваютъ удостовѣреніе въ ея *доказанности* удостовѣреніемъ въ одной лишь ея *неопровержимости*. 4) Нерѣдко выводъ какого-либо автора объявляютъ незаслуживающимъ вниманія только на основаніи того, что нашли ошибки у него въ нѣкоторыхъ частностяхъ, вовсе не оцѣнивая, подрываютъ ли онѣ все доказательство или же нѣтъ. 5) Упрекаютъ автора въ недостаточной разработкѣ вопроса изъ-за одного лишь того, что онъ не упомянулъ о разныхъ книгахъ, написанныхъ по поводу этого вопроса,

---

[1]) Строго говоря „игнорированіе или замѣна *опроверженія*" (elenchi), а не доказательства. И буквальный смыслъ названія этой ошибки объясняется тѣмъ, что чаще всего она встрѣчается въ доказательствахъ, назначенныхъ для опроверженія какихъ-либо мнѣній.

при чемъ вовсе не разсматриваютъ, пострадала ли отъ этого работа разбираемаго автора по своему существу, и т. д.

Нѣкоторыя видоизмѣненія ignoratio elenchi получили свои особыя названія, именно:

а) *Доказывать слишкомъ мало.* Эта ошибка состоитъ въ томъ, что на дѣлѣ мы доказываемъ меньше, чѣмъ нужно, напр.: вмѣсто общаго сужденія — частное, или вмѣсто пользы данной мѣры для всего государства ея пользу лишь для нѣкоторыхъ сословій и т. п.; но мы думаемъ, будто бы нами доказано все, что̀ нужно. Ясно, что такая ошибка составляетъ частный случай ignoratio elenchi.

b) *Argumentum ad hominem*, т.-е. доводъ, обращенный къ человѣку. Такъ называется тотъ случай ignoratio elenchi, при которомъ доказываемое положеніе замѣняется другимъ, такъ дѣйствующимъ на чувства читателя или слушателя, чтобы они предрасполагали послѣдняго согласиться съ положеніемъ, которое слѣдовало бы доказать, но которое замѣнено другимъ. Напр., ничтожество *научныхъ* взглядовъ какого-нибудь ученаго подтверждаютъ доказательствомъ его принадлежности къ ненавистной для собесѣдника политической партіи и т. п. Если же доказываемое положеніе замѣняется такимъ, которое вызываетъ чувства, предрасполагающія согласиться съ замѣненнымъ положеніемъ, не въ отдѣльномъ лицѣ, а въ большихъ массахъ, то такую ошибку нерѣдко называютъ *argumentum ad populum* (доводомъ, обращеннымъ къ народу, къ толпѣ). И такую ошибку можно встрѣтить не только въ рѣчахъ, произносимыхъ на разныхъ собраніяхъ (въ родѣ политическихъ митинговъ, студенческихъ сходахъ и т. п.), гдѣ она встрѣчается особенно часто, но даже и въ научныхъ сочиненіяхъ. Напр., многіе философы доказываютъ, что невозможно никакое знаніе о безсмертіи души, смертна ли она или безсмертна и т. п. Въ каждое изъ этихъ мнѣній, по ихъ словамъ, можно только вѣровать, а ни одного изъ нихъ нельзя ни доказать, ни даже сдѣлать болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ противоположное. И вотъ, нерѣдко опровергаютъ этихъ философовъ одной лишь ссылкой на то, что людямъ цѣннѣе всего и интереснѣе всего имѣть знаніе о безсмертіи, такъ что замѣняютъ вопросъ о доказуемости знанія о безсмертіи вопросомъ объ его важности. Конечно, это — argumentum ad populum, потому что здѣсь положеніе, которымъ замѣнили доказываемое, дѣйствуетъ на чувства не того или другого отдѣльнаго лица, но — большихъ массъ. Далѣе: метафизики сплошь да рядомъ доказываютъ возможность метафизики въ видѣ знанія тѣмъ, что такая наука для человѣчества важнѣе и цѣннѣе всякой другой. Или: оцѣнку истинности какого-либо ученія нерѣдко подмѣниваютъ оцѣнкой его полезности для общества, его облагораживающаго вліянія и т. п.

Въ заключеніе замѣтимъ, что во многихъ курсахъ логики ошибки въ доказательствахъ раздѣляютъ на два главныхъ класса: на *зависящія отъ употребляемыхъ выраженій* (ἐν λέξει) и *независящія отъ нихъ* (ἔξω τῆς λέξεως). Но такое раздѣленіе ошибокъ для логики не имѣетъ ни малѣйшаго значенія, потому что оно установлено съ психологической точки зрѣнія,

именно, съ точки зрѣнія *происхожденія*, а не съ точки зрѣнія состава ошибокъ. Оно говоритъ, *почему* возникаютъ ошибки, но ни слова не говоритъ, *въ чемъ* именно *состоятъ* ошибки, какая часть доказательства и въ чемъ именно сдѣлается ошибочной, если насъ собьетъ съ толку какое-либо выраженіе. А для отвѣта на вопросъ о составѣ ошибки, все равно, приходится установить раздѣленіе ошибокъ на ошибки въ разсужденіи, основаніяхъ и положеніи. Раздѣленіе ошибокъ по ихъ происхожденію, конечно, умѣстно не въ логикѣ, а только въ психологіи мышленія, потому что только психологія должна объяснять причины возникновенія ошибокъ (сравн. выше стр. 11).

Однако, и при изученіи логики не мѣшаетъ запомнить названіе одной изъ ошибокъ, зависящихъ отъ употребляемыхъ нами выраженій, потому что оно довольно часто встрѣчается въ научной литературѣ, именно: *всякую ошибку, возникающую вслѣдствіе одинаковости названій не вполнѣ совпадающихъ понятій, въ чемъ бы ни состояла она при ея разсмотрѣніи съ логической точки зрѣнія, называютъ вызванной эквивоціей или гомониміей.* Слово „эквивоція“ латинское и въ буквальномъ переводѣ значитъ однозвучность. Гомонимія же греческое слово и буквально значитъ одноименность. Приходится же говорить въ научной литературѣ о происхожденіи ошибокъ по слѣдующей причинѣ: большинство читателей удивительно какъ склонны къ ошибкѣ „ignoratio elenchi“. *Какъ бы ни изобличили* передъ ними съ логической точки зрѣнія ошибочность взгляда какого-либо автора, *хотя бы математически строго*, у нихъ, все-таки, въ видѣ *возраженія* шевелится въ головѣ такая мысль: „да, все это само по себѣ, конечно, вѣрно; но вотъ что сомнительно: *есть же причина*, по которой онъ пришелъ къ такому выводу“, т.-е. въ своемъ возраженіи они подмѣниваютъ вопросъ о доказанности или истинности даннаго взгляда вопросомъ о причинѣ этого взгляда. И вотъ, чтобы избавить ихъ отъ такого ignoratio elenchi, надо указать имъ и причину возникновенія ошибки: послѣ того они уже начинаютъ думать только о томъ, въ чемъ именно состоитъ она и насколько вліяетъ на всю систему взглядовъ этого автора. Въ противномъ случаѣ часто не удается довесть ихъ до чисто-логическаго разсмотрѣнія данной ошибки. И съ такой психологіей читателя и слушателя, волей—неволей, приходится считаться.

Конечно, можно, а для устраненія излишней иностранщины и крайне желательно, замѣнить оба эти названія чисто русскимъ словомъ „двусмысленность“, какъ вполнѣ высказывающимъ то, что говорятъ „эквивоція“ и „гомонимія“. Правда, и здѣсь можно вспомнить такую своеобразную психологію нѣкоторыхъ читателей: коли имъ сказать при объясненіи ошибки, что она вызвана эквивоціей (или гомонимією), то они такое объясненіе сочтутъ болѣе научнымъ, чѣмъ высказанное при помощи слова „двусмысленность“, и поэтому больше обратятъ на него вниманія. Но мой-то читатель теперь уже предупрежденъ о такой ошибочной наклонности приписывать неподобающее значеніе иностраннымъ выраженіямъ. Поэтому я буду употреблять

только слово „двусмысленность“, а ужъ пусть онъ про себя, если ему не нравится наука безъ лишней иностранщины, замѣняетъ его эквивоціей или гомонимiей, глядя по тому, что̀ вызываетъ въ немъ болѣе торжественное настроеніе.

ГЛАВА IX.

Умозаключенія, какъ части доказательствъ.

1. Общій планъ ихъ изученія. Подлинныя и кажущіяся умозаключенія. Изъ всѣхъ нашихъ прежнихъ упоминаній объ умозаключеніяхъ ясно, что ихъ нельзя обойти молчаніемъ при изученіи доказательствъ. Вѣдь каждое доказательство, какъ соединенное, такъ и несоединенное съ установкой данныхъ опыта, состоитъ изъ бо̀льшаго или меньшаго числа умозаключеній; и каждое доказательство можетъ быть правильнымъ только при томъ условіи, чтобы были правильными входящія въ его составъ умозаключенія. Если же они окажутся ошибочными, то получится одна изъ ошибокъ въ той части доказательства, которая называется разсужденіемъ (сравн. стр. 112 и 137). Поэтому логика должна *выяснить тѣ условія или правила, при соблюденіи которыхъ (будетъ ли оно умышленнымъ или неумышленнымъ, это безразлично), умозаключенія выходятъ правильными* (т.-е. выводъ въ нихъ *дѣйствительно* находится въ логической связи съ посылками), *дабы съ помощью этихъ правилъ выслѣдить какія ошибки на дѣлѣ совершаются въ умозаключеніяхъ, когда послѣдними пользуются для доказательствъ.* Узнавъ все это, мы тѣмъ самымъ освѣтимъ всѣ доказательства, какъ раціональныхъ, такъ и эмпирическихъ наукъ, гораздо полнѣе, чѣмъ если бы мы разсматривали тѣ и другія, не вникая въ умозаключенія. Такова главнѣйшая задача, которую должна имѣть въ виду логика при разсмотрѣніи умозаключеній (сравн. стр. 10). А къ ней, разумѣется, присоединяется и рѣшеніе тѣхъ двухъ вопросовъ, касающихся доказательствъ, про которыя мы упомянули, что они могутъ быть окончательно рѣшены только путемъ разсмотрѣнія умозаключеній, именно: 1) возможно ли въ чисто-раціональныхъ наукахъ, т.-е. посредствомъ доказательствъ, нигдѣ несоединяемыхъ съ установкой данныхъ опыта, доказывать единичныя сужденія (см. стр. 121), и 2) возможно ли правильно вывесть какое-либо общее синтетическое сужденіе изъ однихъ лишь опредѣленій, т.-е. изъ однихъ лишь аналитическихъ сужденій, или же каждое общее синтетическое сужденіе можетъ быть доказано не иначе какъ, какъ съ помощью другого общаго синтетическаго сужденія (см. стр. 136)? И въ виду послѣдняго вопроса мы при изложеніи правилъ умозаключеній должны постоянно подчеркивать, *при какомъ условіи въ разсматриваемомъ умоза-*

ключеніи правильный выводъ можетъ выйти общимъ сужденіемъ, дабы послѣ того выяснить, при какомъ условіи въ этомъ умозаключеніи правильный выводъ можетъ выйти не только общимъ, а также и синтетическимъ сужденіемъ. Таковъ общій планъ нашего изслѣдованія умозаключеній. Приступимъ же къ его исполненію.

Подобно тому, какъ сужденія высказываются своими словесными знаками, т.-е. предложеніями, съ помощью которыхъ ихъ легко указывать другимъ, такъ точно и умозаключенія выражаются своими словесными знаками. Этими знаками служатъ такія соединенія предложеній, высказывающихъ посылки и выводъ, чтобы предложеніе, высказывающее выводъ, присоединялось къ предложеніямъ, высказывающимъ посылки, передъ ними или послѣ нихъ, посредствомъ союзовъ, обозначающихъ зависимость, какъ-то: „слѣдовательно“, „значитъ“, „поэтому“, „такъ что“, „потому что“, „такъ какъ“, „вѣдь“, „ибо“ и т. п. При этомъ *къ словеснымъ выраженіямъ умозаключеній и ихъ частей всегда примѣняютъ тѣ же самыя названія, какъ и для самихъ умозаключеній съ ихъ частями:* напр., называютъ предложенія посылками, выводомъ и т. д. Такое словоупотребленіе, конечно, не вполнѣ точно; но оно не вызываетъ никакихъ недоразумѣній и поэтому въ видахъ краткости выраженій сдѣлалось общепринятымъ.

Изучая умозаключенія, надо прежде всего раздѣлить тѣ соединенія предложеній, которыя отмѣчены только-что упомянутыми союзами, на *подлинныя и кажущіяся* умозаключенія, и необходимо научиться отличать другъ отъ друга. *Въ подлинныхъ умозаключеніяхъ выводомъ всегда служитъ сужденіе новое сравнительно съ посылками, а въ кажущихся лишь повтореніе посылокъ въ полномъ или частичномъ видѣ.* Наипростѣйшее и наивѣрнѣйшее средство для предохраненія себя отъ смѣшенія кажущихся умозаключеній съ подлинными состоитъ въ томъ, чтобы разсмотрѣть, если не всѣ, то наиболѣе отличающіяся другъ отъ друга кажущіяся умозаключенія и сравнить съ ними подлинныя.

Къ кажущимся умозаключеніямъ принадлежатъ слѣдующія:

1. *Чисто-словесное преобразованіе сужденія*, т.-е. преобразованіе даннаго предложенія въ другое, высказывающее то же самое сужденіе, при чемъ это другое предложеніе присоединяется къ первому посредствомъ союза, обозначающаго зависимость. Такимъ путемъ получается какъ будто бы посылка и выводъ, но въ дѣйствительности подъ видомъ вывода повторяется еще разъ то же самое сужденіе, какъ и въ кажущейся посылкѣ. Напр., „древніе персы поклонялись *солнцу* (логическое удареніе на словѣ „солнцу“); слѣд., то, чему поклонялись древніе персы, есть солнце“. Здѣсь кажущимся выводомъ служитъ прежнее сужденіе во всей его неприкосновенности. Точно такъ же дѣло стоитъ и въ такомъ примѣрѣ: „не всѣ лѣнтяи дурные люди; слѣд., нѣкоторые лѣнтяи не дурные люди“.

2. *Частичное повтореніе подъ видомъ вывода того же самаго сужденія*, какъ, напр.: „всѣ рыбы дышатъ жабрами; слѣд., нѣкоторыя рыбы дышатъ жабрами“. Здѣсь кажущимся выводомъ служитъ прежнее сужденіе,

взятое лишь въ *частной* формѣ вмѣсто общей, т.-е. повторенное частичнымъ образомъ. Другой примѣръ: „ртуть жидкій металлъ (т.-е. и жидка, и металлъ); слѣд., ртуть жидка“. Здѣсь кажущимся выводомъ служитъ повтореніе *части* того сложнаго сужденія, которое кажется посылкой.

3. *Простое суммированіе нѣсколькихъ сужденій*, такъ что въ выводѣ (точнѣе—въ кажущемся выводѣ) повторяются сполна тѣ же самыя сужденія, какъ и въ, такъ называемыхъ, посылкахъ, а не получается ничего новаго. Такое суммированіе, въ свою очередь, можетъ быть двоякимъ: а) *Явное*, какъ, напр.: „ртуть—жидкость, и ртуть—металлъ; слѣд., ртуть есть и жидкость, и металлъ (т.-е. жидкій металлъ)“. b) *Скрытое*, какъ, напр.: „къ большимъ планетамъ принадлежатъ только Меркурій, Венера, Земля, Марсъ, Юпитеръ, Сатурнъ, Ураиъ и Нептунъ; но Меркурій вращается вокругъ солнца съ запада на востокъ; Венера—тоже; Земля—тоже и т. д. (повторяется то же самое отдѣльно про каждую изъ большихъ планетъ); слѣд., всѣ большія планеты вращаются вокругъ солнца съ запада на востокъ“. Какъ ни похоже это соединеніе сужденій на подлинныя умозаключенія, ясно, все-таки, что здѣсь выводъ не даетъ намъ ровно ничего новаго сравнительно съ посылками, а только скрытымъ образомъ повторяетъ ихъ въ суммированномъ видѣ.

Въ средніе вѣка этому скрытому простому суммированію сужденій дали особое техническое названіе, именно—„*полной или совершенной индукціи*—inductio completa“ для отличія отъ „неполной или несовершенной индукціи—inductio incompleta“, о которой намъ придется сейчасъ говорить. *Индукція же въ буквальномъ переводѣ означаетъ наведеніе, т.-е. распространеніе чего-нибудь на что-нибудь, и поэтому употребляется въ смыслѣ обобщенія.*

Полную индукцію надо тщательно отличать отъ всего похожаго на нее. Поэтому запомнимъ хорошенько, что *полной индукціей называется такое кажущееся умозаключеніе, въ которомъ посылки* (точнѣе кажущіяся посылки) *сполна перечисляютъ всѣ случаи одного и того же рода* (т.-е. подходящіе подъ данное общее понятіе, въ нашемъ примѣрѣ подъ понятіе большой планеты), *указывая въ то же время что-нибудь, какъ вѣрное о каждомъ изъ нихъ, взятомъ отдѣльно, а выводъ* (кажущійся) *указываетъ, что это же самое должно быть вѣрнымъ и для всѣхъ этихъ случаевъ* (т.-е. для всего объема понятія, подъ которое они подходятъ). Исчерпывающій, *совершенный* или *полный* перечень въ посылкахъ тѣхъ случаевъ, о которыхъ въ суммированномъ видѣ говоритъ выводъ, и составляетъ отличіе полной или совершенной индукціи отъ всего сходнаго съ ней. Такъ, въ нашемъ примѣрѣ въ посылкахъ *сполна* перечислены всѣ большія планеты.

Конечно, кажущіяся умозаключенія далеко не безполезны при доказательствахъ: они нерѣдко входятъ въ составъ доказательства въ видѣ вспомогательнаго средства, которое приводитъ наше знаніе въ словесную форму, болѣе удобную для дальнѣйшей работы надъ нимъ. Даже простое преобразованіе даннаго предложенія въ другое, высказывающее то же самое сужде-

ніе безъ всякихъ измѣненій, и то часто бываетъ полезно для доказательства, какъ сильнѣе выставляющее на видъ, какъ бы подчеркивающее, смыслъ прежняго предложенія. Еще замѣтнѣе польза, которую приноситъ доказательствамъ полная индукція; ибо она входитъ, какъ вспомогательное средство, въ составъ раздѣлительныхъ доказательствъ. Такъ, всмотримся въ примѣръ подобныхъ доказательствъ, приведенный нами выше на стр. 124. Все разсужденіе состоитъ тамъ изъ соединенія, съ одной стороны, тѣхъ доказательствъ, посредствомъ которыхъ доказывается отдѣльно про каждый изъ трехъ возможныхъ видовъ вписаннаго угла, что послѣдній измѣряется половиной дуги, на которую онъ опирается, а съ другой стороны—изъ полной индукціи, которая сводится къ слѣдующему: „къ вписаннымъ угламъ принадлежатъ только такіе углы, у которыхъ центръ круга находится внутри угла, у которыхъ онъ лежитъ внѣ угла, и, наконецъ, у которыхъ онъ лежитъ на одной изъ сторонъ угла; первые изъ нихъ измѣряются вотъ такъ-то, вторые—такъ же, какъ и первые, и третьи—такъ же; слѣд., такъ же измѣряются и всѣ вписанные углы“.

Однако, какъ бы ни были велики услуги, оказываемыя доказательствамъ со стороны кажущихся умозаключеній, ихъ, все-таки, надо тщательно отличать отъ истинныхъ; ибо въ послѣднихъ выводомъ служитъ новое сужденіе, а отнюдь не одно лишь повтореніе, явное или скрытое, посылокъ въ полной или частичной формѣ, вслѣдствіе чего большинство истинныхъ умозаключеній расширяютъ знаніе. Напр., въ такомъ умозаключеніи: „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги; слѣд., и ртуть упруга“, даже матеріалъ вывода не совсѣмъ таковъ, какъ въ каждой изъ посылокъ, и выводъ поэтому отнюдь не служитъ полнымъ или частичнымъ повтореніемъ посылокъ, а высказываетъ что-то новое и расширяетъ знаніе. Даже въ слѣдующемъ умозаключеніи, которое сходно съ кажущимися въ томъ отношеніи, что не расширяетъ нашего знанія, а лишь преобразовываетъ его въ болѣе удобную форму (хотя здѣсь преобразовывается не одна лишь *словесная* форма): „металлы—простыя тѣла; слѣд., нѣкоторыя простыя тѣла суть металлы“, даже и здѣсь въ выводѣ есть кое-что новое сравнительно съ посылкой, а не просто ея повтореніе. Вѣдь въ посылкѣ говорилось о металлахъ, а въ выводѣ о простыхъ тѣлахъ, т.-е. о другомъ предметѣ, чѣмъ въ посылкѣ.

2. Неполная индукція и заключенія по аналогіи. Научившись отличать подлинныя умозаключенія отъ кажущихся, мы вмѣстѣ съ тѣмъ должны отличать такія подлинныя умозаключенія, которыя хотя и важны тѣмъ, что почти безпрерывно приводятъ насъ къ крайне удачнымъ догадкамъ, но негодны служить ни доказательствомъ, ни составной частью доказательства, отъ подлинныхъ умозаключеній, годныхъ служить доказательствомъ догадокъ. Поэтому логика, хотя и не ставитъ своей цѣлью быть логикой открытій, все-таки принуждена упомянуть и о тѣхъ важныхъ для открытій, т.-е. для возникновенія догадокъ, умозаключеніяхъ, которыя мы ошибочно склоняемся считать за годныя для доказательствъ, дабы мы не поддавались дѣйствію этой ошибочной наклонности.

Есть два вида умозаключеній, которыя мы сильно склоняемся считать годными для доказательствъ изъ-за того, что они очень часто приводятъ къ удачнымъ догадкамъ, между тѣмъ какъ въ дѣйствительности они *негодны для доказательствъ*. Это — *неполная или несовершенная индукція и заключенія по аналогіи*.

Неполную индукцію, иначе—несовершенную индукцію, inductio incompleta, въ послѣднее время нѣкоторые авторы стали еще называть „*популярной индукціей*“ для отличія отъ „научной“ или „бекоповской“, съ которой мы встрѣтимся при изученіи доказательствъ эмпирическихъ наукъ.

Неполная индукція состоитъ въ томъ, что на основаніи посылокъ, указывающихъ что-нибудь, какъ вѣрное относительно всего лишь нѣсколькихъ случаевъ или примѣровъ одного и того же рода (т.-е. подходящихъ подъ указанное въ посылкахъ общее понятіе), *въ выводѣ это же самое объявляется вѣрнымъ относительно всѣхъ случаевъ этого рода* (т.-е. относительно *всего* объема указаннаго въ посылкахъ общаго понятія). Напр., „золото, серебро, желѣзо и мѣдь—хорошіе проводники электричества, и все это металлы; слѣд., всѣ металлы—хорошіе проводники электричества“. Здѣсь, конечно, передъ нами подлинное, а не кажущееся умозаключеніе. Вѣдь выводъ здѣсь отнюдь не служитъ простымъ суммированіемъ посылокъ, а высказываетъ гораздо больше, чѣмъ говорится въ посылкахъ: послѣднія говорятъ только о нѣсколькихъ металлахъ, а выводъ обо всѣхъ.

Существенной особенностью этого подлиннаго умозаключенія служитъ простота, съ какой перечисляются здѣсь случаи, подходящіе подъ выводъ. Ихъ перечень производится безъ всякой заботы и объ его полнотѣ, и о такомъ подборѣ этихъ случаевъ, чтобы они исключали возможность сомнѣваться въ выводѣ: они берутся здѣсь какъ попало, лишь бы они подходили подъ выводъ, а не противорѣчили ему. Поэтому неполную индукцію часто называютъ „*индукціей*, т.-е. распространеніемъ или обобщеніемъ, *черезъ простое перечисленіе*“, слѣдуя въ этомъ Бекону (1561—1626), который обозвалъ ее „inductio per enumerationem simplicem ubi non reperitur instantia contradictoria“, т.-е. индукціей чрезъ простое перечисленіе, въ которомъ не встрѣчается противорѣчащаго примѣра (или случая — instantia).

Но именно оттого, что здѣсь выводъ основанъ на *простомъ* перечисленіи нѣсколькихъ подходящихъ подъ него примѣровъ, т.-е. взятыхъ какъ попало, безъ всякой заботы о подборѣ такихъ примѣровъ, которые устранили бы возможность сомнѣваться въ выводѣ, *неполная индукція не можетъ служить доказательствомъ*. Конечно, еще нельзя считать доказаннымъ, что всѣ металлы хорошіе проводники электричества, если для подтвержденія нашихъ словъ мы не приводимъ никакихъ другихъ основаній, кромѣ ссылки, что таковыми оказываются нѣсколько перво-попавшихся металловъ: легко можетъ быть, что они-то одни и будутъ обладать этимъ свойствомъ. Зато несомнѣнно, что *неполная индукція имѣетъ эвристическое значеніе, т.-е. часто приводитъ насъ къ удачнымъ догадкамъ:* нерѣдко свойство, подмѣ-

ченное нами всего лишь въ нѣсколькихъ, взятыхъ какъ попало, случаяхъ одного и того же рода, легко можетъ оказаться и во всѣхъ случаяхъ того же рода, такъ что выводы, полученные посредствомъ неполной индукціи, всегда заслуживаютъ провѣрки. Правда, зачастую такая догадка отличается столь сильной увѣренностью, что многіе уже не считаютъ нужнымъ провѣрять ее: *психологическое* свойство этой догадки, именно—силу сопровождающей ее увѣренности, они принимаютъ за ея *логическое* свойство, за свидѣтельство объ ея истинности. Но какъ бы ни была сильна эта увѣренность, выводы, получаемые посредствомъ неполной индукціи, обязательно считать всего только догадкой, которая еще нуждается въ оправданіи какимъ-нибудь другимъ путемъ; ибо нѣтъ никакой логической связи между посылками и выводомъ неполной индукціи, вслѣдствіе чего выводъ въ ней сплошь да рядомъ оказывается ошибочнымъ, хотя посылки, изъ которыхъ онъ выведенъ, вполнѣ правильны.

Въ современной литературѣ подъ словомъ „аналогія“ подразумѣвается сходство данныхъ предметовъ, и умозаключеніе по аналогіи есть умозаключеніе, основанное на сходствѣ. Въ греческомъ же языкѣ, откуда заимствовано слово „аналогія“, оно первоначально имѣло другой смыслъ; но для насъ не важно знать его. *Заключенія по аналогіи* можно описать слѣдующимъ образомъ: *замѣчая сходство между двумя предметами или двумя классами предметовъ въ томъ, что у одного изъ нихъ есть извѣстныя свойства, повторяющіяся и въ другомъ, и находя сверхъ этого у одного изъ этихъ предметовъ или классовъ еще другое свойство, котораго мы прямо еще не замѣчаемъ въ другомъ предметѣ или классѣ, мы отсюда заключаемъ, что это свойство окажется также и въ другомъ изъ этихъ двухъ предметовъ или классовъ.* Напр., разсматривая землю и планету Марсъ, мы замѣчаемъ, что у нихъ очень много сходныхъ свойствъ, какъ-то: вращеніе вокругъ своей оси съ запада на востокъ почти въ одинаковое время, что̀ обусловливаетъ почти одинаковую продолжительность дня и ночи; далѣе—почти одинаковый наклонъ оси къ плоскостямъ, въ которыхъ находятся ихъ орбиты, что̀ обусловливаетъ почти одинаковое распредѣленіе климатическихъ поясовъ на той и другой планетѣ и приблизительно одинаковую смѣну временъ года; и тамъ, и здѣсь присутствіе атмосферы, состоящей изъ воздуха, и т. д. Въ то же время мы видимъ, что на землѣ есть жизнь, чего на Марсѣ мы прямо еще не замѣчаемъ. И вотъ, на основаніи сходства между землей и Марсомъ въ указанныхъ отношеніяхъ мы заключаемъ, что жизнь есть и на Марсѣ. Въ этомъ примѣрѣ мы дѣлаемъ выводъ по аналогіи о дальнѣйшемъ сходствѣ двухъ *отдѣльно взятыхъ предметовъ*. Но мы могли бы сдѣлать подобное заключеніе и относительно дальнѣйшаго сходства двухъ *классовъ*. Напр.: у классовъ тигровъ и кошекъ замѣчается значительное сходство въ ихъ организаціи; и въ то же время мы наблюдаемъ, что кошки питаются мясомъ. И вотъ, на основаніи сходства въ организаціи тигровъ съ кошками, мы заключаемъ, что тигры тоже плотоядныя животныя.

Подобно неполной индукціи, *заключенія по аналогіи тоже не при-*

годны для доказательства сужденій, хотя неосторожные люди часто ограничиваются ими при доказательствѣ своихъ мнѣній. Напр.: если заключеніе о принадлежности тигровъ къ числу плотоядныхъ основывается только на сходствѣ тигровъ съ кошками, да на томъ, что послѣднія плотоядныя, то еще нельзя полагаться на этотъ выводъ. Вѣдь нѣтъ ничего невозможнаго, что между сходными вещами даже вовсе нѣтъ никакого дальнѣйшаго сходства; а можетъ быть, оно и есть, да идетъ не въ томъ направленіи, въ какомъ мы его ждемъ. По этой причинѣ выводы по аналогіи нерѣдко бываютъ крайне ошибочными.

Зато, подобно неполной индукціи, *заключенія по аналогіи имѣютъ эвристическое значеніе, потому что, благодаря имъ, часто возникаютъ удачныя догадки*, которыя вполнѣ оправдываются при провѣркѣ. Множество научныхъ открытій, какъ свидѣтельствуютъ сами сдѣлавшіе ихъ ученые, были внушены заключеніемъ по аналогіи. Таково, наприм., открытіе Эрштедомъ дѣйствія электрическаго тока на магнитъ, открытіе Ампéромъ дѣйствія одного тока на другой въ соленоидахъ и т. п. Далѣе: общее сходство холмовъ близъ Балларата въ Австраліи съ тѣми холмами въ Калифорніи, въ которыхъ было найдено золото, внушило мысль искать золото и у Балларата; и это ожиданіе блестяще оправдалось на дѣлѣ. Подобнымъ же образомъ и въ медицинѣ лекарственныя свойства многихъ веществъ были найдены на основаніи общихъ сходствъ: тотъ фактъ, что одно лекарственное вещество походило въ нѣкоторыхъ свойствахъ на другое, служилъ причиной, побудившей къ изслѣдованію, не идетъ ли это сходство еще и далѣе.

3. Раздѣленіе умозаключеній на непосредственныя и силлогизмы. Энтимемы. Сокращенный способъ изученія всѣхъ умозаключеній. *Всѣ подлинныя умозаключенія, годныя для доказательствъ, раздѣляются на непосредственныя и силлогизмы. Непосредственными умозаключеніями называются такія, въ которыхъ соглашаться съ выводомъ принуждаетъ уже одна посылка.* Напр., „собака животное; слѣд., голова собаки есть голова животнаго“; „киты не рыбы; слѣд., рыбы не киты“ и т. п. Они названы непосредственными именно потому, что въ нихъ данная посылка принуждаетъ соглашаться съ выводомъ *безъ посредства* соединенія ея съ какой-либо другой. *Силлогизмами же называются такія умозаключенія, въ которыхъ соглашаться съ выводомъ принуждаютъ не меньше двухъ посылокъ, взятыхъ вмѣстѣ*, такъ что для такого принужденія необходимо ихъ соединеніе вмѣстѣ, а порознь онѣ недостаточны для этой цѣли. Напр., „ртуть—жидкость, а всѣ жидкости упруги; слѣд., и ртуть упруга“. Здѣсь каждой изъ посылокъ, взятой отдѣльно отъ другой, еще недостаточно, чтобы принудить къ согласію съ выводомъ, но въ соединеніи ихъ другъ съ другомъ онѣ принуждаютъ къ такому согласію. И такъ какъ каждая изъ нихъ принуждаетъ къ этому *посредствомъ* ея соединенія съ другой, то иногда называютъ силлогизмы *опосредствованными* умозаключеніями. Силлогизмами же назвалъ ихъ еще самъ Аристотель.

Замѣтимъ: крайне ошибочно опредѣлять въ логикѣ разницу между непосредственными умозаключеніями и силлогизмами тѣмъ, что въ первыхъ выводъ *возникаетъ* изъ одной посылки, а во вторыхъ — болѣе, чѣмъ изъ одной. Это значило бы, что мы говоримъ о душевныхъ переживаніяхъ, происходящихъ при умозаключеніяхъ, т.-е. сбились на психологію умозаключеній. Да и психологически наши слова были бы не совсѣмъ вѣрны: какъ мы сейчасъ увидимъ, *во многихъ силлогизмахъ выводъ возникаетъ, если разсматривать самое переживаніе, происходящее при умозаключеніи, только изъ одной посылки.* Именно: такъ дѣло стоитъ во многихъ энтимемахъ, хотя и не во всѣхъ.

Мы сперва разсмотримъ непосредственныя умозаключенія, а потомъ силлогизмы. При изученіи же непосредственныхъ умозаключеній надо умѣть отличать ихъ не только отъ похожихъ на нихъ кажущихся умозаключеній, а также и отъ тѣхъ, которыя въ дѣйствительности представляютъ изъ себя силлогизмы, но высказываются въ такой словесной формѣ, какъ будто бы они принадлежали къ непосредственнымъ умозаключеніямъ, именно — отъ силлогизмовъ, въ которыхъ мы ради краткости высказываемъ только одну изъ посылокъ, а остальныя подразумѣваемъ. Напр.: „ртуть — жидкость; слѣд., она упруга“, „китъ дышитъ легкими; слѣд., онъ не рыба“, и т. п. *Всѣ случаи неполнаго словеснаго выраженія силлогизмовъ въ логикѣ издавна принято называть энтимемами* (отъ греческаго слова θυμός, что значитъ „духъ“; ἐν θυμῷ — „въ духѣ, въ умѣ, въ мысляхъ“). *И чтобы узнать, находится ли передъ нами энтимема или непосредственное умозаключеніе, надо попробовать, соглашаясь съ посылкой, замѣнить выводъ противоположнымъ сужденіемъ, т.-е. съ выводомъ не соглашаться* (о противоположныхъ сужденіяхъ см. стр. 116). Если это окажется возможнымъ безъ явной нелѣпости до тѣхъ поръ, пока на помощь высказанной посылкѣ не будетъ присоединена какая-нибудь другая, то передъ нами энтимема; ибо это ясно покажетъ, что въ разсматриваемомъ умозаключеніи одной только высказанной посылки еще недостаточно, чтобы принудить соглашаться съ выводомъ. Если же сразу, безъ всякой добавочной посылки, обнаружится явная нелѣпость подобной попытки, то передъ нами одно изъ непосредственныхъ умозаключеній; ибо это ясно покажетъ, что въ разсматриваемомъ умозаключеніи къ согласію съ выводомъ принуждаетъ уже одна посылка, безъ всякихъ добавочныхъ сужденій. Напр., умозаключеніе „ртуть — жидкость; слѣд., она упруга“ образуетъ энтимему, пот. что нѣтъ никакой явной нелѣпости въ такихъ словахъ: „хотя ртуть жидкость, но она не упруга“. И до тѣхъ поръ въ этомъ нѣтъ нелѣпости, пока мы не прибавимъ къ прежней посылкѣ еще такую: „всѣ жидкости упруги“. Умозаключеніе же „всѣ металлы — простыя тѣла; слѣд., нѣкоторыя простыя тѣла суть металлы“ принадлежитъ къ непосредственнымъ, потому что явно нелѣпо такъ говорить: „хотя всѣ металлы простыя тѣла, но ни одно простое тѣло не принадлежитъ къ металламъ“.

Конечно, *посылки, пропущенныя въ энтимемахъ, нерѣдко пропуска-*

ются не только въ словесномъ выраженіи силлогизма, а даже и въ умѣ, т.-е. вовсе не мыслятся нами. Тѣмъ не менѣе логика всегда называетъ ихъ *подразумѣваемыми* и разсматриваетъ всѣ энтимемы, какъ силлогизмы, въ которыхъ нѣкоторыя части остаются только невысказанными, а подразумѣваемыми. Дѣло въ томъ, что логика интересуется не душевнымъ переживаніемъ, которое происходитъ при силлогизмѣ, а только тѣмъ, дѣйствительно ли данныя посылки принуждаютъ насъ соглашаться съ выводомъ, или же это только кажется. И такъ какъ въ энтимемахъ высказанныя посылки, пока мы не прибавимъ къ нимъ никакихъ добавочныхъ, оказываются недостаточными, чтобы принудить насъ согласиться съ выводомъ, а пріобрѣтаютъ эту способность при добавленіи къ нимъ невысказанныхъ посылокъ, то, конечно, логика въ правѣ считать эти невысказанныя посылки подразумѣваемыми, *независимо* отъ того, мыслятся ли онѣ нами на дѣлѣ, или же пропускаются не только на словахъ, а даже и въ умѣ: онѣ могутъ считаться подразумѣваемыми въ томъ смыслѣ, что эти невысказанныя посылки *надо* или *обязательно* мыслить, *чтобы нашъ выводъ сталъ безспорнымъ не только для насъ самихъ, но для всѣхъ и каждаго.* Но, разумѣется, мы тотчасъ же потеряемъ право считать невысказанныя посылки непремѣнно подразумѣваемыми, коль скоро начнемъ разсматривать душевныя переживанія, которыя происходятъ при силлогизмахъ, т.-е. если будемъ разсматривать силлогизмы не съ логической, а съ психологической точки зрѣнія.

Запомнимъ еще хорошенько слѣдующее обстоятельство: *логика, чтобы сократить свою работу, устанавливаетъ свои правила только для такихъ умозаключеній, которыя состоятъ лишь изъ общихъ и частныхъ, а отнюдь не изъ единичныхъ посылокъ.* Такъ она поступаетъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, если съ помощью такихъ правилъ выслѣдить всѣ ошибки, какія на дѣлѣ встрѣчаются въ умозаключеніяхъ, состоящихъ изъ общихъ и частныхъ посылокъ, то становится вполнѣ яснымъ, что въ тѣхъ умозаключеніяхъ, въ составъ которыхъ входятъ единичныя посылки, не можетъ быть никакихъ другихъ ошибокъ: всякая другая ошибка выйдетъ столь грубой, что ея на дѣлѣ никто не допуститъ, даже самый безцеремонный софистъ. Во-вторыхъ, если мы постоянно будемъ предполагать всѣ умозаключенія состоящими только изъ общихъ и частныхъ посылокъ, то само собой и въ то же время съ величайшей наглядностью кинется въ глаза, что правильный единичный выводъ никогда не можетъ быть полученъ изъ такихъ посылокъ, въ числѣ которыхъ находятся одни лишь общія и частныя сужденія, т.-е. — что въ чисто-раціональныхъ наукахъ, иначе—посредствомъ доказательствъ, нигдѣ несоединяемыхъ съ установкой данныхъ опыта, можно доказать только общія и частныя, но отнюдь не единичныя сужденія (сравн. выше стр. 121).

И употребленіемъ только-что указаннаго, сокращеннаго способа изучать умозаключенія объясняется тотъ фактъ, что логика, установивъ для общихъ и частныхъ сужденій такіе знаки, которые обозначали бы сразу

качество и количество сужденія, именно—*A*, *I*, *E*, *O* (см. выше стр. 73), и не подумала объ установкѣ подобныхъ знаковъ для единичныхъ сужденій. Въ связи съ этимъ находится и то любопытное обстоятельство, что, раздѣляя противоположныя сужденія на противныя и противорѣчащія, логика вовсе не интересуется въ это время единичными противоположными сужденіями. Они, конечно, не противныя, пот. что этимъ именемъ называются *общія* противоположныя; они и не противорѣчащія, пот. что этимъ именемъ называются такія противоположныя, изъ которыхъ одно общее, а другое частное. Но у нихъ свойства противорѣчащихъ: они тоже не могутъ быть оба сразу истинными, или оба сразу ложными (сравн. стр. 118); между тѣмъ они остались безъ особаго названія.

Если же логика устанавливаетъ свои правила только для такихъ умозаключеній, въ которыхъ нѣтъ единичныхъ посылокъ, то не слѣдуетъ удивляться, что *встрѣчаются и такія правильныя умозаключенія, въ которыхъ нарушаются логическія правила умозаключеній*; ибо это бываетъ только въ тѣхъ умозаключеніяхъ, въ составъ которыхъ входятъ *единичныя* посылки (да и то не во всѣхъ, а только въ такихъ, которыя состоятъ исключительно изъ единичныхъ посылокъ, безъ всякой примѣси неединичныхъ).

4. Непосредственныя умозаключенія. Къ непосредственнымъ умозаключеніямъ можно отнести *не больше* четырехъ: 1) обращеніе, 2) превращеніе, 3) противопоставленіе сказуемому и 4) ограниченіе третьяго понятія. Но изъ нихъ противопоставленіе сказуемому представляетъ собой не простое умозаключеніе, а соединеніе превращенія съ обращеніемъ, такъ что *простыхъ* непосредственныхъ умозаключеній *не больше* трехъ. Говоримъ же мы „не больше“, а не просто „три“ по той причинѣ, что *превращеніе нѣкоторые авторы считаютъ всего лишь кажущимся умозаключеніемъ, именно—чисто-словеснымъ преобразованіемъ данной посылки.* И когда мы разсмотримъ его, намъ будетъ понятенъ такой взглядъ на него.

Обращеніемъ (по-лат.—conversio) *называется непосредственное умозаключеніе о сказуемомъ посылки.* Напр.: „Киты не рыбы; слѣд., рыбы не киты“; „всѣ металлы простыя тѣла; слѣд., нѣкоторыя простыя тѣла суть металлы“. Здѣсь оба раза *непосредственное* умозаключеніе, и при томъ такое, что его выводъ говоритъ о *сказуемомъ* посылки: вѣдь послѣднее въ выводѣ сдѣлалось подлежащимъ. Это умозаключеніе и называется *обращеніемъ*, именно, изъ-за того, что сказуемое и подлежащее посылки выходятъ въ выводѣ распредѣленными въ *обратномъ* порядкѣ, чѣмъ въ посылкѣ: сказуемое посылки въ выводѣ выходитъ подлежащимъ, а подлежащее посылки—сказуемымъ [1]).

---

[1]) Нѣкоторые русскіе авторы называютъ conversio, т.-е. разсматриваемое умозаключеніе, „*превращеніемъ*“. Но гораздо удобнѣе называть его обращеніемъ: въ немъ выводъ отличается отъ посылки такъ же, какъ „*обратныя*“ теоремы отъ *прямыхъ*. Да и вообще какъ-то неловко говорить о „превратномъ“ распредѣленіи въ выводѣ подлежащаго и сказуемаго.

Но *не слѣдуетъ говорить, какъ это часто дѣлаютъ въ курсахъ логики, будто бы обращеніе „состоитъ“ въ томъ, что мы переставляваемъ сказуемое и подлежащее посылки,* ибо: во-первыхъ, этимъ путемъ мы сбились бы на психологію умозаключеній и стали бы описывать не то *готовое* соединеніе сужденій, изъ котораго состоитъ разсматриваемое умозаключеніе, но приводящее къ нему душевное переживаніе; во-вторыхъ, наше описаніе этого переживанія оказалось бы и психологически неправильнымъ. Путемъ самонаблюденія мы тотчасъ же убѣждаемся, что при обращеніи душевное переживаніе состоитъ вовсе не въ томъ, чтобы мы, какъ бы механически, умышленно *переставливали* подлежащее и сказуемое, а въ чемъ-то другомъ (въ чемъ именно, это для логики не важно), перестановка же сказуемаго и подлежащаго посылки оказывается лишь *неумышленнымъ слѣдствіемъ*, а вовсе не сущностью этого переживанія.

Всѣ правила обращенія легко найти, если, высказавъ какое-нибудь сужденіе (только не единичное, сравн. стр. 154), напр.: „металлы—простыя тѣла“, или—„S есть P“, мѣнять его качество и количество, такъ что получится четыре формы того же самаго сужденія: A, E, I, O (о значеніи этихъ буквъ см. стр. 73), и пробовать, можно ли при взятой нами формѣ этого сужденія правильно заключить что-нибудь изъ него одного (т.-е. безъ всякой добавочной посылки) объ его *сказуемомъ* или нѣтъ, и что̀ именно. При этомъ не важно, будетъ ли наше сужденіе истиннымъ или ложнымъ. Вѣдь насъ интересуетъ въ немъ только одно: принуждаетъ ли оно соглашаться съ какимъ-либо выводомъ объ его сказуемомъ. Этимъ путемъ мы убѣждаемся, что обращеніе подчинено двумъ слѣдующимъ правиламъ:

1) *Изъ частно-отрицательнаго сужденія путемъ обращенія нельзя сдѣлать никакого правильнаго заключенія.* Напр.: изъ одного лишь того, что „нѣкоторые металлы не принадлежатъ къ простымъ тѣламъ“, нельзя ровно ничего заключить о простыхъ тѣлахъ; ибо, пока нѣтъ никакой добавочной посылки, остается одинаково возможнымъ и то, чтобы нѣкоторыя изъ простыхъ тѣлъ оказались металлами, и то, чтобы ни одно изъ нихъ не было металломъ. Или схематически: изъ того, что „нѣкоторыя S не составляютъ P“, еще нельзя ровно ничего заключить относительно P.

2) *При обращеніи общій правильный выводъ получается только изъ общеотрицательной посылки.* Напр.: „ни одинъ металлъ не составляетъ простого тѣла; слѣд., ни одно простое тѣло не есть металлъ“. Даже изъ общей утвердительной посылки и то правильный выводъ можетъ быть только частнымъ. Напр.: „всѣ металлы простыя тѣла; слѣд., хоть нѣкоторыя простыя тѣла суть металлы“. Но нельзя такъ заключать: „всѣ металлы простыя тѣла; слѣд., всѣ простыя тѣла металлы“. Или: изъ того, что „всякое S есть P“, нельзя заключать, что „всякое P есть S“.

Иногда думаютъ, будто бы изъ второго правила обращенія встрѣчаются исключенія, именно—будто бы изъ сужденій, служащихъ *правильными* опредѣленіями, и изъ общихъ сужденій о равенствѣ и сходствѣ, хотя они

и утвердительныя, все-таки, посредствомъ обращенія получается общій выводъ. Напр.: если „всякій квадратъ есть прямоугольникъ, имѣющій равныя стороны“, то и наоборотъ—„всякій такой прямоугольникъ есть квадратъ“. Но здѣсь передъ нами энтимема. Въ самомъ дѣлѣ: если бы мы не знали и не *подразумѣвали*, что сужденіе „всякій квадратъ есть прямоугольникъ, имѣющій равныя стороны“, есть *правильное* опредѣленіе, то, конечно, мы считали бы себя въ правѣ вывесть изъ данной посылки только то, что „нѣкоторые прямоугольники, имѣющіе равныя стороны, суть квадраты“. Столь же кажущееся исключеніе составляетъ и такой выводъ: „A всегда равно B; слѣд., B всегда равно A“. Здѣсь вовсе нѣтъ обращенія; ибо при обращеніи въ составъ подлежащаго вывода вошли бы *оба* слова, служащихъ сказуемымъ посылки, т.-е. „равно B“ (или „то, что̀ равно B“), а не одно лишь „B“, и выводъ гласилъ бы: „то, что̀ равно B, иногда есть A“. Здѣсь такая энтимема, въ которой выводъ вытекаетъ изъ данной посылки, взятой не отдѣльно, а вмѣстѣ съ подразумѣваемымъ сужденіемъ, говорящимъ, что равенство всегда бываетъ взаимнымъ, т.-е. если одна величина равна другой, то и эта другая также равна первой. Наконецъ, ошибочно считать обращеніемъ и заключенія объ обратномъ сходствѣ, въ родѣ такого: „всѣ собаки похожи на волковъ; слѣд., всѣ волки похожи на собакъ“. Будь здѣсь обращеніе, то въ выводѣ на мѣсто подлежащаго стало бы *все* сказуемое, и онъ былъ бы такимъ: „кое-что похожее на волковъ суть собаки“, т.-е. частнымъ. Выводъ же, что всѣ волки похожи на собакъ, получается опосредствованнымъ путемъ, именно—изъ соединенія данной намъ посылки съ подразумѣваемой другой, говорящей, что всякое сходство бываетъ взаимнымъ.

Но почему по поводу всѣхъ этихъ примѣровъ возникаетъ ошибочное мнѣніе, будто мы въ нихъ имѣемъ дѣло съ обращеніемъ? Оно обусловлено тѣмъ, что, смѣшивая логическую точку зрѣнія съ психологической, начинаютъ говорить о самомъ душевномъ переживаніи, происходящемъ при обращеніи. И, невольно логизируя такое переживаніе, т.-е. невольно подгоняя его подъ схему обращенія, ошибочно считаютъ сущностью послѣдняго умышленную, чисто механическую, *перестановку* подлежащаго и сказуемаго посылки. Поэтому начинаютъ думать, будто бы всюду, гдѣ только встрѣтится что-либо похожее на такую перестановку, тамъ передъ нами и обращеніе. На самомъ же дѣлѣ оно передъ нами только въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ для принужденія къ согласію съ выводомъ о сказуемомъ посылки не надо никакого другого сужденія, кромѣ прямого; и сущностью переживанія, происходящаго при обращеніи, никоимъ образомъ нельзя считать чисто механическую перестановку подлежащаго и сказуемаго (сравн. стр. 156).

Ошибки при обращеніи называются неправильнымъ обращеніемъ. Онѣ *могутъ* состоять въ нарушеніи одного изъ указанныхъ правилъ *любымъ* способомъ, *но на дѣлѣ встрѣчаются лишь въ двухъ видахъ:* а) *въ видѣ вывода изъ частноотрицательной посылки.* Напр., „металлы не всегда бываютъ жидкостями, потому что нѣкоторыя жидкости вовсе не ме-

таллы". Или же: b) *въ видѣ общаго вывода изъ общеутвердительной посылки.* Напр.: „разумныя животныя только люди, потому что вѣдь всякій человѣкъ — разумное животное". Другіе же виды нарушенія правилъ обращенія столь грубы и такъ сильно кидаются въ глаза, что никогда не встрѣчаются на дѣлѣ. Кто же, напр., способенъ такъ разсуждать (т.-е. такъ нарушать второе правило): „нѣкоторыя птицы—хищники; слѣд., всѣ хищники—птицы"?

Послѣднее замѣчаніе, хотя и по поводу обращенія, но имѣющее значеніе для всѣхъ умозаключеній. Мы сейчасъ брали примѣры, подтверждающіе наши слова, и въ конкретной, и въ схематической формѣ. Мы и впредь не будемъ пренебрегать конкретными примѣрами, потому что большинству неизмѣримо легче наблюдать съ ихъ помощью логическія связи посылокъ съ выводами. Но въ нихъ есть слѣдующій крупный недостатокъ: если мы заранѣе знаемъ, что выводъ вѣренъ по своему содержанію (а почти всегда такъ и бываетъ), то хотя бы въ дѣйствительности онъ и не вытекалъ изъ посылокъ, къ которымъ его *произвольно* присоединили, все-таки, онъ часто кажется правильно выведеннымъ изъ нихъ. Напр., многимъ кажется вполнѣ правильнымъ такое умозаключеніе: „цвѣтъ не существуетъ самъ по себѣ, безъ другого предмета; слѣд., все цвѣтное имѣетъ цвѣтъ". Въ дѣйствительности же здѣсь выводъ вовсе не вытекаетъ изъ посылки, да и не можетъ вытекать изъ нея, потому что въ ней вовсе не упоминается о цвѣтномъ, т.-е. о цвѣтныхъ предметахъ. Но этотъ выводъ очевиденъ самъ собой, независимо отъ какой бы то ни было посылки (ибо онъ—аналитическое сужденіе), и поэтому данное умозаключеніе кажется правильнымъ. Въ схематическихъ же примѣрахъ нѣтъ такого недостатка. Поэтому ими тоже непремѣнно надо пользоваться при изученіи умозаключеній; и *надо считать только такія положенія объ умозаключеніяхъ безспорными, которыя подтверждаются не одними лишь конкретными примѣрами, а также и схематическими. Въ виду этого необходимо всякому, желающему изучать философію, развить въ себѣ умѣнье разсматривать умозаключенія даже безъ всякой помощи конкретныхъ примѣровъ, обходясь одними лишь схематическими*; ибо только при этихъ условіяхъ онъ въ состояніи вполнѣ правильно подмѣтить все, что̀ касается логическихъ связей посылокъ съ выводами. Заниматься же философіей, какъ мы уже говорили (выше на стр. 37), не стоитъ, если еще не пріобрѣтено вполнѣ ясное и отчетливое пониманіе всѣхъ правилъ логики. Да и не способенъ тотъ человѣкъ къ философскому мышленію, который вовсе не въ силахъ разсматривать связи мыслей между собой независимо отъ частныхъ особенностей, какія онѣ пріобрѣтаютъ въ конкретныхъ примѣрахъ. Если ему и кажется, будто бы онъ понимаетъ на конкретныхъ примѣрахъ то, что̀ онъ, по его же собственному убѣжденію, не въ силахъ понять на схематическихъ, то это простой самообманъ: онъ и на конкретныхъ примѣрахъ не понимаетъ самого разсматриваемаго предмета, но на нихъ онъ легче понимаетъ и легче усваиваетъ однѣ лишь чужія мысли объ этомъ предметѣ. Не даромъ говорится, что для изученія фило-

софіи нужно развитіе способности къ абстрактному мышленію. И не даромъ еще Платонъ требовалъ, чтобы раньше изученія философіи овладѣли математикой: ея изученіе развиваетъ въ насъ необходимые для философіи навыки мышленія.

Превращеніемъ (obversio) *называется непосредственное умозаключеніе о томъ, какъ относится къ подлежащему посылки понятіе, противорѣчащее ея сказуемому.* Напр., „всѣ металлы—простыя тѣла; слѣд., ни одинъ металлъ не есть то, что̀ не составляетъ простого тѣла“. Или схематически: „всѣ (или нѣкоторыя) S суть P; слѣд., никакія (или нѣкоторыя) S не суть *поп-P*“; „никакія (или нѣкоторыя) S не суть P; слѣд., всѣ (или нѣкоторыя) S суть *поп-P*“. Такимъ образомъ, сказуемое посылки оказывается въ выводѣ *превратившимся* въ понятіе, *противорѣчащее* прежнему сказуемому, при чемъ, конечно, вмѣстѣ съ тѣмъ и качество посылки тоже оказывается *превратившимся* въ противоположное (утвердительное въ отрицательное и наоборотъ), а подлежащее и количество посылки остаются въ выводѣ безъ перемѣны. *Таковы правила превращенія.* Опредѣляя его, разумѣется, надо пояснить, что̀ такое упомянутыя нами *противорѣчащія* понятія; и это тѣмъ необходимѣе, что ихъ часто смѣшиваютъ съ противоположными [1]).

Противорѣчащими условимся называть только два такихъ понятія, у которыхъ содержаніемъ одного служитъ всего лишь отрицаніе содержанія другого, т.-е. отрицаніе, несопровождаемое указаніемъ никакого новаго положительнаго признака, какъ, напр.: бѣлый и небѣлый, полезный и безполезный, вредность и безвредность, простое тѣло и то, что̀ не составляетъ простого тѣла, P и *поп-P* и т. п. Содержаніемъ понятія „небѣлый“ служитъ только отрицаніе „бѣлаго“ безъ всякаго указанія какого-либо новаго положительнаго признака. Въ *обыденной жизни* слову „противорѣчащій“, къ чему бы его ни примѣняли, къ сужденіямъ ли, къ понятіямъ ли, не придаютъ строго опредѣленнаго значенія; поэтому въ ней *противорѣчащими понятіями называютъ и такія, которыя служатъ ограниченіями того же самаго понятія двумя противорѣчащими,* какъ напр., „простое тѣло“ и „непростое тѣло“, „бѣлый цвѣтъ“ и „небѣлый цвѣтъ“ и т. п. Но для логики столь широкое употребленіе слова „противорѣчащій“ неудобно, и мы условимся сейчасъ указанныя понятія не называть противорѣчащими. Вѣдь въ противномъ случаѣ, въ виду только-что упомянутыхъ правилъ превращенія, придется считать правильнымъ и такое явно ошибочное умозаключеніе: „душа не есть бѣлый предметъ, слѣд., душа есть небѣлый предметъ“; ибо здѣсь сказуемое посылки тоже превратилось въ понятіе „противорѣчащее“ ему (въ житейскомъ смыслѣ слова).

Съ противорѣчащими понятіями часто смѣшиваютъ противоположныя. Но между ними большая разница. Конечно, очень трудно *опредѣлить*, что̀ называютъ противоположными понятіями; но для логики въ этомъ и нѣтъ

[1]) Тѣ русскіе авторы, которые называютъ conversio превращеніемъ, obversio именуютъ обращеніемъ.

надобности; ибо легко указать, чѣмъ они *отличаются* отъ противорѣчащихъ. У нихъ есть два отличія: 1) хотя и здѣсь содержаніемъ одного служитъ тоже отрицаніе содержанія другого, но *въ противоположныхъ понятіяхъ мы имѣемъ дѣло не съ простымъ лишь отрицаніемъ, а съ такимъ, которое сопровождается указаніемъ какого-либо новаго положительнаго признака взамѣнъ отрицаемаго.* Напр.: „богатый и бѣдный", „полезный и вредный", „бѣлый и черный" и т. п. 2) *Между содержаніями противорѣчащихъ понятій нѣтъ никакихъ переходныхъ ступеней.* Напр.: между бѣлымъ и небѣлымъ, полезнымъ и безполезнымъ нѣтъ ничего переходнаго. *А между содержаніями противоположныхъ понятій существуютъ переходныя ступени;* напр., между бѣлымъ и чернымъ есть сѣрый, между полезнымъ и вреднымъ то, что и безполезно и безвредно, и т. д.

Теперь вполнѣ понятно, что такое превращеніе. И врядъ ли кто усомнится, что въ чистомъ, незамаскированномъ видѣ, оно на дѣлѣ, т.-е. въ составѣ доказательствъ, никогда не употребляется. Но если бы оно и употреблялось въ чистомъ видѣ, то, очевидно, это умозаключеніе такъ просто, что *единственная ошибка, которую можно было бы въ немъ встрѣтить на дѣлѣ, сводилась бы къ смѣшенію противоположнаго понятія съ противорѣчащимъ*, такъ что получались бы умозаключенія въ родѣ слѣдующаго: „австралійскіе лебеди не принадлежатъ къ бѣлымъ, слѣд., они черные". Здѣсь съ понятіями „чернаго" и „бѣлаго", которыя всего только противоположны одно другому, мы обращаемся такъ, какъ если бы они были противорѣчащими другъ другу, т.-е. смѣшиваемъ противоположныя понятія съ противорѣчащими. Вѣдь правильный выводъ былъ бы такой: „эти лебеди принадлежатъ къ небѣлымъ".

Повидимому, изъ правилъ превращенія встрѣчаются исключенія, состоящія въ томъ, что сказуемое данной посылки въ выводѣ превращается не въ противорѣчащее понятіе, но въ такое, которое вмѣстѣ съ этимъ сказуемымъ служитъ ограниченіемъ одного и того же понятія двумя противорѣчащими, а превращеніе, все-таки, выходитъ правильнымъ. Напр., „всѣ металлы простыя тѣла; слѣд., ни одинъ металлъ не есть непростое тѣло". Въ этомъ примѣрѣ мы имѣемъ дѣло съ правильнымъ умозаключеніемъ. Но въ немъ сказуемое посылки, т.-е. „простыя тѣла" превратилось въ выводѣ въ „непростыя тѣла". А это вовсе не противорѣчащія понятія, но такія, которыя служатъ ограниченіями одного и того же понятія, именно—понятія тѣла, двумя противорѣчащими, именно — понятіями „простого" и „непростого". Чѣмъ же объяснить такія исключенія? Тѣмъ, что здѣсь передъ нами вовсе не превращеніе, но энтимема, т.-е. силлогизмъ, при чемъ одной изъ его посылокъ служитъ сужденіе „всѣ металлы простыя тѣла", а другой аналитическое сужденіе о простыхъ тѣлахъ, говорящее: „ни одно простое тѣло не составляетъ непростого тѣла". Изъ этихъ-то двухъ посылокъ и получается вышеупомянутый выводъ, говорящій: „ни одинъ металлъ не составляетъ непростыхъ тѣлъ".

Мы упомянули на стр. 155, что многіе ученые считаютъ превращеніе

всего лишь кажущимся умозаключеніемъ. И это — потому, что оно, *повидимому*, ничѣмъ не отличается отъ чисто-словеснаго преобразованія того сужденія, которое кажется посылкой. Въ самомъ дѣлѣ: не все ли равно, когда я говорю „S есть P“ или „S не есть *non-P*“? Или въ конкретной формѣ: развѣ сказать „металлы простыя тѣла“ не то же самое, что сказать „металлы не принадлежатъ къ тому, что̀ не составляетъ простыхъ тѣлъ“? Повидимому, и тамъ и здѣсь я имѣю дѣло съ *одной и той же* мыслью, только высказанной разными словами. Но принадлежитъ ли превращеніе къ подлиннымъ умозаключеніямъ или нѣтъ, это такая тонкость, на которую не стоитъ тратить много времени.

Противопоставленіемъ сказуемому (oppositio или contrapositio praedicati) *называется умозаключеніе, состоящее изъ соединенія превращенія съ обращеніемъ, т.-е. умозаключеніе, выводъ котораго оказывается такимъ, какъ если бы мы изъ данной посылки сдѣлали выводъ путемъ превращенія, а послѣ того изъ полученнаго вывода сдѣлали новый выводъ путемъ обращенія* [1]). Напр.: „всѣ металлы—простыя тѣла; слѣд., все, что̀ не составляетъ простого тѣла, не есть металлъ“. Или: „всѣ S суть P, слѣд., никакое *non-P* не есть S“. Здѣсь выводъ такой, какъ если бы мы сперва вывели изъ нашей посылки путемъ превращенія: „ни одно S не есть *non-P* (или „ни одинъ металлъ не есть то, что̀ не составляетъ простого тѣла“), а послѣ того сдѣлали бы отсюда новый выводъ путемъ обращенія.

Мы сейчасъ употребили выраженіе „соединеніе умозаключеній“. И необходимо разъ навсегда запомнить, что *соединеніемъ двухъ или нѣсколькихъ умозаключеній въ логикѣ называются не только умозаключенія, которыя дѣйствительно переживаются одно вслѣдъ за другимъ, но наряду съ ними и тѣ умозаключенія, выводы которыхъ таковы, какъ если бы они были получены путемъ послѣдовательныхъ переживаній нѣсколькихъ умозаключеній, независимо отъ того, переживаются ли послѣднія въ дѣйствительности или нѣтъ*. Дѣло въ томъ, что логика изучаетъ только правильность или неправильность *готоваго* умозаключенія, *независимо* отъ того, какими душевными переживаніями возникъ его выводъ (см. стр. 10). Поэтому если она легче достигнетъ своихъ цѣлей, разсматривая какое-либо умозаключеніе, какъ состоящее изъ соединенія нѣсколькихъ другихъ, то она въ правѣ такъ поступать, хотя бы мы и не замѣчали дѣйствительнаго переживанія этихъ умозаключеній одно послѣ другого.

Вотъ почему логика считаетъ противопоставленіе сказуемому состоящимъ изъ соединенія превращенія съ обращеніемъ, *хотя мы вовсе не замѣчаемъ, чтобы нами здѣсь переживалось два умозаключенія вмѣсто одного:* она этимъ значительно облегчаетъ свою работу. Вѣдь при такомъ взглядѣ на противопоставленіе сказуемому нѣтъ надобности устанавливать для него свои

[1]) Нѣкоторые авторы называютъ это умозаключеніе тоже obversio, т.-е. превращеніемъ.

особыя правила, чтобы указать, какія *ошибки бываютъ въ этомъ умозаключеніи:* разумѣется, *тѣ же самыя, какъ и въ его составныхъ частяхъ, т.-е. смѣшеніе противоположнаго понятія съ противорѣчащимъ и неправильное обращеніе.* Поэтому при объясненіи ошибокъ, подмѣчаемыхъ въ этомъ умозаключеніи, надо только разлагать послѣднее на его составныя части. Напр., разсмотримъ слѣдующее ошибочное противопоставленіе сказуемому: „нѣкоторые геніальные люди не были полезны для общества; слѣд., между вредными для общества людьми оказывались иногда геніальные люди". Это умозаключеніе приведено въ одномъ изъ университетскихъ *учебниковъ логики*, именно— М. И. Владиславлева, какъ примѣръ *правильнаго* противопоставленія сказуемому; слѣд., содержащаяся въ немъ ошибка встрѣчается и на дѣлѣ. И здѣсь смѣшаны противоположныя понятія съ противорѣчащими, именно: съ понятіемъ „вредный" мы обращаемся какъ бы съ понятіемъ „безполезный". Правильный же выводъ изъ нашей посылки былъ бы таковъ: „между безполезными для общества людьми иногда оказывались и геніальные люди". Въ слѣдующемъ же ошибочномъ противопоставленіи сказуемому: „никакой счастливый человѣкъ не завидуетъ другимъ; слѣд., всякій незавидующій другимъ— счастливый человѣкъ". допущено неправильное обращеніе. Именно: здѣсь нарушено то правило обращенія, по которому общій выводъ можетъ быть полученъ только изъ общеотрицательной посылки. Вѣдь изъ посылки разсматриваемаго умозаключенія путемъ превращенія получится общеутвердительный выводъ, говорящій: „всякій счастливый человѣкъ есть незавидующій другимъ". И путемъ обращенія отсюда можно получить только частный выводъ: „нѣкоторые незавидующіе другимъ суть счастливые люди", а не тотъ общій, который сдѣланъ въ разсматриваемомъ примѣрѣ.

Если же мы все-таки захотимъ для какихъ-либо цѣлей узнать правила противопоставленія сказуемому, то и ихъ легко вывесть, разсматривая его, какъ соединеніе превращенія съ обращеніемъ Мы пояснимъ это на томъ правилѣ, которое для насъ оказывается единственно важнымъ, именно — на правилѣ, говорящемъ, въ какомъ случаѣ здѣсь получается *общій* выводъ (сравн. выше стр. 147). Разумѣется, нельзя его ждать, какъ слѣдствія частной посылки. Но изъ какой же общей посылки получается онъ: изъ отрицательной, какъ при обращеніи, или же, въ отличіе отъ обращенія, изъ утвердительной? Оказывается, что *изъ общей утвердительной.* Напр., изъ того, что „всякое S есть P" слѣдуетъ, что „ни одно *поп-P* не есть S". Изъ отрицательной же общей посылки здѣсь получается только частный выводъ, именно: изъ того, что „ни одно S не есть P", вытекаетъ, что „нѣкоторыя *поп-P* суть S". И оба эти правила легко выводятся, если противопоставленіе сказуемому разложить на его составныя части. Въ самомъ дѣлѣ: изъ того, что „всякое S есть P", путемъ превращенія получается, что „ни оно S не есть *поп-P*". А отсюда путемъ обращенія получается: „ни одно *поп-P* не есть S". Далѣе: изъ того, что „ни одно S не есть P", путемъ превращенія получается „всякое S есть *поп-P*". А отсюда путемъ обращенія получается, что „нѣкоторыя *поп-P* суть S".

Ограниченіемъ третьяго понятія (determinatio tertii) *называется такое непосредственное умозаключеніе, въ выводѣ котораго подлежащимъ служитъ какое-нибудь новое, третье, понятіе, ограниченное чрезъ присоединеніе къ нему подлежащаго посылки, а сказуемымъ—то же самое третье понятіе, ограниченное чрезъ присоединеніе къ нему сказуемаго посылки.* Напр.: „собака — животное; слѣд., голова собаки есть голова животнаго". Здѣсь въ выводѣ появилось третье понятіе, именно — понятіе головы, ограниченное въ подлежащемъ вывода понятіемъ собаки, т.-е. подлежащимъ посылки, а въ сказуемомъ вывода понятіемъ животнаго, т.-е. сказуемымъ посылки. Сходнымъ образомъ стоитъ дѣло и въ слѣдующихъ примѣрахъ: театръ — удовольствіе; слѣд., увлеченіе театромъ есть увлеченіе удовольствіемъ; „вино—прихоть; слѣд., налогъ на вино есть налогъ на прихоть" и т. п. Это умозаключеніе столь просто, что при немъ никогда не встрѣчается на дѣлѣ никакихъ ошибокъ. Поэтому устанавливать для него особыя правила, кромѣ указанія, что здѣсь *общій выводъ, очевидно, можетъ быть полученъ не иначе, какъ изъ общей посылки,* будетъ безполезнымъ педантизмомъ: вѣдь каждое правило умозаключеній цѣнно не само по себѣ, но только, какъ средство для какихъ-нибудь дальнѣйшихъ соображеній и, прежде всего, для систематическаго перечня и описанія состава тѣхъ ошибокъ, которыя встрѣчаются на дѣлѣ (ср. выше, стр. 146).

Большинство авторовъ сочиненій по логикѣ (но не всѣ) пропускаютъ это умозаключеніе въ перечнѣ непосредственныхъ, давая этимъ знать, что они считаютъ его кажущимся; ибо нѣтъ никакой возможности разсматривать его, какъ соединеніе (въ принятомъ логикой значеніи этого слова, см. стр. 161) другихъ, непропускаемыхъ этими авторами, умозаключеній, хотя бы для этой цѣли употреблялись, между прочимъ, и силлогизмы. Но его принадлежность къ подлиннымъ еще замѣтнѣе, чѣмъ даже въ обращеніи, котораго, однако, никогда не пропускаютъ.

Повидимому, кромѣ разсмотрѣнныхъ непосредственныхъ умозаключеній есть еще одно, которое можно такъ назвать: *„ограниченіе третьимъ понятіемъ"*. Напр: „металлы—простыя тѣла; слѣд., красные металлы—красныя простыя тѣла". Отличіемъ этого умозаключенія отъ только-что описаннаго служитъ то, что въ немъ выводъ образуется не чрезъ ограниченіе *третьяго понятія* подлежащимъ и сказуемымъ посылки, какъ это было въ предшествующемъ умозаключеніи, но, наоборотъ, чрезъ ограниченіе подлежащаго и сказуемаго посылки *третьимъ понятіемъ*, какъ это ясно изъ сравненія только-что приведеннаго примѣра съ предшествующими. Ограниченіе третьимъ понятіемъ, дѣйствительно, нерѣдко употребляется на дѣлѣ, какъ составная часть доказательства, только оно образуетъ не непосредственное умозаключеніе, но слѣдующее соединеніе силлогизма съ кажущимся умозаключеніемъ, точнѣе—съ явнымъ суммированіемъ двухъ сужденій. Именно: здѣсь такой силлогизмъ — „красные металлы суть металлы (это ясно изъ самаго понятія „краснаго металла"); а металлы простыя тѣла (какъ сказано въ данной посылкѣ); слѣд., красные металлы—простыя тѣла". Кажущееся же

умозаключеніе здѣсь такое: „красные металлы—простыя тѣла (какъ было сейчасъ выведено); красные металлы — красны (какъ это ясно изъ понятія „краснаго металла“); слѣд., красные металлы суть простыя тѣла и красны; т.-е. они суть красныя простыя тѣла“.

Такимъ образомъ логика имѣетъ полное право утверждать, что *на дѣлѣ, т.-е. какъ составныя части доказательствъ, употребляются только три непосредственныхъ умозаключенія: обращеніе, противопоставленіе сказуемому и ограниченіе третьяго понятія.* Вѣдь превращеніе само по себѣ, безъ того соединенія съ обращеніемъ, которое составляетъ противопоставленіе сказуемому, не употребляется. *Всѣ же остальныя умозаключенія сводятся только къ силлогизмамъ и къ разнообразнымъ соединеніямъ силлогизмовъ, какъ между собой, такъ съ кажущимися и непосредственными умозаключеніями.*

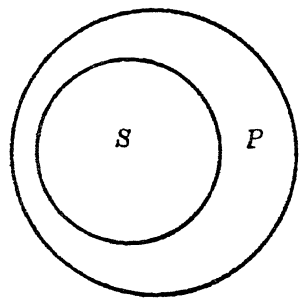
5. Круговыя схемы непосредственныхъ умозаключеній. Въ видѣ средства, помогающаго быстрѣе подмѣтить и понять правила умозаключеній, часто употребляются круговыя схемы. Прежде чѣмъ объяснять ихъ, необходимо предупредить, чтобы умѣнья употреблять эти схемы отнюдь не считали знаніемъ самого логическаго ученія объ умозаключеніяхъ, какъ это ошибочно думаютъ не только нѣкоторые учащіеся, а даже иной разъ и преподаватели логики. Круговыя схемы—всего лишь вспомогательное средство, и его надо тотчасъ же отбросить, какъ только мы достигнемъ цѣли, для достиженія которой оно назначено. Поэтому, если кто въ состояніи сразу подмѣтить и понять правила умозаключеній безъ помощи круговыхъ схемъ, то ему и незачѣмъ пользоваться этимъ средствомъ. А тѣ, кому трудно обойтись безъ его употребленія, должны всячески стараться усилить въ себѣ способность разсматривать всѣ логическія связи и прямо, безъ помощи круговыхъ схемъ. (Путь, быстро ведущій къ достиженію этой цѣли, состоитъ въ разборѣ возможно большаго числа примѣровъ правильныхъ и неправильныхъ умозаключеній). Вѣдь *предметомъ, изучаемымъ логикой въ умозаключеніяхъ, служатъ сами логическія связи, а не тѣ пространственныя отношенія, которымъ онѣ всего только уподобляются въ круговыхъ схемахъ.*

Для построенія круговыхъ схемъ сужденій условливаются въ слѣдующемъ: изображать объемъ каждаго понятія, напр., понятія человѣка, кругомъ и считать всѣ предметы, подходящіе подъ изображенное этимъ кругомъ понятіе, напр., людей, находящимися внутри этого круга, а все лежащее внѣ этого круга считается предметами, подходящими подъ понятіе, противорѣчащее изображенному кругомъ, напр., подъ понятіе того, что не люди.

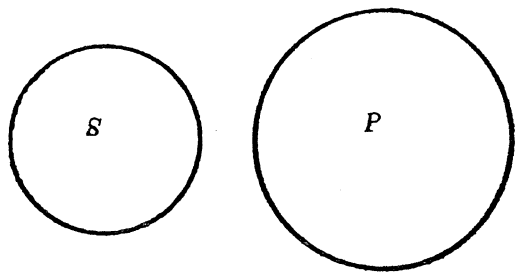
При такомъ условіи общеутвердительное сужденіе „всякое S есть P“, напр., „всякій металлъ — простое тѣло“ можно изобразить такими двумя кругами, чтобы кругъ, изображающій подлежащее S (металлъ), помѣщался весь цѣликомъ внутри круга, изображающаго сказумое P (простое тѣло). *При этомъ обязательно подразумѣвается, что намъ неизвѣстно, какъ*

велика часть круга P, занятая кругомъ S. Такимъ образомъ, получается начерченная здѣсь схема общеутвердительнаго сужденія.

Разсматривая ее, мы наглядно, какъ бы глазами, убѣждаемся, что изъ общеутвердительной посылки: „всякое *S* есть *P*“ („всѣ металлы—простыя тѣла“) позволительно относительно *P* (простыхъ тѣлъ), т.-е. путемъ обращенія, заключить только, что *хоть нѣкоторыя P* суть *S* („хоть нѣкоторыя простыя тѣла суть металлы“), но еще у насъ нѣтъ права заключать, что всякое *P* есть *S* (что всякое простое тѣло есть металлъ); ибо еще неизвѣстно, какъ велика часть круга *P*, занятая кругомъ *S*, совпадаетъ ли послѣдній со всѣмъ кругомъ *P* или нѣтъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы наглядно убѣждаемся, что изъ этой же самой посылки относительно *non-P*, т.-е. путемъ противопоставленія сказуемому, мы въ правѣ заключить, что ни одно *non-P* не есть *S* („все, что̀ не есть простое тѣло, не есть металлъ“); ибо все, лежащее внѣ круга *P* (т.-е. всякое *non-P*), окажется лежащимъ и внѣ круга *S*.



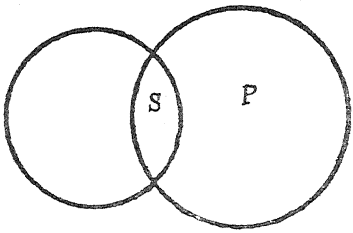
Общеотрицательное сужденіе при вышеуказанномъ условіи можетъ быть изображено двумя такими кругами, чтобы кругъ, изображающій подлежащее, цѣликомъ помѣщался внѣ круга, изображающаго сказуемое. И получается схема, которая наглядно показываетъ, что изъ общеотрицательной посылки: „ни одно *S* не есть *P*“, относительно *P*, т.-е. посредствомъ обращенія, мы въ правѣ заключить, что ни одно *P* не есть *S*; относительно же *non-P*, т.-е. путемъ противопоставленія сказуемому, позволительно заключить только то, что *хоть нѣкоторыя non-P* суть *S*, но нельзя сказать, чтобы *всякое non-P* было *S*, потому что *S* занимаетъ нѣкоторую часть *non-P*.



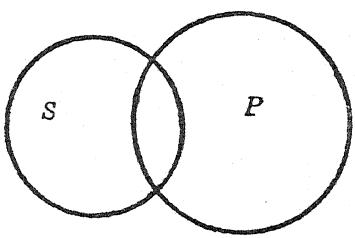
Частноутвердительное сужденіе изображается такъ, чтобы кругъ *S*, изображающій подлежащее, помѣщался только нѣкоторой своей частью, а не весь цѣликомъ, внутри круга *P*, изображающаго сказуемое. *При этомъ подразумѣвается, что про ту часть круга S, которая лежитъ внѣ круга P, намъ неизвѣстно, существуетъ ли она на дѣлѣ*: вѣдь частное сужденіе, говоря о нѣкоторой части объема подлежащаго, еще ровно ничего не говоритъ о другой части. Поэтому и буква *S*, обозначающая подлежащее, ставится внутри круга *P*.

Эта схема наглядно показываетъ, что изъ частноутвердительной по-

сылки „нѣкоторыя S суть P^{a} объ ея сказуемомъ P, т.-е. путемъ обращенія, можно сдѣлать правильное заключеніе, именно—что хоть нѣкоторыя P суть S. Но изъ этой же самой посылки относительно *non-P*, т.-е. путемъ противопоставленія сказуемому, нельзя сдѣлать никакого заключенія; ибо неизвѣстно, существуютъ ли на дѣлѣ такія S, которыя лежали бы внѣ круга P. Поэтому остается одинаково возможнымъ и то, что ни одно *non-P* не составляетъ S, и то, что нѣкоторыя *non-P* составляютъ S. Первое окажется въ томъ случаѣ, если нѣтъ такихъ S, которыя лежали бы внѣ круга P. Второе же—въ томъ случаѣ, если такія S существуютъ.



Частноотрицательное сужденіе изображается такъ, чтобы кругъ, изображающій подлежащее S, помѣщался нѣкоторой своей частью, но не весь цѣликомъ, внѣ круга P, изображающаго сказуемое. *При этомъ подразумѣвается, что про ту часть круга S, которая лежитъ внутри круга P, неизвѣстно, существуетъ ли она на дѣлѣ, или нѣтъ;* вѣдь частное сужденіе говоритъ лишь о нѣкоторой части подлежащаго, ровно ничего не говоря о другой. Поэтому и буква S ставится внѣ круга P. Этимъ только по наружному виду и отличаются другъ отъ друга схемы частноутвердительныхъ и частноотрицательныхъ сужденій.



Полученная схема наглядно показываетъ, что изъ посылки „нѣкоторыя S не суть P^{a} нельзя сдѣлать относительно P, т.-е. путемъ обращенія, никакого заключенія, потому что неизвѣстно, есть ли на дѣлѣ внутри круга I часть круга S, или же ея нѣтъ тамъ; слѣдовательно, остается одинаково возможнымъ и то, что нѣкоторая часть круга P совпадаетъ съ S, т.-е. что хоть нѣкоторыя P суть S, и то, что ни одна часть круга P не совпадаетъ съ S, т.-е. ни одно P не есть S. Вмѣстѣ съ тѣмъ наша схема наглядно показываетъ, что изъ той же частноотрицательной посылки „нѣкоторыя S не суть P^{a} относительно *non-P*, т.-е. путемъ противопоставленія сказуемому, получается вполнѣ правильный выводъ, что хоть нѣкоторыя *non-P* суть S.

Изъ непосредственныхъ умозаключеній съ помощью круговыхъ схемъ объясняютъ только обращеніе и противопоставленіе сказуемому; другіе же виды непосредственныхъ умозаключеній такъ просты, что не требуютъ подобныхъ поясненій. Впрочемъ, тѣ же самыя схемы годятся и для нагляднаго объясненія правилъ превращенія. Въ самомъ дѣлѣ: изъ первой схемы вполнѣ ясно, что сужденіе „всякое S есть P^{a} превращается въ „ни одно S не есть *non-*P^{a}, пот. что *весь* кругъ S лежитъ внѣ той части чертежа,

которая обозначаетъ *non-P*; ибо этой частью служитъ только то, что находится внѣ круга *P*. Съ помощью подобныхъ соображеній, примѣняемыхъ къ остальнымъ схемамъ, легко узнать, во что превращаются сужденія съ другими формами, чѣмъ общеутвердительная.

ГЛАВА X.

Силлогизмы, какъ наиважнѣйшая часть доказательствъ.

---

1. Простые категорическіе силлогизмы и ихъ составныя части. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію силлогизмовъ. Они могутъ быть простыми и сложными: въ простыхъ къ согласію съ выводомъ насъ принуждаютъ двѣ посылки, а въ сложныхъ не менѣе трехъ.

Простые силлогизмы, въ свою очередь, могутъ быть трехъ родовъ: 1) *категорическіе*, съ которыхъ мы и начнемъ свое дѣло, и въ которыхъ обѣ посылки суть сужденія категорическія, напр.: „*S* есть *M*, а всякое *M* есть *P*; слѣд., *S* есть *P*“. 2) *Раздѣлительные*, въ которыхъ одна изъ посылокъ есть сужденіе раздѣлительное, а другая можетъ быть какой угодно—и категорической, и условной, и раздѣлительной, напр.: „*A* есть или *B*, или *C*; но *A* не есть *B*; слѣд., *A* есть *C*“. 3) *Условные*, въ которыхъ одна изъ посылокъ есть сужденіе условное, а другая—или категорическое, или условное, только не раздѣлительное; напр.: „если *A* есть *B*, то *C* есть *D*; но *A* есть *B*; слѣд., и *C* есть *D*“.

Какъ сейчасъ сказано, мы сначала разсмотримъ простые категорическіе силлогизмы. Въ нихъ три сужденія: два служатъ посылками, а третье выводомъ. Поэтому въ нихъ должно быть *не меньше трехъ понятій;* ибо изъ двухъ понятій нельзя составить три такихъ сужденія, чтобы одно изъ нихъ вытекало изъ двухъ другихъ, взятыхъ вмѣстѣ. Но легко убѣдиться, что *въ правильномъ категорическомъ силлогизмѣ можетъ быть не больше трехъ понятій, при чемъ одно изъ нихъ должно быть общимъ для обѣихъ посылокъ, т.-е. повторяться въ каждой изъ нихъ.* Напр.: въ силлогизмѣ „ртуть—жидкость, а всѣ жидкости упруги; слѣд., и ртуть упруга“, только три понятія, изъ которыхъ одно (понятіе жидкости) служитъ общимъ для обѣихъ посылокъ, т.-е. повторяется въ каждой изъ нихъ.

Сперва удостовѣримся, что одно изъ понятій, входящихъ въ составъ посылокъ простого категорическаго силлогизма, должно быть общимъ для обѣихъ посылокъ. Въ самомъ дѣлѣ: если мы возьмемъ два такихъ сужденія, у которыхъ нѣтъ общаго для нихъ понятія, то сразу замѣтимъ, что изъ ихъ соединенія вмѣстѣ нельзя сдѣлать ровно никакого вывода. Напр., нельзя сдѣлать никакого вывода изъ соединенія вмѣстѣ двухъ слѣдующихъ

сужденій: „ртуть жидкость“ и „киты млекопитающія“. И это потому, что между такими сужденіями нѣтъ никакой связи. Въ тѣхъ же сужденіяхъ, у которыхъ одно понятіе оказывается общимъ, оно иногда можетъ служить такимъ связующимъ звеномъ между посылками, которое позволитъ сдѣлать правильный выводъ изъ соединенія такихъ посылокъ.

Теперь уже легко убѣдиться, что въ силлогизмѣ не можетъ быть четырехъ, т.-е. больше трехъ, понятій. Сперва удостовѣримся, что не можетъ быть четырехъ понятій въ посылкахъ. Въ самомъ дѣлѣ: если взять два такихъ сужденія, которыя состоятъ изъ четырехъ понятій, то у нихъ не окажется такого понятія, которое повторялось бы въ каждомъ изъ нихъ. Поэтому изъ такихъ сужденій нельзя сдѣлать никакого вывода. Напр., въ сужденіяхъ „кошки мяукаютъ“ и „собаки лаютъ“ четыре понятія, и вслѣдствіе этого здѣсь нѣтъ понятія, которое повторялось бы въ каждомъ изъ нихъ; а поэтому изъ нашихъ сужденій нельзя сдѣлать никакого вывода. Такимъ образомъ, въ посылкахъ правильнаго силлогизма можетъ быть только три, а не четыре, понятія.

Остается выводъ: не появится ли въ немъ четвертое понятіе? Но ясно, что нельзя изъ двухъ посылокъ дѣлать какія-либо заключенія о понятіяхъ, которыя не упоминаются въ этихъ посылкахъ, такъ что *выводъ можетъ состоять только изъ тѣхъ понятій, какія есть и въ посылкахъ*. Напр., изъ нашихъ посылокъ: „ртуть—жидкость; всѣ жидкости упруги“, очевидно, нельзя вывести ни того, что „ртуть—металлъ“, ни того, что „вода упруга“, ни того, что „водородъ—газъ“ и т. д., такъ что выводъ можетъ состоять только изъ понятій „ртути“ и „упругаго“, т.-е. изъ тѣхъ понятій, какія есть и въ посылкахъ. Такимъ образомъ, въ правильномъ простомъ категорическомъ силлогизмѣ негдѣ явиться четвертому понятію, ни въ посылкахъ, ни въ выводѣ, а можетъ быть всего-на-всего только три понятія.

Иногда, впрочемъ, кажется, будто бы есть и такіе простые категорическіе силлогизмы, въ которыхъ больше трехъ понятій, а они, все-таки, выходятъ правильными. Напр.: „ап. Павелъ повелѣваетъ почитать всѣ законныя власти; языческіе цари—законныя власти; слѣд., ап. Павелъ повелѣваетъ почитать языческихъ царей“. Повидимому, здѣсь пять понятій: апостолъ Павелъ, повелѣвать почитать всѣ законныя власти, языческіе цари, законная власть, повелѣвать почитать языческихъ царей. Въ дѣйствительности же и въ этомъ силлогизмѣ только три понятія, но въ немъ строй предложеній не соотвѣтствуетъ строю сужденій; наши же правила всегда относятся къ сужденіямъ, а не предложеніямъ, такъ что здѣсь нѣтъ никакого противорѣчія съ нашими словами. Вотъ каковъ этотъ силлогизмъ, если въ немъ сдѣлать предложенія соотвѣтствующими по своему строю сужденіямъ: „всѣ законныя власти принадлежатъ къ тому, что̀ повелѣваетъ почитать ап. Павелъ; языческіе цари—законныя власти; слѣд., языческіе цари принадлежатъ къ тому и т. д.“ И тогда видно, что здѣсь только три понятія.

Нѣсколько иначе объясняются тѣ кажущіяся исключенія изъ нашего правила, которыя встрѣчаются въ нѣкоторыхъ математическихъ выводахъ.

Напр., такой выводъ: „$A = B$; $B = C$; слѣд., $A = C$“, образуетъ правильный силлогизмъ. Но въ немъ, конечно, четыре понятія, именно: 1—„A“; 2—„то, что̀ равно B“; 3—„B“; 4—„то, что̀ равно C“. Вѣдь въ предложеніи: „A равно B“ слово „равно“ не составляетъ связки, но относится къ составу сказуемаго. Связка же („есть“) здѣсь лишь подразумѣвается, такъ что въ полномъ видѣ это предложеніе было бы такъ высказано: „A есть то, что̀ равно B“. То же самое должно быть сказано и про два другихъ предложенія. Чѣмъ же въ такомъ случаѣ объяснить это исключеніе изъ нашего правила о числѣ понятій въ силлогизмахъ? Правило относится къ *категорическимъ* силлогизмамъ, а здѣсь передъ нами слѣдующій *условный* силлогизмъ, только высказанный въ видѣ энтимемы: „если двѣ величины порознь равны третьей, то онѣ равны и между собой; величины A и C равны порознь величинѣ B (что̀ и указано въ разсматриваемомъ примѣрѣ двумя высказанными посылками); слѣд., онѣ равны между собой“. Въ самомъ дѣлѣ: если бы мы считали ложной аксіому о равенствѣ между собой тѣхъ двухъ величинъ, которыя порознь равны третьей, такъ что не подразумѣвали бы ея во всѣхъ своихъ разсужденіяхъ, то посылки: „$A = B$“ и „$B = C$“, еще не могли бы принудить насъ соглашаться съ тѣмъ, что „$A = C$“. Онѣ принуждаютъ къ этому не иначе, какъ съ помощью упомянутой аксіомы.

Въ простомъ категорическомъ силлогизмѣ то понятіе, которое входитъ въ обѣ посылки (въ нашемъ примѣрѣ—„жидкость“), носитъ названіе „*средняго термина* силлогизма“. Два же другихъ понятія, входящихъ въ составъ посылокъ (въ нашемъ примѣрѣ—„ртуть“ и „упругій“), тоже называются „терминами силлогизма“ и различаются по тому, представляютъ ли они подлежащее или сказуемое вывода, именно: то понятіе, которое служитъ сказуемымъ вывода („упругій“), называется „*бо̀льшимъ терминомъ* силлогизма“; то же, которое служитъ подлежащимъ вывода („ртуть“), называется „*меньшимъ терминомъ* силлогизма“. При этомъ надо имѣть въ виду, что „терминами силлогизма“ называются не только словесные знаки, обозначающіе понятія, которыя служатъ частями силлогизма, но и сами эти понятія. (Сравн. выше стр. 147).

Посылка, содержащая въ себѣ бо̀льшій терминъ („жидкости упруги“), называется „*большей посылкой*“, а содержащая меньшій терминъ („ртуть—жидкость“)—„*меньшей посылкой*“. И узнавать, гдѣ бо̀льшая посылка, а гдѣ меньшая, нужно слѣдующимъ путемъ: надо смотрѣть, что̀ служитъ подлежащимъ вывода; и та посылка, въ которую оно входитъ, есть меньшая посылка, а другая—бо̀льшая.

Чтобы можно было быстрѣе разсматривать простые категорическіе силлогизмы, высказывая посылки въ схематическомъ видѣ, принято средній терминъ обозначать черезъ M (отъ слова medius), большій — черезъ P (отъ слова praedicatum, т.-е. сказуемое вывода), а меньшій терминъ—буквой S (отъ слова subjectum, т.-е. подлежащее вывода). Сверхъ того, въ логикѣ условились писать сперва бо̀льшую посылку, потомъ меньшую, а на третьемъ

мѣстѣ выводъ; ибо такое условіе избавляетъ отъ необходимости каждый разъ отмѣчать, гдѣ бо́льшая посылка, гдѣ меньшая, гдѣ выводъ. Но такъ какъ на дѣлѣ посылки могутъ мыслиться и высказываться въ какомъ угодно порядкѣ, и даже чаще всего въ естественномъ ходѣ мыслей на первомъ мѣстѣ встрѣчается меньшая посылка, то никогда не слѣдуетъ, разсматривая встрѣчающіеся на дѣлѣ силлогизмы, считать большей посылкой непремѣнно первую, а меньшей вторую, какъ это иной разъ дѣлаютъ учащіеся.

Да что учащіеся? Имъ и Богъ проститъ, если при отсутствіи надлежащихъ указаній они привыкнутъ думать, будто бы бо́льшая посылка всегда бываетъ первой. Но не рѣдкость встрѣтить даже въ научной психологической литературѣ такую фразу: „логика напрасно учитъ, будто бы силлогизмъ всегда начинается съ большой посылки“. Не ясно ли, что это одно изъ нагляднѣйшихъ проявленій грубаго непониманія отличій логической точки зрѣнія отъ психологической? *Логика вовсе не учитъ ни о какомъ порядкѣ возникновенія и переживанія силлогизма.* Начинается ли оно съ большей или меньшей посылки, ей рѣшительно все равно, и этимъ она вовсе не интересуется. Это психологія обязана изучать законы, по которымъ переживаніе силлогизма при тѣхъ или другихъ условіяхъ принимаетъ тотъ или другой ходъ, хотя, къ сожалѣнію, она этого не дѣлаетъ и такимъ путемъ внушаетъ ложную мысль, будто бы все это уже излагается въ логикѣ. Логика же говоритъ только одно: *въ какомъ бы порядкѣ и почему бы ни происходило въ нашемъ сознаніи возникновеніе посылокъ и вывода, правильность послѣдняго, т.-е. его логическая связь съ посылками, зависитъ вовсе не отъ этого порядка, а только отъ того, какими окажутся по своему составу (матеріалу) и формѣ онъ самъ и посылки, къ которымъ онъ присоединенъ (передъ ними или послѣ нихъ, это все равно).* Поэтому, заключаетъ логика, при изученіи условій правильности силлогизма мы имѣемъ право располагать посылки и выводъ въ какомъ угодно порядкѣ. Но само собой разумѣется, что мы не въ правѣ условленный нами схематическій порядокъ расположенія частей силлогизма принимать за изображеніе порядка въ самомъ переживаніи силлогизма. И если подобное смѣшеніе переживанія силлогизма съ логической схемой послѣдняго составляетъ одно изъ обычныхъ явленій въ научной литературѣ, то вовсе неудивительно, что психологія умозаключеній совсѣмъ еще не существуетъ и составляетъ всего лишь задачу будущаго: думаютъ, будто бы она уже изложена въ логикѣ, и не строятъ ея. (Сравн. стр. 11).

2. Фигуры и модусы простого категорическаго силлогизма. *Различія простыхъ категорическихъ силлогизмовъ, зависящія отъ мѣста средняго термина въ каждой изъ посылокъ, называются фигурами категорическаго силлогизма.* И ясно, что могутъ быть только четыре слѣдующихъ фигуры, которыя въ логикѣ принято называть по ихъ нумерамъ:

Схемы фигуръ:

1-ая фигура. *Средній терминъ въ большей посылкѣ служитъ подлежащимъ, а въ меньшей сказуемымъ.* Напр.: „всѣ *жидкости* упруги: ртуть—*жидкость*; слѣд., ртуть упруга“.

Подл.	Сказ.
M	P
S	M
S	P

2-ая фигура. *Средній терминъ служитъ въ обѣихъ посылкахъ сказуемымъ.* Напр.: „рыбы не *дышатъ легкими*, киты *дышатъ легкими;* слѣд., киты не рыбы“.

Подл.	Сказ.
P	M
S	M
S	P

3-ья фигура. *Средній терминъ служитъ въ обѣихъ посылкахъ подлежащимъ.* Примѣръ: „нѣкоторые *обвиняемые въ сношеніи съ діаволомъ* не отрицаютъ своей виновности; а всѣ *обвиняемые въ сношеніи съ діаволомъ* мнимые преступники; слѣд., нѣкоторые мнимые преступники не отрицаютъ своей виновности“.

Подл.	Сказ.
M	P
M	S
S	P

4-ая фигура. *Термины расположены въ обратномъ порядкѣ сравнительно съ первой фигурой, т.-е. средній терминъ составляетъ сказуемое большей посылки и подлежащее меньшей.* Напр.: „всякая птица есть *животное, покрытое перьями:* никакое *покрытое перьями животное* не принадлежитъ къ четвероногимъ; слѣд., никакое четвероногое не принадлежитъ къ птицамъ“.

Подл.	Сказ.
P	M
M	S
S	P

Отличія силлогизмовъ одной и той же фигуры, зависящія отъ качества и количества посылокъ, называются модусами. Напр.: „ни одна жидкость не сохраняетъ своей формы; ртуть жидкость; слѣд., ртуть не сохраняетъ своей формы“ составляетъ силлогизмъ первой фигуры, но иного модуса, чѣмъ прежній примѣръ этой же фигуры (объ упругости ртути). Вѣдь прежде обѣ посылки были утвердительными, а теперь одна стала отрицательной. Точно также „рыбы не дышатъ легкими, а нѣкоторыя водяныя животныя дышатъ легкими; слѣд., нѣкоторыя водяныя животныя не рыбы“ образуетъ иной модусъ второй фигуры, чѣмъ прежде приведенный примѣръ этой фигуры (о китахъ). Вѣдь прежде меньшая посылка была общей, а здѣсь—частная.

Легко понять, что если ограничиться однимъ ариѳметическимъ разсчетомъ (не обращая вниманія на то, дѣйствительно ли посылки будутъ принуждать насъ къ какому-нибудь выводу или нѣтъ), то въ каждой фигурѣ вышло бы 16 различныхъ модусовъ. Въ самомъ дѣлѣ, каждая бо́льшая посылка можетъ существовать въ четырехъ формахъ: A, E, I, O. (Значеніе этихъ буквъ см. стр. 73 и срав. стр. 154). А при каждой формѣ большей посылки возможны четыре формы меньшей посылки (именно: A, E, I, O),

такъ что въ каждой фигурѣ будетъ 4-жды 4 = 16 модусовъ, а во всѣхъ четырехъ фигурахъ — 4-жды 16 = 64 модуса (а если считать и единичныя посылки, то вышло бы 144 модуса; но см. стр. 154). Но такія числа получаются оттого, что мы ограничиваемся чисто-ариѳметическимъ разсчетомъ. Въ дѣйствительности же не при всякихъ комбинаціяхъ различныхъ по качеству и количеству формъ категорическихъ посылокъ можно получить правильный выводъ; и если мы изо всѣхъ ариѳметически возможныхъ модусовъ выберемъ одни только правильные и составимъ такимъ путемъ таблицу правильныхъ модусовъ, то послѣднихъ окажется всего лишь 19, какъ это мы покажемъ въ § 7 этой главы. Теперь же обратимся къ выясненію правилъ простыхъ категорическихъ силлогизмовъ.

3. Основныя и производныя правила категорич. силлогизмовъ. Конечно, эти правила не трудно было бы подмѣтить съ помощью таблицы правильныхъ модусовъ, именно — подмѣчая, какими особенностями отличаются указанные въ ней модусы. Но этимъ путемъ, какъ мы покажемъ въ слѣдующей главѣ, мы найдемъ значительное число правилъ, цѣлыхъ 13. Уже по одному этому трудно было бы запомнить ихъ и примѣнять къ дѣлу, чтобы выслѣдить и объяснять тѣ ошибки, которыя встрѣчаются въ категорическихъ силлогизмахъ. Къ тому же, всѣ эти правила, кромѣ двухъ, таковы, что ихъ необходимость вовсе не очевидна, такъ что и запоминать-то ихъ приходится чисто механическимъ путемъ. Поэтому крайне желательно найти небольшое число такихъ правилъ категорическаго силлогизма, *необходимость которыхъ легко было бы понять, и которыя вмѣстѣ съ тѣмъ выходили бы основными, т.-е. такими, чтобы всѣ правила, подмѣчаемыя съ помощью таблицы правильныхъ модусовъ, были бы не чѣмъ инымъ, какъ слѣдствіями, вытекающими изъ этихъ правилъ.* Вѣдь, съ одной стороны, такія правила, какъ легко понимаемыя, уже нетрудно запомнить, а съ другой — *всякое нарушеніе правилъ, подмѣченныхъ съ помощью таблицы правильныхъ модусовъ, составитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и нарушеніе этихъ, т.-е. основныхъ, правилъ*: вѣдь первыя правила служатъ всего лишь слѣдствіями послѣднихъ. А при такихъ условіяхъ, конечно, можно выслѣдить и послѣ того объяснять любую ошибку въ категорическомъ силлогизмѣ съ помощью однихъ лишь этихъ, т.-е. основныхъ, правилъ, не обращая никакого вниманія на тѣ правила, которыя подмѣчаются въ таблицѣ правильныхъ модусовъ. И вотъ оказывается возможнымъ указать пять такихъ правилъ, которыя служатъ основными, и необходимость которыхъ легко понять, такъ что ихъ уже не трудно запомнить. Мы сейчасъ укажемъ эти пять правилъ; а въ слѣдующей главѣ мы докажемъ, что они, дѣйствительно, основныя, т.-е., что тѣ правила, которыя подмѣчаются съ помощью таблицы правильныхъ модусовъ, дѣйствительно всѣ до одного вытекаютъ изъ этихъ пяти.

4. О распредѣленности понятій въ сужденіи. Прежде чѣмъ указывать основныя правила категорическихъ силлогизмовъ, запомнимъ два названія, которыя приняты въ логикѣ, чтобы можно было короче выска-

зывать свои мысли. Именно: то понятіе, которое такъ входитъ въ составъ сужденія, что послѣднее навѣрняка относится ко всему объему этого понятія, называется *распредѣленнымъ въ данномъ сужденіи*. А то понятіе, которое такъ входитъ въ составъ сужденія, что послѣднее относится не ко всему объему этого понятія, а лишь къ нѣкоторой части его объема, называется *нераспредѣленнымъ въ данномъ сужденіи*. Поэтому и говорятъ, что *подлежащее въ общихъ сужденіяхъ распредѣлено, а въ частныхъ не распредѣлено*. Вѣдь общее сужденіе относится ко *всему* объему подлежащаго, а частное только къ *нѣкоторой* части объема подлежащаго. *Сказуемое же распредѣлено во всѣхъ отрицательныхъ сужденіяхъ и не распредѣлено въ утвердительныхъ*, каковы бы ни были тѣ и другія сужденія по своему количеству. Напр., оно распредѣлено въ каждомъ изъ двухъ слѣдующихъ отрицательныхъ сужденій, изъ которыхъ, однако, одно общее, а другое частное: „киты не рыбы“ и „нѣкоторыя водяныя животныя не рыбы“. Вѣдь здѣсь въ обоихъ случаяхъ отрицается принадлежность подлежащаго къ *какимъ бы то ни было* рыбамъ, т.-е. въ обоихъ случаяхъ сужденіе относится ко всему объему сказуемаго. Но даже въ общемъ утвердительномъ сужденіи, какъ напр.: „всѣ металлы проводники электричества“ сказуемое мыслится не во всемъ объемѣ, а лишь въ нѣкоторой его части. Вѣдь въ этомъ сужденіи отнюдь не мыслится, чтобы всѣ проводники электричества были металлами.

А чтобы убѣдиться, что въ сказуемомъ дѣло такъ стоитъ не только въ тѣхъ примѣрахъ, которые мы сейчасъ привели, но и во всѣхъ сужденіяхъ, обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство: *въ каждомъ утвердительномъ сужденіи нами невольно мыслится (и не вслѣдствіе нашихъ намѣреній, а само собой), что все подлежащее или же нѣкоторая часть его объема подходитъ подъ объемъ сказуемаго, т.-е. составляетъ какую-то, ближайшимъ образомъ неопредѣленную, часть объема сказуемаго, другими словами—такую часть, про величину которой намъ ближайшимъ образомъ ничего неизвѣстно*. Такъ, въ общеутвердительномъ сужденіи: „всѣ рыбы суть позвоночныя животныя“ высказывается, что совокупность всѣхъ предметовъ, которые мыслятся въ понятіи рыбы, подходитъ подъ объемъ понятія позвоночнаго животнаго, т.-е. составляетъ нѣкоторую часть рода предметовъ, называемыхъ позвоночными животными, а какъ велика она — неизвѣстно [1]). Въ частноутвердительномъ же сужденіи: „нѣкоторые металлы суть жидкости“ мыслится, что нѣкоторая часть объема понятія металла подходитъ подъ объемъ сказуемаго (жидкости), т.-е. составляетъ нѣкоторую часть его. Но иначе стоитъ дѣло *въ отрицательныхъ сужденіяхъ: въ нихъ все подлежащее или же нѣкоторая часть его объема всегда мыслятся*,

---

[1]) Вотъ здѣсь-то и коренится причина, почему подлежащее и сказуемое вывода получили названія меньшаго и большаго термина. Въ общеутвердительныхъ сужденіяхъ объемъ подлежащаго, очевидно, меньше объема сказуемаго. На нихъ-то и обратили главное вниманіе.

какъ совсѣмъ неподходящія подъ объемъ сказуемаго, т.-е. несовпадающія ни съ одной изъ его частей. Напримѣръ: въ общеотрицательномъ сужденіи: „ни одинъ китъ не есть рыба“ мыслится, что ни одна часть объема понятія кита не подходитъ *ни подъ одну* часть объема понятія рыбы. Въ частноотрицательномъ же сужденіи: „нѣкоторыя млекопитающія не суть сухопутныя животныя“ мыслится, что нѣкоторая часть объема понятія млекопитающихъ не подходитъ *ни подъ одну* часть объема понятія сухопутныхъ животныхъ. Вотъ оттого-то сказуемое не распредѣлено въ утвердительныхъ сужденіяхъ и распредѣлено въ отрицательныхъ.

5. Основныя правила категор. силлогизмовъ. Мы уже знакомы съ однимъ изъ основныхъ правилъ категорическаго силлогизма. Оно касается *числа*, слѣд.—*содержанія*, терминовъ и гласитъ, что *въ правильномъ силлогизмѣ можетъ быть только три термина, т. е., только три понятія, при чемъ одно изъ нихъ должно быть общимъ для обѣихъ посылокъ.* И мы уже видѣли на стр. 167, какъ легко понять необходимость этого правила.

Но, кромѣ него, *есть еще четыре основныхъ правила, изъ которыхъ два говорятъ о распредѣленности, слѣд.—объ объемѣ, терминовъ силлогизма, одно о качествѣ посылокъ и одно о качествѣ выводовъ.*

Два основныхъ правила, говорящихъ о распредѣленности терминовъ, таковы:

1) *Средній терминъ долженъ быть распредѣленъ хоть въ одной изъ посылокъ.* Допустимъ, что онъ ни разу не распредѣленъ въ посылкахъ; тогда легко убѣдиться, что въ такихъ посылкахъ не будетъ основанія ни для какого вывода. Въ самомъ дѣлѣ: если средній терминъ не распредѣленъ ни въ одной посылкѣ, то, значитъ, въ каждой изъ нихъ онъ мыслится не въ цѣломъ объемѣ, а только въ нѣкоторой его части. Конечно, если бы мы знали, что эта часть въ обѣихъ посылкахъ окажется той же самой, то большій и меньшій термины, будучи поставлены въ нѣкоторую связь съ ней, тѣмъ самымъ оказались бы въ связи и между собой. Но бѣда въ томъ, что въ тѣхъ сужденіяхъ, въ которыхъ какое-нибудь понятіе не распредѣлено, остается неизвѣстнымъ, къ какой, именно, части этого понятія относится данное сужденіе. Напр.: сказуемое не распредѣлено въ сужденіи „всѣ металлы—проводники электричества“, и остается неизвѣстнымъ, къ какой же, именно, части проводниковъ электричества относятся металлы. Неизвѣстно даже, какъ велика она, больше или меньше половины. Точно такъ же ничего подобнаго неизвѣстно о подлежащемъ такого частнаго сужденія: „нѣкоторые цвѣты пахучи“. Слѣд., если средній терминъ ни разу не распредѣленъ въ нашихъ посылкахъ, то остается неизвѣстнымъ, къ какой, именно, части этого термина относятся посылки, къ одной и той же или къ разнымъ. А въ такомъ случаѣ у насъ нѣтъ ни малѣйшаго основанія ставить во взаимную связь большій и меньшій термины, будетъ ли она утвердительной или отрицательной, это все равно. Напр., нѣтъ основанія для вывода изъ посылокъ: „водородъ—газъ“, „кислородъ—газъ“; ибо здѣсь неизвѣстно, съ какими именно частями понятія газа совпадаютъ и водородъ,

и кислородъ. Если же хоть въ одной изъ посылокъ средній терминъ распредѣленъ, то обѣ посылки обязательно будутъ относиться къ одной и той же части объема средняго термина; поэтому при нѣкоторыхъ условіяхъ въ нихъ можетъ оказаться основаніе, достаточное для того, чтобы принудить насъ согласиться съ опредѣленной связью бо̀льшаго и меньшаго термина.

2) *Ни одинъ изъ терминовъ, ни большій, ни меньшій, не можетъ войти въ составъ вывода распредѣленнымъ, если онъ не распредѣленъ въ посылкахъ.* Въ противномъ случаѣ въ выводѣ мы будемъ говорить о такихъ частяхъ объема бо̀льшаго или меньшаго термина, о которыхъ не упоминается въ посылкахъ, а это будетъ явнымъ произволомъ съ нашей стороны. Это все равно, какъ если бы мы въ выводѣ говорили что-нибудь о такихъ понятіяхъ, о которыхъ вовсе не упоминается въ посылкахъ.

Основное правило качества посылокъ таково: *хоть одна изъ посылокъ должна быть утвердительной; изъ двухъ отрицательныхъ посылокъ нельзя сдѣлать никакого вывода.* Напр., нельзя сдѣлать никакого вывода изъ посылокъ: „киты не рыбы, а рыбы не дышатъ легкими“; ибо про средній терминъ говорится въ каждой посылкѣ, что у него нѣтъ связи ни съ бо̀льшимъ, ни съ меньшимъ терминомъ, а чрезъ это у насъ еще нѣтъ никакого основанія, которое принуждало бы насъ считать вѣрной утвердительную или отрицательную связь бо̀льшаго и меньшаго термина между собой. При этомъ не мѣшаетъ отмѣтить, что иногда кажется, будто бы выводъ сдѣланъ изъ однѣхъ лишь отрицательныхъ посылокъ, а онъ, все-таки, вполнѣ правильный. Напр., „я не богатый человѣкъ, а ни одинъ небогатый человѣкъ не можетъ позволить себѣ такого расхода; слѣд., и я не могу позволить себѣ его“. Выводъ здѣсь вполнѣ правильный, а какъ будто бы выведенъ изъ однѣхъ лишь отрицательныхъ посылокъ. Въ дѣйствительности же здѣсь только одна отрицательная посылка; ибо среднимъ терминомъ служитъ понятіе „небогатый человѣкъ“, и первая посылка утвердительная: „я есмь небогатый человѣкъ“. Въ самомъ дѣлѣ: если сказуемымъ этой посылки считать „богатаго человѣка“, то у насъ окажется четыре понятія въ посылкахъ. Именно: 1 — „я“; 2 — „богатый человѣкъ“; 3 — „небогатый человѣкъ“; 4 — „не имѣть возможности позволить себѣ этотъ расходъ“.

Наконецъ, *основное правило качества выводовъ* таково: *если одна изъ посылокъ будетъ сужденіемъ отрицательнымъ, то и правильный выводъ можетъ быть только отрицательнымъ.* Напр., „киты не дышатъ жабрами; рыбы дышатъ жабрами“. Отсюда невозможно сдѣлать никакого утвердительнаго вывода, а можно только вывесть, что „киты не рыбы“. Вѣдь для вывода мы получаемъ основаніе лишь вслѣдствіе тѣхъ отношеній, въ которыхъ средній терминъ находится къ большему и меньшему термину. Но если одна посылка будетъ сужденіемъ отрицательнымъ, то въ ней средній терминъ не будетъ находиться въ связи или съ бо̀льшимъ, или съ меньшимъ терминомъ; слѣдовательно, у насъ есть основаніе лишь отрицать, а отнюдь не утверждать связь между бо̀льшимъ и меньшимъ терминомъ, такъ

что правильный выводъ изъ такихъ посылокъ или совсѣмъ невозможенъ, или долженъ быть сужденіемъ отрицательнымъ.

6. Ошибки въ категорич. силлогизмахъ. Что касается ошибокъ въ простыхъ категорическихъ силлогизмахъ, то коль скоро только-что указанныя правила основныя, а всѣ остальныя правила служатъ всего лишь слѣдствіями, вытекающими изъ только-что указанныхъ, *всякая ошибка должна состоять въ нарушеніи одного изъ только-что указанныхъ правилъ.* Но нарушенія нѣкоторыхъ изъ нихъ такъ грубы, что на дѣлѣ никогда не встрѣчаются. Напр.: никакъ нельзя ждать встрѣтить на дѣлѣ нарушеніе правилъ о качествѣ посылокъ и о качествѣ выводовъ. Даже самый безцеремонный софистъ не станетъ такъ разсуждать: „киты не рыбы, а рыбы не дышатъ легкими; слѣд., киты дышатъ (или же „не дышатъ“) легкими“; равно какъ и слѣдующимъ образомъ: „киты не дышатъ жабрами, а рыбы дышатъ жабрами; слѣд., киты рыбы“. Однако, есть и такія нарушенія основныхъ правилъ, которыя встрѣчаются на дѣлѣ. Ихъ два рода:

1) *Нарушеніе какого-либо правила изъ говорящихъ о распредѣленности терминовъ.* Напр.: „гимназисты, конечно, должны изучать латинскій языкъ, но кадеты вѣдь не гимназисты; слѣд., они не должны изучать его“. Здѣсь большій терминъ въ выводѣ оказался распредѣленнымъ, между тѣмъ какъ въ посылкахъ онъ, составляя сказуемое утвердительнаго сужденія, не распредѣленъ, и силлогизмъ выходитъ ошибочнымъ. Или — въ силлогизмѣ: „приполярные жители очень любятъ жирную пищу; и, несомнѣнно, сильно любятъ ее эскимосы; слѣд., они живутъ въ приполярныхъ странахъ“, средній терминъ ни разу не распредѣленъ, и поэтому силлогизмъ ошибочный.

2) *Quaternio terminorum*, или по-русски — *учетвереніе терминовъ.* Эта ошибка *состоитъ въ нарушеніи правила о числѣ терминовъ* и сводится къ тому, что одно и то же выраженіе въ разныхъ частяхъ силлогизма (или въ обѣихъ посылкахъ, или въ одной изъ посылокъ и въ выводѣ) обозначаетъ не одно и то же, а разныя понятія, такъ что въ нашемъ силлогизмѣ подъ тремя названіями скрываются четыре понятія. Напр., если бы кто сталъ доказывать, что коса (заплетенные волосы) не можетъ служить украшеніемъ, такимъ силлогизмомъ: „коса — земледѣльческое орудіе, а оно не можетъ служить украшеніемъ; слѣд., и т. д.“, то онъ сдѣлалъ бы именно ошибку quaternio terminorum.

Чаще всего, хотя не исключительно, она совершается такъ, что въ видѣ средняго термина, который долженъ повторяться, слѣд., быть одинаковымъ или *тожественнымъ* въ обѣихъ посылкахъ, употребляются два понятія, называемыхъ одинаковымъ именемъ. Такой случай учетвренія терминовъ имѣетъ даже свое особое названіе — *„нарушеніе тожества средняго термина“.* Примѣръ этого случая: „отказъ выдать взятку заслуживаетъ наказанія; ибо это — неповиновеніе власти, а всякое неповиновеніе власти заслуживаетъ наказанія“. Въ видѣ средняго термина взято „неповиновеніе власти“; но въ первой посылкѣ подъ нимъ подразумѣвается неповиновеніе незаконному требованію власти, а въ другой — законному.

По аналогіи съ этой ошибкой называютъ учетвереніемъ терминовъ и ошибку, встрѣчаемую иногда въ томъ соединеніи силлогизма съ кажущимся умозаключеніемъ, о которомъ мы упомянули на стр. 163 подъ именемъ „ограниченія третьимъ понятіемъ". Напр.: „учебникъ — книга; слѣд., наилучшій учебникъ — наилучшая книга". Здѣсь ошибка въ томъ, что слово „наилучшій" пріобрѣтаетъ разный смыслъ въ зависимости отъ того, съ какимъ словомъ соединено оно, такъ что взамѣнъ трехъ понятій, однимъ изъ которыхъ ограничивались бы два другихъ, здѣсь выходитъ четыре понятія.

Таковы два вида ошибки учетверенія терминовъ. Но нужно замѣтить, что этимъ именемъ обозначается ея *составъ, а не происхожденіе*, т.-е. ее называютъ этимъ именемъ, когда разсматриваютъ ее лишь съ чисто-логической точки зрѣнія. Если же хотятъ указать ея происхожденіе, то про нее говорятъ, что она вызвана двусмысленностью выраженій, а также — эквивоціей или гомониміей (сравн. выше, стр. 145).

Изъ всего сказаннаго ясно, что для *оцѣнки правильности даннаго силлогизма достаточно выяснить только, не нарушены ли въ немъ какія-либо изъ заранѣе видныхъ правилъ, обращая главное вниманіе на правила, говорящія о распредѣленности терминовъ и о непозволительности больше трехъ терминовъ*. Даже нѣтъ никакой надобности выяснять фигуру разсматриваемаго силлогизма, не говоря уже объ его модусѣ.

7. Методъ составленія таблицы правильныхъ модусовъ и условія правильности общаго вывода. Если логика изучается только какъ руководство къ критикѣ мышленія, то не было бы надобности углубляться въ дальнѣйшее разсмотрѣніе простыхъ категорическихъ силлогизмовъ, а можно было бы ограничиться уже сказаннымъ о нихъ. Въ гимназіяхъ, напр., такъ и слѣдуетъ поступать, при чемъ, однако, самъ-то преподаватель, разумѣется, не только долженъ лично удостовѣриться, что всѣ правила, подмѣчаемыя съ помощью таблицы правильныхъ модусовъ, дѣйствительно, образуютъ лишь слѣдствія вышеуказанныхъ основныхъ, но долженъ даже умѣть доказать это и ученикамъ, если они усомнятся въ его словахъ. Вѣдь въ гимназіяхъ логика умѣстна только, какъ руководство къ критикѣ мышленія, съ помощью котораго мы быстрѣе подмѣчали бы допущенныя мышленіемъ ошибки и умѣли бы объяснить, въ чемъ именно состоятъ онѣ. Логика же, какъ часть теоріи познанія, для гимназій ненужна, хотя бы ужъ потому, что далеко не всѣ, даже изъ лучшихъ гимназистовъ, способны къ философіи, а поэтому и къ теоріи познанія. Въ составъ же *общаго* образованія, конечно, должно входить только то, что по силамъ всѣмъ людямъ, кромѣ глупыхъ. *Мы же, относясь къ логикѣ, главнымъ образомъ, какъ къ части теоріи познанія, должны выяснить, при какихъ условіяхъ правильный выводъ можетъ оказаться въ этихъ силлогизмахъ общимъ.* (О необходимости этого вопроса см. стр. 146—147).

Для достиженія этой цѣли мы, прежде всего, должны составить таблицу, перечисляющую всѣ правильные модусы. А этого, въ свою очередь, мы можемъ достичь слѣдующимъ путемъ: сперва составимъ таблицу всѣхъ

ариѳметически возможныхъ модусовъ, т.-е. всѣхъ видоизмѣненій, которыя зависятъ отъ качества и количества посылокъ, не обращая вниманія, будетъ ли при данномъ видоизмѣненіи силлогизмъ правильнымъ или неправильнымъ. Для составленія такой таблицы будемъ обозначать общеутвердительныя сужденія черезъ *A*, частноутвердительныя черезъ *I*, общеотрицательныя черезъ *E* и частноотрицательныя черезъ *O*. Знакъ качества и количества большей посылки будемъ ставить на первомъ мѣстѣ, а знакъ меньшей на второмъ. (Сравн. выше стр. 169). Тогда у насъ получится слѣдующая таблица ариѳметически возможныхъ модусовъ каждой фигуры, такъ какъ она будетъ показывать всѣ, какія только возможны, видоизмѣненія силлогизма въ каждой фигурѣ, зависящія отъ качества и количества посылокъ, если оставить въ сторонѣ модусы съ единичными посылками:

AA	*AI*	*AE*	*AO*
IA	*II*	*IE*	*IO*
EA	*EI*	*EE*	*EO*
OA	*OI*	*OE*	*OO*

И для каждой фигуры, конечно, должна быть повторена точно такая же таблица; ибо для каждой фигуры ариѳметически возможны тѣ же 16 модусовъ, такъ что у насъ получится всего четыре такихъ таблицы.

Составивъ подобную таблицу для каждой фигуры, мы перепробуемъ, осуществимы ли на дѣлѣ всѣ эти модусы для данной фигуры или нѣтъ. Для этого мы будемъ высказывать посылки въ схематическомъ видѣ, обозначая термины буквами *S*, *M* и *P*, именно меньшій терминъ буквой *S*, средній—*M*, большій—*P* (сравн. выше стр. 169), и составляя изъ нихъ сужденія, соотвѣтствующія и расположенію терминовъ взятой фигуры, и знакамъ таблицы этой фигуры. Въ то же время станемъ наблюдать, принуждаютъ ли составленныя нами сужденія соглашаться съ чѣмъ-нибудь относительно *S*, т.-е. меньшаго термина (ибо онъ-то и долженъ служить подлежащимъ вывода), и если принуждаютъ, то съ какимъ именно сужденіемъ по его качеству и количеству—съ *A* ли, *I* ли, *E* ли, *O* ли. Знаки тѣхъ модусовъ, въ которыхъ нѣтъ такого принужденія, мы вычеркнемъ изъ таблицы данной фигуры. А къ тѣмъ знакамъ, въ которыхъ наблюдается такое принужденіе, мы прибавимъ, поставивъ на концѣ, знакъ качества и количества вывода. Такимъ путемъ для каждой фигуры получится своя особая таблица, указывающая намъ не только всѣ дѣйствительно (т.-е. логически, а не ариѳметически) существующіе въ ней модусы, но также качество и количество правильнаго вывода, получаемаго при каждомъ изъ нихъ.

При этомъ, когда разсматриваемыя посылки, по нашему мнѣнію, принуждаютъ, или же не принуждаютъ соглашаться съ какимъ-либо выводомъ относительно понятія *S*, т.-е. меньшаго термина, то для удостовѣренія въ истинности своего взгляда на дѣло мы можемъ и не ограничиваться только тѣмъ, что мы такъ чувствуемъ. Мы можемъ, даже должны, провѣрить свой взглядъ еще слѣдующимъ путемъ: *попробуемъ, соглашаясь съ обѣими по-*

сылками, замѣнить выводъ, о которомъ у насъ идетъ рѣчь (т.-е. который, по нашему мнѣнію, вытекаетъ изъ этихъ посылокъ), *противоположнымъ сужденіемъ*. Если провѣряемый выводъ дѣйствительно, а не кажущимся образомъ, вытекаетъ изъ нихъ, то, соглашаясь съ ними, уже нельзя замѣнять его противоположнымъ сужденіемъ, иначе какъ той цѣной, что сопоставленіе послѣдняго съ нашими посылками будетъ явно нелѣпымъ. Вѣдь противоположныя сужденія другъ съ другомъ *несовмѣстимы*, такъ что они *отрицаютъ* другъ друга; поэтому если изъ нашихъ посылокъ дѣйствительно вытекаетъ одно изъ противоположныхъ сужденій, то съ этими посылками уже несовмѣстимо безъ явнаго противорѣчія другое изъ противоположныхъ сужденій. Если же провѣряемый выводъ можно замѣнять, безъ всякаго противорѣчія съ посылками, противоположнымъ сужденіемъ, то, значитъ, этотъ выводъ только показался намъ вытекающимъ изъ нихъ, а на дѣлѣ онѣ еще не принуждаютъ насъ соглашаться съ нимъ.

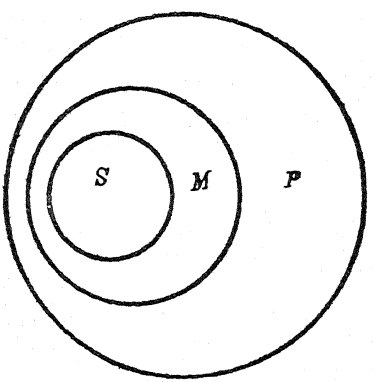
Напр.: возьмемъ въ таблицѣ первой фигуры модусъ *AA*. Въ немъ большей посылкой должно служить сужденіе: „всякое M есть P“, а меньшей посылкой — сужденіе: „всякое S есть M“. Мы ясно чувствуемъ, что согласіе съ такими двумя посылками, взятыми вмѣстѣ, обязываетъ насъ относительно S къ выводу: „всякое S есть P“. Чтобы провѣрить этотъ выводъ, попробуемъ замѣнить его противоположнымъ сужденіемъ, продолжая соглашаться съ прежними посылками, т.-е. попробуемъ такъ разсуждать: „хотя всякое M есть P, а всякое S есть M, все-таки, хоть нѣкоторыя S да не составляютъ P“. Очевидно, въ нашихъ словахъ обнаруживается явная нелѣпость: соглашаясь съ послѣднимъ сужденіемъ, мы тѣмъ самымъ противорѣчимъ хоть одному изъ двухъ первыхъ. Такимъ образомъ, въ первой фигурѣ модусъ *AA* дѣйствительно существуетъ. И, прибавивъ на концѣ его знака въ таблицѣ букву *A*, указывающую качество и количество вывода, мы этотъ модусъ вмѣстѣ съ его выводомъ изобразимъ знакомъ *AAA* въ таблицѣ модусовъ первой фигуры.

Если же въ первой фигурѣ мы подвергнемъ испытанію модусъ *AE* и для этого возьмемъ, какъ бо́льшую посылку, сужденіе: „всякое M есть P“, а какъ меньшую посылку—сужденіе: „ни одно S не есть M“, то мы увидимъ, что такое сочетаніе насъ ни къ какому выводу относительно понятія S не обязываетъ. Въ самомъ дѣлѣ, нѣтъ ничего явно нелѣпаго ни въ словахъ: „хотя всякое M есть P, а S никогда не составляетъ M, но S вмѣстѣ съ тѣмъ никогда не составляетъ и P“, ни въ словахъ: „хотя всякое M есть P, а S никогда не составляетъ M, но всякое S, все-таки, есть P“. Слѣд., разсматриваемыя посылки не исключаютъ возможности допустить на-ряду съ ними *любое* изъ противоположныхъ сужденій о томъ, какъ къ меньшему термину — S относится большій — P. Такимъ образомъ, какой бы выводъ относительно S мы ни присоединили къ нашимъ посылкамъ, силлогизмъ окажется ошибочнымъ, т.-е. въ немъ согласіе съ посылками еще не будетъ принуждать къ согласію съ этимъ выводомъ. Поэтому модусъ *AE* мы вычеркнемъ изъ таблицы модусовъ первой фигуры.

Такимъ-то путемъ мы найдемъ, что во всѣхъ фигурахъ только 19 сочетаній посылокъ даютъ правильные выводы, именно — по 4 въ первой и второй, 6—въ третьей и 5—въ четвертой; ибо въ нашихъ таблицахъ получатся только слѣдующіе знаки (всѣ же остальные будутъ вычеркнуты), которые мы сопоставимъ въ видѣ одной таблицы. Она-то и составитъ таблицу правильныхъ модусовъ *всѣхъ четырехъ* фигуръ.

Для первой фигуры 4: *AAA*, *EAE*, *AII*, *EIO*.
Для второй „ 4: *EAE*, *AEE*, *EIO*, *AOO*.
Для третьей „ 6: *AAI*, *IAI*, *AII*, *EAO*, *OAO*, *EIO*.
Для четвертой „ 5: *AAI*, *AEE*, *IAI*, *EAO*, *EIO*.

Кому, вслѣдствіе недостаточнаго навыка къ самонаблюденію надъ логической стороной своего мышленія, трудно безошибочно подмѣтить, принуждаютъ ли сужденія, взятыя въ схематическомъ видѣ, къ согласію съ какимъ-нибудь сужденіемъ относительно *S*, т.-е. меньшаго термина, тотъ, конечно, можетъ всегда помочь себѣ, замѣнивъ схематическій видъ разсматриваемыхъ сужденій конкретнымъ. Для этого надо брать три первопопавшихся понятія и соединять ихъ въ видѣ двухъ сужденій, сообразуясь съ особенностями данной фигуры и разсматриваемаго модуса, высказаннаго схематически. При этомъ незачѣмъ стѣсняться, если образованныя нами сужденія иногда окажутся явно ложными: вѣдь для насъ въ настоящую минуту важна только чисто-логическая связь вывода съ посылками, т.-е. важно только, принуждаютъ ли онѣ соглашаться съ какимъ-либо сужденіемъ о меньшемъ терминѣ, если мы согласимся съ ними, а вовсе не ихъ собственная истинность или ложность. Но, какъ мы уже говорили на стр. 158, полагаться надо только на такія правила умозаключеній, которыя подтверждаются не одними лишь конкретными, а также и схематическими примѣрами.



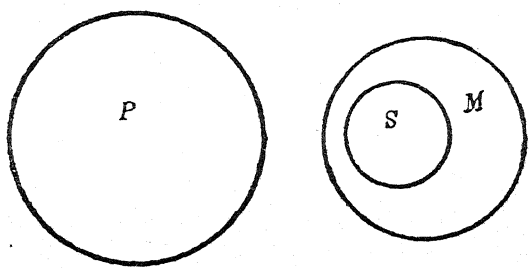
Кромѣ того, вспомогательнымъ средствомъ для выясненія правильныхъ модусовъ въ нашихъ таблицахъ служатъ еще круговыя схемы силлогизмовъ. Чтобы показать, какъ онѣ употребляются, приведемъ слѣдующіе примѣры (см. сперва стр. 164 и слѣд.):

Разсмотримъ съ помощью круговыхъ схемъ модусъ *AA*, взятый изъ таблицы ариѳметически возможныхъ модусовъ первой фигуры: можно ли изъ его посылокъ получить правильный выводъ и какой именно? Въ немъ бо́льшая посылка („всякое *M* есть *P*“) должна быть изображена посредствомъ круга *M*, который весь цѣликомъ помѣщался бы внутри круга *P*, а меньшая („всякое *S* есть *M*“) посредствомъ круга *S*,

помѣщеннаго цѣликомъ внутри круга M, такъ что получается изображенная здѣсь схема. Изъ нея ясно, что при разсматриваемыхъ посылкахъ кругъ S долженъ весь цѣликомъ оказаться внутри круга P, такъ что разсматриваемыя посылки требуютъ согласія съ сужденіемъ „всякое S есть P“.

Теперь разсмотримъ модусъ AE изъ числа ариѳметически возможныхъ въ первой же фигурѣ. Въ немъ бо́льшая посылка („всякое M есть P“) должна быть изображена кругомъ M, который весь цѣликомъ помѣщался бы въ кругѣ P, а меньшая посылка („ни одно S не есть M“) кругомъ S, сполна помѣщеннымъ внѣ круга M. Но остается неизвѣстнымъ, какъ далеко кругъ S долженъ быть удаленъ отъ круга M, а поэтому неизвѣстно, попадетъ ли кругъ S внутри круга P или снаружи его. Отсюда ясно, что изъ посылокъ разсматриваемаго модуса нельзя сдѣлать никакого заключенія относительно S, т.-е. меньшаго термина, такъ что каждый выводъ, присоединенный къ такимъ посылкамъ, выйдетъ неправильнымъ.

Возьмемъ еще два примѣра модусовъ, но уже второй фигуры. Разсмотримъ сперва модусъ EA. Его бо́льшая посылка („ни одно P не есть M“) изображается кругомъ P, помѣщеннымъ сполна внѣ круга M, а меньшая („всякое S есть M“) кругомъ S, который цѣликомъ помѣщался бы внутри круга M, такъ что получится указанная здѣсь схема. Изъ нея сразу видно, что S всегда окажется цѣликомъ находящимся внѣ круга P, что̀ соотвѣтствуетъ сужденію „ни одно S не есть P“. Слѣд., взятыя посылки обязываютъ насъ къ этому общеотрицательному выводу.



Теперь изъ таблицы ариѳметически возможныхъ модусовъ второй фигуры возьмемъ модусъ AA. Въ немъ бо́льшая посылка („всякое P есть M“) должна быть изображена кругомъ P, сполна помѣщеннымъ гдѣ-нибудь внутри круга M, при чемъ остается неизвѣстнымъ, какъ велика часть круга M, которая будетъ занята кругомъ P. Меньшую же посылку („всякое S есть M“) надо изобразить кругомъ S, цѣликомъ помѣщеннымъ внутри того же круга M, при чемъ тоже неизвѣстно, какъ велика часть круга M, занятая кругомъ S. При такихъ условіяхъ, конечно, остается неизвѣстнымъ, произойдетъ ли хотя бы частичное совпаденіе круга S съ кругомъ P, или же первый будетъ весь цѣликомъ находиться внѣ второго, откуда ясно, что изъ посылокъ разсматриваемаго модуса нельзя сдѣлать никакого заключенія.

Какимъ бы путемъ мы ни составляли таблицу правильныхъ модусовъ, она состоитъ изъ 19 сочетаній однѣхъ лишь гласныхъ. Чтобы легче было говорить о нихъ, еще въ средніе вѣка въ эти сочетанія вставили согласныя, такъ что получились трехсложныя слова, гласныя буквы которыхъ обозна-

чаютъ качество и количество посылокъ и вывода, именно: первая гласная—свойства большей посылки, вторая—меньшей, а третья—вывода [1]). Это—слѣдующія слова:

Для первой фигуры—Barbara, Celarent, Darii, Ferio.
Для второй—Cesare, Camestres, Festino, Baroco.
Для третьей—Darapti, Disamis, Datisi, Felapton, Bocardo, Ferison.
Для четвертой—Bramalip, Camenes, Dimatis, Fesapo, Fresison.

Для облегченія же ихъ заучиванія придумали слѣдующее стихотвореніе, составленное по правиламъ латинскаго стихосложенія:

Bárbara, Célarént, Darií Ferióque *prióris*;—
Césare, Cámestrés, Festíno, Baróco, *secúndae*;
Tértia Dáraptí, Disamís, Datísi, Felápton,
Bócardó, Ferison *habét*; *quart' insuper áddit*
Brámalíp, Camenés, Dimatís, Fesápo, Fresison.

При помощи этихъ символическихъ словъ не только легко подмѣтить, но даже и запомнить всѣ до одного свойства, присущія посылкамъ и выводамъ правильныхъ модусовъ, такъ что эти свойства должны считаться правилами категорическихъ силлогизмовъ. Но совершенно безсмысленно запоминать эти правила, а, слѣдовательно, и таблицу правильныхъ модусовъ. Вѣдь когда мы стараемся правильно мыслить, мы, все равно, не будемъ справляться съ этимъ правилами; для нахожденія же и объясненія ошибокъ уже достаточны одни лишь указанныя нами основныя правила. А для того, чтобы доказать какіе-либо важные выводы, опирающіеся на правила, устанавливаемыя съ помощью таблицы правильныхъ модусовъ, а равно и для доказательства, что всѣ эти правила вытекаютъ изъ основныхъ правилъ, гораздо полезнѣе, чѣмъ полагаться на свою чисто-механическую память, имѣть передъ собой ясно написанную таблицу всѣхъ правильныхъ модусовъ, высказанныхъ только-что указанными символическими словами, помѣстивъ рядомъ съ ней списокъ всѣхъ подмѣчаемыхъ съ ея помощью правилъ и схемы расположенія терминовъ въ каждой фигурѣ.

Но сейчасъ-то намъ нужно изо всѣхъ правилъ, которыя можно подмѣтить съ помощью таблицы правильныхъ модусовъ, только одно, указывающее, когда правильный выводъ бываетъ общимъ. Вглядываясь въ только-что приведенную таблицу правильныхъ модусовъ, выраженныхъ символическими словами (или же въ только-что указанные стихи), мы подмѣчаемъ такое правило: *въ простомъ категорическомъ силлогизмѣ правильный вы-*

[1]) Большинство согласныхъ буквъ тоже имѣетъ свое условное значеніе, касающееся нѣкоторыхъ тонкихъ особенностей каждаго изъ модусовъ, вслѣдствіе чего ни одно изъ этихъ словъ, а равно и ихъ соединенія между собой, не назначаются для того, чтобы ими были высказаны какія-нибудь понятія и предложенія.

водъ бываетъ общимъ только при томъ условіи, чтобы обѣ посылки были общими, и даже при этомъ условіи онъ еще не всегда выходитъ общимъ, а только въ пяти модусахъ, именно: Barbara, Celarent, Cesare, Camestres и Camenes.

И вотъ, уже на этомъ правилѣ наглядно подтверждается почти все сказанное нами на стр. 172 о производныхъ правилахъ. Дѣйствительно, таблица правильныхъ модусовъ ясно показываетъ, что это правило соблюдается въ правильныхъ силлогизмахъ; но почему оно должно соблюдаться, этого не поймешь съ помощью такихъ простыхъ соображеній, какими мы удостовѣрялись въ неизбѣжности всѣхъ основныхъ правилъ. Въ слѣдующей же главѣ будетъ показано, что оно вытекаетъ изъ основныхъ правилъ.

8. Сложные категорическіе силлогизмы. Что касается сложныхъ категорическихъ силлогизмовъ, то, строго говоря, ихъ нѣтъ въ смыслѣ такого силлогизма, въ которомъ было бы больше двухъ посылокъ, но который *не состоялъ бы изъ соединенія* (въ условленномъ логикой смыслѣ слова, см. стр. 161) *нѣсколькихъ простыхъ силлогизмовъ*. Съ перваго взгляда, судя по словесному выраженію, подобными сложными силлогизмами кажутся, такъ называемые, *сориты;* но при ближайшемъ разсмотрѣніи и они оказываются всего лишь соединеніемъ простыхъ силлогизмовъ, но высказаннымъ въ видѣ энтимемы (объ энтимемахъ см. стр. 153).

Всякій категорическій соритъ можетъ быть подведенъ подъ одну изъ двухъ слѣдующихъ схемъ:

A есть *B*		или иначе: *D* есть *E*	
B есть *C*		*C* есть *D*	
C есть *D*		*B* есть *C*	
D есть *E*		*A* есть *B*	
Слѣд., *A* есть *E*		Слѣд., *A* есть *E*	

Очевидно, что въ лѣвой схемѣ мы имѣемъ слѣдующее соединеніе простыхъ силлогизмовъ, но высказанное въ видѣ энтимемы:

1. *A* есть *B*; *B* есть *C*; слѣд., *A* есть *C*;
2. *A* есть *C*; *C* есть *D*; слѣд., *A* есть *D*;
3. *A* есть *D*; *D* есть *E*; слѣд., *A* есть *E*.

А въ правой схемѣ такое энтимематически высказанное соединеніе:

1. *D* есть *E*; *C* есть *D*; слѣд., *C* есть *E*;
2. *C* есть *E*; *B* есть *C*; слѣд., *B* есть *E*;
3. *B* есть *E*; *A* есть *B*; слѣд., *A* есть *E*.

Вотъ конкретный примѣръ, извѣстный подъ именемъ сорита Сенеки (римскаго философа, воспитателя Нерона): „кто благоразуменъ, тотъ и воз-

держенъ; кто воздержен, тотъ и твердъ; кто твердъ, тотъ и невозмутимъ; кто невозмутимъ, тотъ и безпечаленъ; кто безпечаленъ, тотъ и счастливъ; слѣд., кто благоразуменъ, тотъ и счастливъ". Онъ подходитъ подъ первую схему. Если же мы въ немъ всѣ посылки поставимъ въ обратномъ порядкѣ, то получимъ соритъ, подходящій подъ вторую схему. И хотя по своему словесному выраженію онъ съ перваго взгляда кажется единымъ силлогизмомъ (т.-е. несостоящимъ изъ соединенія нѣсколькихъ простыхъ), содержащимъ болѣе, чѣмъ двѣ посылки, но въ дѣйствительности образуетъ энтимематически высказанное соединеніе четырехъ простыхъ силлогизмовъ.

Если же сложныхъ силлогизмовъ въ дѣйствительности не оказывается, а понятіе сложнаго силлогизма, все-таки, невольно возникаетъ у насъ и вкореняется въ нашей памяти, когда мы только-что приступаемъ къ изученію силлогизмовъ (сравн. стр. 167), то неудивительно, что *названіе „сложный силлогизмъ" стали примѣнять ко всякимъ сочетаніямъ простыхъ силлогизмовъ, даже къ такимъ, по словесному выраженію которыхъ сразу замѣтно, что передъ нами соединеніе простыхъ силлогизмовъ между собой.*

Если же мы убѣдились, что всѣ такъ называемые сложные категорическіе силлогизмы образуютъ собой всего лишь соединенія простыхъ, то ясно, что *всѣ подлинныя, и въ то же время пригодныя для доказательствъ, категорическія умозаключенія сводятся только къ двумъ основнымъ классамъ: къ непосредственнымъ умозаключеніямъ и къ простымъ силлогизмамъ* [1]). И логикѣ, если она не желаетъ заниматься безсмысленнымъ, по своей полной безполезности, перечнемъ разнообразныхъ соединеній категорическихъ умозаключеній, достаточно изучить только эти два класса категорическихъ умозаключеній.

По сходнымъ причинамъ логикѣ достаточно прибавить сюда изученіе лишь *простыхъ* раздѣлительныхъ и условныхъ силлогизмовъ: послѣ ихъ изученія становится яснымъ, что всѣ болѣе сложныя опосредствованныя умозаключенія, въ составъ которыхъ входятъ и раздѣлительныя или условныя посылки, оказываются всего лишь разнообразнѣйшими соединеніями изученныхъ нами умозаключеній.

9. Раздѣлительные силлогизмы. Разсмотримъ простые раздѣлительные или дисъюнктивные силлогизмы. Подъ этимъ именемъ мы условились на стр. 167 подразумѣвать такіе силлогизмы, въ которыхъ хоть одна изъ двухъ посылокъ является сужденіемъ раздѣлительнымъ, а другая или условнымъ, или раздѣлительнымъ, или категорическимъ, такъ что простые раздѣлительные силлогизмы могутъ быть условно-раздѣлительными, чисто-раз-

[1]) На стр. 152 было выяснено, что всѣ пригодныя для доказательствъ подлинныя умозаключенія сводятся къ непосредственнымъ и силлогизмамъ *вообще*, независимо отъ того, будутъ ли послѣдніе простыми или сложными; а теперь мы убѣждаемся, что всѣ такія умозаключенія сводятся къ непосредственнымъ и *къ простымъ* силлогизмамъ. Въ этомъ и состоитъ разница сказаннаго тамъ и здѣсь, которую читатель, пожалуй, проглядитъ, если здѣсь наверху не обратитъ вниманія на слово „*простымъ*".

дѣлительными и раздѣлительно-категорическими. Напр., условно-раздѣлительнымъ будетъ силлогизмъ, подходящій подъ такую схему: „*A* есть или *B*, или *M*; если *A* есть *M*, то оно есть *C*; слѣд., *A* есть или *B*, или *C*“. А чисто-раздѣлительный—подъ такую: „*A* есть или *B*, или *M*; *M* есть или *C*, или *D*; слѣд., *A* есть или *B*, или *C*, или *D*“. Примѣры же раздѣлительно-категорическихъ сейчасъ встрѣтятся.

Замѣтимъ кстати, что *посылки раздѣлительныхъ, а также и условныхъ силлогизмовъ не слѣдуетъ называть большей или меньшей: въ этихъ силлогизмахъ отпадаетъ причина, по которой приходится употреблять такія названія въ категорическихъ.*

Мы ограничимся ближайшимъ разсмотрѣніемъ лишь раздѣлительно-категорическихъ силлогизмовъ. И такъ мы поступимъ по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, послѣ изученія раздѣлительно-категорическихъ силлогизмовъ становится очевиднымъ, что въ другихъ раздѣлительныхъ силлогизмахъ могутъ встрѣчаться только тѣ же самыя ошибки, какъ и въ раздѣлительно-категорическихъ. Во-вторыхъ, намъ, въ концѣ концовъ, придется рѣшать вопросъ, при какомъ условіи правильный *категорическій* выводъ выйдетъ общимъ синтетическимъ сужденіемъ; а категорическіе выводы, очевидно, могутъ быть получены только въ раздѣлительно-*категорическихъ* силлогизмахъ.

Простые раздѣлительно-категорическіе силлогизмы могутъ быть двухъ видовъ:

A есть или *B*, или *C*;
но *A* есть *B*;
слѣд., *A* не есть *C*.

A есть или *B*, или *C*;
но *A* не есть *B*;
слѣд., *A* есть *C*.

Лѣвый видъ силлогизма принято называть modus ponendo tollens, т.-е. утверждая отрицающій. Правый же видъ называется modus tollendo ponens, т.-е. отрицая утверждающій. Разница между ними состоитъ въ томъ, что въ модусѣ ponendo tollens въ категорической посылкѣ мы утверждаемъ рѣшительнымъ образомъ, т.-е. категорически, за подлежащимъ раздѣлительнаго сужденія одно изъ указанныхъ въ немъ сказуемыхъ, а въ выводѣ отрицаемъ у этого подлежащаго другое сказуемое, указанное въ раздѣлительномъ сужденіи. Въ модусѣ же tollendo ponens мы въ категорической посылкѣ отрицаемъ у подлежащаго раздѣлительнаго сужденія одно изъ сказуемыхъ, указанныхъ въ раздѣлительномъ сужденіи, а въ выводѣ утверждаемъ это другое сказуемое за подлежащимъ раздѣлительной посылки.

Всѣ раздѣлительные силлогизмы, какъ простые, такъ и сложные, отличаются слѣдующей особенностью: уже заранѣе, т.-е., безъ установки для нихъ особыхъ правилъ, видно, что *на дѣлѣ въ нихъ могутъ встрѣтиться только двѣ ошибки—смѣшеніе соединительно-раздѣлительнаго сужденія съ чисто-раздѣлительнымъ и неполное дѣленіе.* (О разницѣ между раздѣлительными сужденіями см. выше, стр. 72).

Первая ошибка состоитъ въ томъ, что съ соединительно-раздѣли-

тельнымъ сужденіемъ мы обращаемся такъ, какъ если бы оно было чисто-раздѣлительнымъ. Такой ошибкой страдаетъ слѣдующій силлогизмъ: „книги цѣнятся или изъ-за полезности содержанія, или изъ-за изящества изложенія; научныя книги цѣнятся изъ-за полезности содержанія; слѣд., онѣ не цѣнятся изъ-за изящества изложенія“. Здѣсь раздѣлительной посылкой служитъ соединительно-раздѣлительное сужденіе, и она говоритъ, что подлежащему мы должны приписать хоть одно изъ указанныхъ въ ней сказуемыхъ, при чемъ, однако, мыслится возможность приписывать ихъ ему и оба сразу. Мы же такъ обращаемся съ этимъ сужденіемъ, какъ если бы оно было чисто-раздѣлительнымъ, т.-е., какъ если бы оно говорило, что подлежащему надо приписывать только одно изъ указанныхъ въ немъ сказуемыхъ. Въ самомъ дѣлѣ: если бы нельзя было цѣнить книги сразу и за пользу содержанія и за изящество изложенія, то нашъ силлогизмъ былъ бы правильнымъ.

Ошибка же неполнаго дѣленія состоитъ въ пропускѣ такихъ сказуемыхъ, которыя могли бы быть приписаны подлежащему раздѣлительной посылки, кромѣ указанныхъ въ ней. Напр., допустимъ, что на самомъ дѣлѣ A есть или X, или Y, или Z, мы же будемъ такъ разсуждать: „A есть или X, или Y (т.-е. пропустимъ Z); но A не есть X; слѣд., A есть Y“; тогда получится разсматриваемая ошибка. Вѣдь если A не есть X, то оно можетъ оказаться не Y, а Z. Такъ, если данный уголъ не острый, то одно это еще не значитъ, что онъ тупой, потому что для него есть еще третья возможность быть прямымъ. Поэтому ошибоченъ такой силлогизмъ: „углы бываютъ или острые, или тупые; данный уголъ не острый; слѣд., онъ тупой“.

Особенно часто ошибка неполнаго дѣленія встрѣчается въ силлогизмѣ, который не мѣшаетъ указать изъ-за его курьезнаго и *часто упоминаемаго* прозвища: его называютъ „рогатымъ“ (syllogismus cornutus). *Рогатый силлогизмъ* состоитъ въ сложномъ раздѣлительномъ силлогизмѣ, подходящемъ подъ такую схему:

A есть или B, или C;
но если A есть B, то M есть N;
и если A есть C, то M тоже есть N;
слѣд., M обязательно есть N.

У него какъ будто бы два рога (въ видѣ двухъ сказуемыхъ раздѣлительной посылки), каждымъ изъ которыхъ онъ непремѣнно подцѣпитъ свой выводъ. Но, конечно, этотъ выводъ будетъ ошибочнымъ, если въ раздѣлительной посылкѣ пропущено хоть одно изъ возможныхъ сказуемыхъ: получится ошибка неполнаго дѣленія. Такой ошибкой и страдаетъ, напр., силлогизмъ арабскаго полководца Омара, которымъ онъ отвѣтилъ на вопросъ, какъ поступить съ книгами Александрійской библіотеки: „сжечь ихъ! Вѣдь если онѣ говорятъ то же, что̀ написано въ Коранѣ, то не нужны; а если

противорѣчатъ ему, то вредны". Омаръ подразумѣвалъ такую раздѣлительную посылку: „эти книги или говорятъ то же самое, что̀ въ Коранѣ, или противорѣчатъ ему". Поэтому его рогатый силлогизмъ вышелъ неправильнымъ; ибо въ александрійскихъ книгахъ могло быть написано и то, о чемъ Коранъ вовсе не говоритъ.

10. Условные силлогизмы. Простые условные или гипотетическіе силлогизмы состоятъ, по крайней мѣрѣ, изъ одной условной посылки; а другая посылка въ нихъ можетъ быть или условнымъ, или категорическимъ сужденіемъ, но не раздѣлительнымъ (сравн. выше стр. 167 и 184), такъ что такіе силлогизмы могутъ быть и *чисто-условными*, и *условно-категорическими*. Вотъ схематическій примѣръ простого чисто-условнаго силлогизма: „если A есть B, то C есть D; а если M есть N, то C не есть D; слѣдовательно, если M есть N, то A не есть C".

По причинамъ, вполнѣ одинаковымъ съ тѣми, по какимъ мы ограничились разсмотрѣніемъ лишь раздѣлительно-категорическихъ силлогизмовъ (см. стр. 185), ограничимся ближайшимъ разсмотрѣніемъ однихъ лишь условно-категорическихъ силлогизмовъ.

Въ простыхъ условно-категорическихъ силлогизмахъ можетъ быть только два *правильныхъ* вида: modus ponens (утверждающій) и modus tollens (отрицающій).

Modus ponens образуетъ *заключеніе отъ согласія съ основаніемъ условной посылки къ необходимости соглашаться и съ ея слѣдствіемъ*. Напр.:

Если A есть B, то C есть D;
но A есть B;
слѣд., и C есть D.

Modus tollens есть *заключеніе отъ несогласія съ слѣдствіемъ условной посылки къ необходимости не соглашаться и съ ея основаніемъ, иначе — отъ отрицанія слѣдствія условной посылки къ необходимости отрицать и ея основаніе*. При этомъ отрицаніе данной части условнаго сужденія (т.-е. несогласіе съ ней) чаще всего высказывается въ видѣ допущенія сужденія противоположнаго (см. стр. 116) съ этой частью. Но иногда такое отрицаніе высказывается и тѣмъ путемъ, что отрицаемая часть употребляется, какъ подлежащее, а сказуемымъ при ней служитъ понятіе „вѣрный". Конечно, оба способа по своему *смыслу* одинаковы. Напр.:

Если A есть B, то C есть D;
но C не есть D (или такъ:
„но то, что C есть D, не вѣрно");
слѣд., A не есть B (или: не вѣрно, что A есть B).

Не слѣдуетъ думать, какъ къ этому склоняются учащіеся, будто бы модусы условно-категорическаго силлогизма отличаются другъ отъ друга

тѣмъ, что modus ponens даетъ всегда одни лишь утвердительные выводы, а modus tollens одни лишь отрицательные. *Въ каждомъ изъ этихъ модусовъ выводъ можетъ выйти и утвердительнымъ, и отрицательнымъ въ зависимости отъ состава условной посылки.* Точно также не слѣдуетъ думать, будто бы въ modus'ѣ ponens категорическая посылка должна быть непремѣнно утвердительной, а въ modus'ѣ tollens непремѣнно отрицательной: въ первомъ модусѣ она должна высказывать *согласіе* съ основаніемъ условной посылки, т.-е. *повторять* его, и поэтому будетъ отрицательной при отрицательномъ основаніи; а во второмъ она чаще всего высказывается въ видѣ сужденія, противоположнаго слѣдствію условной посылки, такъ что будетъ утвердительной, если этимъ слѣдствіемъ служитъ отрицательное сужденіе. Напр., если мы возьмемъ слѣдующій силлогизмъ:

Если A не есть B, то C не есть D;
но A не есть B;
слѣд., и C не есть D,

то онъ составляетъ modus ponens, потому что мы въ немъ заключаемъ отъ высказаннаго въ категорической посылкѣ согласія съ основаніемъ условной посылки къ необходимости соглашаться съ ея слѣдствіемъ. Тѣмъ не менѣе въ немъ и отрицательный выводъ и отрицательная категорическая посылка.

Многіе любятъ характеризовать условно-категорическіе силлогизмы, какъ заключенія „отъ основанія къ слѣдствію“ (modus ponens) и „отъ слѣдствія къ основанію“ (modus tollens). Это, конечно, гораздо короче, но внушаетъ ложное мнѣніе, будто бы въ видѣ условно-категорическихъ силлогизмовъ можно правильно заключать и отъ согласія съ слѣдствіемъ условной посылки къ необходимости соглашаться съ ея основаніемъ. Поэтому лучше не скупиться ради ясности на нѣсколько лишнихъ словъ и характеризовать оба модуса, какъ это мы сдѣлали выше, въ мѣстахъ, отмѣченныхъ курсивомъ.

Вполнѣ ясно, что, *кромѣ двухъ указанныхъ, не можетъ быть никакихъ другихъ правильныхъ модусовъ простого условно-категорическаго силлогизма.* Вѣдь было бы ошибочно такъ разсуждать: „если A есть B, то C есть D; но A не есть B (т.-е., невѣрно, что A есть B); слѣд. C не есть D“. Другими словами: ошибочно думать, будто бы отрицаніе основанія принуждаетъ насъ отрицать и выведенное изъ него слѣдствіе. Вѣдь послѣднее можетъ вытекать также изъ какого-нибудь другого, и при томъ вполнѣ истиннаго основанія, кромѣ отрицаемаго. Настолько же ошибочно и такъ разсуждать: „если A есть B, то C есть D; и C есть D; слѣд., A есть B“. Другими словами: ошибочно, будто бы согласіе съ слѣдствіемъ принуждаетъ соглашаться и съ тѣмъ основаніемъ, изъ котораго выведено это слѣдствіе. Вѣдь *истинныя слѣдствія могутъ вытекать и изъ ложныхъ основаній.* Напр.: „лошади—птицы, а птицы дышатъ легкими; слѣд., лошади дышатъ легкими“. Здѣсь истинное слѣдствіе „лошади дышатъ легкими“ выведено изъ того, что онѣ птицы, т.-е. изъ ложнаго основанія. Поэтому ошибоченъ

такой силлогизмъ: „если лошади — птицы, то онѣ дышатъ легкими; и онѣ дышатъ легкими, слѣд., онѣ—птицы“.

Но, повидимому, есть исключенія изъ правилъ, что, кромѣ модусовъ ponens и tollens, не можетъ быть другихъ правильныхъ простыхъ условно-категорическихъ силлогизмовъ, именно: эти исключенія, повидимому, бываютъ въ тѣхъ случаяхъ, когда основаніе условной посылки служитъ *единственнымъ* условіемъ, при которомъ только и можетъ оказаться истиннымъ слѣдствіе, указанное въ этой посылкѣ. Вѣдь при такомъ положеніи дѣлъ, мы въ правѣ заключить отъ ложности основанія условной посылки къ ложности ея слѣдствія и отъ истинности слѣдствія къ истинности основанія. Напр.: морозъ служитъ *единственнымъ* условіемъ замерзанія рѣки. Поэтому мы въ правѣ и такъ разсуждать: „если былъ морозъ, то рѣка замерзла; но мороза не было; слѣд., рѣка не замерзла“. А также — и такъ: „если былъ морозъ, то рѣка замерзла; и рѣка замерзла; слѣд., былъ морозъ“. *Но это кажущіяся исключенія изъ нашего правила; ибо здѣсь передъ нами вовсе не простые силлогизмы, о которыхъ только и шла у насъ рѣчь, а сложные, но высказанные въ видѣ энтимемъ.* Вѣдь высказанныя здѣсь посылки принуждаютъ соглашаться съ выводомъ только въ томъ случаѣ, если мы рядомъ съ ними *подразумѣваемъ* еще посылку, что замерзаніе рѣки могло появиться не иначе, какъ при морозѣ. *Отъ согласія съ слѣдствіемъ, конечно, можно заключать къ необходимости соглашаться съ основаніемъ, равно какъ и отъ отрицанія основанія можно заключать къ необходимости отрицать слѣдствіе, только не съ помощью простого условно-категорическаго силлогизма, а болѣе сложными путями.* Мы же говоримъ только о правилахъ *простыхъ* силлогизмовъ.

Что же касается ошибокъ, которыя встрѣчались бы на дѣлѣ въ простыхъ условно-категорическихъ силлогизмахъ, то изъ всего сказаннаго ясно, что онѣ сводятся къ двумъ. Одна изъ нихъ состоитъ въ заключеніи отъ согласія съ слѣдствіемъ условной посылки къ необходимости соглашаться съ ея основаніемъ. Напр., такой ошибкой страдаетъ слѣдующій силлогизмъ: „если заданный урокъ труденъ, то ученики плохо его усвоили; и они его плохо усвоили; слѣд., онъ труденъ“. Другая же ошибка состоитъ въ заключеніи отъ отрицанія основанія условной посылки къ необходимости отрицать и ея слѣдствіе. Такова ошибка слѣдующаго силлогизма: „если были морозы, то хлѣба погибли; и хлѣба погибли; слѣд., были морозы“.

При этомъ, конечно, выводъ ошибочнаго условно-категорическаго силлогизма можетъ по своему содержанію выйти и вполнѣ вѣрнымъ, но вовсе не потому, чтобы это требовалось самими же посылками *простого* условно-категорическаго силлогизма, а независимо отъ него. *Вообще при изученіи логики необходимо твердо помнить, что если она называетъ какой-либо выводъ неправильнымъ, то она этимъ говоритъ вовсе не то, чтобы онъ былъ невѣренъ по содержанію (отъ этого вопроса логика отвлекается), но только то, что онъ не вытекаетъ изъ своихъ посылокъ, т.-е. словами „неправильныя умозаключенія“ говорится только то, что въ нихъ*

выводъ не требуется своими посылками, а присоединяется къ нимъ произвольно, вслѣдствіе чего онѣ не годны для доказательства этого вывода, по крайней мѣрѣ—въ томъ случаѣ, когда онѣ берутся безъ всякихъ добавочныхъ сужденій. Только въ этомъ смыслѣ и называется неправильнымъ всякое заключеніе, сдѣланное въ видѣ простого условно-категорическаго силлогизма отъ отрицанія основанія къ необходимости отрицать слѣдствіе, или отъ согласія съ слѣдствіемъ къ необходимости соглашаться съ основаніемъ.

11. Ошибочность теоріи М. И. Владиславлева и Н. О. Лосскаго. Относительно условно-категорическихъ силлогизмовъ русская научная литература представляетъ исключительное явленіе. Въ ней еще въ восьмидесятыхъ годахъ М. И. Владиславлевъ въ своей, такъ называемой, большой логикѣ (изданной подъ заглавіемъ: „Логика. Обозрѣніе индуктивныхъ и дедуктивныхъ пріемовъ мышленія и историческіе очерки“) сталъ защищать правильность тѣхъ условно-категорическихъ силлогизмовъ, въ ошибочности которыхъ мы только-что убѣдились. Въ свое время онъ ни въ комъ не встрѣтилъ сочувствія. Но позднѣе подъ его вліяніе подпалъ Н. О. Лосскій [1]), который сполна усвоилъ мнѣніе М. И. Владиславлева.

---

[1]) Хотя Н. О. Лосскій ни разу не упоминаетъ имени М. И. Владиславлева, но его подчиненіе вліянію послѣдняго обнаруживается, во-первыхъ, въ томъ, что оба они говорятъ о большей и меньшей посылкѣ въ условномъ силлогизмѣ, между тѣмъ какъ основанія, которыя приводятъ къ такому раздѣленію посылокъ категорическаго силлогизма, совершенно непримѣнимы къ условному. Во-вторыхъ, оба ошибочно думаютъ, будто бы препятствіемъ считать правильными защищаемые ими модусы служитъ, такъ называемая, множественность причинъ, между тѣмъ какъ эти модусы оставались бы неправильными даже и въ томъ случаѣ, если бы не было факта множественности причинъ. Въ-третьихъ, оба ссылаются на то, что присутствіе неполной причины гдѣ-нибудь еще не гарантируетъ присутствіе слѣдствія этой причины, и отсюда ошибочно хотятъ извлечь пользу для защищаемыхъ ими модусовъ. (Сравн. Логика. Обозрѣніе и т. д. Владиславлева. Спб. 1881 г., стр. 144—146 и Обоснованіе Интуитивизма. Н. О. Лосскаго. Спб. 1906 г., стр. 312—317). Такое совпаденіе въ *ошибкахъ* ясно показываетъ, что одинаковость ихъ взглядовъ не случайнаго характера, а что мы здѣсь имѣемъ дѣло съ подчиненіемъ одного автора вліянію другого. Къ тому же, какъ Владиславлевъ говоритъ о „переходѣ мысли отъ основанія къ слѣдствію и наоборотъ“ въ условныхъ силлогизмахъ, между тѣмъ какъ логика отвлекается отъ разсмотрѣнія душевныхъ переживаній и переходовъ мысли при силлогизмахъ, такъ точно и Н. О. Лосскій употребляетъ это самое выраженіе и т. п.

Все сказанное было помѣщено и въ предшествующемъ изданіи моей книги, Н. О. Лосскій же въ своей брошюрѣ „Логика проф. А. И. Введенскаго“ (напечатанной первоначально въ видѣ статьи въ „Вопросахъ Философіи и Психологіи“ за 1912 г.) отрицаетъ, чтобы его теорія условныхъ силлогизмовъ возникла подъ вліяніемъ М. И. Владиславлева. Но я остаюсь при прежнемъ мнѣніи; ибо когда Н. О. Лосскій опровергаетъ меня, то допускаетъ типичное ignoratio elenchi, типичную подмѣну опровергаемаго положенія другимъ. Вотъ его опроверженіе въ его же подлинныхъ словахъ:

„Утвержденіе, будто я пришелъ къ этимъ ученіямъ подъ вліяніемъ М. И. Владиславлева, совершенно невѣрно. Въ студенческіе годы я развивалъ ихъ подъ вліяніемъ лейбниціанскаго представленія о мірѣ, какъ совокупности субстанцій (монадъ), развитіе которыхъ имѣетъ индивидуальный характеръ и не содержитъ въ себѣ повтореній. Впослѣдствіи я нашелъ въ пользу этихъ мыслей соображенія, независимыя

По теоріи Владиславлева-Лосскаго, существуетъ не два, а четыре правильныхъ модуса условно-категорическихъ силлогизмовъ: 1 — ponens, 2 — tollens, 3 — заключеніе отъ согласія съ слѣдствіемъ условной посылки къ необходимости соглашаться и съ ея основаніемъ, 4 — заключеніе отъ отрицанія ея основанія къ необходимости отрицать и ея слѣдствіе.

Утверждая, будто бы существуютъ *правильные* условно-категорическіе силлогизмы двухъ послѣднихъ модусовъ, *М. И. Владиславлевъ и Н. О. Лосскій, конечно, обязаны фактически подтвердить существованіе защищаемыхъ ими модусовъ посредствомъ подходящихъ примѣровъ.* Но Н. О. Лосскій не приводитъ никакихъ примѣровъ, а ограничивается соображеніями, почему логики отвергаютъ такіе силлогизмы и т. п. М. И. Владиславлевъ же приводитъ только два примѣра. Разсмотримъ ихъ, и оказывается, что одинъ изъ нихъ, хотя и правильный, да не принадлежитъ къ тѣмъ модусамъ, которые защищаются теоріей Владиславлева-Лосскаго, а другой, правда, принадлежитъ къ этимъ модусамъ, но, какъ и слѣдовало ожидать, неправильный.

Для подтвержденія существованія правильныхъ заключеній *отъ согласія съ слѣдствіемъ условной посылки къ необходимости соглашаться и съ ея основаніемъ*, М. И. Владиславлевъ приводитъ только такой примѣръ: „если бы Алкивіадъ безусловно любилъ свое отечество, то онъ не сталъ бы оказывать услуги спартанцамъ; но онъ оказалъ большую услугу имъ во время Пелопоннезской войны, посовѣтовавъ нанести ударъ аѳинянамъ экспедиціей въ Сицилію; слѣд., въ немъ не было истинной любви къ своему отечеству“. (Lib. cit., стр. 145). Силлогизмъ—безспорно правильный, только

отъ метафизики Лейбница.—Взгляды М. И. Владиславлева мнѣ были извѣстны, но въ процессѣ философской работы, каюсь, я всегда забывалъ о нихъ, должно быть, потому, что сочиненія Владиславлева, какъ всѣмъ извѣстно, содержатъ изрядное количество невѣроятныхъ безвкусицъ. (Замѣчу отъ себя: какъ это характерно для гг. метафизиковъ — оцѣнивать научные взгляды съ помощью соображеній о томъ, насколько они *вкусны! А. В.*). Посылки условно-категорическаго силлогизма, продолжаетъ Н. О. Лосскій, я называю большею и меньшею вслѣдствіе однородности строенія этихъ силлогизмовъ съ первою и второю фигурою, что установлено, напр., Зигвартомъ“. (Эта однородность, прибавлю я отъ себя, указывалась еще задолго до Зигварта, начиная съ стоиковъ. *Говоритъ о ней и М. И. Владиславлевъ.* А. В.).

Вотъ и все построенное Н. О. Лосскимъ опроверженіе моего мнѣнія. Не ясно ли, что онъ въ этомъ опроверженіи допускаетъ ошибку ignoratio elenchi, именно: вмѣсто вопроса о *вліяніи*, онъ обсуждаетъ вопросъ о *плагіатѣ*, въ которомъ между тѣмъ его никто не подозрѣвалъ. Вѣдь повтореніе чужого ученія, какъ бы созданнаго нами самими, сопровождаемое воспоминаніемъ о томъ, у кого мы заимствовали это ученіе, называется плагіатомъ. И Н. О. Лосскій своимъ опроверженіемъ доказалъ только то, что у него нѣтъ плагіата относительно М. И. Владиславлева (въ чемъ, повторяю, его никто не подозрѣвалъ, такъ что доказывать это было *незачѣмъ*). Забвеніе же о томъ авторѣ, у котораго мы усвоили какое-либо ученіе, ошибочно считаемое нами нашимъ собственнымъ изобрѣтеніемъ, нисколько не исключаетъ вліянія на насъ со стороны этого автора. У Н. О. Лосскаго же, какъ мы сейчасъ видѣли, слишкомъ много признаковъ вліянія М. И. Владиславлева.

бѣда въ томъ, что онъ образуетъ собой modus tollens, а вовсе не требующійся для М. И. Владиславлева и Н. О. Лосскаго модусъ, который состоялъ бы въ заключеніи *отъ согласія съ слѣдствіемъ* условной посылки къ необходимости *соглашаться съ ея основаніемъ*. Вѣдь здѣсь въ категорической посылкѣ мы отнюдь не высказываемъ своего согласія съ слѣдствіемъ условной, а, напротивъ, *отрицаемъ* послѣднее (ибо соглашаемся съ сужденіемъ, противоположнымъ этому слѣдствію), и въ выводѣ мы указываемъ на необходимость *отрицать* основаніе условной посылки (т.-е. соглашаться съ сужденіемъ, противоположнымъ этому основанію), а вовсе не на то, чтобы надо было *соглашаться* съ этимъ основаніемъ.

Теперь разсмотримъ единственный примѣръ М. И. Владиславлева, назначенный для подтвержденія существованія правильныхъ заключеній *отъ отрицанія основанія условной посылки къ необходимости отрицать и ея слѣдствіе*. Онъ таковъ: „когда законы тверды, миръ и благоденствіе народа обезпечиваются прочнымъ образомъ; но при революціяхъ основные законы теряютъ всеобщее довѣріе къ себѣ; слѣд., при революціяхъ миръ и благоденствіе народа всего менѣе обезпечиваются“ (ibid.). Здѣсь выводъ матеріально, т.-е. по *содержанію* своему, конечно, вѣренъ. Но *вытекаетъ ли* онъ изъ указанныхъ посылокъ, т.-е. дѣйствительно ли это *онъ* принуждаютъ соглашаться съ нимъ, или же это только кажется М. И. Владиславлеву, и кажется по той причинѣ, что онъ уже и *безъ нихъ, заранѣе*, знаетъ, что при революціяхъ не можетъ быть въ народѣ мира и благоденствія? Чтобы при оцѣнкѣ принудительной силы разсматриваемыхъ посылокъ насъ не сбивало съ толку это заранѣе извѣстное, изъ самаго существа революціи вытекающее свойство ея, оставимъ весь нашъ силлогизмъ въ его прежнемъ видѣ, но замѣнимъ въ немъ революціи реформами Александра II. Вѣдь отъ такой замѣны сила, съ какой посылки *правильнаго* силлогизма принуждаютъ насъ соглашаться съ выводомъ, не можетъ ни капли ослабѣть. Напр., эта принудительная сила нисколько не ослабѣваетъ въ силлогизмѣ: „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги; слѣд., ртуть упруга“, если мы въ немъ ртуть замѣнимъ спиртомъ или другимъ веществомъ. И вотъ, спрашивается, принуждаютъ ли насъ посылки соглашаться съ выводомъ въ слѣдующемъ силлогизмѣ: „когда законы тверды, миръ и благоденствіе народа обезпечиваются прочнымъ образомъ; но при реформахъ Александра II измѣнялись столь важные законы, какъ о крестьянахъ, о судахъ, о воинской повинности, о городскомъ и земскомъ управленіи и т. д.; слѣд., при реформахъ Александра II миръ и благоденствіе народа всего менѣе обезпечивались?“ Не ясно ли, что въ посылкахъ этого силлогизма нѣтъ никакого принужденія соглашаться съ его выводомъ? Изъ этихъ посылокъ, вообще, нельзя сдѣлать никакого вывода: ни того, чтобы при Александрѣ II народъ пользовался миромъ и благоденствіемъ; ни того, чтобы онъ страдалъ отъ смуты и нищеты. Такимъ образомъ, второй примѣръ М. И. Владиславлева образуетъ собой неправильный силлогизмъ, но

его неправильность заслоняется отъ глазъ автора тѣмъ, что его произвольный выводъ вѣренъ по содержанію.

Итакъ, М. И. Владиславлевъ и Н. О. Лосскій обязаны подтвердить свое мнѣніе объ условныхъ силлогизмахъ фактами, т.-е. посредствомъ подходящихъ правильныхъ примѣровъ показать намъ на дѣлѣ существованіе проповѣдуемыхъ ими модусовъ условнаго силлогизма. Но М. И. Владиславлеву такое фактическое подтвержденіе своихъ словъ не удается, а Н. О. Лосскій почему-то даже и не заботится о немъ. И, конечно, такое подтвержденіе никому никогда не удастся: *если бы существовали на дѣлѣ такіе правильные условные силлогизмы, о которыхъ говорятъ эти авторы, то они сохраняли бы свою правильность и въ схематической формѣ, но когда мы беремъ указываемые ими силлогизмы въ схематической формѣ, то тутъ съ особенной ясностью обнаруживается*, какъ мы видѣли на стр. 188, *что въ нихъ выводъ вовсе не требуется посылками, а присоединяется къ нимъ вполнѣ произвольно.*

Этимъ, строго говоря, и оканчивается опроверженіе теоріи Владиславлева-Лосскаго, разсматриваемой по существу. Но оба автора, конечно, должны были какъ-нибудь объяснить, почему же логики всегда считаютъ неправильными модусы, защищаемые этими авторами. Разсмотримъ на всякій случай и эти объясненія; ибо множество читателей слишкомъ сильно склоняются къ ошибкѣ ignoratio elenchi (стр. 143), и имъ легко можетъ притти въ голову, что если эти объясненія оставлены безъ отвѣта, то разсматриваемая теорія еще не вполнѣ опровергнута.

Оба автора ошибочно думаютъ, будто бы логикамъ препятствуетъ согласиться съ ними фактъ, такъ называемой, множественности причинъ. Подъ нимъ подразумѣвается то обстоятельство, что многія явленія природы, напр.—нагрѣваніе тѣла, производятся не одной только причиной, но нѣсколькими различными причинами. Такъ, нагрѣваніе производится и горѣніемъ, и прохожденіемъ электрическаго тока, и сжиманіемъ тѣла, и т. п. Изъ этого факта, конечно, вытекаетъ, что отъ присутствія гдѣ-нибудь даннаго явленія природы, напр.—нагрѣванія, еще нельзя безъ дальнихъ разговоровъ заключить къ присутствію тамъ другого опредѣленнаго явленія природы, напр.—сжиманія тѣла, слѣдствіемъ котораго служило бы первое: взамѣнъ этой причины можетъ оказаться на дѣлѣ другая причина. Наоборотъ, отъ отсутствія какого-либо явленія природы, служащаго причиной другого ея явленія, напр., отъ отсутствія сжиманія тѣла, тоже еще нельзя сразу заключить, что отсутствуетъ явленіе природы, служащее слѣдствіемъ этой причины, именно, въ нашемъ примѣрѣ — нагрѣваніе тѣла: послѣднее, все-таки, можетъ возникнуть подъ вліяніемъ какой-либо другой причины. Вотъ все это, по мнѣнію нашихъ авторовъ, и вооружаетъ логиковъ противъ заключеній отъ согласія съ слѣдствіемъ условной посылки къ согласію съ ея основаніемъ и отъ отрицанія ея основанія къ отрицанію слѣдствія. Очевидно, *обоимъ авторамъ кажется, будто бы правила условно-категорическихъ силлогизмовъ выведены логиками изъ факта множественности причинъ.*

Поэтому оба они стараются уговорить читателя, чтобы онъ не смущался множественностью причинъ.

Но они излишнимъ образомъ тратятъ свои силы на подобныя увѣщанія: *существуетъ ли фактъ множественности причинъ или нѣтъ, это не оказываетъ ни малѣйшаго вліянія на правила силлогизмовъ, а поэтому не имѣетъ никакого значенія для вопроса о числѣ правильныхъ модусовъ условно-категорическаго силлогизма.* И наипростѣйшимъ подтвержденіемъ полной независимости правилъ условно-категорическаго силлогизма отъ факта множественности причинъ служитъ то обстоятельство, что *модусы Владислава-Лосскаго выходятъ явно неправильными даже и тамъ, гдѣ нѣтъ никакой рѣчи о причинахъ возникновенія различныхъ явленій природы, именно—въ математикѣ*, какъ это ясно изъ слѣдующихъ примѣровъ.

Конечно, всѣ согласятся съ такимъ условнымъ сужденіемъ: „если данный четыреугольникъ есть квадратъ, то его діагонали равны между собой“. Но пусть мы удостовѣрились, что „данный четыреугольникъ не составляетъ квадрата“. Не ясно ли, что если мы изъ этихъ двухъ посылокъ сдѣлаемъ (по одному изъ модусовъ Владиславлева-Лосскаго) выводъ, говорящій: „слѣд., діагонали даннаго четыреугольника не равны между собой“, то онъ будетъ неправильнымъ? Вѣдь и у продолговатыхъ прямоугольниковъ, и у равнобедренныхъ трапецій и т. д. діагонали тоже равны между собой. Далѣе, пусть мы попробуемъ на-ряду съ той же самой условной посылкой допустить такую категорическую: „по измѣренію оказалось, что у даннаго четыреугольника діагонали равны между собой“, и сдѣлаемъ (по другому модусу Владиславлева-Лосскаго) изъ этихъ двухъ посылокъ выводъ, говорящій: „слѣд., данный четыреугольникъ есть квадратъ“. Не ясно ли, что выводъ будетъ неправильнымъ? Этотъ четыреугольникъ можетъ оказаться и продолговатымъ прямоугольникомъ, и равнобедренной трапеціей и т. д.

Теперь алгебраическій примѣръ. Пусть мы удостовѣрились (это легко сдѣлать путемъ простого ариѳметическаго подсчета) въ истинности такого условнаго сужденія:

$$\text{„если } x=1, \text{ то } 2x^4-15x^3+40x^2-45x+18=0\text{“}.$$

И пусть на-ряду съ этимъ мы удостовѣрились еще, что то x, величину котораго намъ надо выяснить для рѣшенія заданной задачи, оказывается неравнымъ съ единицей. Даетъ ли это намъ право заключить, что слѣдствіе нашей условной посылки оказывается теперь уже невѣрнымъ, т.-е.—что упоминаемый въ ней многочленъ не равенъ нулю, если x не равно единицѣ? Никоимъ образомъ. И наипростѣйшимъ свидѣтельствомъ о произвольности такого заключенія служитъ то обстоятельство, что этотъ многочленъ выходитъ равнымъ нулю (какъ въ этомъ тоже легко убѣдиться путемъ ариѳметическаго подсчета) не только, когда x равно единицѣ, но еще также въ трехъ слѣдующихъ случаяхъ: если оно равно 2, или 3, или $^3/_2$. Отсюда ясно также, что если насъ что-нибудь заставитъ согласиться съ истинностью слѣд-

ствія разсматриваемаго условнаго сужденія, напр., если въ задачѣ даны такія указанія относительно x, на основаніи которыхъ получается уравненіе, образующее это слѣдствіе, то изъ одного лишь этого обстоятельства, взятаго вмѣстѣ съ нашей условной посылкой, мы еще не въ правѣ заключить, что то x, о которомъ говорится въ нашей задачѣ, непремѣнно окажется единицей, т.-е. мы не въ правѣ такъ заключать: „если $x=1$, то означенный многочленъ равенъ нулю; онъ равенъ нулю; слѣд., $x=1$".

Такимъ образомъ, если логики считаютъ модусы Владиславлева-Лосскаго неправильными, то поступаютъ такъ вовсе не потому, чтобы эти модусы противорѣчили факту множественности причинъ, а совершенно независимо отъ такого противорѣчія. Но въ чемъ же именно *логики усматриваютъ ошибочность этихъ модусовъ? Въ томъ, что въ нихъ посылки (каково бы ни было ихъ содержаніе, говорятъ ли онѣ о причинахъ возникновенія явленій природы, или о чемъ другомъ, напр., о геометрическихъ отношеніяхъ, о свойствахъ чиселъ и т. п., это безразлично) не находятся въ логической связи съ присоединенными къ нимъ выводами:* взятыя сами по себѣ, безъ всякихъ добавочныхъ сужденій, эти посылки еще не принуждаютъ насъ ровно *ни къ какому выводу*. Вотъ это-то обстоятельство, т.-е. одно лишь отсутствіе *логической* связи между выводомъ и посылками, а вовсе не фактъ множественности причинъ, и заставляетъ логиковъ считать неправильными модусы Владиславлева-Лосскаго. *И если бы фактъ множественности причинъ исчезъ*, такъ что причиной каждаго явленія природы стало бы служить только одно явленіе, *то отъ этого въ правилахъ силлогизмовъ, все-таки, не произошло бы никакихъ перемѣнъ, и модусы Владиславлева-Лосскаго, по-прежнему, считались бы неправильными.*

Далѣе, Н. О. Лосскій къ разсмотрѣнному объясненію прибавляетъ еще, будто бы логика оттого низко цѣнитъ защищаемые имъ модусы, что считаетъ ихъ излишними, ненужными на-ряду съ модусами ponens и tollens. Самъ же онъ находитъ такое отношеніе къ дѣлу невѣрнымъ: защищаемые имъ модусы, по его словамъ, необходимы для всякаго возстановленія прошлаго, основаннаго на тѣхъ слѣдахъ, которые остаются отъ него въ настоящемъ, напр.— для исторіи, для геологіи, для судебныхъ слѣдствій и т. п. (l. c. 313 перваго или 295 второго изд.). Но, во-первыхъ, логика вовсе никогда никакихъ умозаключеній не объявляетъ *неправильными* на основаніи возможности обойтись безъ нихъ: иначе она объявила бы неправильными всѣ модусы четвертой фигуры категорическихъ силлогизмовъ, безъ которыхъ очень легко обойтись, и которыхъ почти никогда не употребляютъ на дѣлѣ вслѣдствіе неестественности хода мыслей при нихъ. Во-вторыхъ, говоря о возстановленіи прошлаго по слѣдамъ, сохранившимся отъ него въ настоящемъ, Н. О. Лосскій упускаетъ изъ виду, что такое *возстановленіе прошлаго доказывается вовсе не тѣми простыми условно-категорическими модусами, которые онъ защищаетъ, но очень сложными соединеніями разнообразнѣйшихъ допускаемыхъ логикой умозаключеній.* Напр., въ доказательствахъ любого историческаго изслѣдователя можно встрѣтить въ разнообразнѣйшихъ

и очень сложныхъ соединеніяхъ между особой почти всѣ допускаемые логикой виды умозаключеній. Но въ составѣ этихъ *доказательствъ* никогда не встрѣчаются защищаемые Н. О. Лосскимъ модусы: участіе послѣднихъ, если и можно подглядѣть у историка, то только въ видѣ одного изъ способовъ возникновенія догадки, а не какъ составную часть ея доказательства.

Наконецъ, Н. О. Лосскій выставляетъ существованіе защищаемыхъ имъ силлогизмовъ, какъ неизбѣжное требованіе интуитивизма, т.-е. проповѣдуемой имъ метафизики (l. c. 302 и слѣд. 1-го изданія или 294 и слѣд. 2-го изданія его книги). Но намъ незачѣмъ провѣрять это мнѣніе Н. О. Лосскаго. Въ самомъ дѣлѣ: *если онъ правильно вывелъ существованіе защищаемыхъ имъ модусовъ изъ проповѣдуемаго имъ интуитивизма, то этимъ самымъ онъ наилучшимъ образомъ опровергъ весь свой интуитивизмъ*. Вѣдь на дѣлѣ-то, фактически, этихъ модусовъ не оказывается: ни М. И. Владиславлевъ, ни Н. О. Лосскій не показали и никогда не могутъ, какъ мы видѣли на стр. 193, показать ихъ существованіе на дѣлѣ, на правильныхъ примѣрахъ; но такіе примѣры *должны* существовать, если интуитивизмъ вѣренъ, а Н. О. Лосскій *правильно* выводитъ изъ него необходимость ихъ существованія. Впрочемъ, *не исключена и та возможность, что Н. О. Лосскій просто-напросто подчинился вліянію ошибки М. И. Владиславлева и неправильно разработалъ свой интуитивизмъ*. Именно: можетъ быть, онъ, проникшись ложнымъ мнѣніемъ М. И. Владиславлева, будто бы на дѣлѣ, фактически существуютъ не два, а четыре правильныхъ условно-категорическихъ модуса, *насильственно*, путемъ *ошибочныхъ* разсужденій, *подогналъ* интуитивизмъ подъ это предвзятое мнѣніе. *Изъ сопоставленія же этихъ двухъ возможностей ясно, что намъ нѣтъ ни малѣйшей надобности провѣрять вслѣдъ за Н. О. Лосскимъ, дѣйствительно ли интуитивизмъ требуетъ допускать существованіе правильныхъ модусовъ Владиславлева-Лосскаго:* если не требуетъ, то незачѣмъ даже внимательно читать тѣ страницы книги Н. О. Лосскаго, въ которыхъ онъ связываетъ судьбу своего интуитивизма съ этими модусами (какъ наполненныя *ошибочными* разсужденіями); если же требуетъ, то не стоитъ обращать вниманіе и на весь-то интуитивизмъ (какъ *фактически опровергнутый самимъ же Н. О. Лосскимъ*).

Н. О. Лосскій, заканчивая свою борьбу за новые модусы, почему-то (не важно, почему: изъ-за внезапнаго ли чувства ошибочности своей борьбы съ логикой, или вслѣдствіе желанія поскромничать при подведеніи итога этой борьбы и т. п.) высказалъ одну фразу, которая можетъ внушить читателю совершенно ложную мысль о положеніи въ научной литературѣ вопроса о числѣ правильныхъ модусовъ. Именно, вотъ что онъ пишетъ, *заканчивая* свою защиту новыхъ модусовъ: „мы вовсе, говоритъ онъ, не воображаемъ, будто мы открыли группу умозаключеній, которыя совершенно не замѣчены или даже отрицаются логикой. Умозаключенія, указываемыя нами, *признаются* и традиціонною логикой, но они *истолковываются* съ помощью иной теоріи, чѣмъ это дѣлаемъ мы“ (l. c. 319 перваго или 301 второго

изданія). Это фактически невѣрно. Логика вовсе не „истолковываетъ съ помощью иной теоріи“, чѣмъ Н. О. Лосскій, модусы Владиславлева-Лосскаго, *признавая* ихъ, но рѣшительно объявляетъ ихъ неправильными, отрицаетъ ихъ годность для доказательствъ. Правильными же она считаетъ всего только два модуса условно-категорическихъ силлогизмовъ—ponens и tollens. И убѣдиться въ этомъ можно даже безъ всякаго пересмотра курсовъ логики, а изъ собственныхъ же словъ Н. О. Лосскаго, написанныхъ, когда онъ *не заканчиваетъ*, а всего лишь *приступаетъ* къ защитѣ своихъ модусовъ. Вотъ что онъ пишетъ тамъ: „такимъ образомъ, получаются четыре формы перехода мысли отъ основанія къ слѣдствію и наоборотъ. *Традиціонная логика рѣзко расходится съ нами: она считаетъ правомѣрными только двѣ изъ этихъ формъ* — умозаключенія отъ присутствія основанія къ присутствію слѣдствія и отъ отсутствія слѣдствія къ отсутствію основанія“ (l. c. 312 или 294 второго изданія). Вотъ это вполнѣ вѣрно рисуетъ и положеніе вопроса въ логикѣ, и ту увѣренность, съ какой Н. О. Лосскій *начинаетъ* свою борьбу съ ней.

Еще одно замѣчаніе: подъ самый конецъ своей статьи „Логика проф. А. И. Введенскаго“ Н. О. Лосскій соглашается, что онъ прежде ошибочно защищалъ существованіе *четырехъ* правильныхъ модусовъ условно-категорическаго силлогизма. Почему же я не устранилъ теперь изъ своей книги всего параграфа, посвященнаго критикѣ теоріи Владиславлева-Лосскаго, а только сократилъ его. Во-первыхъ, потому, что ученіе о четырехъ модусахъ встрѣчается не у одного только Н. О. Лосскаго, а также въ „Логикѣ“ М. И. Владиславлева, и если послѣдній сбилъ съ толку Н. О. Лосскаго, то онъ можетъ сбить и другихъ. Во-вторыхъ, Н. О. Лосскій сопровождаетъ свое признаніе въ сдѣланной имъ ошибкѣ такими оговорками, что, пожалуй, не всякій читатель пойметъ, отказывается ли онъ отъ прежняго мнѣнія, или же только заявляетъ, что хотя оно и вѣрно по существу, да неудачно изложено. „Къ сожалѣнію, говоритъ Н. О. Лосскій, это методологическое ученіе я выразилъ неправильно, какъ это я признаю теперь отчасти подъ вліяніемъ критики проф. Введенскаго; именно, я высказалъ его, какъ логическое ученіе о возможности четырехъ модусовъ. Въ дѣйствительности, хотя основаніе и полное слѣдствіе связаны однозначно какъ въ прогрессивномъ, такъ и въ регрессивномъ направленіи, все же говорить о четырехъ модусахъ нельзя, потому что изъ формы сужденія не видно, выражаетъ ли предикатъ его полное слѣдствіе изъ даннаго основанія (изъ субъекта) или нѣтъ. Сдѣланная мною въ концѣ изслѣдованія оговорка въ пользу традиціонной логики, вызвавшая язвительное замѣчаніе проф. Введенскаго, показываетъ, что въ моихъ разсужденіяхъ важна и цѣнна была для меня методологическая сторона, а логическая терминологія, въ которую я облекъ свои мысли, здѣсь не играетъ существенной роли“.

12. Невозможность въ чисто-раціональныхъ наукахъ a) доказывать единичныя сужденія и b) обходиться безъ употребленія общихъ синтетическихъ сужденій, какъ высшихъ основаній. Мы разсмотрѣли всѣ

основныя умозаключенія, т.-е. такія, изъ разнообразныхъ соединеній которыхъ между собой образуются всѣ остальныя. Обратимся же теперь къ двумъ вопросамъ, съ которыми мы столкнулись при изученіи доказательствъ чистораціональныхъ наукъ, и которые мы отмѣтили на страницахъ 121 и 135, какъ требующіе предварительнаго знанія всѣхъ умозаключеній.

Первый изъ нихъ таковъ (см. стр. 121): вѣрно ли, что при доказательствахъ, *нигдѣ* несоединяемыхъ съ установкой данныхъ опыта, т.-е. въ *чисто*-раціональныхъ наукахъ, нельзя доказать ни одного единичнаго сужденія? Теперь въ этомъ не можетъ быть никакихъ сомнѣній. Дѣйствительно, пересмотрѣвъ систематически всѣ правильныя умозаключенія, мы видимъ, что если въ числѣ ихъ посылокъ не будетъ ни одного единичнаго сужденія, то и выводы никогда не выходятъ единичными, а только или общими, или частными (сравн. стр. 146 съ послѣдующимъ изложеніемъ). *Единичный выводъ можетъ быть полученъ только въ томъ случаѣ, если въ числѣ посылокъ будетъ хоть одно единичное сужденіе.* Такимъ образомъ, *для доказательства единичнаго сужденія методами чисто-раціональныхъ наукъ, т.-е. безъ установки данныхъ опыта, надо было бы въ числѣ доказывающихъ основаній имѣть единичныя сужденія.* Но они, чтобы служить основаніями для доказательствъ, должны быть уже оправданы; а такъ какъ для ихъ оправданія посредствомъ умозаключеній снова понадобятся оправданныя единичныя сужденія и такъ далѣе, то одно изъ двухъ: *или методами чисто-раціональныхъ наукъ, т.-е. доказательствами, нигдѣ несоединяемыми съ установкой данныхъ опыта, нельзя доказать ни одного единичнаго сужденія, или же для его доказательства въ концѣ концовъ надо будетъ опираться на такія основанія (единичныя сужденія), которыя сами-то оправдываются посредствомъ установки данныхъ опыта; а это значитъ, что мы будемъ имѣть дѣло не съ чисто-раціональнымъ знаніемъ, а съ знаніемъ, которое хотя и употребляетъ доказательства, встрѣчаемыя въ раціональныхъ наукахъ, но на-ряду съ ними пользуется еще и установкой данныхъ опыта.*

Обратимся теперь къ вопросу: составляетъ ли та особенность, которую мы подмѣтили на стр. 128 въ *знакомыхъ* намъ раціональныхъ наукахъ, постоянное и общее свойство *всѣхъ* чисто-раціональныхъ наукъ, или же, можетъ быть, это частная особенность однѣхъ лишь знакомыхъ намъ раціональныхъ наукъ, при чемъ и здѣсь-то она, можетъ быть, служитъ лишь временнымъ ихъ свойствомъ, которое исчезнетъ съ дальнѣйшимъ развитіемъ знанія? Иначе говоря, мы имѣемъ въ виду такой вопросъ: *всегда ли чисто-раціональныя науки, въ видѣ высшихъ основаній, на-ряду съ опредѣленіями должны употреблять еще нѣкоторыя общія синтетическія сужденія, или же можно было бы ограничиться одними лишь опредѣленіями?* (Сравн. стр. 135). По причинамъ, которыя мы уже указали на стр. 136, этотъ вопросъ можно рѣшить только путемъ выясненія другого вопроса, именно: „можно ли правильно получить *общій* синтетическій выводъ, какъ слѣдствіе, вытекающее

изъ однѣхъ только аналитическихъ посылокъ?“ [1]). *Частный синтетическій выводъ, конечно, можно правильно получить и изъ однѣхъ лишь аналитическихъ посылокъ.* Напр.: „квадраты-четыреугольники; квадраты имѣютъ равныя между собой стороны; слѣд., нѣкоторые четыреугольники имѣютъ равныя между собой стороны“. Здѣсь обѣ посылки аналитическія, а выводъ синтетическій и въ то же время правильный. Но онъ частный, а намъ теперь интересны только *общіе* выводы: когда *они*, выходя правильными, могутъ быть синтетическими? Поэтому мы теперь обратимъ вниманіе только на такія видоизмѣненія умозаключеній, при которыхъ получаются правильные *общіе* выводы. Сначала мы разсмотримъ въ примѣненіи къ нашей задачѣ категорическіе силлогизмы и вообще категорическія умозаключенія, а послѣ этого перейдемъ къ раздѣлительнымъ и условнымъ силлогизмамъ. И всегда обнаружится одно и то же, именно: *общій синтетическій выводъ можетъ быть правильно полученъ только изъ такихъ посылокъ, среди которыхъ есть, хоть одна, общая синтетическая; изъ однѣхъ же аналитическихъ посылокъ нельзя правильно получить общій синтетическій выводъ.* А это значитъ, что *каждое общее синтетическое сужденіе можетъ быть доказано не иначе, какъ съ помощью другого общаго синтетическаго сужденія.*

Обратимся же къ категорическимъ умозаключеніямъ. При ихъ разсмотрѣніи мы употребимъ слѣдующій пріемъ для рѣшенія интересующей насъ задачи: взявъ въ схематической формѣ такое категорическое умозаключеніе, у котораго правильный *общій* выводъ, мы допустимъ, что входящія въ его составъ посылки *всѣ до одной аналитическія*, и разсмотримъ, можетъ ли при такихъ условіяхъ выводъ этого умозаключенія выйти синтетическимъ. Окажется, что это невозможно, т.-е. окажется, что въ категорическихъ умозаключеніяхъ никогда *общій* синтетическій выводъ не можетъ быть правильно полученъ изъ однѣхъ лишь аналитическихъ посылокъ. А отсюда слѣдуетъ, что во взятомъ нами умозаключеніи правильный *общій* выводъ *можетъ* выйти синтетическимъ только въ томъ случаѣ, если хоть одна изъ посылокъ этого умозаключенія будетъ синтетической. А такъ какъ изъ изложенныхъ нами правилъ умозаключеній уже извѣстно, что *общіе* выводы (будутъ ли они аналитическими или синтетическими, безразлично) получаются въ категорическихъ умозаключеніяхъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, чтобы *всѣ до одной посылки были общими*, то и выходитъ, что въ категорическихъ умозаключеніяхъ правильный выводъ *можетъ* оказаться сразу и синтетическимъ, и

[1]) Самъ Кантъ считалъ это дѣломъ невозможнымъ, но онъ не изложилъ никакого доказательства этой мысли, а, разсчитывая на хорошее пониманіе логики со стороны своихъ читателей, выставилъ ее, какъ вещь вполнѣ очевидную. Вотъ его слова (въ моемъ переводѣ) на стр. 14 второго (его собственнаго) изданія Критики: „въ синтетическомъ сужденіи, конечно, можно удостовѣриться съ помощью закона противорѣчія, но отнюдь не ограничиваясь имъ самимъ, а только такъ, чтобы при этомъ предполагалось другое синтетическое сужденіе, изъ котораго вытекало бы первое“, и нѣтъ никакихъ доказательствъ. Но въ виду важности вопроса необходимо ясно понять всю невозможность вывесть общее синтетическое сужденіе безъ помощи другого общаго синтетическаго.

общимъ только въ томъ случаѣ, если хоть одна изъ посылокъ будетъ сразу и синтетической и общей. Разумѣется, съ помощью этого метода мы еще не въ состояніи будемъ узнать, *навѣрное ли* окажется правильный выводъ сразу и синтетическимъ, и общимъ, если одна изъ посылокъ будетъ общей синтетической. Но въ этомъ намъ нѣтъ никакой надобности; ибо намъ важно знать только то условіе, *единственно* при которомъ правильный выводъ *можетъ* быть сразу и общимъ, и синтетическимъ.

Мы начнемъ дѣло съ категорическихъ силлогизмовъ. И такъ какъ въ нихъ правильный общій выводъ получается только въ пяти модусахъ: *Barbara* и *Celarent* первой фигуры, *Cesare* и *Camestres* второй фигуры и *Camenes* четвертой (см. стр. 183), то мы должны разсмотрѣть только эти модусы. Для примѣра мы разсмотримъ лишь два изъ нихъ. А по ихъ образцу каждый и самъ можетъ примѣнить тотъ же методъ къ тремъ остальнымъ.

Возьмемъ сперва модусъ первой фигуры *Barbara*, который даетъ *общеутвердительный* выводъ и схематически можетъ быть изображенъ слѣдующимъ образомъ:

всякое M есть P;
всякое S есть M;
слѣд., всякое S есть P.

Допустимъ же, что обѣ посылки здѣсь сужденія аналитическія, и посмотримъ, какое сужденіе выйдетъ у насъ въ выводѣ при такомъ условіи—аналитическое или синтетическое. Если бо́льшая посылка—сужденіе аналитическое, то въ ней подлежащее $M = P + a$ (сравн. стр. 89). Если же и другая посылка аналитическая, то ея подлежащее S можетъ быть выражено, какъ $M + b$. Но въ виду того, что $M = P + a$, выходитъ, что $S = P + a + b$. А тогда нашъ выводъ „S есть P“ будетъ имѣть слѣдующій видъ:

„всякое $(P + a + b)$ есть P“.

Всматриваясь въ это сужденіе, мы замѣчаемъ, что его сказуемое составляетъ *часть* содержанія подлежащаго, т.-е. нашъ выводъ оказался сужденіемъ, хотя и общимъ, но аналитическимъ. Такимъ образомъ *по модусу Barbara изъ однѣхъ аналитическихъ посылокъ нельзя получить правильный общій синтетическій выводъ. Для этой цѣли хоть одна изъ нихъ должна быть сужденіемъ синтетическимъ. А такъ какъ онѣ обѣ общія, то, значитъ, здѣсь правильный общій синтетическій выводъ получается лишь въ томъ случаѣ, когда хоть одна изъ посылокъ есть сужденіе и общее, и синтетическое.*

Возьмемъ теперь модусъ съ *общеотрицательнымъ* выводомъ и посмотримъ, каковъ долженъ получиться выводъ, если мы допустимъ, что въ немъ обѣ посылки сужденія аналитическія. Разсмотримъ модусъ второй фигуры *Cesare*, который схематически изображается слѣдующимъ образомъ:

Ни одно P не есть M;
а всякое S есть M;
слѣд., ни одно S не есть P.

Допустимъ, что бо́льшая посылка сужденіе аналитическое. Тогда ея подлежащее $P = a + x$, сказуемое же $M = b + non\ x$ (сравн. стр. 97). Затѣмъ допустимъ, что и меньшая посылка тоже сужденіе аналитическое. Тогда ея подлежащее $S = M + c$. Но, какъ сейчасъ сказано, $M = b + non\ x$; слѣдовательно, $S = b + non\ x + c$. А теперь подставимъ въ выводъ вмѣсто S выраженіе $b + non\ x + c$, а вмѣсто P выраженіе $a + x$, а тогда выводъ выразится слѣдующей схемой:

„ни одно $(b + non\ x + c)$ не есть $(a + x)$“.

Очевидно, что въ выводѣ получилось аналитическое сужденіе; ибо подлежащее и сказуемое имѣютъ одинъ и тотъ же элементъ x, только въ подлежащее онъ входитъ отрицательнымъ ($non\ x$), а въ сказуемое — утвердительнымъ образомъ.

Подобное же разсужденіе можно примѣнить и къ остальнымъ тремъ модусамъ категорическихъ силлогизмовъ, при которыхъ получается правильный общій выводъ, и мы повсюду придемъ къ одному и тому же результату, именно: *при помощи категорическихъ силлогизмовъ никогда нельзя получить правильный общій синтетическій выводъ изъ однѣхъ лишь аналитическихъ посылокъ*. Слѣд., для полученія такого вывода хоть одна изъ посылокъ должна быть синтетической. А такъ какъ *обѣ* посылки въ то же время должны быть общими (иначе не получится правильный *общій* выводъ), то, значитъ, *при помощи категорическихъ силлогизмовъ правильный общій синтетическій выводъ можно получить только въ томъ случаѣ, если по крайней мѣрѣ хоть одна изъ посылокъ будетъ общимъ синтетическимъ сужденіемъ*.

Что же касается непосредственныхъ умозаключеній, то ихъ, строго говоря, можно было бы и не разсматривать: они вѣдь не расширяютъ нашего знанія, а только преобразовываютъ его въ другую форму (см. слѣд. §). Но чтобы еще яснѣе была видна суть употребляемаго нами пріема, мы примѣнимъ его и къ непосредственнымъ умозаключеніямъ, обойдя лишь молчаніемъ превращеніе, взятое само по себѣ, безъ того соединенія съ обращеніемъ, которое называется противопоставленіемъ сказуемому. Вѣдь, взятое само по себѣ, превращеніе ровно ничѣмъ не отличается отъ кажущихся умозаключеній, именно—отъ чисто-словеснаго преобразованія даннаго предложенія въ равнозначущее (сравн. стр. 161). Разсматривать же кажущіяся умозаключенія, конечно, нѣтъ никакой надобности. Такимъ образомъ, мы подвергнемъ разсмотрѣнію по вышеуказанному методу только обращеніе, противопоставленіе сказуемому и ограниченіе третьяго понятія.

При обращеніи общій выводъ получается только изъ общеотрицательной

посылки (стр. 156), такъ что только этотъ случай обращенія и заслуживаетъ разсмотрѣнія. Схематически онъ таковъ: „ни одно S не есть P; слѣд.; ни одно P не есть S“. Допустимъ же, что наша посылка будетъ аналитической. Это значитъ, что, напр., $S = a + x$, а $P = b + non\ x$. Но тогда выводъ будетъ такимъ: „ни одно $(b + non\ x)$ не есть $(a + x)$“, т.-е. аналитическимъ; ибо въ составѣ подлежащаго и сказуемаго входитъ признакъ x, но въ одно изъ нихъ утвердительнымъ образомъ, а въ другое отрицательнымъ—въ видѣ *non x*. Слѣд., чтобы выводъ вышелъ здѣсь не только общимъ, но еще и синтетическимъ, надо, чтобы сама-то наша посылка была не только общей (отрицательной), но еще и синтетической, такъ что и *при обращеніи правильный общій синтетическій выводъ получается не иначе, какъ изъ общей синтетической посылки.*

При противопоставленіи сказуемому общій выводъ получается только изъ общей утвердительной посылки (см. стр. 162), т.-е. изъ такой: „всякое S есть P“, при чемъ выводъ гласитъ, что „ни одно *non P* не есть S“. Пусть же эта посылка будетъ аналитической. Это значитъ, что $S = P + a$. А каковъ же будетъ тогда составъ вывода, если въ немъ замѣнить S этимъ выраженіемъ? Вотъ какой: „ни одно *non P* не есть $(P + a)$“. Но вѣдь при такомъ составѣ выводъ оказывается аналитическимъ; ибо P въ подлежащее входитъ отрицательнымъ образомъ—въ видѣ *non P*, а въ сказуемое утвердительнымъ. Слѣд., *чтобы правильный выводъ при противопоставленіи сказуемому оказался общимъ синтетическимъ, надо, чтобы посылка была общей (утвердительной) и въ то же время синтетической.*

Что же касается ограниченія третьяго понятія, то при немъ общій выводъ получается изъ общей посылки, и схематически это умозаключеніе таково: „всякое S есть P; слѣд., всякое $(x + S)$ есть $(x + P)$“. Допустимъ же, что наша посылка будетъ аналитической. Это значитъ, что $S = P + a$. А тогда выводъ окажется слѣдующимъ: „всякое $(x + P + a)$ есть $(x + P)$“. Но это вѣдь составъ аналитическаго сужденія; ибо все содержаніе сказуемаго образуетъ часть подлежащаго. Слѣд., *и здѣсь правильный общій выводъ можетъ оказаться синтетическимъ лишь въ томъ случаѣ, если посылка будетъ общей и синтетической.*

Такимъ образомъ, *во всѣхъ категорическихъ умозаключеніяхъ (и въ непосредственныхъ, и въ силлогизмахъ), а поэтому и во всѣхъ соединеніяхъ между собой какихъ бы то ни было категорическихъ умозаключеній дѣло стоитъ слѣдующимъ образомъ: изъ однѣхъ лишь аналитическихъ посылокъ правильно могутъ быть получены только аналитическіе общіе выводы (или же — частные синтетическіе* см. стр. 199), *а для правильнаго полученія синтетическаго общаго вывода хоть одна изъ посылокъ должна быть общей синтетической.*

Теперь надо разсмотрѣть, какъ дѣло стоитъ въ раздѣлительныхъ и условныхъ силлогизмахъ.

Раздѣлительныя сужденія, какъ мы знаемъ (см. стр. 97), или явно нелѣпы, т.-е. явно непригодны для того, чтобы пользоваться ими, какъ

основаніями при доказательствахъ, или же въ нихъ каждое сказуемое относится къ своему подлежащему синтетически. А такъ какъ общій выводъ въ раздѣлительныхъ силлогизмахъ можетъ получаться, очевидно, только при общей раздѣлительной посылкѣ, то, значитъ, здѣсь *вполнѣ, т.-е. и формально и матеріально, правильный* общій синтетическій выводъ получается при помощи такой посылки, которая, какъ раздѣлительная, должна считаться синтетической и въ то же время будетъ общей; слѣд., здѣсь соблюдается такое же правило, какъ и въ категорическихъ умозаключеніяхъ.

Остаются предъ нами лишь условные силлогизмы. Но они не могутъ нарушить того правила доказательства общихъ синтетическихъ сужденій, которое господствуетъ въ категорическихъ умозаключеніяхъ.

Дѣло въ томъ, что въ каждомъ условномъ сужденіи высказывается такая связь двухъ категорическихъ сужденій, которая будетъ только одной изъ двухъ: либо логической, либо реальной. Напр., когда мы говоримъ: „если A есть B, то C есть D“, то необходимость соглашаться здѣсь съ обусловленнымъ категорическимъ сужденіемъ, т.-е. съ тѣмъ, что C есть D, если мы согласимся съ обусловливающимъ сужденіемъ, что A есть B, можетъ быть порождена только двумя причинами. Во-первыхъ, мы можемъ посредствомъ категорическихъ умозаключеній доказать, что „C есть D“, пользуясь въ видѣ основанія доказательства сужденіемъ „A есть B“, такъ что связь перваго сужденія съ вторымъ будетъ логической связью. Напр., изъ сужденія „всякое S есть P“ вытекаетъ, т.-е. пользуясь имъ, какъ основаніемъ, доказываютъ, что „нѣкоторыя P суть S“. И вотъ, мы можемъ это мыслить въ видѣ слѣдующаго условнаго сужденія: „если всякое S есть P, то нѣкоторыя P суть S“. И такое сужденіе высказываетъ логическую связь между его частями. Во-вторыхъ, опытъ можетъ свидѣтельствовать, что при осуществленіи въ немъ сужденія „A есть B“ осуществляется и сужденіе „C есть D“, такъ что ихъ связь въ нашемъ условномъ сужденіи окажется реальной, засвидѣтельствованной опытомъ. Напр., опытъ свидѣтельствуетъ, что „если ртуть въ термометрѣ поднимается, то становится теплѣе“.

Но если въ условныхъ сужденіяхъ, высказывающихъ логическую связь между двумя категорическими сужденіями, эта связь возникаетъ вслѣдствіе доказательства съ помощью *категорическихъ* умозаключеній, то наше условное сужденіе, конечно, будетъ не въ состояніи привесть къ такому доказательству общаго синтетическаго сужденія, при которомъ не было бы надобности пользоваться, въ видѣ доказывающаго основанія, другимъ общимъ синтетическимъ сужденіемъ. Вѣдь опираться на такое условное сужденіе значитъ опираться на то, что̀ доказывается *категорическими* умозаключеніями. Такимъ образомъ, тѣ доказательства, въ которыхъ въ видѣ основаній встрѣчаются условныя сужденія, высказывающія логическія связи, не могутъ приводить къ нарушенію того правила о доказательствѣ общихъ синтетическихъ сужденій, которому подчинены категорическія умозаключенія.

Что же касается условнаго сужденія, высказывающаго реальную связь

между частями этого сужденія, то оно по своему смыслу равносильно одному изъ категорическихъ сужденій и можетъ быть замѣнено имъ, такъ что служитъ всего лишь другой формой этого категорическаго сужденія. Напр., условное сужденіе „если ртуть въ термометрѣ поднимается, то становится теплѣе“ равносильно съ слѣдующимъ категорическимъ: „подъемъ ртути въ термометрѣ сопровождается усиленіемъ тепла въ воздухѣ“. Первое сужденіе служитъ всего лишь другой формой второго. А изъ этого ясно, что участіе въ составѣ доказательства, въ видѣ основанія, *такого* условнаго сужденія тоже не можетъ повесть къ нарушенію того правила о доказательствѣ общихъ синтетическихъ сужденій, которому подчинены всѣ категорическія умозаключенія.

Такимъ образомъ, какія бы соединенія разнообразныхъ умозаключеній между собой ни употребляли мы, *каждое общее синтетическое сужденіе можетъ быть доказано не иначе, какъ съ помощью другого общаго синтетическаго сужденія*, но отнюдь не съ помощью однихъ лишь аналитическихъ. А отсюда вытекаютъ два слѣдствія, въ которыхъ содержится отвѣтъ на вопросъ, поставленный на стр. 135.

1. Ни одна чисто-раціональная наука не въ состояніи, когда бы то ни было, а не только теперь, доказать, исходя изъ однихъ лишь опредѣленій своихъ понятій, тѣ общія синтетическія сужденія, которыя она употребляетъ на-ряду съ опредѣленіями въ видѣ высшихъ основаній. Поэтому всякая раціональная наука принуждена либо вовсе не пользоваться ими въ видѣ высшихъ основаній, либо допускать ихъ безъ всякихъ доказательствъ со стороны ея самой. Лейбницъ (1646—1716), неизучавшій, какъ и всѣ философы до Канта, свойствъ аналитическихъ и синтетическихъ сужденій, мечталъ, что въ геометріи рано или поздно можетъ наступить такое время, когда ни одна изъ ея аксіомъ не будетъ допускаться безъ доказательствъ, а всѣ будутъ доказаны съ помощью однихъ лишь опредѣленій. Онъ даже дѣлалъ попытки подобныхъ доказательствъ. Но всѣ онѣ выходили неудачными; а мы теперь видимъ, что онѣ съ логической необходимостью и навсегда останутся неудачными; ибо опредѣленія суть сложныя *аналитическія* сужденія, такъ что, *пользуясь въ видѣ высшихъ основаній одними лишь опредѣленіями, нельзя доказать ни одного общаго синтетическаго сужденія.*

2. Ни одна чисто-раціональная наука никогда не можетъ ограничиться употребленіемъ въ видѣ высшихъ основаній однихъ лишь опредѣленій, а на-ряду съ ними принуждена допускать (и, какъ сейчасъ было объяснено, безъ всякихъ доказательствъ со стороны ея самой) *еще большее или меньшее число общихъ синтетическихъ сужденій.* Ограничиться одними лишь опредѣленіями, какъ высшими основаніями, она могла бы только въ томъ случаѣ, если бы она стала довольствоваться доказательствомъ лишь *частныхъ* синтетическихъ сужденій, выводя ихъ изъ опредѣленій ея понятій. Но это значило бы отказаться отъ всякаго философскаго и утилитарнаго значенія, т.-е. отказаться отъ всякаго смысла. Какъ ничтожна была бы та-

кая раціональная наука, видно изъ тѣхъ частныхъ синтетическихъ сужденій, которыя, дѣйствительно, можно выводить изъ аналитическихъ посылокъ, взятыхъ безъ соединенія съ общими синтетическими. Таково, напр., заключеніе „нѣкоторые четыреугольники суть квадраты", вытекающее изъ аналатическаго сужденія „всѣ квадраты четыреугольники". Таковъ же и выводъ, упомянутый на стр. 199, говорящій, что „нѣкоторые четыреугольники имѣютъ равныя между собой стороны", и вытекающій, какъ указано тамъ, изъ соединенія двухъ аналитическихъ сужденій. Не ясно ли, что вся совокупность *такихъ* (*т.-е. частныхъ*) синтетическихъ сужденій вовсе не заслуживаетъ названія науки? А только такія сужденія и можно доказывать по методамъ чисто-раціональныхъ наукъ, если на-ряду съ опредѣленіями не допускать въ видѣ высшихъ основаній еще бо́льшаго или меньшаго числа общихъ синтетическихъ сужденій (сравн. стр. 135—137).

13. Значеніе силлогизмовъ и ошибочность мнѣнія Милля объ ихъ значеніи. Теперь мы разсмотрѣли всѣ тѣ подлинныя умозаключенія, которыя годны для доказательствъ. Естественно спросить себя: всѣ ли эти умозаключенія одинаково важны? Нѣтъ, не одинаково. *Силлогизмы составляютъ наиважнѣйшую часть всякаго доказательства; ибо изъ всѣхъ умозаключеній только они одни расширяютъ знаніе.* Въ самомъ дѣлѣ: кажущіяся умозаключенія, конечно, нисколько не расширяютъ знанія. Вѣдь въ ихъ выводахъ нѣтъ ничего *новаго* сравнительно съ посылками, а все дѣло ограничивается только повтореніемъ, въ полной или частичной формѣ, да суммированіемъ содержанія посылокъ. Нельзя сказать, чтобы расширяли знаніе и непосредственныя умозаключенія: они скорѣе преобразовываютъ его въ форму, болѣе удобную для дальнѣйшей работы надъ нимъ. Напр.: пусть мы уже знаемъ, что металлы—простыя тѣла. Можно ли сказать, что знаніе расширится съ помощью умозаключенія: „металлы простыя тѣла; слѣд., нѣкоторыя простыя тѣла—металлы"? Скорѣе здѣсь у насъ такое же знаніе, какъ и прежде, но оно приведено въ другую форму, чѣмъ прежде. Но иначе стоитъ дѣло въ такомъ силлогизмѣ: „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги; слѣд., и ртуть упруга". Здѣсь выводъ замѣтнымъ образомъ расширяетъ знаніе. По всему этому *въ составъ каждаго доказательства, какъ соединеннаго, такъ и несоединеннаго съ установкой данныхъ опыта, непремѣнно встрѣчается большее или меньшее число силлогизмовъ.* Напр.: всѣ математическія доказательства всегда состоятъ изъ бо́льшаго или меньшаго числа силлогизмовъ, а *никогда не бываетъ, чтобы доказательства ограничивались кажущимися и непосредственными умозаключеніями.* И такъ дѣло стоитъ даже въ индукціи; при ея разсмотрѣніи мы увидимъ, что она только тогда можетъ служить *доказательствомъ*, когда въ ея составъ входятъ силлогизмы. Безъ нихъ же она служитъ всего лишь однимъ изъ путей возникновенія догадокъ.

Но сказаннымъ еще не исчерпывается значеніе силлогизмовъ. Мы уже знаемъ, что наука только тамъ, гдѣ употребляются доказательства (см. выше, стр. 106). Если же въ составъ каждаго доказательства входятъ, какъ сейчасъ

сказано, силлогизмы, то *наука только тамъ, гдѣ употребляются силлогизмы.* И это зависитъ именно отъ того, что изъ всѣхъ умозаключеній только силлогизмы расширяютъ знаніе; ибо цѣль всякаго доказательства—расширеніе знанія.

Но Милль въ своей книгѣ „Система логики“ оспариваетъ у силлогизмовъ то значеніе, какое мы имъ приписали сейчасъ [1]): по его мнѣнію, даже и силлогизмы нисколько не расширяютъ знанія. Мы, конечно, должны разсмотрѣть, какъ онъ доказываетъ свой взглядъ. Съ помощью слѣдующаго разсужденія:

Въ каждомъ силлогизмѣ, говоритъ Милль, истинность большей посылки уже предполагаетъ истинность вывода, т.-е. мы не имѣемъ права допускать большую посылку, если мы не допустимъ заранѣе истинности вывода. По его словамъ, когда мы говоримъ: „всѣ люди смертны; Сократъ человѣкъ; слѣд., Сократъ смертенъ“ (это — собственный примѣръ Милля), то выводъ „Сократъ смертенъ“ уже подразумѣвается въ сужденіи „всѣ люди смертны“. Поэтому-де мы не въ правѣ допускать, что всѣ люди смертны, до тѣхъ поръ, пока мы не убѣдимся *безъ помощи этого силлогизма*, что и Сократъ смертенъ. Слѣд., если мы въ большей посылкѣ утверждаемъ, что всѣ люди смертны, то, значитъ, намъ уже извѣстно, что и Сократъ смертенъ. А тогда, говоритъ Милль, намъ уже ненуженъ нашъ силлогизмъ для пріобрѣтенія такого знанія о Сократѣ. Такимъ образомъ, выходитъ, что силлогизмъ непригоденъ для расширенія знанія; ибо *силлогизмъ, по словамъ Милля, доказываетъ лишь такой выводъ, истинность котораго уже должна быть заранѣе извѣстна, коль скоро мы хотимъ пользоваться большей посылкой силлогизма, какъ основаніемъ, для доказательства этого вывода.*

Но это разсужденіе Милля оказывается насквозь ошибочнымъ. Онъ думаетъ, будто бы бо́льшая посылка („всѣ люди смертны“) не можетъ быть допущена, пока мы не убѣдились въ истинности вывода („и Сократъ смертенъ“). Напротивъ: я могу доказать какимъ-нибудь путемъ, а вслѣдствіе этого пріобрѣту полное право допускать, что всѣ люди смертны, еще не зная даже и того, есть ли *существо*, называемое Сократомъ, а если и есть, то принадлежитъ ли оно къ людямъ, или къ ангеламъ и т. п. Вѣдь, когда мы доказываемъ хотя бы теорему о квадратахъ, то вовсе не справляемся,

---

[1]) Эта превосходная во многихъ отношеніяхъ, но насквозь пропитанная разсматриваемымъ здѣсь ложнымъ взглядомъ книга существуетъ и на русскомъ языкѣ въ двухъ переводахъ: Лаврова, Спб. и Ивановскаго, Москва. Отрицаніе же годности силлогизмовъ для расширенія знанія принуждаетъ Милля считать годной для этой цѣли одну лишь индукцію (въ этомъ и состоитъ характерная особенность его логики). А это, въ свою очередь, принуждаетъ его, когда онъ излагаетъ названные его именемъ индуктивные методы, сбиваться съ логики провѣрки на логику открытій, т.-е. такъ редактировать ихъ описаніе, какъ если бы они служили для *открытія* новыхъ истинъ, а не для одного лишь ихъ доказательства. Дѣло въ томъ, что если разсматривать ихъ только, какъ методы доказательства *уже возникшихъ* догадокъ, то ясно обнаруживается, что они состоятъ изъ соединенія силлогизмовъ, вслѣдствіе чего послѣдніе приходится считать годными для расширенія знанія. Открытія же возникаютъ и безъ помощи силлогизмовъ.

какіе отдѣльные квадраты существуютъ на дѣлѣ, но доказываемъ ее для *всѣхъ* квадратовъ сразу. Такъ точно, когда мы доказываемъ, что „всѣ люди смертны, т.-е. что каждый человѣкъ рано или поздно умираетъ“, то доказываемъ это *сразу* для всѣхъ *существъ*, подходящихъ подъ понятіе человѣка,—не только для тѣхъ изъ нихъ, кто уже дѣйствительно умеръ, но и для тѣхъ, кто еще не успѣлъ умереть, и даже для тѣхъ, кто не успѣлъ родиться. Если же намъ удастся такое доказательство, то мы, конечно, въ правѣ пользоваться посылкой „всѣ люди смертны“, какъ основаніемъ, для доказательства, что смертенъ и Сократъ. Вѣдь когда у насъ доказана какая-нибудь теорема относительно всѣхъ квадратовъ, то мы имѣемъ полное право пользоваться ею, какъ основаніемъ, чтобы заключать о свойствахъ *любого* встрѣтившагося намъ квадрата.

Но почему Милль не замѣтилъ такого простого обстоятельства? Это—потому, что *онъ ошибочно вообразилъ, будто бы выводъ подразумѣвается не въ соединеніи обѣихъ посылокъ вмѣстѣ, а уже въ одной большей*, и забылъ спросить себя: зачѣмъ же тогда въ силлогизмѣ нужна еще меньшая посылка? Другими словами: оспаривая значеніе силлогизма, Милль разсуждаетъ такъ, какъ будто бы выводъ въ силлогизмѣ вытекаетъ уже изъ одной большей посылки, безъ помощи меньшей. *Въ этомъ забвеніи отличія силлогизмовъ отъ непосредственныхъ умозаключеній и состоитъ его основная ошибка* (πρῶτον ψεῦδος). *Вслѣдствіе же этой ошибки Миллю, конечно, должно казаться, будто бы мы не въ правѣ допускать въ видѣ основанія большую посылку („всѣ люди смертны“), пока не удостовѣримся безъ помощи силлогизма, что сказанное въ ней справедливо и о томъ предметѣ, о которомъ говорится въ выводѣ (о Сократѣ)*. Вѣдь, если бы выводъ подразумѣвался не въ соединеніи большей посылки съ меньшей, а прямо въ большей, безъ меньшей, то, конечно, допускать большую посылку значило бы *то же самое*, что допускать выводъ, и Милль вышелъ бы правъ въ своемъ отрицаніи значенія силлогизма, какъ средства для расширенія знанія. Но на самомъ дѣлѣ допущеніе одной только большей посылки („всѣ люди смертны“) безъ меньшей еще вовсе не принуждаетъ къ согласію съ выводомъ: для этого необходимы обѣ посылки, взятыя *вмѣстѣ*. А это значитъ, что, вопреки мнѣнію Милля, выводъ „Сократъ смертенъ“ еще вовсе не подразумѣвается въ большей посылкѣ „всѣ люди смертны“, взятой безъ ея соединенія съ меньшей. Напротивъ, онъ подразумѣвается въ каждой изъ нихъ не иначе, какъ *при ея соединеніи* съ другой.

И чтобы сдѣлать вполнѣ наглядымъ, какъ мало выводъ подразумѣвается въ большей посылкѣ, взятой безъ соединенія съ меньшей, допустимъ, что у насъ есть посылка „всѣ люди смертны“, а насъ спрашиваютъ: „смертенъ ли Джонъ Буль?“ Это названіе, какъ извѣстно, можетъ оказаться и собственнымъ именемъ отдѣльнаго *человѣка*, и прозвищемъ всего англійскаго *народа*. И мы съ своей посылкой не въ состояніи дать *никакого* отвѣта, пока намъ не прибавятъ къ ней въ видѣ меньшей посылки, что тотъ Джонъ Буль, о которомъ насъ спрашиваютъ, человѣкъ (ибо смертны ли всѣ народы

или нѣтъ, еще неизвѣстно. Напр., еврейскій народъ все еще живъ). Такъ точно дѣло стоитъ и съ Сократомъ: о немъ еще ровно ничего не подразумѣвается въ нашей посылкѣ „всѣ люди смертны", пока къ ней не прибавятъ другой, говорящей, что тотъ Сократъ, о которомъ спрашиваютъ насъ, человѣкъ, а не какое-либо иное существо, напр.—не ангелъ [1]).

ГЛАВА XI.

Важнѣйшія частности въ ученіи о силлогизмахъ.

Эта глава посвящена такимъ важнѣйшимъ частнымъ вопросамъ о силлогизмахъ, о которыхъ необходимо упомянуть при систематическомъ изложеніи логики, но которые могутъ быть пропущены тѣми читателями, которые интересуются исключительно или, по крайней мѣрѣ, преимущественно гносеологическими частями логики.

1. Установка правилъ категорическаго силлогизма съ помощью таблицы правильныхъ модусовъ. На стр. 174 и 175 мы изложили основныя правила категорическихъ силлогизмовъ безъ всякаго доказательства, что они основныя. Мы ограничились только доказательствомъ, что они должны быть соблюдены во всякомъ правильномъ силлогизмѣ. Однако, нужно доказать и

[1]) Прибавлю къ сказанному одно замѣчаніе въ отвѣтъ моимъ критикамъ. Милль, отрицая годность силлогизма для расширенія знанія, разумѣется, встрѣтился съ вопросомъ: какъ же объяснить, что на дѣлѣ съ помощью силлогизма иногда получается знаніе будущаго, т.-е. завѣдомо новое знаніе? Напр., какъ объяснить, что съ помощью силлогизма „всѣ люди смертны и т. д." мы заключаемъ, т.-е. пріобрѣтаемъ знаніе о смертности и такого человѣка, который еще живъ и не собирается умирать. На этотъ вопросъ Милль въ той же книгѣ и въ томъ же мѣстѣ отвѣчаетъ особой гипотезой о происхожденіи того общаго сужденія, которое употребляется въ означенныхъ случаяхъ, какъ большая посылка. Такимъ образомъ, въ его своеобразномъ ученіи о силлогизмахъ есть двѣ части: одна, основная, состоитъ въ доказательствѣ, что силлогизмъ не способенъ расширять знаніе; а другая, дополнительная, состоитъ въ объясненіи происхожденія большей посылки и основанномъ на этомъ объясненіи примиреніи первой части съ тѣмъ фактомъ, что съ помощью силлогизма иногда узнается будущее. Но коль скоро объ ученіи Милля намъ приходится упомянуть только потому, что оно противорѣчитъ нашему ученію о расширеніи знанія съ помощью силлогизма, то намъ достаточно ограничиться разборомъ одной лишь первой части. И на такое ограниченіе у насъ тѣмъ больше правъ, что при построеніи второй части своего ученія Милль *исходитъ* изъ первой. Вотъ въ этомъ и состоитъ мой отвѣтъ тѣмъ критикамъ предшествующаго изданія этой книги. (В. Э. Вальденбергу и Н. О. Лоскому), которые упрекали меня, что у Милля говорится гораздо больше, чѣмъ затронуто моей критикой. Совершенно вѣрно, но для вопроса, ради котораго я принужденъ былъ затронуть Милля, нужно разсмотрѣть не все сказанное имъ, а только одно лишь его доказательство, будто бы силлогизмъ не способенъ расширять знаніе.

то, что они дѣйствительно основныя, т.-е. что всякія другія правила, которыя можно подмѣтить въ категорическихъ силлогизмахъ, служатъ всего лишь слѣдствіями, вытекающими изъ указанныхъ нами подъ именемъ основныхъ. Вѣдь безъ этого доказательства нельзя быть увѣреннымъ, что всякая встрѣчающаяся на дѣлѣ ошибка въ категорическихъ силлогизмахъ непремѣнно составитъ одно изъ нарушеній тѣхъ правилъ, которыя мы голословно назвали основными. А тогда нельзя быть увѣреннымъ, что нами составленъ (на стр. 176) полный перечень тѣхъ ошибокъ, какія встрѣчаются на дѣлѣ. (Сравн. § 3 предшествующей главы, стр. 172).

Для доказательства же, что *всякія другія правила, которыя можно подмѣтить въ категорическихъ силлогизмахъ, служатъ всего лишь слѣдствіями, вытекающими изъ указанныхъ нами подъ именемъ основныхъ*, мы употребимъ слѣдующій пріемъ: мы будемъ разсматривать таблицу *правильныхъ* модусовъ, указанную на стр. 180, а также на 182, и будемъ подмѣчать, какія свойства присущи этимъ модусамъ. Эти-то свойства и составятъ правила категорическихъ силлогизмовъ. Изъ найденныхъ такимъ путемъ правилъ мы выберемъ только тѣ, которыя будутъ *новыми для насъ, т.-е. не принадлежатъ къ числу названныхъ основными.* Послѣ же того мы докажемъ про каждое изъ этихъ новыхъ правилъ, что оно служитъ слѣдствіемъ тѣхъ, которыя мы назвали основными.

Начнемъ съ того, какія правила можно подмѣтить при помощи таблицы правильныхъ модусовъ въ посылкахъ. Вглядываясь въ тѣ буквы, которыя обозначаютъ посылки, т.-е. въ первую и вторую гласную, мы замѣчаемъ *два общихъ для всѣхъ фигуръ правила посылокъ:* 1) *хоть одна изъ посылокъ оказывается утвердительной*, и 2) хоть одна общей.

Разсматривая же посылки правильныхъ модусовъ каждой отдѣльной фигуры, мы подмѣчаемъ еще тѣ *особыя правила, которымъ подчинены посылки какой-либо одной фигуры*, именно:

Въ первой фигурѣ: 1) меньшая посылка (вторая гласная) должна быть сужденіемъ утвердительнымъ (A или I); 2) бо́льшая посылка (первая гласная)—сужденіемъ общимъ (A или E).

Во второй фигурѣ: 1) одна изъ посылокъ (какая угодно) должна быть сужденіемъ отрицательнымъ (E или O); 2) бо́льшая посылка должна быть сужденіемъ общимъ (A или E).

Въ третьей фигурѣ: меньшая посылка должна быть утвердительной (A или I).

Въ четвертой фигурѣ: 1) когда бо́льшая посылка утвердительная, то меньшая составляетъ сужденіе общее; 2) когда одна изъ посылокъ отрицательная, то бо́льшая посылка есть сужденіе общее.

Теперь постараемся подмѣтить *общія для всѣхъ четырехъ фигуръ правила выводовъ*. Ихъ только два, именно: 1) *если одна изъ посылокъ будетъ отрицательной, то и правильный выводъ можетъ быть только отрицательнымъ;* 2) общій правильный выводъ получается только въ томъ случаѣ, если обѣ посылки будутъ общими (именно: только въ модусахъ Bar-

bara, Celarent, Cesare, Camestres и Camenes). Рядомъ съ этимъ въ двухъ фигурахъ мы подмѣчаемъ *два особыхъ (для второй и третьей фигуры) правила выводовъ*, именно: 1) во второй фигурѣ могутъ быть только отрицательные выводы; 2) въ третьей фигурѣ — только частные выводы.

2. Доказательство, что всѣ новыя правила посылокъ категорическаго силлогизма всего лишь слѣдствія названныхъ основными. Теперь нами найдены всѣ тѣ правила, счетомъ 13 (сравн. стр. 172), которыя указываются таблицей правильныхъ модусовъ. Изъ нихъ только два, отмѣченныя курсивомъ, принадлежатъ къ тѣмъ, которыя мы голословно назвали основными, именно: одно говоритъ о посылкахъ и утверждаетъ, что хоть одна изъ посылокъ должна быть утвердительной, а другое касается выводовъ и утверждаетъ, что если одна изъ посылокъ будетъ отрицательной, то правильный выводъ можетъ быть только отрицательнымъ. Всѣ же остальныя 11 правилъ оказываются новыми, т.-е. непринадлежащими къ тѣмъ пяти, которыя мы назвали основными. И вотъ, про всѣ эти новыя правила мы докажемъ, что они составляютъ всего лишь слѣдствія тѣхъ, которыя мы назвали основными. А этимъ самымъ будетъ доказано, что тѣ правила, которыя мы голословно назвали основными, дѣйствительно основныя, а всѣ прочія — производныя. Сперва докажемъ, что *тѣ особыя правила, которымъ подчинены посылки отдѣльныхъ фигуръ, суть слѣдствія тѣхъ, которыя мы назвали основными.*

Для доказательства перваго правила *первой фигуры* допустимъ, что въ ней меньшая посылка будетъ отрицательной. Тогда бо́льшая должна быть утвердительной; ибо по основнымъ правиламъ изъ двухъ отрицательныхъ посылокъ нельзя сдѣлать никакого вывода (см. стр. 175). Выводъ же по основному правилу, касающемуся выводовъ (см. стр. 175), долженъ быть при нашемъ допущеніи отрицательнымъ: „S не есть P“. Если же онъ будетъ отрицательнымъ, то въ немъ большій терминъ, т.-е. P, будетъ распредѣленъ, между тѣмъ какъ этотъ терминъ играетъ роль сказуемаго въ большей посылкѣ. Поэтому въ ней онъ останется нераспредѣленнымъ въ силу того, что она должна быть, какъ сейчасъ сказано, утвердительной. Слѣд., если меньшая посылка въ первой фигурѣ отрицательная, то большій терминъ окажется распредѣленнымъ въ выводѣ, не будучи распредѣленъ въ посылкахъ, а это нарушаетъ одно изъ основныхъ правилъ (см. стр. 175). Слѣд., правильный выводъ въ первой фигурѣ при отрицательной меньшей посылкѣ выходитъ невозможнымъ, такъ что она должна быть утвердительной.

А отсюда вытекаетъ и второе особое правило для посылокъ *первой фигуры*. Въ самомъ дѣлѣ: если меньшая посылка должна быть утвердительной, то средній терминъ не будетъ въ ней распредѣленъ, потому что онъ служитъ въ ней сказуемымъ. Слѣд., для исполненія основныхъ правилъ (см. стр. 174) онъ долженъ быть распредѣленъ въ большей посылкѣ, т.-е. она должна быть общей, потому что онъ служитъ въ ней подлежащимъ.

Во второй фигурѣ средній терминъ играетъ роль сказуемаго въ обѣихъ посылкахъ и поэтому останется ни разу нераспредѣленнымъ, если онѣ

обѣ утвердительныя. Слѣд., для того, чтобы онъ былъ хоть однажды распредѣленъ, какъ это требуется основными правилами, необходимо, чтобы одна изъ нихъ была отрицательной. Такимъ образомъ, изъ основныхъ правилъ силлогизмовъ сразу вытекаетъ и одно изъ особыхъ правилъ для посылокъ второй фигуры.

Но если одна изъ посылокъ должна быть *во второй фигурѣ* отрицательной, то и выводъ въ ней всегда будетъ отрицательнымъ, по основному правилу выводовъ. А если выводъ будетъ отрицательнымъ, то въ немъ большій терминъ, т.-е. Р, распредѣленъ. Значитъ, для исполненія всѣхъ основныхъ правилъ этотъ терминъ Р долженъ быть распредѣленъ и въ большей посылкѣ, гдѣ онъ играетъ роль подлежащаго. А для этого бо́льшая посылка должна быть общей. Слѣд., во второй фигурѣ правильный выводъ возможенъ только въ томъ случаѣ, если бо́льшая посылка будетъ общей.

Для доказательства, что *въ третьей фигурѣ* меньшая посылка должна быть утвердительной, допустимъ, что она будетъ отрицательной. Тогда по основному правилу посылокъ надо допустить, что бо́льшая посылка будетъ утвердительной. А въ такомъ случаѣ большій терминъ Р, играющій въ большей посылкѣ роль сказуемаго, останется нераспредѣленнымъ, такъ какъ въ утвердительныхъ сужденіяхъ сказуемое не распредѣлено. Между тѣмъ, въ силу того, что наша меньшая посылка будетъ отрицательной, и выводъ долженъ быть отрицательнымъ. Въ отрицательномъ же выводѣ большій терминъ Р, будучи сказуемымъ, долженъ быть непремѣнно распредѣленъ. Но тогда нарушится то основное правило, по которому большій терминъ Р не можетъ быть распредѣленъ въ выводѣ, если онъ не былъ распредѣленъ въ посылкахъ. Значитъ, если мы допустимъ, что въ третьей фигурѣ меньшая посылка будетъ отрицательной, то выводъ окажется неправильнымъ.

Въ четвертой фигурѣ средній терминъ играетъ роль сказуемаго въ большей посылкѣ, такъ что онъ остается въ ней нераспредѣленнымъ, когда она утвердительная; слѣд., для исполненія основного правила, требующаго распредѣленности средняго термина хоть въ одной изъ посылокъ, здѣсь должно дѣйствовать такое особое правило: когда бо́льшая посылка будетъ утвердительной, меньшая должна быть общей. Вѣдь въ ней средній терминъ служитъ подлежащимъ.

Вмѣстѣ съ тѣмъ легко доказать и другое особое правило *четвертой фигуры*. Въ самомъ дѣлѣ: допустимъ, что одна изъ посылокъ отрицательная. Тогда, по основному правилу выводовъ, правильный выводъ будетъ отрицательнымъ. Въ отрицательномъ же выводѣ большій терминъ Р, будучи сказуемымъ, является распредѣленнымъ. Слѣд., для исполненія всѣхъ основныхъ правилъ онъ долженъ быть распредѣленъ и въ большей посылкѣ, гдѣ онъ играетъ роль подлежащаго. Если же подлежащее большей посылки распредѣлено, то эта посылка составляетъ сужденіе общее. Слѣд., въ правильныхъ модусахъ четвертой фигуры бо́льшая посылка должна быть общей, коль скоро одна изъ посылокъ будетъ отрицательной.

Что же касается общаго для всѣхъ фигуръ правила посылокъ: „хоть

одна изъ нихъ должна быть общей", то ясно, что оно молчаливымъ образомъ уже доказано нами (на основаніи основныхъ правилъ) для двухъ первыхъ фигуръ; ибо сейчасъ было доказано, что въ этихъ фигурахъ бо́льшая посылка должна быть *общей*. Не трудно убѣдиться, что наше общее правило посылокъ молчаливымъ образомъ доказано нами и для четвертой фигуры: вѣдь въ ней бо́льшая посылка можетъ быть только либо утвердительной, либо отрицательной; но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ, по особымъ правиламъ посылокъ этой фигуры, одна изъ посылокъ въ правильныхъ модусахъ окажется общей. Остается только третья фигура. Въ ней средній терминъ служитъ подлежащимъ въ обѣихъ посылкахъ. По основнымъ же правиламъ онъ долженъ быть распредѣленъ хоть въ одной изъ посылокъ. Слѣд., хоть одна изъ нихъ должна быть общей. Исключеніе возможно только въ томъ случаѣ, если онѣ обѣ единичныя; ибо тогда средній терминъ будетъ распредѣленъ въ каждой изъ нихъ. Но, какъ уже сказано на стр. 154, всѣ правила умозаключеній устанавливаются въ предположеніи, что въ числѣ посылокъ нѣтъ единичныхъ.

Такимъ образомъ, всѣ правила, говорящія о посылкахъ категорическаго силлогизма, какъ особыя для каждой фигуры, такъ и общее для всѣхъ четырехъ фигуръ, дѣйствительно выходятъ всего лишь слѣдствіями, вытекающими изъ тѣхъ правилъ, которыя мы голословно назвали основными.

3. Доказательство, что всѣ новыя правила выводовъ категорическаго силлогизма всего лишь слѣдствія названныхъ основными. Докажемъ теперь относительно новыхъ правилъ, касающихся выводовъ, что они тоже составляютъ всего лишь слѣдствія тѣхъ, которыя мы голословно назвали основными. Начнемъ и здѣсь съ правилъ, особыхъ для каждой фигуры, точнѣе—для второй и третьей, а потомъ перейдемъ къ новому правилу, общему для всѣхъ четырехъ фигуръ.

Что касается *особыхъ правилъ выводовъ второй и третьей фигуръ*, то ясно, что они служатъ лишь слѣдствіями основныхъ правилъ. Послѣднія требуютъ, чтобы во второй фигурѣ одна изъ посылокъ была отрицательной. А вслѣдствіе этого и всѣ выводы въ этой фигурѣ должны выходить отрицательными, по основному правилу выводовъ. Въ третьей же фигурѣ меньшая посылка должна быть утвердительной, такъ что въ ней меньшій терминъ, служа ея сказуемымъ, остается нераспредѣленнымъ. А по основнымъ правиламъ онъ долженъ остаться нераспредѣленнымъ и въ выводѣ, гдѣ онъ служитъ подлежащимъ, такъ что правильный выводъ долженъ всегда въ этой фигурѣ выйти частнымъ.

Теперь докажемъ то *общее для всѣхъ фигуръ правило*, что общій правильный выводъ получается только въ томъ случаѣ, если обѣ посылки будутъ общими.

Начнемъ съ *первой фигуры*. Подлежащимъ вывода здѣсь служитъ подлежащее меньшей посылки; поэтому ясно, что при исполненіи всѣхъ основныхъ правилъ въ этой фигурѣ выводъ будетъ только въ томъ случаѣ общимъ, если меньшая посылка будетъ общей, т.-е. чтобы сужденіе „S есть P" было

общимъ, надо, чтобы меньшая посылка „S есть M“ была общей. А такъ какъ бо́льшая посылка въ первой фигурѣ должна быть всегда общей, то и выходитъ, что въ первой фигурѣ правильный выводъ будетъ общимъ только въ томъ случаѣ, если обѣ посылки будутъ общими.

Теперь возьмемъ *вторую фигуру*. И здѣсь подлежащее вывода S, т.-е. меньшій терминъ, играетъ тоже роль подлежащаго въ меньшей посылкѣ. А такъ какъ по основнымъ правиламъ въ правильномъ выводѣ каждый терминъ остается нераспредѣленнымъ, если онъ не былъ распредѣленъ въ посылкахъ, то, значитъ, если бы меньшая посылка была частной, то и выводъ оказался бы частнымъ, т.-е. для полученія правильнаго общаго вывода во второй фигурѣ необходимо, чтобы меньшая посылка была общей. А такъ какъ бо́льшая посылка во второй фигурѣ должна быть всегда общей, то, значитъ, правильный выводъ во второй фигурѣ будетъ общимъ только въ томъ случаѣ, если обѣ посылки будутъ общими.

Третьей фигуры намъ сейчасъ незачѣмъ разсматривать, потому что въ ней, какъ уже доказано выше, правильные выводы могутъ быть только частными.

Наконецъ разсмотримъ *четвертую фигуру*. Здѣсь меньшій терминъ S, т.-е. подлежащее вывода, играетъ роль сказуемаго въ меньшей посылкѣ. А отсюда ясно, что здѣсь правильный выводъ можетъ быть общимъ только въ томъ случаѣ, если меньшая посылка будетъ отрицательной, такъ какъ только въ этомъ случаѣ S, т.-е. меньшій терминъ, окажется распредѣленнымъ не только въ выводѣ, а также и въ посылкахъ, что́ однако необходимо по основнымъ правиламъ. Если же одна изъ посылокъ четвертой фигуры отрицательная, то бо́льшая посылка должна быть общей. Слѣд., въ четвертой фигурѣ правильный выводъ будетъ общимъ только въ томъ случаѣ, если бо́льшая посылка окажется общей. Но она должна быть еще и утвердительной, такъ какъ меньшая посылка, какъ сейчасъ было сказано, будетъ отрицательной, обѣ же посылки по основному правилу посылокъ не могутъ быть отрицательными. Если же въ четвертой фигурѣ бо́льшая посылка будетъ утвердительной, то по первому особому правилу четвертой фигуры меньшая посылка должна быть общей. И выходитъ, что въ четвертой фигурѣ правильный выводъ будетъ общимъ не иначе, какъ при обѣихъ общихъ посылкахъ.

4. Три способа оцѣнки правильности категорическихъ силлогизмовъ. Итакъ *всѣ новыя правила силлогизмовъ, дѣйствительно, оказываются всего лишь слѣдствіями основныхъ, такъ что и нарушеніе любого изъ новыхъ правилъ образуетъ нарушеніе какихъ-либо изъ основныхъ, а соблюденіе всѣхъ основныхъ правилъ уже само собой приведетъ къ соблюденію всѣхъ правилъ, указываемыхъ таблицей правильныхъ модусовъ*. Поэтому при оцѣнкѣ и объясненіи правильности или неправильности даннаго намъ силлогизма вполнѣ достаточно разсмотрѣть, соблюдены ли въ немъ всѣ основныя правила, и нѣтъ никакой надобности справляться о соблюденіи остальныхъ (сравн. стр. 172 и 176).

Конечно, эту оцѣнку можно было бы производить еще двумя другими путями: или тѣмъ путемъ, чтобы выяснить, подходитъ ли данный силлогизмъ подъ одинъ изъ правильныхъ модусовъ, или же такъ, чтобы выяснить, соблюдены ли въ немъ *всѣ до одного* изъ тѣхъ правилъ, которыя можно подмѣтить посредствомъ разсмотрѣнія таблицы правильныхъ модусовъ. Но каждый изъ этихъ путей гораздо сложнѣе и искусственнѣе, чѣмъ оцѣнка силлогизма съ помощью однихъ лишь основныхъ правилъ.

5. Сводимость другихъ фигуръ на первую и первой на остальныя. Мнѣніе о самостоятельности одной лишь первой фигуры. Давно уже и часто высказывается мнѣніе, будто бы самостоятельна только первая фигура силлогизма, остальныя же образуютъ ея видоизмѣненія. Основывается это мнѣніе на томъ, что *любой правильный модусъ второй, третьей и четвертой фигуры можетъ быть сведенъ на первую фигуру.* Это выраженіе означаетъ слѣдующее: *тотъ самый выводъ, который получается по любому изъ модусовъ другихъ фигуръ, можетъ быть полученъ, отправляясь отъ однѣхъ только данныхъ въ этомъ модусѣ посылокъ, посредствомъ соединенія силлогизма первой фигуры съ непосредственными умозаключеніями.*

Напр., модусъ второй фигуры Cesare сводится на модусъ первой фигуры Celarent тѣмъ путемъ, что въ первомъ мы бо́льшую посылку подвергаемъ обращенію (conversio): тогда у насъ получается тотъ же выводъ, какъ и прежде, но по модусу 1-й фигуры Celarent, какъ это видно изъ сравненія схемъ обоихъ модусовъ:

Сводимый модусъ 2-й фиг.—Cesare.	*Полученный изъ него модусъ 1-й фиг.—Celarent.*
Ни одно *P* не есть *M (обращ.);*	Ни одно *M* не есть *P;*
всякое *S* есть *M;*	всякое *S* есть *M;*
ни одно *S* не есть *P.*	ни одно *S* не есть *P.*

Другой примѣръ: модусъ второй фигуры Camestres сводится на модусъ первой фигуры Celarent тѣмъ путемъ, что въ первомъ меньшую посылку мы подвергаемъ обращенію, потомъ переставливаемъ посылки и дѣлаемъ выводъ по первой фигурѣ, по Celarent, который тоже подвергаемъ обращенію. Тогда получается тотъ же самый выводъ, какъ и по модусу Camestres второй фигуры. Это видно изъ слѣдующаго сопоставленія обоихъ модусовъ, взятыхъ въ схематическомъ видѣ:

Сводимый модусъ 2-й фиг.—Camestres.	*Полученный изъ него модусъ 1-й фиг. — Celarent.*
Всякое *P* есть *M;*	Ни одно *M* не есть *S;*
ни одно *S* не есть *M (обращ. и перестановка посылокъ);*	всякое *P* есть *M;*
ни одно *S* не есть *P.*	ни одно *P* не есть *S*, откуда *(обращ.):* ни одно *S* не есть *P.*

Третій и послѣдній примѣръ: модусъ третьей фигуры Bocardo, сводится на первую фигуру, на Ferio, тѣмъ путемъ, что изъ бо́льшей посылки

выводится заключеніе чрезъ противопоставленіе сказуемому, вмѣстѣ съ чѣмъ посылки перестанавливаются. Послѣ этого дѣлается выводъ по модусу первой фигуры Ferio. Изъ полученнаго же вывода дѣлается новый выводъ путемъ обращенія, а изъ вновь полученнаго—путемъ превращенія. Именно:

Сводимый модусъ 3-й фиг. — Bocardo.	*Полученный изъ него модусъ 1-й фиг. — Ferio.*
Нѣкот. *M* не суть *P (прот. сказ. и перестановка посылокъ);*	Всякое *M* есть *S;*
всякое *M* есть *S;*	нѣкот. non *P* суть *M;*
нѣкот. *S* не суть *P.*	нѣкот. non *P* суть *S*, откуда: нѣкот. *S* суть non *P*, откуда: нѣкот. *S* не суть *P.*

Изъ этой сводимости всѣхъ фигуръ на первую и заключаютъ, что онѣ составляютъ ея видоизмѣненія, а только она одна самостоятельна: вѣдь на дѣлѣ *каждая другая фигура оказывается всего лишь соединеніемъ силлогизма первой фигуры съ непосредственными умозаключеніями.*

Но, разсуждая такъ, до сихъ поръ еще никто, кромѣ автора этой книги, не спросилъ себя: а нельзя ли такими же путями, какими мы сводимъ другія фигуры на первую, сводить и первую фигуру на другія? Въ дѣйствительности же *всѣ модусы первой фигуры сводятся и на вторую, и на четвертую, а тѣ изъ нихъ, въ которыхъ получаются частные выводы, и на третью*, отличающуюся тѣмъ, что она способна давать одни лишь частные выводы [1]). Оттого-то только и нельзя сводить въ нее *всѣ* модусы первой фигуры. *А это значитъ, что сводимость на другую фигуру нельзя считать доказательствомъ несамостоятельности сводимой фигуры.*

Все дѣло только въ томъ, чтобы убѣдиться въ сводимости первой фигуры на другія. Для этого сведемъ сперва всѣ ея модусы на вторую фигуру. Изъ нихъ два: Celarent и Ferio, сводятся при помощи одного лишь обращенія (т.-е. conversio) большей посылки, какъ это видно изъ слѣдующей таблицы:

Сводимые модусы 1-й фиг. Celarent.	*Полученные изъ нихъ модусы 2-й фиг. Cesare.*
Ни одно *M* не есть *P (обращ.);*	Ни одно *P* не есть *M;*
всякое *S* есть *M;*	всякое *S* есть *M;*
слѣд., ни одно *S* не есть *P.*	слѣд., ни одно *S* не есть *P.*
Ferio.	***Festino.***
Ни одно *M* не есть *P (обращ.);*	Ни одно *P* не есть *M;*
нѣкоторыя *S* суть *M;*	нѣкоторыя *S* суть *M;*
слѣд., нѣкоторыя *S* не суть *P.*	слѣд., нѣкоторыя *S* не суть *P.*

[1]) Все это было впервые мной показано въ сборникѣ „Commentationes Philologicae“ Спб. 1897 г., въ статьѣ „Новая постановка вопроса о самостоятельности четырехъ фигуръ силлогизма“.

Что же касается остальныхъ модусовъ первой фигуры: Barbara и Darii, то ихъ сведеніе на вторую видно изъ слѣдующей таблицы:

Сводимые модусы 1-й фиг.	*Полученные изъ нихъ модусы 2-й фиг.*
Barbara.	*Cesare.*
Всякое *M* есть *P (против. сказ.);* всякое *S* есть *M;* слѣд., всякое *S* есть *P.*	Ни одно non *P* не есть *M;* всякое *S* есть *M;* слѣд., ни одно *S* не есть non *P;* слѣд., всякое *S* есть *P;*
Darii.	*Festino.*
Всякое *M* есть *P (против. сказ.);* нѣкоторыя *S* суть *M;* слѣд., нѣкоторыя *S* суть *P.*	Ни одно non *P* не есть *M;* нѣкоторыя *S* суть *M;* слѣд., нѣкоторыя *S* не суть non *P;* слѣд., нѣкоторыя *S* суть *P.*

А теперь сведемъ одинъ модусъ первой фигуры на четвертую и одинъ на третью. Именно:

Сводимый модусъ 1-й фиг.	*Полученный изъ него модусъ 4-й фиг.*
Barbara.	*Camenes.*
Всякое *M* есть *P (превращ. и перестановка посылокъ);* всякое *S* есть *M;* слѣд., всякое *S* есть *P.*	Всякое *S* есть *M;* ни одно *M* не есть non *P;* слѣд., ни одно non *P* не есть *S;* слѣд., ни одно *S* не есть non *P;* слѣд., всякое *S* есть *P.*
Сводимый модусъ 1-й фиг.	*Полученный изъ него модусъ 3-й фиг.*
Ferio.	*Ferison.*
Ни одно *M* не есть *P;* нѣкот. *S* суть *M (обращ.);* слѣд., нѣкот. *S* не суть *P.*	Ни одно *M* не есть *P;* нѣкот. *M* суть *S;* слѣд., нѣкот. *S* не суть *P.*

Не ясно ли, что нельзя доказывать несамостоятельность данной фигуры, напр., второй, тѣмъ, что она сводится на первую, коль скоро сама-то первая фигура, въ свою очередь, сводится на данную? Очевидно, *если подъ самостоятельностью подразумѣвать несводимость фигуры ни на какую другую, то не выходитъ ни одной самостоятельной фигуры*, а каждая служитъ соединеніемъ непосредственныхъ умозаключеній съ какой-либо другой фигурой. Но нелѣпо считать *всѣ* фигуры несамостоятельными, такъ какъ *понятіемъ несамостоятельной фигуры предполагается, что есть какія-то самостоятельныя.* Слѣд., пока что, всѣ фигуры одинаково самостоятельны.

Такъ стоитъ дѣло, если сравнивать между собой всѣ фигуры съ логической точки зрѣнія. Что же касается психологической стороны каждой изъ фигуръ, т.-е. состава душевныхъ переживаній, происходящихъ при той или

другой фигурѣ, то логикѣ до всего этого нѣтъ никакого дѣла. Тѣмъ не менѣе мы подчеркнемъ слѣдующее обстоятельство: *ошибочно думать, будто бы только умозаключенія по первой фигурѣ переживаются самостоятельно, безъ участія другихъ фигуръ, переживанія же каждой другой фигуры складываются изъ соединенія переживаній первой фигуры съ непосредственными умозаключеніями, и будто бы, именно, въ этомъ смыслѣ оказывается самостоятельной одна лишь первая фигура.* Такъ, возьмемъ модусъ второй фигуры Camestres, который сводится на модусъ первой фигуры Celarent, и примѣромъ котораго служитъ силлогизмъ: „рыбы дышатъ жабрами; киты не дышатъ жабрами; слѣдовательно, киты не рыбы". При этомъ силлогизмѣ никогда не бываетъ такого душевнаго переживанія, которое состояло бы изъ слѣдующихъ частей: 1) изъ перестановки посылокъ, 2) изъ обращенія посылки „киты не дышатъ жабрами" въ сужденіе „что̀ дышитъ жабрами, то не киты", 3) изъ силлогизма первой фигуры модуса Celarent (именно: „что̀ дышитъ жабрами, то не киты; рыбы дышатъ жабрами; слѣд., рыбы не киты", и 4) изъ обращенія полученнаго вывода въ сужденіе „киты не рыбы". А все это должно бы быть, если бы переживаніе каждой другой фигуры состояло изъ соединенія переживанія первой съ такими непосредственными умозаключеніями, съ помощью которыхъ данная фигура сводится на первую. Вѣдь для сведенія Camestres на Celarent понадобились бы, именно, всѣ только-что указанныя переживанія (сравн. стр. 214). Слѣд., *если мы даже разсматриваемъ силлогизмы съ только-что указанной психологической точки зрѣнія, все-таки, нѣтъ основаній считать самостоятельной одну лишь первую фигуру.*

6. Мнѣніе о наибольшей очевидности выводовъ первой фигуры въ связи съ мнѣніемъ объ ея исключительной самостоятельности. Болѣе упорные защитники самостоятельности одной лишь первой фигуры прибѣгаютъ къ другому доводу, именно: *утверждаютъ, будто бы въ первой фигурѣ обязательность соглашаться съ выводомъ, коль скоро мы согласились съ посылками, отличается большей очевидностью, чѣмъ въ другихъ фигурахъ, и будто бы всякій выводъ, полученный по другой фигурѣ, становится вполнѣ очевиднымъ только въ томъ случаѣ, когда мы ее сведемъ на первую фигуру; а до той поры онъ остается нѣсколько сомнительнымъ, спорнымъ.* Вотъ въ этомъ-то смыслѣ, говорятъ, и должна считаться „самостоятельной" одна лишь первая фигура. Разсматривая этотъ доводъ, необходимо дать себѣ отчетъ, въ какомъ смыслѣ употребляется въ немъ слово „очевидность".

Если очевидность означаетъ *вообще возможность усмотрѣть или понять, хотя бы и съ нѣкоторымъ трудомъ, необходимость соглашаться съ выводомъ, коль скоро мы согласились съ посылками*, то *такая* очевидность присутствуетъ въ правильныхъ модусахъ *каждой* фигуры, такъ что въ этомъ смыслѣ слова „очевидный" всѣ фигуры одинаково очевидны, а потому одинаково самостоятельны.

Если же подъ большей или меньшей очевидностью подразумѣвать *сте-*

пень легкости, съ какой происходитъ усмотрѣніе или пониманіе необходимости соглашаться съ выводомъ, то дѣло стоитъ вотъ какъ: относительно четвертой фигуры надо признаться, что въ ней ходъ мыслей отличается какимъ-то неестественнымъ характеромъ, и что въ ней гораздо труднѣе усмотрѣть обязательность правильнаго вывода, чѣмъ въ остальныхъ фигурахъ. Оттого-то, вѣроятно, на дѣлѣ она встрѣчается въ высшей степени рѣдко. (Кажется, только въ устной рѣчи, когда мы не успѣваемъ обдумать свое изложеніе, да еще, можетъ быть, у такихъ авторовъ, которые нисколько не заботятся, легко ли ихъ читать). Но въ каждой изъ первыхъ трехъ фигуръ обязательность правильнаго вывода усматривается или понимается одинаково легко, а вовсе не такъ, чтобы это дѣло происходило гораздо легче въ первой, чѣмъ во второй и третьей, и чтобы необходимость соглашаться съ правильнымъ выводомъ второй или третьей фигуры становилась вполнѣ очевидной лишь послѣ того, какъ мы сведемъ эти фигуры на первую. Такъ, въ только-что упомянутомъ примѣрѣ, образующемъ модусъ второй фигуры Camestres: „рыбы дышатъ жабрами; киты не дышатъ жабрами; слѣд., киты не рыбы", необходимость соглашаться съ выводомъ усматривается ничуть не съ большимъ трудомъ, чѣмъ и въ силлогизмѣ первой фигуры — „всѣ жидкости упруги; ртуть жидкость; слѣд., ртуть упруга". И нѣтъ никакой надобности для усмотрѣнія обязательности вывода „киты не рыбы" сводить данный намъ модусъ второй фигуры (Camestres) на первую (на Celarent).

Такимъ образомъ, пока что, мы приходимъ къ такому выводу: *съ логической точки зрѣнія нѣтъ ни малѣйшаго основанія считать самостоятельной одну лишь первую фигуру; и крайне сомнительно, чтобы можно было найти основанія для этого мнѣнія съ психологической точки зрѣнія; а если бы они и нашлись, то логикѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла.* Конечно, этотъ выводъ мы имѣемъ право выставить теперь, какъ всего лишь предварительный, но въ слѣдующемъ параграфѣ; когда мы пересмотримъ всѣ доводы, приводимые въ пользу самостоятельности одной лишь первой фигуры, окажется, что онъ долженъ считаться и окончательнымъ.

7. Ложныя мнѣнія о dictum de omni et de nullo въ связи съ мнѣніемъ о самостоятельности одной лишь первой фигуры. Иногда говорятъ, будто бы въ каждомъ силлогизмѣ выводъ оттого выходитъ необходимымъ, что мы руководствуемся аксіомой, прозванной нѣкоторыми авторами dictum de omni et de nullo. Она такова: *все утверждаемое относительно класса утверждается и о каждомъ отдѣльно взятомъ предметѣ этого класса; а все отрицаемое о классѣ отрицается и о каждомъ отдѣльно взятомъ предметѣ этого класса.* По-латыни эту аксіому такъ редактируютъ: „quidquid de omni valet, valet etiam de quibusdam et de singulis; quidquid de nullo valet, nec de quibusdam valet, nec de singulis". Такъ, утверждаемое (или отрицаемое) о классѣ жидкостей, именно—упруги ли онѣ, этимъ самымъ утверждается (или же отрицается) и о каждомъ предметѣ, принадлежащемъ къ этому классу, напр.—о ртути, такъ что про каждый изъ нихъ

обязательно говоритъ, что онъ упругъ (или—что онъ не упругъ, глядя по тому, утверждаемъ ли мы или отрицаемъ это свойство относительно класса жидкостей). Вотъ, говорятъ, съ помощью этой аксіомы мы и удостовѣряемся въ правильности каждаго вывода: если онъ не нарушаетъ означенной аксіомы, то онъ правильный, если же нарушаетъ, то ошибочный. Но, прибавляютъ къ этому защитники самостоятельности одной лишь первой фигуры, такой способъ удостовѣренія въ правильности или ошибочности вывода примѣнимъ только къ первой фигурѣ: ибо только въ ней вполнѣ ясно, соблюдена ли упомянутая аксіома или нѣтъ. Въ остальныхъ же фигурахъ это остается совсѣмъ незамѣтнымъ, пока мы не сведемъ ея на первую. Напр., въ модусѣ второй фигуры „всѣ рыбы дышатъ жабрами; киты не дышатъ жабрами; слѣд., киты не рыбы“ прямо, безъ ея сведенія на первую, нельзя замѣтить, соблюдена ли въ ней аксіома dictum de omni et de nullo. А изъ этого слѣдуетъ, говорятъ наши противники, что *для удостовѣренія въ правильности силлогизма каждой фигуры, кромѣ первой, надо его свести на первую; ибо только тогда и можно оцѣнивать его правильность съ помощью dictum'a. Въ этомъ-то смыслѣ и приходится считать самостоятельной одну лишь первую фигуру;* ибо только въ ней исполненіе или неисполненіе dictum'a вполнѣ очевидно безъ всякаго сведенія на другія фигуры.

Но все это доказательство исходитъ изъ ложной предпосылки — изъ выдумки, будто бы обязательность вывода узнается съ помощью dictum'a. Въ дѣйствительности этого никогда не бываетъ. Во всякой фигурѣ необходимость соглашаться съ выводомъ чаще всего просто чувствуется, безъ помощи какой бы то ни было аксіомы и даже безъ всякой другой провѣрки. Подобно тому, какъ у насъ есть музыкальное чувство, благодаря которому мы прямо чувствуемъ, гармонируетъ ли данный звукъ съ другими, такъ точно у насъ есть какъ бы чувство логичности, благодаря которому мы прямо чувствуемъ, гармонируетъ ли данный выводъ съ своими посылками, т.-е. требуется ли онъ ими, или нѣтъ. Здѣсь не мѣсто говорить, въ чемъ состоитъ переживаніе этого чувства логичности; ибо это вопросъ психологическій, а не логическій, и это чувство подробно описано въ моей „Психологіи безъ всякой метафизики“ (см. ея 3-е изд., стр. 221—223 и 232—236). Такимъ образомъ, *если мнѣніе, будто бы обязательность вывода узнается съ помощью dictum'a, разсматривать психологически, т.-е. какъ описаніе тѣхъ душевныхъ переживаній, которыя обыкновенно происходятъ при силлогизмахъ сами собой, безъ всякаго вліянія со стороны нашей воли, то это описаніе нисколько не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.*

Но можно разсматривать означенное мнѣніе и чисто-логически, именно, какъ правило, требующее, чтобы мы не полагались въ силлогизмахъ на свое чувство логичности, а провѣряли его приговоры, при чемъ dictum указывается, какъ средство, единственно пригодное для провѣрки всѣхъ силлогизмовъ. А такъ какъ оно примѣнимо къ другимъ фигурамъ, кромѣ первой, только въ томъ случаѣ, если ихъ свести на первую, то и выходитъ, что самостоятельна одна лишь первая фигура.

Но если разсматривать означенное мнѣніе, какъ только-что указанное логическое правило, то послѣднее выходитъ въ своей первой половинѣ вѣрнымъ, а во второй — ложнымъ, а поэтому и выводъ изъ него о самостоятельности одной лишь первой фигуры тоже оказывается ложнымъ, какъ основанный на второй (ложной) половинѣ этого правила. Конечно, правильность силлогистическихъ выводовъ необходимо провѣрять, коль скоро голосъ чувства логичности звучитъ не такъ громко, чтобы застраховать насъ отъ всякаго смѣшенія ошибочныхъ силлогизмовъ съ правильными. Въ этомъ пунктѣ разсматриваемое правило вполнѣ вѣрно. Но несомнѣнная ложь, будто бы dictum служитъ *единственнымъ* средствомъ для провѣрки силлогизмовъ. Въ самомъ дѣлѣ: это вовсе не единственное средство, а рядомъ съ нимъ существуетъ еще другое, которое гораздо проще, потому что его примѣненіе вовсе не требуетъ предварительнаго сведенія другихъ фигуръ на первую, именно: мы пробуемъ, соглашаясь съ посылками, отрицать выводъ, т.-е. замѣняемъ его противоположнымъ сужденіемъ, и смотримъ, получится ли чрезъ эту замѣну противорѣчіе съ нашими посылками или нѣтъ. Если получится, то провѣряемый выводъ признается правильнымъ, т.-е. обязательнымъ. Если же противорѣчія съ посылками не оказывается, то провѣряемый выводъ признается произвольнымъ, т.-е. неправильнымъ. Примѣръ такой провѣрки нами уже былъ приведенъ на стр. 179.

Такимъ образомъ, все еще не удается доказать самостоятельность одной лишь первой фигуры. Но, наконецъ, хотятъ добиться этого при помощи слѣдующаго взгляда на роль dictum'а: *эта аксіома важна-де и нужна не какъ средство для провѣрки правильности выводовъ; ибо такая провѣрка легко совершается и безъ всякой помощи съ ея стороны; но всѣ правила силлогизмовъ доказываются не иначе, какъ съ помощью этой аксіомы.* А такъ какъ, прибавляютъ къ этому защитники мнѣнія о самостоятельности одной лишь первой фигуры, эта аксіома прямо примѣнима всего лишь къ первой фигурѣ, къ остальнымъ же ее можно примѣнять лишь послѣ ихъ сведенія на первую, то и выходитъ самостоятельной одна лишь первая фигура; ибо только ея правила доказываются самостоятельно, правила же другихъ фигуръ доказываются не самостоятельно, а чрезъ посредство сведенія этихъ фигуръ на первую.

Но и это заключеніе основано на ложной предпосылкѣ. Конечно, *можно* доказать всѣ правила силлогизмовъ и съ помощью dictum'а. Но *чистѣйшая выдумка, будто бы ихъ нельзя доказать иначе, какъ этимъ путемъ.* Напротивъ, всѣ основныя правила, какъ мы видѣли на стр. 174 и 175, легко доказываются безъ всякой помощи dictum'а; а всѣ остальныя правила составляютъ прямое слѣдствіе основныхъ, при чемъ первыя выводятся изъ послѣднихъ тоже безъ всякой помощи dictum'а. Такимъ образомъ, неправда, будто бы всѣ другія фигуры, кромѣ первой, несамостоятельны въ томъ смыслѣ, что нельзя доказать ихъ правилъ, если не сводить ихъ на первую фигуру.

Разсмотрѣвъ теперь всѣ доводы, которыми доказываютъ несамостоятель-

ность другихъ фигуръ, кромѣ первой, мы опять приходимъ къ тому же самому выводу, какъ и на стр. 218, именно: если сравнивать всѣ фигуры съ логической точки зрѣнія, то нѣтъ никакихъ основаній считать изъ нихъ самостоятельной одну лишь первую; и крайне сомнительно, чтобы можно было найти такія основанія съ психологической точки зрѣнія; а если бы они и нашлись, то логикѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла.

8. Происхожденіе выдумокъ о самостоятельности одной лишь первой фигуры и о роли dictum'a. Но *какъ возникло мнѣніе о самостоятельности одной лишь первой фигуры, а въ связи съ нимъ и всѣ ложныя мнѣнія о роли dictum'a? Толчокъ ко всему этому далъ Аристотель, хотя самъ онъ не высказалъ ни одного изъ всѣхъ этихъ мнѣній.* Если вглядѣться, какъ онъ доказываетъ правила каждой фигуры, то ясно видно, что онъ руководствуется dictum'омъ, хотя онъ не употребляетъ этого названія и отнюдь не говоритъ, чтобы это было *единственнымъ* средствомъ для доказательства правилъ каждой фигуры: онъ просто довольствуется этимъ средствомъ и не ищетъ никакого другого. А при такихъ условіяхъ первая фигура, конечно, окажется въ болѣе благопріятномъ положеніи, чѣмъ остальныя: ея правила доказываются гораздо проще, чѣмъ въ остальныхъ фигурахъ, такъ какъ въ послѣднихъ нельзя обойтись при подобномъ доказательствѣ ихъ правилъ безъ сведенія на первую фигуру. Имѣя въ виду это обстоятельство, Аристотель счелъ нужнымъ говорить о сводимости другихъ фигуръ на первую, при чемъ, конечно, ему не было ни малѣйшей надобности ставить вопросъ о возможности сведенія самой-то первой фигуры на другія; ибо ихъ сведеніе на первую ему нужно только для доказательства ихъ правилъ, а отнюдь не для рѣшенія вопроса о самостоятельности той или другой фигуры. Вмѣстѣ съ тѣмъ, Аристотель за то отличіе, какое при этомъ способѣ доказательства правилъ силлогизма наблюдается въ первой фигурѣ, назвалъ ее словомъ τέλειος, что по-русски означаетъ „совершенный", „превосходный", „отличный", „отборный" и т. п. Такимъ образомъ, *у самого Аристотеля вовсе не было мысли о самостоятельности одной лишь первой фигуры. Она въ его глазахъ отличалась всего лишь сравнительной легкостью, съ какой доказываются ея правила съ помощью употребляемаго имъ метода* (сравн. главы 4 по 7 его Первой Аналитики). Но эта сравнительная легкость доказательства правилъ первой фигуры превратилась у позднѣйшихъ авторовъ въ ея исключительную самостоятельность. А разъ путемъ такого смѣшенія понятій возникла эта выдумка, то для ея подтвержденія должны были возникнуть и остальныя разсмотрѣнныя нами выдумки, именно: о сводимости фигуры на другую, какъ о доказательствѣ несамостоятельности сводимой; о большей очевидности выводовъ въ первой фигурѣ, чѣмъ въ любой другой; о неизбѣжности провѣрять выводы съ помощью dictum'a и о dictum'ѣ, какъ единственномъ средствѣ для доказательства всѣхъ правилъ силлогизма и т. п.

9. Сводимость каждой фигуры на любую другую. Вопросъ о большемъ совершенствѣ первой. Но, скажутъ намъ, конечно, мнѣніе о самостоятельности одной лишь первой фигуры приходится считать простой вы-

думкой. Зато не слѣдуетъ ли вмѣстѣ съ Аристотелемъ считать эту фигуру болѣе совершенной, чѣмъ остальныя, имѣющей передъ ними нѣкоторое превосходство? Вѣдь только она отличается тѣмъ свойствомъ, что *всякая* другая фигура сводится на нее; другія же фигуры таковы, что на каждую изъ нихъ сводится одна лишь первая.

Но это только такъ кажется и кажется оттого, что мы говорили до сихъ поръ всего лишь о сводимости другихъ фигуръ на первую и первой на другія; ибо изъ всей сводимости фигуръ только это и нужно было имѣть въ виду для разсмотрѣнія выдумки о самостоятельности одной лишь первой фигуры. Въ дѣйствительности же *каждая фигура сводима на любую другую*, конечно, съ тѣмъ только ограниченіемъ, что нельзя сводить *общіе* модусы какой-либо фигуры на *частные* модусы другой. Напр., нельзя сводить общіе модусы первой фигуры (Barbara и Celarent) на третью фигуру, коль скоро въ послѣдней одни лишь *частные* правильные модусы (сравн. стр. 215). *Поэтому слѣдуетъ говорить не о сводимости всѣхъ фигуръ на первую, какъ это постоянно дѣлается до сихъ поръ, но о сводимости всѣхъ фигуръ другъ на друга.* Въ самомъ дѣлѣ: если, напр., всѣ модусы первой фигуры сводятся на вторую, то на нее же, конечно, можно сводить и всѣ модусы третьей и четвертой. Стоитъ только ихъ сперва свести на модусы первой фигуры, а послѣ того каждый полученный этимъ путемъ модусъ первой фигуры свести на подходящій модусъ второй, и вся данная фигура окажется сведенной на вторую. И, конечно, это же самое соображеніе примѣнимо и къ вопросу о сведеніи любой фигуры на третью и четвертую, т.-е. второй на третью и четвертую, третьей на четвертую и наоборотъ. Такимъ образомъ, у первой фигуры нѣтъ никакого превосходства предъ остальными.

10. Значеніе нѣкоторыхъ согласныхъ въ названіяхъ модусовъ. Укажемъ кстати, что многія изъ тѣхъ согласныхъ, которыя входятъ въ составъ символическихъ словъ, придуманныхъ средневѣковыми учеными для обозначенія правильныхъ модусовъ (см. эти слова на стр. 182), имѣютъ свое условное значеніе: онѣ показываютъ, какимъ путемъ сводится данный модусъ на первую фигуру, и—на какой, именно, изъ ея модусовъ. Впрочемъ, оговоримся: *такъ какъ само-то умѣнье сводить другія фигуры на одну лишь первую безъ умѣнья сводить и ее на другія не имѣетъ иного значенія, кромѣ чисто-историческаго, т.-е.—кромѣ того, что оно объясняетъ происхожденіе выдумки о самостоятельности одной лишь первой фигуры, а равно и всѣхъ связанныхъ съ нею другихъ выдумокъ, то и тотъ условный смыслъ, который имѣютъ нѣкоторыя согласныя въ символахъ правильныхъ модусовъ, тоже не имѣетъ никакого значенія, кромѣ чисто-историческаго.*

Но въ чемъ же состоитъ условный смыслъ упомянутыхъ согласныхъ? Первая (заглавная) согласная буква каждаго модуса показываетъ, что онъ сводится на тотъ модусъ первой фигуры, который начинается съ такой же согласной. Напр., модусы второй фигуры Cesare и Camestres начинаются

съ буквы *C*. Это значитъ, что каждый изъ нихъ сводится на тотъ модусъ первой фигуры, который тоже начинается съ буквы *C*, т.-е. на Celarent (сравн. таблицы на стр. 214, гдѣ указано это сведеніе). Festino второй фигуры, Felapton и Ferison третьей и т. д., словомъ, всѣ модусы, начинающіеся съ буквы *F*, сводятся на модусъ первой фигуры Ferio. Что же касается остальныхъ согласныхъ, то изъ нихъ имѣютъ условное значеніе только четыре: *m*, *s*, *p* и *c*. Именно, вотъ что онѣ означаютъ:

m—mutatio—перестановку посылокъ сводимаго модуса. Такъ, въ модусѣ второй фигуры Camestres *m* означаетъ, что для его сведенія на первую фигуру (именно—на Celarent) въ немъ, между прочимъ, надо переставить посылки, т.-е. меньшую сдѣлать большей, а бо́льшую меньшей, какъ это и было сдѣлано нами выше на стр. 214.

s—conversio simplex, т.-е. *простое* (simplex) обращеніе. Это значитъ, что то сужденіе, послѣ котораго въ сводимомъ модусѣ стоитъ буква *s*, при сведеніи этого модуса на первую фигуру надо подвергнуть обращенію, и при томъ—*простому, безъ всякой перемѣны количества* обращаемаго сужденія. Такъ, при сведеніи модуса Cesare подвергается такому обращенію большая посылка *E*, какъ это ясно изъ его сведенія на стр. 214. При сведеніи же модуса Camestres подвергаются такому же, т.-е. простому обращенію, сразу и меньшая посылка, и выводъ, какъ это видно на 214 стр.

p—conversio per limitationem, т.-е. обращеніе чрезъ ограниченіе—обозначаетъ, что въ сводимомъ модусѣ то сужденіе, послѣ котораго стоитъ буква *p*, надо подвергнуть такому обращенію, чтобы количество обращаемаго сужденія сдѣлалось болѣе ограниченнымъ, чѣмъ прежде, т.-е. чтобы общее сужденіе было обращено въ частное. Такъ, модусъ третьей фигуры Darapti сводится на модусъ первой Darii тѣмъ путемъ, что меньшая посылка въ Darapti обращается изъ общаго сужденія „всякое *M* есть *S*“ въ частное сужденіе „нѣкоторыя *S* суть *M*“. И тогда въ соединеніи съ прежней большей посылкой у насъ взамѣнъ модуса третьей фигуры Darapti, т.-е. взамѣнъ „всякое *M* есть *P;* всякое *M* есть *S;* слѣд., нѣкоторыя *S* суть *P*“, получается модусъ первой фигуры Darii, именно: „всякое *M* есть *P;* нѣкоторыя *S* суть *M;* слѣд., нѣкоторыя *S* суть *P*“.

Остается объяснить *значеніе буквы c*, встрѣчающейся въ Barоco и въ Bocardo. Прежде всего надо замѣтить, что схоласты, какъ средствомъ для сведенія другихъ фигуръ на первую, пользовались только обращеніемъ, но не превращеніемъ и не противопоставленіемъ сказуемому. Если же пользоваться однимъ только обращеніемъ, то эти два модуса, т.-е. Barоco и Bocardo, не удается свести въ *подлинномъ* смыслѣ этого слова на первую фигуру: для этого нужно было бы употреблять и превращеніе, и противопоставленіе сказуемому, какъ это видно изъ таблицы на стр. 215, гдѣ указано *подлинное* сведеніе модуса Bocardo на Ferio. Поэтому съ Barоco и Bocardo схоласты поступали слѣдующимъ образомъ: при помощи модуса первой фигуры Barbara они доказывали невозможность отрицать выводъ модуса Barоco или Bocardo, т.-е. невозможность замѣнить его противоположнымъ

сужденіемъ, коль скоро мы согласны съ посылками взятаго модуса. Именно: они доказывали, что такая замѣна приведетъ къ противорѣчію съ той посылкой, послѣ которой стоитъ буква *c*. Разъяснимъ это доказательство на модусѣ третьей фигуры Bocardo.

Онъ таковъ: „нѣкоторыя *M* не составляютъ *P;* всякое *M* есть *S;* слѣд., нѣкот. *S* не составляютъ *P*“. Попробуемъ же отрицать его выводъ, т.-е. замѣнимъ послѣдній противоположнымъ сужденіемъ, именно — сужденіемъ „всякое *S* есть *P*“. Къ чему же это приводитъ? Къ тому, что чрезъ соединеніе этого сужденія съ меньшей посылкой модуса Bocardo получается слѣдующій силлогизмъ первой фигуры модуса Barbara: „всякое *S* есть *P;* всякое *M* есть *S;* слѣд., всякое *M* есть *P*“. А это доказываетъ, что если мы, соглашаясь съ посылками модуса Bocardo, отрицаемъ его выводъ, то противорѣчимъ одной изъ посылокъ этого модуса, именно—той, послѣ которой стоитъ буква *c*, т.-е. посылкѣ, говорящей „нѣкоторыя *M* не составляютъ *P*“. Такимъ образомъ, выводъ модуса Bocardo выходитъ доказаннымъ съ помощью модуса Barbara.

Конечно, такое доказательство вывода модуса Bocardo не можетъ быть названо сведеніемъ этого модуса на Barbara, если слово „сведеніе“ употреблять въ томъ же самомъ смыслѣ, какой оно имѣетъ, когда мы говоримъ о сведеніи всѣхъ другихъ модусовъ, кромѣ Barоco и Bocardo, на первую фигуру. Но этому слову придали нѣсколько расширенный смыслъ и назвали означенное доказательство тоже „сведеніемъ“ модусовъ Barоco и Bocardo на первую фигуру, на Barbara. Самый же пріемъ изложеннаго доказательства назвали reductio ad impossibile, т.-е. сведеніемъ къ невозможности. А такъ какъ въ этомъ названіи встрѣчается буква *c*, то ей и придали тотъ условный смыслъ, что модусы Barоco и Bocardo *какъ бы сводятся* на Barbara чрезъ reductio ad impossibile.

Поэтому и названія, придуманныя схоластами для модусовъ Barоco и Bocardo, начинаются съ той же буквы, какъ Barbara: они *какъ бы сводятся* на Barbara. При подлинномъ же ихъ сведеніи на первую фигуру они, конечно, какъ *частно*-отрицательные, сводятся не на Barbara, потому что онъ *обще*-утвердительный, но на частный модусъ, именно — на Ferio (сравн. стр. 215, гдѣ указано сведеніе Bocardo на Ferio), такъ что, если бы схоласты для сведенія другихъ фигуръ на первую на-ряду съ обращеніемъ пользовались также и другими непосредственными умозаключеніями, то эти модусы получили бы названія, начинающіяся съ буквы *F*.

11. Неумѣстность упрековъ логикѣ за пропуски и искусственность нѣкоторыхъ силлогизмовъ. Не мѣшаетъ здѣсь упомянуть еще о тѣхъ упрекахъ, которые дѣлаютъ логикѣ за ея ученіе о силлогизмахъ. Послѣднее упрекаютъ либо только въ искусственности, либо сразу и въ искусственности и въ неполнотѣ, именно—въ *пропускѣ* нѣкоторыхъ силлогизмовъ.

Упрекъ въ искусственности сводится къ указанію, что нѣкоторые силлогизмы можно подвесть подъ установленныя логикой правила лишь искусственно, лишь съ нѣкоторымъ насиліемъ надъ тѣмъ ходомъ мысли, какой

она принимаетъ сама собой. Напр., категорическій силлогизмъ „$A = B$; $B = C$; слѣд., $A = C$“ принадлежитъ къ числу правильныхъ; но его можно подвесть подъ правила *категорическихъ* силлогизмовъ только искусственнымъ путемъ.

Къ тому же, прибавляютъ нѣкоторые изъ порицателей, есть такіе силлогизмы, что ихъ или вовсе не подведешь подъ описываемые логикой правильные модусы, а если и подведешь, то такими путями, крайняя искусственность которыхъ сразу показываетъ какіе-то *пропуски* въ логическомъ ученіи о силлогизмахъ. Напр., „Ѳалесъ былъ раньше Анаксимандра, а послѣдній былъ раньше Анаксимена: слѣд., Ѳалесъ былъ раньше Анаксимена“, или: „Кантъ жилъ безвыѣздно въ Кенигсбергѣ; Шеллингъ никогда не былъ тамъ; слѣд., Кантъ никогда не видѣлся съ Шеллингомъ“. Приходится, напр., такъ ихъ подводить подъ правильные силлогизмы: „если что-нибудь было раньше другого, которое, въ свою очередь, было раньше третьяго, то и первое было раньше третьяго; Ѳалесъ былъ раньше другого, именно Анаксимандра и т. д.“. Начнемъ дѣло съ пропусковъ.

Упрекъ въ пропускахъ по существу вѣренъ. И его необходимо высказывать гораздо рѣзче, чѣмъ это дѣлаютъ, говоря только о „*крайней*“ искусственности, съ какой нѣкоторые изъ силлогизмовъ подводятся подъ схемы правильныхъ. Надо прямо говорить, что существуютъ такіе правильные силлогизмы, которые *явно противорѣчатъ* нѣкоторымъ (конечно, не всѣмъ) изъ указанныхъ нами правилъ. Но существованіе такихъ силлогизмовъ вещь вполнѣ естественная. Вѣдь логика для сокращенія своей работы при изученіи силлогизмовъ предполагаетъ въ нихъ только общія и частныя посылки (стр. 154). Поэтому естественно, что среди единичныхъ модусовъ, т.-е. такихъ модусовъ, въ составъ которыхъ входятъ единичныя посылки, встрѣчаются явно противорѣчащія нѣкоторымъ правиламъ, установленнымъ для модусовъ, не имѣющихъ *ни одной* единичной посылки. Напр., слѣдующій силлогизмъ явно противорѣчитъ правилу, требующему, чтобы хоть одна изъ посылокъ была *общей*: „Бекономъ—геній, Бекономъ—взяточникъ; слѣд., бываютъ взяточники и среди геніальныхъ людей“. И понятно, почему этотъ силлогизмъ, все-таки, выходитъ правильнымъ, хотя и противорѣчитъ указанному правилу: послѣднее въ третьей фигурѣ оттого требуется, что иначе средній терминъ окажется ни разу нераспредѣленнымъ въ посылкахъ (ср. стр. 212); а здѣсь онъ, какъ единичный, распредѣленъ даже въ *каждой* посылкѣ.

Къ тому же, нарушенія правилъ силлогизмовъ на дѣлѣ встрѣчаются только въ *чисто-единичныхъ* правильныхъ модусахъ, т.-е. въ такихъ правильныхъ модусахъ, которые состоятъ *исключительно* изъ единичныхъ посылокъ. Единичные же модусы, непринадлежащіе къ числу чисто-единичныхъ, т.-е. имѣющіе въ своемъ составѣ *только одну* единичную посылку, никогда ни въ чемъ не противорѣчатъ правиламъ силлогизмовъ, хотя, конечно, въ таблицѣ правильныхъ модусовъ ихъ нельзя найти, если не считать въ нихъ *условнымъ* образомъ единичной посылки за частную или за общую. (Обыкновенно при подведеніи такихъ модусовъ подъ установленные въ таблицѣ, напр.,

при разборѣ примѣровъ, *условливаются* считать въ нихъ единичныя посылки общими. Такъ поступаютъ на основаніи того соображенія, что въ единичной посылкѣ, какъ и въ общей, подлежащее оказывается распредѣленнымъ).

И вотъ, когда упрекаютъ логику въ нѣкоторомъ пробѣлѣ или пропускѣ, относящемся къ ученію о силлогизмахъ (высказываютъ ли этотъ упрекъ съ полной рѣшительностью или съ большой нерѣшительностью, это безразлично), то говорятъ сущую правду, но не доглядываютъ одного обстоятельства: *всѣ силлогизмы, которые выходятъ вполнѣ правильными, хотя явно противорѣчатъ правиламъ силлогизмовъ (или иначе, какъ иногда неудачно выражаются порицатели логики,—всѣ правильныя „несиллогистическія опосредствованныя умозаключенія“), оказываются чисто-единичными*, т.-е. состоящими изъ *обѣихъ* единичныхъ посылокъ [1]).

А умѣстно ли попрекать логику за то, что она оставляетъ такіе модусы безъ разсмотрѣнія? Конечно, можно было бы установить свои особыя правила и для чисто-единичныхъ модусовъ. Но такая работа была бы чистѣйшимъ научнымъ спортомъ и больше ничѣмъ. Вѣдь правила умозаключеній сами по себѣ не имѣютъ ни малѣйшей цѣны: они важны только, или какъ средство систематически описать и объяснить всѣ встрѣчающіяся на дѣлѣ ошибки въ умозаключеніяхъ, или же, какъ средство для рѣшенія какихъ-либо другихъ вопросовъ, напр., гносеологическихъ вопросовъ, либо—для лучшаго выясненія содержанія логическихъ законовъ мышленія и т. п. Но еще никто никогда не указалъ, чтобы рѣшеніе гносеологическихъ и другихъ вопросовъ потерпѣло ущербъ отъ пропуска логикой чисто-единичныхъ модусовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ эти модусы такъ легки, что въ нихъ вообще не встрѣчается никакихъ ошибокъ, а ужъ во всякомъ случаѣ, нѣтъ ровно никакихъ новыхъ, которыхъ не было бы въ модусахъ, состоящихъ изъ общихъ и частныхъ посылокъ. Такимъ образомъ, *упрекъ въ нѣкоторомъ пропускѣ, при всей его справедливости, оказывается совершенно неумѣстнымъ:* онъ сводится къ порицанію, зачѣмъ логика не стремится установить тончайшія правила всѣхъ до одного умозаключеній, *независимо отъ того, имѣетъ ли знаніе этихъ правилъ какой-либо смыслъ или же составляетъ чистѣйшій умственный спортъ.*

Что же касается искусственности въ подведеніи нѣкоторыхъ правильныхъ силлогизмовъ, *даже непринадлежащихъ къ единичнымъ*, подъ установленныя логикой правила, то прежде всего надо имѣть въ виду, что она сильно преувеличена. И это преувеличеніе зависитъ отъ того, что хотятъ подводить всѣ правильные силлогизмы не иначе, какъ подъ правила *категорическихъ* силлогизмовъ, какъ будто бы нѣтъ никакихъ другихъ: тогда

[1]) Называть ихъ „*несиллогистическими* опосредствованными умозаключеніями“ потому не слѣдуетъ, что по опредѣленію силлогизма всякое опосредствованное умозаключеніе уже составляетъ силлогизмъ (стр. 152). Вопросъ же о причисленіи и непричисленіи разсматриваемаго умозаключенія къ силлогизмамъ, разумѣется, надо рѣшать на основаніи *опредѣленія* силлогизма, а не на основаніи соотвѣтствія или несоотвѣтствія разсматриваемаго умозаключенія *правиламъ* силлогизма.

искусственность подведенія многихъ силлогизмовъ подъ правила логики выступаетъ во всей своей красѣ. Но эта искусственность либо вовсе исчезаетъ, либо значительно ослабѣваетъ, какъ только мы станемъ пользоваться не одними категорическими силлогизмами, а также условными и раздѣлительными. Напр., силлогизмъ „$A = B$, $B = C$; слѣд., $A = C$“, о которомъ мы упомянули на стр. 225, можно разсматривать, какъ слѣдующій, энтимематически высказанный, *условный* силлогизмъ, вполнѣ подходящій подъ правила логики: „если двѣ величины равны, каждая отдѣльно, третьей, то онѣ равны и между собой; величины A и C равны, каждая отдѣльно, величинѣ B, какъ это указываютъ данныя посылки; слѣд., онѣ равны и между собой, т.-е. $A = C$“. Развѣ такой силлогизмъ можетъ считаться крайне искусственнымъ?

Впрочемъ, *бо́льшая или меньшая искусственность при подведеніи нѣкоторыхъ силлогизмовъ подъ установленные логикой правильные модусы вполнѣ неизбѣжна* по двумъ причинамъ: во-первыхъ, вслѣдствіе частаго несовпаденія строя предложеній съ строемъ высказываемыхъ ими сужденій, какъ это мы видѣли на стр. 168 въ примѣрѣ объ ап. Павлѣ; во-вторыхъ, вслѣдствіе того, что логика разсматриваетъ всѣ умозаключенія *независимо* отъ происходящихъ при нихъ душевныхъ переживаній, такъ что вовсе не задается цѣлью *описывать*, какъ именно протекаетъ это переживаніе естественнымъ образомъ. Ея задача только въ томъ, чтобы, отвлекаясь отъ *всякаго* описанія душевныхъ переживаній, которыя бываютъ при силлогизмахъ, указать, какимъ правиламъ окажутся подчиненными посылки и выводы *готовыхъ* силлогизмовъ, *если* эти посылки, дѣйствительно, принуждаютъ всѣхъ и каждаго соглашаться съ выводомъ (ср. стр. 10). При такихъ условіяхъ вполнѣ понятно, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ указанныя ею схемы правильныхъ силлогизмовъ будутъ расходиться съ естественнымъ ходомъ мышленія.

Но упрекать за это логику вдвойнѣ неумѣстно; ибо, во-первыхъ, такой упрекъ подразумѣваетъ въ себѣ требованіе, чтобы она исказила свои задачи, чтобы она приноравливалась къ предложеніямъ вмѣсто сужденій и занималась еще *психологическимъ описаніемъ* наиболѣе естественнаго хода мышленія; во-вторыхъ, здѣсь упускаютъ изъ виду, что правила силлогизмовъ важны не сами по себѣ, а только какъ средство для рѣшенія съ ихъ помощью нѣкоторыхъ вопросовъ. И если съ помощью этого средства мы вполнѣ достигаемъ своей цѣли, то вся искусственность подведенія разныхъ силлогизмовъ подъ эти правила оказывается дѣломъ неважнымъ, второстепеннымъ.

Вотъ всѣмъ этимъ и объясняется слѣдующее обстоятельство: въ XIX в. появилось нѣсколько попытокъ вполнѣ переработать ученіе объ умозаключеніяхъ, сложившееся подъ вліяніемъ Аристотеля. Послѣднее стали называть не безъ нѣкотораго пренебреженія „*традиціонной логикой*“, чтобы отличить его отъ всѣхъ этихъ попытокъ. Однѣ изъ нихъ заботились только о полнотѣ, какъ напр., „Основы науки“ Джевонса. Другія же, какъ, напр., „Классификація выводовъ“ М. И. Карпинскаго, кромѣ полноты, ставили еще своей задачей раздѣлить всѣ умозаключенія на такіе классы, отличія ко-

торыхъ другъ отъ друга не обладали бы такой искусственностью, какъ въ „традиціонной логикѣ“. Однако, ни одна изъ этихъ попытокъ не только не вытѣснила „традиціонной логики“, но даже не нашла себѣ, хоть сколько-нибудь, значительнаго числа послѣдователей. Вѣдь, съ одной стороны, упреки, которые дѣлаются по адресу „традиціонной логики“, оказываются совершенно неумѣстными, если не упускать изъ виду, изъ-за чего именно стоитъ возиться надъ разсмотрѣніемъ умозаключеній съ логической точки зрѣнія. А, съ другой стороны, сами-то эти попытки нисколько не облегчаютъ достиженія тѣхъ цѣлей, ради которыхъ стоитъ разсматривать умозаключенія. Напротивъ, исходя изъ появившихся до сихъ поръ попытокъ, нерѣдко совсѣмъ нельзя ни систематически пересмотрѣть и объяснить встрѣчающіяся на дѣлѣ ошибки въ умозаключеніяхъ, ни рѣшать какіе-либо болѣе или менѣе важные вопросы.

Къ тому же нѣкоторыя изъ этихъ попытокъ впадаютъ въ сильнѣйшій психологизмъ, въ смѣшеніе логической точки зрѣнія на мышленіе съ психологической: къ этому ихъ невольно подталкиваетъ стремленіе придать самую естественную форму отличіямъ другъ отъ друга разныхъ видовъ умозаключеній. При такомъ стремленіи, разумѣется, приходится обращать вниманіе не столько на условія правильности и неправильности готоваго соединенія вывода съ посылками, сколько на тѣ душевныя переживанія, которыя происходятъ при возникновеніи этого соединенія, т.-е. на ту сторону умозаключеній, которая должна подлежать вѣдѣнію психологіи.

ГЛАВА XII.

Доказательства, соединенныя съ установкой данныхъ опыта.

1. Доказательства, соединенныя съ установкой данныхъ опыта, но однородныя съ несоединенными. Задачи эмпирическихъ наукъ. До сихъ поръ мы разсматривали только доказательства, нигдѣ несоединяемыя съ установкой данныхъ опыта, или—чисто-раціональныхъ наукъ; а теперь намъ предстоитъ изучить доказательства, соединенныя съ установкой данныхъ опыта, иначе—доказательства, употребляемыя въ эмпирическихъ частяхъ знанія.

Изъ доказательствъ, соединенныхъ съ установкой данныхъ опыта, нѣкоторыя ровно ничѣмъ не отличаются отъ доказательствъ чисто-раціональныхъ наукъ, вполнѣ однородны съ ними. Таково, напр., хотя бы слѣдующее доказательство: „вотъ въ этомъ треугольникѣ, вершинами котораго служатъ находящіеся передъ нами колодецъ, верстовой столбъ и дерево, сумма квадратовъ двухъ сторонъ равняется квадрату третьей; ибо, какъ мы удосто-

вѣрились простымъ измѣреніемъ (т.-е. простой *установкой данныхъ опыта*), стороны этого треугольника равны 3, 4 и 5 верстамъ, а $3^2+4^2=5^2$. Но если квадратъ одной изъ сторонъ треугольника равенъ суммѣ квадратовъ двухъ другихъ сторонъ, то треугольникъ окажется прямоугольный, такъ что и нашъ треугольникъ прямоугольный". Здѣсь передъ нами доказательство хотя и соединенное съ установкой данныхъ опыта, но вполнѣ однородное съ доказательствами чисто-раціональныхъ наукъ.

Такимъ образомъ, изо всѣхъ доказательствъ, соединенныхъ съ установкой данныхъ опыта, логикѣ надо разсмотрѣть только нѣкоторыя, именно—такія, которыя отличались бы отъ несоединенныхъ съ ней: чрезъ разсмотрѣніе же остальныхъ мы не узнаемъ ничего новаго. А чтобы отыскать такія доказательства, которыя заслуживаютъ особаго изученія, обратимся сперва къ разсмотрѣнію задачъ эмпирическихъ наукъ и выяснимъ: въ какихъ случаяхъ эмпирическимъ наукамъ для достиженія ихъ задачъ *приходится* употреблять доказательства; и какія изъ этихъ доказательствъ отличаются отъ доказательствъ чисто-раціональныхъ наукъ, напр.—отъ геометрическихъ?

Задачи эмпирическихъ наукъ слѣдующія: всѣ эти науки, напр.—физика, химія, психологія, лингвистика, исторія и т. д., конечно, стараются прежде всего собирать и точнѣйшимъ образомъ описывать данныя опыта, взятыя въ ихъ *чистомъ* видѣ, но не для того, чтобы успокоиться на этомъ (сравн. выше, гл. V). Всѣ онѣ, при помощи разсмотрѣнія и сравненія различныхъ явленій природы, по крайней мѣрѣ *стремятся* узнать какъ причины, обусловливающія эти явленія, такъ и законы природы, а послѣ того стараются при помощи этого знанія, съ одной стороны, объяснять природу, а съ другой—предсказывать ея явленія и дать намъ возможность распоряжаться ими, т.-е. господствовать надъ природой. О значеніи слова природа см. выше, стр. 35.

При собираніи и описаніи данныхъ опыта въ ихъ чистомъ видѣ еще нѣтъ мѣста доказательствамъ, а все дѣло ограничивается лишь оправданіемъ сужденій путемъ простой установки данныхъ опыта. *Нѣтъ мѣста доказательствамъ и при распоряженіи по своему желанію ходомъ явленій природы:* оно состоитъ не въ доказательствахъ и вообще не въ оправданіяхъ сужденій, но въ осуществленіи на дѣлѣ тѣхъ условій, при которыхъ наступятъ желательныя для насъ явленія природы. Напр.: когда мы заставляемъ электрическую лампу свѣтить намъ, мы ровно ничего не доказываемъ, но осуществляемъ тѣ условія, при которыхъ она становится свѣтящейся. Такимъ образомъ, *въ эмпирическихъ наукахъ мы можемъ встрѣтиться съ какими бы то ни было доказательствами только въ четырехъ случаяхъ, именно: 1) при изученіи причинъ, обусловливающихъ явленія природы, 2) при изученіи законовъ природы, 3) при объясненіяхъ природы и 4) при предсказаніяхъ будущихъ явленій природы.*

По поводу этого перечня намъ могутъ возразить, что эмпирическимъ наукамъ приходится употреблять доказательства еще въ томъ случаѣ, когда

онѣ возстановляютъ прошлое по тѣмъ слѣдамъ, которые уцѣлѣли отъ этого прошлаго. Вѣдь имъ приходится *доказывать* правильность рисуемыхъ ими картинъ прошлаго, пот. что самого этого прошлаго уже нѣтъ передъ нашими глазами, такъ что нельзя узнать его съ помощью простой установки данныхъ опыта. Напр., историку приходится *доказывать*, что прошлое дѣйствительно было такимъ, какъ онъ его рисуетъ. Но *всѣ эти доказательства сводятся къ доказательству объясненій данныхъ опыта*, именно—къ доказательству, что уцѣлѣвшіе въ опытѣ слѣды прошлаго, напр. — имѣющіеся въ нашемъ распоряженіи историческіе источники, могутъ быть правильно и вполнѣ *объяснены* только въ томъ случаѣ, если считать прошлое такимъ, какъ мы его рисуемъ. Слѣд., здѣсь передъ нами вовсе не новый случай употребленія доказательствъ въ эмпирическихъ наукахъ, но одинъ изъ четырехъ перечисленныхъ нами случаевъ.

2. Случаи, въ которыхъ встрѣчаются доказательства, соединенныя съ установкой данныхъ опыта и разнородныя съ несоединенными. Какія бы объясненія природы и какія бы предсказанія ея явленій мы ни взяли, въ доказательствахъ, которыя употребляются въ томъ и другомъ случаѣ, мы не замѣтимъ никакихъ особенностей сравнительно съ доказательствами чисто-раціональныхъ наукъ. Напр.: когда намъ доказываютъ объясненіе фазъ луны, т.-е. когда доказываютъ, что вслѣдствіе ея движенія вокругъ земли она вовсе не можетъ быть видна въ опредѣленные моменты времени, а въ другіе можетъ быть видна лишь отчасти и т. д., то во всѣхъ разсужденіяхъ, которыя употребляются при этихъ доказательствахъ, мы не замѣчаемъ ровно никакой разницы съ разсужденіями, встрѣчающимися при геометрическихъ доказательствахъ. Точно также когда, исходя изъ законовъ физики, мы доказываемъ свое предсказаніе, что данная магнитная стрѣлка уклонится въ опредѣленную сторону отъ своего обычнаго положенія, если мы приблизимъ къ ней вотъ такимъ-то путемъ проволоку, по которой проходитъ электрическій токъ, то въ доказательствахъ нашего предсказанія тоже нельзя замѣтить никакой разницы съ доказательствами чисто-раціональныхъ наукъ. Такимъ образомъ, *среди всѣхъ доказательствъ, соединенныхъ съ установкой данныхъ опыта, только въ двухъ случаяхъ встрѣчаются такія доказательства, которыя по своему характеру отличаются отъ доказательствъ, несоединенныхъ съ установкой данныхъ опыта: это, во-первыхъ, при доказательствѣ догадокъ о причинахъ, обусловливающихъ явленія природы, и, во-вторыхъ, при доказательствѣ догадокъ о законахъ природы.* (Говоримъ о доказательствѣ *догадокъ*, потому что всякое знаніе начинается съ догадокъ, см. выше. стр. 2 и слѣд.).

Но къ сказанному нужно прибавить еще одну ограничительную оговорку, только надо сперва объяснить разницу между прямо наблюдаемыми причинами явленій природы и причинами, скрытыми отъ прямого наблюденія.

Подъ скрытыми отъ прямого наблюденія причинами подразумѣваются такія причины, которыя, почему бы то ни было, остаются недоступными прямому наблюденію, такъ что объ ихъ существованіи при-

ходится только заключать на основаніи данныхъ въ опытѣ фактовъ. Фактами же называется все то, существованіе чего уже безспорнымъ образомъ оправдано съ помощью опыта. Поэтому фактами называютъ и отдѣльныя явленія природы въ родѣ, напр., взрыва, происшедшаго въ каменноугольной копи, внезапнаго усиленія блеска какой-нибудь звѣзды и т. п., и уже доказанные законы природы, напр.: законъ Архимеда, законъ Ньютона и т. д. И вотъ, напр., причины внезапнаго усиленія блеска какой-нибудь звѣзды, вулканическаго изверженія и т. п. нами прямо не наблюдаются, такъ что намъ приходится только заключать о существованіи этихъ причинъ на основаніи того, что въ опытѣ даны упомянутые факты. Такимъ образомъ, причины этихъ явленій принадлежатъ къ скрытымъ отъ прямого наблюденія. Другой примѣръ: въ опытѣ данъ тотъ фактъ, что луна, какъ бы вопреки закону инерціи, вращается вокругъ земли, а не удаляется отъ нея по прямой линіи. Причина же этого факта прямо нами не наблюдается, такъ что даже объ ея существованіи приходится лишь заключать по движеніямъ луны; слѣд., здѣсь снова предъ нами одна изъ причинъ, скрытыхъ отъ прямого наблюденія.

Что же касается прямо наблюдаемыхъ причинъ, то объ ихъ существованіи намъ не приходится всего лишь заключать на основаніи какихъ-либо фактовъ, но мы прямо наблюдаемъ его. Напр., мы прямо видимъ, что ртуть нагрѣвается и вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивается въ объемѣ, т.-е. расширяется. И вотъ, если мы докажемъ, что причиной ея расширенія послужило ея нагрѣваніе, а не какое-либо другое обстоятельство, бывшее одновременно съ нагрѣваніемъ, то послѣднее составитъ прямо наблюдаемую причину расширенія ртути. Точно также если мы приняли хины, и вслѣдъ за тѣмъ у насъ понизилась температура крови, а мы сумѣемъ доказать, что причиной такого явленія служитъ пріемъ хины, а не какое-либо другое обстоятельство, то эта причина тоже должна называться прямо наблюдаемой, потому что мы не заключаемъ объ ея существованіи, а прямо наблюдаемъ его.

Теперь, возвращаясь къ вопросу о доказательствахъ, употребляемыхъ въ естественныхъ наукахъ, мы ограничимъ сказанное нами на стр. 230 слѣдующимъ образомъ: *изо всѣхъ доказательствъ, употребляемыхъ въ эмпирическихъ наукахъ, непохожи на прежде разсмотрѣнныя нами только два рода—1) соединенныя съ установкой данныхъ опыта доказательства догадокъ о прямо наблюдаемыхъ причинахъ явленій природы и 2) соединенныя съ установкой данныхъ опыта доказательства догадокъ о законахъ природы.* Всѣ же остальныя доказательства эмпирическихъ наукъ, въ томъ числѣ и доказательства догадокъ о причинахъ, *скрытыхъ* отъ прямого наблюденія, по существу своему вполнѣ однородны съ доказательствами раціональныхъ наукъ. Для подтвержденія же нашихъ словъ по поводу доказательствъ догадокъ о причинахъ, *скрытыхъ* отъ прямого наблюденія, нужно разсмотрѣть гипотезы и тѣ пути, которыми онѣ превращаются въ знаніе.

3. Гипотезы и троякій путь ихъ превращенія въ знаніе. Слово *„гипотеза“* въ буквальномъ переводѣ съ греческаго означаетъ *„предположеніе“*, и это слово часто употребляютъ въ двухъ смыслахъ: въ широкомъ и узкомъ. Подъ гипотезами въ широкомъ смыслѣ подразумѣваютъ всякія догадки, съ которыхъ начинается наше знаніе, и которыя потомъ провѣряются нами, такъ что въ логикѣ постоянно приходится говорить, какъ провѣряются гипотезы въ широкомъ смыслѣ. Оттого-то многими авторами употребляются такія выраженія: „всякое знаніе начинается съ гипотезы“; „всякая научная работа сводится главнымъ образомъ къ провѣркѣ гипотезъ“ и т. п. Здѣсь слово „гипотеза“ употребляется въ широкомъ смыслѣ, въ смыслѣ всякой догадки (сравн. выше, стр. 2). Но, конечно, крайне неудобно употреблять терминъ „гипотеза“ сразу въ двухъ смыслахъ: это можетъ запутать насъ въ ошибку quaternio terminorum. Поэтому *условимся разъ навсегда употреблять слово „гипотеза“ только въ его узкомъ смыслѣ, а гипотезы въ широкомъ смыслѣ будемъ и впредь называть догадками*, какъ это мы постоянно дѣлали до сихъ поръ.

Гипотезой въ узкомъ смыслѣ называется предположеніе или догадка о существованіи такой причины, которая остается при нынѣшнемъ состояніи изслѣдованій почему бы то ни было скрытой отъ прямого наблюденія, если это предположеніе при современномъ состояніи науки подтверждается только тѣмъ, что при его помощи становится возможнымъ объяснить какіе-либо факты, т.-е. становится возможнымъ разсматривать ихъ, какъ слѣдствіе существованія предполагаемой нами скрытой причины. Такъ, вулканическія явленія и землетрясенія можно объяснить предположеніемъ, что внутреннее ядро земли находится въ расплавленномъ, слѣд., волнующемся состояніи, которое и обусловливаетъ колебанія почвы и изверженія вулкановъ. Эта догадка представляетъ собой гипотезу, такъ какъ предполагаемая нами причина остается скрытой отъ насъ, а въ то же время догадка объ ея существованіи подтверждается при современномъ состояніи науки единственно тѣмъ, что объясняетъ нѣкоторые факты. Далѣе: основные химическіе законы объясняются предположеніемъ, что тѣла состоятъ изъ атомовъ, а существованіе атомовъ можетъ быть подтверждено только объясненіями этихъ и другихъ фактовъ, такъ что это предположеніе составляетъ одну изъ гипотезъ.

Несомнѣнно, что *пока гипотеза остается гипотезой, т.-е. пока она подтверждается только тѣмъ, что объясняетъ намъ большее или меньшее число фактовъ, она никоимъ образомъ не можетъ считаться доказанной.* Вѣдь одни и тѣ же факты могутъ порождаться разными причинами, такъ что если они вытекаютъ изъ нашей гипотезы, то одно лишь это обстоятельство еще не доказываетъ, чтобы она совпадала съ дѣйствительностью. Поэтому слово *„гипотетическій“* давно сдѣлалось синонимомъ выраженія *„спорный, еще неимѣющій права считаться знаніемъ“*. Такъ, когда говорятъ, что во взглядахъ такого-то человѣка, напр., въ его научныхъ предсказаніяхъ явленій природы, много „гипотетическаго“, то это означаетъ

слѣдующее: „въ нихъ много спорнаго, много такого, что̀ еще не имѣетъ права считаться знаніемъ“. Значеніе гипотезъ для науки вовсе не въ томъ, чтобы служить готовымъ знаніемъ.

Мы скоро подробно выяснимъ его, а пока посмотримъ, не встрѣчаются ли въ тѣхъ путяхъ, которыми нѣкоторыя изъ гипотезъ съ теченіемъ времени превращаются въ знаніе, такія доказательства, которыя были бы непохожи на доказательства раціональныхъ наукъ: если нѣтъ такихъ доказательствъ, то этимъ подтвердится все сказанное нами въ концѣ предшествующаго параграфа.

Гипотезы превращаются въ знаніе либо такимъ путемъ, который вовсе не принадлежитъ къ доказательствамъ, либо такими доказательствами, въ которыхъ нѣтъ никакихъ существенныхъ особенностей сравнительно съ доказательствами чисто-раціональныхъ наукъ. Дѣйствительно: гипотезы могутъ превращаться въ знаніе однимъ изъ трехъ слѣдующихъ путей, при чемъ никакихъ другихъ путей, приводящихъ къ той же цѣли, не только нельзя подмѣтить въ исторіи наукъ, но и нельзя придумать, именно: 1—путемъ простой установки данныхъ опыта, 2—апагогическимъ доказательствомъ и 3—прямымъ доказательствомъ. (О прямыхъ и апагогическихъ доказательствахъ см. выше, стр. 123—124).

1. *Путемъ простой установки данныхъ опыта гипотеза можетъ превратиться въ знаніе слѣдующимъ образомъ: та скрытая причина, допущеніе существованія которой и составляетъ нашу гипотезу, можетъ съ теченіемъ времени сдѣлаться почему-нибудь доступной прямому наблюденію.*

Такъ именно превратилась въ знаніе гипотеза о существованіи Нептуна. Въ началѣ XIX ст. Нептуна еще не наблюдали, и его существованіе можно было подтвердить тогда только тѣмъ, что если допустить его, то такое предположеніе объяснитъ нѣкоторыя особенности въ движеніяхъ Урана. Впослѣдствіи же его подмѣтили въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ предполагали.

Конечно, разсматриваемый путь не принадлежитъ къ доказательствамъ въ логическомъ смыслѣ слова (см. стр. 105—106).

2. *Апагогическимъ доказательствомъ гипотеза можетъ превратиться въ знаніе слѣдующимъ образомъ: иногда при достаточномъ расширеніи знанія становится возможнымъ опровергнуть всѣ гипотезы, какія только можно мыслить для объясненія данныхъ фактовъ, кромѣ одной, обнаруживъ въ слѣдствіяхъ, вытекающихъ изъ остальныхъ гипотезъ, какія-либо противорѣчія съ дѣйствительностью*, такъ что всѣ изъ возможныхъ гипотезъ, кромѣ одной, окажутся опровергнутыми по методу deductio ad absurdum. Тогда, разумѣется, та гипотеза, которая одна только изо всѣхъ возможныхъ и осталась неопровергнутой, какъ мирящаяся со всей суммой новаго знанія, уже превращается въ знаніе, какъ доказанная апагогическимъ методомъ.

Такимъ именно путемъ была доказана и превратилась въ знаніе гипотеза Коперника. Гипотеза Коперника (XVI в.) была назначена для объ-

ясненія тѣхъ кажущихся движеній по небесному своду, которыя мы наблюдаемъ во всѣхъ свѣтилахъ, при чемъ въ видѣ причины, которая заставляетъ намъ казаться существующими эти движенія, она допускаетъ движеніе земли и планетъ вокругъ солнца, а луны вокругъ земли. Но эти же самыя кажущіяся движенія свѣтилъ по небесному своду вытекаютъ также изъ причинъ, предполагаемыхъ гипотезами Птоломея (II в. до Р. Хр.) и Тихо-де-Браге (XVI в.). Каждая изъ этихъ двухъ гипотезъ допускаетъ неподвижность земли. Но въ то время, какъ по гипотезѣ Тихо-де-Браге планеты вращаются не прямо вокругъ земли, но вокругъ солнца, а уже солнце вмѣстѣ съ планетами, какъ бы со своими спутниками, вращается вокругъ земли, по гипотезѣ Птоломея и солнце, и каждая изъ планетъ вращаются вокругъ земли. При этомъ гипотеза Птоломея допускала еще, что почти каждая планета вращается вокругъ земли не по круговой линіи, а слѣдующимъ образомъ: она описываетъ кругъ вокругъ такого центра, который, въ свою очередь, описываетъ кругъ вокругъ земли, самъ же ничѣмъ не занятъ. А для нѣкоторыхъ планетъ приходится допускать, что самъ-то этотъ центръ описываетъ еще кругъ возлѣ новаго центра, который уже описываетъ кругъ вокругъ земли, при чемъ ни одинъ изъ этихъ центровъ не занятъ никакимъ тѣломъ. И вотъ, законъ Ньютона и вся новая механика оказались въ непримиримомъ противорѣчіи съ этими двумя гипотезами, опровергли ихъ. По закону инерціи тѣло должно двигаться по прямой линіи и не можетъ описывать круга вокругъ пустого, ничѣмъ не занятаго пункта, какъ это допускается въ нѣкоторыхъ частяхъ гипотезы Птоломея. Далѣе: будь солнечная система устроена по Птоломею или по Тихо-де-Браге, она не могла бы оставаться въ равновѣсіи, такъ чтобы отдѣльныя входящія въ ея составъ свѣтила и не разлетались подъ вліяніемъ инерціи въ разныя стороны, и не падали другъ на друга подъ вліяніемъ взаимнаго притяженія (точнѣе—подъ вліяніемъ ньютоновскаго закона взаимнаго сближенія всѣхъ тѣлъ). Уже однимъ этимъ сразу опровергались другія гипотезы, кромѣ коперниковской, которая, такимъ образомъ, выходила доказанной апагогически. А къ этому присоединился рядъ другихъ фактовъ (пассаты, параллаксъ неподвижныхъ звѣздъ, маятникъ Фуко и т. д.), съ которыми мирится только гипотеза Коперника, такъ что она все больше и больше подтверждалась по методу апагогическихъ доказательствъ.

Очевидно, что если гипотеза превращается въ знаніе только-что указаннымъ путемъ, то въ ея доказательствѣ нѣтъ никакихъ существенныхъ отличій отъ доказательствъ чисто-раціональныхъ наукъ, хотя этотъ путь и образуетъ такое апагогическое доказательство, которое соединено съ установкой данныхъ опыта.

3. *Прямымъ доказательствомъ гипотезы тоже могутъ превращаться въ знаніе*, ибо нѣтъ ничего невозможнаго, что съ теченіемъ времени накопившееся до той поры знаніе потребуетъ въ видѣ *прямо вытекающаго изъ него* слѣдствія, чтобы мы признавали существованіе той скрытой причины,

о которой говорится въ нашей гипотезѣ. Тогда послѣдняя, конечно, обратится въ знаніе, какъ доказанная прямымъ доказательствомъ.

Трудно, даже, можетъ быть, и не удастся, найти въ исторіи наукъ сравнительно легкій примѣръ доказательства гипотезы этимъ путемъ. Но очевидно, что такой путь не невозможенъ. Сущность же его столь проста, что вполнѣ понятна и безъ пояснительнаго примѣра. Вмѣстѣ съ тѣмъ понятно, что въ такомъ доказательствѣ гипотезъ не можетъ быть никакихъ существенныхъ отличій отъ доказательствъ чисто-раціональныхъ наукъ.

4. Значеніе гипотезъ для науки. Реальныя и рабочія гипотезы. Теперь выяснимъ значеніе гипотезъ для науки, именно: почему онѣ, не составляя знанія, все-таки, часто встрѣчаются въ эмпирическихъ наукахъ? Значеніе гипотезъ двоякое:

1—Онѣ во многихъ случаяхъ неизбѣжны по той же причинѣ, какъ и вообще догадки, именно — какъ предварительная ступень въ расширеніи знанія о причинахъ, скрытыхъ отъ прямого наблюденія. Когда надо узнать скрытую отъ прямого наблюденія причину какихъ-либо фактовъ, то, разумѣется, мы допустимъ въ видѣ предварительной ступени знанія только такія догадки объ этой причинѣ, которыя годились бы для объясненія этихъ фактовъ. А вѣдь эти догадки до тѣхъ поръ, пока онѣ подтверждаются всего лишь ихъ годностью для объясненія означенныхъ фактовъ, будутъ гипотезами (сравн. стр. 232). Такимъ образомъ, если всякое знаніе начинается не иначе, какъ съ догадокъ (см. стр. 2), то *знаніе о причинахъ, скрытыхъ отъ прямого наблюденія, начинается не иначе, какъ съ гипотезъ.*

2—Гипотезы важны еще, какъ вспомогательное средство или орудіе, облегчающее изученіе науки, и при томъ двоякимъ образомъ: а) какъ средство, облегчающее собственныя научныя изслѣдованія, наводящее насъ на новыя открытія и на новыя изслѣдованія, въ чемъ состоитъ *эвристическое значеніе* гипотезъ, и b) какъ средство, облегчающее усвоеніе науки, когда она преподается, въ чемъ состоитъ *дидактическое значеніе* гипотезъ. Въ самомъ дѣлѣ:

а) Всякая гипотеза должна быть провѣряема, а провѣрять ее, пока она гипотеза, можно только тѣмъ путемъ, чтобы мы выводили всѣ вытекающія изъ нея слѣдствія и смотрѣли, согласуются ли они со всѣми данными въ опытѣ фактами; ибо ея противорѣчіе хоть съ нѣкоторыми изъ нихъ, конечно, опровергаетъ ее. Само собою разумѣется, что при подобной провѣркѣ гипотезы мы можемъ натолкнуться на слѣдствія, говорящія о такихъ явленіяхъ или о такихъ законахъ природы, которыхъ мы еще не знаемъ и даже не подозрѣваемъ объ ихъ существованіи. Вотъ этимъ-то путемъ *гипотезы зачастую наводятъ насъ на новыя открытія, удачно направляя насъ на поиски новыхъ законовъ природы или новыхъ ея явленій.* Доказать же, что гипотезы не только могутъ, но и дѣйствительно оказывали такія услуги, можно при помощи разсмотрѣнія исторіи различныхъ открытій. Въ этомъ и состоитъ эвристическое (облегчающее открытія) значеніе гипотезъ.

b) Что же касается дидактическаго значенія гипотезъ, то оно, въ свою очередь, можетъ быть неодинаковымъ. Напр., нѣкоторыя изъ нихъ могутъ оказывать мнемоническія услуги, т.-е. помогать запоминанію уже накопившагося знанія; другія же могутъ служить для болѣе удобнаго высказыванія научныхъ положеній, т.-е. имѣютъ терминологическое значеніе и т. п. Въ самомъ дѣлѣ:

Что гипотезы имѣютъ *мнемоническое значеніе*, т.-е. облегчаютъ запоминаніе фактовъ, это видно изъ слѣдующихъ соображеній: каждая гипотеза объясняетъ нѣкоторые факты въ природѣ, такъ что они оказываются выведенными изъ нея, какъ ея необходимыя слѣдствія. Этимъ путемъ между нашими знаніями о природѣ устанавливается нѣкоторая внутренняя связь: они уже не обособлены другъ отъ друга, а выводятся изъ общаго объясняющаго ихъ основанія. Въ тѣхъ же случаяхъ, когда между нашими свѣдѣніями существуетъ подобная связь, ихъ гораздо легче запомнить, чѣмъ когда они взяты вразбивку или въ чисто внѣшней, механической связи. Напр., всѣмъ извѣстно, съ какимъ трудомъ усваивается исторія, пока доставляемыя ею свѣдѣнія связаны въ ней чисто механически, одной лишь хронологической связью, и насколько тотчасъ же уменьшается эта трудность, какъ только мы укажемъ (хотя бы и гипотетически) причину, которая объясняла бы изучаемые нами историческіе факты.

Но бываютъ и такія гипотезы, которыя не имѣютъ ни эвристическаго, ни мнемоническаго значенія, а все-таки полезны для науки, какъ имѣющія *терминологическое значеніе*. Такова, напр., гипотеза существованія различныхъ душевныхъ способностей: памяти, воображенія, воли и т. д. Объясненіе какого-либо класса душевныхъ явленій съ помощью душевной способности, которой приписываются эти явленія, слишкомъ безсодержательно, чтобы пріобрѣсть какое-либо эвристическое или мнемоническое значеніе. Напр., объясненіе воспоминаній тѣмъ, что у насъ есть память, по своей безсодержательности сводится прямо-таки къ пустословію, именно — вотъ къ чему: „у насъ потому существуютъ воспоминанія, что есть причина ихъ существованія“. Вѣдь подъ памятью и подразумѣвается именно причина существованія воспоминаній. Настолько же безсодержательнымъ будетъ объясненіе различныхъ свойствъ воспоминаній, напр.—ихъ прочности, свойствами памяти: вѣдь сами-то свойства памяти становятся извѣстными только вслѣдствіе различій, наблюдаемыхъ въ воспоминаніяхъ. Напр., подмѣчая прочность воспоминаній, мы узнаемъ о прочности памяти и т. п. Такимъ образомъ, объясняя свойства воспоминаній свойствами памяти, мы, строго говоря, объясняемъ этотъ фактъ имъ же самимъ. Очевидно, столь безсодержательныя объясненія не могутъ имѣть ни эвристическаго, ни мнемоническаго значенія. Тѣмъ не менѣе гипотеза существованія различныхъ душевныхъ способностей, употребляемая въ видѣ вспомогательнаго средства, приноситъ психологіи другую пользу, именно: съ помощью этой гипотезы намъ въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ можно гораздо короче высказывать научныя положенія о душевныхъ явленіяхъ, чѣмъ пользуясь такимъ языкомъ, который вся-

чески избѣгалъ бы упоминанія о душевныхъ способностяхъ. Подъ каждой изъ способностей, напр.—подъ памятью, въ этомъ случаѣ, подразумѣвается вся совокупность душевныхъ явленій, приписываемыхъ этой способности.

Сказаннаго уже достаточно для подтвержденія, что дидактическое значеніе гипотезъ можетъ быть разнообразнымъ. Гнаться же за исчерпывающимъ обзоромъ всѣхъ его видоизмѣненій нѣтъ никакой надобности.

Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что *основное раздѣленіе значеній гипотезъ таково: онѣ важны, либо какъ предварительное изображеніе дѣйствительности, либо какъ вспомогательное средство при изученіи науки въ обоихъ смыслахъ слова „изученіе“*, т.-е. и въ смыслѣ изслѣдованія, и въ смыслѣ усвоенія уже накопившихся знаній. И *въ виду такого двоякаго значенія* гипотезъ, очевидно, наука въ правѣ пользоваться гипотезами двухъ *родовъ:* во-первыхъ, возможны гипотезы, выставляемыя нами, какъ предварительныя изображенія дѣйствительности, которыя мы строимъ въ надеждѣ, что онѣ впослѣдствіи, хотя бы и съ многими поправками, обратятся въ знаніе. Такія гипотезы условимся называть, какъ это уже нерѣдко дѣлаютъ, для ихъ отличія отъ другого рода гипотезъ, *реальными гипотезами.* Во-вторыхъ, возможны и такія гипотезы, которыя строятся безъ всякихъ претензій служить изображеніями дѣйствительности, но которыя полезны для насъ, какъ вспомогательное средство, вслѣдствіе ихъ дидактическаго или эвристическаго значенія, или и того и другого вмѣстѣ. Такія гипотезы въ послѣднее время все чаще и чаще стали называть *рабочими гипотезами.*

Конечно, *иногда одна и та же гипотеза можетъ служить и реальной, и рабочей. Но, очевидно, возможны и такіе случаи, когда рабочая гипотеза можетъ вовсе не претендовать на степень реальной,* а между тѣмъ она полезна, какъ вспомогательное орудіе для изученія науки, т.-е. какъ рабочая. И, разумѣется, мы, все-таки, въ правѣ пользоваться ею. Превосходнымъ примѣромъ такой рабочей гипотезы является атомизмъ, т.-е. атомистическая гипотеза. Несмотря на всю цѣнность ея, какъ вспомогательнаго орудія для развитія естественныхъ наукъ, нѣкоторые авторитетнѣйшіе натуралисты (напр., Менделѣевъ) не рѣшаются выставлять ее, какъ картину дѣйствительности, т.-е. какъ реальную гипотезу, но признаютъ ее изо всѣхъ взглядовъ на внѣшній міръ наилучшимъ вспомогательнымъ средствомъ ради ея эвристическаго и дидактическаго значенія.

Болѣе того: если рабочія гипотезы цѣнны только, какъ вспомогательное средство, безъ всякаго притязанія на то, чтобы онѣ служили, хотя бы и предварительной, картиной дѣйствительности, то, очевидно, онѣ могутъ быть даже завѣдомо ложными, т.-е. завѣдомо несогласными съ дѣйствительностью, лишь бы онѣ были полезны, какъ дидактическое или эвристическое орудіе. Поэтому *въ наукѣ употребляются, между прочимъ, и вспомогательныя фикціи.* Фикція (отъ латинск. fingere) вообще означаетъ выдумку. *Вспомогательными же фикціями называются тѣ изъ рабочихъ гипотезъ, про которыя мы уже увѣрены, что онѣ не соотвѣтствуютъ дѣйствительности, но считаемъ ихъ употребленіе полезнымъ при изуче-*

ніи науки. Напр., во многихъ случаяхъ безразлично, допустимъ ли мы въ вычисленіяхъ и вообще въ нашихъ соображеніяхъ вращеніе земли вокругъ оси или же вращеніе вселенной вокругъ земли; а такъ какъ послѣдній взглядъ для насъ проще, то мы въ правѣ въ этихъ случаяхъ отправляться отъ него, какъ отъ полезной для насъ вспомогательной фикціи. Нерѣдко въ космографіи такъ и поступаютъ. Точно также, когда въ наукѣ уже было забраковано ученіе объ электричествѣ, разсматривавшее его, какъ двѣ особыя жидкости, изъ которыхъ одна соотвѣтствуетъ положительному электричеству, а другая отрицательному, это ученіе, все-таки, долго еще излагали въ курсахъ физики, какъ полезную вспомогательную фикцію, откровенно заявляя, что оно ложное.

5. Индуктивныя доказательства. Значеніе Бекона и Милля для ученія о нихъ. Изъ всего доселѣ сказаннаго ясно, что такія соединенныя съ установкой данныхъ опыта доказательства, которыя существеннымъ образомъ отличались бы отъ доказательствъ чисто-раціональныхъ наукъ, могутъ встрѣтиться (а сейчасъ мы убѣдимся, что и дѣйствительно встрѣчаются) только въ видѣ соединенныхъ съ установкой данныхъ опыта доказательствъ догадокъ о прямо наблюдаемыхъ причинахъ, производящихъ явленія природы, и о законахъ природы (сравн. стр. 230 по 235). Приступимъ же къ изученію этихъ доказательствъ.

Соединенныя съ установкой данныхъ опыта доказательства догадокъ о прямо наблюдаемыхъ причинахъ явленій природы и догадокъ о законахъ природы называются бекоповской, иначе—научной, индукціей или индуктивными доказательствами. Почему называются однимъ и тѣмъ же именемъ, какъ доказательства догадокъ о прямо наблюдаемыхъ причинахъ явленій природы, такъ и доказательства догадокъ о законахъ природы, сдѣлается вполнѣ понятнымъ въ §§ 12 и 13 этой главы: тамъ выяснится, что догадки о прямо наблюдаемыхъ причинахъ явленій природы служатъ частными случаями догадокъ о законахъ природы, такъ что и всѣ тѣ методы, которые пригодны для доказательства догадокъ о прямо наблюдаемыхъ причинахъ явленій природы, тоже составляютъ частные случаи тѣхъ методовъ, которые пригодны для доказательства догадокъ о законахъ природы.

Бекоповскую индукцію надо рѣзко отличать отъ полной и неполной. *Бекоповская или научная индукція отъ полной индукціи отличается тѣмъ, что расширяетъ знаніе:* ибо она доказываетъ *новые* законы природы и *новое* знаніе о прямо наблюдаемыхъ причинахъ ея явленій, между тѣмъ, какъ полная индукція только суммируетъ уже существующее знаніе, т.-е. только приводитъ его въ другую форму, но отнюдь не расширяетъ его (сравн. стр. 148).

Отъ неполной же индукціи бекоповская отличается тѣмъ, что первая не можетъ служить доказательствомъ, а бекоповская индукція несомнѣнно принадлежитъ къ доказательствамъ, коль скоро естественныя науки съ ея помощью удачно доказываютъ свои догадки о прямо наблюдаемыхъ причинахъ и о законахъ природы. Зависитъ же эта разница отъ того, что

неполная индукція опирается лишь на простое, производимое, какъ попало, перечисленіе случаевъ или примѣровъ, подходящихъ подъ ея выводъ (см. стр. 149 и 150); бековновская же индукція опирается, какъ мы скоро увидимъ, на такіе случаи или примѣры, которые выбираются среди данныхъ опыта по строго опредѣленнымъ правиламъ, а не берутся, какъ попало.

Оттого-то, что бековновская индукція такъ замѣтно отличается и отъ полной и отъ неполной, ее нерѣдко называютъ *просто индукціей*, безъ всякаго эпитета, а въ противоположность неполной или популярной—*научной* индукціей. И такъ какъ она принадлежитъ къ доказательствамъ, то ее вмѣстѣ съ тѣмъ называютъ *индуктивными доказательствами*. *Бековновской* же называютъ эту индукцію по имени англійскаго философа Френсиса Бекона (1561—1626), который первый подмѣтилъ, что въ наукѣ употребляются такія доказательства, самымъ точнымъ образомъ объяснилъ, чѣмъ они отличаются отъ полной и неполной индукціи, и старался установить правила этихъ доказательствъ.

Такимъ образомъ, Беконъ является общепризнаннымъ основателемъ логическаго ученія объ индуктивныхъ доказательствахъ. До него въ логикѣ объ нихъ не упоминали, а говорили только о полной и неполной индукціи, потому что до него эмпирическія науки еще не были настолько развиты, чтобы можно было бы съ достаточной ясностью подмѣтить особенности *всѣхъ* употребляющихся въ нихъ доказательствъ. Подмѣтивши же и описавши индуктивныя доказательства, самъ же Беконъ и назвалъ всю ихъ совокупность индукціей, просто—безъ всякаго эпитета; но въ его честь ее стали называть бековновской, а полную и неполную, обѣ вмѣстѣ, *средневѣковой или схоластической индукціей*, какъ описанныя *схоластами*, т.-е. *средневѣковыми* учеными.

Впрочемъ, Беконъ только основатель, но отнюдь не завершитель логическаго ученія объ индуктивныхъ доказательствахъ. Завершителемъ же, а если не согласятся съ этимъ, то, по крайней мѣрѣ, наиважнѣйшимъ усовершенствователемъ, этого ученія былъ другой англійскій философъ—Джонъ Стюартъ Милль (1806—1873). Въ своей „Системѣ логики“, вышедшей въ 1843 г., онъ настолько удачно описалъ основные методы научной индукціи, что, во-первыхъ, ихъ стали называть въ честь его *методами Милля или миллевскими методами индуктивныхъ доказательствъ*, и во-вторыхъ, при описаніи этихъ методовъ авторы курсовъ логики заботятся теперь только о томъ, чтобы какъ можно проще и короче изложить составленное Миллемъ описаніе.

Мы же, хотя по существу дѣла тоже примкнемъ къ Миллю и вмѣстѣ съ тѣмъ тоже постараемся, чтобы наше изложеніе было какъ можно проще и короче, все-таки, поступимъ не вполнѣ такъ, какъ другіе авторы; ибо описаніе Милля, несмотря на всѣ свои достоинства, страдаетъ двумя слѣдующими недостатками, которые необходимо исправить:

1. Милль такъ описываетъ свои методы, какъ будто бы ищетъ отвѣтъ на вопросъ: „какъ *открыть* причину изучаемаго явленія природы *Y*, т.-е.

какъ впервые *догадаться* о ней?“ И вслѣдствіе этого, несмотря на все его умѣнье излагать свои мысли съ поразительной ясностью, у него здѣсь изложеніе выходитъ не совсѣмъ яснымъ; ибо на самомъ-то дѣлѣ онъ, конечно, въ состояніи описать всего лишь методы *доказательствъ* уже сдѣланнаго нами открытія, т.-е. уже возникшей у насъ догадки, что X служитъ причиной явленія Y (вѣдь нѣтъ правилъ, соблюденіе которыхъ навѣрное приводило бы къ открытіямъ), но онъ описываетъ ихъ, какъ будто бы это методы открытій. Поэтому, повторяя по существу дѣла описаніе Милля, мы такъ измѣнимъ его редакцію, чтобы она отвѣчала исключительно на вопросъ: „какъ доказать *уже возникшую* у насъ догадку, что причиной изучаемаго явленія природы Y служитъ именно X?“

2. Милль сваливаетъ въ кучу простые методы съ сложными: онъ описываетъ, какъ бы вполнѣ однородные между собой, пять методовъ, изъ которыхъ, однако, два оказываются сложными. Между тѣмъ есть еще и другіе сложные методы, такъ что у Милля либо остается непонятнымъ, почему же онъ говоритъ только о двухъ изъ нихъ, либо его читатель ошибочно принимаетъ описанные Миллемъ сложные методы за столь же простые, какъ и три другихъ. Мы же поступимъ слѣдующимъ образомъ: съ наибольшимъ вниманіемъ, именно — порознь, мы разсмотримъ одни лишь основные или простые методы индуктивныхъ доказательствъ, о сложныхъ же методахъ будемъ говорить обо *всѣхъ*, но сразу, такъ что ограничимся лишь ихъ *общей* характеристикой, не углубляясь въ разсмотрѣніе каждаго изъ ихъ видоизмѣненій: уже и безъ того станутъ ясными всѣ своеобразныя особенности индуктивныхъ доказательствъ.

6. Условія, при которыхъ одно явленіе считается причиной другого. Сначала разсмотримъ миллевскіе методы доказательства догадокъ о прямо наблюдаемыхъ причинахъ явленій природы. Но чтобы вполнѣ понять ихъ, надо сперва дать себѣ отчетъ: что значитъ — доказать догадку, что какое-нибудь явленіе X служитъ прямо наблюдаемой причиной явленія Y? А для этого, въ свою очередь, необходимо выяснить, при какихъ условіяхъ какое бы то ни было явленіе X (будетъ ли оно простымъ или сложнымъ, т.-е. состоящимъ изъ соединенія нѣсколькихъ обстоятельствъ, это все равно) считается причиной явленія Y.

Явленіе X только въ томъ случаѣ считается причиной явленія Y, если возникновеніе перваго вполнѣ достаточно (т.-е. рядомъ съ нимъ уже не нужно никакихъ добавочныхъ условій), *чтобы всегда и вездѣ вмѣстѣ съ нимъ возникало и второе, хотя бы и незамѣтнымъ для насъ образомъ*. Послѣднія слова означаютъ, что отсутствіе явленія Y тамъ, гдѣ возникло X, можетъ быть только кажущимся: напр., это отсутствіе должно объясняться тѣмъ, что рядомъ съ X дѣйствуетъ такая другая причина, которая заслоняетъ отъ нашихъ глазъ явленіе Y. Если же встрѣтится хоть одинъ такой случай, гдѣ, несмотря на возникновеніе явленія X, Y отсутствуетъ истиннымъ, а не только кажущимся образомъ, то X уже не считается больше причиной явленія Y, хотя бы въ остальныхъ случаяхъ по-

слѣднее и всегда возникало вмѣстѣ съ явленіемъ *X*. Точно также, если *Y* и всегда безъ исключенія возникаетъ вмѣстѣ съ явленіемъ *X*, да для этого недостаточно одного лишь возникновенія явленія *X*, а нужны еще какія-нибудь добавочныя условія, то *X* тоже не называется причиной явленія *Y*. Разъяснимъ все сказанное слѣдующими примѣрами:

Нагрѣваніе ртути считается причиной ея расширенія. Что же это значитъ? То, что ея нагрѣванія вполнѣ достаточно, и не нужно никакихъ добавочныхъ условій, чтобы всегда и вездѣ одновременно съ нимъ возникало и ея расширеніе, т.-е. каковы бы ни были другія обстоятельства—будетъ ли она освѣщена солнцемъ или нѣтъ, заключена ли она въ стеклянный сосудъ или въ какой другой,—при *всякомъ* ея нагрѣваніи начинается и ея расширеніе. Этимъ примѣромъ поясняется то важнѣйшее условіе, при которомъ явленіе *X* считается причиной явленія *Y*.

Другой примѣръ: давленіе, испытываемое газомъ, считается причиной увеличенія его упругости. Что же это значитъ? То, что при *всякомъ* давленіи возникаетъ увеличеніе упругости газа. Но иногда, напр., когда газъ одновременно съ давленіемъ на него подвергается еще охлажденію, мы не замѣчаемъ въ немъ ни малѣйшаго увеличенія упругости. Почему же все-таки давленіе на газъ считается *причиной*, увеличивающей его упругость? Потому, говоримъ мы, что намъ только кажется, будто бы при давленіи на газъ иногда не происходитъ увеличеніе его упругости. На самомъ дѣлѣ оно всегда происходитъ, но иногда остается *незамѣтнымъ*, потому что одновременно съ нимъ происходитъ еще уменьшеніе упругости нашего газа вслѣдствіе его охлажденія, и это уменьшеніе упругости *заслоняетъ отъ нашихъ глазъ* ея увеличеніе. Этотъ примѣръ поясняетъ, что явленіе *Y* можетъ возникать вмѣстѣ съ явленіемъ *X*, которое считается его причиной, даже *незамѣтнымъ для насъ образомъ*, лишь бы оно *всегда* возникало вмѣстѣ съ *X*.

Но разсмотримъ теперь освѣщеніе ртути солнечнымъ свѣтомъ. Хотя обыкновенно мы и наблюдаемъ въ термометрѣ расширеніе ртути, какъ только шарикъ термометра освѣщается солнечными лучами, тѣмъ не менѣе это освѣщеніе не считается причиной расширенія ртути, а утверждаютъ, что такой причиной служитъ то нагрѣваніе солнечными лучами, которое происходитъ одновременно съ освѣщеніемъ ртути этими лучами. Почему же такъ думаютъ? Потому что есть истинныя, а не только кажущіяся исключенія изъ связи расширенія ртути съ ея освѣщеніемъ солнечными лучами: стоитъ только пропустить послѣдніе, прежде чѣмъ они упадутъ на ртуть, чрезъ такое прозрачное, т.-е. пропускающее свѣтовые лучи, вещество, которое поглощало бы *тепловые* лучи солнечнаго свѣта (напр. водный растворъ квасцовъ), и ртуть уже не будетъ расширяться, хотя будетъ освѣщена солнечными лучами. Этотъ примѣръ поясняетъ, что если бываютъ такіе случаи, когда, несмотря на возникновеніе явленія *X*, явленіе *Y* отсутствуетъ *истиннымъ*, *а не только кажущимся образомъ*, то *X* уже не считается причиной явленія *Y*.

Наконецъ, послѣдній примѣръ: вслѣдъ за наступленіемъ ночи *всегда*, *безъ всякаго исключенія*, наступаетъ день. Но наступленіе ночи, все-таки,

не считается причиной наступленія дня. Почему же такъ? Потому что возникновенія перваго явленія здѣсь еще недостаточно, чтобы вслѣдъ за нимъ всегда возникало и второе, а для этого нужны еще нѣкоторыя добавочныя условія: именно, надо, чтобы продолжались вращеніе земли вокругъ своей оси и освѣщеніе земли солнцемъ. Этотъ примѣръ поясняетъ, что если для возникновенія явленія *Y* еще *недостаточно одного лишь возникновенія явленія X, а нужны еще какія-нибудь добавочныя условія*, то *X* уже не считается причиной явленія *Y*.

Такимъ образомъ, *доказать догадку, что явленіе X служитъ причиной явленія Y, это значитъ доказать такое общее сужденіе: при всякомъ возникновеніи явленія X вмѣстѣ съ нимъ возникаетъ и явленіе Y, хотя бы незамѣтнымъ для насъ образомъ*. И такъ какъ про два явленія, изъ которыхъ одно служитъ причиной другого, принято выражаться, что они находятся въ *причинной связи*, или—что между ними существуетъ причинная связь, то доказательство догадки, что одно явленіе служитъ причиной другого, для краткости обыкновенно называютъ *доказательствомъ причинной связи* между двумя явленіями.

Ко всему сказанному надо прибавить два слѣдующихъ примѣчанія, назначенныхъ для устраненія и предупрежденія недоразумѣній, возникающихъ изъ-за двусмысленности нѣкоторыхъ выраженій:

1. *Дѣйствіе* любой причины, т.-е. производимое ею явленіе, всѣ привыкли называть еще иначе ея *слѣдствіемъ*; ибо связь причины съ дѣйствіемъ, несомнѣнно, похожа на связь основанія съ слѣдствіемъ въ условномъ сужденіи. Подъ вліяніемъ же этого названія привыкли говорить про дѣйствіе, напр.—про расширеніе тѣла, что оно *слѣдуетъ за* своей причиной (въ нашемъ примѣрѣ за нагрѣваніемъ), а его возникновеніе вмѣстѣ съ причиной стали называть его *слѣдованіемъ за* причиной, напр., слѣдованіемъ за нагрѣваніемъ. Въ связи же съ этимъ вполнѣ естественно выработалась привычка и къ тому, чтобы называть дѣйствіе, напр., расширеніе ртути, „*послѣдующимъ явленіемъ*“, а причину, въ данномъ примѣрѣ—нагрѣваніе, „*предшествующимъ явленіемъ*“. А подъ вліяніемъ всѣхъ этихъ выраженій нѣкоторые начинаютъ думать, будто бы дѣйствіе всегда возникаетъ не иначе, какъ вслѣдъ за причиной, т.-е. послѣ нея, или что причина всегда возникаетъ раньше, чѣмъ ея дѣйствіе, а не одновременно съ нимъ. Иногда, дѣйствительно, такъ и бываетъ: напр., пріемъ хины служитъ причиной уменьшенія лихорадки и предшествуетъ ему во времени. Но едва-ли не больше всего такихъ причинъ, у которыхъ ихъ дѣйствія возникаютъ не послѣ причины, но одновременно съ ней. Во всякомъ случаѣ на дѣлѣ существуютъ и такія причины. Напр.: расширеніе желѣза возникаетъ не послѣ того, какъ оно было нагрѣто, но одновременно съ нагрѣваніемъ. Увеличеніе упругости газа тоже возникаетъ не послѣ того, какъ онъ будетъ сжатъ, но одновременно съ сжиманіемъ. Такимъ образомъ, означенныя выраженія: „слѣдованіе“, „послѣдующее явленіе“ и „предшествующее явленіе“, не надо понимать въ буквальномъ смыслѣ. А чтобы ихъ буквальныя значенія не вы-

зывали никакихъ недоразумѣній, наилучшее средство совсѣмъ не пользоваться этими выраженіями при изученіи логики, тѣмъ болѣе что безъ нихъ обойтись вовсе не трудно.

2. Если вмѣстѣ съ какимъ-нибудь явленіемъ X, т.-е. одновременно съ нимъ или вслѣдъ за нимъ, и всегда возникаетъ Y, да бываетъ-то это не иначе, какъ при нѣкоторомъ добавочномъ обстоятельствѣ, которое назовемъ черезъ A, такъ что соединеніе X съ A уже достаточно, чтобы всегда и вездѣ возникало Y, одного же X, возникшаго безъ A, для этой цѣли еще недостаточно, то, конечно, явленіе X само по себѣ еще не составляетъ причины явленія Y, а служитъ только *составною частью* этой причины. Полная же причина явленія Y, конечно, состоитъ въ соединеніи явленія X съ обстоятельствомъ A. Но не только въ обыденной жизни, а даже въ наукѣ мы нерѣдко слово „причина“ употребляемъ также и въ смыслѣ составной части причины, т.-е. въ смыслѣ всего лишь одного изъ условій, необходимыхъ для возникновенія того явленія, которое считаемъ дѣйствіемъ, именно: мы нерѣдко называемъ прямо „причиной“ такую часть причины, которой только одной мы интересуемся въ данный моментъ, вслѣдствіе чего на нее одну только и обращаемъ наше вниманіе. Такъ, на вопросъ о причинѣ, вслѣдствіе которой въ данномъ помѣщеніи раздался звукъ, обыкновенно мы отвѣчаемъ, что тамъ стало колебаться такое-то тѣло, напр.— струна, хотя мы въ это время твердо помнимъ, что звукъ раздастся только въ томъ случаѣ, если эта струна окружена воздухомъ или какой-либо другой упругой средой, и что поэтому колебанія струны еще не составляютъ полной причины того обстоятельства, что раздался звукъ. Но въ данную минуту изъ всѣхъ составныхъ частей полной причины этого явленія насъ интересуютъ одни лишь колебанія струны, и поэтому мы безъ всякаго стѣсненія называемъ ихъ „причиной“ того, что раздался звукъ. Но такое двойственное употребленіе слова „причина“, при которомъ подъ нимъ подразумѣвается то сама причина (т.-е. полная причина), то ея составная часть, можетъ при разсмотрѣніи индуктивныхъ доказательствъ вызвать крупныя недоразумѣнія. Поэтому *условимся, какъ это и дѣлается обыкновенно въ логикѣ, при изученіи индуктивныхъ доказательствъ подъ словомъ „причина“ подразумѣвать только саму причину, т.-е. полную причину, а каждую изъ ея составныхъ частей*, какъ бы ни интересовались мы ею въ данную минуту, *такъ и называть „частью причины“*.

7. Методъ единственнаго совпаденія. Какъ же надо доказывать съ помощью установки данныхъ опыта догадки о прямо наблюдаемыхъ причинахъ? Другими словами: если у насъ почему-нибудь возникла догадка, что явленіе X служитъ причиной явленія Y, то какія данныя опыта окажутся годными для доказательства нашей догадки? На это отвѣчаютъ правила описанныхъ Миллемъ методовъ бекоповской индукціи.

Милль одинъ изъ описанныхъ имъ простыхъ методовъ научной индукціи называетъ методомъ совпаденія, а также методомъ сходства и методомъ согласія. Удачнѣе же всего называть его, какъ это и дѣлаютъ теперь нѣ-

которые авторы, *методомъ единственнаго совпаденія* или единственнаго сходства. Почему онъ называется такими именами — станетъ ясно, когда мы узнаемъ его. Онъ подчиненъ такому правилу: *при доказательствѣ съ помощью этого метода догадки, что явленіе X служитъ причиной явленія Y, надо среди данныхъ опыта подобрать такіе примѣры возникновенія явленія Y, чтобы у нихъ было только одно общее для нихъ всѣхъ обстоятельство, именно—присутствіе явленія X въ каждомъ изъ нихъ.* И если намъ удастся подобрать среди данныхъ опыта именно такіе примѣры, то они служатъ основаніями, доказывающими нашу догадку.

Въ самомъ дѣлѣ, пусть намъ удалось подобрать три слѣдующихъ примѣра возникновенія явленія *Y*, у которыхъ общимъ для нихъ всѣхъ обстоятельствомъ служитъ только присутствіе въ каждомъ изъ нихъ явленія *X*, именно:

Явленіе *Y* возникло при обстоятельствахъ *XAB*
„ *Y* „ при „ *XAC*
„ *Y* „ при „ *XBC*

Тогда эти три примѣра докажутъ нашу догадку, впрочемъ — не сами по себѣ, но съ помощью слѣдующаго разсужденія, т.-е. съ помощью слѣдующихъ *силлогизмовъ*: „здѣсь причиной возникновенія явленія *Y*, скажемъ мы, надо считать явленіе *X*, потому что это *единственное* обстоятельство, которое присутствовало *каждый разъ*, какъ возникало *Y*. Всякое же другое обстоятельство присутствовало при этомъ не каждый разъ. Напр., *A* не было въ третьемъ случаѣ, *B* во второмъ и т. д. Но явленіе *Y*, конечно, не могло возникнуть тамъ, гдѣ не было его причины“.

Необходимость этого разсужденія показываетъ, что въ составъ индуктивныхъ доказательствъ, равно какъ и въ составъ всякаго другого доказательства, тоже входятъ силлогизмы (сравн. выше, стр. 205).

Вполнѣ понятно, почему при употребленіи этого метода надо подбирать непремѣнно такіе примѣры возникновенія явленія *Y*, чтобы у нихъ не было никакого другого общаго для нихъ всѣхъ обстоятельства, кромѣ присутствія явленія *X* въ каждомъ изъ нихъ. Это потому, что если въ нихъ на-ряду съ явленіемъ *X* окажется еще какое-нибудь другое общее для нихъ всѣхъ обстоятельство, напр., *A*, какъ это вышло бы, если бы мы ограничились только двумя первыми примѣрами, то нельзя разобрать, какое же изъ этихъ двухъ обстоятельствъ служитъ причиной явленія *Y*: явленіе ли *X*, или же *A*, или, наконецъ, ихъ соединеніе вмѣстѣ, т.-е. *XA*.

Мы привели сейчасъ въ подробномъ видѣ и разсужденіе, входящее въ составъ разсматриваемаго доказательства. Но на дѣлѣ бо́льшая часть этого разсужденія, а нерѣдко и все оно цѣликомъ, всего лишь подразумѣвается, такъ что наше доказательство высказывается нерѣдко даже въ видѣ такой энтимемы: „вотъ нѣсколько случаевъ возникновенія явленія *Y*, въ которыхъ во всѣхъ постоянно повторяется только явленіе *X*, а всѣ прочія обстоятельства такъ различны, что ни одно изъ нихъ не встрѣчается въ

каждомъ изъ этихъ случаевъ безъ исключенія (и при этомъ приводятся упомянутые случаи). Слѣд., приходится считать причиной явленія Y именно X^a.

Приведемъ теперь конкретные примѣры употребленія метода единственнаго совпаденія. Конечно, по только-что указанной причинѣ, ихъ приходится брать въ видѣ упомянутой энтимемы. И вотъ, догадку о причинѣ того явленія, что иногда солнечный свѣтъ окрашиваетъ освѣщаемые имъ предметы въ спектральные цвѣта, догадку, состоящую въ томъ, что эта окраска производится преломленіемъ солнечнаго луча (т.-е. перемѣной въ его направленіи при переходѣ чрезъ преломляющую среду), можно доказать слѣдующимъ путемъ: подберемъ нѣсколько такихъ примѣровъ возникновенія этого явленія, т.-е. окраски предметовъ въ спектральные цвѣта, чтобы *единственнымъ* общимъ для нихъ обстоятельствомъ служило освѣщеніе взятыхъ нами предметовъ солнечнымъ лучемъ, преломившимся при переходѣ черезъ какой-нибудь другой предметъ—призму, графинъ съ водой и т. п. Эти-то примѣры и докажутъ намъ, что подобное преломленіе есть причина возникновенія спектра. Другой примѣръ: внутреннія оболочки многихъ раковинъ имѣютъ радужный отблескъ. Что составляетъ причину этого явленія? Одинъ англичанинъ, задавшись этимъ вопросомъ, пришелъ къ догадкѣ, что радужный отблескъ зависитъ только отъ строенія поверхности внутренней оболочки, а не отъ ея химическаго состава и т. п. И, чтобы доказать эту догадку, онъ сдѣлалъ изъ воска оттискъ съ поверхности внутренней оболочки раковины. И оказалось, что, несмотря на все различіе въ другихъ обстоятельствахъ (въ химическомъ составѣ, происхожденіи и т. д.), оттискъ получилъ радужный отблескъ, что и служитъ доказательствомъ этой догадки: ибо при сравненіи обоихъ случаевъ возникновенія радужнаго отблеска *единственнымъ* общимъ для нихъ обоихъ обстоятельствомъ выходитъ только одинаковое строеніе поверхностей, освѣщаемыхъ бѣлыми лучами свѣта.

8. Методъ единственной разницы. Другой простой, описанный Миллемъ методъ индуктивнаго доказательства названъ имъ методомъ разницы, а еще удобнѣе называть его, какъ это уже и дѣлаютъ нѣкоторые авторы, *методомъ единственной разницы*. Онъ подчиненъ слѣдующему правилу: *при доказательствѣ съ помощью этого метода догадки, что явленіе X служитъ причиной явленія Y, надо среди данныхъ опыта подобрать, или впервые создать посредствомъ эксперимента, два такихъ примѣра, чтобы, во-первыхъ, въ одномъ изъ нихъ явленіе Y возникло, а въ другомъ не возникло, и чтобы, во-вторыхъ, между двумя этими примѣрами была только одна разница, именно—когда Y возникло, то среди обстоятельствъ, при которыхъ оно возникло, было явленіе X, а когда Y не возникло, то не было явленія X.* И если намъ удастся подобрать два примѣра, удовлетворяющихъ этому правилу, то они докажутъ намъ раздѣлительное положеніе, что явленіе X служитъ либо причиной, либо, по крайней мѣрѣ, составною частью причины явленія Y.

Въ самомъ дѣлѣ: если намъ удалось подобрать среди данныхъ опыта (или впервые создать посредствомъ эксперимента) два слѣдующихъ случая:

Явленіе Y *возникло* при обстоятельствахъ XAB
„ Y *не* возникло при „ AB

то мы можемъ пользоваться этими данными опыта, какъ основаніями для слѣдующаго разсужденія или слѣдующихъ *силлогизмовъ*: „явленіе Y, скажемъ мы, непремѣнно *должно* было возникнуть тамъ, гдѣ присутствовала его причина. Поэтому нельзя считать его причиной ни A, ни B, ни ихъ соединенія только между собой, безъ участія явленія X: вѣдь все это присутствовало во второмъ случаѣ, однако явленіе Y здѣсь не возникло. Слѣд., причиной этого явленія можетъ быть только или само явленіе X, или его соединеніе съ какимъ-либо изъ обстоятельствъ, бывшихъ рядомъ съ нимъ, такъ что явленіе X есть или причина или, по крайней мѣрѣ, составная часть причины явленія Y".

Необходимость же этого разсужденія показываетъ, что въ составѣ разсматриваемаго доказательства тоже входятъ силлогизмы (сравн. выше, стр. 205 и 244).

Но почему здѣсь надо подбирать два такихъ примѣра, чтобы между ними не было *никакой другой* разницы, кромѣ отсутствія явленія X тамъ, гдѣ Y не возникло. Это потому, что если бы на-ряду съ этой разницей между нашими примѣрами была еще какая-нибудь другая, напр.—если бы во второмъ случаѣ, кромѣ X, отсутствовало еще A, то нельзя было бы разобрать, отъ какой же изъ нихъ зависѣло, что Y возникло въ первомъ случаѣ и не возникло во второмъ.

На дѣлѣ такъ же, какъ и при употребленіи метода единственнаго совпаденія, разсматриваемое доказательство высказывается въ видѣ энтимемы. Поэтому и конкретный примѣръ такого доказательства приходится брать въ видѣ энтимемы. Разсмотримъ, какъ доказывается въ физикѣ, что присутствіе воздуха подлѣ колеблющагося тѣла составляетъ одну изъ составныхъ частей причины звука, т.-е. одно изъ неизбѣжныхъ условій его возникновенія. Двумя слѣдующими экспериментами:

1—Подъ колпакомъ воздушнаго насоса ставится звучащее тѣло, напр., электрическій колокольчикъ. Пока тамъ находится воздухъ, при ударахъ молотка колокольчика по послѣднему возникаетъ звукъ.

2—Оставляютъ всѣ прежнія обстоятельства безъ всякой перемѣны (въ томъ числѣ и дѣйствіе молотка колокольчика), кромѣ одного, именно: выкачиваютъ, т.-е. устраняютъ воздухъ изъ-подъ колпака воздушнаго насоса. Тогда звукъ не возникаетъ.

Изъ этихъ двухъ экспериментовъ ясно, что присутствіе воздуха подъ колпакомъ машины составляетъ или причину или, по крайней мѣрѣ, часть причины возникновенія звука. Вѣдь первый случай, т.-е. когда звукъ возникъ, только тѣмъ и отличался отъ второго, когда звукъ не возникъ, что въ первомъ присутствовалъ воздухъ. Но заключить прямо, т.-е. въ категорической формѣ, что присутствіе воздуха служитъ причиной (т.-е. полной) возникновенія звука, на основаніи однихъ лишь данныхъ двухъ случаевъ, мы

еще не въ правѣ. И дѣйствительно: въ составъ причины (полной) этого явленія, кромѣ присутствія воздуха, входятъ еще удары молотка по колокольчику. Думать, будто бы съ помощью метода единственной разницы можно доказать не раздѣлительное, но категорическое сужденіе, говорящее о причинѣ (полной) даннаго явленія, это значитъ слово „причина", вопреки условію, установленному на стр. 243, употреблять сразу въ двухъ смыслахъ, именно— не только въ смыслѣ полной причины, но также и въ смыслѣ части причины.

Впрочемъ, нерѣдко читатели думаютъ, будто бы съ помощью метода единственной разницы иногда можно доказать прямо, т.-е. *категорически*, что одно явленіе природы, скажемъ X, служитъ причиной другого явленія Y, а не одно только *раздѣлительное* сужденіе, говорящее, что X есть либо причина, либо, по крайней мѣрѣ, составная часть причины явленія Y. Но это—ошибочное мнѣніе, которое оттого возникаетъ, что, говоря о методѣ единственной разницы, имѣютъ въ виду такіе случаи, въ которыхъ онъ примѣняется къ дѣлу *не самъ по себѣ, не одинъ*, а въ *соединеніи* съ какими-нибудь *добавочными* доказательствами. Напр., говорятъ, если мы убѣдимся сперва путемъ пробы, что данная намъ вода не сладка, а послѣ того примѣшаемъ къ ней сахаръ и замѣтимъ, что она стала сладкой, то этимъ путемъ мы докажемъ, что примѣсь сахара къ водѣ служитъ *причиной* ея сладости. „Развѣ, говорятъ, здѣсь доказано не категорическое сужденіе, рѣшительно утверждающее, что примѣсь сахара есть причина сладости, взамѣнъ раздѣлительнаго, говорящаго всего только, что примѣсь сахара къ водѣ образуетъ либо причину, либо часть причины ея сладости? И развѣ здѣсь доказательство ведется не по методу единственной разницы?"

Но ошибочно думать, будто бы здѣсь *категорическій* выводъ доказанъ методомъ единственной разницы, взятымъ самъ по себѣ, безъ всякихъ добавочныхъ доказательствъ. Вѣдь такой выводъ будетъ доказанъ только тогда, когда мы опровергнемъ слѣдующія сомнѣнія: можетъ быть, скажемъ мы, причина сладости (въ смыслѣ полной причины) состоитъ въ соединеніи примѣси сахара съ какимъ-нибудь обстоятельствомъ, напр., или съ опредѣленной температурой взятой воды, или съ ея освѣщеніемъ, или съ другими примѣсями, которыя заранѣе находились въ водѣ, и т. д., такъ что примѣсь сахара окажется, чего добраго, только частью причины, а вовсе не полной причиной сладости воды. Опровергнуть такія сомнѣнія, конечно, можно, но только не иначе, какъ, примѣрно, слѣдующимъ соображеніемъ: „мы помнимъ, что вода послѣ примѣси сахара дѣлалась сладкой при *какой угодно температурѣ*, при *какомъ угодно освѣщеніи*, хотя бы и въ полной темнотѣ, *при какихъ угодно примѣсяхъ*, бывшихъ въ ней раньше сахара и т. д., такъ что причиной (въ смыслѣ полной причины) сладости воды приходится считать только примѣсь къ ней сахара, а не соединеніе послѣдней съ какимъ-нибудь другимъ обстоятельствомъ". Но вѣдь это значитъ, что наше категорическое положеніе о примѣси сахара, какъ о полной причинѣ сладости воды, доказывается на дѣлѣ не однимъ лишь методомъ единственной разницы, но *соединеніемъ* его съ нѣкоторыми *добавочными* доказательствами.

9. Методъ единственнаго сопутствующаго измѣненія. Третій простой методъ Милля названъ имъ методомъ сопутствующихъ измѣненій; а еще удобнѣе называть его *методомъ единственнаго сопутствующаго измѣненія или единственной сопутствующей перемѣны.* Онъ подчиненъ слѣдующему правилу: *при доказательствѣ, съ помощью этого метода, догадки, что явленіе X служитъ причиной явленія Y, надо подобрать или посредствомъ эксперимента впервые создать среди данныхъ опыта, по крайней мѣрѣ, два такихъ примѣра возникновенія явленія Y, чтобы, во-первыхъ, въ каждомъ изъ нихъ это явленіе возникло въ иномъ видѣ, напр., сильнѣе или слабѣе, чѣмъ въ другомъ, и чтобы, во-вторыхъ, среди обстоятельствъ, при которыхъ возникало это явленіе, измѣнялось только одно явленіе, именно—X, а всѣ прочія обстоятельства оставались безъ всякой перемѣны.* И если удастся подобрать хотя бы два такихъ примѣра, то ими будетъ доказано раздѣлительное положеніе, что явленіе *X* служитъ либо причиной, либо составною частью причины явленія *Y*.

Дѣйствительно, допустимъ, что намъ удалось найти (или впервые создать посредствомъ эксперимента) два слѣдующихъ, подчиненныхъ этому правилу, примѣра возникновенія явленія *Y*, въ которыхъ мы измѣненія даннаго явленія условимся указывать цифрой, поставленной при буквѣ, обозначающей это явленіе, а тѣ обстоятельства, которыя повторялись безъ всякаго измѣненія, условимся обозначать буквой безъ цифры:

Явленіе Y_1 возникло при обстоятельствахъ X_1AB
„ Y_2 „ при „ X_2AB

Тогда этими данными опыта мы, конечно, можемъ пользоваться, какъ основаніями, для слѣдующаго разсужденія: „если нѣтъ никакой перемѣны въ причинѣ, то не можетъ быть перемѣны и въ производимомъ ею дѣйствіи. Поэтому причиной явленія *Y* нельзя считать ни *A*, ни *B*, ни ихъ соединенія только между собой, безъ участія явленія *X*. Вѣдь все это во второмъ примѣрѣ осталось безъ всякой перемѣны, а *Y* между тѣмъ измѣнилось. Слѣд., причиной явленія *Y* можетъ быть только или само явленіе *X*, или его соединеніе съ какимъ-либо изъ обстоятельствъ, бывшихъ рядомъ съ нимъ; ибо только въ немъ одномъ и произошла перемѣна во второмъ примѣрѣ. Значитъ, *X* есть или причина или, по крайней мѣрѣ, составная часть причины явленія *Y*".

Понятно, почему въ нашихъ примѣрахъ на-ряду съ измѣненіемъ явленія *X* не должно быть никакого другого измѣненія: если бы оно произошло, то нельзя было бы разобрать, отъ какого же изъ этихъ двухъ измѣненій зависѣла перемѣна въ явленіи *Y*.

Необходимость же только-что изложеннаго разсужденія, которое состоитъ изъ ряда силлогизмовъ, показываетъ, что силлогизмы входятъ также и въ составъ разсматриваемаго доказательства (сравн. выше, стр. 205, 244 и 246).

На дѣлѣ и это доказательство обыкновенно высказывается энтимематически. Въ видѣ же конкретнаго примѣра возьмемъ доказательство, что нагрѣваніе служитъ причиной расширенія тѣла. Это достигается съ помощью не менѣе какъ двухъ такихъ экспериментовъ, въ которыхъ при неодинаковомъ нагрѣваніи объемъ одного и того же тѣла оказывается измѣнившимся. При этомъ заботятся, чтобы всѣ остальныя обстоятельства, кромѣ температуры этого тѣла, оставались одинаковыми, такъ что перемѣнамъ въ объемѣ этого тѣла сопутствуютъ въ нашихъ экспериментахъ только перемѣны въ его температурѣ. Отсюда, конечно, приходится заключить, что нагрѣваніе служитъ причиной или, по крайней мѣрѣ, составною частью причины расширенія нагрѣваемаго тѣла. Заключить же на основаніи однихъ только этихъ экспериментовъ прямо, т.-е. категорически, а не въ видѣ раздѣлительнаго сужденія, что нагрѣваніе служитъ причиной расширенія нагрѣваемаго тѣла, конечно, мы еще не въ правѣ: можетъ быть, причиной (въ смыслѣ полной причины) служитъ не одно лишь нагрѣваніе, но его соединеніе съ какимъ-либо изъ обстоятельствъ, бывшихъ при всѣхъ нашихъ экспериментахъ. Въ дѣйствительности такъ оно и оказывается: возникаетъ ли расширеніе нагрѣваемаго тѣла или нѣтъ, зависитъ еще и отъ природы нагрѣваемаго тѣла. Вѣдь нѣкоторыя тѣла уменьшаются въ объемѣ при ихъ нагрѣваніи; вода же вообще увеличивается, но между 0 и 4° Цельсія тоже уменьшается. Мнѣніе, будто бы посредствомъ разсматриваемаго метода мы можемъ доказать прямо, т.-е. категорически, что одно явленіе служитъ „причиной“ (полной) другого, обусловлено лишь тѣмъ, что упускаютъ изъ виду двойственный смыслъ слова „причина“.

10. Соединенный методъ совпаденія и разницы. Методъ остатковъ. Силлогизмы, какъ составная часть всякаго индуктивнаго доказательства. Кромѣ изложенныхъ трехъ методовъ, Милль описываетъ еще два. Но онъ уже и самъ указываетъ, что одинъ изъ нихъ сложный, именно— состоитъ изъ соединенія метода совпаденія и разницы, вслѣдствіе чего и называетъ его *„соединеннымъ методомъ совпаденія и разницы“*. Мы же рѣшили, на стр. 240, не останавливаться на разсмотрѣніи каждаго сложнаго метода отдѣльно. Вмѣстѣ съ тѣмъ не трудно убѣдиться, что и пятый методъ Милля, который онъ называетъ *„методомъ остатковъ“*, тоже сложный.

Сущность миллевскаго метода остатковъ состоитъ въ слѣдующемъ: *доказавъ, что сложное явленіе XAB служитъ причиной другого сложнаго явленія YMN, и доказавъ вмѣстѣ съ тѣмъ, что часть AB перваго явленія служитъ причиной части MN второго явленія, мы въ правѣ заключить изъ всего этого, что остальная часть перваго сложнаго явленія, т.-е. явленіе X образуетъ либо причину, либо, по крайней мѣрѣ, составную часть причины остальной части второго сложнаго явленія, т.-е. явленія Y.* Очевидно, что этотъ методъ надо считать сложнымъ, состоящимъ изъ соединенія между собою *двухъ* слѣдующихъ доказательствъ: во-первыхъ, доказательства, что все сложное явленіе XAB есть причина явленія YMN;

во-вторыхъ, доказательства, что часть AB перваго сложнаго явленія есть причина части MN второго сложнаго явленія.

Итакъ, Миллемъ описаны всего лишь три простыхъ метода индуктивныхъ доказательствъ. И ясно, что *нельзя придумать никакихъ другихъ простыхъ методовъ, кромѣ методовъ единственнаго совпаденія, единственной разницы и единственнаго сопутствующаго измѣненія*; и, дѣйствительно, до сихъ поръ ихъ никто не придумалъ, хотя „Система логики" Милля, въ которой они описаны, вышла уже болѣе полустолѣтія назадъ, именно—въ 1843 году.

При описаніи же каждаго простого индуктивнаго доказательства мы усиленно подчеркивали, что оно, какъ и доказательства раціональныхъ наукъ, тоже состоитъ изъ силлогизмовъ, только послѣдніе соединены здѣсь съ установкой данныхъ опыта. Мы дѣлали это по той причинѣ, что самъ Милль не указываетъ роли силлогизмовъ въ своихъ доказательствахъ. Понятно, почему онъ такъ поступаетъ: онъ ошибочно думаетъ, будто бы силлогизмы непригодны для расширенія знанія (см. выше, стр. 206), и поэтому нисколько не интересуется ихъ ролью. А подъ вліяніемъ описанія индуктивныхъ доказательствъ, составленнаго самимъ Миллемъ, многіе ошибочно думаютъ, будто бы существуютъ такія доказательства, которыя не состоятъ изъ силлогизмовъ, именно—научная индукція. Но, какъ видимъ, всѣ доказательства, въ томъ числѣ и научная индукція, состоятъ изъ силлогизмовъ, о чемъ, забѣгая впередъ, мы уже упомянули на стр. 205. Если же взять тѣ данныя опыта, которыя требуются правилами методовъ Милля, безъ соединенія съ указанными нами силлогизмами, то эти данныя еще не могутъ служить *доказательствомъ* догадки, что явленіе X служитъ причиной или частью причины явленія Y. Взятыя сами по себѣ, безъ соединенія съ вышеуказанными силлогизмами, эти данныя въ состояніи только внушить подобную догадку, но отнюдь не доказать ея.

11. Неизбѣжность употребленія сложныхъ индуктивныхъ методовъ и ихъ разнообразіе. Необходимо имѣть въ виду, что *наука принуждена для всякаго не только вполнѣ точнаго, но даже и для наиболѣе лишь вѣроятнаго доказательства догадки о полной прямо наблюдаемой причинѣ употреблять непремѣнно сложные индуктивные методы, т.-е. доказательства, состоящія изъ соединенія какого-либо простого метода Милля съ какимъ-либо другимъ доказательствомъ (или даже съ нѣсколькими другими), будетъ ли послѣднее одинаковымъ съ первымъ, или же инымъ,—это безразлично.* Поэтому простые методы индуктивныхъ доказательствъ образуютъ только составныя части тѣхъ сложныхъ методовъ, посредствомъ которыхъ можно или неоспоримымъ или наиболѣе вѣроятнымъ образомъ доказать свою догадку о полной причинѣ даннаго явленія. Зависитъ же это оттого, что *съ помощью какого бы то ни было простого индуктивнаго метода, если его взять самъ по себѣ*, безъ всякаго осложненія добавочными доказательствами, *нельзя не только вполнѣ достовѣрнымъ, но даже и наиболѣе вѣроятнымъ образомъ доказать въ видѣ*

категорическаго сужденія догадку о полной прямо наблюдаемой причинѣ. Въ самомъ дѣлѣ:

Методы единственной разницы и сопутствующаго измѣненія таковы, что каждый изъ нихъ, взятый самъ по себѣ, доказываетъ всего лишь *раздѣлительное* сужденіе, говорящее, что явленіе X есть либо причина, либо составная часть причины явленія Y (сравн. выше стр. 247 и 249). И чтобы рѣшить, на какомъ же изъ этихъ членовъ дѣленія должны мы окончательно остановиться, намъ нужно еще *добавочное* доказательство. А безъ его помощи у насъ выходитъ доказаннымъ только одно — что X вообще *какъ-то принадлежитъ* къ составу причины явленія Y.

Что же касается метода единственнаго совпаденія, то, пользуясь имъ въ его простомъ видѣ, т.-е. безъ всякихъ добавочныхъ доказательствъ, *мы часто можемъ принять за полную причину даже и то, что совсѣмъ не принадлежитъ къ составу причины, а присутствовало чисто случайнымъ образомъ во всѣхъ подобранныхъ нами примѣрахъ.* Такая возможность оттого осталась незамѣтной для насъ прежде, пока мы описывали этотъ методъ, что мы тогда исходили изъ молчаливаго *предположенія*, будто бы для явленія Y можетъ служить причиной *только одно* какое-нибудь явленіе. Но въ дѣйствительности такое предположеніе не всегда вѣрно: многія явленія отличаются, такъ называемой, *множественностью причинъ*. Подъ этимъ названіемъ подразумѣвается, что одно и то же явленіе можетъ быть производимо различными причинами. Напр.: нагрѣваніе тѣла можетъ быть вызвано или прикосновеніемъ къ другому, болѣе нагрѣтому тѣлу, или лучистой теплотой, или сжиманіемъ, или треніемъ, или прохожденіемъ электричества черезъ тѣло, или различными химическими процессами въ родѣ горѣнія и т. д. И вотъ, если въ доказываемой догадкѣ идетъ рѣчь о такомъ явленіи, которое обладаетъ множественностью причинъ, то при самомъ строгомъ соблюденіи правила метода единственнаго совпаденія, если имъ пользоваться безъ всякихъ добавочныхъ доказательствъ, легко можетъ (хотя, конечно, еще не обязательно должна) возникнуть только-что указанная ошибка. Въ самомъ дѣлѣ, возьмемъ два слѣдующихъ примѣра, строго подчиненныхъ правилу этого метода:

Явленіе Y возникло при обстоятельствахъ XAB
„ Y „ при „ XCD

Вѣдь здѣсь X можетъ даже вовсе не принадлежать къ составу причины явленія Y, а присутствовать въ обоихъ примѣрахъ чисто случайнымъ образомъ; ибо причиной, произведшей явленіе Y въ первомъ случаѣ, могло бы быть явленіе A, а во второмъ явленіе C.

Такимъ образомъ, каждый выводъ, полученный при употребленіи метода единственнаго совпаденія въ *его простомъ* видѣ, долженъ быть подтвержденъ какимъ-нибудь добавочнымъ доказательствомъ, *если* намъ еще неизвѣстно, обладаетъ ли явленіе Y множественностью причинъ. Заранѣе

же, конечно, мы этого не можемъ знать: сами же индуктивныя доказательства и должны разъяснить этотъ вопросъ. Самъ же по себѣ, т.-е. взятый въ его простомъ видѣ, методъ единственнаго совпаденія доказываетъ только такое *условное* сужденіе: если явленіе Y не обладаетъ множественностью причинъ, то X надо считать причиной явленія Y.

Теперь ясно, что для доказательства догадокъ о полныхъ прямо наблюдаемыхъ причинахъ всегда необходимо примѣнять такіе методы, въ которыхъ простые методы Милля служили бы всего лишь составными частями, т.-е. *сложные индуктивные методы*. Послѣдніе, конечно, *могутъ сильно видоизмѣняться въ зависимости отъ особенностей явленій, изучаемыхъ съ ихъ помощью*. Такъ, напр., сложные индуктивные методы могутъ состоять и изъ соединенія метода единственнаго совпаденія съ методомъ единственной разницы и изъ соединенія любого простого метода съ методами опроверженія, и изъ многократнаго примѣненія одного и того же простого метода Милля и т. д.

Изъ всѣхъ сложныхъ индуктивныхъ методовъ заслуживаетъ особаго упоминанія только одинъ, потому что его приходится употреблять въ тѣхъ многочисленныхъ случаяхъ, когда нельзя примѣнить къ дѣлу никакого другого, болѣе надежнаго метода, чѣмъ методъ единственнаго совпаденія. Тогда все-таки послѣдній примѣняютъ къ дѣлу, но не въ томъ простомъ видѣ, какъ онъ описанъ на стр. 244, а въ болѣе сложномъ, именно: тогда не удовлетворяются подборомъ небольшого числа примѣровъ, подчиненныхъ правилу, указанному на стр. 244, но подбираютъ *возможно большее число наиболѣе отличающихся другъ отъ друга примѣровъ, подчиненныхъ этому правилу*. И этимъ путемъ догадка, что именно X служитъ причиной явленія Y, выходитъ доказанной, по крайней мѣрѣ, какъ наиболѣе вѣроятная. Въ самомъ дѣлѣ: допустимъ, что намъ удалось подобрать значительное число слѣдующихъ примѣровъ возникновенія явленія Y, *столь непохожихъ* другъ на друга, что *даже ни у одного* изъ нихъ нѣтъ ничего общаго *ни съ какимъ другимъ*, кромѣ присутствія X въ каждомъ изъ нихъ:

явленіе Y возникло при XAB
„ Y „ при XCD
„ Y „ при XEF
и т. д., и т. д., и т. д.

Тогда, конечно, мнѣніе, будто бы X не служитъ причиной явленія Y, а присутствуетъ во всѣхъ подобранныхъ нами примѣрахъ случайнымъ образомъ, сдѣлается крайне невѣроятнымъ вслѣдствіе *значительнаго* числа подобранныхъ примѣровъ; ибо если не считать X причиной явленія Y, то придется думать, что въ *каждомъ* изъ этихъ случаевъ Y производится все новой и новой причиной, потому что ни у одного изъ нихъ нѣтъ обстоятельства, общаго съ какимъ бы то ни было другимъ примѣромъ, кромѣ X. Но при большомъ числѣ подобранныхъ нами примѣровъ такое мнѣніе, разумѣется,

крайне невѣроятно; и оно тѣмъ невѣроятнѣе, чѣмъ длиннѣе нашъ рядъ примѣровъ. Слѣд., наша догадка выходитъ доказанной, по крайней мѣрѣ, какъ наиболѣе вѣроятная.

Если же вникнуть въ это доказательство, то оно оказывается ничѣмъ инымъ, какъ *повторнымъ примѣненіемъ метода единственнаго совпаденія все къ новымъ и новымъ примѣрамъ:* вѣдь правило этого метода здѣсь строго соблюдено уже въ любой парѣ упомянутыхъ случаевъ возникновенія явленія *Y*, напр.—уже въ двухъ первыхъ примѣрахъ. Но мы здѣсь этимъ не довольствуемся, а подбираемъ все новые и новые примѣры возникновенія этого явленія, опять-таки подчиненные правилу метода единственнаго совпаденія, т.-е. доказываемъ, что *X* есть причина явленія *Y*, посредствомъ *повторнаго* примѣненія метода совпаденія все къ новымъ и новымъ примѣрамъ возникновенія явленія *Y*. *Слѣд., здѣсь передъ нами сложный индуктивный методъ, состоящій изъ многократнаго примѣненія простого метода единственнаго совпаденія.* Такимъ именно путемъ доказываютъ пользу, приносимую новымъ лекарствомъ: разсматриваютъ его дѣйствіе на лицъ разнаго пола, разныхъ возрастовъ, съ разными степенями заболѣванія и т. п.

12. Законы природы. Перейдемъ теперь, сообразно съ сказаннымъ на стр. 238 и 240 къ доказательствамъ догадокъ о законахъ природы. Прежде всего необходимо выяснить понятіе закона природы. Первоначально подъ „законами“ подразумѣвались только правила человѣческаго поведенія, именно чаще всего — государственные законы, а изрѣдка, по аналогіи съ государственными, также и нравственные законы. Лишь въ XVII вѣкѣ появилось и постепенно сдѣлалось общепринятымъ выраженіе „законы *природы*“, возникшее тѣмъ путемъ, что природа была уподоблена государству, управляемому самимъ Богомъ, Который предписалъ ей твердые, непоколебимые законы или правила ея поведенія. Но впослѣдствіи эта метафизическая примѣсь въ понятіи закона природы была отброшена, и теперь *подъ „законами природы“ понимаются единообразія во взаимоотношеніяхъ явленій природы* (внѣшней или внутренней, т.-е. духовной, это безразлично), *состоящія въ томъ, что въ ней при повтореніи тѣхъ же самыхъ строго опредѣленныхъ обстоятельствъ мы всегда и вездѣ встрѣчаемъ повтореніе однихъ и тѣхъ же строго опредѣленныхъ явленій природы.* Вотъ это-то единообразіе или этотъ порядокъ природы напоминаетъ собой тотъ порядокъ или единообразіе, который устанавливается законами государственными.

Можно еще иначе охарактеризовать законы природы, именно: *законъ природы есть такая связь между явленіями природы, которая повторяется всегда и вездѣ, или при всякихъ обстоятельствахъ, или при однихъ и тѣхъ же опредѣленныхъ обстоятельствахъ.* Возьмемъ, напр., законъ Маріотта: „объемъ газовъ при одинаковыхъ температурахъ обратно пропорціоналенъ ихъ упругости“. Здѣсь мыслится такая связь между двумя явленіями природы (перемѣна въ объемѣ газовъ и въ ихъ упругости), которая при однихъ и тѣхъ же обстоятельствахъ (при одинаковыхъ температурахъ) повторяется всегда и вездѣ. Вродѣ этого можно сказать и про

законъ Ньютона: „всякія двѣ матеріальныя частицы сближаются между собой съ ускореніями, прямо пропорціональными ихъ массамъ и обратно пропорціональными квадратамъ ихъ разстояній". Въ этомъ законѣ мыслится всегда и вездѣ повторяющаяся связь между явленіями природы (сближеніемъ, съ одной стороны, и величиной массы и разстоянія—съ другой), при чемъ эта связь повторяется уже при всѣхъ обстоятельствахъ.

Говоря о законахъ природы, не забудемъ, что на стр. 35 мы условились подъ выраженіемъ *„явленіе природы"* подразумѣвать *не только какія-либо измѣненія въ вещахъ*, образующихъ своей совокупностью природу, какъ это обыкновенно подразумѣваютъ въ физикѣ, химіи и т. д., *но также и постоянныя свойства этихъ вещей.* Такимъ образомъ, явленіями природы въ логикѣ называются не только, напр., паденіе тѣла, нагрѣваніе послѣдняго, его расширеніе, химическія соединенія съ другими тѣлами и т. п., но также принадлежность тѣла къ хорошимъ проводникамъ электричества, твердость тѣла, обладаніе тѣмъ или другимъ химическимъ свойствомъ, раздвоенность копытъ животнаго, принадлежность послѣдняго къ жвачнымъ и т. п. Дѣло въ томъ, что, какъ мы скоро убѣдимся, *доказательства законовъ природы, управляющихъ связью свойствъ вещей, образующихъ своей совокупностью природу, совершенно таковы же, какъ и доказательства законовъ, управляющихъ измѣненіями этихъ вещей.* Слѣд., съ этой, т.-е. съ логической, точки зрѣнія нѣтъ разницы, идетъ ли у насъ рѣчь объ измѣненіяхъ въ вещахъ или же объ ихъ постоянныхъ свойствахъ. Поэтому и тѣ и другія логика можетъ назвать однимъ именемъ.

Тѣ общія сужденія, которыя высказываютъ законы природы, тоже называются законами природы. Поэтому и доказательства *догадокъ* о законахъ природы называются доказательствами (прямо) *законовъ* природы. Связь же явленій природы, требуемая какимъ-либо закономъ природы, называется *законосообразной связью.* Законосообразную связь явленій въ русской научной литературѣ давно привыкли называть еще *„закономѣрной"* связью, а отъ этого прилагательнаго образовалось существительное *„закономѣрность"*; и оба слова настолько же пріобрѣли права гражданства, какъ и терминъ „законосообразный". Поэтому всякій въ правѣ употреблять и эти два термина, какъ давно принятые въ научной литературѣ, хотя „законосообразный" и „законосообразность" болѣе соотвѣтствуютъ духу русскаго языка. Термины „закономѣрный" и „закономѣрность" возникли путемъ буквальнаго перевода нѣмецкихъ терминовъ „gesetzmässig" и „Gesetzmässigkeit". Но если термины „zweckmässig" и „Zweckmässigkeit" принято переводить словами „цѣлесообразный" и „цѣлесообразность", а не „цѣлемѣрный" и „цѣлемѣрность", то не слѣдовало бы переводить „gesetzmässig" словомъ „закономѣрный".

Чтобы еще лучше разъяснить понятіе закона природы, укажемъ, что *по содержанію своему законы природы раздѣляются на:* 1) *законы единовременности и* 2) *законы послѣдовательности явленій.* Многіе авторы раздѣляютъ по содержанію законы природы на законы сосуществованія и по-

слѣдовательности; но законы единовременнаго наступленія явленій, напр., законъ Маріотта, не относятся ни къ законамъ сосуществованія, ни къ законамъ послѣдовательности, такъ что это раздѣленіе не совсѣмъ вѣрно.

Законы единовременности, въ свою очередь, могутъ быть двухъ видовъ, либо законами сосуществованія, либо законами единовременнаго возникновенія; ибо въ нихъ можетъ мыслиться: или а) постоянное повтореніе существованія одного свойства данной въ опытѣ вещи на-ряду съ другимъ, т.-е. постоянное *сосуществованіе* различныхъ свойствъ другъ съ другомъ въ однѣхъ и тѣхъ же вещахъ, или же b) *единовременное возникновеніе* двухъ явленій. Примѣръ перваго вида: „всѣ животныя, имѣющія раздвоенныя копыта, отрыгаютъ жвачку“. Въ этомъ законѣ мы мыслимъ постоянное сосуществованіе свойства „быть жвачнымъ животнымъ“ съ свойствомъ „имѣть раздвоенныя копыта“. Другой примѣръ: „водородъ есть наилегчайшій газъ“ (сосуществованіе свойствъ: быть водородомъ и быть наилегчайшимъ газомъ); или: „вода состоитъ изъ водорода и кислорода“ (сосуществованіе свойствъ: быть водой и состоять изъ водорода и кислорода). Примѣръ второго вида законовъ единовременности—законъ Маріотта: „объемъ газовъ при однѣхъ и тѣхъ же температурахъ обратно пропорціоналенъ ихъ упругости“. Здѣсь мы мыслимъ единовременное наступленіе двухъ явленій, именно—что перемѣна объема газа сопровождается обратно пропорціональнымъ измѣненіемъ его упругости.

Въ законахъ послѣдовательности, иначе—преемства или чередованія, явленій мыслится порядокъ или послѣдовательность, въ которой постоянно явленія смѣняютъ другъ друга, или слѣдуютъ другъ за другомъ, напр.: „пріемъ хины вызываетъ пониженіе температуры крови“. Здѣсь мы мыслимъ, что вслѣдъ за возникновеніемъ одного явленія (пріемъ хины) возникаетъ другое (пониженіе температуры). Другой примѣръ: „за днемъ слѣдуетъ ночь и наоборотъ“.

По своему содержанію законы природы могутъ быть раздѣлены также еще иначе, именно: *и законы единовременности и законы послѣдовательности могутъ быть въ то же время качественными и количественными.* Если они говорятъ только о качественной сторонѣ явленій (напр., „вода состоитъ изъ кислорода и водорода“), то называются качественными. Если же они говорятъ о количественной сторонѣ явленій (законъ Маріотта, Ньютона и др.), то называются количественными. И количественные законы, какъ извѣстно, часто выражаются въ математическихъ формулахъ.

Многіе склоняются думать, будто бы законы природы непремѣнно должны быть количественными, т.-е. высказывать только связи количественной стороны явленія съ различными обстоятельствами, а качественные законы должны, будто бы, и называться какъ-нибудь иначе, но не законами. Этотъ предвзятый взглядъ слагается по той причинѣ, что съ законами природы мы знакомимся раньше всего черезъ изученіе физики, а въ ней почти всѣ законы количественнаго характера. Конечно, можно условиться употреблять терминъ „законъ природы“ и въ столь узкомъ значеніи, чтобы онъ охва-

тывалъ одни лишь количественные законы. Но противъ такого ограниченія значенія этого термина можно сдѣлать три возраженія, именно: 1—онъ не соотвѣтствуетъ исторіи происхожденія термина „законъ природы“; 2—его никто на дѣлѣ не выдерживаетъ, чѣмъ доказывается его неудобство для какихъ бы то ни было наукъ; и 3—оно особенно неудобно для логики. Въ самомъ дѣлѣ:

1—Когда возникъ терминъ „законъ природы“, то подъ нимъ подразумѣвался порядокъ или единообразіе природы не въ однѣхъ лишь количественныхъ сторонахъ явленій природы, но также и въ качественныхъ. Вѣдь терминъ „законъ природы“ сложился по аналогіи съ тѣмъ, что̀ называется закономъ государственнымъ, а законы государственные устанавливаютъ порядокъ не въ однѣхъ лишь количественныхъ сторонахъ поведенія людей, а также предписываютъ и опредѣленное качество поступковъ при извѣстныхъ обстоятельствахъ.

2—Всѣ, даже и тѣ, кто настаиваетъ, будто бы законы природы должны быть только количественными, все-таки называютъ законами логическіе законы мышленія, законъ тяжести (всякое тѣло, ничѣмъ не поддерживаемое, падаетъ по направленію къ центру земли) и много другихъ законовъ, которые, очевидно, не принадлежатъ къ количественнымъ; а этимъ обнаруживается крайнее неудобство для какихъ бы то ни было наукъ насильственно ограничивать объемъ термина „законъ природы“ одними лишь количественными законами.

3—Наконецъ, въ логикѣ особенно неудобно называть законами природы одни лишь количественные законы; ибо и качественные и количественные законы доказываются посредствомъ одинаковыхъ методовъ. И вотъ, съ этой точки зрѣнія, наиболѣе важной для логики, качественные законы выходятъ вполнѣ однородными съ количественными. Слѣдовательно, если мы условимся называть законами природы одни лишь количественные законы, то намъ, все равно, придется въ логикѣ придумать терминъ, который обозначалъ бы сразу и качественные и количественные законы, дабы логика могла говорить сразу о доказательствахъ и тѣхъ и другихъ законовъ.

Несомнѣнно, нѣкоторые изъ приводимыхъ нами примѣровъ законовъ природы служатъ выраженіями причинныхъ связей. И въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, ибо *всякая причинная связь двухъ явленій природы есть не что иное, какъ видъ или частный случай законосообразной связи, а всякое сужденіе, говорящее, что одно явленіе природы, напр. X, служитъ причиной другого, напр. Y, оказывается однимъ изъ законовъ природы.* Вѣдь смыслъ такого сужденія сводится къ слѣдующему: всякое возникновеніе перваго явленія, т.-е. *X*, всегда и вездѣ сопровождается возникновеніемъ второго явленія, т.-е. *Y* (ср. стр. 242). А это сужденіе явно подходитъ подъ понятіе закона природы. Вотъ оттого, что причинныя связи образуютъ лишь частные случаи законосообразныхъ связей, и позволительно брать также и причинныя связи въ числѣ примѣровъ законовъ природы.

Но если такъ, то, разъясняя понятіе закона природы, не мѣшаетъ

указать, *чѣмъ причинныя связи явленій природы другъ съ другомъ отличаются отъ остальныхъ законосообразныхъ связей.* Причинная связь непремѣнно касается условій *возникновенія* явленій, и *всякій законъ природы, высказывающій причинную связь явленій природы, непремѣнно говоритъ о тѣхъ условіяхъ, которыя вполнѣ достаточны, чтобы при ихъ наличности обязательно возникало данное явленіе.* Остальные же законы природы могутъ говорить о *всякомъ* видѣ повторенія явленій природы одновременно другъ съ другомъ (каковы, напр., законы сосуществованія) или же другъ за другомъ (каковы — законы послѣдовательности, изъ которыхъ многіе не высказываютъ причинныхъ связей).

13. Доказательства догадокъ о законахъ природы. Какъ же доказываются догадки о законахъ природы? Конечно, нерѣдко законы природы, напр.—въ раціональныхъ частяхъ физики, доказываются точь въ точь такими же методами, какъ и употребляемые въ математикѣ; но тогда ихъ доказательство ведется безъ установки данныхъ опыта. (Тѣ законы природы, которые въ раціональныхъ частяхъ физики служатъ *основаніями* для доказательства новыхъ законовъ, разумѣется, доказаны въ эмпирическихъ частяхъ физики съ помощью установки данныхъ опыта; основанное же на нихъ доказательство *новыхъ* законовъ въ раціональныхъ частяхъ физики ведется безъ установки данныхъ опыта). Насъ же теперь интересуютъ лишь такія доказательства законовъ природы, которыя бы были соединены съ установкой данныхъ опыта (сравн. стр. 238). И не трудно убѣдиться, что *простыя соединенныя съ установкой данныхъ опыта доказательства законовъ природы могутъ быть только простыми миллевскими методами индуктивныхъ доказательствъ.* Никакихъ же другихъ методовъ, кромѣ миллевскихъ, здѣсь нельзя встрѣтить. Доказывается же это слѣдующимъ соображеніемъ: *если бы здѣсь встрѣтились какіе-нибудь другіе методы, то они встрѣтились бы и при доказательствѣ догадокъ о причинныхъ связяхъ явленій природы. Вѣдь причинныя связи явленій природы служатъ лишь частными случаями законовъ природы,* см. выше, стр. 256; поэтому всѣ тѣ методы, которые были бы годны для доказательства догадокъ о законахъ природы, должны быть годными и для доказательства догадокъ объ ихъ частныхъ случаяхъ, т.-е.—для доказательства догадокъ о причинныхъ связяхъ.—И теперь понятно, почему называются однимъ и тѣмъ же именемъ научной индукціи, какъ доказательства догадокъ о прямо наблюдаемыхъ причинахъ, такъ и доказательства догадокъ о законахъ природы (сравн. стр. 238).

Для нагляднаго же подтвержденія, что простые методы такихъ доказательствъ законовъ природы, которые соединены съ установкой данныхъ опыта, сводятся къ методамъ Милля, возьмемъ слѣдующіе примѣры:

1. Разсмотримъ, какъ доказывается открытый Галилеемъ законъ, что квадраты времени колебанія маятника пропорціональны длинѣ маятника. Оставляя всѣ остальныя обстоятельства безъ всякой перемѣны, т.-е. оставляя прежними матеріалъ маятника, форму и величину его груза, мѣсто экспе-

римента и т. д., мы мѣняемъ одну только длину маятника, напр. увеличиваемъ ее въ 2, въ 3, въ 4 раза и т. д., и подмѣчаемъ продолжительность одного колебанія при каждой длинѣ. Сопоставленіе чиселъ, полученныхъ при этихъ экспериментахъ и выражающихъ, съ одной стороны, различную длину маятника, а съ другой — различную продолжительность его отдѣльныхъ колебаній, доказываетъ нашъ законъ. Такимъ образомъ, мы здѣсь имѣемъ дѣло съ многократнымъ примѣненіемъ метода единственнаго сопутствующаго измѣненія.

2. Разсмотримъ теперь доказательство закона, что у всѣхъ жвачныхъ раздвоенныя копыта. Онъ доказывается посредствомъ примѣненія метода единственнаго совпаденія къ возможно большему числу такихъ примѣровъ, которые наиболѣе отличались бы другъ отъ друга, слѣд. посредствомъ многократнаго примѣненія метода единственнаго совпаденія, именно: мы подбираемъ какъ можно больше самыхъ разнообразныхъ жвачныхъ животныхъ и указываемъ, что, несмотря на все ихъ разнообразіе, у нихъ постоянно встрѣчаются раздвоенныя копыта.

3. Послѣдній примѣръ — доказательство закона Архимеда. Здѣсь мы встрѣчаемся съ соединеніемъ методовъ единственной разницы и единственнаго совпаденія. Вѣдь каждое тѣло, надъ которымъ мы экспериментируемъ для доказательства этого закона, взвѣшивается, не подвергаясь никакимъ измѣненіямъ (въ формѣ, величинѣ и т. п.), дважды — до погруженія и послѣ погруженія въ какую-либо жидкость, такъ что всѣ обстоятельства, при которыхъ произошла указываемая закономъ Архимеда потеря вѣса этимъ тѣломъ (т.-е. равная вѣсу вытѣсненной жидкости), въ обоихъ случаяхъ его взвѣшиванія были совершенно одинаковыми, кромѣ одного, присутствовавшаго только при томъ взвѣшиваніи, когда тѣло оказалось легче. Такимъ образомъ, прежде всего мы здѣсь встрѣчаемся съ методомъ единственной разницы. Далѣе: и это же самое тѣло, и еще нѣсколько другихъ тѣлъ, такъ подобранныхъ по ихъ химическому составу, чтобы они наиболѣе отличались другъ отъ друга (напр., металлъ, стекло, камень и т. д.), погружаются въ нѣсколько наиболѣе отличающихся другъ отъ друга жидкостей (вода, масло, спиртъ, ртуть и т. п.), такъ что у насъ выходитъ цѣлый рядъ примѣровъ указываемой закономъ Архимеда потери вѣса, такъ подобранныхъ, что нѣтъ никакого другого общаго для всѣхъ этихъ примѣровъ обстоятельства, кромѣ того, что каждое изъ тѣлъ, оказавшихся легче, чѣмъ при взвѣшиваніи на воздухѣ, погружено въ какую-либо жидкость. Такимъ образомъ, къ методу единственной разницы здѣсь присоединенъ еще методъ единственнаго совпаденія.

14. Точные и эмпирическіе законы природы. Объяснимъ теперь, отъ чего зависитъ разница между, такъ называемыми, точными и эмпирическими законами природы. Раздѣленіе всѣхъ законовъ природы на эти два класса основано на степени надежности, съ какой можно полагаться на постоянное исполненіе даннаго закона природы. *Подъ точными законами природы подразумѣваются законы, настолько провѣренные, что они уже*

не внушаютъ намъ сомнѣній относительно ихъ постояннаго исполненія. Таковы, напр., законы колебанія маятника, законъ Архимеда и т. д. Подъ эмпирическими же законами природы подразумѣваются такіе законы, *исполненіе которыхъ мы считаемъ обезпеченнымъ только въ случаяхъ, сходныхъ съ тѣми, чрезъ разсмотрѣніе коихъ былъ доказанъ нашъ законъ.* Таковъ законъ, что всѣ жвачныя животныя обладаютъ раздвоенными копытами: мы только въ томъ случаѣ рѣшимся заранѣе утверждать, что у даннаго жвачнаго животнаго будутъ раздвоенныя копыта, если оно сходно съ тѣми животными, наблюдая которыхъ мы установили свой законъ, напр., если оно, по крайней мѣрѣ, также какъ и они, принадлежитъ къ млекопитающимъ. Если же мы узнаемъ, что существуетъ какое-нибудь жвачное животное, непохожее на тѣхъ, наблюдая которыхъ мы установили свой законъ, напримѣръ, непринадлежащее къ млекопитающимъ, то мы не рѣшимся заранѣе утверждать, что и оно обладаетъ раздвоенными копытами.

Разница въ степени надежности между точными и эмпирическими законами обусловлена тѣмъ, что послѣдніе при современномъ состояніи науки остаются доказанными только методомъ единственнаго совпаденія, хотя бы и употребленнымъ многократно (посредствомъ его примѣненія къ возможно большему числу наиболѣе отличающихся другъ отъ друга примѣровъ), *но несоединеннымъ ни съ какими добавочными доказательствами иного рода; въ точныхъ же законахъ дѣло никогда не ограничивается однимъ лишь этимъ методомъ, хотя бы и многократно употребляемымъ.* Такъ, эмпирическій законъ постояннаго совпаденія жвачности съ раздвоенностью копытъ доказывается только тѣмъ, что онъ подтверждается на *значительномъ* числѣ *наиболѣе разнообразныхъ* жвачныхъ животныхъ, т.-е. однимъ лишь методомъ совпаденія, хотя и многократно примѣненнымъ къ множеству разнообразныхъ примѣровъ. Законъ же Архимеда, законы колебаній маятника и всѣ другіе точные законы доказываются болѣе сложными методами. *Доказательство же посредствомъ одного лишь, хотя бы и многократно примѣняемаго, метода единственнаго совпаденія дѣлаетъ,* какъ мы уже знаемъ (см. стр. 252), *доказываемое положеніе лишь наиболѣе вѣроятнымъ, но еще не вполнѣ исключаетъ возможность отвергать его.* Напр., какъ бы ни были многочисленны и разнообразны тѣ жвачныя, которыхъ мы разсмотрѣли для доказательства закона, что у всѣхъ жвачныхъ раздвоенныя копыта, все-таки, еще не вполнѣ исключена возможность думать, что это совпаденіе жвачности съ раздвоенностью копытъ зависитъ *не отъ собственной* законосообразной связи этихъ свойствъ другъ съ другомъ, но что у однихъ изъ разсмотрѣнныхъ нами животныхъ раздвоенность копытъ была обусловлена одними присущими имъ, кромѣ жвачности, свойствами, а у другихъ — другими, но тоже не жвачностью, такъ что когда мы найдемъ жвачныхъ животныхъ, не имѣющихъ ни тѣхъ, ни другихъ свойствъ, т.-е. мало похожихъ на разсмотрѣнныхъ нами, то сосуществованіе жвачности съ раздвоенностью копытъ, можетъ быть, и не повторится.

Но даже и при такихъ условіяхъ, *все-таки, можно полагаться на этотъ эмпирическій законъ, по крайней мѣрѣ — считать его наиболѣе вѣроятнымъ, въ случаяхъ очень похожихъ на тѣ, чрезъ разсмотрѣніе которыхъ онъ былъ доказанъ.* Въ самомъ дѣлѣ: если въ прежде разсмотрѣнныхъ случаяхъ жвачность и раздвоенность копытъ постоянно повторялись вмѣстѣ не вслѣдствіе ихъ собственной законосообразной связи другъ съ другомъ, а подъ вліяніемъ какихъ-либо другихъ обстоятельствъ, то, когда мы возьмемъ новые случаи, очень похожіе на прежніе, именно въ силу этого-то большого сходства въ нихъ, вѣроятно, попадутся и тѣ обстоятельства, которыя прежде заставили повторяться жвачность вмѣстѣ съ раздвоенностью копытъ; слѣд., эти обстоятельства заставятъ повториться раздвоенность копытъ на-ряду съ жвачностью и въ нашихъ новыхъ случаяхъ.

15. Принципъ единообразія природы и способъ осуществленія въ индукціи правила о доказательствѣ общихъ синтетическихъ сужденій. Говоря объ основаніяхъ, на которыя опираются индуктивныя доказательства, мы до сихъ поръ обращали вниманіе только на тѣ изъ нихъ, которыя устанавливаются данными опыта. Но въ каждомъ индуктивномъ доказательствѣ на-ряду съ данными опыта служитъ еще основаніемъ, хотя и подразумѣваемымъ, одна мысль, взятая или сама по себѣ, или же въ видѣ вытекающихъ изъ нея слѣдствій, которую многіе авторы, напр.—Милль, называютъ принципомъ (или началомъ) единообразія природы.

Принципъ единообразія природы состоитъ въ сужденіи, что всякое явленіе природы находится въ законосообразной связи съ какимъ-нибудь опредѣленнымъ другимъ явленіемъ, такъ что всюду, гдѣ встрѣтится первое, обязательно встрѣтится, хотя бы въ незамѣтномъ для насъ видѣ, и второе. При этомъ не забудемъ, что подъ явленіями природы мы подразумѣваемъ всѣ безъ исключенія данныя опыта, кромѣ самихъ вещей, а не однѣ только перемѣны въ природѣ, такъ что явленіями природы мы называемъ и постоянно существующія свойства данныхъ въ опытѣ вещей (сравн. стр. 254).

И легко замѣтить, что частнымъ случаемъ принципа единообразія природы, именно — примѣненіемъ этого принципа къ возникновенію явленій, служитъ сужденіе, которое принято называть *принципомъ причинности,* или *принципомъ причинной связи явленій природы,* и которое говоритъ слѣдующее: *возникновеніе каждаго явленія природы находится въ такой связи съ возникновеніемъ какого-либо другого явленія природы* (простого или сложнаго, это безразлично), *что какъ только возникнетъ послѣднее, такъ всегда и вездѣ вмѣстѣ съ нимъ* (т.-е. или одновременно съ нимъ, или вслѣдъ за нимъ) *возникнетъ также и первое.*

Убѣдиться же, что въ основѣ индуктивныхъ доказательствъ на-ряду съ данными опыта обязательно лежитъ либо самъ принципъ единообразія природы, либо его частный случай — принципъ причинной связи явленій природы, можно слѣдующими соображеніями:

а) Разсмотримъ доказательство любого закона изъ числа невысказывающихъ причинныхъ связей, напр.—закона сосуществованія жвачности съ

раздвоенностью копытъ. Онъ, какъ мы видѣли на стр. 259, доказывается путемъ подбора возможно бо́льшаго числа примѣровъ наиболѣе отличающихся другъ отъ друга жвачныхъ животныхъ. И не ясно ли, что здѣсь доказываемый нами выводъ утратилъ бы всякую логическую необходимость и сдѣлался бы вполнѣ произвольнымъ, если бы мы стали отрицать принципъ единообразія природы, а вмѣсто того допустили, что никакое явленіе природы не находится въ законосообразной связи ни съ какимъ другимъ явленіемъ? Тогда изъ того обстоятельства, что у *нѣсколькихъ*, именно—у подобранныхъ нами, жвачныхъ животныхъ мы подмѣтили раздвоенность копытъ, никакъ нельзя было бы заключить, что раздвоенность копытъ встрѣтится у *всѣхъ* жвачныхъ. Вѣдь по нашему допущенію ни одно явленіе природы, въ томъ числѣ и жвачность, не находится въ законосообразной, т.-е. постоянно повторяющейся, связи ни съ какимъ другимъ явленіемъ, такъ что если раздвоенность копытъ *встрѣтилась* на-ряду съ жвачностью у *тѣхъ* жвачныхъ, которыхъ мы подобрали, то это еще не означаетъ, чтобы между жвачностью и раздвоенностью копытъ была постоянно повторяющаяся связь. Иное дѣло, когда мы убѣждены въ истинности принципа единообразія природы и руководствуемся имъ при доказательствѣ разсматриваемаго закона: вѣдь тогда нами уже заранѣе допущено, что жвачность всегда и вездѣ *должна* непремѣнно встрѣчаться рядомъ *съ какимъ-то другимъ опредѣленнымъ явленіемъ*. Все дѣло тогда сводится только къ тому, чтобы узнать, съ какимъ именно явленіемъ связана она; а при умѣломъ подборѣ данныхъ опыта, конечно, можно будетъ выяснить то явленіе, съ которымъ она соединена такой связью. Такимъ образомъ, въ основѣ индуктивныхъ доказательствъ законовъ природы, невысказывающихъ причинныхъ связей, несомнѣнно, лежитъ принципъ единообразія природы, взятый въ его общей формѣ.

b) Разсмотримъ теперь, какъ доказываются догадки о причинныхъ связяхъ между явленіями природы. Данныя опыта, которыя мы подбираемъ по правиламъ методовъ Милля, заставляютъ насъ соглашаться съ выводомъ, къ которому приводитъ каждый изъ этихъ методовъ, не сами по себѣ, но въ связи съ тѣми, хотя бы и подразумѣваемыми, разсужденіями, которыя были изложены нами при описаніи простыхъ методовъ Милля (см. стр. 244, 246 и 248). А всѣ эти разсужденія, очевиднѣйшимъ образомъ, исходятъ, какъ изъ основанія, изъ подразумѣваемой мысли, что возникновеніе всякаго явленія природы, въ томъ числѣ и явленія Y, находится въ причинной связи съ какимъ-нибудь другимъ явленіемъ природы, т.-е. изъ принципа причинности. Если же мы вздумаемъ отрицать этотъ принципъ, т.-е. если мы допустимъ, что явленіе Y *можетъ* возникать безъ причины, то означенныя разсужденія станутъ произвольными, и данныя опыта, подобранныя по правиламъ методовъ Милля, никакъ не докажутъ, что X есть причина или даже часть причины явленія Y: мы постоянно будемъ подозрѣвать, не возникло ли послѣднее въ разсматриваемомъ примѣрѣ безъ всякой причины. Слѣд., въ основѣ индуктивныхъ доказательствъ тѣхъ законовъ природы,

которые высказываютъ причинныя связи ея явленій, тоже лежитъ принципъ единообразія природы, но взятый въ его частной формѣ, т.-е. въ видѣ принципа причинности.

Такимъ образомъ, мы удостовѣрились, что дѣйствительно въ основѣ всѣхъ индуктивныхъ доказательствъ лежитъ, какъ подразумѣваемая посылка, принципъ единообразія природы, либо въ своей общей формѣ, либо въ видѣ своего частнаго случая — принципа причинности, это все равно. Удостовѣрившись же въ этомъ, мы тѣмъ самымъ удостовѣрились, что и *въ индуктивныхъ доказательствахъ, подобно остальнымъ, общее синтетическое сужденіе доказывается не иначе, какъ съ помощью другого общаго синтетическаго сужденія, именно:* 1) *тѣми общими синтетическими сужденіями, которыя служатъ въ индукціи доказываемыми положеніями, оказываются законы природы;* ибо индукція состоитъ изъ соединенныхъ съ установкой данныхъ опыта доказательствъ законовъ природы (даже доказательства догадокъ о прямо наблюдаемыхъ причинахъ явленій природы служатъ частными случаями доказательствъ законовъ природы сравн. выше, стр. 256), а каждый законъ природы образуетъ собой общее синтетическое сужденіе). 2) *Тѣмъ же общимъ синтетическимъ сужденіемъ, съ помощью котораго доказываются въ индукціи законы природы, служитъ или самъ принципъ единообразія природы, или же его частный случай — принципъ причинной связи явленій природы;* ибо, съ одной стороны, всякое индуктивное доказательство опирается, между прочимъ, какъ на основаніе, на одинъ изъ этихъ принциповъ, а, съ другой стороны, каждый изъ нихъ, очевидно, образуетъ собой общее синтетическое сужденіе.

16. Ошибки въ индукціи. Индуктивныя доказательства, подобно остальнымъ, тоже могутъ быть правильными и ошибочными. Встрѣчаемыя въ нихъ ошибки, какъ и вообще во всѣхъ доказательствахъ, конечно, могутъ быть трехъ родовъ: ошибками въ основаніяхъ, въ разсужденіи (демонстраціи) и въ доказываемомъ положеніи (тезисѣ). И чтобы выяснить, какія ошибки встрѣчаются на дѣлѣ при индукціи, проще всего поступить слѣдующимъ образомъ: вспомнимъ тѣ ошибки, которыя мы указали на стр. 137 и слѣд., какъ возможныя вообще въ каждой изъ этихъ трехъ частей доказательства, и вмѣстѣ съ тѣмъ обсудимъ, какія изъ нихъ могутъ имѣть мѣсто въ индуктивныхъ доказательствахъ.

Никакъ нельзя представить себѣ, чтобы изъ ошибокъ въ основаніяхъ при индуктивныхъ доказательствахъ встрѣтился кругъ въ доказательствѣ, т.-е. circulus vitiosus. Зато здѣсь легко можетъ проникнуть ошибка ложнаго основанія (πρῶτον ψεῦδος) въ видѣ ошибочнаго указанія тѣхъ данныхъ опыта, которыми мы пользуемся при индуктивномъ доказательствѣ, какъ основаніями. Эти данныя опыта могутъ оказаться неправильно установленными, такъ что основаніями индуктивнаго доказательства будутъ факты, искаженные въ большей или меньшей мѣрѣ. Такъ, нѣкоторыя обстоятельства подолгу могутъ оставаться незамѣтными, и мы будемъ описывать подбираемыя нами по правиламъ Милля данныя опыта, какъ если бы среди нихъ не

было этихъ обстоятельствъ. Напр., холерные вибріоны оставались долгое время незамѣтными для всѣхъ изслѣдователей холеры, вслѣдствіе чего описаніе обстоятельствъ, при которыхъ она возникаетъ, выходило нѣсколько искаженнымъ, умалчивающимъ о присутствіи вибріоновъ при ея возникновеніи.

Въ индуктивныхъ доказательствахъ можетъ встрѣтиться и ошибка petitio principii. Прежде всего, она встрѣчается въ видѣ такой установки данныхъ опыта, которая основывается на чьихъ-либо свидѣтельствахъ, принятыхъ безъ всякой провѣрки. Вѣдь каждый человѣкъ при всей своей добросовѣстности и осторожности можетъ, все-таки, передавать данныя опыта въ искаженномъ видѣ, такъ что полагаться при индуктивномъ доказательствѣ на чьи-либо сообщенія о данныхъ опыта безъ всякой провѣрки — значитъ опираться на такое основаніе, которое еще само требуетъ доказательства, а это составитъ ошибку petitio principii. Вотъ почему всякое наблюденіе и всякій экспериментъ, хотя бы они были произведены и описаны наиболѣе выдающимися учеными, всегда сперва подвергаются провѣркѣ со стороны другихъ ученыхъ, а не принимаются прямо съ чужихъ словъ: даже и выдающійся ученый можетъ не замѣтить кое-чего среди данныхъ опыта, а кое-что нехотя исказить въ нихъ въ духѣ своей теоріи. Далѣе: та же ошибка совершается и въ томъ случаѣ, если при психологическихъ изслѣдованіяхъ мы вообразимъ, будто бы мы прямо наблюдаемъ чужую душевную жизнь, потому что о ней можно только заключать по ея тѣлеснымъ обнаруженіямъ, а нельзя прямо наблюдать ее. Поэтому пользоваться при индуктивныхъ доказательствахъ ссылками на наблюденія надъ чужой душевной жизнью, какъ основаніями, безъ всякой провѣрки правильности заключеній о ней, значитъ опираться на такія основанія, которыя еще сами нуждаются въ доказательствахъ.

Индуктивныя доказательства не застрахованы и отъ ошибокъ въ разсужденіи. Послѣднее обыкновенно, либо все цѣликомъ, либо въ значительной своей части, остается не высказаннымъ, а только подразумѣвается нами, и поэтому мы часто не обращаемъ на него надлежащаго вниманія. Вслѣдствіе этого мы нерѣдко подразумѣваемъ его и тамъ, гдѣ оно совершенно неумѣстно, именно — при такихъ данныхъ опыта, которыя не вполнѣ подходятъ подъ правила методовъ Милля, такъ что ими еще нельзя доказать нашей догадки о какомъ-либо законѣ природы; а мы ошибочно думаемъ, будто бы она уже доказана этими данными опыта. Такая ошибка, конечно, можетъ встрѣтиться при употребленіи любого метода индукціи. Одно же изъ видоизмѣненій этой ошибки встрѣчается такъ часто, что пріобрѣло даже особое названіе „*post hoc ergo propter hoc*“, т.-е. „послѣ этого, значитъ, вслѣдствіе этого“. Эта ошибка сводится къ такому доказательству мнѣнія, что данное явленіе X служитъ причиной явленія Y, которое ограничивается ссылкой на нѣсколько случаевъ возникновенія явленія Y вмѣстѣ съ явленіемъ X, подобранныхъ какъ попало, безъ всякой заботы о правилахъ научной индукціи, иногда даже на одинъ случай, почему-либо особенно поразившій насъ. Напр., такимъ путемъ суевѣрные люди доказываютъ истинность разныхъ примѣтъ, въ родѣ „встрѣчъ къ несчастью“, „тринадцати за столомъ“ и т. п.

Наконецъ, въ индуктивныхъ доказательствахъ возможна и ошибка ignoratio elenchi при употребленіи методовъ единственнаго различія и сопутствующаго измѣненія. Каждый изъ этихъ методовъ доказываетъ намъ только раздѣлительное сужденіе, напр., только такое сужденіе: „X служитъ причиной или, по крайней мѣрѣ, частью причины явленія Y“. Поэтому, если мы ограничимся при доказательствѣ категорическаго сужденія, говорящаго прямо, что X служитъ причиной явленія Y, употребленіемъ лишь одного изъ этихъ методовъ безъ всякихъ добавочныхъ доказательствъ, то, очевидно, мы замѣнимъ доказываемый нами категорическій тезисъ раздѣлительнымъ, т.-е. допустимъ ошибку mutatio elenchi.

ГЛАВА XIII.

Индукція и дедукція.

1. Раздѣленіе доказательствъ на индукцію и дедукцію. Теперь мы разсмотрѣли въ общемъ видѣ *всѣ* доказательства, какія только могутъ встрѣтиться въ наукѣ, при чемъ мы предварительно раздѣлили ихъ на два основныхъ класса—на несоединенныя и соединенныя съ установкой данныхъ опыта. Но теперь, послѣ ознакомленія съ особенностями *всѣхъ* доказательствъ, легко убѣдиться, что хотя такая классификація доказательствъ приходитъ въ голову легче всякой другой и очень удобна при ихъ изученіи, все таки она выходитъ нѣсколько искусственной или насильственной; ибо она помѣщаетъ въ одинъ классъ разнородныя доказательства, а въ разныхъ классахъ вполнѣ однородныя между собой. Вѣдь въ ней въ классъ доказательствъ, соединенныхъ съ установкой данныхъ опыта, на-ряду съ индуктивными доказательствами помѣщены и такія, которыя вполнѣ однородны съ доказательствами чисто-раціональныхъ наукъ и въ то же время явно разнородны съ индуктивными, напр., доказательства, употребляемыя при объясненіяхъ природы и предсказаніяхъ ея явленій (сравн. выше, стр. 230). Поэтому укажемъ теперь болѣе естественную классификацію доказательствъ, въ связи съ особенностями устанавливаемыхъ ею классовъ.

Классификаціей, болѣе естественной, чѣмъ раздѣленіе доказательствъ на соединенныя и несоединенныя съ установкой данныхъ опыта, служитъ раздѣленіе всѣхъ доказательствъ на *индуктивныя или индукцію* и *дедуктивныя или дедукцію*, при чемъ *подъ дедукціей или дедуктивными доказательствами подразумѣваются всѣ доказательства, кромѣ индуктивныхъ*. Слѣд., къ дедукціи относятся всѣ доказательства, несоединенныя съ установкой данныхъ опыта, напр. — геометрическія, а также всѣ тѣ изъ соединенныхъ съ ней, которыя однородны съ несоединенными, какъ, напр.,

доказательства, употребляемыя для подтвержденія объясненій природы или предсказаній ея явленій и т. п.

При такомъ раздѣленіи доказательствъ отпадаютъ тѣ недостатки, которыми страдаетъ наша прежняя классификація. Вѣдь теперь разнородныя доказательства, именно—индуктивныя и тѣ изъ неиндуктивныхъ, которыя хотя и соединены съ установкой данныхъ опыта, но вполнѣ однородны съ несоединенными съ ней, помѣщены въ разныхъ классахъ; а въ каждомъ классѣ находятся теперь только такія доказательства, которыя однородны между собой.

2. Разница между индукціей и дедукціей. *Разница между индукціей и дедукціей выходитъ двоякой*, а именно:

1. *Индукція служитъ всегда обобщающимъ доказательствомъ, такъ что если въ доказательствѣ нѣтъ обобщенія, то оно не считается индуктивнымъ.* Вѣдь съ помощью индукціи доказываются законы природы (въ томъ числѣ и законы, высказывающіе причинныя связи), т.-е. одни лишь *общія* сужденія, при чемъ доказательство каждаго изъ нихъ основывается на разсмотрѣніи отдѣльныхъ случаевъ или примѣровъ, *подходящихъ подъ* доказываемое положеніе (подъ доказываемый законъ природы), такъ что послѣднее служитъ обобщеніемъ этихъ случаевъ. Напр., когда мы доказываемъ законъ сосуществованія жвачности съ раздвоенностью копытъ, то тѣ данныя опыта, на которыя мы опираемся при этомъ доказательствѣ, подходятъ подъ доказываемое положеніе, т.-е. подчинены ему, какъ его частные случаи, такъ что здѣсь мы, несомнѣнно, встрѣчаемся съ обобщеніемъ, именно: сказанное въ основаніяхъ нашего доказательства всего лишь про *нѣсколько* жвачныхъ животныхъ въ доказываемомъ положеніи вышло обобщеннымъ, т.-е. распространеннымъ на *всѣ* жвачныя животныя. Что же касается дедукціи, то, въ отличіе отъ индукціи, *дедукція бываетъ то обобщающимъ, то необобщающимъ доказательствомъ:* при ней доказываемое положеніе можетъ и составлять, и не составлять обобщенія доказывающихъ основаній. *Болѣе того: дедукція лишь изрѣдка бываетъ обобщающимъ доказательствомъ.* Для подтвержденія же этихъ словъ проще всего обратиться къ разсмотрѣнію геометрическихъ доказательствъ, какъ чисто-дедуктивныхъ. И что же мы видимъ? Въ геометріи оказывается возможнымъ доказывать такія сужденія, которыя относительно доказывающихъ основаній выходятъ, какъ мы уже видѣли на стр. 121: 1) то менѣе общими, 2) то столь же общими, 3) то болѣе общими. А это значитъ, что геометрическія, т.-е. чисто-дедуктивныя, доказательства бываютъ то обобщающими, то необобщающими. Вмѣстѣ съ тѣмъ легко замѣтить, что въ геометріи лишь изрѣдка встрѣчаются обобщающія доказательства. Ихъ примѣры приведены нами на стр. 122.

2. Если же индукція *всегда* рѣзко отличается отъ дедукціи, а по временамъ послѣдняя тоже бываетъ обобщающимъ доказательствомъ, какъ и первая, то значитъ, между ними есть еще какое-то второе различіе. Оно состоитъ вотъ въ чемъ: *при индукціи наше обобщающее доказательство*

опирается на принципъ единообразія природы или на его частный случай, принципъ причинности (см. выше, стр. 260); *при дедукціи же, если она бываетъ обобщающей, наши обобщенія доказываются независимо отъ этихъ принциповъ.* Такъ, обобщеніе теоремы о суммѣ внутреннихъ угловъ треугольника въ теорему о суммѣ внутреннихъ угловъ каждой прямолинейной фигуры, а также обобщеніе пиѳагоровой теоремы доказываются совершенно независимо отъ принциповъ единообразія природы и принципа причинности: если мы и усомнимся въ каждомъ изъ нихъ, то доказательства этихъ теоремъ, все-таки, сохранятъ всю свою силу (сравн. выше, стр. 122).

Говоря о разницѣ между индукціей и дедукціей, не мѣшаетъ упомянуть объ одной часто встрѣчаемой ошибкѣ въ ея описаніи. Эта ошибка состоитъ въ томъ, что описываютъ разницу между индукціей и дедукціей, какъ разницу въ *процессахъ* мышленія: индукція, говорятъ, образуетъ такой процессъ мышленія, который бываетъ только обобщающимъ и этимъ отличается отъ дедукціи. Но *„процессъ" есть психологическое, а не логическое понятіе, и о немъ не слѣдуетъ говорить, если мы разсматриваемъ доказательства и умозаключенія съ логической точки зрѣнія,* потому что логика разсматриваетъ всѣ умозаключенія и составленныя изъ нихъ доказательства въ *готовомъ* видѣ и поэтому отвлекается отъ тѣхъ процессовъ, съ помощью которыхъ возникаютъ умозаключенія и доказательства. *Изученіе тѣхъ процессовъ мышленія, которые происходятъ при доказательствахъ, составляетъ задачу психологіи, а вовсе не логики.* Слѣд., когда упоминаютъ при описаніи разницы между индукціей и дедукціей о процессахъ мышленія, когда характеризуютъ ту и другую, какъ два разныхъ процесса, то сбиваются съ логической точки зрѣнія на психологическую. А, разумѣется, кромѣ вреда, ничего не можетъ выйти изъ смѣшенія между собой столь разнородныхъ точекъ зрѣнія. И дѣйствительно, оно привело къ возникновенію той страшной путаницы въ употребленіи разными логиками терминовъ „индукція" и „дедукція", съ которой мы встрѣтимся въ §§ 4, 5 и 6 этой главы.

3. Индуктивныя и дедуктивныя науки. Въ зависимости отъ употребляемыхъ доказательствъ *наука, или какая-нибудь ея часть, можетъ быть либо индуктивной,* если она пользуется индуктивными доказательствами, *либо дедуктивной,* если она пользуется дедуктивными доказательствами. Напр., геометрія и вообще математика, раціональныя части физики и т. п. принадлежатъ къ дедуктивнымъ наукамъ, а физика за вычетомъ ея раціональныхъ частей, химія и т. п. къ индуктивнымъ.

И *это раздѣленіе наукъ или ихъ частей далеко не тожественно съ ихъ раздѣленіемъ на раціональныя и эмпирическія, хотя, конечно, каждая раціональная наука окажется дедуктивной, а каждая индуктивная эмпирической.* Вѣдь индуктивными доказательствами называются только доказательства, соединенныя съ установкой данныхъ опыта (см. выше стр. 238), доказательства же раціональныхъ наукъ не соединены съ ней (см. стр. 113 и 120), такъ что индуктивными науками могутъ быть только

эмпирическія. Но такъ какъ дедуктивныя доказательства тоже могутъ быть соединенными съ установкой данныхъ опыта (см. выше, стр. 264), то *дедуктивная наука можетъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и эмпирической, а не раціональной, или наоборотъ—эмпирическая можетъ быть не индуктивной, а дедуктивной.* Напр., такова исторія, пока ея работа ограничивается лишь основанными на источникахъ *доказательствами* правильности рисуемыхъ ею картинъ прошлаго, безъ всякихъ попытокъ путемъ ихъ сопоставленія доказать какіе-либо законы, управляющіе историческими явленіями, т.-е. безъ всякихъ обобщеній. Несомнѣнно, на этой ступени она представляетъ собой дедуктивную науку. Вѣдь нельзя говорить объ индукціи, гдѣ въ доказательствахъ нѣтъ никакихъ обобщеній. А на этой ступени исторіи всѣ положенія, доказываемыя ею, служатъ всего лишь единичными и частными сужденіями; ибо только изъ такихъ сужденій складывается всякое повѣствованіе о прошломъ. Слѣд., на этой ступени исторической работы въ ея доказательствахъ еще не можетъ быть никакихъ обобщеній. Такимъ образомъ, всѣ доказательства исторіи, пока она находится на этой ступени, выходятъ дедуктивными. Но они соединены съ установкой данныхъ опыта, каковыми служатъ показанія очевидцевъ историческихъ событій, различные документы и другіе остатки изучаемой эпохи, такъ что исторія несомнѣнно принадлежитъ къ эмпирическимъ наукамъ.

4. Неодинаковость въ употребленіи разными авторами терминовъ „индукція“ и „дедукція“. Пользуясь научной литературой, необходимо имѣть въ виду, что далеко не всѣ авторы логическихъ сочиненій употребляютъ термины „дедукція“ и „индукція“ въ указанномъ нами смыслѣ. Поэтому изо всѣхъ значеній, придаваемыхъ разными авторами этимъ терминамъ, мы, по правиламъ научной терминологіи, въ правѣ выбрать, какое считаемъ удобнѣйшимъ; мы даже въ правѣ придать имъ новыя значенія, лишь бы послѣднія въ общихъ чертахъ совпадали съ принятыми у другихъ авторовъ. Но мы должны показать, чѣмъ отличаются значенія этихъ терминовъ у другихъ авторовъ отъ нашихъ, и объяснить, почему принятыя нами оказываются самыми удобными.

По употребленію этихъ двухъ терминовъ всѣ авторы могутъ быть раздѣлены, прежде всего, на употребляющихъ ихъ, какъ и у насъ, въ смыслѣ разныхъ классовъ *доказательствъ*, и—на употребляющихъ ихъ въ смыслѣ разныхъ классовъ *умозаключеній*, независимо отъ того, годны ли послѣднія для доказательствъ или нѣтъ. При этомъ встрѣчаются и такіе авторы, которые спутываютъ между собой эти два словоупотребленія. Объ этихъ авторахъ, конечно, можно и не говорить. Что же касается остальныхъ, то мы такъ редактируемъ ихъ взгляды, чтобы никогда не пользоваться встрѣчающимся у этихъ авторовъ выраженіемъ „процессъ мышленія“ (ср. стр. 266).

Всѣ авторы, употребляющіе термины индукція и дедукція, какъ названія разныхъ классовъ доказательствъ, но не въ томъ самомъ смыслѣ, какой мы имъ придали, опредѣляютъ индукцію просто, какъ обобщающія доказательства, т.-е. какъ доказательства, въ которыхъ мы посредствомъ

подчиненныхъ сужденій доказываемъ подчиняющія или, какъ всегда любятъ выражаться эти авторы, посредствомъ частнаго доказываемъ общее; см. стр. 87. А какъ именно доказывается подобное обобщеніе, на какіе принципы опирается обобщающее доказательство, этому они не придаютъ никакого значенія. Такимъ образомъ, всѣ эти авторы *сходны между собой тѣмъ, что условливаются называть индукціей всякое обобщающее доказательство. Разница между ними наблюдается только въ томъ, что̀ именно они условливаются считать отличіемъ дедукціи отъ индукціи.* И съ этой точки зрѣнія они могутъ быть подраздѣлены на три слѣдующихъ группы:

1. *Одни изъ нихъ, хотя и утверждаютъ, что всѣ доказательства распадаются всего лишь на два класса — на индукцію и дедукцію, все-таки, описываютъ послѣднюю, какъ идущую только въ обратномъ направленіи сравнительно съ индукціей,* именно, какъ они выражаются, употребляя слово „частный“ въ двухъ смыслахъ (о чемъ см. стр. 87): не отъ частнаго къ общему, какъ индукція, но отъ общаго къ частному. На нашемъ же языкѣ это значитъ, что при дедукціи мы доказываемъ подчиненныя сужденія посредствомъ подчиняющихъ, а при индукціи подчиняющія — подчиненными. И *такой взглядъ на индукцію и дедукцію оказывается самымъ распространеннымъ среди авторовъ, употребляющихъ эти термины, какъ названія доказательствъ.* Но при немъ не доглядываютъ, что въ классификаціи доказательствъ выходитъ пропускъ; ибо есть доказательства (ср. стр. 121), въ которыхъ доказываемое положеніе оказывается столь же общимъ, какъ и доказывающія основанія (или, какъ многіе любятъ выражаться, — въ которыхъ мы доказываемъ частное частнымъ); и такія доказательства у разсматриваемыхъ авторовъ не должны считаться ни индуктивными, ни дедуктивными, такъ что остаются пропущенными въ классификаціи авторовъ разсматриваемой группы.

2. *Другіе же авторы* изъ числа тѣхъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, замѣтивъ такой пропускъ въ классификаціи доказательствъ, для устраненія этого пробѣла *опредѣляютъ дедукцію просто, какъ необобщающій методъ доказательствъ,* такъ что въ ней, по ихъ словамъ, мы переходимъ либо отъ общаго къ частному, либо отъ частнаго къ частному, а въ индукціи всегда отъ частнаго къ общему. На нашемъ же языкѣ это значитъ, что съ помощью дедукціи мы доказываемъ либо подчиненное подчиняющимъ, либо общее столь же общимъ, а съ помощью индукціи — всегда подчиняющее подчиненнымъ.

3. Наконецъ, *авторы третьей группы* (ихъ очень мало) *раздѣляютъ доказательства не на два, а на три класса: на индукцію,* какъ переходящую отъ частнаго къ общему (т.-е. доказывающую подчиняющее подчиненнымъ), *дедукцію,* какъ идущую въ обратномъ направленіи — отъ общаго къ частному (т.-е. доказывающую подчиненное подчиняющимъ), и *традукцію,* какъ идущую отъ частнаго къ частному (т.-е. доказывающую общее столь же общимъ).

Но и тѣ, и другіе, и третьи не замѣчаютъ, что та цѣль, ради ко-

торой употребляется терминъ, „дедукція“, остается недостигнутой. Эта цѣль состоитъ въ томъ, чтобы взамѣнъ раздѣленія доказательствъ на соединенныя и несоединенныя съ установкой данныхъ опыта установить болѣе естественную классификацію (сравн. выше, стр. 264). *У всѣхъ же разсматриваемыхъ авторовъ классификація доказательствъ выходитъ крайне неестественной.* Въ самомъ дѣлѣ: коль скоро они условливаются называть индукціей *всякое* обобщающее доказательство, то *къ индукціи они должны причислять на-ряду съ бекоповской индукціей также и всѣ геометрическія обобщающія доказательства, хотя они вполнѣ разнородны съ бекоповской индукціей.* Авторы, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, проглядѣли существованіе въ геометріи обобщающихъ доказательствъ: это ясно изъ того, что всѣ они геометрію выставляютъ, какъ примѣръ *чисто*-дедуктивной науки, между тѣмъ какъ въ ней попадаются и обобщающія доказательства (см. стр. 122), такъ что на языкѣ этихъ авторовъ она не должна бы называться *чисто*-дедуктивной.

Что же касается авторовъ, называющихъ индукціей и дедукціей не доказательства, но умозаключенія, разсматриваемыя независимо отъ ихъ годности для доказательствъ, то они подъ индукціей подразумѣваютъ полную и неполную индукцію, а подъ дедукціей либо всѣ силлогизмы, либо одни лишь категорическіе. Но какъ бы ни употребляли они терминъ „дедукція“, *всѣ эти авторы нарушаютъ то правило научной терминологіи, которое запрещаетъ придумывать новые термины для обозначенія понятій, уже имѣющихъ твердо установившіяся общепринятыя названія:* вѣдь силлогизмы уже давно, еще раньше, чѣмъ придумали слово „дедукція“, пріобрѣли свое названіе, которое сдѣлалось общепринятымъ. Поэтому называть ихъ еще дедукціей значитъ дѣлать научный языкъ сбивчивымъ, неяснымъ. *Терминъ „дедукція“ или вовсе ненуженъ для логики, или же долженъ обозначать въ ней одинъ изъ классовъ доказательствъ, но отнюдь не умозаключенія сами по себѣ.*

5. Такъ называемая, математическая индукція. Въ геометріи обобщающія доказательства такъ рѣзко отличаются отъ индукціи, что умышленно ихъ никто не причисляетъ къ ней. Напротивъ, геометрію постоянно выставляютъ, какъ примѣръ *чисто*-дедуктивной науки, даже и тѣ, кто условился подразумѣвать подъ индукціей *всякое* обобщающее доказательство (ср. пред. §). Въ алгебрѣ же употребляется одинъ пріемъ обобщающаго доказательства, который нѣкоторые авторы, какъ математики, такъ и логики, подъ вліяніемъ предвзятой мысли, будто бы къ индукціи относятся *всѣ* обобщающія доказательства, стали называть *математической индукціей.* Но легко убѣдиться, что *этотъ пріемъ вполнѣ разнороденъ со всѣми индуктивными доказательствами, если даже пренебречь тѣмъ, что приемъ обобщеніе доказывается безъ всякой помощи со стороны принциповъ единообразія природы и причинной связи ея явленій.* А это лишній разъ показываетъ, насколько неестественной выходитъ классификація тѣхъ авто-

ровъ, которые условливаются подразумѣвать подъ индукціей всякое обобщающее доказательство.

Очень легкимъ примѣромъ, такъ называемой, математической индукціи служитъ одно изъ возможныхъ доказательствъ теоремы, гласящей, что сумма всякаго числа первыхъ, т.-е. начинающихся съ единицы, нечетныхъ чиселъ равна квадрату взятаго нами числа нечетныхъ чиселъ, напр.: сумма первыхъ пяти нечетныхъ чиселъ равна 5^2, т.-е. 25. Дѣйствительно: $1+3+5+7+9=25$. Это доказательство состоитъ изъ двухъ слѣдующихъ частей [1]):

Въ первой части доказывается, что если наша теорема вѣрна для n первыхъ нечетныхъ чиселъ, то она будетъ вѣрна и для $n+1$ первыхъ нечетныхъ чиселъ. Это доказывается слѣдующимъ образомъ: намъ уже заранѣе, т.-е. изъ прежняго изученія свойствъ чиселъ, извѣстно, что n-ое, начиная съ единицы, нечетное число равно $2n-1$. Напр., четвертое, начиная съ единицы, нечетное число равно $2.4-1=7$. Слѣдовательно, слѣдующее, т.-е. $n+1$-ое нечетное число равно $2(n+1)-1=2n+1$. Если же мы допустимъ, что наша теорема вѣрна для n первыхъ нечетныхъ чиселъ, то ихъ сумма будетъ равна n^2. А тогда сумма $n+1$ первыхъ нечетныхъ чиселъ будетъ равна суммѣ n первыхъ нечетныхъ чиселъ, сложенной съ величиной $n+1$-го нечетнаго числа, т.-е. $=n^2+2n+1$. Но это выраженіе равно $(n+1)^2$. Отсюда ясно, что если наша теорема вѣрна для n первыхъ нечетныхъ чиселъ, то она вѣрна и для $n+1$ первыхъ нечетныхъ чиселъ.

Во второй же части доказательства мы ссылаемся на то, что наша теорема вѣрна для первыхъ двухъ нечетныхъ чиселъ, въ чемъ мы убѣждаемся посредствомъ простого сложенія ихъ другъ съ другомъ; ибо $1+3=4=2^2$. А если такъ, заключаемъ мы здѣсь, то на основаніи вывода, полученнаго въ первой части доказательства, эта теорема будетъ вѣрна и для первыхъ трехъ нечетныхъ чиселъ, а слѣдовательно (все на томъ же основаніи), для четырехъ первыхъ нечетныхъ чиселъ, а слѣдовательно и для пяти, и такъ далѣе—вплоть до любого числа первыхъ нечетныхъ чиселъ.

Какъ видно изъ этого примѣра, *сущность, такъ называемой, математической индукціи сводится къ особому пріему доказывать, что любое число первыхъ членовъ ряда, построеннаго по опредѣленному правилу, будетъ обладать извѣстнымъ свойствомъ* (напр., что ихъ сумма выразится опредѣленной формулой и т. п.), *именно — къ такому пріему, который состоитъ изъ двухъ частей: въ первой изъ нихъ мы доказываемъ, что если такимъ свойствомъ будетъ обладать n первыхъ членовъ даннаго намъ ряда, то этимъ же свойствомъ будетъ обладать и $n+1$ первыхъ чле-*

[1]) Обыкновенно эту теорему доказываютъ гораздо проще, какъ частный случай теоремы о суммѣ любого числа первыхъ членовъ ариѳметической прогрессіи. Но она можетъ быть доказана и при помощи математической индукціи; намъ же нуженъ самый легкій примѣръ употребленія этого пріема, а врядъ ли можно придумать легче взятаго нами.

новъ; а во второй части, опираясь на это доказательство и на то, что такимъ свойствомъ обладаютъ два первыхъ члена (въ чемъ мы убѣждаемся посредствомъ надлежащаго вычисленія), *мы заключаемъ, что этимъ свойствомъ обладаютъ также и три, и четыре первыхъ члена, и такъ далѣе—до любого числа членовъ.*

Отсюда ясно, какъ велика разница между индукціей и этимъ пріемомъ доказательства, даже помимо того, что въ немъ наше обобщеніе нисколько не опирается на принципъ единообразія природы или принципъ причинной связи ея явленій. Въ самомъ дѣлѣ: *въ подлинной индукціи мы никогда не переходимъ отъ разсмотрѣнныхъ нами случаевъ, подходящихъ подъ доказываемое обобщеніе, къ такимъ, которыхъ было бы на одинъ больше, чѣмъ прежде и т. д., но сразу выводимъ, что подмѣченное нами въ разсмотрѣнныхъ случаяхъ окажется вѣрнымъ и для всѣхъ случаевъ того же рода.* Напр.: если мы по методу единственнаго совпаденія разсмотрѣли десять случаевъ погруженія разныхъ тѣлъ въ разныя жидкости, то мы не заключаемъ сперва, что замѣченная нами при этомъ потеря вѣса окажется и въ одиннадцати опредѣленныхъ случаяхъ погруженія тѣла въ жидкость, а слѣдовательно, и въ двѣнадцати и т. д., но прямо переходимъ ко всѣмъ безъ исключенія случаямъ погруженія тѣлъ въ жидкость. Ясно, что математическая индукція только съ перваго взгляда похожа на индуктивныя доказательства, а по существу своему вполнѣ разнородна съ ними. Поэтому ее совершенно напрасно называютъ индукціей: ее необходимо причислять не къ индукціи, а къ дедукціи.

6. Исторія терминовъ „индукція“ и „дедукція“. Какъ же возникло только-что указанное разнообразіе въ употребленіи терминовъ „индукція“ и „дедукція“? Это произошло тѣмъ путемъ, что терминъ „индукція“ употребляется 2000 лѣтъ (онъ введенъ въ употребленіе еще самимъ Аристотелемъ) и за такой долгій промежутокъ времени успѣлъ пріобрѣсть нѣсколько разнообразныхъ значеній, возникшихъ отчасти по винѣ Бекона, отчасти же вслѣдствіе недостаточнаго различенія позднѣйшими авторами логической точки зрѣнія отъ психологической, именно: позволяли себѣ говорить о процессахъ мышленія. *Терминъ же „дедукція“ стали употреблять въ логикѣ въ смыслѣ чего-то отличающагося отъ индукціи только въ XIX столѣтіи, когда уже сложилось разнообразное употребленіе термина „индукція“, такъ что и „дедукція“, по противоположности съ индукціей, сразу получила нѣсколько значеній.* Разъяснимъ все это подробнѣе.

Въ средніе вѣка терминъ „индукція“ обозначалъ исключительно индукцію полную и неполную. Тогда-то и стали употреблять эти два эпитета индукціи: completa et incompleta. Въ XVII вѣкѣ Фр. Беконъ (1561—1626 гг.) понялъ, наконецъ, что первая изъ нихъ, представляя собой простое суммированіе сужденій, не даетъ никакого новаго знанія, вторая же, будучи индукціей per enumerationem simplicem (т.-е. чрезъ простое перечисленіе), нисколько не гарантируетъ ни достовѣрности, ни даже наибольшей вѣроятности своихъ обобщающихъ выводовъ. И Беконъ рекомендовалъ упо-

треблять, взамѣнъ неполной индукціи, такія обобщенія, которыя опирались бы не на случайный перечень подходящихъ подъ нихъ данныхъ опыта, но обязательно на примѣры, подбираемые по строго опредѣленнымъ правиламъ, которыя онъ и изложилъ въ своемъ сочиненіи „Novum organon“ въ духѣ методовъ Милля, но не съ такой точностью и простотой, какъ Милль. Но вмѣсто того, чтобы назвать подмѣченныя имъ обобщающія доказательства какимъ-либо новымъ именемъ, Беконъ назвалъ ихъ индукціей же, такъ что явилось три индукціи: полная, неполная и бекоповская, а слова „дедукція“ все еще не было въ логикѣ, кромѣ какъ въ составѣ выраженія „deductio ad absurdum“.

Первое время послѣ Бекона въ курсахъ логики долго умалчивали о бекоповской индукціи, но потомъ стали упоминать о ней все чаще и чаще, нерѣдко ошибочно разсматривая ее, какъ бы что-то однородное съ неполной индукціей; ибо изучали всѣ три индукціи не съ чисто-логической точки зрѣнія, а сбивались на психологію и хотѣли описать каждую изъ нихъ путемъ характеристики того *процесса* мышленія, который бываетъ при ней. Процессъ же, происходящій при полной индукціи, какъ чисто-суммирующій, конечно, не похожъ на процессы мышленія, происходящіе при неполной и бекоповской индукціи; оба же послѣднихъ были охарактеризованы, какъ обобщающіе, и ничего другого не говорилось про каждый изъ нихъ. А при такихъ условіяхъ оба процесса, конечно, должны были *казаться*, если не одинаковыми, то, по крайней мѣрѣ, однородными, вслѣдствіе чего, въ свою очередь, должны были казаться однородными неполная и бекоповская индукція. И въ связи съ этимъ у однихъ слово „индукція“ стало обозначать умозаключеніе, разсматриваемое независимо отъ его годности для доказательствъ; ибо неполная индукція, образуя умозаключеніе, не можетъ считаться доказательствомъ, а бекоповская индукція считалась *однородной* съ неполной. У другихъ же это слово стало обозначать нѣкоторыя доказательства; ибо бекоповская индукція образуетъ доказательства, а неполная считалась *однородной* съ ней.

Когда же почувствовали надобность въ терминѣ, который служилъ бы для *противопоставленія* индукціи, и стали пользоваться для этой цѣли словомъ „дедукція“, то послѣднее въ силу этого противопоставленія сразу пріобрѣло слѣдующія значенія: во-первыхъ, совокупность *умозаключеній* иного рода, чѣмъ полная и неполная индукція; во-вторыхъ, совокупность *доказательствъ* иного рода, чѣмъ индуктивныя. При этомъ въ виду того, что индукція была охарактеризована психологически, именно—какъ *обобщающій процессъ* мышленія, пришлось, конечно, и дедукцію характеризовать тоже психологически, именно, какъ *процессъ* мышленія, *непохожій* на индукцію. Поэтому одни авторы стали характеризовать дедукцію, какъ процессъ мышленія, *противоположный* индукціи, т.-е. идущій *только* въ противоположномъ направленіи, именно отъ подчиняющаго къ подчиненному—отъ общаго къ частному, какъ говорятъ они на своемъ двойственномъ языкѣ, другіе же какъ процессъ, который, *въ отличіе* отъ индукціи, *никогда не бываетъ*

обобщающимъ, а ведетъ только либо отъ подчиняющаго къ подчиненному (отъ общаго къ частному), либо отъ общаго къ столь же общему (отъ частнаго къ частному). Но и тѣмъ и другимъ пришлось подъ индукціей подразумѣвать *всякія* обобщающія доказательства, какъ бы ни были они разнородны между собой, т.-е. какъ бековскую индукцію, такъ и описанное въ предшествующемъ параграфѣ алгебраическое доказательство. (А геометрическія обобщающія доказательства были всѣми авторами упущены изъ виду). Такимъ-то путемъ и сложилась та разноголосица, даже путаница, въ употребленіи терминовъ „индукція“ и „дедукція“, о которой мы только-что говорили.

Какъ поздно стали употреблять терминъ „дедукція“ съ цѣлью *противопоставить* его индукціи, можно доказать слѣдующими историческими документами: въ словарѣ французской академіи наукъ терминъ „дедукція“ появляется въ первый разъ съ этой цѣлью лишь въ изданіи 1835 г. До той поры, правда, въ философскихъ словаряхъ попадается иногда терминъ „дедукція“, напр., въ нѣмецкомъ философскомъ словарѣ проф. Круга, изданномъ въ 20-хъ годахъ XIX вѣка; но онъ тамъ объясняется отнюдь не какъ терминъ, назначенный для *противопоставленія* чего-либо *индукціи*. Вотъ какъ объяснена дедукція въ словарѣ Круга:

„Дедукція (отъ deductio выведеніе) есть, собственно говоря, выведеніе одного сужденія изъ другого или изъ нѣсколькихъ другихъ. Но такъ какъ при доказательствѣ также выводится что-нибудь изъ другого, и притомъ болѣе достовѣрнаго (или уже окончательно признаннаго), то и доказательства часто называютъ дедукціями. Юристы особенно имѣютъ обыкновеніе называть такъ свои доказательста, а именно: насколько послѣднія касаются поступковъ, они называютъ ихъ deductiones facti, а насколько они относятся къ самому вопросу о правѣ, называютъ ихъ deductiones juris.—Философы, особенно принадлежащіе къ критической школѣ, точно также имѣютъ обыкновеніе называть свои доказательства, отправляющіяся отъ основной законосообразности человѣческаго духа, дедукціей, именно—трансцендентальной дедукціей. Но философы не единогласны въ употребленіи этого термина, такъ какъ многіе изъ нихъ называютъ каждое философское доказательство дедукціей, а математическое—демонстраціей. Deductiones ad absurdum называются апагогическія доказательства“.

Какъ видимъ, здѣсь, т.-е. въ двадцатыхъ годахъ XIX вѣка, еще нѣтъ ни малѣйшаго намѣренія пользоваться терминомъ „дедукція“ для противопоставленія индукціи. Онъ если и употребляется въ наукѣ, то не какъ названіе такого класса доказательствъ, который охватывалъ бы собой доказательства *разныхъ* наукъ, но—какъ названіе доказательствъ, употребляемыхъ, лишь нѣкоторыми опредѣленными науками, такъ что и мѣсто ему должно бы быть не въ общей логикѣ, а въ методологіяхъ отдѣльныхъ наукъ (ср. стр. 114 и слѣд.).

Въ заключеніе обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство: судьба терминовъ „индукція“ и „дедукція“ служитъ наглядньмъ подтвержде-

ніемъ того вреда, который причиняетъ логикѣ всякій психологизмъ. Пока мы разсматриваемъ всѣ доказательства и умозаключенія съ чисто-логической точки зрѣнія, отвлекаясь отъ разсмотрѣнія происходящихъ при нихъ процессовъ мышленія, разница между бекоповской и неполной индукціей, а также между научной индукціей и дедукціей выходитъ вполнѣ ясной и удобопонятной. Но какъ только мы начнемъ характеризовать индукцію при помощи указанія процессовъ мышленія, т.-е. *психологически*, то все становится сбивчивымъ и настолько произвольнымъ, что приходится причислять къ индукціи даже нѣкоторыя геометрическія доказательства.

ГЛАВА XIV.

Раздѣленіе понятія и опредѣленіе понятія, какъ вспомогательныя средства при доказательствахъ.

---

1. Раздѣленіе понятія, его основныя правила и встрѣчающіяся въ немъ ошибки. Мы уже говорили, что въ видѣ дополненія къ ученію о доказательствахъ въ составъ логики должно входить еще ученіе о раздѣленіи понятія на части и объ опредѣленіяхъ, такъ какъ раздѣленіе понятія нерѣдко употребляется, какъ составная часть доказательства (см. выше, стр. 124), опредѣленія же часто служатъ основаніями доказательствъ (см. выше, стр. 127).

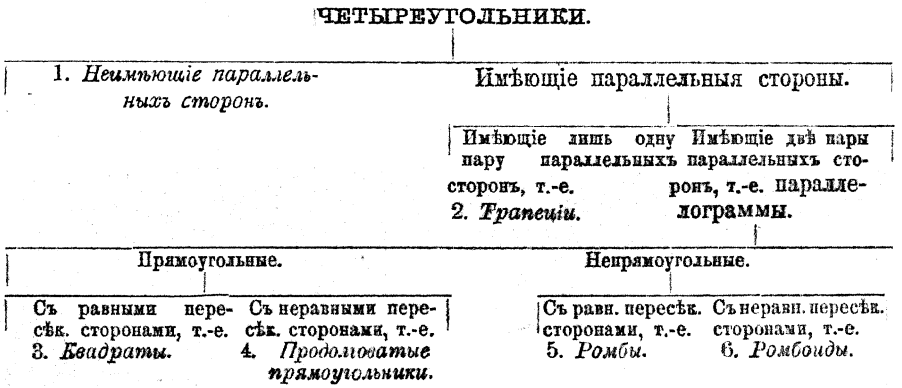
Раздѣленіе всего объема даннаго понятія на части въ соединеніи съ указаніемъ отличій каждой изъ нихъ отъ всѣхъ остальныхъ называется для краткости дѣленіемъ или раздѣленіемъ (divisio) *понятія* (прямо), а *не объема* понятія. Напр., возьмемъ указанное на 124 стр. раздѣленіе *объема* понятія вписаннаго угла на три слѣдующихъ части: a) такіе вписанные углы, у коихъ центръ круга, въ который вписанъ уголъ, находится внѣ угла, b) углы, у коихъ центръ круга находится внутри угла, и c) углы, у которыхъ центръ круга находится на одной изъ сторонъ угла. Это раздѣленіе или дѣленіе *объема* понятія вписаннаго угла для краткости называется раздѣленіемъ или дѣленіемъ *понятія* вписаннаго угла. Точно также вмѣсто „дѣленіе *объема* понятія четыреугольника“ для краткости говорятъ: „дѣленіе *понятія* четыреугольника“. Мало того: для краткости часто говорятъ даже прямо о дѣленіи *предметовъ*, подходящихъ подъ данное понятіе; напр., говорятъ „дѣленіе четыреугольниковъ“, „дѣленіе вписанныхъ угловъ“ и т. п.

Замѣтимъ при этомъ, что дѣленіе или раздѣленіе *понятія* нерѣдко называютъ *логическимъ* дѣленіемъ, чтобы отличить его отъ всякаго другого дѣленія или раздѣленія, напр.—отъ раздѣленія человѣческаго тѣла на го-

лову, туловище и конечности. И всякое другое дѣленіе называютъ нелогическимъ. Дальше мы, конечно, будемъ говорить только о логическомъ дѣленіи, т.-е. о дѣленіи *понятія*.

То понятіе, объемъ котораго дѣлится на части, называется для краткости *дѣлимымъ понятіемъ*; а тѣ части объема, на которыя раздѣляется послѣдній, называются *членами дѣленія*. Такъ, при раздѣленіи четыреугольниковъ на имѣющіе параллельныя стороны и неимѣющіе параллельныхъ сторонъ тѣ и другіе называются членами дѣленія, а понятіе четыреугольника—дѣлимымъ понятіемъ.

Раздѣленіе же какого-либо члена дѣленія на его части называется *подраздѣленіемъ* этого члена. Такъ, въ таблицѣ, изображающей раздѣленіе четыреугольниковъ (см. ее ниже на этой стр.), послѣ каждаго дѣленія одинъ изъ полученныхъ членовъ *подраздѣленъ* еще на два. Такое дѣленіе, въ составъ котораго входитъ подраздѣленіе хоть нѣкоторыхъ членовъ, при чемъ хоть нѣкоторые изъ нихъ подраздѣляются еще дальше, называется *послѣдовательнымъ дѣленіемъ;* и на слѣдующей таблицѣ изображено *послѣдовательное* дѣленіе четыреугольниковъ.



Наконецъ, не мѣшаетъ еще замѣтить, что дѣленіе по числу полученныхъ членовъ иногда называютъ *дихотомнымъ*, *трихотомнымъ* и *политомнымъ*, т.-е. двучленнымъ, трехчленнымъ и многочленнымъ; а само исполненіе дѣленія на то или другое число членовъ называется *дихотоміей* (взамѣнъ дѣленія на два члена или двучленнаго дѣленія), *трихотоміей* и *политоміей*. Но легко обойтись безъ этихъ иностранныхъ названій.

Такъ какъ при дѣленіи указывается, чѣмъ отличаются другъ отъ друга члены дѣленія, то ясно, что относительно каждаго изъ нихъ у насъ во время дѣленія составляется новое понятіе, объемомъ котораго служитъ часть объема дѣлимаго, слѣд.: *членами каждаго дѣленія всегда служатъ понятія, подчиненныя дѣлимому понятію.* Напр., если мы раздѣлимъ углы на прямые, острые и тупые, то у насъ чрезъ это составятся три по-

нятія, подчиненныхъ понятію угла: понятія — прямого, тупого и остраго угла. Они же и образуютъ собой члены полученнаго дѣленія.

Разумѣется, каждое дѣленіе будетъ полезно для науки только въ томъ случаѣ, если оно произведено не какъ попало, но удовлетворяетъ нѣкоторымъ требованіямъ или правиламъ, вытекающимъ изъ самой задачи дѣленія. А задача всякаго дѣленія тройкая, именно: раздѣлить *весь* объемъ дѣлимаго понятія на *разныя* части, указавъ вмѣстѣ съ тѣмъ *отличія* каждой изъ нихъ отъ всѣхъ остальныхъ.

Поэтому *есть три правила, которымъ должно удовлетворять всякое дѣленіе*, чтобы оно выходило полезнымъ для науки. Это слѣдующія правила:

1. *Дѣленіе должно быть полнымъ*, т.-е. сумма объемовъ понятій, полученныхъ при дѣленіи, должна равняться объему дѣлимаго понятія. (Часто это правило высказывается и такими словами: сумма членовъ дѣленія должна равняться дѣлимому понятію). Вѣдь дѣленіе для того и производится, чтобы безъ всякихъ пропусковъ пересмотрѣть порознь всѣ тѣ части, на которыя можно раздѣлить дѣлимое понятіе (сравн. выше, стр. 124). Напр., нельзя говорить, что углы раздѣляются на острые и тупые; ибо, кромѣ тѣхъ и другихъ, существуютъ еще и прямые углы.

2. *Объемы полученныхъ членовъ дѣленія должны ни въ чемъ не совпадать другъ съ другомъ, такъ что членами дѣленія должны быть понятія, соподчиненныя дѣлимому понятію.* Напр., тупые, острые и прямые углы соподчинены понятію угла. (Нерѣдко это правило высказываютъ такъ: члены дѣленія должны исключать другъ друга). Необходимость этого правила ясна изъ того, что задача дѣленія — указать *различныя* части объема дѣлимаго понятія, а вовсе не совпадающія другъ съ другомъ. Поэтому, напр., нельзя говорить, будто бы люди раздѣляются на европейцевъ, неевропейцевъ и бѣлокожихъ: вѣдь бѣлокожіе не составляютъ иной части людей, чѣмъ европейцы и неевропейцы.

3. Третье правило полезнаго для науки дѣленія состоитъ въ томъ, что *отличія членовъ дѣленія другъ отъ друга должны быть такъ указаны, чтобы всѣ понимали эти отличія одинаковымъ образомъ.* Въ противномъ случаѣ дѣленіе сдѣлается сбивчивымъ, т.-е. неяснымъ, и не принесетъ никакой пользы для науки. Напр.: если дѣлить углы на большіе и маленькіе, то это—неясное или сбивчивое дѣленіе, потому что всякій будетъ по-своему понимать, да и сами-то мы часто неодинаково станемъ понимать, гдѣ проходитъ граница между большими и маленькими. Иное дѣло—дѣленіе угловъ на прямые и непрямые: здѣсь разница между членами дѣленія строго опредѣленная и не допускаетъ никакой сбивчивости въ ея пониманіи.

Сообразно съ этими *тремя* правилами, *ошибки въ дѣленіи могутъ быть трехъ* видовъ, при чемъ каждый изъ этихъ трехъ возможныхъ видовъ встрѣчается и на дѣлѣ, именно:

а) Одна изъ ошибокъ состоитъ въ пропускѣ какого-либо члена дѣленія и носитъ названіе *„неполнаго дѣленія“*. Напр., въ раздѣленіи угловъ на острые и тупые пропущены прямые, такъ что это неполное дѣленіе.

b) Другая ошибка состоитъ въ томъ, что въ дѣленіи встрѣчаются и такіе члены, объемы которыхъ совпадаютъ другъ съ другомъ, хотя бы и не вполнѣ, а лишь своими частями. Эту ошибку называютъ *„дѣленіемъ съ совпадающими членами“*. Таково раздѣленіе людей на европейцевъ, неевропейцевъ и бѣлокожихъ.

c) Третья ошибка называется *„сбивчивымъ или неяснымъ дѣленіемъ“* и состоитъ она въ указаніи такой разницы между членами дѣленія, которую каждый можетъ понять по-своему. Напр., такой ошибкой страдаетъ раздѣленіе угловъ на большіе и маленькіе.

2. Пріемъ дѣленія, наиболѣе застраховывающій отъ ошибокъ. Возможность правильно раздѣлить понятіе разными способами. Основаніе дѣленія. Какъ же надо поступать при дѣленіи, чтобы послѣднее было застраховано отъ всякихъ ошибокъ? Существуетъ только одинъ пріемъ, который навѣрное, даже безъ всякихъ заботъ съ нашей стороны, застрахуетъ насъ отъ двухъ ошибокъ: отъ всякаго пропуска и отъ совпадающихъ членовъ; но ясность дѣленія даже и здѣсь все-таки еще потребуетъ особой заботы о ней. Это—*дѣленіе, основанное на присутствіи и отсутствіи одного и того же признака.* Таково, напр., раздѣленіе четыреугольниковъ, основанное на томъ, что одни изъ нихъ обладаютъ, а другіе не обладаютъ параллельными сторонами. Замѣтимъ, что *при употребленіи разсматриваемаго пріема тотъ признакъ, присутствіемъ и отсутствіемъ котораго отличаются другъ отъ друга члены дѣленія*, какъ, напр.,—обладаніе параллельными сторонами, называется *основаніемъ дѣленія* (fundamentum sive principium divisionis).

Очевидно, при такомъ дѣленіи никогда не будетъ ни пропуска, ни совпаденія членовъ дѣленія. Слѣд., изъ всѣхъ ошибокъ здѣсь возможна только неясность дѣленія, какъ, напр., при раздѣленіи книгъ на интересныя и неинтересныя. И возникнетъ она, конечно, въ томъ случаѣ, если мы за основаніе дѣленія примемъ неясный или неопредѣленный признакъ, въ родѣ—интересности, т.-е. такой признакъ, который каждый можетъ понимать по-своему.

Такимъ образомъ разсматриваемый пріемъ возлагаетъ на насъ только одну, и сравнительно нетрудную, заботу, именно: *за основаніе дѣленія надо брать признакъ, столь ясный и опредѣленный, чтобы всѣ одинаково понимали его.* При употребленіи же всякаго другого пріема дѣленія намъ, кромѣ ясности дѣленія, приходится заботиться еще и объ его полнотѣ и о несовпаденіи членовъ дѣленія между собой. Слѣд., разсматриваемый пріемъ оказывается наипростѣйшимъ. Поэтому ему надо отдавать предпочтеніе предъ другими пріемами всюду, гдѣ только возможно.

При этомъ не слѣдуетъ думать, будто бы его польза для науки крайне ограничена тѣмъ обстоятельствомъ, что при немъ получается только двухчленное дѣленіе. Вѣдь путемъ послѣдовательнаго дѣленія, осуществляемаго посредствомъ подраздѣленія съ помощью этого же самаго пріема возникающихъ передъ нами членовъ дѣленія, можно раздѣлить данное понятіе

на сколько угодно членовъ. Такимъ именно путемъ въ таблицѣ, приведенной на стр. 275, понятіе четыреугольника въ концѣ концовъ оказывается раздѣленнымъ на шесть подчиненныхъ ему видовъ, именно: 1—четыреугольники, вовсе неимѣющіе параллельныхъ сторонъ, 2—трапеціи, 3—квадраты, 4—продолговатые прямоугольники, 5—ромбы и 6—ромбоиды.

Но почему въ разсматриваемомъ пріемѣ дѣленіе производится на основаніи присутствія и отсутствія одного и того же признака, а не на основаніи нѣсколькихъ признаковъ? Другими словами: *почему здѣсь за основаніе дѣленія надо брать только одинъ признакъ, а не нѣсколько признаковъ сразу?* Это — потому, что если мы примемъ за основаніе дѣленія хотя бы всего только два признака, то даже и въ томъ случаѣ, когда они будутъ вполнѣ ясными и опредѣленными, дѣленіе все-таки можетъ выйти ошибочнымъ. Такъ, напр., дѣло стоитъ при раздѣленіи четыреугольниковъ на имѣющіе параллельныя стороны, неимѣющіе ихъ, имѣющіе прямые углы и неимѣющіе ни одного такого угла. Здѣсь за основаніе дѣленія приняты два вполнѣ ясныхъ и вполнѣ опредѣленныхъ признака: обладаніе параллельными сторонами и обладаніе прямыми углами. Дѣленіе же, все-таки, вышло ошибочнымъ. Вѣдь здѣсь члены дѣленія не образуютъ соподчиненныхъ понятій (не исключаютъ другъ друга). Напр., къ четыреугольникамъ, имѣющимъ параллельныя стороны, принадлежатъ, между прочими, и всѣ прямоугольники: но они принадлежатъ также и къ третьему члену полученнаго дѣленія, къ четыреугольникамъ, имѣющимъ прямые углы. Если же при употребленіи разсматриваемаго пріема за основаніе дѣленія брать только одинъ вполнѣ ясный признакъ, то уже невозможны никакія ошибки въ дѣленіи.

Однако не надо думать, будто бы дѣленіе, произведенное съ помощью какого-либо другого пріема, чѣмъ основанное на присутствіи и отсутствіи того же самаго признака, непремѣнно выйдетъ ошибочнымъ. Оно не будетъ такъ хорошо застраховано отъ ошибокъ, какъ при разсмотрѣнномъ пріемѣ, но все-таки можетъ выйти безошибочнымъ. Дѣло въ томъ, что *каждое понятіе можно правильно раздѣлить многими различными способами.* Напр., вписанные въ кругъ углы можно вполнѣ правильно раздѣлить на опирающіеся своими концами на діаметръ и на неопирающіеся на него, т.-е. на основаніи присутствія и отсутствія одного и того же признака. Но эти же самые углы вполнѣ правильно дѣлятся по видоизмѣненію положенія сторонъ вписаннаго угла относительно центра круга, въ который онъ вписанъ, именно: на a) углы, у которыхъ центръ круга находится внутри угла; b) углы, у которыхъ центръ круга находится внѣ угла, и c) углы, у которыхъ центръ круга находится на одной изъ ихъ сторонъ.

И замѣтимъ кстати, что *то общее всѣмъ раздѣляемымъ предметамъ свойство, на основаніи видоизмѣненій котораго мы дѣлимъ эти предметы* (въ данномъ примѣрѣ положеніе сторонъ вписаннаго угла относительно центра круга), *тоже называется основаніемъ дѣленія*, какъ и признакъ, на основаніи присутствія и отсутствія котораго производится дѣленіе въ прежде разсмотрѣнномъ пріемѣ.

Такимъ образомъ, *при употребленіи раздѣлительныхъ доказательствъ и раздѣлительныхъ силлогизмовъ мы въ правѣ пользоваться дѣленіемъ, произведеннымъ съ помощью любого пріема, лишь бы оно вышло безошибочнымъ*, т.-е. лишь бы въ немъ были строго соблюдены всѣ три правила, указанныхъ нами на стр. 276.

3. Классификація въ ея отношеніяхъ къ дѣленію. Естественныя и искусственныя классификаціи. Въ заключеніе упомянемъ, что̀ такое классификація и въ какомъ отношеніи она находится къ дѣленію понятія. *Классификаціей называется такое распредѣленіе предметовъ, подчиненныхъ одному и тому же понятію* (напр., понятію животнаго, или понятію растенія и т. д.), *на группы, иначе—классы, чтобы въ одной и той же группѣ находились только предметы, сходные между собой съ извѣстной точки зрѣнія, а предметы, съ этой точки зрѣнія несходные, помѣщались въ разныхъ группахъ.* Напр., всѣ позвоночныя животныя раздѣляются на такіе классы: млекопитающія, птицы, рыбы, гады. При этомъ каждый изъ полученныхъ классовъ можетъ быть подраздѣленъ еще дальше и т. д. Такимъ образомъ, при классификаціи получаются точно такіе же результаты, какъ и при дѣленіи понятія. Слѣд., классификація и дѣленіе понятія по существу дѣла однородны между собой. Въ чемъ же ихъ разница?

Классификація есть особый или частный случай дѣленія, такъ что каждая классификація образуетъ дѣленіе, хотя дѣленіе не всегда называется классификаціей, а только въ нѣкоторыхъ особыхъ случаяхъ, именно: *слово „классификація“ примѣняется только къ дѣленію предметовъ, которые навѣрное существуютъ, и на такія группы, понятія которыхъ навѣрное осуществляются, а не только мыслятся нами.* Такъ, не называется классификаціей ни a) дѣленіе такого понятія, про которое еще неизвѣстно, осуществляется ли оно гдѣ-нибудь въ опытѣ, напр., дѣленіе вписаннаго въ кругъ угла, ни b) такое дѣленіе, что хотя само-то дѣлимое понятіе и осуществляется въ опытѣ, но дѣлится на виды, про которые еще неизвѣстно, всѣ ли они существуютъ въ опытѣ. Напр., дѣленіе сухопутныхъ млекопитающихъ на а) неимѣющихъ ни рукъ, ни ногъ, б) имѣющихъ только ноги, в) имѣющихъ только руки, г) имѣющихъ и руки, и ноги, не называется классификаціей; ибо хотя понятіе сухопутнаго млекопитающаго и осуществляется въ опытѣ, но здѣсь оно раздѣлено на такія части, что одна изъ нихъ (неимѣющія ни рукъ, ни ногъ) не осуществляется въ опытѣ. Раздѣленіе же позвоночныхъ животныхъ на млекопитающихъ, птицъ, рыбъ и гадовъ называется классификаціей.

Если же классификація составляетъ частный случай дѣленія, то, конечно, чтобы быть полезной для науки, она должна подчиняться тѣмъ же правиламъ, какъ и всякое дѣленіе, т.-е. въ ней не должно быть ни пропусковъ, ни совпадающихъ членовъ (или классовъ), и разница между ея членами (или классами) должна быть такой, чтобы ее всѣ одинаково понимали. Но классификація, составляя особый видъ дѣленія, можетъ преслѣдовать еще и какія-либо особыя цѣли на-ряду съ тѣми, для достиженія

которыхъ назначено всякое дѣленіе; а тогда *классификація, кромѣ общихъ правилъ дѣленія, должна подчиняться еще нѣкоторымъ особымъ требованіямъ или правиламъ, вытекающимъ изъ тѣхъ особыхъ цѣлей, для достиженія которыхъ назначена данная классификація.*

Наконецъ, упомянемъ, что всѣ классификаціи принято раздѣлять на естественныя и искусственныя. Естественной называется та классификація, въ которой помѣщеніе данныхъ предметовъ въ одинъ и тотъ же классъ или въ разные классы какъ бы требуется ихъ собственной природой, ихъ естествомъ; въ искусственной же мы пренебрегаемъ этими требованіями природы классифицируемыхъ предметовъ, а вмѣсто нихъ имѣемъ въ виду требованія удобства нашихъ изслѣдованій. Напр., раздѣленіе исторіи на такъ называемые періоды образуетъ естественную классификацію историческихъ явленій. Дѣленіе же исторіи на части, проходимыя въ первый, второй и т. д. годъ или мѣсяцъ преподаванія, составляетъ искусственную классификацію историческихъ событій. Дѣленіе учащихся на успѣвающихъ и неуспѣвающихъ составляетъ естественную классификацію съ точки зрѣнія педагога, а дѣленіе ихъ по алфавиту—классификацію искусственную. Раздѣленіе доказательствъ на индуктивныя и дедуктивныя образуетъ естественную классификацію, а ихъ раздѣленіе на соединенныя и несоединенныя съ установкой данныхъ опыта составляетъ искусственную классификацію.

Разумѣется, *каждая искусственная классификація можетъ оказаться самой полезной для какой-либо опредѣленной цѣли.* А ужъ во всякомъ случаѣ *каждая искусственная классификація лучше естественной застраховываетъ насъ отъ пропусковъ при разсмотрѣніи классифицируемыхъ въ ней предметовъ*, потому что отъ насъ же самихъ зависитъ выбрать такое основаніе ихъ дѣленія, чтобы навѣрное не вышло никакихъ пропусковъ. *За то естественная классификація облегчаетъ запоминаніе всѣхъ важнѣйшихъ сходствъ и различій между изучаемыми предметами.* По всему этому иногда въ наукѣ бываетъ полезно начать изученіе извѣстной группы предметовъ, напр., растеній, и переходить отъ одного изъ нихъ къ другому съ помощью искусственной классификаціи, а послѣ того, какъ уже выяснятся ихъ важнѣйшія сходства и различія, установить естественную классификацію этихъ предметовъ. Такъ точно поступили и мы съ доказательствами въ нашемъ изложеніи логики. Мы изучали ихъ, раздѣливъ ихъ сперва на два класса: на доказательства, несоединенныя и соединенныя съ установкой данныхъ опыта, а послѣ того, какъ мы изучили тѣ и другія, мы указали для нихъ болѣе естественную классификацію, раздѣляющую ихъ на индуктивныя и дедуктивныя.

4. Реальныя и номинальныя опредѣленія. *Опредѣленіемъ понятія (definitio) называется полное указаніе признаковъ, образующихъ содержаніе этого понятія.* Понятіе, для котораго дѣлается такое указаніе, называется „*опредѣляемымъ понятіемъ*“. Но вмѣсто выраженій „опредѣленіе *понятія*“ и „опредѣляемое *понятіе*“ часто говорятъ „опредѣленіе *термина*“ и „опредѣляемый *терминъ*“, при чемъ имѣется въ виду тер-

минъ, обозначающій опредѣляемое понятіе (ср. стр. 70). Вмѣстѣ съ тѣмъ взамѣнъ всѣхъ этихъ выраженій часто употребляютъ и такія: „опредѣленіе *предмета* или *предметовъ*“, „опредѣляемый *предметъ*“, при чемъ, конечно, имѣются въ виду предметы, подходящіе подъ опредѣляемое понятіе. Напр., взамѣнъ „опредѣленіе понятія квадрата“ часто говорятъ „опредѣленіе термина квадратъ“ или—„опредѣленіе квадратовъ“ и т. п.

Говоря объ опредѣленіи, необходимо отличать условный, принятый логикой смыслъ слова „опредѣленіе“ отъ разныхъ обывательскихъ значеній, приписываемыхъ этому слову; ибо вслѣдствіе смѣшенія его обывательскихъ значеній съ научными возникаетъ не мало недоразумѣній по поводу опредѣленій. Такъ, напр., иногда говорятъ: „никакъ нельзя дать полное, исчерпывающее опредѣленіе какого бы то ни было предмета, потому что у него безконечно много признаковъ: чѣмъ больше его изучаешь, тѣмъ больше новыхъ признаковъ узнаёшь въ немъ“. Но это недоумѣніе сводится къ смѣшенію научнаго смысла слова „опредѣленіе“ съ обывательскимъ, когда подъ нимъ подразумѣвается и описаніе, и характеристика и т. п. При опредѣленіи въ научномъ смыслѣ этого слова приходится указывать отнюдь не всѣ признаки даннаго предмета, но только *существенные* признаки, другими словами — только такіе признаки, которые необходимы и достаточны, чтобы отличить данный предметъ или классъ предметовъ отъ всѣхъ существующихъ предметовъ. А такихъ признаковъ всегда бываетъ немного: въ противномъ случаѣ рѣдко кто умѣлъ бы узнавать, находится ли передъ нимъ квадратъ или треугольникъ, человѣкъ или собака и т. п. (сравн. выше, стр. 56).

Если опредѣленіе сводится къ полному указанію признаковъ, образующихъ содержаніе опредѣляемаго понятія, то, разумѣется, каждое опредѣленіе должно представлять собой сложное сужденіе, въ которомъ одна часть состоитъ изъ опредѣляемаго понятія, а другая—изъ такого соединенія нѣсколькихъ понятій, чтобы въ каждомъ изъ нихъ отдѣльно мыслился какой-либо признакъ опредѣляемаго понятія, а чтобы во всѣхъ нихъ вмѣстѣ мыслилось сполна его содержаніе. Напр., возьмемъ опредѣленіе квадрата: „квадратъ есть четыреугольникъ, имѣющій прямые углы и равныя стороны“. Это сложное сужденіе, состоящее изъ соединенія трехъ слѣдующихъ: 1) „квадратъ есть четыреугольникъ“; 2) „квадратъ обладаетъ прямыми углами“; 3) „квадратъ обладаетъ равными сторонами“. И въ этомъ сложномъ сужденіи мы встрѣчаемъ, кромѣ опредѣляемаго понятія, еще три такихъ понятія, что въ каждомъ изъ нихъ отдѣльно мыслится одинъ изъ признаковъ понятія квадрата, а во всѣхъ нихъ, взятыхъ вмѣстѣ, мыслится сполна все содержаніе этого понятія: это — четыреугольность, прямоугольность и равенство сторонъ.

Предложенія, высказывающія собой только-что описанныя сложныя сужденія, т.-е. высказывающія опредѣленія, тоже называются опредѣленіями. И они такъ составляются, чтобы отвѣчать на вопросъ: „что такое то-то“, или же на вопросъ: „что называется тѣмъ-то“.

Кромѣ того, опредѣленіями называются также и указанія (конечно,

высказанныя въ видѣ предложеній), при помощи которыхъ мы въ состояніи добиться всего лишь правильнаго употребленія термина, обозначающаго опредѣляемое понятіе, но еще не можемъ дать полнаго отчета въ самомъ содержаніи этого понятія. Но такія опредѣленія называютъ *номинальными* (отъ латинскаго слова nomen, что значитъ имя), или же *вербальными* (отъ латинскаго verbum—слово), а по-русски *словесными*. Опредѣленія же, которыя даютъ отчетъ въ содержаніи понятія, т.-е. сполна указываютъ признаки, образующіе его содержаніе, для отличія отъ номинальныхъ, или словесныхъ, называются *реальными* (отъ латинскаго слова res — вещь или предметъ).

Разумѣется, *каждое реальное опредѣленіе будетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и номинальнымъ*; ибо коль скоро мы узнали самое содержаніе понятія, то уже не будемъ ошибаться въ употребленіи термина, обозначающаго это понятіе. Напр., вышеуказанное опредѣленіе квадрата составляетъ реальное опредѣленіе, потому что сполна указываетъ содержаніе этого понятія; но оно же служитъ и номинальнымъ опредѣленіемъ квадрата, потому что съ его помощью мы легко разберемъ, умѣстно или неумѣстно употребить терминъ „квадратъ“. *Обратнаго же можетъ и не быть, т.-е. узнавъ, въ чемъ состоитъ правильное употребленіе даннаго термина, мы, все-таки, можемъ еще не знать содержанія понятія, обозначаемаго этимъ терминомъ.* Оттого-то и существуютъ еще номинальныя опредѣленія, кромѣ реальныхъ. Напр., у насъ получится чисто-номинальное, или чисто-словесное, опредѣленіе понятія душевныхъ явленій, если намъ скажутъ, что „подъ ними подразумѣваются ощущенія, воспоминанія, хотѣнія, чувства и всѣ явленія, однородныя съ перечисленными, для отличія отъ такихъ, какъ дыханіе, пищевареніе, кровообращеніе, покой, паденіе, движеніе и другихъ, однородныхъ съ ними, которыя называются матеріальными“. Вѣдь послѣ этого мы уже будемъ правильно примѣнять терминъ „душевныя явленія“, хотя мы вовсе еще не узнали содержанія понятія, обозначаемаго этимъ терминомъ, а познакомились только, самое большее, *съ объемомъ* опредѣляемаго понятія. Содержаніе же его еще надо выяснить путемъ изученія душевныхъ явленій. Точно также получится номинальное опредѣленіе силлогизмовъ, если сказать, что „этимъ словомъ называются тѣ умозаключенія, которыя получатся въ остаткѣ, если изъ всѣхъ существующихъ умозаключеній вычесть непосредственныя, кажущіяся, неполную индукцію и заключенія по аналогіи“. Вѣдь съ помощью этого опредѣленія мы уже будемъ знать, какое умозаключеніе надо, а какого не слѣдуетъ называть силлогизмомъ. Но если у насъ еще нѣтъ въ рукахъ того реальнаго опредѣленія силлогизмовъ, которое указано на стр. 152, то не будетъ ни малѣйшаго знанія о содержаніи понятія силлогизма. Самое большее, что намъ станетъ извѣстнымъ, это только его объемъ, а содержаніе еще надо будетъ выяснить путемъ разсмотрѣнія силлогизмовъ.

Въ старинныхъ учебникахъ логики часто встрѣчалось, а иногда еще встрѣчается и теперь, но все рѣже и рѣже, совсѣмъ иное объясненіе раз-

ницы между реальными и номинальными опредѣленіями, именно—слѣдующее: номинальныя опредѣленія указываютъ только, что̀ слѣдуетъ подразумѣвать подъ извѣстнымъ терминомъ, *независимо отъ того, существуетъ ли въ дѣйствительности обозначаемый имъ предметъ*. Напр., таково опредѣленіе—„Пегасъ есть крылатый конь“. *Реальное же опредѣленіе содержитъ указаніе на дѣйствительное существованіе опредѣляемаго предмета*. Таково, напр., опредѣленіе Бога, какъ наисовершеннѣйшаго существа. Но такое раздѣленіе опредѣленій надо считать ложнымъ, какъ основанное на такомъ свойствѣ, котораго нѣтъ ни въ одномъ опредѣленіи. Вѣдь ни въ одномъ понятіи никогда не подразумѣвается (т.-е. не образуетъ признака, входящаго въ составъ содержанія даннаго понятія) существованіе предмета, подходящаго подъ это понятіе (сравн. стр. 93). Поэтому *нѣтъ и не можетъ быть ни одного такого опредѣленія, въ которомъ заключалось бы указаніе на дѣйствительное существованіе опредѣляемаго предмета*. Слѣд., если держаться старинной точки зрѣнія на реальныя опредѣленія, то нельзя говорить, что опредѣленія *раздѣляются* на реальныя и номинальныя; ибо съ этой точки зрѣнія реальныхъ опредѣленій на дѣлѣ вовсе нѣтъ, а всѣ до одного оказываются номинальными (въ старинномъ смыслѣ этого слова).

Роль номинальныхъ и реальныхъ опредѣленій при расширеніи знанія не одинакова. Номинальныя опредѣленія, не говоря ничего о содержаніи понятія, не могутъ служить основаніями для какихъ-либо доказательствъ относительно этого понятія, и они *годны только для того, чтобы очертить кругъ или объемъ научнаго изслѣдованія*. Для этого они потому годны, что, какъ мы сейчасъ видѣли, они болѣе или менѣе знакомятъ насъ съ объемомъ опредѣляемаго понятія. Напр., приведенное сейчасъ опредѣленіе душевныхъ явленій годно только для того, чтобы очертить кругъ или объемъ психологическихъ изслѣдованій, чтобы постоянно напоминать о тѣхъ предметахъ, которые психологія должна разсмотрѣть всѣ до одного. Только для подобной цѣли было бы годно и сейчасъ указанное номинальное опредѣленіе силлогизмовъ: оно напоминало бы, о чемъ надо говорить въ ученіи о силлогизмахъ, и такимъ образомъ указывало бы кругъ или объемъ этого ученія. Если же номинальныя опредѣленія годятся, чтобы очертить объемъ или кругъ изученія какихъ-либо предметовъ, то понятно, что изложеніе науки или ея части часто начинаютъ съ чисто-номинальнаго опредѣленія изучаемыхъ ею предметовъ. Напр., физику обыкновенно начинаютъ съ такого (чисто-номинальнаго) опредѣленія физическихъ явленій: „это такія явленія, при которыхъ не измѣняется составъ тѣхъ тѣлъ, въ какихъ они происходятъ, какъ напр.,—паденіе тѣла, его согрѣваніе, звучаніе и т. п.“. *Что же касается реальныхъ опредѣленій, то, конечно, они пригодны и для той же цѣли, какъ номинальныя*, потому что каждое реальное опредѣленіе служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и номинальнымъ. Поэтому изложеніе науки или отдѣльныхъ ея частей можно начинать и часто начинаютъ не съ номинальнаго опредѣленія изучаемыхъ ею предме-

товъ, а съ реальнаго. *Но, сверхъ этого, реальныя опредѣленія часто служатъ при доказательствахъ основаніями*, какъ въ этомъ легко убѣдиться на примѣрѣ геометріи. Въ ней часто, какъ мы уже упоминали на стр. 127, встрѣчаются въ видѣ основаній доказательства опредѣленія; но послѣднія при этомъ всегда оказываются реальными. Таковы опредѣленія діагонали, параллелограмма, трапеціи, квадрата, круга, и т. д. И такъ какъ намъ приходится говорить объ опредѣленіяхъ именно потому, что они встрѣчаются при доказательствахъ въ видѣ основаній, то во всемъ дальнѣйшемъ мы будемъ имѣть въ виду одни только реальныя опредѣленія.

5. Правила и ошибки реальныхъ опредѣленій. Почему при доказательствахъ могутъ быть полезны въ видѣ основаній, между прочимъ, и опредѣленія? Это потому, что, какъ мы уже говорили на стр. 127, *о каждомъ понятіи мы обязаны утверждать все, что̀ входитъ въ его содержаніе, и отрицать все, что̀ противорѣчитъ послѣднему.* Напр., о квадратахъ мы обязаны утверждать и четыреугольность, и прямоугольность, и равенство его сторонъ между собой. и обязаны отрицать въ нихъ все, что̀ прямо или косвенно противорѣчитъ этимъ признакамъ, какъ-то: пятиугольность, косоугольность, неравенство сторонъ и т. п.

Разумѣется, каждое опредѣленіе поможетъ намъ въ исполненіи только-что указанной логической обязанности лишь въ томъ случаѣ, если въ немъ строго соблюдены сразу три слѣдующихъ *правила опредѣленія*: 1) *въ опредѣленіи не должно быть никакого пропуска признаковъ, образующихъ содержаніе опредѣляемаго понятія*; 2) *въ опредѣленіи не должно быть указано никакихъ лишнихъ признаковъ*, т.-е. никакихъ другихъ признаковъ, кромѣ образующихъ содержаніе опредѣляемаго понятія; 3) *опредѣленіе должно дѣлать ясными отдѣльныя составныя части этого содержанія.*

Въ виду этихъ трехъ правилъ *ошибки въ опредѣленіяхъ могутъ быть трехъ родовъ*, глядя по тому, въ нарушеніи какого правила состоитъ каждая изъ нихъ. И на дѣлѣ встрѣчаются не только всѣ эти три рода ошибокъ, но даже почти всѣ тѣ видоизмѣненія, какія только возможны въ каждомъ изъ этихъ трехъ родовъ, именно:

1. Въ видѣ пропуска какого-либо признака, конечно, возможна и на дѣлѣ встрѣчается только одна ошибка, именно—пропускъ. Для ея обозначенія приняты такія названія: *излишняя* (иначе — *чрезмѣрная*) *широта опредѣленія*. Или—*слишкомъ* (иначе — *чрезмѣрно*) *широкое опредѣленіе*. Дѣло въ томъ, что если пропустить какой-нибудь признакъ въ опредѣленіи, то подъ послѣднее подойдутъ и такіе предметы, которые не подходятъ подъ опредѣляемое понятіе, такъ что объемъ этого понятія покажется подъ вліяніемъ нашего опредѣленія гораздо шире, чѣмъ въ дѣйствительности. Напр., если опредѣлить квадраты, какъ четыреугольники, имѣющіе равныя стороны (т.-е. пропустить признакъ прямоугольности), то подъ такое опредѣленіе подойдутъ и ромбы, а не одни только квадраты. Этимъ и объясняются названія разсматриваемой ошибки.

2. *Въ видѣ указанія лишняго признака въ опредѣленіи можно*

было бы ждать трехъ ошибокъ, глядя по тому, каковъ этотъ лишній признакъ: такой ли, что онъ не принадлежитъ ни одному изъ опредѣляемыхъ предметовъ, или же принадлежитъ не каждому изъ нихъ, а только нѣкоторымъ, или же, наконецъ, хотя и принадлежитъ каждому изъ нихъ, да не относится къ ихъ существеннымъ признакамъ [1]). Но изъ этихъ трехъ возможныхъ ошибокъ первая такъ груба, что никогда не встрѣчается на дѣлѣ. Напр., кто же скажетъ, опредѣляя параллелограммы, будто бы у нихъ всѣ углы острые, или—опредѣляя птицъ, будто бы у нихъ по четыре ноги и т. п.? Вѣдь перво-попавшійся примѣръ опредѣляемыхъ предметовъ сдѣлаетъ невозможнымъ приписывать имъ въ ихъ опредѣленіи такой признакъ, какого нѣтъ ни у одного изъ нихъ, потому что этого признака не окажется и въ томъ примѣрѣ, какой придетъ намъ въ голову для провѣрки нашего опредѣленія. Такимъ образомъ, *на дѣлѣ могутъ встрѣтиться и дѣйствительно встрѣчаются только двѣ изъ вышеуказанныхъ ошибокъ*. И для нихъ приняты слѣдующія названія: а) *излишняя* (иначе—*чрезмѣрная*) *узость опредѣленія* или *слишкомъ* (иначе—*чрезмѣрно*) *узкое опредѣленіе*, если лишній признакъ принадлежитъ не всѣмъ предметамъ, подходящимъ подъ опредѣляемое понятіе, и b) *плеоназмъ въ опредѣленіи* (по-латыни—definitio abundans), если лишній признакъ принадлежитъ хотя и каждому изъ опредѣляемыхъ предметовъ, да не относится къ ихъ существеннымъ признакамъ. Причины, по которымъ приняты эти названія, таковы:

а) *Излишняя узость опредѣленія*. Если присоединить къ опредѣленію такой лишній признакъ, который принадлежитъ не всѣмъ опредѣляемымъ предметамъ, то на основаніи подобнаго опредѣленія объемъ опредѣляемаго понятія покажется уже, чѣмъ въ дѣйствительности: вѣдь подъ такое опредѣленіе подойдутъ не всѣ предметы, подходящіе подъ опредѣляемое понятіе, а только тѣ, у которыхъ есть этотъ лишній признакъ. Напр., если опредѣлить параллелограммъ, какъ четыреугольникъ, у котораго всѣ стороны равны между собой, а противоположныя параллельны, т.-е. если къ правильному опредѣленію параллелограмма прибавить признакъ, состоящій въ равенствѣ всѣхъ сторонъ между собой, то подъ такое опредѣленіе подойдутъ изо всѣхъ параллелограммовъ только квадраты и ромбы, потому что изо всѣхъ параллелограммовъ только у нихъ есть этотъ признакъ. Поэтому и говорятъ про такое ошибочное опредѣленіе, что оно слишкомъ узко, страдаетъ излишней, иначе—чрезмѣрной узостью.

b) *Плеоназмъ въ опредѣленіи*. Подъ плеоназмомъ вообще подразумѣвается такое излишество противъ надлежащей мѣры (въ чемъ бы то ни

---

[1]) Здѣсь необходимо твердо помнить, что содержаніемъ всякаго понятія служатъ одни только существенные признаки тѣхъ предметовъ, къ которымъ относится это понятіе (см. стр. 64), при чемъ въ содержаніи общаго понятія могутъ быть только признаки, общіе для всѣхъ этихъ предметовъ (см. стр. 65). По этимъ двумъ причинамъ въ каждомъ изъ трехъ упомянутыхъ случаевъ признакъ, о которомъ идетъ рѣчь, дѣйствительно, выходитъ лишнимъ въ опредѣленіи—такимъ, какого не должно быть въ немъ, потому что его не можетъ быть въ содержаніи опредѣляемаго понятія.

было, хотя бы даже въ чисто-житейскихъ поступкахъ), которое, хотя и не вредитъ существу дѣла, все-таки, вызываетъ какія-либо недоумѣнія. Опредѣленія же, страдающія плеоназмомъ, какъ разъ и отличаются такимъ характеромъ: въ нихъ есть лишній признакъ сравнительно съ содержаніемъ опредѣляемаго понятія, хотя они и не выходятъ черезъ это слишкомъ узкими (потому что этотъ признакъ существуетъ во всѣхъ опредѣляемыхъ предметахъ); но они внушаютъ ложныя мысли. Напр., опредѣленіе параллелограммовъ, какъ четыреугольниковъ, у которыхъ противоположныя стороны параллельны, а діагонали взаимно дѣлятся пополамъ, страдаетъ плеоназмомъ, потому что здѣсь къ правильному опредѣленію параллелограммовъ прибавленъ такой лишній признакъ, который принадлежитъ всѣмъ параллелограммамъ, но не относится къ ихъ существеннымъ признакамъ: это—обладаніе такими діагоналями, которыя взаимно дѣлятся пополамъ. И что же? Этотъ лишній признакъ, конечно, не дѣлаетъ нашего ошибочнаго опредѣленія слишкомъ узкимъ: вѣдь подъ такое опредѣленіе подойдутъ всѣ параллелограммы, потому что у каждаго изъ нихъ есть этотъ признакъ (какъ это доказано геометріей). Но разсматриваемое опредѣленіе внушаетъ ложную мысль, будто бы есть и такіе четыреугольники, у которыхъ противоположныя стороны параллельны, а діагонали не дѣлятъ другъ друга пополамъ.

3. *Третье правило, требующее, чтобы опредѣленіе дѣлало ясными отдѣльныя части содержанія опредѣляемаго понятія, можетъ быть нарушено троякимъ образомъ, такъ что здѣсь возможны, да и на дѣлѣ встрѣчаются три ошибки.* Для ихъ обозначенія приняты слѣдующія названія: a) *неясное опредѣленіе*, b) *кругъ въ опредѣленіи*, при чемъ одинъ изъ случаевъ такого круга называется *idem per idem*, т.-е. то же самое тѣмъ же самымъ, или же—*тавтологіей въ опредѣленіи*, c) *чисто-отрицательное опредѣленіе*. Причины употребленія этихъ названій, а равно и возможность нарушить третье правило только троякимъ образомъ становятся вполнѣ понятными тотчасъ же, какъ только мы узнаемъ, въ чемъ состоитъ каждая изъ названныхъ ошибокъ, а именно:

a) *Неясными* называются всѣ тѣ опредѣленія, въ которыхъ встрѣчаются какія бы то ни было неясныя выраженія. Послѣднія же,-конечно, могутъ быть очень разнообразными. Напр.: иногда они состоятъ въ такомъ научномъ терминѣ, значеніе котораго еще неизвѣстно, и который, между тѣмъ, оставленъ безъ объясненія; иногда—въ уподобленіяхъ, сдѣланныхъ на основаніи крайне отдаленнаго сходства, въ родѣ того, что архитектура—застывшая музыка и т. п.

b) *Кругъ въ опредѣленіи* состоитъ въ томъ, что данное понятіе опредѣляется посредствомъ такого понятія, которое само опредѣляется вслѣдъ затѣмъ (или можетъ быть опредѣлено не иначе, какъ только) посредствомъ опредѣляемаго, такъ что оба они остаются неясными. Напр.: „логика есть наука о правильномъ мышленіи; правильнымъ же называется мышленіе, согласное съ правилами логики“. Или другой примѣръ: опредѣленіе „вращеніе есть движеніе вокругъ оси“ тоже содержитъ кругъ въ опредѣленіи;

ибо само-то понятіе оси опредѣляется не иначе, какъ только черезъ понятіе вращенія (какъ извѣстно, ось, это—прямая, вокругъ которой происходитъ вращеніе).

Самый же грубый видъ круга въ опредѣленіи называется *idem per idem или „тавтологіей, т.-е. тождесловіемъ въ опредѣленіи“*, и состоитъ въ томъ, что̀ понятіе опредѣляется чрезъ указаніе его же самого, выраженное другими словами. Напр.: „вращательное движеніе есть движеніе, состоящее изъ вращенія“.

c) *Чисто-отрицательныя опредѣленія* состоятъ изъ однихъ только отрицаній, такъ что они говорятъ лишь о томъ, чего нѣтъ въ содержаніи опредѣляемаго понятія, и не говорятъ ни слова, какіе же признаки въ немъ есть. Таковы, напр., слѣдующія опредѣленія жидкости и точки: „жидкость есть то, что̀ не твердо и не газообразно“; „точка есть то, что̀ не имѣетъ ни частей, ни величины“. Разумѣется, коль скоро опредѣленіе вовсе не говоритъ о томъ, что̀ есть въ содержаніи опредѣляемаго понятія, то оно совершенно неспособно сдѣлать ясными отдѣльныя части этого содержанія.

Впрочемъ, сказаннаго не слѣдуетъ понимать, какъ это иногда думаютъ, въ томъ смыслѣ, будто бы въ опредѣленіяхъ вовсе не должно быть отрицаній. Напротивъ, *отрицательные признаки могутъ входить въ опредѣленіе, но не иначе, какъ въ соединеніи съ указаніемъ какихъ-либо положительныхъ признаковъ, т.-е. признаковъ, утверждаемыхъ, а не отрицаемыхъ относительно опредѣляемаго понятія.* Такъ, геометрія опредѣляетъ параллельныя линіи, какъ линіи, лежащія въ одной плоскости и *нигдѣ не пересѣкающіяся*, какъ бы далеко ихъ ни продолжали. И это, конечно, вполнѣ правильное опредѣленіе, какъ и всѣ ея опредѣленія, а здѣсь, между тѣмъ, содержится отрицаніе взаимнаго пересѣченія опредѣляемыхъ линій. Но разсматриваемое опредѣленіе не ограничивается однимъ лишь этимъ отрицаніемъ, а рядомъ съ нимъ содержитъ и указаніе положительнаго признака, именно: оно говоритъ, что это линіи, лежащія въ одной плоскости.

6. **Наикратчайшая форма реальныхъ опредѣленій.** Хотя опредѣленіе и должно составлять *полное* указаніе признаковъ, образующихъ содержаніе опредѣляемаго понятія, но еще нѣтъ необходимости всегда упоминать въ опредѣленіи *отдѣльно о каждомъ* признакѣ опредѣляемаго понятія: взамѣнъ нѣсколькихъ отдѣльно взятыхъ признаковъ мы, конечно, въ правѣ указать одинъ сложный, который состоялъ бы изъ соединенія этихъ признаковъ. А тогда, безъ всякаго ущерба для правильности опредѣленія, послѣднее сдѣлается гораздо короче, а поэтому удобнѣе. Напр., вмѣсто того, чтобы опредѣлять квадратъ, какъ „прямолинейную, четыреугольную, прямоугольную фигуру, имѣющую равныя стороны, мы можемъ соединить всѣ признаки, кромѣ послѣдняго, въ одинъ сложный и опредѣлить квадратъ, какъ „прямоугольникъ, имѣющій равныя стороны“. А если для какихъ-либо цѣлей намъ надо будетъ выставить на видъ отдѣльную часть сложнаго признака, т.-е. понятія прямоугольника, то мы можемъ дать для этого сложнаго признака особое опредѣленіе. И *чаще всего въ доказательствахъ въ видѣ основаній*

употребляются опредѣленія, составленныя въ наикратчайшей формѣ. Она осуществляется *чрезъ указаніе ближайшаго* (къ опредѣляемому понятію) *рода и видового отличія.* (Такія опредѣленія по-латыни называются definitiones per genus proximum et differentiam specificam). *Ближайшимъ родомъ къ данному понятію называется наименѣе общее понятіе изъ тѣхъ, которымъ подчинено данное. Видовымъ же отличіемъ называется признакъ, которымъ данное понятіе отличается отъ всѣхъ соподчиненныхъ вмѣстѣ съ нимъ тому же ближайшему роду.* Примѣромъ опредѣленія чрезъ указаніе ближайшаго рода и видового отличія служитъ только-что приведенное опредѣленіе квадрата, какъ прямоугольника (ближайшій родъ), обладающаго равными сторонами (видовое отличіе).

А *почему, составляя опредѣленіе въ наикратчайшей формѣ, надо указывать именно ближайшій родъ? Потому, что иначе наше опредѣленіе либо окажется слишкомъ широкимъ, либо не выйдетъ наикратчайшимъ.* Въ самомъ дѣлѣ: если мы замѣнимъ ближайшій родъ болѣе отдаленнымъ, оставивъ прежнее видовое отличіе безъ всякой перемѣны, то въ нашемъ опредѣленіи окажется пропускъ части содержанія опредѣляемаго понятія. Вѣдь каждый болѣе отдаленный родъ, какъ болѣе общее понятіе по сравненію съ ближайшимъ родомъ, будетъ состоять только изъ части тѣхъ признаковъ, которые образуютъ содержаніе ближайшаго рода (сравн. стр. 67). Напр.: если мы въ только-что указанномъ опредѣленіи квадрата оставимъ безъ всякой перемѣны прежнее видовое отличіе—„обладающій равными сторонами“, а взамѣнъ ближайшаго рода „прямоугольникъ“ возьмемъ болѣе отдаленный „четыреугольникъ“, то получится слишкомъ широкое опредѣленіе, именно: „квадратъ есть четыреугольникъ, обладающій равными сторонами“, столь широкое, что подъ него подойдутъ и ромбы. Если же мы захотимъ сузить такое опредѣленіе и прибавимъ для этого признаки, которые оказались пропущенными вслѣдствіе замѣны ближайшаго рода болѣе отдаленнымъ, то наше опредѣленіе сдѣлается хоть и правильнымъ, да длиннѣе, чѣмъ составленное чрезъ указаніе ближайшаго рода и видового отличія, именно: „квадратъ есть четыреугольникъ, въ которомъ всѣ углы прямые, а стороны равны между собой“. Это правильное опредѣленіе, но оно длиннѣе, чѣмъ „квадратъ есть прямоугольникъ, стороны котораго равны между собой“.

7. Правила научной терминологіи. Въ тѣсной связи съ ученіемъ объ опредѣленіяхъ находятся правила обращенія съ научными терминами, потому что всякое опредѣленіе, будетъ ли оно реальнымъ или номинальнымъ, устанавливаетъ значеніе термина, которымъ обозначается опредѣляемое понятіе, такъ что всякое опредѣленіе понятія есть вмѣстѣ съ тѣмъ и опредѣленіе термина, обозначающаго это понятіе.

Термины, даже и естественные (о раздѣленіи терминовъ на естественные и искусственные или техническіе см. выше, стр. 55), конечно, имѣютъ чисто-условное значеніе. Оттого-то въ наукѣ нерѣдко такъ и говорятъ: „условимся, или станемъ называть то-то такимъ-то словомъ“ и т. д. Поэтому нѣкоторымъ людямъ приходитъ въ голову, что въ наукѣ опредѣленіе понятія,

обозначаемаго даннымъ терминомъ, можетъ быть по содержанію своему вполнѣ произвольнымъ: „развѣ, говорятъ, я не въ правѣ понимать, слѣд. — и опредѣлять данный терминъ, напр., „логику“, по-своему, коль скоро онъ имѣетъ чисто-условное значеніе“? Но это невѣрно. Вѣдь научные термины назначены для того, чтобы слушатели и читатели, какъ можно точнѣе и какъ можно легче, понимали все, что̀ высказывается ими. Поэтому *употребленіе научныхъ терминовъ должно быть не произвольнымъ, но строго подчиненнымъ четыремъ слѣдующимъ правиламъ, какъ вытекающимъ изъ назначенія или цѣли терминовъ:*

1—*Всякій терминъ постоянно надо употреблять въ одномъ и томъ же значеніи, такъ чтобы каждое понятіе обозначалось своимъ особымъ терминомъ. Если же окажется невозможнымъ строгое соблюденіе этого правила, и придется одинъ и тотъ же терминъ употреблять въ разныхъ смыслахъ, то необходимо принимать мѣры*, напр.—дѣлать надлежащія поясненія и оговорки, или же съ такимъ искусствомъ пользоваться связью рѣчи и т. п., *чтобы всякому сразу было ясно, въ какомъ именно смыслѣ употребленъ этотъ терминъ въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ.* Несоблюденіе же излагаемаго правила, очевидно, сдѣлаетъ научный языкъ двусмысленнымъ и неяснымъ.

2—*Если понятіе уже пріобрѣло свой особый общепринятый терминъ, то не слѣдуетъ создавать для обозначенія этого понятія еще новый терминъ.* Послѣдній непремѣнно будетъ внушать ложную мысль, будто бы онъ обозначаетъ понятіе, котораго еще не было раньше, такъ что сдѣлаетъ научный языкъ сбивчивымъ, побуждающимъ насъ связывать съ новымъ терминомъ не то, что̀ хотѣлось бы его автору, т.-е. не давно знакомое намъ понятіе, но хоть чѣмъ нибудь да отличающееся отъ него.

Поэтому не только въ видахъ предохраненія роднаго языка отъ порчи, но также и съ логической точки зрѣнія заслуживаютъ сильнаго порицанія всѣ любители излишней иностранщины. Конечно, въ наукѣ никакъ нельзя обойтись совсѣмъ безъ употребленія иностранныхъ терминовъ, потому что она часто вырабатываетъ понятія совершенно новыя, вовсе непредусмотрѣнныя въ языкѣ обыденной жизни. Что же касается послѣдней, то съ многими изъ иностранныхъ словъ обыденной жизни, проникшими вмѣстѣ съ новыми понятіями, родной языкъ нерѣдко свыкается такъ быстро, что попытки изгнать ихъ скоро становятся столь же смѣшными, какъ называть галоши мокроступами, фортепьяно—тихогромомъ и т. п. Все это такъ; за то развѣ не хуже, чѣмъ смѣшно, когда безъ всякой надобности взамѣнъ словъ „основывать“ и „обосновывать“ (имѣющихъ, вдобавокъ, каждое особый оттѣнокъ въ своемъ значеніи) съ важнымъ видомъ говорятъ „базировать“; взамѣнъ двухъ словъ, вдобавокъ — несовпадающихъ по своему значенію, „обсужденіе“ и „пренія“ — „дискуссія“; взамѣнъ столь яснаго и точнаго выраженія, какъ „дѣйствіе души“ — „акція души“ и т. д. и т. д.? Поэтому, хотя въ логикѣ никогда не упоминаютъ о слѣдующемъ правилѣ, составляющемъ прямое слѣдствіе только-что изложеннаго, но далеко не безполезно и особо подчерк-

нуть его, именно: *прежде чѣмъ употребить какое-нибудь иностранное слово, надо дважды подумать, нельзя ли безъ всякаго ущерба для ясности и точности изложенія замѣнить его русскимъ, и если нельзя, то чѣмъ, именно, объяснить необходимость употребленія даннаго иностраннаго слова.*

3—*Если данный терминъ уже пріобрѣлъ твердо установившееся общепринятое значеніе, то обязательно употреблять его только въ этомъ значеніи.* Пренебреженіе же къ этому правилу можетъ вызвать въ наукѣ что-то въ родѣ вавилонскаго смѣшенія языковъ: у каждаго ученаго окажется свой собственный языкъ, и всякому желающему пользоваться научной литературой придется, кромѣ самой науки, изучать еще столько языковъ, сколько авторовъ научныхъ сочиненій.

4—*Если же терминъ не имѣетъ твердо установившагося общепринятаго смысла, но употребляется у разныхъ ученыхъ въ значеніяхъ, не вполнѣ совпадающихъ между собой, вродѣ, напр., терминовъ — индукція и дедукція, то каждый авторъ въ правѣ выбрать изъ нихъ такое, которое находитъ наиболѣе удобнымъ для себя. Мало того: онъ въ правѣ приписать ему даже и новое значеніе, лишь бы оно (для исполненія предшествующаго, т.-е. третьяго, правила) совпадало въ общихъ чертахъ съ тѣми, которыя обыкновенно приписываются этому термину, а не было вполнѣ разнороднымъ съ нимъ. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ онъ обязанъ тщательно соблюдать всѣ требованія, вытекающія изъ двухъ первыхъ указанныхъ нами правилъ*, т.-е. a) вообще пользоваться этимъ терминомъ только въ томъ случаѣ, если понятіе, которое онъ хочетъ обозначить имъ, еще не имѣетъ никакого другого термина; b) приписавъ этому термину предпочитаемое имъ значеніе, постоянно употреблять его только въ этомъ смыслѣ, и c) принять мѣры, чтобы читатели или слушатели не смѣшали принятаго у него значенія этого термина съ какимъ-либо другимъ; напр., онъ долженъ указать разницу въ принятомъ имъ значеніи съ тѣми, которыя приписываются тому же термину другими авторами, и т. п.

ГЛАВА XV.

Логическіе законы мышленія.

Чаще всего въ изложеніи логики, въ видѣ дополненія къ ученію о доказательствахъ, упоминаютъ еще о различныхъ методахъ установки данныхъ опыта. Но это ученіе должно относиться не къ логикѣ, т.-е. не къ общей методологіи, но къ частнымъ методологіямъ эмпирическихъ наукъ. Вѣдь *различіе методовъ разныхъ эмпирическихъ наукъ сводится, главнымъ образомъ, къ разницѣ методовъ, употребляемыхъ ими при уста-*

новкѣ данныхъ опыта. Послѣ того, какъ эти данныя уже установлены, всѣ эмпирическія науки принуждены употреблять, хотя и въ различныхъ комбинаціяхъ между собой, тѣ самыя доказательства, которыя уже всѣ описаны логикой, такъ что здѣсь, кромѣ различія этихъ комбинацій, нѣтъ никакихъ особенностей въ методахъ той или другой науки. Иное дѣло—установка данныхъ опыта: она въ разныхъ эмпирическихъ наукахъ производится различными методами въ зависимости отъ особенностей предметовъ, изучаемыхъ той или другой наукой, и поэтому кладетъ своеобразный отпечатокъ на методъ каждой эмпирической науки. Напр., эмпирическія науки по употребляемымъ ими методамъ установки данныхъ опыта раздѣляются на наблюдательныя и экспериментальныя. Слѣд., мы въ правѣ закончить ученіе о доказательствахъ предшествующей главой; а теперь перейдемъ къ разсмотрѣнію логическихъ законовъ мышленія.

1. Методъ установки логическихъ законовъ. Логика должна не только установить правила мышленія, но и объяснить ихъ логическими законами мышленія (сравн. стр. 1). *Логическими законами мышленія называются, въ отличіе отъ психологическихъ, тѣ законы, которые объясняютъ въ мышленіи то, что въ немъ изучается логикой, т.-е. правила мышленія. При этомъ безразлично, объясняютъ ли они тѣ душевныя переживанія, которыя называются мышленіемъ, т.-е. переживанія сужденій и умозаключеній. Психологическіе же законы мышленія должны, наоборотъ, объяснять эти душевныя переживанія, при чемъ безразлично, могутъ ли эти законы объяснять правила мышленія. И логическими законами мышленія* (вотъ уже 200 лѣтъ) *считаютъ четыре слѣдующихъ закона: 1—противорѣчія, 2—исключеннаго третьяго, 3—достаточнаго основанія и 4—тожества;* ибо ими, дѣйствительно, можно объяснить всѣ правила мышленія.

Чтобы подмѣтить, въ чемъ состоятъ логическіе законы мышленія, проще всего вникнуть въ категорическіе силлогизмы, поставивъ себѣ такой вопросъ: чѣмъ можно было бы объяснить въ нихъ то, что подмѣчается при ихъ разсмотрѣніи съ *логической* точки зрѣнія, т.-е. при ихъ разсмотрѣніи въ *готовомъ* видѣ (сравн. стр. 10)? Категорическіе силлогизмы подчинены такому большому числу логическихъ правилъ, что если мы съ помощью найденныхъ такимъ путемъ законовъ мышленія сполна объяснимъ эти силлогизмы, насколько они изучаются логикой, то можно быть увѣреннымъ, что тѣ же самые законы объяснятъ намъ и всѣ остальныя правила логики. Къ тому же нетрудно будетъ провѣрить и прямымъ путемъ пригодность для этой цѣли законовъ мышленія, подмѣченныхъ посредствомъ разсмотрѣнія категорическихъ силлогизмовъ.

Для полнаго же объясненія категорическихъ силлогизмовъ, разсматриваемыхъ въ *готовомъ* видѣ, логическіе законы мышленія должны отвѣтить на три вопроса:

1. Почему въ правильныхъ силлогизмахъ согласіе съ посылками принуждаетъ соглашаться съ выводомъ?

2. Чѣмъ отличаются ошибочные силлогизмы отъ правильныхъ: нарушеніемъ ли тѣхъ же самыхъ законовъ мышленія, вслѣдствіе которыхъ посылки принуждаютъ соглашаться съ выводомъ, или же, напротивъ, нарушеніемъ какихъ-либо другихъ законовъ? Другими словами: къ чему сводятся всѣ встрѣчающіяся на дѣлѣ ошибки въ силлогизмахъ—къ нарушенію ли тѣхъ же самыхъ законовъ, вслѣдствіе которыхъ посылки принуждаютъ соглашаться съ выводомъ, или же къ нарушенію какихъ-либо другихъ законовъ?

3. Почему вообще возможны силлогизмы, какъ правильные, такъ и неправильные?

Впрочемъ, строго говоря, логикѣ позволительно было бы и не объяснять, почему вообще возможны силлогизмы, безъ всякой оцѣнки, будутъ ли они правильными или неправильными. Это вопросъ не оцѣночный, а безоцѣночный, слѣд.—не логическій, а психологическій (сравн. стр. 6). Но изо всѣхъ психологическихъ вопросовъ онъ тѣснѣе другихъ соприкасается съ логикой, и обыкновенно въ ней упоминаютъ о законѣ, отвѣчающемъ на этотъ вопросъ, въ числѣ логическихъ (онъ называется закономъ тожества); поэтому и мы не будемъ отступать отъ установившагося обычая. Къ тому же все сходство третьяго вопроса съ психологическими ограничивается только тѣмъ, что онъ безоцѣночный. При отвѣтѣ же на него вовсе не приходится, какъ мы скоро убѣдимся въ этомъ (въ § 5 этой главы), разсматривать составъ переживанія явленій мышленія; и въ этомъ отношеніи означенный вопросъ вполнѣ похожъ на чисто логическіе вопросы о силлогизмахъ.

2. Установка законовъ противорѣчія и исключеннаго третьяго. Объясненіе обязательности выводовъ. То обстоятельство, что въ правильномъ силлогизмѣ посылки принуждаютъ соглашаться съ выводомъ, объясняется соединеннымъ дѣйствіемъ двухъ законовъ мышленія: закона противорѣчія и закона исключеннаго третьяго.

Законъ противорѣчія (lex sive principium contradictionis) говоритъ: *въ правильномъ мышленіи не допускается осуществленіе противорѣчія, т.-е. не допускается, чтобы какой-нибудь предметъ имѣлъ и въ то же самое время, разсматриваемый въ томъ же самомъ отношеніи, не имѣлъ того же самаго признака.* Напр.: не допускается, чтобы предметъ въ одно и то же время, разсматриваемый въ томъ же самомъ отношеніи, былъ и не былъ малымъ, былъ и не былъ бѣлымъ, существовалъ и не существовалъ и т. п. Онъ можетъ въ то же самое время быть и не быть малымъ *въ разныхъ отношеніяхъ*, напр.: быть малымъ по сравненію съ однимъ предметомъ и не быть малымъ сравнительно съ другимъ. Это вовсе не отрицается закономъ противорѣчія, потому что здѣсь нѣтъ осуществленія противорѣчія. Но законъ противорѣчія отрицаетъ, чтобы предметъ могъ сразу быть и не быть малымъ *въ одномъ и томъ же отношеніи*, потому что это было бы осуществленіемъ противорѣчія. Точно также, законъ противорѣчія не отрицаетъ возможности, что даже въ томъ же самомъ отношеніи предметъ будетъ и не будетъ малымъ, только *въ разное время*. Но онъ не допускаетъ, чтобы это могло быть въ *одно и то же время*. Вотъ почему,

объясняя, въ чемъ состоитъ неосуществимость противорѣчія, надо дѣлать оговорки о „томъ же времени“ и о „томъ же отношеніи“.

Изъ сказаннаго ясно, что разсматриваемый законъ точнѣе было бы называть *закономъ неосуществимости противорѣчія*, или же, какъ предлагалъ одинъ англійскій философъ (Гамильтонъ), *закономъ непротиворѣчія*. Но за этимъ закономъ исторически установилось названіе „закона противорѣчія“, и всѣ настолько привыкли къ нему, что предложеніе означеннаго философа не имѣло ни малѣйшаго успѣха.

Теперь покажемъ, что *согласіе съ посылками правильнаго силлогизма потому принуждаетъ насъ соглашаться съ выводомъ, что дѣйствуетъ законъ противорѣчія, т.-е. потому, что мы считаемъ противорѣчіе неосуществимымъ*. Для этого возьмемъ какой-нибудь правильный силлогизмъ, напр.—„ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги, значитъ ртуть упруга“, и посмотримъ, почему здѣсь, согласившись съ посылками, надо непремѣнно соглашаться съ выводомъ, а нельзя такъ разсуждать: „хотя ртуть жидкость, и всѣ жидкости упруги, но ртуть все-таки не упруга“? Это потому, что въ случаѣ нашего несогласія съ выводомъ придется считать противорѣчіе осуществленнымъ. Вѣдь согласившись, что ртуть жидкость, и говоря вмѣстѣ съ тѣмъ, что она не упруга, мы этимъ самымъ допускаемъ, что есть неупругая жидкость, именно — ртуть; а это противорѣчитъ тому, что „*всѣ* жидкости упруги“, съ чѣмъ, однако, мы уже согласились. Такимъ образомъ, согласіе съ посылками правильнаго силлогизма приводитъ насъ къ противорѣчію, если мы не согласимся съ выводомъ. Поэтому-то согласіе съ посылками и принуждаетъ насъ соглашаться съ выводомъ; ибо мы считаемъ противорѣчіе неосуществимымъ.

А если бы мы считали противорѣчіе осуществимымъ, то согласіе съ посылками правильнаго силлогизма вовсе не принуждало бы соглашаться съ выводомъ. Въ самомъ дѣлѣ: допустимъ для пробы, что противорѣчіе можетъ осуществляться въ тѣхъ предметахъ, о которыхъ мы умозаключаемъ. Тогда наше согласіе съ тѣмъ, что ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги, еще не лишаетъ насъ права думать, что ртуть все-таки не упруга. Конечно, если мы будемъ такъ думать, то у насъ выйдетъ то противорѣчіе, что жидкость, которая называется ртутью, оказывается неупругой, между тѣмъ, какъ мы согласились, что *всѣ* жидкости упруги. Но это теперь уже не страшно, пот. что теперь мы считаемъ противорѣчія осуществимыми.

Такимъ образомъ, необходимость соглашаться съ выводомъ правильнаго силлогизма, если мы согласны съ его посылками, дѣйствительно объясняется закономъ противорѣчія. Точнѣе же будетъ сказать, что она объясняется одновременнымъ дѣйствіемъ закона противорѣчія и закона исключеннаго третьяго.

Законъ исключеннаго третьяго (lex sive principium exclusi tertii) говоритъ, что *мышленіе можетъ ставить каждое понятіе только или въ утвердительное или въ отрицательное отношеніе къ другому понятію, а нельзя поставить его въ такое третье отношеніе, которое замѣнило бы собой и то и другое отношеніе*. Напр., о ртути можно мыслить

только или, что она упруга, или что она не упруга. Но нельзя поставить понятіе „упругаго“ къ понятію ртути въ такое третье отношеніе, которое замѣнило бы собой и „есть упруга“ и „не есть упруга“, но было бы, напр., „X—упруга“, т.-е. которое не было бы ни утвердительнымъ, ни отрицательнымъ отношеніемъ, но какимъ-то еще *третьимъ*, сравнительно съ утвердительнымъ и отрицательнымъ, *замѣняющимъ ихъ оба сразу*.

И вслѣдствіе разсматриваемаго закона отрицаніе утвержденія сказуемаго о подлежащемъ равносильно отрицанію самого сказуемаго. Напр., если мы отрицаемъ, что „ртуть упруга“, то это равносильно съ словами, что „ртуть не упруга“; ибо про ртуть можно мыслить *только* либо то, что „она упруга“, либо то, что „она не упруга“; слѣд., отрицая первую возможность, мы этимъ самымъ допускаемъ вторую. Точно такъ же *въ силу разсматриваемаго закона отрицаніе отрицанія сказуемаго о подлежащемъ равносильно утвержденію этого сказуемаго.* Напр., если мы отрицаемъ, что „ртуть не упруга“, то это равносильно съ утвержденіемъ, что „она упруга“. И это потому, что въ силу закона исключеннаго третьяго про ртуть можно мыслить *только* одно изъ двухъ: либо то, что „она не упруга“, либо то, что „она упруга“; слѣд., отрицая первую возможность, мы этимъ самымъ допускаемъ вторую.

Легко убѣдиться, что согласіе съ посылками правильнаго силлогизма принуждаетъ соглашаться съ его выводомъ не только потому, что дѣйствуетъ законъ противорѣчія, но также и потому, что дѣйствуетъ законъ исключеннаго третьяго. Именно, дѣло такъ стоитъ: когда рѣчь идетъ о ртути, то законъ исключеннаго третьяго позволяетъ намъ мыслить про нее *только одно изъ двухъ*— или, что „ртуть упруга“, или же, что „ртуть не упруга“; законъ же противорѣчія позволяетъ изъ этихъ двухъ возможностей остановиться *только на первой*, коль скоро мы согласились, что „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги“. А если бы законъ исключеннаго третьяго не дѣйствовалъ рядомъ съ закономъ противорѣчія, то передъ нами, кромѣ этихъ двухъ возможностей, была бы еще третья—мыслить, что „ртуть X упруга“, при чемъ это „X упруга“ не обозначало бы ни того, что она „упруга“, ни того, что она „не упруга“. Вотъ на этой третьей-то возможности мы и могли бы остановиться, если бы захотѣли, соглашаясь съ посылками, все-таки не соглашаться съ выводомъ. И тогда все-таки не выходило бы никакого противорѣчія вслѣдствіе нашего отказа соглашаться съ выводомъ: этимъ отказомъ мы еще не говорили бы, что „ртуть не упруга“. Теперь же именно въ силу разсматриваемаго закона, нѣтъ этой третьей возможности; поэтому теперь, чтобы не выходило никакого противорѣчія въ нашихъ мысляхъ, приходится согласиться, что „ртуть упруга“, коль скоро мы уже согласились, что „всѣ жидкости упруги, а ртуть жидкость“ [1]).

[1]) Однако, не слѣдуетъ думать, будто бы мы сейчасъ описали тѣ переживанія, съ помощью которыхъ возникаютъ выводы. О такихъ переживаніяхъ у насъ не можетъ быть никакой рѣчи, потому что мы разсматриваемъ сейчасъ одни только *готовые* силлогизмы. И все сказанное ограничивается только утвержденіемъ, что *каждый го-*

3. Логическая связь и логическая необходимость. Укажемъ кстати, что̀ такое *логическая связь* вывода съ посылками, о которой такъ много

товый правильный силлогизмъ обладаетъ слѣдующимъ свойствомъ: соглашаясь съ его посылками, нельзя отрицать вывода иначе, какъ цѣною нарушенія закона противорѣчія, именно—иначе, какъ цѣною возникновенія противорѣчія съ нашими посылками; уйти же отъ этого противорѣчія можно было бы только цѣною нарушенія закона исключеннаго третьяго. Что же касается процесса или переживанія, которое приводитъ къ возникновенію правильнаго силлогизма, то каждый легко можетъ убѣдиться, что силлогизмы возникаютъ безъ всякихъ справокъ съ законами противорѣчія и исключеннаго третьяго. Описать эти переживанія должна, конечно, не логика, а психологія (ср. выше стр. 6 и 10), но каждый легко можетъ замѣтить слѣдующее: эти переживанія отнюдь не состоятъ въ томъ, чтобы мы пробовали, можно ли отрицать выводъ безъ всякаго противорѣчія съ посылками. Болѣе того: легко сообразить, что эти переживанія и не могутъ состоять въ такой пробѣ: вѣдь для нея необходимо, чтобы силлогизмъ уже находился передъ нами въ готовомъ видѣ. А кто интересуется узнать, въ чемъ состоятъ переживанія силлогизмовъ, пусть обратится къ „Психологіи безъ всякой метафизики" А. И. Введенскаго, именно къ главѣ 22-ой третьяго изданія.

Если же въ готовыхъ силлогизмахъ нельзя соглашаться съ посылками, отрицая выводъ иначе какъ цѣною нарушенія закона противорѣчія, то, конечно, этимъ свойствомъ правильныхъ силлогизмовъ можно пользоваться, и на дѣлѣ мы нерѣдко пользуемся, для того, чтобы провѣрить данный намъ готовый силлогизмъ, коль скоро у насъ возникаютъ сомнѣнія въ его правильности. Именно: если отрицаніе вывода приводитъ къ противорѣчію съ посылками даннаго силлогизма, то данный силлогизмъ правиленъ; а если выводъ можно отрицать безъ всякаго противорѣчія съ посылками, то это ошибочный силлогизмъ. Напр., если у насъ возникнетъ сомнѣніе, дѣйствительно ли вышелъ правильнымъ силлогизмъ „киты не дышатъ жабрами, а рыбы дышатъ жабрами, слѣд., киты не рыбы", то мы пробуемъ такъ разсуждать: „хотя киты не дышатъ жабрами, а всѣ рыбы дышатъ жабрами, киты все-таки рыбы". Здѣсь получается явное противорѣчіе въ томъ, что всѣ рыбы дышатъ жабрами, а тѣ рыбы, которыя называются китами, не дышатъ жабрами; слѣд., провѣряемый силлогизмъ приходится считать правильнымъ, какъ бы ни были сильны наши сомнѣнія въ его правильности. Если же мы усомнимся, не принадлежитъ ли къ правильнымъ силлогизмъ „водородъ упругъ, и всѣ жидкости упруги; слѣд., водородъ жидкость", то наше сомнѣніе тотчасъ отпадаетъ, какъ только мы попробуемъ, согласившись съ посылками, отрицать выводъ; ибо не выходитъ никакого противорѣчія въ томъ, что водородъ упругъ, и всѣ жидкости упруги, а водородъ все-таки не жидкость. Но при всякой подобной провѣркѣ мы имѣемъ дѣло съ *уже готовыми* силлогизмами. Что же касается того процесса или переживанія, съ помощью котораго возникаютъ силлогизмы, то онъ обходится безъ всякихъ справокъ съ закономъ противорѣчія. Болѣе того: даже и вопросъ, принадлежитъ ли данный намъ силлогизмъ къ правильнымъ или ошибочнымъ, чаще всего мы рѣшаемъ тоже безъ всякихъ справокъ съ закономъ противорѣчія. Чаще всего мы руководствуемся при этомъ рѣшеніи однимъ только чувствомъ логичности, т.-е., просто наблюдаемъ, чувствуемъ ли мы необходимость соглашаться съ выводомъ, если согласились съ посылками, или же нѣтъ. Къ помощи же закона противорѣчія мы обращаемся только въ томъ случаѣ, когда у насъ возникаютъ сомнѣнія, не обмануло ли насъ только-что упомянутое чувство логичности. Сравн. „Психологія безъ всякой метафизики", А. И. Введенскаго, гл. 22, изд. 3-е.

Н. О. Лосскій говоритъ, будто бы изъ изложеннаго сейчасъ объясненія необходимости соглашаться съ выводомъ, если мы согласны съ посылками, вытекаетъ, что всѣ доказательства должны имѣть характеръ апагогическій (стр. 34 его „Логики проф. А. И. Введенскаго", Москва, 1912; или „Вопросы философіи и психологіи" книга 111,

говорится въ логикѣ. *Логической связью называется связь, требуемая законами противорѣчія и исключеннаго третьяго. Подобная связь нерѣдко встрѣчается и помимо силлогизмовъ, именно—между понятіями.* Напр., она существуетъ между понятіями квадрата и прямоугольности, потому что если мы вздумаемъ не соглашаться съ сужденіемъ, что квадраты прямоугольны, то по закону исключеннаго третьяго намъ придется мыслить, что квадраты не прямоугольны. Но такое сужденіе, какъ противорѣчащее понятію квадрата, не допускается закономъ противорѣчія. *Тѣ же связи, которыя требуются не законами противорѣчія и исключеннаго третьяго, а чѣмъ-нибудь другимъ, не называются логическими.* Такова, напр., связь жвачности съ раздвоенностью копытъ, состоящая въ томъ, что у всѣхъ жвачныхъ животныхъ ноги съ раздвоенными копытами. Эта связь требуется отнюдь не законами противорѣчія и исключеннаго третьяго, но чѣмъ-то другимъ; ибо не выходитъ никакого противорѣчія съ *понятіемъ* жвачнаго животнаго, если мы скажемъ, что у жвачныхъ нѣтъ раздвоенныхъ копытъ.

стр. 149, гдѣ эта брошюра была напечатана въ видѣ статьи, озаглавленной „Новая форма философскаго критицизма“). Очевидно, онъ думаетъ, будто бы въ этомъ объясненіи идетъ рѣчь о тѣхъ переживаніяхъ, съ помощью которыхъ возникаютъ силлогизмы: разумѣется, если бы въ составъ этихъ переживаній входила проба или испытаніе, можно ли отрицать выводъ безъ всякаго противорѣчія съ посылками, то каждый силлогизмъ, слѣд. — и каждое доказательство, какъ состоящее изъ силлогизмовъ, дѣйствительно, отличались бы апагогическимъ характеромъ. Но логика отвлекается отъ разсмотрѣнія тѣхъ душевныхъ процессовъ или переживаній, съ помощью которыхъ возникаютъ силлогизмы, и разсматриваетъ всѣ умозаключенія только въ готовомъ видѣ. Поэтому возраженіе Н. О. Лосскаго глубоко ошибочно: оно исходитъ изъ смѣшенія логической точки зрѣнія на мышленіе съ психологической.

Замѣтимъ еще слѣдующее: Н. О. Лосскій возражаетъ, будто бы только-что изложенныя соображенія содержатъ въ себѣ *обоснованіе* силлогизма, и упрекаетъ такое обоснованіе въ томъ, что оно попадаетъ въ заколдованный кругъ. Вѣдь то обстоятельство, что отрицаніе вывода противорѣчитъ посылкамъ, становится замѣтнымъ съ помощью новаго силлогизма. Напр., отрицая выводъ, говорящій, что ртуть упруга, мы тѣмъ самымъ замѣняемъ его сужденіемъ: ртуть не упруга; а для того чтобы обнаружить въ такомъ отрицаніи противорѣчіе съ посылками, мы соединяемъ сужденіе „ртуть не упруга“ съ посылкой „ртуть жидкость“, откуда дѣлаемъ выводъ посредствомъ третьей фигуры „нѣкоторыя жидкости не упруги“, что противорѣчитъ посылкѣ „всѣ жидкости упруги“. Не станемъ настаивать, что это противорѣчіе можетъ быть открыто и болѣе простымъ путемъ. Пусть въ этомъ пунктѣ Н. О. Лосскій правъ. Но что же изъ этого? Конечно, если бы только-что изложенное доказательство имѣло цѣлью *обосновать* или *оправдать* наше право пользоваться силлогизмами, то такое обоснованіе дѣйствительно вертѣлось бы въ заколдованномъ кругу: право пользоваться силлогизмами оправдалось бы съ помощью силлогизмовъ же. Но такая цѣль была бы явно нелѣпой, и удивительно, что Н. О. Лосскій приписываетъ ее мнѣ: вѣдь всякое доказательство должно состоять изъ силлогизмовъ, такъ что и право пользоваться силлогизмами всегда пришлось бы оправдывать не иначе какъ съ помощью силлогизмовъ же. Цѣль же нашего доказательства совсѣмъ другая. Она состоитъ вотъ въ чемъ: допустивъ право пользоваться силлогизмами, какъ безспорное, мы доказываемъ, что въ нихъ можно отрицать выводы только цѣной возникновенія противорѣчія съ посылками. А для такого доказательства, разумѣется, мы въ правѣ пользоваться, если окажется надобность, также и силлогизмами.

Такое сужденіе противорѣчитъ показаніямъ опыта, но отнюдь не *понятію* жвачнаго животнаго. Поэтому связь жвачности съ раздвоенностью копытъ не называется логической связью. Связь же всякаго правильнаго вывода съ его посылками и связь понятія квадрата съ понятіемъ прямоугольности называются логическими связями, пот. что и та и другая связь требуется логическими законами мышленія, именно: законами противорѣчія и исключеннаго третьяго.

Здѣсь умѣстно объяснить еще, что̀ такое *логическая необходимость (иначе—логическая неизбѣжность). Это—необходимость (или неизбѣжность), создаваемая законами противорѣчія и исключеннаго третьяго: логически необходимо то, чего нельзя отрицать безъ появленія противорѣчія въ нашихъ мысляхъ*. Само же появленіе противорѣчія становится неизбѣжнымъ въ силу закона исключеннаго третьяго. Напр., согласіе съ выводомъ правильнаго силлогизма логически необходимо, если мы согласимся съ его посылками. Другой примѣръ: сужденіе „квадраты прямоугольны“, да и вообще *всякое аналитическое сужденіе логически необходимо*. Вѣдь его нельзя отрицать безъ появленія противорѣчія въ нашихъ мысляхъ; ибо, по закону исключеннаго третьяго, его отрицаніе равносильно сужденію „квадраты не прямоугольны“, которое явно противорѣчитъ содержанію своего подлежащаго.

Что же касается синтетическихъ сужденій, то въ нихъ, самихъ по себѣ, нѣтъ никакой логической необходимости; ибо каждое изъ нихъ можно отрицать безъ всякаго противорѣчія съ содержаніемъ *понятій, образующихъ данное сужденіе*. Напр., въ синтетическомъ сужденіи „ртуть упруга“ нѣтъ ровно никакой *логической* необходимости, равно какъ и въ сужденіи „квадраты имѣютъ взаимно перпендикулярныя діагонали“; ибо каждое изъ нихъ можно отрицать безъ всякаго противорѣчія съ содержаніемъ подлежащаго. Вѣдь въ содержаніи (т.-е. въ опредѣленіи) понятія ртути ни слова не говорится объ упругости, равно какъ въ содержаніи (или въ опредѣленіи) понятія квадрата ни слова не говорится о діагоналяхъ. Поэтому, не выйдетъ никакого противорѣчія съ понятіемъ ртути, скажемъ ли мы, что она упруга или не упруга; равно какъ не выйдетъ никакого противорѣчія съ понятіемъ квадрата, скажемъ ли мы, что они обладаютъ или не обладаютъ взаимно-перпендикулярными діагоналями.

Конечно, *въ нѣкоторыхъ (но, разумѣется, не во всѣхъ) синтетическихъ сужденіяхъ можетъ быть необходимость, только не логическая, а какая-нибудь другая*. Напр., въ сужденіи „желѣзо при нагрѣваніи расширяется“ содержится необходимость, только реальная, т.-е. обусловленная законами бытія, а не логическая. Въ сужденіи же „всякій долженъ помогать ближнему“ тоже содержится необходимость, только нравственная, а не логическая. *Логической* же необходимостью называется *только* та необходимость, которая обусловлена *логическими* законами мышленія, именно: законами противорѣчія и исключеннаго третьяго.

Здѣсь небезполезно предупредить, что *надо тщательно отличать логи-*

ческую необходимость соглашаться съ сужденіемъ отъ логической необходимости самого сужденія. Послѣдняя, конечно, неотдѣлима отъ первой, т.-е. если само сужденіе логически необходимо, то и логически необходимо съ нимъ соглашаться, но первая можетъ быть и тамъ, гдѣ нѣтъ второй. Напр., логически необходимо соглашаться съ каждымъ правильно доказаннымъ синтетическимъ сужденіемъ, но *въ немъ самомъ* нѣтъ никакой *логической* необходимости. Аналитическія же сужденія уже и *сами* логически необходимы [1]).

Въ заключеніе отмѣтимъ слѣдующее: изъ сказаннаго ясно, что то *принужденіе* соглашаться съ выводомъ, которое мы приписываемъ посылкамъ правильнаго силлогизма, есть не что иное, какъ *логическая необходимость* соглашаться съ этимъ выводомъ, такъ что выраженіе „посылки принуждаютъ соглашаться съ выводомъ“ служитъ простымъ синонимомъ словъ „онѣ дѣлаютъ логически необходимымъ соглашаться съ нимъ“.

4. Установка закона достаточнаго основанія, его самостоятельность и исторія. Необходимость отличать основаніе отъ причины и связь основанія съ слѣдствіемъ отъ причинной связи. Теперь обратимся къ вопросу: чѣмъ отличаются ошибочные силлогизмы отъ правильныхъ? Отнюдь не тѣмъ, чтобы въ ошибочныхъ силлогизмахъ нарушались законы противорѣчія и исключеннаго третьяго. Напр., въ ошибочномъ силлогизмѣ „водородъ упругъ, и всѣ жидкости упруги; слѣд., водородъ — жидкость“ нисколько не нарушены ни законъ противорѣчія, ни законъ исключеннаго третьяго. Какъ же отвѣтить на нашъ вопросъ?

Всѣ ошибочные силлогизмы отличаются отъ правильныхъ тѣмъ, что въ ошибочныхъ нарушенъ *законъ достаточнаго основанія* (lex sive principium rationis sufficientis). Онъ говоритъ, что *въ правильномъ мышленіи не должно быть никакого произвола. Поэтому для расширенія прежняго знанія позволительно присоединять къ нему только три рода сужденій, именно:*

---

[1]) Н. О. Лосскій утверждаетъ, будто бы логическая необходимость существуетъ также и въ *отдѣльно* взятомъ синтетическомъ сужденіи (см. его „Логика проф. А. И. Введенскаго“, Москва, 1912 г., стр. 40). Онъ съ такой рѣшимостью становится на эту точку зрѣнія, что предлагаетъ даже называть сужденіями одни только истинныя сужденія (ibid.): вѣдь нельзя же считать ложныя сужденія логически необходимыми. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ послѣдовательнѣйшимъ образомъ отрицаетъ, что логическая необходимость обусловлена закономъ противорѣчія (ibid.). Но, къ сожалѣнію, онъ, замѣнивъ *исторически установившееся* значеніе термина „логическая необходимость“ какимъ-то своимъ собственнымъ, не счелъ нужнымъ *опредѣлить*, что же именно онъ подразумѣваетъ подъ логической необходимостью. Его читатель долженъ самъ подглядѣть это въ словахъ Н. О. Лосскаго, и оказывается, что послѣдній логической необходимостью называетъ *всякую* необходимость, по крайней мѣрѣ—всякую реальную, а не только ту, для которой *исторически установилось* названіе „логической“, дабы отличить ее отъ реальной и всякой другой. А тогда понятно, почему онъ думаетъ, будто бы „логическая необходимость“ (въ его смыслѣ) не обусловлена закономъ противорѣчія и встрѣчается не въ однихъ лишь аналитическихъ сужденіяхъ.

1 — *сужденія, которыя высказываютъ всего лишь простую установку данныхъ опыта;*

2 — *сужденія, которыя уже сами по себѣ логически необходимы, т.-е. аналитическія, и*

3 — *такія сужденія, для которыхъ въ прежнемъ знаніи есть основанія, достаточныя для того, чтобы принудить согласиться съ этими сужденіями.*

Присоединеніе же къ прежнему знанію, подъ видомъ новаго знанія, какихъ-либо другихъ сужденій, кромѣ этихъ трехъ родовъ, составитъ нарушеніе закона достаточнаго основанія. И всѣ ошибки въ силлогизмахъ сводятся къ подобному присоединенію, т.-е. къ нарушенію закона достаточнаго основанія. Напр., вся ошибочность силлогизма „водородъ упругъ, и всѣ жидкости упруги; слѣд., водородъ—жидкость“ сводится къ тому, что здѣсь въ видѣ вывода, т.-е. въ видѣ новаго знанія, присоединено къ посылкамъ такое сужденіе, что въ прежнемъ знаніи, именно—въ посылкахъ, нѣтъ основанія, достаточнаго для того, чтобы принудить соглашаться съ этимъ сужденіемъ. Въ правильныхъ же силлогизмахъ посылки всегда служатъ основаніемъ, вполнѣ достаточнымъ для того, чтобы принудить къ согласію съ выводомъ.

Законъ достаточнаго основанія, конечно, находится въ тѣсной связи съ законами противорѣчія и исключеннаго третьяго. Поэтому можетъ, чего добраго, возникнуть подозрѣніе, будто бы въ немъ нѣтъ ничего самостоятельнаго, будто бы онъ не прибавляетъ къ тѣмъ двумъ законамъ ничего *новаго*. Но вотъ въ чемъ дѣло: законы противорѣчія и исключеннаго третьяго *требуютъ* соглашаться съ тѣми выводами, которые находятся въ логической связи съ своими посылками; но въ этихъ законахъ еще не содержится ни малѣйшаго *запрещенія* соглашаться съ какими-нибудь другими выводами, если они не нарушаютъ закона противорѣчія и закона исключеннаго третьяго. Напр., эти два закона *требуютъ* соглашаться съ выводомъ „ртуть упруга“, если мы согласились съ посылками „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги“; но они еще *не запрещаютъ* при этихъ же самыхъ посылкахъ соглашаться и съ такими выводами, какъ: „ртуть металлъ“, „собака лаетъ“ и т. п. Законъ же достаточнаго основанія *запрещаетъ* согласіе съ такими выводами. *Въ этомъ запрещеніи и содержится та новая мысль, которая высказывается въ законѣ достаточнаго основанія и придаетъ ему самостоятельное значеніе на-ряду съ остальными законами.*

О законѣ достаточнаго основанія первымъ заговорилъ Лейбницъ (1646—1716). Онъ же и далъ ему это названіе. Но Лейбницъ, говоря объ этомъ законѣ, подъ словомъ основаніе подразумѣвалъ, точнѣе — *отожествлялъ между собой*, и то, что логика называетъ *основаніемъ*, т.-е. мысли, которыя дѣлаютъ логически необходимымъ согласіе съ другими мыслями, и то, что называется *причиной* чего-нибудь, т.-е. *то, возникновенія чего уже достаточно, чтобы вмѣстѣ съ этимъ непремѣнно возникло что-нибудь другое.* Напр., нагрѣваніе даннаго тѣла есть *причина* его расширенія, это

значитъ: возникновенія нагрѣванія этого тѣла уже достаточно, чтобы непремѣнно возникло и его расширеніе. А вслѣдствіе отожествленія понятія причины съ понятіемъ основанія у Лейбница сами собой возникли еще два слѣдующихъ отожествленія: во-первыхъ, *причинной* связи—т.-е. связи *причины* съ ея дѣйствіемъ, иначе слѣдствіемъ—съ связью *основанія* съ слѣдствіемъ, т.-е. съ *логической* связью, и, во-вторыхъ, *закона причинности, т.-е. закона бытія*, кажущагося, или истиннаго, или обоихъ вмѣстѣ, это безразлично, съ тѣмъ *чисто-логическимъ* закономъ достаточнаго *основанія*, который мы только-что объяснили. Во всемъ этомъ, конечно, не было бы никакой бѣды, если бы причинная связь была логической связью. На самомъ же дѣлѣ, какъ мы сейчасъ убѣдимся, этого нѣтъ; а поэтому пришлось, въ концѣ концовъ, рѣзко отличать другъ отъ друга то, что Лейбницъ отожествлялъ между собой, именно: 1—понятіе *основанія* отъ понятія *причины*, 2—связь *основанія* съ слѣдствіемъ отъ связи *причины* съ ея слѣдствіемъ или дѣйствіемъ, т.-е. *логическую* связь отъ *причинной* связи и 3—законъ *достаточнаго основанія* отъ закона *причинности*. Вотъ по всему сказанному и приходится редактировать законъ достаточнаго основанія въ томъ видѣ, какъ это сдѣлано у насъ выше, а не такъ, какъ это дѣлали Лейбницъ и ближайшіе къ его времени логики.

Однако надо еще удостовѣриться, что *причинная связь не составляетъ логической связи; ибо этимъ доказывается необходимость отнюдь не отожествлять, но рѣзко отличать законъ причинности отъ закона достаточнаго основанія и понятіе причины отъ понятія основанія*. Возьмемъ слѣдующій примѣръ причинной связи: нагрѣваніе желѣза (причина) производитъ расширеніе желѣза (дѣйствіе). Здѣсь, очевидно, дѣйствіе (расширеніе желѣза) и причина (нагрѣваніе) не находятся въ логической связи другъ съ другомъ. Въ самомъ дѣлѣ: во-первыхъ, нагрѣваніе есть увеличеніе *температуры*, а расширеніе—увеличеніе *объема*. И такъ какъ между понятіемъ объема и понятіемъ температуры нѣтъ логической связи, то, значитъ, ея нѣтъ также между нагрѣваніемъ и расширеніемъ. Оттого-то и не выйдетъ никакого противорѣчія въ нашихъ мысляхъ, если мы будемъ считать дѣйствіемъ нагрѣванія не расширеніе, а сокращеніе объема нагрѣваемаго тѣла. Во-вторыхъ, если бы причинная связь была логической связью, то всегда, безъ исключенія, нагрѣваніе вызывало бы только расширеніе, а отнюдь не уменьшеніе объема нагрѣваемаго тѣла, потому что логическая связь не допускаетъ никакихъ исключеній. Въ дѣйствительности же нагрѣваніе воды между 0^0 и 4^0 C вызываетъ не расширеніе, но уменьшеніе ея объема.

5. Установка закона тожества и объясненіе самой возможности силлогизмовъ. Три найденныхъ закона: противорѣчія, исключеннаго третьяго и достаточнаго основанія, взятые вмѣстѣ, объясняютъ всѣ особенности *правильныхъ* силлогизмовъ. Но эти законы оставляютъ еще необъясненной самую возможность существованія силлогизмовъ вообще, какъ правильныхъ, такъ и неправильныхъ. Напротивъ: будь силлогизмы вообще невозможными, то не могли бы имѣть примѣненія въ нихъ и сами-то эти три закона.

Самую же возможность силлогизмовъ, какъ правильныхъ, такъ и ошибочныхъ, объясняетъ *законъ тожества* (lex sive principium identitatis). Онъ говоритъ, что *всякую мысль — и понятіе, и сужденіе — сколько бы разъ она ни повторялась въ сознаніи, и въ связи съ какими бы мыслями она ни встрѣчалась въ немъ, мышленіе отожествляетъ съ ней самой, т.-е. относится къ ней, какъ къ той же самой.*

Для поясненія этой особенности мышленія обратимъ вниманіе на слѣдующее обстоятельство: съ психологической точки зрѣнія всякое новое переживаніе какой бы то ни было мысли отнюдь не тожественно съ ея прежнимъ переживаніемъ, хотя бы потому, что послѣднее уже кануло въ вѣчность, и его больше уже нѣтъ. И тѣмъ меньше тожества между этими переживаніями, если при одномъ изъ нихъ данная мысль была связана съ одной мыслью, а при другомъ съ другой. Но, несмотря на все это, мышленіе въ силу закона тожества относится къ ней, какъ къ той же самой.

Вотъ эта-то особенность мышленія и дѣлаетъ возможнымъ существованіе всякаго силлогизма. Вѣдь ясно, что если бы понятіе жидкости, мыслимое нами, когда мы переживаемъ сужденіе „ртуть жидкость“, не отожествлялось мышленіемъ съ понятіемъ жидкости, мыслимымъ нами при переживаніи сужденія „жидкости упруги“, то мы не сознавали бы никакой связи между этими сужденіями, и существованіе правильнаго силлогизма было бы невозможно. Невозможно оно было бы и въ томъ случаѣ, если бы понятіе ртути, встрѣчающееся при переживаніи вывода, не отожествлялось мышленіемъ съ понятіемъ ртути, встрѣчающимся при переживаніи посылокъ, а сознавалось нами, какъ что-то другое. Каждое сужденіе стояло бы тогда въ нашемъ сознаніи совершенно особнякомъ и нисколько не принуждало бы насъ соглашаться съ другими сужденіями.

А если бы у насъ вовсе не было правильныхъ силлогизмовъ, то, конечно, мы не могли бы ошибочно принимать за нихъ какія-либо соединенія сужденій; при такихъ условіяхъ у насъ не было бы и самой *мысли* о правильныхъ силлогизмахъ. Такимъ образомъ, законъ тожества обусловливаетъ возможность существованія не только правильныхъ, а даже и тѣхъ, которые всего лишь кажутся правильными, т.-е. онъ обусловливаетъ возможность даже и ошибочныхъ силлогизмовъ.

6. Объясненіе логическими законами мышленія всѣхъ правилъ логики и формальный характеръ правильности мыслей, обусловленной этими законами. Хотя мы установили логическіе законы мышленія путемъ разсмотрѣнія однихъ только категорическихъ силлогизмовъ, но не слѣдуетъ думать, что и дѣйствуютъ они только здѣсь. Напротивъ: здѣсь только легче подмѣтить ихъ, а дѣйствуютъ логическіе законы мышленія во всѣхъ безъ исключенія правильныхъ мысляхъ, и *всѣ правила логики составляютъ не что иное, какъ указаніе тѣхъ условій, при исполненіи которыхъ (умышленномъ или неумышленномъ, это — безразлично) не будетъ нарушенъ ни одинъ изъ логическихъ законовъ мышленія.* Напр., противоположныя сужденія не могутъ быть одновременно истинными (см. стр. 116).

Но почему? Въ силу закона противорѣчія. А противорѣчащія сужденія не могутъ быть одновременно не только истинными, а также и ложными (см. стр. 118). Но почему невозможно послѣднее? Потому что это не допускается закономъ исключеннаго третьяго. Простой установкой данныхъ опыта нельзя оправдать ни одного подлинно-общаго сужденія, а можно только кажущіяся общія (см. стр. 107 и слѣд.). Но почему такъ? Это вытекаетъ изъ закона достаточнаго основанія: простая установка данныхъ опыта служитъ основаніемъ, достаточнымъ, чтобы принудить насъ согласиться съ кажущимся общимъ сужденіемъ, и недостаточнымъ для принужденія соглашаться съ подлинно-общимъ. Доказательства же оказываются пригодными и для оправданія подлинно-общихъ сужденій (см. стр. 107). Но почему? Они состоятъ изъ силлогизмовъ, а послѣдніе бываютъ и такими, что ихъ посылки служатъ основаніемъ, достаточнымъ, чтобы принудить насъ согласиться съ подлинно-общимъ сужденіемъ. Далѣе: что такое всѣ правила непосредственныхъ умозаключеній, какъ не указанія тѣхъ условій, при которыхъ не будетъ нарушенъ ни одинъ изъ логическихъ законовъ мышленія? (Сравн. стр. 155 и слѣд.). При раздѣленіи понятія на основаніи присутствія и отсутствія того же самаго признака невозможны ни совпаденіе, ни пропуски членовъ дѣленія. Но почему такъ? Совпаденіе членовъ дѣленія нарушило бы законъ противорѣчія, а пропуски нарушили бы законъ исключеннаго третьяго и т. д. и т. д.

Впрочемъ, нужно оговориться, что хотя каждое правило логики представляетъ собой указаніе одного изъ тѣхъ условій, при исполненіи которыхъ не будетъ нарушенъ ни одинъ изъ логическихъ законовъ мышленія, но это еще не значитъ, чтобы каждое правило объяснялось дѣйствіемъ всѣхъ четырехъ законовъ. Силлогизмы дѣйствительно объясняются не иначе, какъ единовременнымъ дѣйствіемъ всѣхъ четырехъ законовъ сразу; но въ другихъ случаяхъ логическія правила объясняются дѣйствіемъ меньшаго числа законовъ. Такъ, напр., правило о невозможности двумъ противоположнымъ сужденіямъ быть сразу истинными объясняется дѣйствіемъ всего лишь трехъ законовъ: тожества, противорѣчія и исключеннаго третьяго; законъ же достаточнаго основанія здѣсь ни при чемъ.

Сохраняя свою обязательность для насъ при *всякомъ* содержаніи мыслей, логическіе законы мышленія не могутъ предписывать намъ никакого опредѣленнаго содержанія мыслей. Поэтому *логическіе законы мышленія обусловливаютъ собой лишь формальную, а не матеріальную правильность мыслей.* Напр., въ силлогизмахъ они обусловливаютъ только, будетъ ли данный выводъ вытекать изъ посылокъ; а какими будутъ сами-то посылки по своему содержанію, объ этомъ логическіе законы мышленія еще не говорятъ ни слова. Поэтому они оставляютъ неизвѣстнымъ, будетъ ли нашъ правильный выводъ не только правильнымъ по формѣ своей связи съ посылками, но еще истиннымъ и по содержанію, или же, хотя и формально правильнымъ, но ложнымъ по содержанію. Матеріальная правильность мыслей обусловливается не однимъ лишь соблюденіемъ логическихъ законовъ мы-

шленія, но еще тѣмъ, чтобы при расширеніи знанія мы отправлялись отъ такихъ мыслей, въ истинности которыхъ уже не можетъ быть никакихъ сомнѣній.

7. Обычный неправильный методъ установки логическихъ законовъ мышленія и его послѣдствія. Авторы пособій къ изученію логики разсматриваютъ логическіе законы мышленія обыкновенно въ самомъ началѣ ея изложенія или, по крайней мѣрѣ, раньше умозаключеній. Отъ этого имъ трудно подмѣтить и правильно формулировать содержаніе каждаго изъ этихъ законовъ: еще не хватаетъ матеріалу для этой цѣли. При такихъ условіяхъ приходится каждый законъ формулировать безъ указанія тѣхъ фактовъ, въ которыхъ нагляднѣе всего сказываются всѣ особенности содержанія этого закона, вслѣдствіе чего онъ появляется передъ нами въ видѣ какого-то произвольнаго предписанія. Болѣе того: такимъ путемъ подъ именемъ законовъ мышленія могутъ появиться даже какія-нибудь выдумки. Отъ этого вовсе не рѣдкость встрѣтить у многихъ авторовъ совершенно ошибочныя формулы этихъ законовъ и ошибочное отношеніе ко всему ученію о нихъ, именно:

1. Очень часто такъ редактируютъ законъ противорѣчія и законъ тожества, что между ними не выходитъ никакой разницы, кромѣ чисто словесной. Вслѣдствіе этого нѣкоторые авторы утверждаютъ, будто одинъ изъ этихъ законовъ составляетъ простое слѣдствіе другого, не имѣетъ самостоятельнаго значенія, при чемъ одни авторы основнымъ закономъ считаютъ законъ тожества, другіе же, наоборотъ, законъ противорѣчія.

2. Точно также есть авторы, которые такъ редактируютъ законы противорѣчія и исключеннаго третьяго, что между ними выходитъ только чисто словесная разница, вслѣдствіе чего думаютъ, что одинъ изъ этихъ законовъ основной, другой же составляетъ всего лишь слѣдствіе, вытекающее изъ этого основного закона.

3. Нерѣдко подъ именемъ логическихъ законовъ мышленія подносятся святыя по своей неоспоримости истины, но такія, которыми никакъ не объяснить умозаключеній. Напр., часто законъ противорѣчія формулируется такъ: „ничто не можетъ сразу быть и не быть“. А законъ исключеннаго третьяго такъ: „на каждый вопросъ надо отвѣчать только или да, или нѣтъ; tertium non datur“ и т. п. Все это святыя истины (конечно, если предполагать, что, кромѣ „да“ и „нѣтъ“, *можно* на каждый вопросъ отвѣчать еще словами „не знаю“); но по какому праву мы будемъ называть эти истины логическими законами мышленія? Вѣдь одинъ изъ нихъ говоритъ о бытіи, другой о правилахъ собесѣдованія и т. п., а силлогизмовъ и ихъ правилъ они намъ не объясняютъ.

Въ этомъ отношеніи особенно повезло закону тожества, который формулируютъ различными способами въ родѣ слѣдующихъ: „всякая вещь тожественна сама съ собой“; или—„A есть A“; или—„$A = A$“; или—„всякое понятіе можетъ служить своимъ сказуемымъ“ (omne subjectum est praedicatum sui); или—„все, что есть, есть“ и т. д. Все это неоспоримыя истины; но къ чему о нихъ поминать въ логикѣ? Вѣдь онѣ нисколько не объясняютъ силлогизмовъ.

4. Къ сказанному присоединяется, что изъ ученія о логическихъ законахъ чаще всего не дѣлаютъ никакого дальнѣйшаго употребленія, а какъ бы забываютъ о немъ въ дальнѣйшемъ изложеніи. Да при такихъ формулахъ и не сдѣлаешь изъ этого ученія никакого употребленія. Отъ всего этого читатель выноситъ подозрѣніе, что логика занимается едва-ли не пустомельствомъ, особенно, если авторы подобныхъ формулъ, оставляемыхъ безъ всякаго дальнѣйшаго употребленія, клянутся вмѣстѣ съ тѣмъ въ огромномъ утилитарномъ значеніи знанія логики.

Но иначе выходитъ дѣло, если излагать это ученіе послѣ того, какъ узнаны правила силлогизмовъ, и устанавливать содержаніе каждаго закона не иначе, какъ съ помощью такого знанія. Тогда сразу становится очевиднымъ, во-первыхъ, что безъ этого ученія нельзя объяснить указываемыхъ логикой правилъ силлогизмовъ (а послѣдніе душа всѣхъ доказательствъ); во-вторыхъ, что каждый изъ четырехъ указанныхъ нами законовъ образуетъ *особый*, самостоятельный, законъ; наконецъ, въ третьихъ, становится яснымъ, какъ именно слѣдуетъ формулировать каждый изъ этихъ законовъ.

8. **Взглядъ Липпса на законы мышленія.** Въ заключеніе упомянемъ о крайне своеобразномъ, даже исключительномъ, взглядѣ на законы мышленія, высказанномъ профессоромъ Мюнхенскаго университета Липпсомъ. По его словамъ, ни одинъ изъ четырехъ разсмотрѣнныхъ нами законовъ не имѣетъ права называться *закономъ;* въ дѣйствительности есть всего лишь одинъ подлинный законъ мышленія, который утверждаетъ только то, что *мышленіе всегда бываетъ законосообразнымъ*. А тѣ четыре закона мышленія, о которыхъ мы сейчасъ говорили, по мнѣнію Липпса, образуютъ собой всего лишь простыя тавтологіи или *опредѣленія* [1]).

Что приводитъ Липпса къ такимъ страннымъ взглядамъ? Онъ считаетъ логику всего лишь особой частью психологіи (eine Sonderdisciplin der Psychologie, см. l. c. § 3). Понятно, что при такихъ условіяхъ Липпсу никакъ нельзя держаться того опредѣленія мышленія, по которому послѣднее состоитъ вообще въ переживаніи сужденій и умозаключеній, какъ правильныхъ такъ и ошибочныхъ — безразлично. Вѣдь при такомъ опредѣленіи мышленія оказываются возможными двѣ разныхъ науки о мышленіи: одна оцѣночная, изучающая одни только правила мышленія,—логика, а другая

[1]) Вотъ собственныя слова Липпса: „всѣмъ этимъ тавтологическимъ „законамъ“ (кавычки поставлены самимъ Липпсомъ) мышленія, или этимъ, болѣе или менѣе, важнымъ для мышленія опредѣленіямъ, которыя, все-таки, поэтому-то и не должны называться законами, противостоитъ всего лишь единственный подлинный законъ мышленія (nur ein einziges wirkliches Gesetz des Denkens). Его содержаніемъ служитъ не что другое, какъ именно *законосообразность мышленія* (курсивъ самого Липпса). Законосообразность (Gesetzmässigkeit) есть постоянство или выдержанность (Constanz oder Consequenz). Законосообразность мышленія осуществлена, если при одинаковыхъ предположеніяхъ мыслится неизбѣжнымъ образомъ одинаковое (wenn unter gleichen Voraussetzungen Gleiches gedacht werden muss), если изъ одинаковаго выходитъ одинаковое для мышленія, если одинаковыя основанія имѣютъ одинаковыя для сознанія слѣдствія“. (Grundzüge der Logik, § 288).

безоцѣночная, изучающая мышленіе (т.-е. самый составъ переживанія сужденій и умозаключеній) независимо отъ его правильности или неправильности,—психологія мышленія. Липпсу же надо такъ поступить, чтобы выходило не двѣ науки о мышленіи, а только одна, которая могла бы, конечно, *называться* логикой, какъ говорящая о λόγος'ѣ—о мышленіи, но *считаться* должна частью психологіи. И вотъ, Липпсъ рѣшилъ называть мышленіемъ *только* то, что̀ на общечеловѣческомъ языкѣ называется *правильнымъ* мышленіемъ, такъ что, *если* мы мыслимъ, то мыслимъ не иначе, какъ правильно, а если совершаемъ логическія ошибки, то въ это время происходятъ какія-то другія душевныя переживанія, а не мышленіе. И Липпсъ настолько проникся своимъ произвольнымъ пониманіемъ слова мышленіе, что опредѣляетъ логику какъ „ученіе о законахъ и формахъ *мышленія*", просто мышленія—безъ всякой оговорки о правильности послѣдняго. Вмѣсто этой оговорки, онъ даже прибавляетъ, будто бы въ опредѣленіи логики нѣтъ никакой надобности указывать, что она служитъ ученіемъ о *правильномъ* мышленіи, „такъ какъ", тотчасъ же поясняетъ онъ, „мы всегда правильно мыслимъ, поскольку мыслимъ" [1]). Конечно, подъ именемъ „законовъ и формъ" мышленія Липпсъ, все-таки, въ концѣ концовъ излагаетъ не что иное, какъ тѣ же „правила" мышленія. Но цѣль Липпса уже достигнута: теперь передъ нимъ уже исчезла возможность существованія рядомъ двухъ наукъ о мышленіи, такъ что ему теперь легко утверждать, будто бы логика есть часть психологіи, „такъ какъ, говоритъ онъ, мышленіе есть *психическій* процессъ" (l. c. § 3).

А къ чему обязываетъ такое пониманіе мышленія, по которому „мы всегда правильно мыслимъ, *поскольку* мыслимъ"? Другими словами: къ чему мы обязываемся, если условимся называть мышленіемъ одно только правильное мышленіе? Къ мнѣнію, будто бы въ самомъ понятіи мышленія уже *подразумѣвается* безукоризненное исполненіе всѣхъ такъ называемыхъ логическихъ законовъ мышленія, будто бы ихъ строжайшее соблюденіе образуетъ *существенный признакъ* мышленія, такъ что если бы мы пожелали зачѣмъ-нибудь составить *точное* опредѣленіе мышленія, то пришлось бы упомянуть въ немъ и о постоянномъ соблюденіи этихъ законовъ. Наша формула *точнаго* опредѣленія гласила бы, *между прочимъ*, слѣдующее: „мышленіемъ *называется* та дѣятельность, въ которой каждое понятіе отожествляется съ нимъ самимъ, противорѣчія никогда не появляются, кромѣ утвержденія и отрицанія не бываетъ ничего третьяго, каждая мысль допускается лишь при достаточномъ основаніи" [2]). Такимъ образомъ, такъ называемые

---

[1]) Вотъ первыя слова его логики: „Die Logik ist die Lehre von den Formen und Gesetzen des Denkens. Ausdrücklich zu sagen, sie sei die Wissenschaft von den *normativen* Gesetzen des Denkens, oder die Lehre, wie *richtig* gedacht werde, ist nicht erforderlich, da wir immer richtig denken in dem Masse, als wir denken" (см. l. c. § 1 курсивъ здѣсь принадлежитъ самому Липпсу).

[2]) Читатель можетъ спросить: „а какъ самъ Липпсъ опредѣляетъ мышленіе?" Хотя у него указано два опредѣленія, изъ которыхъ одно онъ называетъ предвари-

логическіе законы превращаются теперь уже въ составныя части точнаго *опредѣленія* мышленія, а вслѣдствіе этого *теряютъ право называться законами;* ибо *какъ цѣлыя опредѣленія, такъ и отдѣльно взятыя части опредѣленій не составляютъ никакихъ законовъ.* Вѣдь каждый законъ, напр. — и законъ Архимеда, и законъ уплаты квартирнаго налога и т. д., образуетъ собою синтетическое сужденіе; части же опредѣленій составляютъ аналитическія сужденія, а цѣлое опредѣленіе есть сложное сужденіе, состоящее изъ соединенія однихъ только аналитическихъ сужденій. А что же при всѣхъ этихъ условіяхъ позволительно называть „подлиннымъ“ закономъ мышленія? Только то, что̀ оно вообще бываетъ законосообразнымъ, т.-е. только то, что оно при одинаковыхъ обстоятельствахъ приходитъ къ одинаковымъ результатамъ. Вотъ такимъ-то путемъ и возникло странное съ перваго взгляда мнѣніе Липпса о законахъ мышленія. Въ основѣ этого мнѣнія лежитъ произвольная перемѣна въ исторически установившемся и общепринятомъ значеніи термина „мышленіе“, т.-е. нарушеніе третьяго правила научной терминологіи (см. выше, стр. 290).

Замѣтимъ кстати слѣдующее: Липпсъ служитъ наглядным примѣромъ того вреда, который причиняютъ и логикѣ, и психологіи, если считаютъ первую частью второй. Вслѣдствіе смѣшенія этихъ разнородныхъ наукъ, въ логикѣ у него съ логической необходимостью возникло неправильное освѣщеніе изучаемыхъ ею фактовъ, именно—мнѣніе, будто бы четыре логическихъ закона мышленія составляютъ части опредѣленія понятія мышленія, и мнѣніе, будто бы правила логики суть формы, въ которыя отливается *всякое* мышленіе; а въ психологіи съ такой же необходимостью у него должно отсутствовать ученіе о мышленіи и въ частности объ умозаключеніяхъ. И дѣйствительно, въ изданномъ Липпсомъ „Руководствѣ къ психологіи“ (перев. М. А. Лихарева, Спб., 1907 г.) не только нѣтъ ни одной главы или параграфа, посвященнаго мышленію или умозаключеніямъ, но ни тотъ, ни другой изъ этихъ терминовъ не встрѣчается даже въ приложенномъ къ книгѣ „Алфавитномъ указателѣ матеріала“. До такой степени Липпсу кажется, будто бы рядомъ съ его „Очерками Логики“ уже нѣтъ надобности еще въ особой психологіи мышленія, между тѣмъ какъ въ его „Очеркахъ логики“ вовсе нѣтъ никакого разсмотрѣнія мышленія съ психо-

---

тельнымъ (vorläufig), а другое болѣе точнымъ (genauer), но ни одно изъ нихъ не можетъ считаться точнымъ. Предварительное опредѣленіе гласитъ, что мышленіе есть „дѣятельность, посредствомъ которой изъ данныхъ сознанія возникаетъ знаніе“ (l. c. § 2). Болѣе же точное опредѣленіе гласитъ, что мышленіе есть „объективно обусловленное представленіе“ (objectiv bedingtes Vorstellen—l. c. § 9), а передъ этимъ поясняется, что объективная обусловленность сводится къ обусловленности представленія самими объектами, къ устраненію въ немъ всякаго произвола (l. c. § 7). Но съ помощью такихъ опредѣленій не отличишь мышленія ни отъ правильныхъ воспоминаній, ни отъ неразрывныхъ ассоціацій, установившихся подъ вліяніемъ такихъ же постоянныхъ наблюденій, какъ у Сіамскаго короля, упомянутаго на стр. 666, и т. п. Очевидно, что каждому изъ этихъ опредѣленій далеко до того, чтобы называться точнымъ.

логической точки зрѣнія, т.-е. нѣтъ разсмотрѣнія самихъ душевныхъ переживаній, причисляемыхъ къ мышленію.

ГЛАВА XVI.

Логицизмъ А. И. Введенскаго или русское доказательство невозможности метафизики въ видѣ знанія.

1. Логицизмъ. Изъ правилъ логики, безъ всякой помощи со стороны другихъ наукъ, можно вывесть заключеніе о границахъ нашего знанія, именно—о невозможности метафизики въ видѣ знанія, а этимъ путемъ нагляднѣйшимъ образомъ подтверждается философское значеніе логики (срав. выше, стр. 27).

И такъ какъ это ученіе о границахъ знанія опирается на одну лишь логику, то удобно называть его для отличія отъ всѣхъ другихъ доказательствъ неосуществимости метафизическаго знанія *логицизмомъ*. А такъ какъ логицизмъ появился въ Россіи, то его можно также называть и *русскимъ доказательствомъ невозможности метафизики въ видѣ знанія* для отличія отъ иностранныхъ доказательствъ, именно: французскаго или позитивизма, англійскаго или эмпиризма и нѣмецкаго или критицизма. Впрочемъ, не слѣдуетъ думать, будто бы логицизмъ образуетъ такое доказательство, которое можно было бы безъ всякаго ущерба для дѣла замѣнить однимъ изъ иностранныхъ. Напротивъ, каждое изъ иностранныхъ доказательствъ страдаетъ, какъ мы покажемъ въ слѣдующей главѣ, такимъ недостаткомъ, что для устраненія послѣдняго приходится въ концѣ концовъ пополнить его логицизмомъ, а логицизмъ не нуждается ни въ одномъ изъ иностранныхъ доказательствъ; онъ достигаетъ своей цѣли уже самъ по себѣ, безъ ихъ помощи.

2. Необходимость отличать представленія отъ мышленія. Уже изъ разсмотрѣнія однихъ лишь логическихъ законовъ мышленія легко вывесть невозможность метафизическаго знанія. Но при этомъ *надо отличать представленіе и мышленіе*. Впрочемъ, выскажемся съ наибольшей строгостью въ выраженіяхъ: никогда не слѣдуетъ употреблять термины „мышленіе“, „немыслимый“ и т. п. вмѣсто терминовъ „представленіе“, „непредставимый“ и т. п. *Составъ же переживаній, называемыхъ мышленіемъ и представленіемъ, безразличенъ для нашихъ соображеній, потому что мы занимаемся не психологіей.* Намъ важенъ только фактъ существованія какой-то разницы между мышленіемъ и представленіемъ, какъ бы психологія ни описывала этихъ переживаній; ибо этотъ фактъ запрещаетъ употреблять одно вмѣсто другого такія слова какъ „представленіе“ и „мышленіе“, „непредставимый“ и „немыслимый“ и т. п.

Существованіе же какой-то разницы между мышленіемъ и представленіемъ съ особой наглядностью обнаруживается въ томъ, что мы можемъ, даже ясно, мыслить и то, чего не въ силахъ представить, хотя бы смутнымъ образомъ. Я говорю не о такихъ случаяхъ, что мы можемъ мыслить тысячеугольникъ, хотя не въ силахъ его представить. Здѣсь представленіе не отсутствуетъ сполна, но остается настолько смутнымъ, что нисколько не отличается отъ представленія стоугольника. Въ этомъ только смыслѣ мы и говоримъ, что у насъ нѣтъ представленія ни того, ни другого. На самомъ дѣлѣ у насъ для нихъ одно и то же представленіе, но такое смутное, что число угловъ совершенно неясно. Но мы можемъ мыслить, да еще съ величайшей ясностью, и то, *чтб вовсе не имѣетъ никакого представленія, даже смутнаго.* Напр., мы можемъ мыслить четырехмѣрное пространство. А четырехмѣрнымъ пространствомъ, въ отличіе отъ трехмѣрнаго, называется такое пространство, въ которомъ черезъ каждую точку можно провесть *четыре* взаимно-перпендикулярныхъ линіи, т.-е. четыре такихъ линіи, что *каждая* изъ нихъ выйдетъ перпендикулярной *сразу* къ тремъ остальнымъ; въ трехмѣрномъ же пространствѣ, съ какимъ мы имѣемъ дѣло въ опытѣ, черезъ точку можно провесть только *три* взаимноперпендикулярныхъ линіи. И вотъ, мы можемъ мыслить четырехмѣрное пространство, т.-е. переживать о немъ сужденія и умозаключенія. Мало того: его можно мыслить даже съ такой ясностью, что мы въ состояніи самымъ строгимъ образомъ доказывать ряды теоремъ о немъ. Но представленія четырехмѣрнаго пространства у насъ вовсе нѣтъ, а не то, чтобы оно было, да не отличалось отъ представленія пятимѣрнаго пространства. Напротивъ, у насъ вовсе нѣтъ ни того ни другого представленія. Другой примѣръ: греческій философъ Платонъ училъ, что кромѣ индивидуальныхъ предметовъ, воспринимаемыхъ нашими чувствами, напр.—кромѣ Ивана, Петра и т. д., есть еще особыя реальности, соотвѣтствующія *общимъ* понятіямъ, напр. — общему понятію человѣка, добра, красоты и т. д. Эти реальности онъ называлъ идеями и училъ о нихъ, что въ нихъ нѣтъ ничего чувственнаго, и что онѣ поэтому совершенно непредставимы. Но это не мѣшало ему создать обширное ученіе объ идеяхъ, которое, разумѣется, какъ и всякое ученіе, состояло изъ ряда сужденій, т.-е. изъ мышленія объ этихъ непредставимыхъ реальностяхъ. Далѣе: мы можемъ мыслить такія чисто-духовныя сущности какъ душу и Бога, хотя не въ состояніи представить себѣ ихъ самихъ. Вѣдь нельзя же называть представленіемъ самой души, т.-е. чисто-духовнаго предмета, образъ маленькаго человѣка, очень похожаго на другого—большого, какъ это иногда рисуютъ на иконахъ успенія Богоматери: ея душа изображается вверху картины въ видѣ миніатюрной Богоматери. Или нельзя назвать представленіемъ самого Бога — образъ старца, какъ это тоже встрѣчается на иконахъ. А что ихъ можно мыслить, доказываютъ всѣ метафизическія ученія о Богѣ и душѣ: они состоятъ изъ ряда сужденій и умозаключеній о Богѣ и душѣ, т.-е. изъ мышленія объ этихъ предметахъ.

Составъ переживаній мышленія о непредставимыхъ предметахъ

настолько же не важенъ для нашихъ цѣлей, какъ и сходство или разница въ составѣ между переживаніями представленій и мышленія: и то и другое психологическіе вопросы. Для насъ важенъ лишь самый фактъ, что есть мышленіе о непредставимыхъ предметахъ, и что оно даже можетъ достигать поразительной ясности и отчетливости. Съ этимъ фактомъ необходимо считаться, каковы бы ни были наши психологическіе взгляды на составъ душевнаго переживанія, происходящаго при этомъ фактѣ.

И такъ какъ легко подмѣтить этотъ фактъ безъ всякихъ психологическихъ изслѣдованій, то ссылка на него не вноситъ въ логицизмъ ни малѣйшаго психологизма, т.-е. не дѣлаетъ его зависимымъ отъ психологіи такъ же, какъ ничего подобнаго не дѣлаетъ съ физикой ея ссылка на тотъ общеизвѣстный фактъ, что можно слышать звуки, издаваемые невидимыми вещами, хотя слухъ и зрѣніе настолько же образуютъ предметы психологическаго изслѣдованія, какъ и мышленіе съ представленіемъ (сравн. выше, стр. 4—5). Иное дѣло, если бы логицизмъ ссылался на психологическія ученія о составѣ переживаній представленій и того или другого вида мышленія: тогда онъ находился бы въ зависимости отъ психологіи. А коль скоро онъ этого не дѣлаетъ, то въ немъ нѣтъ никакого психологизма.

3. Граница логически позволительнаго примѣненія умозаключеній и доказательствъ. Мы видѣли, что обязательность вывода въ правильныхъ умозаключеніяхъ обусловлена, между прочимъ, закономъ противорѣчія, т.-е. увѣренностью, что противорѣчіе неосуществимо въ тѣхъ предметахъ, о которыхъ упоминается въ посылкахъ умозаключенія (ср. стр. 293). Отсюда ясно, что *пользоваться умозаключеніями, а слѣдовательно, и какими бы то ни было доказательствами, какъ соединенными, такъ и несоединенными съ установкой данныхъ опыта* (ибо и тѣ, и другія состоятъ изъ умозаключеній), *умѣстно и логически позволительно только въ примѣненіи къ такимъ предметамъ, относительно которыхъ мы уже знаемъ, что они подчинены закону противорѣчія.* Напр., мы уже видѣли на стр. 293, что если допустить, будто бы ртуть и жидкости не подчинены закону противорѣчія, то наше согласіе съ посылками „ртуть жидкость, а всѣ жидкости упруги“ еще нисколько не обязываетъ насъ соглашаться съ сужденіемъ „ртуть упруга“. При такихъ условіяхъ нѣтъ ничего невозможнаго не только въ томъ, что ртуть окажется неупругой, но даже въ томъ, что она окажется сразу и упругой, и неупругой. Слѣд., считать ее при этихъ условіяхъ не иначе, какъ упругой, это значитъ допускать въ своемъ мышленіи произволъ, т.-е. нарушать законъ достаточнаго основанія [1]).

---

[1]) Моя брошюра „Новое и легкое доказательство философскаго критицизма“, въ которой впервые было опубликовано ученіе о границахъ логически позволительнаго употребленія умозаключеній, наноситъ, между прочимъ, ударъ и проповѣдуемому Н. О. Лосскимъ интуитивизму. Поэтому онъ (въ своей статьѣ, помѣщенной въ Журналѣ Министъ. Нар. Просв., 1909 г., № 7) старается защитить интуитивизмъ отъ этого удара. И въ этихъ усиліяхъ онъ договорился даже до утвержденія, будто бы обязательность строго опредѣленныхъ выводовъ силлогизма сохранялась бы и безъ

А теперь спросимъ себя: о какихъ же предметахъ можно *знать*, что они подчинены закону противорѣчія, т.-е. что въ нихъ никакія противорѣчія неосуществимы, и относительно какихъ это останется навсегда неизвѣстнымъ? Отъ отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ непроходимая граница логически позволительнаго употребленія умозаключеній и доказательствъ.

И вотъ, легко удостовѣриться, что *въ представленіяхъ противорѣчія неосуществимы; ибо осуществленіе противорѣчія непредставимо*. Напр., никакъ нельзя *представить*, т.-е. воплотить въ образъ, что ртуть *сразу* и упруга и неупруга, что она *сразу* и находится и не находится передъ нами и т. п. Все это можно только *мыслить*, т.-е. можно переживать сужденія, въ которыхъ содержатся эти противорѣчія, но нельзя *представить* эти противорѣчія осуществленными. Точно также нельзя себѣ *представить* круглый квадратъ: мы будемъ представлять себѣ либо кругъ, либо квадратъ, либо одну изъ этихъ фигуръ вписанной въ другую, но отнюдь не круглый квадратъ. Слѣд., о представленіяхъ, т.-е. о томъ, что по нашей волѣ или невольнымъ образомъ представляется намъ существующимъ, мы *знаемъ*, что они подчинены закону противорѣчія. А какъ дѣло стоитъ съ истиннымъ бытіемъ или вещами въ себѣ? (О значеніи терминовъ „истинное бытіе“ и „вещи въ себѣ“ см. выше, стр. 30).

Никакъ нельзя узнать, подчинено ли закону противорѣчія истинное бытіе, т.-е. никакъ нельзя удостовѣриться, что противорѣчія неосуществимы въ истинномъ бытіи или вещахъ въ себѣ. Намъ, конечно, кажется, что этому закону подчинено все безъ исключенія. Но это потому кажется, что мы не въ силахъ *представить* себѣ противорѣчіе осуществленнымъ въ чемъ бы то ни было. Въ дѣйствительности же изъ того, что про-

---

всякой помощи со стороны закона противорѣчія. При этомъ онъ не только *ни разу не оспариваетъ установленныхъ мною формулъ логическихъ законовъ мышленія*, но даже повторяетъ ихъ иногда *отъ себя*, такъ что, по всему замѣтно, присоединяется къ нимъ; и на это обстоятельство надо обратить вниманіе при оцѣнкѣ его соображеній. Но въ чемъ же состоитъ его доказательство? Вотъ оно, слово въ слово, съ его же собственными курсивами: „согласимся съ проф. Введенскимъ въ томъ, что мышленіе не подчинено закону противорѣчія, и покажемъ, что даже и въ такомъ случаѣ многіе весьма важные виды умозаключеній возможны. Положимъ, я интересуюсь отношеніемъ между ртутью и упругостью. Такъ какъ мышленіе, по предположенію, не подчинено закону противорѣчія, то я допускаю три возможности 1) ртуть упруга, 2) или ртуть не упруга, 3) или свойства ртути болѣе сложны, именно ртуть упруга и, кромѣ того, она не упруга. Теперь, если я имѣю посылки „ртуть жидкость, а жидкости упруги“, то въ силу закона *тожества* и закона *достаточнаго основанія*, я обязанъ признать, что „ртуть упруга“: мой отказъ отъ такого вывода былъ бы *произволомъ*“ (l. c. 191). Почему „обязанъ“, почему „отказъ отъ такого вывода былъ бы *произволомъ*“, а не *строгимъ соблюденіемъ* закона достаточнаго основанія, на все это нигдѣ въ его статьѣ нѣтъ никакого отвѣта; да этотъ вопросъ даже не разсматривается Н. О. Лосскимъ. Между тѣмъ ясно, что *если* онъ принимаетъ указанныя мной (въ гл. XV) формулы логическихъ законовъ мышленія, то законъ достаточнаго основанія *запрещаетъ* ему соглашаться *съ какимъ бы то ни было* выводомъ изъ взятыхъ имъ посылокъ, коль скоро законъ противорѣчія предположенъ отмѣненнымъ.

тиворѣчіе неосуществимо въ *представленіяхъ*, еще нельзя дѣлать ровно никакихъ заключеній о бытіи, какъ оно существуетъ само по себѣ, *независимо* отъ нашихъ *представленій*, т.-е. независимо отъ того, *представляется* ли оно нами и какимъ именно. Слѣд., для рѣшенія нашего вопроса надо *доказать* неосуществимость противорѣчій въ истинномъ бытіи.

Но нельзя построить никакого правильнаго (именно—не впадающаго въ заколдованный кругъ, въ circulus vitiosus) *доказательства неосуществимости противорѣчія въ истинномъ бытіи;* ибо всякое доказательство, какъ состоящее изъ умозаключеній, само же и опирается на предположеніе неосуществимости противорѣчія въ томъ предметѣ, относительно котораго ведется наше доказательство. (Сравн. выше, стр. 293). Такимъ образомъ, навсегда останется неизвѣстнымъ, подчинено ли истинное бытіе закону противорѣчія или нѣтъ.

Намъ могутъ возразить: зачѣмъ же непремѣнно *доказывать* подчиненіе истиннаго бытія закону противорѣчія, т.-е. зачѣмъ *умозаключать* объ этомъ подчиненіи? Развѣ нельзя удостовѣриться въ этомъ прямо, путемъ простой установки данныхъ опыта? Нѣтъ, это невозможно по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, *пока не выяснено, осуществимо или неосуществимо метафизическое знаніе, остается еще неизвѣстнымъ, и мы не имѣемъ ни малѣйшаго права предрѣшать вопросъ, что такое данныя опыта*: образуютъ ли онѣ истинное бытіе, или же только наши невольныя представленія? Слѣд., если бы простая установка данныхъ опыта и въ состояніи была удостовѣрить насъ, что *въ опытѣ* нигдѣ и никогда не осуществляются никакія противорѣчія, то все-таки оставалось бы неизвѣстнымъ, относится ли это удостовѣреніе къ истинному бытію или же къ тому, что̀ всего лишь невольно представляется существующимъ, т.-е. къ нашимъ представленіямъ. Во-вторыхъ, здѣсь у насъ идетъ рѣчь объ *общемъ* сужденіи, именно, о сужденіи „*никакія* противорѣчія неосуществимы въ истинномъ бытіи“. А мы уже знаемъ, что ни одно общее сужденіе не можетъ быть оправдано простой установкой данныхъ опыта, и что для такого оправданія необходимы доказательства (см. выше, стр. 107).

А изъ всего сказаннаго вытекаетъ слѣдующая *граница логически позволительнаго употребленія умозаключеній, а съ ними и какихъ бы то ни было доказательствъ* (какъ соединенныхъ, такъ и несоединенныхъ съ установкой данныхъ опыта, ибо и тѣ, и другія состоятъ изъ умозаключеній): *они умѣстны и логически позволительны только въ примѣненіи къ нашимъ представленіямъ о бытіи или о вещахъ, т.-е. только въ примѣненіи къ тому, какъ намъ представляются бытіе или вещи, но отнюдь не въ примѣненіи къ истинному бытію или къ вещамъ въ себѣ.* Напр., они вполнѣ умѣстны и логически позволительны для рѣшенія такого вопроса: „какой *представлялась* бы намъ сумма внутреннихъ угловъ тысячеугольника (и вообще любого многоугольника), если бы мы могли представлять его съ такой же ясностью, какъ треугольникъ, квадратъ и тому подобное?“ Логически умѣстны они и для рѣшенія такого вопроса: „какъ *представлятъ* движенія планетной системы—происходящими ли вокругъ

солнца или вокругъ земли?“ Но умозаключенія, а потому и доказательства совсѣмъ неумѣстны и логически непозволительны о какомъ бы то ни было предметѣ, разсматриваемомъ *независимо* отъ того, какъ онъ *представляется* намъ. Дѣйствительно, если мы умозаключаемъ о своихъ представленіяхъ, хотя бы и о самыхъ смутныхъ, въ родѣ тысячеугольника, то мы опираемся на такой законъ, про который мы *знаемъ*, что онъ царствуетъ надъ представленіями, именно—на законъ противорѣчія. Если же мы начинаемъ умозаключать объ истинномъ бытіи, о вещахъ въ себѣ, то намъ приходится опираться на такой законъ (именно—на законъ противорѣчія), относительно котораго намъ *неизвѣстно*, подчиняются ли ему эти предметы.

Можетъ быть, на все это намъ возразятъ, будто бы осуществленіе противорѣчія не только непредставимо, а даже немыслимо, будто бы мы его въ такой же мѣрѣ не въ состояніи мыслить осуществленнымъ, какъ не въ состояніи представить, и поэтому-де мы должны считать истинное бытіе настолько же подчиненнымъ закону противорѣчія, какъ и представленія.

Что же? Допустимъ, будто бы осуществленіе противорѣчія не только непредставимо, а даже немыслимо, хотя на самомъ дѣлѣ это ошибочное мнѣніе. Но изъ нашего допущенія можно сдѣлать только такой выводъ: всякій разъ, когда мы станемъ мыслить истинное бытіе, оно невольнымъ образомъ *будетъ* мыслиться нами не иначе, какъ подчиненнымъ закону противорѣчія, потому что, какъ сейчасъ было допущено, мы не въ состояніи мыслить нарушеніе этого закона гдѣ бы то ни было. Такимъ образомъ, на-ряду съ непредставимостью осуществленія противорѣчія будетъ дѣйствовать еще другая причина, которая заставитъ истинное бытіе *казаться* подчиненнымъ этому закону, именно—*немыслимость* осуществленія противорѣчія. Но изъ этой немыслимости, какъ и изъ непредставимости, еще непозволительно заключать о неосуществимости противорѣчія въ самомъ-то истинномъ бытіи. Вѣдь одно дѣло, какъ это бытіе невольнымъ образомъ всегда *мыслится* нами, и другое дѣло, какъ оно *существуетъ* само по себѣ. Такимъ образомъ, у насъ, по-прежнему, нѣтъ никакихъ правъ на примѣненіе умозаключеній и доказательствъ къ истинному бытію или вещамъ въ себѣ.

Какъ видимъ, для логицизма совершенно безразлично, вѣрно ли или невѣрно мнѣніе, будто бы осуществленіе противорѣчія не только непредставимо, а даже немыслимо. Тѣмъ не менѣе отмѣтимъ, что это ошибочное мнѣніе. Развѣ мы не мыслимъ противорѣчіе осуществленнымъ, когда говоримъ: „ртуть сразу упруга и неупруга“? Другой примѣръ: мы понимаемъ что значитъ выраженіе „круглый квадратъ“; слѣд. мы мыслимъ это понятіе, хотя его содержаніемъ служитъ осуществленіе явнаго противорѣчія [1]). Да

[1]) Въ одномъ изъ возраженій, присланныхъ мнѣ частнымъ образомъ отъ имени нѣсколькихъ студентовъ, говорится, что если пониманіе выраженія „круглый квадратъ“ доказываетъ, что мы въ состояніи мыслить это понятіе, то придется сказать, что мы въ состояніи мыслить и понятіе „умнаго квадрата“, ибо мы понимаемъ, что значитъ выраженіе „умный квадратъ“. Разумѣется, въ состояніи. Кажется же это немыслимымъ отчасти вслѣдствіе страшной непривычности мыслить подобныя понятія

какъ можно сомнѣваться въ мыслимости круглаго квадрата, когда мы переживаемъ о немъ такія сужденія и умозаключенія: „въ немъ всѣ разстоя-

---

отчасти же по тѣмъ же причинамъ, по которымъ кажется немыслимымъ осуществленіе противорѣчія.

Но есть два русскихъ автора, которые въ печати отрицаютъ возможность (не то, что позволительность, но самую возможность) мыслить противорѣчіе. Это—г. Букрѣевъ и Н. О. Лосскій.

Г. Букрѣевъ, въ своей статьѣ въ Журн. Министр. Народн. Просвѣщ. 1910 г. № 6, отрицаетъ возможность мыслить противорѣчіе на основаніи того, что оно попадается въ нашихъ мысляхъ только „въ замаскированномъ, скрытомъ видѣ. Съ явнымъ же, лишеннымъ всякихъ прикрасъ, противорѣчіемъ, говоритъ онъ, никто *не согласится*“. (l. c. стр. 289). „Мы не въ состояніи, прибавляетъ онъ, *одновременно признать* правильными два противорѣчивыхъ сужденія“ (l. c. 288. Курсивъ въ обоихъ случаяхъ мой). Но если слова г. Букрѣева понимать въ ихъ буквальномъ смыслѣ, то они явно страдаютъ ошибкой ignoratio elenchi (см. о ней выше, стр. 143); ибо г. Букрѣеву слѣдовало бы разсуждать вовсе не о *согласіи* съ противорѣчіемъ, но исключительно—*мыслится ли* оно нами на дѣлѣ когда-нибудь или нѣтъ, *независимо* отъ того, согласимся ли мы съ нимъ или нѣтъ. Если же его слова понимать въ томъ смыслѣ, что пока противорѣчіе въ нашихъ мысляхъ остается скрытымъ, то оно на дѣлѣ нами и не мыслится (ибо оно остается *непонятымъ* нами, такъ что и не мыслится, какъ противорѣчіе, но два противорѣчивыхъ сужденія въ это время мыслятся *порознь* безъ ихъ соединенія другъ съ другомъ въ сложное противорѣчивое), а когда оно обнаружится, то мы тотчасъ же отрекаемся отъ него и послѣ того уже умышленно не мыслимъ его, такъ что *на дѣлѣ* оно никогда не мыслится — ни до его обнаруженія, ни послѣ его обнаруженія, то вотъ каковъ нашъ отвѣтъ ему: по крайней мѣрѣ, въ моментъ обнаруженія, оно, все-таки, *понимается* нами, а слѣд. и *мыслится*, именно, *какъ противорѣчіе*; ибо только при этомъ условіи мы въ состояніи будемъ замѣтить его и послѣ того умышленно отказаться отъ согласія съ нимъ. А для доказательства фактической мыслимости противорѣчія достаточно, чтобы оно мыслилось хотя бы изрѣдка, хотя бы только въ моменты его обнаруженія.

Н. О. Лосскій же думаетъ, будто бы пониманіе противорѣчія еще не доказываетъ, чтобы оно и мыслилось нами. По его мнѣнію, когда намъ говорятъ о кругломъ квадратѣ, то наше пониманіе этихъ словъ сводится всего лишь къ пониманію, что намъ предъявлено *требованіе* соединить въ мысляхъ то, что противорѣчитъ другъ другу, но самого-то такого *соединенія мы* не *мыслимъ*. „Если же, прибавляетъ онъ, проф. Введенскій не согласится съ нашимъ разсужденіемъ и будетъ утверждать, что мыслить требованіе синтеза, это значитъ мыслить и синтезъ („соединеніе“, скажу я, чтобы не употреблять иностранныхъ словъ, вслѣдъ за Н. О. Лосскимъ, тамъ, гдѣ безъ нихъ можно обойтись), то тогда проф. Введенскому придется отказаться отъ своего ученія о законѣ исключеннаго третьяго. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, кто-либо станетъ утверждать, что о Богѣ нельзя сказать ни того, что Онъ существуетъ, ни того, что Онъ не существуетъ. Эти слова намъ понятны въ такой же мѣрѣ, какъ и требованіе соединить круглость съ квадратностью, но ни представить, *ни мыслить* (курсивъ мой, а не Н. О. Лосскаго) осуществленнымъ то, чего они требуютъ, человѣческій умъ не можетъ. Изъ факта понятности такихъ требованій вытекаетъ для проф. Введенскаго слѣдующая альтернатива: или признать, что мыслимость противорѣчія имъ не доказана, или признать, что мышленіе не подчинено не только закону противорѣчія, но и закону исключеннаго третьяго“. (См. стр. 190 Журн. Мин. Нар. Просв., за 1909 г. № 7).

Вотъ и все доказательство Н. О. Лосскаго. Какъ бы мы ни истолковали одно неясное мѣсто, заключающееся въ только-что выписанномъ разсужденіи, въ по-

нія отъ центра до периферіи равны между собой, пот. что онъ круглый", или „въ немъ эти разстоянія не равны между собой, пот. что онъ квадратъ"? Вѣдь мыслить—значитъ переживать сужденія и умозаключенія (сравн. выше, стр. 7). Когда думаютъ, будто бы противорѣчіе немыслимо, то, вопреки нашему предупрежденію, сдѣланному въ § 2 этой главы, употребляютъ слово „немыслимый" вмѣсто „непредставимый". Осуществленіе противорѣчія дѣйствительно совершенно непредставимо, но оно вполнѣ мыслимо.

Да возможность мыслить осуществленіе противорѣчія видна еще изъ слѣдующихъ фактовъ исторіи философіи. Въ средніе вѣка, именно — въ XIII вѣкѣ, появилось „ученіе о двойной истинѣ", утверждавшее, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ могутъ быть одинаково истинными двѣ *противоположныхъ* мысли объ *одномъ и томъ же* предметѣ: одна съ научной точки зрѣнія, а другая съ религіозной. Напр., съ научной точки зрѣнія мы должны считать истиной, что нѣтъ безсмертія души, что міръ не возникъ въ нѣкоторый опредѣленный моментъ прошлаго, а существовалъ искони; съ религіозной же точки зрѣнія мы должны считать настолько же истиннымъ, что есть безсмертіе, что міръ когда-то возникъ, созданъ изъ ничего. Здѣсь ясно высказалось убѣжденіе, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ осуществляются и противорѣчія. И надо замѣтить, что хотя церковь преслѣдовала это ученіе, оно, все-таки, находило не мало послѣдователей почти вплоть до XVII вѣка, до

слѣднемъ во всякомъ случаѣ оказывается ошибка допущенія ложнаго основанія (т.-е. πρῶτον ψεῦδος), а при одномъ изъ толкованій, сверхъ того, еще та грубая форма circulus vitiosus'a, которая для отличія отъ другихъ видоизмѣненій этой ошибки называется „доказывать idem per idem" (т. е. доказывать что-либо имъ же самимъ).

Въ самомъ дѣлѣ, по ходу разсужденія Н. О. Лосскаго вполнѣ ясно, что *онъ собирается привесть* (*и думаетъ, будто бы привелъ*) *примѣръ пониманія такого требованія нарушить законъ исключеннаго третьяго, которое сводилось бы къ требованію какого-либо соединенія* (синтеза, какъ онъ выражается). Но въ требованіи нарушить законъ исключеннаго третьяго содержится лишь требованіе *замѣнить* утвержденіе, и отрицаніе такимъ *третьимъ*, которое не было бы ихъ *соединеніемъ*, такъ что здѣсь нѣтъ и *не можетъ быть* никакого требованія *соединенія*. Слѣд., выставлять приведенный Н. О. Лосскимъ примѣръ, какъ требованіе такого *соединенія*, которое образуетъ нарушеніе *закона исключеннаго третьяго*, это значитъ допускать ложное основаніе. Если же въ этомъ примѣрѣ подъ требованіемъ соединенія подразумѣвать требованіе мыслить, что Богъ не существуетъ, ни не существуетъ (а никакого новаго толкованія уже нельзя придать разсматриваемому примѣру), то это составитъ требованіе нарушить всего лишь законъ противорѣчія, а вовсе не исключеннаго третьяго (именно: требованіе мыслить, что Богъ не существуетъ и не „не существуетъ"). И тогда, во-первыхъ, все-таки, появляется ложное допущеніе, будто бы въ этомъ примѣрѣ мы имѣемъ дѣло съ закономъ исключеннаго третьяго, а, во-вторыхъ, Н. О. Лосскій теперь уже не имѣетъ права ссылаться, какъ на основаніе, на то, что „человѣческій умъ не можетъ *мыслить*" указанное соединеніе, коль скоро онъ *всего еще доказываетъ* недоступность противорѣчія для мышленія: дѣлать такую ссылку въ ходѣ его доказательства означаетъ „доказывать idem per idem". Такимъ образомъ, Н. О. Лосскій вовсе не доказалъ, а всего лишь *голословно утверждаетъ* (уже во время хода своего кажущагося доказательства) невозможность мыслить противорѣчіе.

времени возникновенія новой философіи. Послѣ же ея возникновенія Гегель (умершій въ 1831 г.) объявилъ, что въ истинномъ бытіи, несомнѣнно, скрыто противорѣчіе, и что вся жизнь истиннаго бытія сводится къ порожденію такихъ продуктовъ, которые сняли бы, упразднили бы скрытое въ немъ противорѣчіе. А задолго до Гегеля, во время перехода отъ средневѣковья къ новой философіи, появилось ученіе Николая Кузанскаго, автора XV вѣка (жилъ 1401—1464 гг.) о сліяніи противоположностей въ Богѣ—coincidentia oppositorum. А развѣ могли бы возникнуть всѣ эти ученія, если бы мы были *не въ состояніи* мыслить осуществленіе противорѣчія?

4. Условіе права математики и естественныхъ наукъ считаться знаніемъ. Изъ факта существованія только-что указанной границы логически позволительнаго примѣненія умозаключеній и доказательствъ, въ свою очередь, вытекаетъ два важныхъ гносеологическихъ слѣдствія. Одно изъ нихъ указываетъ условіе, при которомъ математика и естественныя науки имѣютъ логическое право считаться знаніемъ; другое же очерчиваетъ границу, внутри которой содержится все, безъ остатка, наше *знаніе* (не вѣра, а знаніе), хоть какъ-нибудь, да *упоминающее* объ истинномъ бытіи, иначе о вещахъ въ себѣ, т.-е. о предметахъ, которые хочетъ изучать метафизика.

Первое слѣдствіе таково: *если мы считаемъ математику и естествознаніе* (за вычетомъ какихъ бы то ни было гипотезъ, но съ присоединеніемъ къ нему всѣхъ наукъ о данныхъ опыта: и психологіи, и лингвистики и т. д.) *знаніемъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ логически обязаны считать всѣ изучаемые ими предметы—и пространство, и время, и всѣ данныя опыта, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго—не вещами въ себѣ, не самимъ истиннымъ бытіемъ, но нашими невольными представленіями о вещахъ или бытіи, изъ которыхъ (представленій), правда, многія* (именно—данныя внѣшняго опыта) *кажутся существующими независимо отъ того, переживаются ли они нами, или нѣтъ.* Вѣдь математика и естествознаніе существуютъ лишь въ той степени, въ какой они пользуются умозаключеніями и состоящими изъ нихъ доказательствами: каждая теорема и каждый законъ природы *доказываются* съ помощью умозаключеній, соединенныхъ или несоединенныхъ съ установкой данныхъ опыта, это безразлично. Но умозаключенія и доказательства логически позволительно примѣнять только къ представленіямъ, а не къ истинному бытію или вещамъ въ себѣ, ноуменамъ. Такимъ образомъ, одно изъ двухъ: или мы обязаны согласиться, что всѣ предметы, изучаемые математикой и естествознаніемъ, суть наши невольныя представленія, или же должны не считать этихъ наукъ знаніемъ, потому что ихъ положенія доказаны логически непозволительнымъ путемъ.

И если бы кто-нибудь могъ доказать, будто бы никоимъ образомъ *нельзя* считать предметы, изучаемые математикой и естествознаніемъ, за то, какъ нами невольно *представляется* бытіе, за наши невольныя *представленія* о вещахъ, но что къ предметамъ этихъ наукъ, т.-е. къ пространству, времени и ко всѣмъ даннымъ внутренняго и внѣшняго опыта, *необходимо*

относиться *не иначе*, какъ къ самому же истинному бытію, то тѣмъ самымъ онъ неоспоримо доказалъ бы, что математика и естественныя науки не имѣютъ логическаго права считаться знаніемъ.

Но, конечно, *нельзя опасаться осуществленія такого доказательства, ибо оно упраздняло бы само себя.* Вѣдь его окончательный выводъ, утверждая, что ко всѣмъ даннымъ опыта, включая въ нихъ и пространство съ временемъ, необходимо относиться не иначе, какъ къ *истинному бытію*, дѣлалъ бы логически непозволительнымъ относительно нихъ и это самое доказательство. Такимъ образомъ, *нѣтъ и не можетъ быть никакихъ препятствій* (кромѣ незаслуживающихъ въ глазахъ науки ни малѣйшаго уваженія, въ родѣ непріятности, неэстетичности извѣстнаго взгляда и т. п.), *мѣшающихъ намъ считать всѣ данныя опыта, включая въ нихъ и пространство съ временемъ, нашими представленіями, изъ которыхъ, правда, многія кажутся существующими независимо отъ насъ. А емѣстѣ съ тѣмъ такой взглядъ логически неизбѣженъ, коль скоро мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ.*

Однако, эти слова не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ, будто бы считая математику и естественныя науки знаніемъ, необходимо отрицать существованіе истиннаго бытія или вещей въ себѣ, существованіе пространства и времени, независимыхъ отъ того, представляются они намъ, какъ существующія, или нѣтъ, и т. п. Напротивъ, все это, можетъ быть, и существуетъ, только въ математикѣ съ естествознаніемъ мы имѣетъ дѣло не съ самимъ истиннымъ бытіемъ, но съ тѣмъ, какъ оно представляется намъ, съ нашими невольными представленіями о немъ: они-то— *представленія—и составляютъ прямое содержаніе данныхъ опыта, включая сюда и то пространство съ временемъ, которыя изучаются математикой.* Но это, конечно, нисколько не препятствуетъ, чтобы независимо отъ нашихъ невольныхъ представленій существовало и пространство съ временемъ, и различныя вещи въ себѣ.

Все сказанное о математикѣ съ естествознаніемъ можетъ быть редактировано еще иначе, если пользоваться часто употребляемыми въ философіи выраженіями: *„субъективный“* и *„транссубъективный“* или *„объективный“*, изъ которыхъ два послѣднихъ служатъ синонимами другъ для друга, т.-е. объективный означаетъ то же самое, что транссубъективный. *Субъективнымъ называется все, что входитъ въ составъ душевной жизни;* таковы, напр., боль, наслажденія, представленія, какъ произвольныя, такъ и невольныя, и т. д. *Объективнымъ же, иначе—транссубъективнымъ, называется все, что существуетъ само по себѣ независимо отъ того, существуетъ ли душевная жизнь, или же ея нѣтъ.*

Изъ этого опредѣленія ясно, что называть объективнымъ, иначе—транссубъективнымъ, позволительно только то, относительно чего *мы уже удостовѣрились* въ его принадлежности въ истинному бытію (иначе—къ вещамъ въ себѣ, ноуменамъ). Назвать же этими именами *безъ всякаго изслѣдованія* что-нибудь другое, напр.—внѣшній міръ, взятый въ томъ самомъ

видѣ, какъ онъ данъ въ опытѣ, со всѣми его цвѣтами, звуками, запахомъ и т. д., это значитъ предрѣшить вопросъ объ его принадлежности со всѣми его цвѣтами, вкусами и т. д. къ истинному бытію и въ основу всѣхъ своихъ дальнѣйшихъ изслѣдованій положить *произвольныя* предпосылки.

Небезполезно обратить вниманіе на необходимость соблюденія еще слѣдующей предосторожности: термины „субъективный“ и „объективный“ мы обязаны употреблять въ философіи не иначе, какъ въ только-что указанномъ смыслѣ, отнюдь не подсовывая подъ нихъ тѣхъ значеній, которыя нерѣдко связываютъ съ ними на своемъ обывательскомъ языкѣ люди, пристрастные къ употребленію иностранныхъ словъ и тамъ, гдѣ въ нихъ нѣтъ никакой надобности. На обывательскомъ языкѣ часто слову „субъективный“ придаютъ смыслъ „неимѣющаго достаточныхъ основаній, а вызываемаго личными наклонностями, вкусами и т. п.“, а въ связи съ этимъ слово „объективный“ употребляется въ смыслѣ „обоснованнаго, общеобязательнаго“. Такъ, нерѣдко говорятъ: „это Ваше *субъективное* мнѣніе, и оно не имѣетъ никакой *объективной* цѣны“. Слово же „транссубъективный“ обывательскій языкъ, къ счастью, еще не успѣлъ похитить у науки, а поэтому не успѣлъ еще приписать ему никакого произвольнаго, искаженнаго смысла; оттого-то его и стали употреблять въ гносеологіи, какъ синонимъ термина „объективный“, на-ряду съ послѣднимъ. Прежде же, съ полстолѣтія назадъ, въ научной литературѣ его не употребляли, а довольствовались лишь терминами „субъективный“ и „объективный“.

И вотъ, все, что было сказано для разъясненія перваго слѣдствія, вытекающаго изъ факта существованія границы логически позволительнаго примѣненія умозаключеній и доказательствъ, можетъ быть редактировано еще слѣдующимъ образомъ: *если мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ, то всѣ изучаемые ими предметы, т.-е. всѣ данныя опыта, не только внутренняго, но и внѣшняго, включая въ нихъ и пространство съ временемъ, логически обязаны считать субъективными, хотя часть ихъ кажется объективными или транссубъективными.* Однако, это еще не означаетъ, чтобы не было никакого истинно транссубъективнаго (иначе—объективнаго) міра. Напротивъ, можетъ быть, онъ и существуетъ, можетъ быть, въ немъ даже точно такія же пространство, время и наполняющія ихъ вещи и событія, какъ и въ той части субъективнаго міра, которая кажется транссубъективной, да *прямымъ предметомъ, изучаемымъ нами въ математикѣ и естествознаніи, служитъ вовсе не транссубъективный, но исключительно субъективный міръ, часть котораго только кажется объективнымъ міромъ.* И если бы кто-нибудь доказалъ, что къ пространству и времени, взятымъ въ томъ самомъ видѣ, какъ они даны въ опытѣ, а также къ наполняющимъ ихъ вещамъ и явленіямъ природы, взятымъ въ томъ самомъ видѣ, какъ все это дано въ опытѣ, нельзя относиться, какъ къ субъективнымъ, а надо считать ихъ транссубъективнымъ бытіемъ, то тѣмъ самымъ было бы доказано, что ни математика, ни естественныя науки не имѣютъ права считаться знаніемъ. Но такое до-

казательство, конечно, упраздняло бы само себя; ибо логически непозволительно примѣненіе умозаключеній къ истинному бытію, а здѣсь мы примѣняли бы ихъ къ тому самому, про что нами же самими и доказывалось бы, что оно есть истинное бытіе.

5. Невозможность всякой метафизики въ видѣ знанія и неопровержимость любой метафизики, выставленной въ видѣ вѣры. Второе слѣдствіе, о которомъ мы говорили на стр. 315, таково: *если мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ, то все содержаніе такого доступнаго намъ знанія, которое, хоть какъ-нибудь да упоминало бы объ истинномъ бытіи (иначе — о вещахъ въ себѣ, ноуменахъ), логически вынуждено ограничиваться только такимъ, чисто-гносеологическимъ, а вовсе не метафизическимъ, положеніемъ: „объ истинномъ бытіи мы ничего не знаемъ и не можемъ знать ничего другого, кромѣ этой невозможности знанія о немъ, да еще—кромѣ того, что въ видѣ вѣры можно смѣло, безъ всякаго опасенія быть опровергнутымъ со стороны знанія, проповѣдывать объ истинномъ бытіи (иначе о вещахъ въ себѣ, о ноуменахъ) все, что хотимъ“*. Другими словами: если мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ, то въ видѣ знанія невозможна никакая метафизика, зато въ видѣ неопровержимой вѣры можно исповѣдывать любую метафизику.

Въ самомъ дѣлѣ: *если мы математику и естественныя науки считаемъ знаніемъ, то метафизикѣ нельзя состоять изъ непосредствованнаго знанія*, т.-е. изъ сужденій, оправданныхъ *простой* установкой данныхъ опыта; ибо при допущенномъ нами условіи (т.-е. если математика и естественныя науки *считаются* знаніемъ) мы всѣ данныя опыта обязаны считать нашими представленіями. Слѣд., при всякой установкѣ данныхъ опыта мы будемъ имѣть дѣло не съ самимъ истиннымъ бытіемъ, а съ представленіями. *Но метафизика не можетъ состоять также и изъ опосредствованнаго знанія, т.-е. изъ сужденій, оправданныхъ доказательствами*, потому что логически непозволительно примѣнять умозаключенія, а съ ними и доказательства, къ истинному бытію. Такимъ образомъ, каждое сужденіе, говорящее объ истинномъ бытіи, навсегда принуждено оставаться *недоказуемой вѣрой*.

Зато эта вѣра не можетъ быть и опровергнута; ибо для опроверженія сужденія, говорящаго объ истинномъ бытіи, тоже понадобилось бы примѣнять умозаключенія къ истинному бытію, именно: либо для доказательства сужденія, противоположнаго опровергаемому, либо для доказательства, что въ видѣ слѣдствія, вытекающаго изъ опровергаемаго сужденія объ *истинномъ бытіи*, получается явная нелѣпость (сравн. съ этимъ сказанное о противоположныхъ сужденіяхъ и о методахъ опроверженія выше на стр. 115—117).

Такимъ образомъ, ни одно изъ метафизическихъ воззрѣній никогда не можетъ превратиться въ знаніе, зато любое изъ нихъ можно исповѣдывать безъ всякаго опасенія быть опровергнутымъ со стороны знанія, т.-е.

въ видѣ неопровержимой вѣры. Напр., существованіе какого бы то ни было транссубъективнаго (иначе—объективнаго) міра въ составѣ истиннаго бытія можетъ быть допускаемо не иначе, какъ только въ видѣ недоказуемой вѣры, такъ какъ при попыткахъ превратить ее въ знаніе, пришлось бы примѣнять доказательства къ истинному бытію. Но вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя и опровергнуть существованіе транссубъективнаго міра, потому что пришлось бы для этой цѣли доказывать либо такое сужденіе: „въ составѣ истиннаго бытія нѣтъ транссубъективнаго міра“, либо такое: „если въ составѣ истиннаго бытія есть транссубъективный міръ, то это приводитъ къ такимъ-то и такимъ-то нелѣпымъ слѣдствіямъ“; но и въ томъ, и въ другомъ случаѣ вышло бы примѣненіе умозаключеній къ истинному бытію. Поэтому, въ видѣ неопровержимой вѣры, мы можемъ смѣло допускать существованіе транссубъективнаго міра, т.-е. проповѣдывать *реализмъ*, но настолько же смѣло, въ видѣ неопровержимой вѣры, мы можемъ проповѣдывать *идеализмъ*, т.-е. говорить, что нѣтъ никакого транссубъективнаго міра, и что весь данный въ опытѣ внѣшній міръ состоитъ изъ такихъ представленій, которыя, хотя и кажутся въ силу законовъ душевной жизни объективно (иначе—транссубъективно) существующими, въ дѣйствительности не соотвѣтствуютъ ровно никакимъ вещамъ въ себѣ, никакому истинному бытію.

Болѣе того: вслѣдствіе неизвѣстности, подчинено ли истинное бытіе закону противорѣчія, метафизическое знаніе неосуществимо до такой степени, что *нельзя даже узнать, трансцендентно ли истинное бытіе, или же оно имманентно.* Одинаково допустимо и то и другое, если математика и естествознаніе считаются знаніемъ. При этомъ условіи истинное бытіе вполнѣ возможно считать трансцендентнымъ, потому что весь имманентный міръ приходится считать состоящимъ изъ представленій. Но вмѣстѣ съ тѣмъ можно допустить, что само же истинное бытіе служитъ тѣми представленіями, изъ которыхъ состоитъ имманентный міръ, т.-е. что оно имманентно. Конечно, такой взглядъ на истинное бытіе вноситъ въ него противорѣчіе, потому что подъ истиннымъ бытіемъ подразумѣвается то, что существуетъ *независимо* отъ представленій, а здѣсь оно отожествляется съ представленіями. Но въ этомъ противорѣчіи нѣтъ никакой бѣды, коль скоро намъ неизвѣстно, подчинено ли истинное бытіе закону противорѣчія. Такимъ образомъ, остается навсегда неизвѣстнымъ, трансцендентно ли оно или имманентно.

А въ слѣдующемъ параграфѣ мы покажемъ, что остается навсегда неизвѣстнымъ, существуетъ ли истинное бытіе или же все существующее исчерпывается представленіями. И этимъ путемъ сдѣлается вполнѣ наглядной неосуществимость какого бы то ни было метафизическаго знанія.

6. Недоступность знанію даже простого существованія вещей въ себѣ. Изъ сказаннаго въ предшествующемъ параграфѣ видно, что *реализмомъ принято называть допущеніе транссубъективной реальности внѣшняго міра*, т.-е. утвержденіе, что внѣшній міръ не только представляется существующимъ, но существуетъ и самъ по себѣ, какъ истинное

бытіе, хотя бы даже и не въ такомъ видѣ, въ какомъ онъ представляется существующимъ. Все-таки, по словамъ реализма, онъ не простая греза, не галлюцинація безъ всякой реальной подкладки, а подъ нимъ скрываются какія-то вещи въ себѣ. *Идеализмомъ же называется отрицаніе транссубъективной реальности внѣшняго міра.* Идеализмъ утверждаетъ, что весь внѣшній міръ только *кажется* или *представляется* существующимъ, а самъ по себѣ, помимо нашихъ представленій, вовсе не существуетъ. Онъ всего только непрерывная галлюцинація, не имѣющая подъ собой никакой реальной подкладки. Свое названіе идеализмъ получилъ по той причинѣ, что онъ раньше всего появился въ Англіи, а на англійскомъ языкѣ представленія называются идеями, такъ что самый ранній идеализмъ утверждалъ, будто бы весь внѣшній міръ только наши *идеи* (т.-е. представленія) и больше ничего. Реализмъ же оттого и называется реализмомъ, что онъ утверждаетъ *реальность* внѣшняго міра, присущую ему помимо нашихъ идей, т.-е. представленій.

Идеализмъ впервые былъ созданъ англійскимъ философомъ Беркли, работавшимъ въ первой половинѣ XVIII вѣка (онъ жилъ съ 1685 — 1753 гг.) и учившимъ, что вселенная состоитъ только изъ Бога да человѣческихъ душъ, и что внѣшній или матеріальный міръ только представляется нашимъ душамъ существующимъ, на дѣлѣ же, помимо нашихъ представленій, онъ вовсе не существуетъ. Поэтому, когда говорятъ объ идеализмѣ, то сейчасъ же вспоминаютъ объ ученіи Беркли. И подъ вліяніемъ этого обстоятельства у многихъ вкоренилась *ложная мысль, будто бы есть одно метафизическое положеніе, съ которымъ приходится согласиться даже и въ томъ случаѣ, если мы докажемъ невозможность всякаго другого метафизическаго знанія, именно: что существуютъ какія-то вещи въ себѣ.* Мы можемъ не знать, каковы онѣ по своей природѣ: матеріальныя ли, духовныя ли, или однѣ изъ нихъ матеріальныя, а другія духовныя, или же, наконецъ, въ нихъ матеріальность и духовность слита въ видѣ нераздѣльнаго единства, но нельзя отрицать самое ихъ существованіе. Оно-де составляетъ неоспоримое достояніе метафизики. Подтверждается же это мнѣніе съ помощью такого соображенія: можно быть только либо реалистомъ либо идеалистомъ, т.-е. можно только либо допускать либо отрицать транссубъективную реальность внѣшняго міра. Но если мы исповѣдуемъ реализмъ, то хотя бы мы считали весь внѣшній міръ взятый въ томъ видѣ, какъ онъ данъ въ опытѣ, всего лишь нашимъ представленіемъ, мы тѣмъ самымъ, что допускаемъ реализмъ, допускаемъ и существованіе какихъ-то вещей въ себѣ, скрытыхъ подъ этимъ представленіемъ. Если же мы исповѣдуемъ идеализмъ, то мы, по крайней мѣрѣ, допускаемъ существованіе человѣческихъ душъ, которымъ *кажется* или *представляется* существующимъ внѣшній міръ; а души—вещи въ себѣ. Такимъ образомъ, всегда приходится допускать существованіе какихъ-либо вещей въ себѣ.

Но вотъ въ чемъ бѣда: идеализмъ, какъ это давно указано, еще англійскимъ философомъ XVIII вѣка Юмомъ (1711 — 1776 гг.), и нѣ-

мецкіе метафизики XIX в. широко использовали это указаніе,—*идеализмъ можетъ быть двоякимъ: или спиритуалистическимъ, т.-е. допускающимъ существованіе душъ, или же неспиритуалистическимъ, т.-е. отрицающимъ существованіе душъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ недопускающимъ никакой матеріи, которая порождала бы изъ себя душевную жизнь, какъ учитъ этому матеріализмъ.* Идеализмъ можетъ отвергнуть существованіе души, т.-е. существованіе того духовнаго носителя душевныхъ явленій, который порождаетъ ихъ изъ себя. Вмѣсто этого онъ можетъ разсматривать душевную жизнь, какъ такой потокъ душевныхъ явленій, въ которомъ послѣднія *сами* рождаютъ другъ друга, и который не принадлежитъ *никакому* носителю: ни-матеріальному, ни духовному, ни состоящему изъ того нераздѣльнаго единства духовнаго и матеріальнаго начала, о которомъ говоритъ, такъ называемый, психофизическій монизмъ. При этомъ, скажетъ идеализмъ, одна часть такого потока душевныхъ явленій объектируется въ видѣ внѣшняго міра, т.-е. невольно сознается какъ бы существующая сама по себѣ, помимо душевной жизни, а другая сознается, какъ субъективная, какъ образующая міръ внутреннихъ явленій. И, какъ мы упомянули сейчасъ, новѣйшіе нѣмецкіе метафизики часто строятъ системы неспиритуалистическаго идеализма. Запомнимъ кстати, что они *исходятъ при этомъ изъ произвольнаго допущенія, будто бы противорѣчія навѣрное неосуществимы не только въ представленіяхъ, а даже въ истинномъ бытіи или въ вещахъ въ себѣ.* А это очень важно для насъ, когда мы станемъ разсматривать, возможна ли метафизика въ видѣ знанія, хотя бы въ томъ случаѣ, если согласиться съ этимъ произвольнымъ допущеніемъ.

Конечно, неспиритуалистическій идеализмъ съ перваго взгляда кажется страннымъ до невозможности, потому что мы всегда сильнѣйшимъ образомъ склоняемся къ тому мнѣнію, что каждый потокъ какихъ бы то ни было явленій долженъ принадлежать какому-нибудь носителю или, какъ обыкновенно выражаются, какой-нибудь *субстанціи*. Эта субстанція или носитель можетъ быть либо духовной, либо матеріальной, это другой вопросъ, а во всякомъ случаѣ она, какъ намъ кажется, должна существовать. Но упорная наклонность предполагать сзади всякаго потока явленій какого-либо носителя этихъ явленій свидѣтельствуетъ только о томъ, какъ устроенъ нашъ *умъ*, а вовсе не объ устройствѣ самого истиннаго бытія. И изъ этой наклонности позволительно заключать лишь о томъ, какимъ вѣроятнѣе всего метафизики будутъ *считать* истинное бытіе, а вовсе не о томъ, какъ оно устроено на самомъ дѣлѣ. Такимъ образомъ, ничто не препятствуетъ идеализму существовать въ двухъ основныхъ видоизмѣненіяхъ: спиритуалистическаго и неспиритуалистическаго идеализма, т.-е. либо допускающаго духовныя субстанціи, либо отрицающаго всякія субстанціи, не только матеріальныя, но и духовныя.

Вслѣдствіе того, что на-ряду съ спиритуалистическимъ идеализмомъ можетъ существовать, да съ самаго начала XIX вѣка часто встрѣчается еще неспиритуалистическій идеализмъ, выходитъ, что *для метафизики недо-*

ступно даже знаніе о простомъ существованіи вещей въ себѣ хотя бы безъ всякаго выясненія ихъ природы. Съ одинаковымъ правомъ ихъ можно и допускать и отрицать; ибо вслѣдствіе логической непозволительности примѣнять къ нимъ умозаключенія нельзя доказать ни того ни другого.

И съ легкой руки нѣмецкаго философа Фихте (ум. въ 1814 г.), который въ началѣ XIX вѣка впервые построилъ одно изъ возможныхъ видоизмѣненій неспиритуалистическаго идеализма, отрицаніе вещей въ себѣ сдѣлалось среди метафизиковъ вещью, очень модной, особенно въ послѣднее время: „всякое бытіе, говорятъ они, есть бытіе въ сознаніи, а нѣтъ никакого особаго отъ него истиннаго бытія или вещей въ себѣ". Разумѣется, они выставляютъ это мнѣніе не въ видѣ одной лишь неопровержимой вѣры, а въ видѣ знанія и поэтому пытаются доказать, будто бы нельзя даже мыслить понятіе вещи въ себѣ. Но намъ незачѣмъ слѣдить за этими попытками, коль скоро логически непозволительно примѣнять доказательства къ вещамъ въ себѣ.

Впрочемъ, если даже позволить метафизикамъ такое примѣненіе, все-таки заранѣе видно, что всѣ эти попытки будутъ состоять изъ разнообразнѣйшихъ хитросплетеній, зачастую даже чисто-словесныхъ, съ помощью которыхъ ихъ авторы заслоняли бы отъ своего собственнаго взора логическія ошибки своихъ доказательствъ. Вѣдь имъ приходится доказывать невозможность того, что свидѣтельствуетъ о своей возможности своимъ существованіемъ. Своими доказательствами они стремятся уничтожить фактъ; ибо стоитъ только спросить любого изъ нихъ, когда онъ доказываетъ немыслимость понятія вещи въ себѣ: что же дѣлаетъ самъ-то онъ во время этого доказательства? Говоритъ, не мысля? Это непохвально! А такъ выходитъ, если немыслимо понятіе вещи въ себѣ. Да и обидна его немыслимость для метафизиковъ всѣхъ временъ всего міра. Они только и дѣлали, что говорили объ истинномъ бытіи или вещахъ въ себѣ, а выходитъ, что они говорили, не мысля того, о чемъ говорятъ.

Кстати: метафизики, доказывающіе немыслимость понятія вещи въ себѣ или истиннаго бытія, иногда договариваются до утвержденія, будто бы это такое же понятіе, какъ и понятіе круглаго квадрата, будто въ немъ содержится явное противорѣчіе. На самомъ дѣлѣ это одно изъ упомянутыхъ нами хитросплетеній, съ помощью которыхъ они натравливаютъ сами себя на убѣжденіе въ немыслимости понятія вещи въ себѣ. Въ этомъ понятіи нѣтъ никакого противорѣчія. Но *если бы понятіе вещи въ себѣ или истиннаго бытія и содержало въ себѣ противорѣчіе, то тѣмъ лучше для логицизма: тѣмъ яснѣе логическая непозволительность примѣнять умозаключенія и доказательства къ вещамъ въ себѣ или истинному бытію, и тѣмъ яснѣе полная неосуществимость метафизическаго знанія.*

7. Защита метафизики Н. О. Лосскимъ съ помощью интуитивизма. Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію тѣхъ попытокъ, которыя дѣлаютъ съ цѣлью защитить противъ насъ возможность существовать и метафизикѣ въ видѣ знанія на-ряду съ математикой и естественными науками. Одна изъ

нихъ, именно — попытка Н. О. Лосскаго, уже появилась въ печати (въ Журн. Мин. Нар. Просв. за 1909 г. № 7). Съ нея-то мы и начнемъ свое дѣло.

Вотъ какъ эта защита изложена самимъ же Н. О. Лосскимъ: „проф. Введенскій, говоритъ онъ, не достигъ своей цѣли, такъ какъ, вводя въ крѣпость свои войска, онъ не замѣтилъ, что вмѣстѣ съ ними проникли туда и нѣкоторые его противники-метафизики, напримѣръ, интуитивизмъ. Въ самомъ дѣлѣ: признаемъ вмѣстѣ съ проф. Введенскимъ, что умозаключенія вполнѣ умѣстны и логически позволительны лишь о нашихъ представленіяхъ. Изъ этого, однако, вовсе не вытекаетъ, будто умозаключенія не относятся къ вещамъ, къ „истинному бытію“ (кавычки здѣсь поставлены самимъ Н. О. Лосскимъ): возможно ученіе, и оно-то именно и отстаивается интуитивизмомъ, что представленіе о вещи есть не что иное, какъ сама вещь, само истинное бытіе... Очевидно, согласно этому ученію, доказательство того, что умозаключенія умѣстны о представленіяхъ, равносильно доказательству того, что они умѣстны о вещахъ“ (l. c. стр. 180).

Но Н. О. Лосскій не замѣтилъ въ своемъ доказательствѣ слѣдующей ошибки: *оно исходитъ изъ такого произвольнаго основанія, что послѣднее никакъ нельзя доказать до тѣхъ поръ, пока не докажешь того самаго положенія, для доказательства котораго назначено это основаніе* [1]). Въ самомъ дѣлѣ: въ разсматриваемомъ доказательствѣ основаніемъ служитъ сужденіе, говорящее, что представленія суть само же истинное бытіе. Но чтобы доказать это сужденіе, надо *примѣнить* умозаключенія къ истинному бытію (ибо каждое сужденіе, говорящее объ истинномъ бытіи, если и могло бы быть знаніемъ, то только опосредствованнымъ, см. выше стр. 318), между тѣмъ какъ само-то это основаніе назначено именно для доказатель-

[1]) Это прелюбопытное видоизмѣненіе „ошибки произвольнаго (иначе—спорнаго) основанія“. Многіе (хотя далеко не всѣ) логики только его и называютъ „petitio principii“, а остальныя ея видоизмѣненія зовутъ просто „ошибкой произвольнаго основанія“, но не petitio principii. И такое отношеніе къ дѣлу вполнѣ понятно; ибо это любопытное видоизмѣненіе настолько своеобразно, что довольно естественно было бы называть его особымъ именемъ. Вѣдь такая ошибка образуетъ что-то среднее между заколдованнымъ кругомъ и ошибкой *простого* произвольнаго основанія, т.-е. такого, которое не доказано, но доказательство котораго не нуждается въ томъ, чтобы уже было доказано то самое положеніе, для доказательства коего назначено это основаніе. См. примѣръ такого *простого* произвольнаго основанія на стр. 141. Но вотъ бѣда: разсматриваемое видоизмѣненіе на дѣлѣ попадается только въ разсужденіяхъ о предметахъ, мало извѣстныхъ или даже совсѣмъ неизвѣстныхъ большинству читателей, такъ что его не пояснить коротенькимъ и всѣмъ понятнымъ примѣромъ. Вотъ почему многіе логики при описаніи ошибокъ вовсе не упоминаютъ объ этомъ видоизмѣненіи произвольнаго основанія и называютъ именемъ „petitio principii“ (т.-е. требованіемъ основанія) *всякую* „ошибку произвольнаго основанія“, какъ это сдѣлали и мы на стр. 141. При такихъ условіяхъ ученіе объ ошибочныхъ доказательствахъ становится гораздо проще и легче, а между тѣмъ авторы работъ, посвящаемыхъ критикѣ научныхъ произведеній, уже привыкли употреблять выраженіе „petitio principii“, какъ названіе *всякаго* произвольнаго основанія.

ства позволительности примѣнять умозаключенія къ истинному бытію. Такимъ образомъ, доказательство Н. О. Лосскаго не можетъ достичь цѣли [1]).

8. Мистицизмъ и защита метафизики съ его помощью. Съ перваго взгляда гораздо убѣдительнѣе, чѣмъ попытка Н. О. Лосскаго, защита

---

[1]) Правда, Н. О. Лосскій тотчасъ же послѣ изложенія этого доказательства увѣряетъ, будто бы интуитивизмъ находится въ какомъ-то особомъ, привилегированномъ положеніи по сравненію со всякой другой метафизикой, будто бы для *его* оправданія нѣтъ никакой надобности пользоваться умозаключеніями. Но, къ сожалѣнію, ему не удается подтвердить справедливость такого страннаго мнѣнія. Вотъ какъ онъ подтверждаетъ его: сперва онъ заявляетъ, что все сказанное о воспріятіяхъ примѣнимо и къ представленіямъ, „потому что, говоритъ онъ, интуитивистъ сводитъ составъ представленій и воспріятій къ однимъ и тѣмъ же элементамъ съ разницею лишь въ интенсивности“ (l. c. стр. 181. Любопытно еще здѣсь слѣдующее обстоятельство: Н. О. Лосскій претендуетъ на то, что его ученіе чуждо всякаго психологизма; а здѣсь онъ опирается на одну изъ спорныхъ психологическихъ *теорій*). Послѣ же, обращаясь къ разсмотрѣнію моихъ словъ (сказанныхъ въ брошюрѣ „Новое и легкое доказательство философскаго критицизма“), что интуитивизму никоимъ образомъ *нельзя* доказать себя, такъ какъ всякое доказательство состоитъ изъ умозаключеній, а мы теперь лишены права примѣнять умозаключенія къ истинному бытію, онъ такъ возражаетъ мнѣ: „на дѣлѣ, говоритъ Н. О. Лосскій, интуитивисту въ этомъ спорѣ вовсе не нужно прибѣгать къ умозаключеніямъ, а нужно лишь установить понятія „я“ и „транссубъективной вещи“ путемъ простого *различенія* данныхъ опыта (курсивъ Н. О. Лосскаго): наблюдая такія данныя, какъ хотѣнія, чувства удовлетворенія и тому подобное, съ одной стороны, и качанія маятника, движенія облака, свистъ паровоза, съ другой стороны, онъ на основаніи непосредственно усматриваемаго различія *называетъ* (нашъ курсивъ) первую группу данныхъ своимъ субъективнымъ міромъ, а вторую группу—транссубъективнымъ міромъ, въ такой же мѣрѣ не нуждаясь при этомъ въ умозаключеніяхъ, какъ и тотъ, кто, наблюдая множество цвѣтовъ, относитъ одни цвѣта къ группѣ оттѣнковъ краснаго цвѣта, а другіе—къ группѣ оттѣнковъ голубого цвѣта“ (l. c. стр. 182). Конечно, Н. О. Лосскій слова „относитъ къ группѣ и т. д.“ употребилъ здѣсь въ смыслѣ „*называетъ* группой и т. д.“. Въ противномъ случаѣ его наблюдатель цвѣтовъ настолько же пользовался бы умозаключеніями, какъ и тотъ, кто *относитъ* встрѣченное имъ четверорукое животное къ обезьянамъ съ помощью такого силлогизма: „всѣ четверорукія — обезьяны, а встрѣтившееся животное—четверорукое, слѣд., и т. д.“.

Вотъ и все, цѣликомъ взятое, доказательство Н. О. Лосскаго, будто бы интуитивизму для своего оправданія нѣтъ надобности пользоваться умозаключеніями. Да развѣ это доказательство, или вообще какое-либо подтвержденіе, а не чисто голословное *повтореніе* спорной мысли? Въ самомъ дѣлѣ, передъ нами возникъ такой вопросъ: какъ удостовѣриться безъ помощи умозаключеній, что Н. О. Лосскій имѣетъ право считать, *а поэтому и называть* представленія самимъ же истиннымъ бытіемъ?“ Н. О. Лосскій же на это отвѣчаетъ *всего лишь* такими словами: „я раздѣлю всѣ данныя опыта на двѣ группы, въ одну изъ нихъ я на-ряду съ колебаніями маятника и т. п., отнесу также *представленія*, и *назову* ее транссубъективнымъ міромъ, т.-е. именемъ, которое позволительно примѣнять *только къ истинному бытію*“. Да вѣдь о томъ-то и идетъ рѣчь, чтобы *оправдать* свое *право* на примѣненіе такого названія къ представленіямъ; ибо подобное примѣненіе обозначаетъ, что представленія *уже считаются* частью транссубъективнаго міра, т. - е. истиннымъ бытіемъ, что они *уже отожествлены* съ послѣднимъ, а мы еще не получили отвѣта, по какому праву произведено такое отожествленіе.

метафизики съ помощью мистицизма. Подъ этимъ именемъ обыкновенно подразумѣваютъ крайне разнообразныя воззрѣнія. Напр., мистицизмомъ называютъ и убѣжденіе въ истинности пресуществленія св. даровъ, т.-е. превращенія хлѣба и вина въ плоть и кровь Христа, и убѣжденіе въ пророческомъ значеніи сновидѣній, и убѣжденіе въ истинности колдовства, спиритизма, телепатическихъ явленій и т. д. и т. д. Все это—воззрѣнія, столь различныя и даже столь разнородныя, что врядъ ли есть возможность установить такое опредѣленіе, которое было бы пригодно для всѣхъ безъ исключенія взглядовъ, называемыхъ мистицизмомъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ достаточно яснымъ. Напр., часто встрѣчающееся опредѣленіе, гласящее: „мистицизмъ есть убѣжденіе въ существованіи чего-либо таинственнаго", само слишкомъ таинственно, чтобы съ его помощью можно было разобрать, когда мы встрѣчаемся съ мистицизмомъ, а когда передъ нами не мистицизмъ. Но, къ счастью, намъ приходится имѣть дѣло только съ однимъ видоизмѣненіемъ мистицизма; ибо только оно одно и пригодно для такой защиты метафизики въ видѣ знанія, которая имѣла бы въ виду уже выяснившуюся непозволительность примѣнять умозаключенія къ истинному бытію. Поэтому *условимся терминъ „мистицизмъ" и всѣ термины, связанные съ нимъ, какъ-то: „мистикъ", „мистичность" и т. п., употреблять исключительно въ смыслѣ того видоизмѣненія мистицизма, единственно съ которымъ намъ приходится имѣть дѣло.*

Мистицизмомъ, если это слово употреблять въ только-что указанномъ узкомъ смыслѣ, называется убѣжденіе въ объективномъ значеніи мистическаго воспріятія, въ томъ, что оно прямо, непосредственно показываетъ намъ объективное, иначе—транссубъективное бытіе. Что же касается мистическаго воспріятія, то прежде всего замѣтимъ, что его называютъ разными именами, употребляя ихъ всѣ, какъ синонимы. Такъ, вмѣсто „мистическій" нерѣдко говорятъ „религіозный" и т. п., а вмѣсто „воспріятіе"—„ощущеніе, чувство, созерцаніе, интуиція" и т. п. Дѣло, конечно, не въ выборѣ среди этихъ названій; ибо, все равно, каждое изъ нихъ въ этомъ случаѣ пріобрѣтаетъ переносное значеніе. Замѣтимъ, однако, почему прилагательное „мистическій" нерѣдко замѣняютъ словомъ „религіозный": это оттого, что мистическое воспріятіе касается предмета религіи—Бога, такъ что принадлежитъ къ числу религіозныхъ чувствъ, хотя послѣднія, конечно, не исчерпываются имъ.

Если говорить вкратцѣ, то *мистическое воспріятіе* можетъ быть охарактеризовано, какъ такое *душевное переживаніе, при которомъ мы (т.-е. испытывающій его) чувствуемъ свое внутреннее единство съ Богомъ.* Говоря же подробнѣе и точнѣе: *мистическое воспріятіе состоитъ въ переживаніи невольной и неустранимой увѣренности въ присутствіи Бога въ насъ (въ переживающемъ это воспріятіе), совершенно такой же по своему характеру, какъ и наша увѣренность въ томъ, что сейчасъ (пока мы смотримъ на бумагу, гдѣ напечатаны всѣ эти слова) передъ нами находится бѣлизна,* именно: во-первыхъ, объ эти увѣренности оди-

наково невольныя и неустранимыя; во-вторыхъ, какъ присутствіе бѣлизны передо мной не есть выводъ изъ ощущенія, а само же содержаніе зрительнаго ощущенія, то, что̀ мной ощущается, такъ точно говоря словами Влад. Соловьева (съ его же собственными курсивами), „дѣйствительность Божества не есть *выводъ* изъ религіознаго ощущенія, а *содержаніе* ощущенія, *то самое, что̀ ощущается*“ (Оправданіе добра, 2-е изд. Москва, 1899 г. стр. 218); въ третьихъ, наконецъ, знаніе Божества является при мистическомъ воспріятіи настолько же *непосредственнымъ*, какъ и знаніе бѣлизны при зрительномъ воспріятіи, съ тѣмъ, однако, отличіемъ, что первое сопровождается чувствомъ единства съ предметомъ знанія — съ Богомъ, а во второмъ нѣтъ ничего похожаго на наше единство съ ощущаемой бѣлизной.

Таково мистическое воспріятіе. Конечно, разные мистики описываютъ его не вполнѣ одинаково другъ съ другомъ. Особенно сильно расходятся они между собой въ характеристикѣ того чувства *единства* съ Богомъ, которое входитъ въ составъ мистическаго воспріятія. Такъ, нѣкоторые изъ нихъ описываютъ это единство, какъ „экстазъ“ (выступленіе или изступленіе изъ самого себя), сказывающійся въ столь полномъ слiяніи насъ съ Богомъ, что даже собственное „я“ уже не сознается больше: оно сполна погружено въ Бога, слито съ Нимъ до ихъ полной неразличимости. Другіе же мистики отрицаютъ такое отожествленіе нашего „я“ съ Богомъ. Напр., вотъ что̀ пишетъ Влад. Соловьевъ (l. c. ibid.): „какъ бы полно ни было ощущеніе нашего внутренняго единства съ Богомъ, оно никогда не переходитъ въ сознаніе простого безразличнаго тожества или слiянія: всегда остается съ ощущеніемъ единства нераздѣльное ощущеніе, что божество, которое дѣйствуетъ и открывается въ насъ, съ которымъ мы соединяемся, есть нѣчто отличное и независимое отъ насъ — что оно прежде, выше и больше, чѣмъ мы“. Но намъ нѣтъ надобности слѣдить за видоизмѣненіями описанія мистическаго воспріятія у разныхъ мистиковъ: для насъ важны однѣ лишь общія всѣмъ мистикамъ черты, которыя только-что были нами указаны.

Узнавъ, въ чемъ именно состоитъ мистицизмъ, если употреблять это слово *исключительно* въ смыслѣ того ученія, единственно съ которымъ намъ приходится считаться, условимся еще въ слѣдующемъ употребленіи терминовъ: *всѣхъ*, кто исповѣдуетъ мистицизмъ, будемъ называть *мистицистами*, независимо отъ того, основано ли ихъ убѣжденіе въ объективномъ значеніи мистическаго воспріятія на собственномъ переживаніи его, или же, напротивъ, они чужды всякой *мистичности* (разъ навсегда, это означаетъ доступность такимъ переживаніямъ). Того же, кто самъ переживаетъ мистическія воспріятія, станемъ называть *мистикомъ*. Такимъ образомъ, *можно быть мистицистомъ, не будучи мистикомъ*. Конечно, многіе становятся мистицистами оттого, что они мистики, т.-е. на основаніи собственныхъ переживаній мистическаго воспріятія; но есть и такіе мистицисты (сколько ихъ, больше или меньше, чѣмъ первыхъ, это безразлично), которые сами чужды всякой мистичности, сами никогда не переживаютъ мистическаго воспріятія, но становятся мистицистами на основаніи свидѣтельства мистиковъ.

Итакъ, еще не всякій мистицистъ есть мистикъ. *Но мистикъ долженъ ли быть непремѣнно и мистицистомъ? Или же въ этомъ нѣтъ никакой логической необходимости, и можно быть мистикомъ, т.-е. переживать мистическія воспріятія, не становясь мистицистомъ, т.-е. не приписывая имъ объективнаго значенія?* Этимъ вопросомъ мы и займемся теперь. Но въ чемъ его связь съ основной задачей этой главы? Противъ нашего заключенія о невозможности метафизики въ видѣ знанія мистицисты могутъ сдѣлать, а частнымъ образомъ уже и дѣлали, такое возраженіе: „я соглашаюсь, говоритъ мистицистъ, что указаніе границы логически позволительнаго примѣненія умозаключеній сдѣлано вполнѣ правильно; вѣрны также и всѣ выводы, сдѣланные на основаніи этого указанія. Тѣмъ не менѣе все сказанное въ нихъ противъ возможности метафизики въ видѣ знанія неоспоримо только до тѣхъ поръ, пока имѣется въ виду *обычная* метафизика во всѣхъ ея видоизмѣненіяхъ. Но мистицизмъ совсѣмъ въ иномъ положеніи, чѣмъ всѣ обычные типы метафизики, потому что *мистикъ владѣетъ непосредственнымъ метафизическимъ знаніемъ, именно—знаніемъ Бога*, настолько же непосредственнымъ, какъ и знаніе бѣлизны этой бумаги. *Поэтому всѣ доводы противъ возможности метафизики въ видѣ знанія, основанные на существованіи границы логически позволительнаго примѣненія умозаключеній, хотя и вполнѣ вѣрны по существу, все-таки, нисколько не затрагиваютъ мистицизма, проходятъ мимо него*; ибо они имѣютъ въ виду метафизику, какъ опосредствованное знаніе“.

Изъ сказаннаго ясно, почему намъ приходится имѣть дѣло только съ однимъ видоизмѣненіемъ мистицизма, если взять это слово въ его обычномъ широкомъ значеніи: на основаніи другихъ видоизмѣненій нельзя защищать метафизику въ видѣ *непосредственнаго* знанія (сравн. стр. 325). Вмѣстѣ съ тѣмъ ясно, что, разсматривая ея защиту съ помощью мистицизма *въ только-что указанномъ узкомъ значеніи* слова „мистицизмъ“, *надо имѣть дѣло главнымъ образомъ съ такимъ мистицистомъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ и мистикъ*, т.-е. мистицизмъ котораго основанъ на *собственныхъ* переживаніяхъ мистическаго воспріятія.

Многое можно возразить тому мистицисту, который защищаетъ возможность метафизики не въ видѣ только *вѣры*, основанной на мистическихъ переживаніяхъ, но въ видѣ *знанія*. Прежде всего: если даже согласиться, будто бы мистикъ дѣйствительно владѣетъ непосредственнымъ знаніемъ Бога, то метафизика не двинется ни шагу дальше того знанія, что Богъ существуетъ. Вѣдь останется неизвѣстнымъ, подчиненъ ли Богъ (особенно же нашъ, христіанскій, *троичный* Богъ, который *единъ* въ *трехъ* лицахъ, пребывающихъ въ немъ *несліянно* и *нераздѣльно*), а съ Нимъ и все истинное бытіе закону противорѣчія или нѣтъ. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ никакой мистикъ не говорилъ, будто бы онъ, кромѣ самого Бога, непосредственно созерцаетъ еще, что Богъ и вообще истинное бытіе подчинены закону противорѣчія. Поэтому ни къ Богу, ни вообще къ истинному бытію

еще нельзя будетъ примѣнять умозаключенія, такъ что все метафизическое *знаніе* ограничится только тѣмъ, что есть Богъ.

Но этого мало. Противъ мистика-мистициста мы выставимъ еще такое возраженіе: „пусть, скажемъ мы, дѣйствительность Божества составляетъ не выводъ изъ мистическаго воспріятія или, какъ выражается Вл. Соловьевъ, ощущенія, но *содержаніе* этого ощущенія, — *то самое, что ощущается* (сравн. стр. 326). Однако, значитъ ли это, что Божество, т.-е. содержаніе мистическаго воспріятія или ощущеніе, имѣетъ и объективное (иначе—транссубъективное) значеніе, т.-е. существуетъ *независимо* отъ переживанія мистикомъ этого воспріятія?“ Вѣдь и дѣйствительность бѣлизны составляетъ *содержаніе* ея воспріятія или ощущенія, а не выводъ изъ него; но это еще не означаетъ, что мы обязаны считать бѣлизну не только субъективной, т.-е. существующей въ зависимости отъ душевной жизни, но также и объективной (транссубъективной), т.-е. существующей даже тогда, когда ея никто не видитъ. Кто хочетъ допускать объективное существованіе бѣлизны этой бумаги не въ видѣ вѣры, но въ видѣ знанія, тотъ долженъ доказать свой взглядъ, а не ограничиваться ссылкой на то, что нахожденіе бѣлизны передъ нимъ непосредственно ощущается имъ, образуетъ не выводъ изъ его ощущенія, но самое содержаніе ощущенія. Такъ точно дѣло стоитъ и съ Божествомъ мистика. Послѣдній обязанъ такъ разсуждать: „содержаніе моего мистическаго воспріятія, т.-е. дѣйствительность Божества, несомнѣнно, составляетъ, прежде всего, *психологическій*, слѣдовательно, субъективный фактъ. Конечно, мнѣ ничто не препятствуетъ допускать въ видѣ *вѣры* также и объективное, независимо отъ моихъ субъективныхъ переживаній, существованіе Божества. Но если *я* хочу такую вѣру превратить въ *знаніе*, то долженъ *доказать* принадлежность Божества къ составу истиннаго бытія. А такъ какъ *я*, мистикъ, уже согласился съ непозволительностью примѣнять умозаключенія и доказательства къ истинному бытію, то я обязанъ теперь согласиться съ тѣмъ, что доказательство, которое превратило бы допущеніе объективнаго существованія Божества въ знаніе, неосуществимо; слѣд., я обязанъ свой мистицизмъ считать осужденнымъ навсегда оставаться только вѣрой, безъ всякой надежды превратиться въ знаніе“. Такимъ образомъ, *нѣтъ причинъ, которыя логически, а не психологически, принуждали бы мистика быть вмѣстѣ съ тѣмъ и мистицистомъ.*

Психологическая же причина, побуждающая мистика быть вмѣстѣ съ тѣмъ и мистицистомъ, такова: его сбиваетъ съ толку ошибочное отожествленіе понятія знанія съ понятіемъ сильной и твердой увѣренности. Мистикъ пропитанъ сильной и непоколебимой увѣренностью въ объективномъ значеніи своего мистическаго воспріятія, т.-е. увѣренностью, что онъ созерцаетъ не только свое *субъективное* переживаніе, называемое мистическимъ воспріятіемъ, но и самого *объективно (транссубъективно)* существующаго Бога; и вотъ, эту самую увѣренность онъ уже считаетъ знаніемъ. Въ дѣйствительности же увѣренность въ истинности какого бы то ни было мнѣнія, какъ бы ни была

она сильна и тверда, еще не превращаетъ его въ знаніе: для такого превращенія нужно *доказать* это мнѣніе.

Если же мистикъ-мистицистъ не въ силахъ *доказать* транссубъективное значеніе мистическаго воспріятія, то онъ не только теряетъ право считать *знаніемъ* свое убѣжденіе въ существованіи Бога, но нельзя будетъ устранить еще слѣдующее сомнѣніе: можетъ быть, даже и есть объективно существующій предметъ мистическаго воспріятія (т.-е. предметъ, существующій независимо отъ переживанія этого воспріятія и по временамъ возбуждающій послѣднее въ мистикѣ), да имъ служитъ вовсе не Богъ, а злой духъ — дьяволъ, который по злобѣ своей шутитъ злую шутку, внушаетъ мистику твердую увѣренность, будто бы онъ непосредственно знаетъ Бога и находится въ прямомъ внутреннемъ единеніи съ Нимъ. Не забудемъ при этомъ слѣдующаго обстоятельства: *пока еще не рѣшенъ вопросъ объ осуществимости метафизическаго знанія, мы въ такой же степени имѣемъ право допускать и отрицать существованіе дьявола, какъ и существованіе Бога.* Только метафизика могла бы выяснить, существуетъ ли Богъ безъ дьявола, или, наоборотъ, дьяволъ безъ Бога, или же, наконецъ, нѣтъ ни того ни другого. Поэтому *объясненіе мистицизма вліяніемъ дьявола съ научной точки зрѣнія нисколько не хуже, чѣмъ его объясненіе вліяніемъ Бога.*

Можетъ быть, всѣ до одного переживанія мистическаго воспріятія, а съ ними и весь мистицизмъ, это—пока еще неудающіяся попытки дьявола подготовить воцареніе антихриста на землѣ. Вѣдь антихристъ вовсе не будетъ *явнымъ* противникомъ Христа, его *явной* противоположностью. Напротивъ, — вотъ что говоритъ одинъ изъ величайшихъ знатоковъ этого вопроса, Влад. Соловьевъ (въ „Трехъ разговорахъ“, С.П.Б. 1900 г., стр. 106, въ которыхъ *г. Z.* высказываетъ взгляды самого Влад. Соловьева):

„*Г. Z.* Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что то антихристіанство, которое по библейскому воззрѣнію обозначаетъ собою послѣдній актъ исторической трагедіи, будетъ не простое невѣріе, или отрицаніе христіанства, или матеріализмъ, и тому подобное, а что это будетъ религіозное *самозванство* (курсивъ самого Вл. Соловьева), когда имя Христово присвоятъ себѣ такія силы въ человѣчествѣ, которыя на дѣлѣ и по существу чужды и прямо враждебны Христу и духу Его.

Генералъ. Ну, конечно, дьяволъ не былъ бы и дьяволомъ, если бы въ открытую игралъ“.

Поэтому нѣтъ ничего невозможнаго, что антихристъ объявитъ себя величайшимъ мистикомъ, безпрерывно находящимся въ столь же близкомъ прямомъ внутреннемъ единеніи съ Богомъ, какъ и Христосъ; а чтобы въ антихристѣ не разобрали самозванца, дьяволу надо заранѣе пропитать человѣчество мистицизмомъ.

И съ нашими сомнѣніями, не внушается ли мистицизмъ дьяволомъ, вполнѣ согласуется то обстоятельство, что мистицизмъ, т.-е. убѣжденіе въ объективномъ значеніи мистическаго воспріятія, явно отрицается евангель-

скимъ ученіемъ. Такое отрицаніе видно уже и въ томъ, что какъ Христосъ, такъ и апостолы требуютъ отъ людей не знанія Бога, но всего лишь *вѣры* въ Него, свою же проповѣдь разсматриваютъ, какъ проповѣдь *вѣры*, а не знанія, коль скоро она касается не одного лишь факта воскресенія Христа, но Его божественности и вообще Бога. Мистикъ же мистицистъ считаетъ себя отнюдь не вѣрующимъ въ Бога, но *знающимъ* Бога, настолько же знающимъ объ Его существованіи, насколько мы знаемъ о существованіи бѣлизны той бумаги, на которой напечатаны всѣ эти слова. Но этого еще мало: въ евангельскомъ ученіи есть мѣста, которыя и прямо противорѣчатъ мистицизму. Такъ, въ Еванг. Іоанна I, 18: „Бога не видалъ никто никогда; Единородный Сынъ, сущій въ нѣдрѣ Отчемъ, Онъ явилъ (ἐξηγήσατο)“, т.-е. только Христосъ видитъ Бога, а это оттого, что Онъ находится въ нѣдрѣ Отчемъ. Далѣе, въ 1-мъ послан. къ Тимоѳею VI, 15 и 16, про Бога даже такъ говорится: „Котораго никто изъ человѣковъ не видѣлъ и видѣть *не можетъ*“. Выходитъ, что если я вѣрую въ Христа, то я не долженъ вѣрить въ объективное значеніе моего мистическаго воспріятія; а если вѣрю въ послѣднее, то уже нельзя вѣрить евангельской проповѣди, что только одинъ Христосъ можетъ видѣть Бога. Да и зачѣмъ мнѣ тогда Христосъ? Я и безъ Него нахожусь въ внутреннемъ единеніи съ Богомъ и непосредственно созерцаю Бога. Христосъ нуженъ только тѣмъ, кто самъ не мистикъ.

Наконецъ, замѣтимъ, что хотя въ видахъ упрощенія вопроса мы все время такъ разсуждали, какъ если бы у насъ не было никакихъ сомнѣній въ дѣйствительномъ (а не только кажущемся) переживаніи мистическихъ воспріятій, но позволительно усомниться въ немъ. Прежде всего, никакъ нельзя объяснить, почему эти воспріятія переживаются столь небольшимъ числомъ людей, остальнымъ же они не только недоступны на дѣлѣ, но имъ даже крайне трудно понять изъ описаній мистиковъ, въ чемъ именно состоятъ они. Ссылка на то, что условіемъ мистичности служитъ благочестіе, самоотверженная преданность Богу и т. п., нисколько не помогаетъ дѣлу: апостолы были очень благочестивы, однако проповѣдывали, что Бога не только никто изъ людей не видалъ, но и видѣть не можетъ. Почти то же самое написано и раньше не менѣе благочестивымъ авторомъ книги „Исходъ“ въ гл. XXXIII, 18—23, гдѣ Моисей, обращаясь къ Богу, „сказалъ: покажи мнѣ славу Твою. И сказалъ Господь Моисею: Я проведу предъ тобою славу Мою, и провозглашу имя Іеговы предъ тобою; и кого помиловать—помилую, кого пожалѣть — пожалѣю. И потомъ сказалъ Онъ: лица моего не можно тебѣ увидать, потому что *человѣкъ не можетъ увидѣть Меня и остаться въ живыхъ*. И сказалъ Господь: вотъ мѣсто у Меня: стань на этой скалѣ. Когда же будетъ проходить слава Моя, Я поставлю тебя въ разсѣлинѣ скалы и покрою тебя рукою Моею, доколѣ не пройду“. Почему же нигдѣ, ни въ Новомъ, ни въ Ветхомъ Завѣтѣ, нѣтъ никакихъ указаній на переживаніе кѣмъ-либо мистическаго воспріятія, а только одни лишь напоминанія о невозможности для человѣка прямо, непосредственно видѣть самого

Бога, между тѣмъ какъ написаны всѣ эти книги людьми завѣдомо благочестивыми, и говорится въ нихъ о множествѣ величайшихъ образцовъ благочестія? Библія часто говоритъ объ явленіяхъ Бога людямъ, но это всегда бываетъ въ видѣ какого-либо чувственнаго образа: трехъ странниковъ, пылающаго, но несгорающаго куста, раздающагося изъ облака голоса и т. п. О созерцаніи же прямо самого Бога какимъ бы то ни было человѣкомъ, о непосредственномъ созерцаніи Его путемъ мистическаго воспріятія Библія упорно молчитъ. Очевидно, при переживаніяхъ мистическаго воспріятія благочестіе само по себѣ еще ни при чемъ: въ противномъ случаѣ эти переживанія должны были бы безпрестанно встрѣчаться въ Библіи. Почему же они мало кому доступны? Конечно, люди распадаются на разные психологическіе типы. Но кто изучалъ различія послѣднихъ, знаетъ, что въ особенностяхъ, которыми отличаются эти типы другъ отъ друга, даже если принимать во вниманіе и такіе исключительные типы, какъ, напр.,—окрашивающихъ звуки [1]), нѣтъ ровно ничего, напоминающаго о тѣхъ особенностяхъ, которыя приходится приписать типу мистиковъ.

А въ то же время *существуетъ одно широко распространенное, врядъ ли кѣмъ ни разу не испытанное, переживаніе, которое легко принять подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ предвзятыхъ взглядовъ, именно—пантеистическихъ, за мистическое воспріятіе.* Это чувство присутствія Бога *предъ* нами: мы чувствуемъ не Бога *въ* насъ, но только самихъ себя находящимися *предъ* Богомъ, какъ что-то обособленное отъ Него. Это чувство часто переживается въ церкви или вообще во время искренной молитвы, хотя бы уединенной. У людей же праведныхъ, постоянно заботящихся о томъ, чтобы быть угодными Богу, оно должно возникать почти безпрерывно. Отсюда-то, конечно, и явилось выраженіе: „ходить предъ Богомъ“, часто примѣняемое Библіей къ праведникамъ. Напр.: „и ходилъ Енохъ предъ Богомъ“ (Бытія, VI, 9), или — „Господь явился Аврааму и сказалъ ему: Я Богъ всемогущій; ходи предо мною, и будь непороченъ“ (Бытія, XVII, 1) и т. п. И это чувство своего нахожденія предъ Богомъ или, что то же, присутствія Бога предъ нами, крайне легко принять подъ вліяніемъ *пантеистическихъ* взглядовъ за чувство своего пребыванія *въ* Богѣ, т.-е. за чувство своего внутренняго единенія съ Богомъ, особенно—если дьяволъ подталкиваетъ къ такому самообману, если онъ, напримѣръ, укрѣпляетъ насъ въ дьявольски гордой увѣренности, будто бы пантеистическая метафизика образуетъ не вѣру, а знаніе. Мистицизмъ же постоянно почему-то соединяется, если и не съ открыто принятымъ пантеизмомъ, то, по крайней мѣрѣ, съ рѣзко выраженнымъ пантеистическимъ умонастроеніемъ.

А какъ много самообмана въ описываемомъ мистиками чувствѣ своего внутренняго единства съ Богомъ, лучше всего подтверждается словами ми-

---

[1]) Довольно рѣдкій типъ, отличающійся тѣмъ, что звуки *слышатся*, какъ бы окрашенные въ нѣкоторые цвѣта, при чемъ эта окраска у разныхъ лицъ этого типа неодинакова, равно какъ и богатство ея разнообразія.

стиковъ, описывавшихъ *наисильнѣйшую* степень переживанія мистическаго воспріятія, экстазъ. Тутъ-то, вслѣдствіе наибольшей силы этого переживанія, и надо было бы ждать наибольшей точности въ подмѣчиваніи всѣхъ особенностей мистическаго воспріятія. Между тѣмъ эти мистики увѣряютъ, будто бы при экстазѣ наше „я“ уже не сознается, будто бы погруженное въ Бога, оно какъ бы растворяется, затеривается въ Немъ, доходя до полной неразличимости съ Нимъ, при чемъ такое полное сліяніе съ Богомъ ощущается, какъ наивысшее блаженство. Но если все это было съ мистикомъ именно такъ, какъ онъ говоритъ, то откуда же и какъ онъ могъ узнать, что это было съ *нимъ*, а не съ кѣмъ другимъ, коль-скоро онъ въ это время вовсе не сознавалъ *себя*, *своего „я“?* Не ясно ли, что онъ намъ описалъ свои переживанія вовсе не въ томъ самомъ видѣ, какъ они происходили въ дѣйствительности, а въ томъ, какими имъ *слѣдовало бы быть* сообразно съ его предвзятыми пантеистическими взглядами, и какими они *показались* ему подъ вліяніемъ этихъ взглядовъ?

9. Защита метафизики съ помощью единственнаго произвольнаго допущенія. Можно попробовать защищать осуществимость метафизическаго знанія съ помощью единственнаго произвольнаго допущенія, состоящаго въ томъ, что истинное бытіе настолько же подчинено закону противорѣчія, какъ и представленія. Изъ того, скажутъ намъ, что навсегда останется неизвѣстнымъ, подчинено ли истинное бытіе, т.-е. вещи въ себѣ, закону противорѣчія, еще не вытекаетъ, чтобы оно не было подчинено ему. Поэтому допустимъ такое подчиненіе и будемъ строить метафизику, исходя изъ этого предположенія. Конечно, метафизика окажется построенной на произвольномъ допущеніи; тѣмъ не менѣе, рано или поздно, какое-нибудь метафизическое ученіе сдѣлается общеобязательнымъ для всѣхъ, кто соглашается съ этимъ допущеніемъ, потому что вслѣдствіе этого допущенія становится логически позволительнымъ примѣнять умозаключенія и доказательства къ истинному бытію или вещамъ въ себѣ. Такое примѣненіе непозволительно только до тѣхъ поръ, пока мы оставляемъ не рѣшеннымъ вопросъ относительно подчиненія истиннаго бытія закону противорѣчія. Но какъ только мы рѣшили его въ утвердительномъ смыслѣ, то этимъ самымъ рѣшенъ въ утвердительномъ смыслѣ и вопросъ о логической позволительности примѣнять умозаключенія и доказательства къ истинному бытію.

Но *изъ правилъ логики вытекаетъ, что если даже допустить подчиненіе истиннаго бытія закону противорѣчія, все-таки, метафизическое знаніе никогда не можетъ появиться, если его не было раньше.* Оно могло бы при такомъ допущеніи расширяться какъ угодно дальше, если бы оно уже существовало теперь. Но если теперь нѣтъ никакого метафизическаго знанія, то логически невозможно его появленіе въ будущемъ. А нужно не упускать изъ виду, что тѣ, кто защищаетъ возможность появленія метафизики въ видѣ знанія, всегда соглашаются съ тѣмъ, что до сихъ поръ еще нѣтъ никакого метафизическаго знанія. Они разсчитываютъ только, что оно можетъ появиться въ болѣе или менѣе отдаленномъ буду-

щемъ. На самомъ же дѣлѣ *отсутствіе метафизическаго знанія въ настоящемъ обусловливаетъ логическую невозможность его появленія въ будущемъ*. Все это мы и покажемъ въ дальнѣйшихъ параграфахъ этой главы.

10. Отсутствіе какого бы то ни было метафизическаго знанія въ настоящемъ. Но правильно ли поступаютъ защитники метафизики, соглашаясь, что до сихъ поръ нѣтъ никакого метафизическаго знанія? Вполнѣ правильно. Если пересмотрѣть всѣ метафизическія ученія, которыя возникли до сихъ поръ, то ясно видно, что каждое изъ нихъ противорѣчитъ какому-нибудь другому. Въ этомъ, конечно, не было бы большой бѣды, если бы оставался нерѣшеннымъ вопросъ, подчинено ли истинное бытіе закону противорѣчія. Тогда позволительно было бы думать, что относительно истиннаго бытія могутъ быть вполнѣ вѣрными два противоположныхъ ученія, подобно тому, какъ относительно круглаго квадрата вполнѣ вѣрно и то, что въ немъ всѣ разстоянія отъ центра до периферіи равны между собою (потому что онъ круглый), а также и то, что они не равны между собою (потому что онъ квадратъ). Но когда истинное бытіе считается подчиненымъ закону противорѣчія, то за готовое метафизическое знаніе позволительно принимать только то, что одинаково признается всѣми метафизическими ученіями, только то, въ чемъ они нисколько не противорѣчатъ другъ другу. Но эти ученія такъ противорѣчивы, что изъ нихъ нельзя выдѣлить ровно ничего общаго для нихъ для всѣхъ, ничего такого, что безспорнымъ образомъ признавалось бы каждымъ изъ нихъ. Чтобы удостовѣриться въ этомъ, пересмотримъ всѣ возникшія до сихъ поръ метафизическія ученія.

Они раздѣляются прежде всего на отрицающія существованіе вещей въ себѣ—неспиритуалистическій идеализмъ и на допускающія ихъ существованіе. Къ послѣднимъ принадлежатъ: спиритуалистическій идеализмъ и реализъ (сравни выше стр. 320). Идеализмъ, какъ спиритуалистическій, такъ и неспиритуалистическій, до сихъ поръ выработался въ нѣсколькихъ видоизмѣненіяхъ. Но мы не будемъ говорить о нихъ и обратимъ вниманіе только на видоизмѣненія реализма. Къ послѣднимъ принадлежитъ прежде всего *матеріализмъ. Онъ состоитъ въ отрицаніи самостоятельнаго духовнаго начала*, въ утвержденіи, что существуетъ только матерія и больше ничего, что нѣтъ никакихъ духовныхъ сущностей, и что тѣ душевныя явленія, которыя каждый изъ насъ сознаетъ въ себѣ, порождаются только матеріей, безъ всякаго участія души. Матеріализму противостоитъ *спиритуализмъ, утверждающій, что есть духовныя сущности*, и что наша душевная жизнь порождается одной изъ нихъ, именно душой. При этомъ самъ спиритуализмъ подраздѣляется на три видоизмѣненія. Первымъ изъ нихъ можно было бы назвать спиритуалистическій идеализмъ; но такъ какъ мы сейчасъ хотимъ имѣть дѣло только съ видоизмѣненіями реализма, а не идеализма, то на этомъ видоизмѣненіи мы не будемъ останавливаться. Вторымъ видоизмѣненіемъ спиритуализма служитъ *дуалистическій спиритуализмъ или дуализмъ*, утверждающій, что все существующее распадается

на матерію и души, что человѣкъ состоитъ изъ соединенія души съ той частью матеріи, которая называется его тѣломъ, и что пока цѣло это соединеніе, т.-е. пока человѣкъ живъ, его душевныя явленія порождаются душой при участіи тѣла. А вслѣдствіе этого каждое изъ душевныхъ явленій имѣетъ какъ бы свою тѣлесную сторону, сопутствующую ему въ видѣ какого-нибудь матеріальнаго явленія, происходящаго въ головномъ мозгу. Третьимъ же и послѣднимъ видоизмѣненіемъ спиритуализма служитъ *панпсихизмъ*, который иногда называютъ также *монистическимъ спиритуализмомъ*. Въ отличіе отъ спиритуалистическаго идеализма *панпсихизмъ допускаетъ транссубъективную реальность внѣшняго міра. Но*, въ отличіе отъ матеріализма и дуализма, *онъ считаетъ внѣшній міръ состоящимъ не изъ матеріи, а только изъ комплексовъ духовныхъ сущностей*, которыя намъ, людямъ, всего лишь кажутся матеріальными. Наконецъ, къ видоизмѣненіямъ реализма надо отнести и *психофизическій монизмъ. Онъ учитъ, что духовное и матеріальное начала всегда слиты вмѣстѣ въ одно нераздѣльное единство:* та же самая сущность, которая при разсмотрѣніи ея изнутри, оказывается духовной, вмѣстѣ съ тѣмъ выходитъ матеріальной, если ее разсматривать извнѣ. При этомъ она не кажется только матеріальной, но и дѣйствительно матеріальна, только ея матеріальность остается незамѣтной, когда мы разсматриваемъ ее изнутри: тогда видна только ея духовная сторона. А эта сторона вовсе не порождается матеріальной, какъ въ матеріализмѣ, но существуетъ настолько же самостоятельно, какъ и матеріальная, при чемъ обѣ слиты въ одно нераздѣльное единство.

Замѣтимъ кстати, что *не слѣдуетъ смѣшивать психофизическій монизмъ съ психофизическимъ параллелизмомъ*. Послѣдній означаетъ ученіе, установленное независимо отъ всякой метафизики и состоящее въ утвержденіи, что каждое душевное явленіе возникаетъ не иначе, какъ въ сопровожденіи опредѣленнаго тѣлеснаго явленія. Психофизическій параллелизмъ не идетъ дальше этого утвержденія и оставляетъ открытымъ вопросъ, почему существуетъ такая связь душевныхъ явленій съ тѣлесными, а говоритъ только, что всѣ данные въ опытѣ факты подтверждаютъ существованіе этой связи. Что же касается психофизическаго монизма, то онъ, въ отличіе отъ психофизическаго параллелизма, образуетъ одно изъ метафизическихъ объясненій причинъ существованія означенной связи: она, по словамъ психофизическаго монизма, служитъ слѣдствіемъ того обстоятельства, что духовное начало нераздѣльнымъ образомъ слито съ матеріальнымъ.

Итакъ, если имѣть въ виду одинъ только вопросъ объ объясненіи распаденія вселенной на внѣшній и внутренній міръ, то мы уже встрѣчаемся съ шестью метафизическими ученіями, именно: неспиритуалистическій идеализмъ, спиритуалистическій идеализмъ, матеріализмъ, дуализмъ, панпсихизмъ и психофизическій монизмъ. Но это разнообразіе метафизическихъ ученій осложняется еще ихъ различными отношеніями къ вопросу о существованіи Бога и объ Его отношеніяхъ къ міру. Здѣсь мы сталкиваемся съ ученіями, допускающими и отрицающими существованіе Бога. Послѣднія называются

атеистическими или *атеизмомъ*, что въ буквальномъ переводѣ съ греческаго означаетъ безбожіе. Первыя же раздѣляются на теизмъ, деизмъ и пантеизмъ. Слово *пантеизмъ* въ буквальномъ переводѣ съ греческаго означаетъ всебожіе, и подъ нимъ подразумѣвается ученіе, утверждающее, что Богъ и міръ (т.-е. все, вселенная) одно и то же. Это не два обособленныя другъ отъ друга бытія, но одно и то же бытіе, разсматриваемое съ двухъ разныхъ сторонъ или съ разныхъ точекъ зрѣнія. Богъ не что иное, какъ зиждительное начало міра, при чемъ это начало существуетъ не отдѣльно отъ міра, а въ немъ же самомъ. А то, что производится этимъ зиждительнымъ началомъ, называется міромъ, при чемъ послѣдній существуетъ не отдѣльно отъ этого начала, но въ нераздѣльномъ единствѣ съ нимъ. Что же касается теизма и деизма, то оба эти слова происходятъ отъ названія Богъ, только первое отъ греческаго названія Богъ, а послѣднее отъ латинскаго. *Теизмъ* и *деизмъ* сходны между собою въ томъ отношеніи, что они оба допускаютъ сотвореніе Богомъ міра изъ ничего, при чемъ сотворенный міръ существуетъ какъ другое, отдѣльное отъ Бога бытіе. Пантеизмъ же, уча о нераздѣльномъ единствѣ Бога и міра, принужденъ считать міръ не сотвореннымъ когда-то, въ опредѣленный моментъ времени, но существующимъ настолько же искони, какъ и самъ Богъ. Что же касается разницы между теизмомъ и деизмомъ, то она состоитъ въ томъ, что, по словамъ теизма, Богъ не только сотворилъ міръ, но еще управляетъ имъ и послѣ его сотворенія, вмѣшивается въ ходъ міровыхъ событій; по словамъ же деизма, Богъ только сотворилъ міръ, но уже никогда не вмѣшивается въ ходъ міровыхъ событій, а міръ управляется тѣми законами, которые Богъ предписалъ ему во время его сотворенія.

Такимъ образомъ, въ метафизикѣ дѣйствительно еще нѣтъ ни одного положенія, которое можно было бы считать общимъ достояніемъ всѣхъ метафизическихъ ученій. Напротивъ, каждое положеніе обязательно отрицается какимъ-нибудь метафизическимъ ученіемъ. Напримѣръ, одни изъ метафизическихъ ученій утверждаютъ, что есть вещи въ себѣ, другія же, что нѣтъ вещей въ себѣ. Одни говорятъ: „всѣ вещи въ себѣ матеріальны, нѣтъ никакихъ духовныхъ вещей въ себѣ“. Другія же наоборотъ: есть только духовныя вещи въ себѣ, а нѣтъ никакихъ матеріальныхъ“. Третьи же учатъ: „вещи въ себѣ отчасти матеріальны, отчасти духовны“ и т. д. Точно также одни говорятъ: „есть Богъ“, другія „нѣтъ Бога“ и т. д. Поэтому во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи логицизма мы будемъ исходить изъ той мысли, что до сихъ поръ еще нѣтъ никакого метафизическаго знанія, хотя бы въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ. Оно еще должно впервые возникнуть передъ нами.

11. Неизбѣжность для метафизики быть ученіемъ о трансцендентныхъ предметахъ и всегда состоять только изъ гипотезъ. Если допустить неосуществимость противорѣчія въ истинномъ бытіи или вещахъ въ себѣ, то, конечно, станетъ логически позволительнымъ примѣнять къ нимъ умозаключенія и доказательства. Но бѣда въ томъ, что метафизикѣ

тогда придется быть ученіемъ о трансцендентныхъ предметахъ, потому что если все, что̀ изучается математикой и естественными науками, т.-е. весь имманентный міръ, состоитъ изъ представленій, то истинное бытіе или вещи въ себѣ могутъ быть только трансцендентными предметами. Болѣе того: прежде еще можно было думать, хотя и нельзя было доказать, что вещи въ себѣ, будучи истиннымъ бытіемъ, вмѣстѣ съ тѣмъ служатъ тѣми же самыми представленіями, изъ которыхъ состоитъ имманентный міръ (сравн. выше, стр. 319). Теперь же такой взглядъ невозможенъ: онъ вноситъ явное противорѣчіе въ понятіе истиннаго бытія, пот. что подъ послѣднимъ подразумѣвается то, что̀ существуетъ само по себѣ, *независимо* отъ представленій; но теперь уже нельзя допускать никакъ противорѣчій въ понятіи истиннаго бытія.

Правда, если мы допускаемъ подчиненіе истиннаго бытія закону противорѣчія, то у насъ нѣтъ *прежней* необходимости, т.-е. необходимости, обусловленной одними только правилами логики, считать представленіями предметы, изучаемые математикой и естествознаніемъ. Эта необходимость прежде была обусловлена тѣмъ, что пока считается неизвѣстнымъ, подчинено ли истинное бытіе закону противорѣчія, то для математики съ естествознаніемъ можетъ быть логически позволительнымъ употребленіе умозаключенія и доказательства только въ томъ случаѣ, если они имѣютъ дѣло съ представленіями, а не съ истиннымъ бытіемъ (сравн. выше, стр. 315). Но теперь употребленіе умозаключеній позволительно для этихъ наукъ даже и въ томъ случаѣ, если изучаемые ими предметы образуютъ истнное бытіе. Слѣдов., *теперь мы обязаны считать одинаково возможнымъ, какъ то, что предметы, изучаемые математикой и естествознаніемъ, составляютъ невольныя представленія о бытіи, такъ и то, что они образуютъ истинное бытіе.* Поэтому разсмотримъ еще, что̀ произойдетъ съ метафизикой, если мы будемъ считать эти предметы истиннымъ бытіемъ.

Но даже и въ этомъ случаѣ, т.-е. если считать предметы, изучаемые математикой и естествознаніемъ, истиннымъ бытіемъ, все-таки метафизикѣ приходится быть ученіемъ о трансцендентныхъ предметахъ только по другой причинѣ, чѣмъ это выходило сейчасъ, именно: ей нечѣмъ будетъ отличаться отъ математики и естествознанія, если она вздумаетъ изучать имманентные предметы. Вѣдь послѣдніе всестороннимъ образомъ уже изучаются математикой съ естествознаніемъ. Такимъ образомъ, *какъ бы мы ни смотрѣли на предметы, изучаемые математикой и естествознаніемъ, будемъ ли мы ихъ считать представленіями или истиннымъ бытіемъ, и въ томъ и въ другомъ случаѣ, хотя по разнымъ причинамъ, метафзикѣ приходится быть ученіемъ о трансцендентныхъ предметахъ, такъ что термины „метафизическій“ и „трансцендентный“ должны теперь считаться синонимами.*

Впрочемъ, намъ могутъ сдѣлать слѣдующее возраженіе: въ отличіе отъ математики и естествознанія, изучающихъ хотя и весь имманентный міръ, но независимо отъ того, образуетъ ли онъ истинное или кажущееся бытіе

(сравн. стр. 36), метафизика можетъ заняться выясненіемъ, что въ этомъ мірѣ слѣдуетъ считать субъективнымъ, т.-е. всего только кажущимся бытіемъ, а что останется въ немъ на долю транссубъективнаго, т.-е. *истиннаго* бытія. Тогда у насъ получится имманентная, а вовсе не трансцендентная метафизика.

Но это только кажется, будто бы получатся такіе результаты. Кажется же это по слѣдующей причинѣ: подъ вліяніемъ обывательскихъ взглядовъ мы подходимъ къ изученію данныхъ опыта съ предвзятымъ убѣжденіемъ, будто бы внѣшній міръ навѣрное составляетъ транссубъективное, т.-е. истинное бытіе. А вслѣдствіе этого непремѣнно должно казаться, что если относительно нѣкоторыхъ данныхъ внѣшняго опыта, напр.—относительно цвѣтовъ, доказана ихъ субъективность, а относительно другихъ, напр.—относительно пространства, нѣтъ такихъ доказательствъ, то эти другія данныя опыта необходимо считать транссубъективнымъ, т.-е. истиннымъ бытіемъ.

Но приступая къ научному изученію имманентнаго міра, мы должны отвлечься отъ всякихъ обывательскихъ предубѣжденій и поэтому должны считать одинаково возможнымъ какъ то, что весь внѣшній міръ образуетъ транссубъективное, т.-е. истинное бытіе, такъ и то, что онъ служитъ всего лишь кажущимся бытіемъ. Слѣд., когда намъ докажутъ, что нѣкоторыя части внѣшняго міра, напр.—цвѣтъ, нельзя считать истиннымъ бытіемъ, то отсюда еще ровно ничего не вытекаетъ относительно другихъ частей внѣшняго міра, напр.—относительно пространства; и мы поэтому еще не будемъ имѣть ровно никакого знанія объ истинномъ бытіи, именно—входятъ ли въ его составъ эти другія части или нѣтъ, такъ что упомянутое доказательство еще не создастъ намъ никакой метафизики. Точно такъ стоитъ дѣло даже и въ томъ случаѣ, если намъ удастся доказать субъективность *всѣхъ* данныхъ опыта безъ исключенія, т.-е. субъективность всего имманентнаго міра. Мы тогда будемъ знать только слѣдующее: все, что въ опытѣ кажется транссубъективнымъ, въ дѣйствительности субъективно, т.-е. не составляетъ истиннаго бытія. А каково истинное бытіе, останется неизвѣстнымъ, и у насъ не будетъ никакой метафизики.

Такимъ образомъ, когда мы допускаемъ подчиненіе истиннаго бытія закону противорѣчія, то всегда выходитъ одно изъ двухъ: или для ученія объ истинномъ бытіи, т.-е. для метафизики, нигдѣ нѣтъ мѣста, или же такое ученіе должно быть трансцендентнымъ, а не имманентнымъ, и терминъ „метафизическій“ долженъ быть синонимомъ слова „трансцендентный“.

Но какимъ образомъ могло бы возникнуть метафизическое, т.-е. трансцендентное знаніе? Только тѣмъ способомъ, чтобы мы для объясненія данныхъ въ опытѣ фактовъ строили гипотезы о трансцендентныхъ причинахъ, порождающихъ эти факты, и послѣ того старались превратить хоть нѣкоторыя изъ этихъ трансцендентныхъ гипотезъ въ знаніе. Вѣдь сами-то гипотезы, пока онѣ гипотезы, еще не составляютъ знанія (см. выше, стр. 232). И тѣ, кто настаиваетъ, что рано или поздно появится метафизическое знаніе, всегда указываютъ для его появленія только этотъ способъ. „На первыхъ

порахъ, говорятъ они, метафизика можетъ состоять только изъ гипотезъ, среди которыхъ мы будемъ выбирать наиболѣе вѣроятныя, такъ что на первыхъ порахъ метафизика будетъ не знаніемъ, но всего только *наиболѣе вѣроятнымъ гипотетическимъ дополненіемъ къ знанію.* Впослѣдствіи же, по мѣрѣ роста имманентнаго знанія, нѣкоторыя изъ метафизическихъ гипотезъ тоже превратятся въ знаніе, подобно тому, какъ многія изъ естественно научныхъ гипотезъ съ теченіемъ времени, по мѣрѣ развитія естественныхъ наукъ, превратились въ знаніе".

Но если разсмотрѣть тѣ пути, которыми гипотезы могутъ превращаться въ знаніе, то оказывается, что ни одинъ изъ нихъ не осуществимъ для метафизическихъ гипотезъ, по крайней мѣрѣ—до тѣхъ поръ, пока у насъ нѣтъ готоваго метафизическаго знанія. Метафизическое знаніе могло бы этими путями только *развиваться* дальше, *если бы* оно уже существовало; но его отсутствіе въ настоящее время дѣлаетъ логически невозможнымъ его возникновеніе въ будущемъ, такъ что *метафизика навсегда обречена состоять только изъ гипотезъ.* Мало того: пока нѣтъ готоваго метафизическаго знанія, всѣ метафизическія гипотезы должны считаться одинаково вѣроятными; разница между ними въ степеняхъ вѣроятности логически невозможна, пока нѣтъ готоваго метафизическаго знанія. Поэтому *метафизическія гипотезы можно предпочитать одну передъ другою вовсе не въ силу того, что одна изъ нихъ вѣроятнѣй другой, а только въ силу того, что одна изъ нихъ полезнѣй другой, какъ рабочая гипотеза.* Другими словами: всякое метафизическое ученіе слѣдуетъ считать *отнюдь не наиболѣе вѣроятнымъ* гипотетическимъ дополненіемъ къ знанію, а всего только такимъ гипотетическимъ дополненіемъ, которое полезнѣе другихъ, какъ вспомогательное средство для разработки знанія.

12. Недоказуемость навсегда всѣхъ трансцендентныхъ гипотезъ. *Говорить о метафизическихъ гипотезахъ, это то же самое, что говорить о трансцендентныхъ гипотезахъ* (сравн. выше, стр. 336). Вспомнимъ же и разсмотримъ тѣ пути, которыми гипотезы могутъ превращаться въ знаніе (см. о нихъ выше, стр. 233—235). Ихъ всего три: 1—оправданіе существованія той скрытой отъ прямого наблюденія причины, которая допускается въ нашей гипотезѣ, съ помощью простой установки данныхъ опыта; 2—оправданіе ея существованія съ помощью прямого доказательства; 3—оправданіе ея существованія съ помощью апагогическаго доказательства. И вотъ, оказывается, что *изъ тѣхъ трехъ путей, которыми гипотезы могутъ превращаться въ знаніе, одинъ навсегда неосуществимъ для метафизическихъ гипотезъ, а два другихъ неосуществимы, пока нѣтъ готоваго метафизическаго знанія.* Въ самомъ дѣлѣ:

Первый изъ указанныхъ путей, именно—*оправданіе простой установкой данныхъ опыта существованія той скрытой причины, которая допускается въ нашей гипотезѣ, навсегда неосуществимъ по самому понятію метафизической гипотезы.* Вѣдь въ ней говорится о какой-либо *трансцендентной* причинѣ; предположеніе же существованія послѣдней, ра-

зумѣется, не можетъ быть оправдано простой установкой данныхъ опыта; ибо въ опытѣ намъ приходится имѣть дѣло только съ *имманентными* предметами.

Почти также легко удостовѣриться, что *пока нѣтъ готоваго метафизическаго знанія, то въ примѣненіи къ метафизическимъ гипотезамъ неосуществимъ также и путь прямого доказательства*, т.-е. путь, состоящій въ томъ, чтобы доказываемая гипотеза была выведена, какъ слѣдствіе, *прямо* (а не апагогически) вытекающее изъ накопившагося до той поры знанія (сравн. выше, стр. 234). Дѣло въ томъ, что для прямого доказательства гипотезы надо съ помощью силлогизмовъ вывесть ее, какъ слѣдствіе, прямо (а не апагогически) вытекающее изъ того знанія, которое уже накопилось въ нашихъ рукахъ. Но въ силлогизмахъ *правильный* выводъ можетъ состоять только изъ такихъ понятій, которыя уже встрѣчаются въ посылкахъ. Если же у насъ еще нѣтъ готоваго метафизическаго, т.-е. *трансцендентнаго* знанія, то посылки нашихъ силлогизмовъ будутъ состоять изъ однихъ лишь имманентныхъ понятій: въ нихъ будетъ говориться только объ *имманентныхъ* предметахъ. А изъ *такихъ* посылокъ, по только-что указанной причинѣ, конечно, нельзя *правильно* получить никакого вывода, говорящаго о *трансцендентныхъ* предметахъ, т.-е. никакихъ выводовъ, въ составъ которыхъ входили бы трансцендентныя понятія. Иное дѣло, если бы существовало готовое метафизическое знаніе: изъ его соединенія съ новымъ имманентнымъ знаніемъ, конечно, можно было бы правильно получать трансцендентные выводы и такимъ путемъ доказать какую-либо метафизическую гипотезу. Но коль скоро еще нѣтъ готоваго метафизическаго знанія, то какъ бы ни расширялось имманентное знаніе, съ помощью доставляемыхъ имъ посылокъ можно правильно доказывать однѣ только имманентныя гипотезы.

Остается разсмотрѣть путь *апагогическаго* доказательства гипотезъ (см. о немъ стр. 233). Онъ долженъ состоять въ томъ, чтобы *опровергнуть всѣ мыслимыя метафизическія гипотезы, назначенныя для объясненія какой-либо группы фактовъ, кромѣ одной*, и этимъ самымъ доказать ее. Но, *пока нѣтъ готоваго метафизическаго знанія, логически неосуществимо опроверженіе какой бы то ни было метафизической гипотезы.*

Чтобы удостовѣриться въ этомъ, обратимъ вниманіе на то обстоятельство, что *пока нѣтъ готоваго метафизическаго знанія, нечѣмъ больше опровергать данную метафизическую гипотезу, кромѣ какъ однимъ изъ двухъ слѣдующихъ путей: или 1—путемъ обнаруженія ея непригодности къ полному объясненію тѣхъ фактовъ, ради которыхъ она придумана, или же 2—путемъ обнаруженія въ ней какихъ-нибудь противорѣчій съ данными опыта.* Если бы у насъ было готовое метафизическое знаніе, то можно было бы опровергать метафизическую гипотезу также и путемъ обнаруженія ея противорѣчія съ этимъ знаніемъ; но коль скоро нѣтъ такого знанія, то, очевидно, не можетъ быть никакихъ другихъ средствъ для опроверженія

метафизическихъ гипотезъ, кромѣ только-что указанныхъ. *Но пока нѣтъ метафизическаго знанія, оба средства, которыя мы сейчасъ указали, выходятъ неосуществимыми въ примѣненіи къ метафизическимъ гипотезамъ, хотя они вполнѣ осуществимы въ примѣненіи къ имманентнымъ гипотезамъ; и здѣсь ихъ осуществимость обусловлена именно тѣмъ, что имманентное знаніе уже существуетъ.* Вникнемъ, почему его существованіе дѣлаетъ эти средства осуществимыми въ примѣненіи къ имманентнымъ гипотезамъ, и тогда станетъ яснымъ, что, пока нѣтъ готоваго метафизическаго знанія, они должны оставаться неосуществимыми въ примѣненіи къ метафизическимъ гипотезамъ.

Оттого, что существуетъ имманентное знаніе, намъ въ большей или меньшей степени уже извѣстно относительно той скрытой отъ прямого наблюденія причины, о которой говорится въ имманентной гипотезѣ, какія именно слѣдствія она должна производить въ силу законовъ природы. Поэтому, съ одной стороны, мы въ правѣ приписывать этой причинѣ **только** *тѣ слѣдствія, которыя требуются отъ нея законами природы, а не такія, которыя намъ самимъ были бы желательны для объясненія данныхъ въ опытѣ фактовъ. Съ другой же стороны, мы обязаны приписывать ей* **всѣ** *тѣ слѣдствія, которыя требуются отъ нея законами природы, независимо отъ того, нужны ли они для объясненія тѣхъ фактовъ, ради которыхъ составлена наша гипотеза, или не нужны.* Напр., когда Леверье для объясненія особенностей движенія Урана допустилъ существованіе никѣмъ незамѣчаемой планеты, находящейся на предположенномъ имъ разстояніи отъ солнца и имѣющей предположенную имъ величину массы, словомъ—допустилъ существованіе Нептуна, то онъ не въ правѣ былъ приписывать Нептуну все, что ему хотѣлось для объясненія движеній Урана. Напротивъ, онъ имѣлъ право приписать Нептуну **только** такое притягательное дѣйствіе на Уранъ, какое по закону Ньютона должно быть у Нептуна, а никакъ не больше и не меньше этого. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не въ правѣ былъ ограничиться тѣмъ, чтобы приписывать Нептуну притягательныя дѣйствія всего лишь на Уранъ, т.-е. онъ не въ правѣ былъ приписывать существованію Нептуна только такія слѣдствія, которыя были нужны ему для объясненія движеній Урана. Напротивъ, рядомъ съ ними онъ обязанъ былъ приписать Нептуну и **всѣ** требуемыя закономъ Ньютона отъ этой планеты притягательныя дѣйствія на остальныя планеты, хотя они вовсе не нужны для объясненія тѣхъ фактовъ, ради которыхъ была придумана гипотеза существованія Нептуна, т.-е. для объясненія особенностей движенія Урана.

А теперь уже не трудно понять, что существованіе имманентнаго знанія дѣлаетъ осуществимыми въ примѣненіи къ имманентнымъ гипотезамъ тѣ два средства опроверженія, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, отсутствіе же готоваго метафизическаго знанія обусловливаетъ, напротивъ, неосуществимость этихъ средствъ въ примѣненіи къ метафизическимъ гипотезамъ, именно:

Во-первыхъ, легко можетъ случиться, что тѣ слѣдствія существо-

ванія скрытой причины, предполагаемой въ имманентной гипотезѣ, которыя одни только и позволяетъ имманентное знаніе приписать этой причинѣ, окажутся недостаточными, чтобы объяснить какіе-либо новые факты, открытые въ той области, для объясненія которой и придумана эта гипотеза. *А мы, между тѣмъ, не имѣемъ права приписать этой причинѣ все, что́ намъ понадобится для этого объясненія.* И придется нашу гипотезу считать опровергнутой, посредствомъ обнаруженія ея непригодности къ полному объясненію тѣхъ фактовъ, ради которыхъ она придумана. *Но ничего подобнаго не можетъ случиться съ метафизическими гипотезами, пока нѣтъ метафизическаго знанія: пока его нѣтъ, передъ нами полный просторъ приписывать предполагаемой нами трансцендентной причинѣ, въ видѣ производимыхъ ею слѣдствій, все, что́ понадобится для объясненія новыхъ фактовъ.* Вѣдь пока нѣтъ метафизическаго знанія, намъ ровно ничего неизвѣстно ни объ этой причинѣ, ни вообще о трансцендетномъ мірѣ, а поэтому *нѣтъ и не можетъ быть никакихъ указаній на тѣ слѣдствія предполагаемой нами трансцендентной причины, которыя одни только и могли бы производиться ею.* Относительно той скрытой причины, о которой говорится въ какой-нибудь имманентной гипотезѣ, оттого существуютъ подобныя указанія, что намъ уже извѣстны, хотя бы отчасти, законы, управляющіе имманентнымъ міромъ; а каждая имманентная причина, конечно, можетъ производить только такія слѣдствія, которыя требуются отъ нея этими законами. Законы же, управляющіе трансцендентнымъ міромъ, намъ еще совершенно неизвѣстны; слѣд., въ метафизическихъ гипотезахъ не можетъ быть никакой рѣчи о тѣхъ ограниченіяхъ, съ которыми мы сталкиваемся въ имманентныхъ. А при такихъ условіяхъ, очевидно, *нѣтъ ни малѣйшихъ препятствій приноравливать любую метафизическую гипотезу ко всѣмъ безъ исключенія открытіямъ* въ той области фактовъ, для объясненія которой она построена: *стоитъ только по мѣрѣ открытія какихъ-либо новыхъ фактовъ дѣлать дополнительныя предположенія, что та причина, о которой говорится въ нашей гипотезѣ, производитъ также и эти факты* на-ряду съ тѣми, которые были ей приписаны еще раньше, такъ что эта гипотеза никогда не можетъ быть уличена въ непригодности къ полному объясненію тѣхъ фактовъ, ради которыхъ она придумана.

Напр., допустимъ, что мы объяснили рѣзкое отличіе душевныхъ явленій отъ всѣхъ тѣлесныхъ тѣмъ, что первыя производятся особой трансцендентной причиной, нисколько непохожей на матерію, именно — душой, а психофизіологія послѣ того открыла, что у каждаго душевнаго явленія есть своя тѣлесная сторона, т.-е. что каждое изъ нихъ возникаетъ не иначе, какъ въ связи съ возникновеніемъ строго опредѣленнаго тѣлеснаго явленія, происходящаго въ головномъ мозгу. Тогда мы легко можемъ приноровить гипотезу существованія души къ этому открытію при помощи слѣдующаго дополнительнаго предположенія: пока мы живы, душа соединена, связана съ тѣломъ; поэтому, пока мы живы, она рождаетъ каждое душев-

ное явленіе не иначе, какъ въ связи или въ соединеніи съ тѣломъ, такъ что душевное явленіе должно возникать не иначе, какъ въ связи съ опредѣленнымъ тѣлеснымъ. И пока у насъ нѣтъ ровно никакого метафизическаго знанія, не можетъ быть никакихъ препятствій для подобныхъ дополнительныхъ предположеній, такъ что гипотеза существованія души никогда не можетъ быть опровергнута чрезъ обнаруженіе ея непригодности къ полному объясненію фактовъ душевной жизни.

Опроверженіе метафизическихъ гипотезъ этимъ путемъ было бы возможно не иначе, какъ при томъ условіи, чтобы у насъ въ рукахъ было готовое метафизическое *знаніе*, а не однѣ только метафизическія *гипотезы*. При отсутствіи же такого знанія наша гипотеза вслѣдствіе накопленія въ ней дополнительныхъ предположеній можетъ сдѣлаться сложной, трудной, а поэтому мало полезной или даже вовсе безполезной, если употреблять ее, какъ рабочую, но не опровергнутой.

Однако, намъ могутъ сдѣлать слѣдующее возраженіе: „*а развѣ не можетъ случиться, что тѣ дополнительныя предположенія, которыя намъ приходится дѣлать для приноровленія нашей гипотезы къ объясненію новыхъ открытій, принуждены будутъ противорѣчить другъ другу, такъ что неизбѣжность этихъ противорѣчій и опровергнетъ нашу гипотезу?*“ Нѣтъ, этого не можетъ случиться. Не надо упускать изъ виду, что *о той трансцендентной причинѣ, о которой говорится въ нашей гипотезѣ, у насъ нѣтъ ровно никакого знанія, такъ что намъ совершенно неизвѣстно, какъ именно, т.-е. путемъ какого именно механизма, она порождаетъ факты, которые мы ей приписываемъ въ видѣ производимыхъ ею слѣдствій.* Поэтому, когда мы станемъ утверждать, что эта причина на-ряду съ прежде извѣстнымъ фактомъ A производитъ также и только-что открытый наукой фактъ B, то, строго говоря, мы выскажемъ объ этой причинѣ только слѣдующую мысль: „если эта причина существуетъ, то фактъ A окажется рядомъ съ фактомъ B“. А какъ именно она порождаетъ оба эти факта, самый механизмъ этого порожденія останется совершенно неизвѣстнымъ. Слѣд., *въ той мысли, которую, строго говоря, одну только мы и выскажемъ о нашей трансцедентной причинѣ, противорѣчіе появится только въ томъ случаѣ, если оно содержится уже въ самомъ существованіи факта A рядомъ съ фактомъ B.* Но коль скоро въ опытѣ эти два факта, дѣйствительно, существуютъ рядомъ, то въ такомъ сосуществованіи, очевидно, нѣтъ никакого противорѣчія; слѣд., нѣтъ ни малѣйшей необходимости для его появленія и въ предположеніи, что причина, порождающая одинъ изъ этихъ фактовъ, порождаетъ также и другой. Значитъ, *скопленіе дополнительныхъ предположеній, необходимыхъ для приноровленія метафизической гипотезы къ объясненію новыхъ открытій, не въ состояніи довести эти предположенія до противорѣчія другъ съ другомъ.*

Обратимся теперь къ разсмотрѣнію второго средства, о которомъ мы упомянули на стр. 339, какъ о пригодномъ для опроверженія гипотезъ,

именно: *легко можетъ случиться, что среди тѣхъ слѣдствій существованія скрытой имманентной причины, предполагаемой въ нашей гипотезѣ, которыя имманентное знаніе принуждаетъ насъ приписывать этой причинѣ независимо отъ того, нужны ли они для объясненія тѣхъ фактовъ, ради которыхъ придумана наша гипотеза, нѣкоторыя окажутся въ противорѣчіи съ новыми открытіями;* тогда, разумѣется, такая имманентная гипотеза выйдетъ опровергнутой чрезъ обнаруженіе въ ней этого противорѣчія. *Но пока нѣтъ готоваго метафизическаго знанія, ничего подобнаго не можетъ случиться съ метафизическими гипотезами. Коль скоро нѣтъ метафизическаго знанія, то и не можетъ быть никакихъ основаній, принуждающихъ насъ приписывать той трансцендентной причинѣ, которыя допускается въ нашей гипотезѣ, на-ряду съ слѣдствіями, необходимыми для объясненія фактовъ, ради которыхъ придумана эта гипотеза, еще какія-нибудь другія слѣдствія.* Если бы существовало готовое метафизическое знаніе, то, конечно, оно могло бы иногда принудить насъ приписывать этой причинѣ такія ненужныя для нашихъ цѣлей слѣдствія, подобно тому, какъ имманентное знаніе принуждаетъ къ этому въ имманентныхъ гипотезахъ; но при отсутствіи метафизическаго знанія неоткуда взяться такому принужденію. Слѣд., пока нѣтъ готоваго метафизическаго знанія, ничто не препятствуетъ намъ предполагать въ нашей гипотезѣ относительно допускаемой ею трансцендентной причины *только* то, что необходимо для объясненія тѣхъ фактовъ, ради которыхъ построена эта гипотеза, и кромѣ этого не предполагать ничего другого. Напр., если мы хотимъ объяснять факты душевной жизни существованіемъ души, то пока нѣтъ метафизическаго знанія, нѣтъ ни малѣйшаго препятствія предполагать относительно души *только* то, что нужно для подобныхъ объясненій, и кромѣ этого не предполагать ничего другого.

Такимъ образомъ, пока нѣтъ готоваго метафизическаго знанія, нечѣмъ опровергать метафизическія гипотезы, кромѣ какъ двумя средствами, указанными на стр. 339. Но въ силу этого же самаго условія, т.-е. пока нѣтъ метафизическаго знанія, ни одно изъ нихъ неосуществимо въ примѣненіи къ метафизическимъ гипотезамъ, такъ что послѣднія остаются при этомъ условіи неопровержимыми. Слѣд., путь превращенія метафизическихъ гипотезъ въ знаніе посредствомъ апагогическихъ доказательствъ выходитъ неосуществимымъ до тѣхъ поръ, пока нѣтъ готоваго метафизическаго знанія.

13. Противорѣчіе въ понятіи появленія метафизическаго знанія. Обусловленная имъ особенность метафизики. Подводя *общій итогъ всему сказанному о метафизическихъ гипотезахъ*, мы подмѣчаемъ одно важное и совершенно неожиданное обстоятельство. *Въ понятіи появленія метафизическаго знанія скрыто слѣдующее противорѣчіе: оно можетъ впервые появиться не иначе, какъ при томъ условіи, чтобы оно существовало еще раньше, чѣмъ появится впервые.* Въ самомъ дѣлѣ: метафизическое знаніе принуждено начинаться *не иначе*, какъ съ гипотезъ (см. стр. 337). Что же касается метафизическихъ гипотезъ, то изъ тѣхъ трехъ путей, ко-

торыми только и могутъ, какія бы то ни было, гипотезы превращаться въ знаніе, одинъ (оправданіе существованія причины, допускаемой въ нашей гипотезѣ, простой установкой данныхъ опыта) неосуществимъ въ примѣненіи къ метафизическимъ гипотезамъ ни при какихъ условіяхъ (ср. стр. 338). Два же другихъ (именно: оправданіе гипотезы либо прямымъ либо апагогическимъ доказательствомъ) таковы, что они *могли бы* быть осуществлены и въ примѣненіи къ метафизическимъ гипотезамъ, *если бы* уже существовало готовое метафизическое знаніе: вѣдь только оттого и оказываются они неосуществимыми для метафизическихъ гипотезъ, что еще нѣтъ такого знанія. Такимъ образомъ, и выходитъ, что для *перваго* появленія метафизическаго знанія (именно—путемъ превращенія метафизическихъ гипотезъ въ знаніе) нужно предварительное существованіе такого знанія. А это значитъ, что если до сихъ поръ все еще нѣтъ никакого метафизическаго знанія, то логически невозможно его появленіе въ будущемъ. Но, конечно, *оно могло бы развиваться дальше, если бы оно уже существовало теперь*: вѣдь тогда метафизическія гипотезы могли бы превращаться въ знаніе, какъ путемъ прямого, такъ и путемъ апагогическаго доказательства (сравн. выше, стр. 339 и 342).

Но, спросятъ насъ, почему же математика съ естествознаніемъ могли появиться впервые безъ всякаго нарушенія закона противорѣчія, для метафизики же это оказывается невозможнымъ? Это оттого, что *метафизика находится въ иномъ положеніи, чѣмъ математика съ естествознаніемъ: въ то время, какъ первая принуждена начинаться не иначе, какъ съ гипотезъ, послѣднія избавлены отъ этой необходимости.* Естественнаучное знаніе начинается съ непосредственнаго знанія. Дальше же оно можетъ развиваться и чаще всего развивается съ помощью не гипотезъ, но съ помощью такихъ догадокъ, которыя не принадлежатъ къ гипотезамъ, именно — съ помощью догадокъ о законахъ природы. А математика никогда не имѣетъ никакого дѣла съ гипотезами; ибо она не говоритъ ни слова не только о скрытыхъ отъ прямого наблюденія, но даже и о прямо наблюдаемыхъ причинахъ явленій природы. Здѣсь надо твердо помнить наше условіе подразумѣвать подъ словомъ „гипотеза“ не всякую догадку, а только догадку о такой причинѣ, которая, почему бы то ни было, остается пока еще скрытой отъ прямого наблюденія (см. стр. 232). Ложная мысль, будто бы не только естествознаніе, но даже математика развивается не иначе, какъ съ помощью гипотезъ, поддерживается именно тѣмъ, что употребляютъ слово „гипотеза“ въ его этимологическомъ, а не условномъ смыслѣ, т.-е. называютъ гипотезой *всякое* предположеніе, *всякую* догадку, и упускаютъ изъ виду, до какой степени логически отличаются гипотезы въ узкомъ, условномъ смыслѣ (догадки о *скрытыхъ* причинахъ) отъ всѣхъ остальныхъ догадокъ.

Если же метафизическое знаніе не можетъ появиться впервые, но могло бы развиваться дальше, если бы оно уже существовало въ готовомъ видѣ, то становится вполнѣ понятнымъ, что представители *каждаго* мета-

физическаго направленія обвиняютъ *всѣ остальныя* направленія, когда послѣднія выставляются, не какъ вѣра, но какъ знаніе, въ томъ, что они исходятъ изъ *произвольныхъ* метафизическихъ предпосылокъ, облыжно принятыхъ за знаніе, и что на дѣлѣ эти направленія образуютъ собой всего лишь *приноравливаніе* своихъ произвольныхъ предпосылокъ къ научнымъ фактамъ. Напр., спиритуалисты попрекаютъ этимъ матеріалистовъ, а матеріалисты, въ свою очередь, спиритуалистовъ и т. д. Такъ это съ логической необходимостью и должно быть, пот. что всякое метафизическое ученіе на дѣлѣ можетъ имѣть видъ только тщательно приноровленной ко всѣмъ фактамъ гипотезы, но отнюдь не знанія; но это же самое ученіе можетъ казаться знаніемъ, если мы подойдемъ къ нему съ такими метафизическими предпосылками, которыя произвольно принимаемъ за готовое метафизическое знаніе.

Конечно, въ однихъ метафизическихъ ученіяхъ легче вскрыть эти произвольныя предпосылки, а въ другихъ труднѣе, но безъ нихъ не можетъ обойтись никакое метафизическое ученіе, выставляемое въ видѣ уже появившагося, т.-е. доказаннаго знанія, такъ что *если мы и не сумѣемъ указать ихъ въ какомъ-либо метафизическомъ ученіи, мы, все-таки, логически обязаны утверждать, что онѣ скрываются и въ немъ*, что безъ нихъ оно не могло бы *казаться* доказаннымъ. Здѣсь дѣло стоитъ такъ же, какъ съ квадратурой круга, трисекціей угла и т. п. задачами. Геометрія доказала въ общемъ видѣ, что съ помощью линейки и циркуля эти задачи неразрѣшимы. Поэтому мы обязаны утверждать, что въ каждомъ представленномъ намъ рѣшеніи, какъ бы ни казалось оно удачнымъ, непремѣнно скрываются произвольныя предпосылки, хотя мы и не умѣемъ указать ихъ.

Что же касается содержанія тѣхъ произвольныхъ предпосылокъ, съ помощью которыхъ придаютъ видимость знанія разнымъ метафизическимъ системамъ, то, конечно, онѣ бываютъ очень разнообразными: ихъ-то разнообразіемъ и обусловливается разнообразіе всѣхъ враждующихъ другъ съ другомъ метафизическихъ ученій. При этомъ, разумѣется, произвольность этихъ предпосылокъ всегда какъ-нибудь маскируютъ, заслоняютъ чѣмъ-нибудь отъ вниманія читателя, что̀ достигается различными путями. Напр., въ однихъ случаяхъ употребляются всевозможнѣйшія словесныя хитросплетенія, дабы казалось доказаннымъ то, доказательство чего логически невозможно. Въ другихъ случаяхъ эти хитросплетенія замѣняютъ несокрушимымъ апломбомъ, съ какимъ выставляютъ свои произвольныя предпосылки. Напр., самоувѣреннымъ тономъ заявятъ, что если считать всѣ данныя опыта, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго явленіями, то выходитъ, что явленіе, именно— я самъ, познаетъ явленіе, именно—внѣшній міръ, а это-де явно нелѣпо, чтобы *явленіе* познавалось *явленіемъ*. И никакихъ доказательствъ ни того, что такъ, дѣйствительно, выходитъ, ни того, чтобы это было нелѣпо, такъ что здѣсь сразу двѣ произвольныхъ предпосылки; ибо, во-первыхъ, заключеніе, что при означенныхъ условіяхъ явленіе познается явленіемъ, получится только въ томъ случаѣ, если міръ вещей въ себѣ предполагается

несуществующимъ, а все бытіе исчерпывается міромъ явленій (это одна произвольная предпосылка, сравн. стр. 321); во-вторыхъ, нѣтъ никакой нелѣпости, чтобы явленіе внѣшняго міра познавалось явленіемъ внутренняго міра. Во всякомъ случаѣ нужно еще доказать, что это нелѣпо, а не произвольно выставлять заявленіе о нелѣпости этой мысли какъ бы несомнѣнную истину. Напротивъ, мысль, что явленіе познается явленіемъ, какъ неизбѣжная при отрицаніи міра вещей въ себѣ, настолько же допустима, какъ и само это отрицаніе. Апломбъ, съ какимъ преподносятся разныя произвольныя метафизическія предпосылки, нерѣдко усугубляется еще угрозами, что читатель окажется сумасшедшимъ, если не согласиться съ той или другой предпосылкой. Напр.: „конечно“, говоритъ иной метафизикъ, „не легко доказать объективную реальность внѣшняго міра, но одни только сумасшедшіе рѣшатся отрицать ее“. А всѣ эти средства, разумѣется, дѣйствуютъ на множество читателей, какъ бы гипнотизируютъ ихъ. Вѣдь среди читателей всегда много такихъ, которые любятъ подмѣнивать знаніе предмета, пріобрѣтаемое путемъ собственнаго разсмотрѣнія самого этого предмета, хотя бы и подъ руководствомъ какого-либо автора, знаніемъ чужихъ мыслей объ этомъ предметѣ. И такіе читатели, вдобавокъ, почти всегда увѣрены, что если какая-нибудь мысль оттиснута типографской краской на печатной бумагѣ, то это непремѣнно святая истина.

14. Невозможность для метафизическихъ гипотезъ отличаться другъ отъ друга большей или меньшей вѣроятностью. Кто говоритъ, что метафизика на первыхъ порахъ принуждена быть только наиболѣе вѣроятнымъ гипотетическимъ дополненіемъ къ знанію, разумѣется, готовъ мириться и съ тѣмъ, чтобы она навсегда состояла всего лишь изъ гипотезъ, конечно,—изъ наиболѣе вѣроятныхъ (ср. стр. 338). Но бѣда въ томъ, что *метафизическія гипотезы не могутъ отличаться другъ отъ друга большей или меньшей степенью вѣроятности.* О такой разницѣ можно говорить только тамъ, гдѣ есть знаніе, *а гдѣ нѣтъ никакого знанія, тамъ непримѣнимо и понятіе большей или меньшей вѣроятности. Вѣроятность есть знаніе объ отношеніи числа шансовъ, благопріятныхъ для чего-нибудь, къ общему числу возможныхъ (какъ благопріятныхъ, такъ и неблагопріятныхъ) шансовъ.* Напр.: если я знаю, сколько въ колодѣ всѣхъ картъ и сколько въ ней фигурныхъ, то я могу сказать, какая карта, вѣроятнѣе всего, попадется мнѣ подъ руку, фигурная или нефигурная, когда я, перетасовавъ хорошенько эту колоду, выну изъ нея на удачу одну изъ картъ. Но если у меня отсутствуетъ хоть одно изъ этихъ знаній (сколько картъ въ колодѣ, или же, сколько въ ней фигурныхъ), то я уже теряю возможность примѣнить сюда понятіе большей или меньшей вѣроятности, такъ же, какъ если у меня нѣтъ ни одного изъ этихъ знаній. Отсюда ясно, что *о большей или меньшей вѣроятности логически непозволительно говорить въ примѣненіи къ тѣмъ предметамъ, о которыхъ у насъ еще нѣтъ никакого знанія.* По всему этому ни одна метафизическая гипотеза не можетъ считаться вѣроятнѣе или невѣроятнѣе другой, потому что о

трансцендентныхъ предметахъ у насъ нѣтъ ровно никакого знанія. Объ имманентныхъ предметахъ у насъ есть знаніе; и поэтому имманентныя гипотезы могутъ отличаться степенями вѣроятности другъ отъ друга. *Будь у насъ, кромѣ имманентнаго, еще и метафизическое знаніе, конечно, послѣднее могло бы служить почвой для оцѣнки большей или меньшей вѣроятности разныхъ метафизическихъ гипотезъ; но его нѣтъ.* Его не допускаютъ сами же наши противники: вѣдь оттого они и защищаютъ метафизику, какъ *гипотетическое* дополненіе къ знанію, что еще нигдѣ не находятъ готоваго метафизическаго знанія (сравн. выше, стр. 337—338).

Но многіе увѣрены, будто бы простота есть признакъ истинности, такъ что чѣмъ проще гипотеза, тѣмъ она вѣроятнѣе. Въ дѣйствительности же *простота гипотезы свидѣтельствуетъ только о томъ, что если этой гипотезой пользоваться, какъ рабочей, т.-е. какъ вспомогательнымъ средствомъ или орудіемъ, независимо отъ вопроса объ ея годности служить вѣроятнымъ изображеніемъ дѣйствительности, то она окажется полезнѣе другихъ гипотезъ, объясняющихъ тѣ же самые факты, какъ и она;* ибо всякое орудіе, всякое вспомогательное средство при равенствѣ прочихъ условій тѣмъ полезнѣе, чѣмъ оно проще. *Считать же простоту признакомъ истинности нѣтъ никакихъ основаній. Напротивъ, можно показать, что очень часто, если не чаще всего, простота зависитъ вовсе не отъ истинности, но отъ причинъ, не имѣющихъ ничего общаго съ истинностью.* Именно:

1—Простота—вещь, крайне относительная, измѣнчивая; то, что̀ просто сегодня, можетъ оказаться сложнымъ завтра—при расширеніи нашего умственнаго кругозора. Напр., древніе греки всѣ свои гипотезы о вселенной считали очень простыми; теперь же мы часто съ трудомъ усваиваемъ ихъ взгляды. Истина же—вещь неизмѣняемая и никакой относительности не допускаетъ.

2—Гипотеза можетъ казаться необычайно простой только оттого, что она намъ болѣе привычна; ибо вещь извѣстная, что всякая привычная мысль кажется намъ сама собой очевидной, а все неожиданное труднымъ и сложнымъ. Напр., для того, кто привыкъ разсматривать понятія верха и низа, какъ абсолютныя, кажется очень простымъ предположеніе, что земля стоитъ на какой-то подставкѣ. Для насъ же эта мысль вовсе не принадлежитъ къ числу простыхъ; ибо подставка должна быть внизу подъ землей; а какую сторону земли счесть низомъ скорѣе, чѣмъ другую?

3—Простота гипотезы зачастую можетъ зависѣть только оттого, что мы одностороннимъ образомъ разсматриваемъ факты. Впрочемъ, чего добраго, покажется страннымъ, какъ это наука можетъ разсматривать факты одностороннимъ образомъ. Но въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго. Возьмемъ хотя бы физіологію и психологію, которыя обѣ изучаютъ человѣка, но *съ разныхъ сторонъ:* одна — со стороны тѣлесной жизни, другая — со стороны жизни душевной. Поэтому, та гипотеза, которая будетъ простой въ глазахъ физіолога, можетъ казаться очень сложной въ глазахъ психолога.

Противъ всего этого иногда *возражаютъ, будто бы тѣ гипотезы, которыя уже превратились въ знаніе, всегда бываютъ гораздо проще, чѣмъ тѣ, которыя прежде боролись съ ними и оказались ложными; а отсюда заключаютъ, будто бы наипростѣйшія гипотезы должны считаться наиболѣе вѣроятными.*

Прежде всего сомнительно, чтобы можно было доказать основаніе этого заключенія; ибо гипотеза, которая уже превратилась въ знаніе, можетъ казаться *намъ*, т.-е. *теперь*, простой именно оттого, что, входя въ составъ знанія, она сдѣлалась привычной для насъ; поэтому еще неизвѣстно, какой она казалась въ тѣ времена, когда она оставалась всего лишь гипотезой. *Но пусть исторія наукъ неоспоримымъ образомъ докажетъ, что всѣ гипотезы, превратившіяся въ знаніе, казались проще, чѣмъ враждующія съ ними, даже и прежде*, т.-е. въ тѣ времена, когда первыя еще оставались гипотезами. Во всякомъ случаѣ *это доказательство могло бы имѣть значеніе только для имманентныхъ гипотезъ, а не для метафизическихъ*, потому что до сихъ поръ еще не превратилась въ знаніе ни одна метафизическая гипотеза. Поэтому *было бы чистѣйшимъ произволомъ дѣлать на основаніи этого доказательства какія-либо заключенія о большей или меньшей вѣроятности среди метафизическихъ гипотезъ.*

Такимъ образомъ, пока нѣтъ метафизическаго знанія, нѣтъ ни малѣйшихъ основаній считать какую-нибудь метафизическую гипотезу болѣе вѣроятной, чѣмъ противоположную. Онѣ могутъ отличаться другъ отъ друга только той пользой, которую приноситъ каждая изъ нихъ для изученія науки, если ими пользоваться, какъ рабочими гипотезами, но не большей или меньшей вѣроятностью.

Однако, несмотря на крайнюю легкость всѣхъ этихъ соображеній, многимъ, все-таки, трудно отдѣлаться отъ мысли, что однѣ метафизическія гипотезы могутъ быть вѣроятнѣе другихъ. Это оттого, что слово „вѣроятность“ нерѣдко (но далеко не всѣ) употребляютъ въ двухъ значеніяхъ: и въ смыслѣ большаго или меньшаго приближенія къ строгой доказанности, что можно назвать *научной вѣроятностью*, и въ смыслѣ приближенія къ твердой увѣренности вообще, хотя бы эта увѣренность составляла всего только вѣру. Вѣроятность въ смыслѣ приближенія къ *твердой вѣрѣ* для отличія отъ научной можно назвать *обывательской*. И, конечно, метафизическія гипотезы могутъ, даже должны обладать разными степенями обывательской вѣроятности; ибо не всѣ онѣ одинаково пріемлемы съ точки зрѣнія тѣхъ вѣрованій, которыми переполненъ каждый изъ насъ. Но мы говорили сейчасъ не про обывательскую, а про научную вѣроятность: имманентныя гипотезы могутъ, а метафизическія не могутъ обладать разными степенями научной вѣроятности, точнѣе—нѣтъ никакой почвы для примѣненія къ нимъ понятія научной вѣроятности. Защитники же метафизики, какъ гипотетическаго дополненія къ знанію, тоже имѣютъ въ виду не обывательскую, но научную вѣроятность, когда требуютъ, чтобы это дополненіе состояло изъ наиболѣе вѣроятныхъ гипотезъ.

16. Три гносеологическихъ правила, обязательныхъ при разработкѣ каждой науки. Изъ всего сказаннаго о метафизикѣ вытекаютъ нѣкоторыя гносеологическія правила, которыя настолько же обязательны при построеніи каждой науки, какъ и правила логики; ибо они представляютъ собой не что иное, какъ правила логики, примѣненныя къ вопросу о границахъ знанія. Строго говоря, они обязательны для всякой науки; но въ математикѣ нѣтъ ни малѣйшаго повода къ ихъ нарушенію; поэтому она настолько же можетъ не заботиться объ ихъ соблюденіи, какъ и о правилахъ методовъ Милля, которыхъ она тоже не можетъ нарушить, потому что никогда не встрѣтитъ для этого никакого повода. Но иначе обстоитъ дѣло въ естествознаніи (въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова): здѣсь чаще или рѣже встрѣчаются поводы къ гносеологическимъ заблужденіямъ, и здѣсь приходится заботиться о соблюденіи слѣдующихъ гносеологическихъ правилъ:

1. *Пока мы только разрабатываемъ знаніе, но еще не излагаемъ его окончательныхъ выводовъ, мы въ правѣ пользоваться и метафизикой, т.-е. въ правѣ исходить изъ какихъ-либо положеній, говорящихъ объ истинномъ бытіи или вещахъ въ себѣ, но мы въ правѣ употреблять эти положенія только въ видѣ рабочихъ гипотезъ. Поэтому никакая наука не въ правѣ требовать ни отъ нашего міровоззрѣнія, ни отъ другихъ наукъ, чтобы онѣ усвоили принятую въ ней метафизику, такъ что въ разныхъ наукахъ вполнѣ позволительно пользоваться, если понадобится, даже противоположными метафизическими гипотезами, напр.—въ одной спиритуализмомъ, а въ другой матеріализмомъ.* Въ самомъ дѣлѣ: если метафизика навсегда обречена состоять изъ недоказуемыхъ гипотезъ, которыя, вдобавокъ, не могутъ даже отличаться другъ отъ друга большей или меньшей вѣроятностью, то, конечно, не можетъ быть никакой рѣчи о ней, какъ о составной части самого знанія, т.-е. какъ о *содержаніи* нашихъ научныхъ выводовъ. За то она можетъ оказывать разнообразныя услуги, если пользоваться ею, какъ вспомогательнымъ средствомъ или орудіемъ для разработки знанія, т.-е. какъ рабочей гипотезой. И, конечно, нѣтъ никакихъ основаній уклоняться отъ употребленія метафизики въ видѣ рабочихъ гипотезъ, коль скоро она, дѣйствительно, приноситъ пользу при разработкѣ знанія. Но ясно, что никакая наука не имѣетъ права навязывать ту метафизическую гипотезу, которая служитъ *для нея* полезнымъ орудіемъ при разработкѣ знанія, ни нашему міровоззрѣнію, ни другимъ наукамъ. Міровоззрѣніе нуждается не въ рабочихъ, но въ реальныхъ гипотезахъ. Что же касается другихъ наукъ, то, разумѣется, *каждая наука сама будетъ наилучшимъ судьей, какая изъ метафизическихъ гипотезъ полезнѣе для нея, какъ вспомогательное орудіе.*

2. *Окончательные выводы каждаго научнаго изслѣдованія, пользуется ли оно, какъ вспомогательнымъ средствомъ, метафизическими гипотезами или не пользуется, это безразлично, по своему содержанію должны быть такими, чтобы они были одинаково обязательными и одинаково пріемлемыми для всякаго метафизическаго направленія. А для*

этого они не должны противорѣчить никакому метафизическому направленію. И особенно важно заботиться объ отсутствіи противорѣчій съ метафизикой, противоположной господствующему въ обществѣ метафизическому теченію. Такъ, въ Россіи въ настоящее время особенно важно заботиться объ отсутствіи противорѣчій съ матеріализмомъ. Замѣтимъ, что въ разсматриваемомъ правилѣ идетъ рѣчь о *содержаніи* научныхъ выводовъ, а не объ ихъ словесной *редакціи:* въ составъ редакціи могутъ входить и метафизическія понятія, но послѣднія должны быть предварительно снабжены такими поясненіями, чтобы нашъ выводъ имѣлъ чисто-имманентный смыслъ. Напр., открытый Ньютономъ законъ всемірнаго тяготѣнія обыкновенно излагается съ помощью явно трансцендентнаго понятія *силы* притяженія (вѣдь сама сила навсегда скрыта отъ прямого наблюденія). Но, благодаря надлежащимъ поясненіямъ, каждому ясно, что въ немъ говорится о взаимныхъ *сближеніяхъ* тѣлъ, объ ихъ *движеніяхъ*, т.-е. о чисто-имманентныхъ предметахъ, и что *притягательная сила* служитъ здѣсь всего лишь средствомъ, помогающимъ намъ удобнѣе высказывать чисто-имманентныя мысли, но отнюдь не предметомъ изученія. Точно также психологія говоритъ о памяти, о предметѣ явно метафизическомъ, явно трансцендентномъ; ибо доступна наблюденію не сама память, но только тѣ душевныя явленія, которыя приписываются памяти. Тѣмъ не менѣе у всякаго психолога, правильно относящагося къ своему дѣлу, всегда вполнѣ ясно, что онъ говоритъ только о тѣхъ душевныхъ *явленіяхъ*, которыя приписываются памяти, а не о ней самой, и что понятіе памяти служитъ у него всего лишь средствомъ, помогающимъ ему съ бо́льшимъ удобствомъ высказывать свои чисто-имманентныя мысли. Но, какова бы ни была словесная редакція нашихъ научныхъ выводовъ, по своему *содержанію* они должны быть одинаково пріемлемыми для всякой метафизики. Вѣдь если бы въ нихъ оказалось противорѣчіе съ какимъ-либо метафизическимъ направленіемъ, то это свидѣтельствовало бы объ ихъ принадлежности къ метафизикѣ противоположнаго направленія, между тѣмъ всякая метафизика позволительна при разработкѣ знанія только, какъ вспомогательное средство, но отнюдь не какъ содержаніе окончательныхъ выводовъ.

Что же касается необходимости обращать особое вниманіе на отсутствіе противорѣчій въ содержаніи нашихъ выводовъ съ направленіемъ, противоположнымъ господствующему въ обществѣ метафизическому теченію, то ее легко понять на примѣрѣ матеріализма, который въ настоящее время, какъ разъ, и служитъ направленіемъ, противоположнымъ господствующему въ русскомъ обществѣ: теперь у насъ господствуютъ спиритуалистическія теченія. Многіе даже ошибочно думаютъ, будто бы матеріализмъ научно опровергнутъ, будто бы наука вовсе не допускаетъ его возможности, и будто бы если онъ еще встрѣчается въ нѣкоторыхъ сочиненіяхъ соціалъ-демократовъ, то только потому, что наука-де сама по себѣ для нихъ не важна: она-де нужна имъ только, какъ средство для политической пропаганды, и они недостаточно вникаютъ въ нее. При такихъ условіяхъ, конечно, трудно ждать, чтобы въ

нашихъ научныхъ выводахъ оказалось противорѣчіе съ спиритуализмомъ. За то легко можетъ быть, что подъ именемъ знанія будутъ выставлены воззрѣнія, служащія всего лишь приноровленіемъ одного изъ видовъ спиритуализма къ знанію. И, очевидно, наилучшимъ средствомъ противъ такой невольной подмѣны знанія метафизикой служитъ въ настоящее время забота о томъ, чтобы въ нашихъ научныхъ выводахъ не было никакого противорѣчія съ *матеріализмомъ*.

3. *Если мы хотимъ ограничиваться однимъ лишь знаніемъ, безъ всякой примѣси вѣры, то мы должны объяснять природу чисто-имманентнымъ путемъ, т.-е. одними лишь законами природы, но отнюдь не метафизическими положеніями. Даже законы природы надо объяснять только тѣмъ путемъ, чтобы выводить ихъ, какъ неизбѣжное слѣдствіе изъ другихъ, болѣе общихъ и болѣе основныхъ законовъ природы.* Вѣдь вслѣдствіе неосуществимости метафизическаго знанія всякое метафизическое объясненіе природы можетъ быть только вѣрой, а отнюдь не знаніемъ.

17. Вѣра и знаніе. Логицизмъ удостовѣряетъ насъ, что всякая метафизика съ логической необходимостью навсегда осуждена оставаться вѣрой. И теперь умѣстно, въ видѣ дополненія къ изложенію логицизма, отмѣтить важнѣйшія отличія вѣры отъ знанія и объяснить происхожденіе этихъ отличій.

Вспомнимъ, что было сказано нами о вѣрѣ и знаніи на стр. 13 и 14, именно: психологически они, конечно, ничѣмъ не отличаются другъ отъ друга, такъ какъ одинаково сводятся къ переживанію увѣренности въ истинности нѣкоторыхъ мыслей. Разница между ними возникаетъ лишь въ томъ случаѣ, когда мысли, сопровождаемыя увѣренностью въ ихъ истинности, разсматриваются съ *логической* точки зрѣнія, хотя бы и безъ предварительнаго научнаго изученія логики: тогда одна часть этихъ мыслей пріобрѣтаетъ одно названіе, а другая другое, именно—„знаніе“ и „вѣра“. И *съ логической точки зрѣнія вѣра можетъ быть опредѣлена, какъ остатокъ, получаемый чрезъ вычитаніе всего знанія изъ совокупности тѣхъ мыслей, которыя сопровождаются увѣренностью въ ихъ истинности.*

Причины, обусловливающія увѣренность въ истинности какихъ-либо мыслей, называются *мотивами увѣренности*, при чемъ, конечно, эти причины должны распадаться на мотивы вѣры и мотивы знанія. Послѣдніе чаще всего называются логическими мотивами, такъ что *къ знанію принадлежатъ только такія мысли, увѣренность въ истинности которыхъ не поддерживается ровно ничѣмъ, кромѣ логическихъ мотивовъ. Логическіе же мотивы, какъ видно изъ всего предшествующаго изложенія, сводятся только къ правиламъ логики да къ даннымъ опыта, взятымъ въ ихъ чистомъ видѣ.*

Что же касается мотивовъ вѣры, то, несомнѣнно, они бываютъ очень разнообразными: и специфически религіозными (въ родѣ чувства присутствія Бога передъ нами, о чемъ см. стр. 331), и нравственными, и эстетическими, и національными, и т. д. Но мы оставимъ въ сторонѣ все разно-

образіе мотивовъ вѣры, а равно и ихъ вліяніе на ея силу, на ея содержаніе, значеніе и т. п., и ограничимся только объясненіемъ возможныхъ отличій вѣры отъ знанія. Всѣ эти отличія теперь вполнѣ понятны на основаніи сказаннаго сейчасъ о знаніи и вѣрѣ, именно:

1. Коль скоро вѣра образуетъ *остатокъ*, который получается черезъ вычитаніе всего знанія изъ мыслей, сопровождаемыхъ увѣренностью въ ихъ истинности, то *предметомъ вѣры можетъ служить только непознанное*. Послѣднее же, конечно, можетъ быть двоякимъ: познаваемымъ, но *еще непознаннымъ*, *и навсегда непознаваемымъ*, такъ что хотя область вѣры и сужается съ развитіемъ знанія, но для нея всегда, даже при его безконечномъ развитіи, останется, въ видѣ ея особой, *собственной* области, навсегда непознаваемое, т.-е. метафизика. Если бы не было ничего навсегда непознаваемаго, т.-е. если бы метафизическое знаніе было осуществимымъ, то вѣра служила бы синонимомъ невѣжества и существовала бы лишь въ той мѣрѣ, въ какой познаваемое остается еще непознаннымъ. Но иначе стоитъ дѣло вслѣдствіе неосуществимости метафизическаго знанія. Вѣдь на всѣ метафизическіе вопросы можно получить отвѣтъ только въ видѣ вѣры, а не знанія. Мало того: при правильномъ отношеніи къ дѣлу не можетъ быть мѣста никакимъ враждебнымъ столкновеніямъ между знаніемъ и вѣрой. Подобныя столкновенія вообще возможны лишь на первыхъ ступеняхъ знанія, когда, съ одной стороны, ему приходится отвоевывать свое право на свободное изслѣдованіе того, что̀ познаваемо, но было захвачено вѣрой вслѣдствіе прежняго недостатка знанія, а съ другой стороны, знанію еще не ясны его логически неизбѣжныя границы, и оно безпрестанно пробуетъ учить о непознаваемомъ навсегда. Но по мѣрѣ того, какъ знаніе все чаще и чаще разрушаетъ вѣру въ такое познаваемое, которое раньше оставалось непознаннымъ и поэтому служило предметомъ вѣры, такъ что вѣра, еще уцѣлѣвшая подъ напоромъ знанія, все болѣе и болѣе, хотя бы и противъ своей воли, сосредоточивается на одномъ лишь навсегда непознаваемомъ, т.-е. на одной лишь метафизикѣ, а вмѣстѣ съ тѣмъ само-то знаніе все яснѣе и яснѣе понимаетъ недоступность для него метафизическихъ вопросовъ, все болѣе и болѣе ослабѣваетъ возможность вражды между вѣрой и знаніемъ.

2. Знаніе обусловлено только *единой* для всѣхъ логикой и *одинаковыми для всѣхъ* данными опыта; поэтому *въ содержаніи знанія не можетъ быть ничего зависящаго отъ особенностей духа даннаго лица или даннаго народа*. Замѣтимъ: мы говоримъ про *содержаніе* знанія, а не про то, какъ оно открывается или излагается и т. п. Знаніе по своему содержанію для всѣхъ одно. И если говорятъ о проявленіяхъ національности въ наукѣ, то вліяніе первой на вторую ограничивается лишь тѣмъ, какими путями охотнѣе двигается данная національность сравнительно съ другими при открытіяхъ знанія (при возникновеніи догадокъ), къ чему сильнѣе склоняются ея интересы, какъ она охотнѣе излагаетъ или преподаетъ знаніе и т. п. Но самое содержаніе знанія, т.-е. самыя положенія, образующія знаніе, общеобязательны, поэтому интернаціональны и космополитичны. Напр.,

въ содержаніи закона Ньютона нѣтъ ничего національнаго, хотя въ его открытіи сказался своеобразный геній англичанъ. *Не то въ вѣрѣ: на ней, на ея содержаніи, могутъ сказываться всѣ особенности духа вѣрующаго.* Вѣдь въ мотивахъ вѣры нѣтъ препятствія такому разнообразію содержанія вѣры.

3. Коль скоро знаніе обусловлено, между прочимъ, данными опыта, то оно не можетъ быть передъ ними слѣпымъ, лишеннымъ способности видѣть ихъ. *„Слѣпое знаніе"—это какое-то нелѣпое сочетаніе словъ. Вѣра же можетъ быть и нерѣдко бываетъ слѣпой,* потому что она поддерживается иными мотивами, чѣмъ знаніе. Ученые противники Галилея слѣпо вѣрили въ такую метафизическую теорію мірозданія, по которой выходило, что на солнцѣ не можетъ быть пятенъ. И когда Галилей предлагалъ имъ взглянуть на эти пятна съ помощью изобрѣтеннаго имъ телескопа, то они отказывались отъ такой провѣрки своихъ мыслей, говоря, что если они и увидятъ пятна на солнцѣ, то это будетъ доказывать только, что послѣднія возникаютъ въ *глазахъ* тѣхъ, кто разсматриваетъ солнце. Слѣпую же вѣру въ свои философскія построенія проявилъ и Гегель, когда на указаніе, что факты противорѣчатъ его построеніямъ, отвѣчалъ: „тѣмъ хуже для фактовъ". *Слѣпая вѣра, это — вѣра, дошедшая до неспособности видѣть противорѣчащіе ей факты, по крайней мѣрѣ—до неспособности усмотрѣть ихъ въ ихъ истинномъ видѣ.*

4. Знаніе обусловлено чисто-логическими мотивами; поэтому *никто не можетъ, считая какую-либо мысль знаніемъ, въ то же время считать ее нелѣпостью, безуміемъ. Относительно же вѣры это почему-то иногда оказывается возможнымъ. Мало того: нелѣпость или безуміе вѣры почему-то иногда считается даже печатью ея божественнаго происхожденія, признакомъ содержащейся въ ней высшей нечеловѣческой мудрости.* Наилучшимъ подтвержденіемъ сказаннаго о вѣрѣ служатъ ап. Павелъ и Тертуліанъ (160—220 г.). Первый называетъ христіанскую вѣру „безуміемъ" (μωρία), именно: „когда міръ своею мудростію не позналъ Бога въ премудрости Божіей, то благоугодно было Богу *безуміемъ* проповѣди спасти вѣрующихъ. Ибо въ то время, какъ іудеи требуютъ чудесъ, а еллины ищутъ мудрости, мы проповѣдуемъ Христа распятаго, для іудеевъ скандалъ (σκάνδαλον), а для еллиновъ *безуміе*" [1]). А вслѣдъ за тѣмъ про это же

[1]) См. Первое къ корино. I, 21—23. Здѣсь σκάνδαλον въ синодальномъ переводѣ передается словомъ „соблазнъ". Но слово „скандалъ", давно получившее у насъ права гражданства, гораздо ближе подходитъ для обозначенія іудейской точки зрѣнія на проповѣдь христіанства. Храмовая іерусалимская аристократія, конечно, почувствовала себя до нельзя *скандализированной*, когда, окруживъ стражей и опечатавъ гробъ Христа, на третій день узнала, что разнеслась таки вѣсть объ Его воскресеніи. Еще больше усилился *скандалъ*, когда Савлъ изъ ожесточеннаго гонителя христіанства превратился въ его ревностнаго проповѣдника, утверждавшаго, вдобавокъ, что и онъ говорилъ съ воскресшимъ Христомъ. Да и все еврейство, ожидавшее пришествія Мессіи въ земной славѣ, тоже было *скандализировано*, когда раздалась проповѣдь, что распятый Іисусъ и есть Мессія.

самое „безуміе“ ап. Павелъ говоритъ, что оно въ глазахъ самихъ вѣрующихъ является „Божьей силой, Божьей мудростью“ (Θεοῦ δύναμις καὶ Θεοῦ σοφία, см. Первое къ коринѳ., I, 24). Далѣе, онъ же говоритъ: „будь *безумнымъ* (μωρός), чтобы быть мудрымъ“ (Первое къ коринѳ., III, 18), а также—„*безумное* Божіе (τὸ μωρὸν τοῦ Θεοῦ) мудрѣе человѣковъ“ (Первое къ коринѳ., I, 25) и т. д. Что же касается Тертуліана, то онъ дѣлаетъ даже *основаніемъ*, *подтвержденіемъ* своей вѣры нелѣпость, непріемлемость, невозможность того, во что онъ вѣруетъ. Въ томъ мѣстѣ, которое обыкновенно вкратцѣ передаютъ словами „credo, quia absurdum est“ (вѣрую въ это, *потому что* это нелѣпо), самъ онъ высказывается слѣдующимъ образомъ: „родился Сынъ Божій; это не стыдно, потому что постыдно. И умеръ Сынъ Божій; это вполнѣ вѣрно, потому что непріемлемо. И погребенный воскресъ; это достовѣрно, потому что невозможно“ (natus est Dei filius; non pudet, quia pudendum est; et mortuus est Dei filius; prorsus credibile est, quia ineptum est; et sepultus resurrexit; certum est, quia impossibile).

Какъ объяснить возможность вѣровать въ то, что̀ самъ же считаешь нелѣпымъ, безумнымъ? О Тертуліанѣ, пожалуй, скажутъ, будто бы онъ пришелъ къ своему „вѣрую въ это, *потому что* это нелѣпо“ только вслѣдствіе слѣпого подчиненія авторитету ап. Павла [1]). Но чѣмъ объяснить, что самъ-то ап. Павелъ, хотя и называетъ христіанство „*безуміемъ*“, не только не отрекается отъ него, а напротивъ, изъ его преслѣдователя превратился въ его ревностнаго проповѣдника? Тѣмъ ли, что его вѣра была еще хуже, чѣмъ слѣпой; и подобно тому, какъ слѣпая вѣра доходитъ иногда до сознательнаго пренебреженія къ противорѣчащимъ ей фактамъ опыта, такъ точно вѣра ап. Павла дошла до столь же сознательнаго пренебреженія къ требованіямъ логики. Или же, наоборотъ, ап. Павелъ уже чувствовалъ, что сама же логика требуетъ считать неизвѣстнымъ, все ли подчинено закону противорѣчія, и въ частности—подчиненъ ли ему Богъ?

Пусть этотъ вопросъ рѣшаетъ самъ читатель. Мы же ограничимся лишь сообщеніемъ ему слѣдующаго матеріала: ап. Павелъ отнюдь не обнаруживаетъ готовности пренебрегать въ своей вѣрѣ логикой или, какъ онъ выражается, „умомъ“. Напротивъ, вотъ что̀ онъ говоритъ: „братія! не будьте дѣти умомъ: на злое будьте младенцы, а по уму будьте совершеннолѣтни“ (см. Первое къ коринѳ., XIV, 20). А что такое умъ? То

---

[1]) Проф. Глаголевъ (въ своей статьѣ „Вѣра и знаніе“, помѣщенной въ журналѣ „Вѣра и Разумъ“, 1909 г., № 21) даже прямо приравниваетъ вышеприведенное мѣсто изъ Тертуліана къ слѣдующимъ словамъ ап. Павла (изъ Перваго къ коринѳ., I, 23—24): „мы проповѣдуемъ Христа распятаго, для іудеевъ скандалъ, а для еллиновъ безуміе, для самихъ же призванныхъ іудеевъ и еллиновъ Христа, Божію Силу и Божію премудрость“ (см. l. c. 349). Но у ап. Павла вообще нигдѣ, а не только здѣсь, нельзя замѣтить, чтобы нелѣпость вѣры служила ея основаніемъ: онъ считаетъ истинной свою вѣру не вслѣдствіе, а только вопреки ея нелѣпости. О словѣ „скандалъ“ см. примѣчаніе на предшествующей страницѣ.

ли самое, что̀ вытекаетъ изъ вѣры ап. Павла, или же что-то самостоятельное передъ ней, независимое отъ нея? На это ясно отвѣчаютъ его собственныя слова: „стану молиться духомъ, стану молиться и умомъ; буду пѣть духомъ, буду пѣть и умомъ“ (см. Первое къ корине., XIV, 15). Кромѣ того, въ нихъ ясно требуется, чтобы наша вѣра не насиловала ума, а согласовалась съ нимъ. При такихъ условіяхъ врядъ ли, чтобы вѣра ап. Павла была хуже, чѣмъ слѣпой.

18. Постепенная перемѣна во взглядахъ на мѣсто метафизики. Сознаніе у современныхъ защитниковъ метафизики ея разнородности съ знаніемъ. Сущность христіанства. Логицизмъ обнаруживаетъ, что метафизика и знаніе съ логической точки зрѣнія разнородны между собой. Поэтому не безполезно сопоставить, какъ въ разныя времена относились къ метафизикѣ. Сперва нисколько не чувствовали ея разнородности съ знаніемъ, но постепенно послѣдняя заставляетъ себя чувствовать все сильнѣе и сильнѣе, и въ настоящее время чувство этой разнородности можно подмѣтить даже у самыхъ горячихъ защитниковъ метафизики.

Въ глубокой древности встрѣчается мнѣніе, что если и есть безспорное знаніе, кромѣ математики, то ни въ какомъ случаѣ не о мірѣ явленій, но объ истинномъ бытіи. Такъ именно смотрѣлъ на дѣло Платонъ. Онъ былъ убѣжденъ, будто бы метафизика настолько же имѣетъ право считаться знаніемъ, какъ и математика. Изученіе же міра явленій, т.-е. естествознаніе, онъ даже не называлъ знаніемъ, а всего только *правдоподобными мнѣніями*, характеризуя ихъ, какъ что-то среднее между знаніемъ и незнаніемъ. Впослѣдствіи же стали такъ говорить: если мы убѣждены въ достовѣрности не только математики, но еще и естествознанія, то логически обязаны быть убѣжденными и въ возможности метафизики въ видѣ достовѣрной науки. При этомъ одни были увѣрены, что они уже владѣютъ такой наукой; другіе же, видя, что самыя разнообразныя метафизическія направленія въ теченіе болѣе 2000 лѣтъ ведутъ нескончаемые и безплодные споры между собой, утѣшали себя мыслью, что въ будущемъ можно будетъ рѣшить всѣ эти споры. Въ послѣднія же времена, именно подъ вліяніемъ Канта (ум. въ 1804 г.), стали говорить какъ разъ наоборотъ: если мы убѣждены въ достовѣрности математики и естествознанія, то вотъ это-то самое и мѣшаетъ считать метафизику возможной въ видѣ знанія.

И теперь уже часто защищаютъ возможность метафизики въ видѣ знанія не ссылками на фактъ существованія математики и естествознанія и не путемъ изученія этого факта, но путемъ воспѣванія панегириковъ по адресу метафизики, разсужденіями о важности и интересности такой науки. „Намъ-де важнѣе всего — метафизика; изученіе имманентнаго міра, если оно не приводитъ къ знанію глубочайшей сущности вещей, къ знанію истиннаго бытія, насъ не удовлетворитъ, потому что не можетъ быть ничего важнѣе, какъ узнать, есть ли Богъ, безсмертіе, какова истинная, сокровенная сущность вещей и т. д. Сама-то теорія познанія важна только, какъ вспомогательное средство для метафизики. Не можетъ нашъ духъ помириться съ невозмож-

ностью метафизики (тутъ часто приводятся какіе-нибудь трогательные стишки); слѣдовательно, нельзя намъ соглашаться съ отрицаніемъ ея возможности; слѣдовательно, она не можетъ не быть въ видѣ науки. И вотъ она!“ Послѣ этого излагается понравившееся автору метафизическое ученіе, при чемъ доказывается оно преимущественно, а иногда даже исключительно, чрезъ обнаруженіе всего лишь недоказанности (а вовсе не ложности) другихъ направленій, что очень легко сдѣлать; ибо всѣ до одного метафизическія направленія одинаково недоказуемы.

Словомъ: теперь часто защитники метафизики въ видѣ знанія не хотятъ судить и заключать о фактахъ (именно — о *существованіи* или *несуществованіи* границъ знанія) по фактамъ (состоящимъ изъ фактически существующаго безспорнаго знанія), но предпочитаютъ заранѣе (до изученія фактовъ) составить себѣ свой собственный *идеалъ*, который они произвольно называютъ идеаломъ *знанія*, и, съ одной стороны, на основаніи *привлекательности* этого идеала утверждаютъ, что нѣтъ и не можетъ быть никакихъ препятствій для его осуществленія, т.-е. нѣтъ границъ для знанія, а съ другой, опираясь на то, что этотъ идеалъ они назвали идеаломъ *знанія*, они утверждаютъ, что изученіе явленій (математики и законовъ природы) еще не даетъ *истиннаго* знанія. Такимъ знаніемъ можетъ-де служить только метафизика. И для ея вящшаго прославленія подтверждаютъ это иной разъ еще тѣмъ, что только она одна можетъ содержать въ себѣ *истину*, удовлетворять идеалу *истины*; въ наукѣ же (подъ каковымъ именемъ они подразумѣваютъ математику съ изученіемъ законовъ природы) нѣтъ истины, а только *истинность*, согласіе всего лишь съ дѣйствительностью, а не съ *истиной*, какъ ей слѣдуетъ быть. А важнѣе всего знать не низменную дѣйствительность, но истину: „познайте истину, говоритъ апостолъ, и истина сдѣлаетъ васъ свободными“.

Это рѣзкое противопоставленіе изученія имманентнаго міра метафизикѣ, противопоставленіе, доходящее до отказа называть ихъ одинаковыми именами (просто наукой или просто знаніемъ), очень важное обстоятельство. Оно показываетъ, что сами же нынѣшніе защитники метафизики невольно сознаютъ всю истинность положенія, гласящаго: метафизика, съ одной стороны, и математика съ естествознаніемъ, съ другой, столь разнородны между собой, что мы не имѣемъ права называть все это одинаковымъ именемъ—наукой или знаніемъ (дабы одинаковостью названія не внушать ложной мысли объ однородности всего этого). Другими словами: теперь даже сами защитники метафизики чаще всего сознаютъ или чувствуютъ, что метафизика и математика съ естествознаніемъ лежатъ *въ разныхъ плоскостяхъ*, что нѣтъ никакого мостика отъ знанія имманентнаго міра къ истинному бытію, что метафизика не можетъ быть *продолженіемъ* изученія имманентнаго міра.

Довольно поучительно разсмотрѣть, какъ защищаютъ метафизику два очень талантливыхъ ея современныхъ поклонника—Н. О. Лосскій и Н. А. Бердяевъ: поучительно, какъ у нихъ прорывается мысль о *разнородности*

метафизики съ знаніемъ, и какъ имъ приходится *принижать* науку изъ-за желанія спасти за метафизикой право называться знаніемъ.

Вотъ что̀ пишетъ Н. О. Лосскій въ своей книгѣ „Обоснованіе интуитивизма“ (Спб. 1908, стр. 2—3): „если намъ скажутъ, что знанія, постигающаго дѣйствительную жизнь, нѣтъ, что знаніе имѣетъ только *символическій* (вездѣ курсивъ самого Н. О. Лосскаго) характеръ, что мы познаемъ не самоё вещь, а лишь *дѣйствіе ея* на насъ, или если намъ скажутъ, что познаваемый нами міръ есть только *міръ нашихъ представленій*, міръ явленій, разыгрывающихся по законамъ нашего ума, то этого рода знаніе насъ не удовлетворитъ: намъ душно въ узкой сферѣ „я“, мы хотимъ выйти въ безбрежное море дѣйствительности, какъ она существуетъ независимо отъ свойствъ нашего „я“ ... Какъ глубоко заложенъ этотъ идеалъ въ нѣдрахъ человѣческой души, видно изъ того, что мы отказываемся отъ него съ болью въ сердцѣ:

. . . Подавить нельзя подчасъ
Въ душѣ врожденное стремленье.
Стремленье въ высь, когда до насъ!
Вдругъ долетаетъ жаворонка пѣнье
Изъ необъятной синевы небесъ,—
Когда, внизу оставя долъ и лѣсъ,
Орелъ паритъ свободно надъ горами,
Или высоко подъ облаками
Къ далекой родинѣ своей
Несется стая журавлей“! [1]).

Таковъ идеалъ знанія у Н. О. Лосскаго. Съ тѣми же, кто довольствуется знаніемъ одного лишь имманентнаго міра и его законовъ, Н. О. Лосскій, прибѣгая къ авторитету Мефистофеля, раздѣлался предъ этимъ слѣдующими словами (l. c. стр. 2):

---

[1]) Эти стихи приведены Н. О. Лосскимъ изъ гётевскаго Фауста въ переводѣ Холодковскаго. Но Н. О. Лосскій напрасно думаетъ, будто бы эти стихи говорятъ въ пользу его идеала. Холодковскій нерѣдко передаетъ какъ-то сбивчиво мысли Гёте. Если же вчитаться въ подлинникѣ въ соотвѣтственный монологъ Фауста (произносимый имъ во время воскресной прогулки за городскими воротами), то здѣсь скорѣе выходитъ антиметафизическая мысль. Фаустъ, глядя на заходящее солнце и на освѣщенныя имъ картины природы, мечтаетъ облетѣть вслѣдъ за солнцемъ и видѣть своими глазами весь *земной* шаръ. Въ это время темнѣетъ, все скрывается отъ его взора, и онъ, вспомнивъ, что на крыльяхъ духа можно летать и безъ тѣлесныхъ крыльевъ, отвѣчаетъ самъ себѣ — но каждому прирождено, чтобы его сердце билось и волновалось, когда есть пища его органамъ внѣшнихъ чувствъ, именно:

„Zu des Geistes Flügeln wird so leicht
Kein körperlicher Flügel sich gesellen.
Doch ist es jedem eingeboren,
Dass sein Gefühl hinauf und vorwärts dringt,
Wenn über uns, im blauen Raum verloren,
Ihr schmetternd Lied die Lerche singt“.

Метафизикъ же первымъ дѣломъ отворачивается отъ міра явленій.

„Мы говоримъ, пишетъ онъ, конечно, не о знаніи такихъ книжныхъ червей, какъ Вагнеръ, къ которымъ относятся слова Мефистофеля:

Кто хочетъ что-нибудь живое изучить,
Сперва его всегда онъ убиваетъ,
Потомъ на части разнимаетъ,
Хоть связи жизненной,—увы! тамъ не открыть“ [1]).

Не ясно ли, что Н. О. Лосскій сознаетъ, чувствуетъ всю разнородность метафизики съ математикой и естественными науками, равно какъ и обусловленную ею непозволительность называть все это однимъ общимъ именемъ? Иначе какой же смыслъ въ его рѣзкомъ противопоставленіи составленнаго имъ идеала *книжно-червивому* знанію? Если же его идеалъ по существу своему рѣзко отличается отъ знанія имманентнаго міра, разнороденъ съ нимъ, то ясно, что *если* кто рѣшилъ пользоваться общечеловѣческимъ языкомъ и называть математику съ естественными науками знаніемъ (просто, безъ прибавленія къ этому слову эпитета „книжно-червивый“), тотъ уже не въ правѣ примѣнять это названіе къ идеалу Н. О. Лосскаго; этотъ идеалъ надо тогда называть не идеаломъ *знанія*, а чего-то другого. Только при

[1]) См. Фаустъ Гёте, пер. Холодковскаго. Трудно понять, почему Н. О. Лосскій относитъ эти слова Мефистофеля, сказанныя вновь поступающему студенту, именно къ Вагнеру. Въ нихъ имѣется въ виду всякій *философъ*, старающійся постичь тайны природы. Въ переводѣ Холодковскаго здѣсь слово философъ, которое стоитъ въ подлинникѣ, совершенно неправильно замѣнено выраженіемъ профессоръ:

„Der Philosoph, der tritt herein
Und beweist euch, es müsst'so sein“.

И, конечно, здѣсь имѣется въ виду не антиметафизическая философія, построенная во времена Гёте Кантомъ, а завѣдомо метафизическая; ибо эта сцена была написана еще въ 1774 г., за восемь лѣтъ до появленія кантовской „Критики чистаго разума“. Кромѣ того: если Н. О. Лосскій опирается здѣсь на авторитетъ Мефистофеля (словами котораго сыплетъ свои сарказмы, конечно, самъ ненавидѣвшій метафизику Гёте—см. его автобіографію), то слѣдовало бы привесть также и отзывъ Мефистофеля о метафизикѣ, высказанный послѣднимъ въ той же самой бесѣдѣ. А онъ по переводу Холодковскаго вотъ каковъ:

„Затѣмъ другихъ наукъ нужнѣй
Вамъ метафизика: займитесь ей сильнѣй.
Понять старайтесь Вы изъ ней,
Что чуждо для ума людей:
Доступно ль это, не доступно ль намъ,
На все *слова* найдутся тамъ“.

Въ подлинникѣ же это звучитъ еще язвительнѣе:

„Da seht, dass ihr tiefsinnig fasst,
Was in des Menschen Hirn nicht passt:
Für was drein geht und nicht drein geht,
Ein prächtig Wort zu Diensten steht“.

Словомъ: всѣ стихи, цитированные Н. О. Лосскимъ, чтобы посильнѣе подѣйствовать на чувства читателя въ пользу метафизики, на самомъ дѣлѣ говорятъ противъ нея.

томъ условіи можно называть этотъ идеалъ идеаломъ *знанія*, если математику и естественныя науки (даже астрономію, механику, технику и т. д.) съ *серьезнѣйшимъ* видомъ называть книжно-червивой наукой, а всѣхъ служителей математики и естествознанія—книжными червями. Очевидно, вовсе не высокомѣріе принудило Н. О. Лосскаго обозвать ихъ этимъ именемъ, но сознаніе полной разнородности своего собственнаго идеала съ наукой, или—съ знаніемъ.

Въ сходномъ положеніи съ Н. О. Лосскимъ оказался и другой современный защитникъ метафизики—Н. А. Бердяевъ. Онъ во имя *своего* идеала знаніемъ *просто*, или *разумнымъ* знаніемъ называетъ то, что соотвѣтствуетъ его *собственному* идеалу, составленному главнымъ образомъ съ помощью Новаго Завѣта. А то, что все человѣчество называетъ наукой и знаніемъ, волей-неволей, приходится Н. А. Бердяеву назвать другимъ именемъ. Онъ такъ и дѣлаетъ: онъ называетъ все это болѣзненнымъ, „патологическимъ“ знаніемъ, считая его *вполнѣ разнороднымъ* съ метафизикой. Но не значитъ ли это, что и онъ по существу дѣла согласенъ съ общимъ итогомъ логицизма? Чтобы видѣть, насколько разнородными считаетъ онъ науку съ метафизикой, приведемъ его собственныя слова:

„Какъ, пишетъ онъ, обосновывается верховенство науки? Обоснованіе это не можетъ быть дѣломъ самой науки: оно внѣ ея и до нея; обоснованіе это есть особая форма вѣры. А что если наука изучаетъ лишь *болѣзненное* состояніе міра, если въ ея вѣдѣніи лишь природный порядокъ, который есть результатъ грѣха и мірового недуга, если наука только патологія? Наука говоритъ правду о „природѣ“, вѣрно открываетъ „закономѣрность“ въ ней, но она ничего не знаетъ и не можетъ знать о происхожденіи самого порядка природы, о сущности бытія и той трагедіи, которая происходитъ въ глубинахъ бытія. Это уже въ вѣдѣніи не патологіи, а физіологіи—ученія о здоровой сущности міра, въ вѣдѣніи метафизики и религіи. Царство науки и научности есть ограниченная сфера *патологическаго* знанія, ея законамъ подвѣдомственна не безграничность бытія, а лишь состояніе этого бытія въ данной плоскости... Ея сфера есть помѣщеніе больницы міра, заболѣвшаго отъ грѣха и подпавшаго закону тлѣнія, подчинившагося закону необходимости“. (См. „Вопросы Философіи и Психологіи“, кн. 94 стр. 293, статья Н. А. Бердяева: „Происхожденіе зла и смыслъ исторіи“). Только и недостаетъ, чтобы Н. А. Бердяевъ назвалъ науку „психопатологическимъ“ знаніемъ.

Не ясно ли, что Н. О. Лосскій и Н. А. Бердяевъ сильно чувствуютъ полную разнородность метафизики съ наукой, сознаютъ, что та и другая лежатъ въ разныхъ плоскостяхъ, сознаютъ это даже до возникновенія логической необходимости чуть не ругаться или на науку („патологическая“!), или на ея служителей („книжные черви“!).

Не мѣшаетъ прибавить нѣсколько словъ и по существу метафизическихъ воззрѣній Н. А. Бердяева. Хотя это и отведетъ насъ нѣсколько въ сторону отъ нашихъ прямыхъ задачъ, зато покажетъ, въ какія затрудненія

запутывается Н. А. Бердяевъ изъ-за желанія считать метафизику, построенную съ помощью Новаго Завѣта, *знаніемъ*, да еще—*разумнымъ*. Конечно, въ Новомъ Завѣтѣ изложены божественныя ученія. Воскресеніе Христа! Да это самое божественное событіе, вселенское событіе. Оно-то и составляетъ „благую вѣсть", возвѣщенную міру апостолами (евангеліе = благовѣствованіе). Н. А. Бердяевъ безспорно правъ, когда говоритъ, какъ важна въ христіанствѣ вѣра въ это событіе. Болѣе того, прибавлю я отъ себя: въ ней-то вся суть христіанства. Смѣшны тѣ, кто хочетъ сохранить право называться христіанами, кто хочетъ оставаться вѣрнымъ первичной, неискаженной проповѣди христіанства, отбросивъ вѣру въ *истинное* воскресеніе Христа во плоти, въ *истинную* Его побѣду надъ *истинной* плотской смертью. Нѣтъ, христіанинъ только тотъ, кто съ вѣрой, проникающей все его существо, возвѣщаетъ: „Христосъ Воскресъ!" „*Воистину* воскресъ", а не какъ-нибудь аллегорически или символически. Христіанинъ тотъ, кто, увѣровавъ въ воскресеніе Христа, уже не приходитъ въ отчаяніе и уныніе отъ мрачныхъ „трагедій въ глубинахъ бытія" (см. выше цитату изъ статьи Н. А. Бердяева), а съ жизнерадостнымъ чувствомъ человѣка, только-что избавившагося отъ неумолимаго смертельнаго врага и проникнутаго вѣрой во всеобщее воскресеніе, залогомъ котораго служитъ *истинное* воскресеніе Христа, торжествуя восклицаетъ: „Смерть! Гдѣ твое жало? Адъ! Гдѣ твоя побѣда"? (Сравн. Первое къ коринѳ. XV, 55).

„*И если Христосъ не воскресъ, то пустяки проповѣдь наша, пустяки и вѣра ваша*" [1]): таковы собственныя слова проповѣдника первичнаго, подлиннаго Христіанства (Павелъ, 1-е къ коринѳян. XV, 14). Вѣстью о воскресеніи Христа заканчивается и каждое евангеліе, т.-е. благовѣствованіе. Они и написаны-то *ради* этой благой вѣсти. Попробуемъ отбросить это окончаніе отъ любого евангелія, отрѣзать его послѣднія главы, начиная съ тайной вечери, или даже съ момента погребенія Христа. Что же останется? При самой снисходительной литературной оцѣнкѣ, примѣняемой къ писателямъ изъ простонародья, какое-то *незаконченное* произведеніе. Съ религіозной же точки зрѣнія произведеніе—довольно таки заурядное, что-то въ родѣ Ксенофонтовскихъ „Воспоминаній о Сократѣ", если послѣднія разсматривать, какъ философское произведеніе.

Слово „христіанинъ" появилось уже въ апостольскія времена, всего лѣтъ черезъ десять послѣ смерти Христа; и общечеловѣческій языкъ сразу усвоилъ его, и навсегда сохранилъ, какъ названіе для исповѣдующихъ воскресеніе Христа. Кто отбрасываетъ вѣру въ Его воскресеніе и удерживаетъ лишь, якобы изложенное въ евангеліи, Его ученіе, долженъ называться какъ-нибудь иначе. Можно было бы называть такихъ людей христовцами (по аналогіи съ толстовцами и т. п.), если бы у нихъ въ рукахъ было Хри-

[1]) Εἰ δὲ Χριστὸς οὐκ ἐγήγερται, κενὸν ἄρα τὸ κήρυγμα ἡμῶν, κενὴ δὲ καὶ ἡ πίστις ὑμῶν. Въ синодальномъ переводѣ κενός передается словомъ „тщетный": „тщетна проповѣдь наша, тщетна и вѣра ваша". Но оно *прежде всего* значитъ—*пустой*, потомъ уже—тщетный, напрасный, зряшный, т.-е. прежде всего оно означаетъ „пустяки".

стово ученіе, изложенное Имъ самимъ, либо не тѣми, кто писалъ свои воспоминанія (или собиралъ разсказы) о Немъ подъ угломъ своей вѣры въ Его воскресеніе, приписывая и Ему самому взглядъ на самого себя, какъ на посланнаго умереть и воскреснуть. Но возстановить ученіе Христа, *независимое* отъ его освѣщенія вѣрой въ воскресеніе, это — уравненіе съ двумя неизвѣстными. Евангельскія слова Христа пріобрѣтаютъ такой или другой смыслъ въ зависимости отъ того, какой взглядъ мы припишемъ Ему самому на самого себя. Поэтому тѣхъ, кто, отбросивъ вѣру въ воскресеніе, подъ именемъ якобы первичнаго, подлиннаго христіанства выставляютъ *вычитанное* ими въ евангеліи ученіе (вычитанное путемъ *ихъ* приписыванія Христу опредѣленнаго взгляда на самого себя), надо называть даже не христовцами, а толстовцами и тому подобными именами, а ихъ ученіе толстовствомъ и т. п. О первичномъ, подлинномъ христіанствѣ нѣтъ другихъ документовъ, кромѣ тѣхъ, которые дѣлаютъ центромъ тяжести христіанства воскресеніе Христа. Всякій, кто разыскиваетъ такое христіанство, которое *еще не* увѣровало въ воскресеніе Христа, *голословнымъ образомъ предрѣшаетъ* вопросъ, было ли когда-нибудь такое христіанство. Несомнѣнно существовало и существуетъ христіанство, *переставшее* вѣровать въ воскресеніе Христа, но *нечѣмъ доказать*, что было христіанство, еще не начинавшее вѣровать въ воскресеніе.

Вся суть христіанства въ живой вѣрѣ въ воскресеніе Христа. Въ *вѣрѣ?*—Да! Но если эту *вѣру* мы назовемъ *знаніемъ*, да еще *разумнымъ знаніемъ*, то какъ намъ быть не только съ кучкой толстовцевъ, но и съ многомилліонными евреями, мусульманами, буддистами? У нихъ своя вѣра, отвергающая нашу: суть каждой изъ нихъ въ *отрицаніи* нашей, въ отрицаніи *воскресшаго* Христа. (Вѣдь магометане считаютъ его даже пророкомъ не ниже Моисея, но воскресеніе отрицаютъ). Называть ли и это отрицаніе тоже знаніемъ, разумнымъ знаніемъ? Да неужели есть два знанія, два разума? Впрочемъ, нѣтъ! Есть еще другой выходъ. Разумъ-то одинъ, а тѣ, чья суть, чья душа состоитъ въ его отрицаніи, вовсе лишены разума. Они не люди, а звѣри, но звѣри словесные, двуногіе, а не безсловесные, не четвероногіе. Такъ истребить же ихъ, какъ мы вообще истребляемъ всѣхъ неразумныхъ хищниковъ! Эти двуногія твари—тоже хищные звѣри, да еще самые вредные, самые опасные: они губятъ не тѣло, а всю суть человѣка, его *разумъ*, его высочайшее знаніе. Таковъ логически обязательный выводъ изъ предпосылокъ Н. А. Бердяева: либо два знанія, два разума, либо фанатизмъ средневѣковой инквизиціи. Не даромъ Н. А. Бердяевъ озабоченъ (l. c. 288), не сочтутъ ли его ученія реакціонными.

А не проще ли выйдетъ, если мы будемъ употреблять *общечеловѣческій* языкъ и скажемъ, что науку или знаніе составляютъ лишь математика да изученіе законовъ природы, а метафизика — всего лишь *вѣра?* Знаніе едино для всѣхъ; но вѣръ много. И каждая вѣра, возникая по инымъ мотивамъ, чѣмъ знаніе, и оцѣниваться, какая изъ нихъ выше и ближе къ истинѣ, должна иначе, чѣмъ знаніе, именно: по своимъ собственнымъ мо-

тивамъ — насколько она удовлетворяетъ общеобязательнымъ нравственнымъ требованіямъ, сколько въ этой вѣрѣ любви къ людямъ. И проповѣдникъ подлиннаго, первичнаго христіанства предупреждаетъ, что „знаніе надмеваетъ, а любовь назидаетъ“ (1-е къ коринѳ. VIII, 1), и что „теперь пребываютъ эти три: *вѣра*, надежда, любовь; но *любовь* изъ нихъ важнѣе“ ((μείζων—ibid. XIII, 13). Къ первому же предупрежденію прибавлены у него еще такія поучительныя слова: „кто думаетъ, что онъ знаетъ что-нибудь, тотъ ничего еще не знаетъ такъ, какъ должно знать“ (ibid., VIII, 2).

На сторонѣ метафизики и метафизической гносеологіи Н. А. Бердяева стоитъ отнюдь не авторитетъ Новаго Завѣта, проповѣдники котораго всегда требовали только *вѣры*, а вовсе не знанія (сравн. стр. 330), но всего лишь авторитетъ отцовъ церкви. Это они затѣяли превратить вѣру въ знаніе. И это не удивительно, коль скоро противъ ихъ вѣры выставляли, *какъ бы* знаніе, тогдашнюю метафизическую философію, постепенно принимавшую форму языческаго богословія. Понятно, что отцамъ церкви ничего не оставалось, какъ изъ тѣхъ же самыхъ источниковъ, откуда эти противники черпали языческое богословіе, строить и свое собственное богословіе, тоже выставляя его, какъ бы знаніе, разумное знаніе. Но теперь уже нѣтъ никакой надобности въ подобныхъ превращеніяхъ вѣры въ знаніе: *всякая* метафизика одинаково неопровержима. И если въ любви есть достаточно вѣскіе мотивы, то можно смѣло исповѣдывать любую изъ метафизикъ, не боясь ея опроверженія со стороны знанія. Неопровержима даже и такая метафизика, которая допускаетъ противорѣчія въ истинномъ бытіи и въ его отношеніяхъ къ міру явленій, т.-е. такая метафизика, которая обывательскому уму должна казаться, по выраженію ап. Павла, явнымъ „безуміемъ“ (сравн. выше, стр. 353).

ГЛАВА XVII.

Иностранныя доказательства неосуществимости метафизическаго знанія: позитивизмъ, эмпиризмъ и критицизмъ.

---

1. Позитивизмъ. Разсмотримъ теперь *иностранныя доказательства неосуществимости метафизическаго знанія. Они всѣ исходятъ изъ допущенія, будто бы противорѣчія неосуществимы, въ истинномъ бытіи, при чемъ ни одно изъ нихъ не подвергаетъ изслѣдованію, доказуемо ли такое допущеніе*, но каждое относится къ нему, какъ бы къ само собой очевидному. Поэтому при оцѣнкѣ иностранныхъ доказательствъ и мы будемъ допускать подчиненіе истиннаго бытія закону противорѣчія.

Начнемъ дѣло съ самаго легкаго доказательства, съ французскаго или позитивизма. Оно построено Огюстомъ Контомъ, ум. въ 1857 г. Въ своемъ

„Курсѣ позитивной философіи“ (изданномъ въ 30-хъ и 40-хъ годахъ XIX вѣка) Контъ изложилъ законъ трехъ фазисовъ развитія науки, который замѣняетъ у него всю теорію познанія. По этому закону всякая наука, которая не ограничивается одними лишь описаніями фактовъ, но устанавливаетъ общія положенія (законы природы), проходитъ въ своемъ развитіи три фазиса. Въ первомъ или теологическомъ фазисѣ, иначе — фиктивномъ, всѣ явленія природы объясняются, какъ дѣйствія человѣкоподобныхъ божествъ, при чемъ постепенно число послѣднихъ сокращается, и всѣ они замѣняются однимъ высшимъ — единымъ Богомъ. Второй фазисъ, называемый метафизическимъ или абстрактнымъ, отбрасываетъ прежнія теологическія (по-русски — богословскія) объясненія и вмѣсто этого объясняетъ явленія природы при помощи скрытыхъ сущностей, въ родѣ, напримѣръ, жизненной силы или души, при чемъ на дѣлѣ такими сущностями всегда оказываются абстрактно мыслимыя свойства наблюдаемыхъ явленій. Третій фазисъ — позитивный или научный — отбрасываетъ, при объясненіи природы и божества и абстрактныя сущности, отказывается отъ изученія конечныхъ и первыхъ причинъ, т.-е. отъ выясненія какъ цѣлей, такъ и первоисточника всего существующаго, и ограничивается лишь изученіемъ того, что̀ дано въ опытѣ, объясняя всѣ явленія природы одними лишь законами природы. Такъ, астрономія не объясняетъ теперь движеній свѣтилъ ни волей божествъ, ни ссылкой на то, что свѣтила обладаютъ совершеннѣйшей сущностью, вслѣдствіе которой они должны двигаться по совершеннѣйшимъ, т.-е. по круговымъ линіямъ, какъ это проповѣдывали въ древней Греціи, но объясняетъ ихъ одними лишь законами природы: законами тяготѣнія, инерціи и т. д. Слѣдовательно, каждая наука, чтобы достичь высшей ступени своего развитія, должна отказаться отъ всякой метафизики и сдѣлаться строго позитивной.

Такимъ образомъ, *позитивизмъ доказываетъ неосуществимость метафизическаго знанія исключительно съ помощью закона трехъ фазисовъ*. Но если и согласиться съ этимъ закономъ (а его часто упрекаютъ въ нѣкоторомъ несоотвѣтствіи съ общимъ ходомъ исторіи), позитивизмъ въ состояніи только *вызвать* отрицательное отношеніе къ метафизикѣ и *содѣйствовать* широкому распространенію такого отношенія къ ней. И онъ, дѣйствительно, блестящимъ образомъ исполнилъ эту задачу. Легко замѣтить, что слова „метафизика“ и „метафизическій“ пріобрѣли теперь какой-то порицательный смыслъ: они стали служить синонимами завѣдомой ненаучности, синонимами того, что̀ не имѣетъ права называться знаніемъ, и что̀ въ то же время претенціозно до смѣшного. Дѣло дошло даже до того, что сами же защитники и проповѣдники метафизики иногда какъ бы стыдятся называть свое ученіе метафизикой, а вмѣсто этого слова они стали въ послѣднее время употреблять терминъ „онтологія“, хотя онъ означаетъ у нихъ то же самое, что̀ и метафизика [1]). Если его буквально перевесть съ греческаго на рус-

[1]) Таковъ, напр., С. А. Алексѣевъ, который едва-ли не первый произвелъ подобную замѣну въ своей книгѣ „Основныя понятія онтологіи и гносеологіи“, вышедшей

скій, то выйдетъ „ученіе о бытіи“ или, если угодно, „ученіе о сущности“, потому что греческое ὄν (родит. ὄντος) означаетъ „сущее“, такъ что его употребляютъ и въ смыслѣ „бытія“ и въ смыслѣ „сущности“. И терминъ „онтологія“ былъ придуманъ около середины XVIII вѣка (Христіаномъ Вольфомъ) для обозначенія основной части метафизики, именно—части, посвященной ученію объ истинномъ бытіи вообще, будетъ ли оно конечнымъ или безконечнымъ, это все равно. По всему этому строить онтологію то же самое, что̀ строить метафизику именно—ея основную часть. Но слово „онтологія“, какъ мало употребительное, еще не успѣло пріобрѣсть тотъ непріятный привкусъ, который теперь совершенно неустранимъ въ словѣ „метафизика“, и поэтому оно удобно для защитниковъ метафизики. А этой неустранимостью, т.-е. распространившимся въ широкихъ массахъ отрицательнымъ отношеніемъ ко всякой метафизикѣ, мы обязаны позитивизму: онъ такъ легокъ, что его усваивали гораздо охотнѣе, чѣмъ любое другое доказательство неосуществимости метафизическаго знанія.

Но *хотя позитивизмъ можетъ легко вызвать отрицательное отношеніе къ метафизикѣ и содѣйствовать его широкому распространенію въ массахъ, онъ еще не въ силахъ закрѣпить это отношеніе навсегда.* Въ самомъ дѣлѣ: изъ закона трехъ фазисовъ вовсе не вытекаетъ, чтобы послѣ позитивнаго фазиса никогда не возникнетъ *обновленный* метафизическій фазисъ, который отличался бы отъ стараго, уже пережитаго, тѣмъ, что метафизическія объясненія природы строились бы не раньше, чѣмъ послѣдняя будетъ достаточно изучена позитивнымъ методомъ, но послѣ такого изученія и на основаніи добытыхъ имъ результатовъ. Такимъ образомъ, позитивизмъ оставляетъ нерѣшеннымъ вопросъ: *нельзя ли* построить метафизическое знаніе тѣмъ путемъ, чтобы къ позитивному объясненію природы, т.-е. къ такому объясненію, которое объясняетъ природу только законами природы и больше ничѣмъ, а вслѣдствіе этого многое оставляетъ необъясненнымъ,—напр., происхожденіе природы, ея назначеніе и т. п., прибавить еще строго доказанныя метафизическія объясненія. Сперва эти объясненія, конечно, будутъ только гипотезами, такъ что и метафизика на первыхъ порахъ составитъ всего только „гипотетическое дополненіе къ знанію“. Но не могутъ ли хоть нѣкоторыя изъ этихъ гипотезъ превратиться со временемъ въ знаніе? Для отвѣта на этотъ вопросъ приходится прибѣгнуть къ помощи второй части логицизма, т.-е. къ той части, которая доказываетъ неосуществимость метафизическаго знанія даже и въ томъ случаѣ, если мы согласимся съ произвольнымъ допущеніемъ, будто бы все истинное бытіе навѣрное подчинено закону противорѣчія (см. выше, стр. 338 и слѣд). Такимъ образомъ, позитивизмъ окончательно достигнетъ своей цѣли только въ томъ случаѣ, когда онъ будетъ

подъ псевдонимомъ Аскольдова. Таковы же Н. О. Лосскій и С. Л. Франкъ, при чемъ у перваго изъ нихъ иногда еще хватаетъ храбрости, но очень рѣдко, произносить слово „метафизика“ для обозначенія своихъ теорій, а второй всячески избѣгаетъ этой непріятности.

дополненъ логицизмомъ; послѣдній же имѣетъ силу уже самъ по себѣ, безъ помощи позитивизма (сравн. выше, стр. 307).

2. Эмпиризмъ. Въ исторіи философіи эмпиризмомъ обозвали то направленіе философіи, которое сдѣлалось въ Англіи преобладающимъ, даже господствующимъ съ XVII вѣка, именно со времени Фр. Бекона, жившаго съ 1561 по 1626 г., и которое сильнѣе всего сказалось въ лицѣ Давида Юма, жившаго между 1711 и 1776 гг. Поэтому эмпиризмъ можетъ быть названъ также англійскимъ доказательствомъ неосуществимости метафизическаго знанія.

Терминъ „эмпиризмъ“ происходитъ отъ греческаго слова ἐμπειρία, обозначающаго опытъ. *И эмпиризмомъ называется убѣжденіе,* которымъ со времени Бекона долго были пропитаны всѣ англійскіе философы, и на которое они не ссылались явнымъ образомъ, но всегда молча предполагали его во всѣхъ своихъ соображеніяхъ, какъ бы вещь саму собой очевидную, именно—убѣжденіе, *будто бы знаніе о какихъ бы то ни было фактахъ, т.-е. о томъ, что̀ дѣйствительно существуетъ въ истинномъ ли бытіи или въ кажущемся, это все равно, состоитъ только изъ двухъ родовъ сужденій: во-первыхъ, изъ сужденій, оправданныхъ простой установкой данныхъ опыта, и, во-вторыхъ, изъ тѣхъ сужденій, которыя выведены изъ первыхъ безъ всякой помощи со стороны такихъ предпосылокъ, чтобы ихъ нельзя было оправдать простой установкой данныхъ опыта.* Всѣ же остальныя сужденія, кромѣ этихъ двухъ родовъ, въ состояніи дать намъ знаніе отнюдь не о какихъ-либо фактахъ, но только объ отношеніяхъ нашихъ мыслей другъ къ другу или *идей,* какъ любятъ выражаться англичане, при чемъ эти мысли или идеи разсматриваются только сами по себѣ, независимо отъ того, существуетъ ли въ дѣйствительности что-нибудь соотвѣтствующее этимъ мыслямъ или нѣтъ. Юмъ, напр., всѣ науки раздѣляетъ на два класса: на науки объ отношеніяхъ идей и на науки о фактахъ. Къ первымъ, по его словамъ, относятся всѣ математическія науки: онѣ, по его мнѣнію, потому и неопровержимы, что изучаютъ только одни лишь отношенія идей, независимо отъ того, существуютъ ли гдѣ-либо предметы, соотвѣтствующіе этимъ идеямъ, или нѣтъ. Напр., для геометра, доказывающаго, что діаметръ больше всякой другой хорды, проведенной въ томъ же самомъ кругѣ, не имѣетъ никакого значенія, существуютъ ли на дѣлѣ гдѣ-нибудь круги, хорды и діаметры, или ихъ нигдѣ нѣтъ. Онъ занятъ только изученіемъ *отношеній* между *идеями* круга, діаметра и хорды. Что же касается наукъ о фактахъ, то къ нимъ принадлежатъ всѣ естественныя науки, исторія и вообще науки, изучающія данныя опыта, а также метафизика. И при обсужденіи вопроса, въ какой степени всѣ эти науки въ правѣ считаться знаніемъ, Юмъ исходитъ именно изъ эмпиризма, т.-е. изъ увѣренности, будто бы знаніе о фактахъ состоитъ только изъ сужденій, оправданныхъ простой установкой данныхъ опыта, да изъ тѣхъ сужденій, которыя выводятся изъ первыхъ безъ всякой помощи со стороны предпосылокъ, неоправдываемыхъ простой установкой данныхъ опыта.

Правда, Юмъ, равно какъ и другіе эмпиристы, постоянно облекаютъ свои соображенія о границахъ знанія о фактахъ въ форму психологическаго изслѣдованія о происхожденіи идей: онъ старается выяснить, какими психологическими путями возникаютъ у насъ тѣ или другія идеи, и вывесть изъ способа ихъ возникновенія, въ какихъ случаяхъ, т.-е. въ какихъ границахъ онѣ имѣютъ право считаться знаніемъ. Но всѣ эти психологическія соображенія о *происхожденіи* различныхъ идей составляютъ у Юма всего лишь внѣшнюю оболочку его выводовъ о границахъ знанія; на самомъ же дѣлѣ эти выводы опираются на его эмпиризмъ, т.-е. на вышеупомянутое убѣжденіе относительно *состава* (а не происхожденія) знанія о фактахъ. Поэтому мы отбросимъ психологическую оболочку, въ которую облечены гносеологическія соображенія Юма, и возьмемъ послѣднія сами по себѣ, безъ всякой связи съ его психологіей: они сохраняютъ всю свою силу, каковы бы ни были наши психологическіе взгляды на способы возникновенія тѣхъ или другихъ идей. Точно также гносеологическія соображенія Юма сохраняютъ всю свою силу, какъ бы мы ни смотрѣли на внѣшній міръ, взятый въ томъ видѣ, какъ онъ данъ въ опытѣ, будемъ ли мы его считать истиннымъ бытіемъ или же состоящимъ изъ объектированныхъ продуктовъ душевной жизни.

Эмпиризмъ же при его послѣдовательномъ проведеніи принуждаетъ отрицать осуществимость трансцендентнаго знанія. Вѣдь сужденія, оправданныя простой установкой данныхъ опыта, могутъ говорить только о томъ, что̀ дано въ опытѣ, т.-е. объ имманентномъ мірѣ. А тѣ сужденія, которыя *правильно* выведены изъ однихъ только оправданныхъ простой установкой данныхъ опыта, могутъ состоять только изъ такихъ понятій, изъ какихъ состоятъ эти сужденія, т.-е. изъ имманентныхъ понятій, пот. что въ правильныхъ силлогизмахъ выводы всегда состоятъ только изъ такихъ понятій, которыя уже встрѣчаются въ посылкахъ. Такимъ образомъ, *съ точки зрѣнія эмпиризма всякое знаніе о фактахъ можетъ говорить только о фактахъ, относящихся къ составу имманентнаго міра, но отнюдь не о трансцендентныхъ фактахъ.*

Правда, здѣсь можетъ быть сдѣлано такое возраженіе: а развѣ нельзя, пользуясь принципомъ причинности, заключить, какой трансцендентный фактъ служитъ причиной того или другого взятаго нами имманентнаго факта; и развѣ нельзя этимъ путемъ узнать трансцендентный міръ? Но съ точки зрѣнія эмпиризма это невозможно: *эмпиризмъ обязываетъ насъ такъ пользоваться принципомъ причинности, чтобы не примышлять (т.-е. не присоединять отъ себя или не присочинять) ровно ничего къ указаніямъ опыта относительно причинной связи.* Юмъ же выяснилъ, что если принципъ причинности очистить отъ тѣхъ примышленій, которыя мы невольно присоединяемъ къ указаніямъ опыта, то этотъ принципъ становится совершенно негоднымъ, чтобы примѣнять его къ трансцендентнымъ предметамъ. Въ самомъ дѣлѣ:

Мы охотно говоримъ, что причина X *порождаетъ* свое дѣйствіе Y. Напр., — что нагрѣваніе даннаго предмета *порождаетъ* расширеніе этого

предмета. Причина, говоримъ мы, оттого и называется причиной, что она *причиняетъ*, т.-е. порождаетъ, вызываетъ, производитъ то, что̀ называютъ ея дѣйствіемъ. Такимъ образомъ, принципъ причинности понимается нами въ томъ смыслѣ, что каждый фактъ *порождается* какимъ-нибудь другимъ фактомъ, а никогда не возникаетъ самъ собой. Но что̀ слѣдуетъ подразумѣвать подъ этимъ порожденіемъ, если взять послѣднее только въ томъ видѣ, какъ его показываетъ простая установка данныхъ опыта, безъ всякихъ примышленій къ ней съ нашей стороны? Образуетъ ли оно какой-то особый *третій* фактъ, появляющійся рядомъ съ причиной X и дѣйствіемъ Y, или что-нибудь другое? Разсмотримъ, въ какомъ видѣ мы всегда наблюдали это порожденіе. Что всегда показывалъ намъ опытъ рядомъ съ причиной и дѣйствіемъ? Только *постоянное повтореніе дѣйствія Y вмѣстѣ съ причиной X, т.-е. одну только связь во времени, существующую между тѣмъ и другимъ фактомъ*. Именно: опытъ во всю нашу жизнь показывалъ намъ только то, что вмѣстѣ съ фактомъ X (т.-е. вслѣдъ за нимъ или одновременно съ нимъ) всегда возникалъ и фактъ Y, напр. — вмѣстѣ съ нагрѣваніемъ даннаго тѣла всегда возникало и его расширеніе. Но кромѣ этой постоянной связи во времени, состоящей въ постоянномъ возникновеніи одного факта вмѣстѣ съ другимъ, опытъ никогда не показывалъ намъ никакого *третьяго* факта, который появлялся бы рядомъ съ причиной и дѣйствіемъ. Такимъ образомъ, *съ точки зрѣнія эмпиризма порожденіе одного факта другимъ слѣдуетъ понимать только, какъ постоянное возникновеніе перваго, когда возникаетъ второй, а принципъ причинности надо понимать, какъ принципъ, говорящій только о постоянномъ возникновеніи одного опредѣленнаго факта, когда возникаетъ другой опредѣленный фактъ, только объ ихъ постоянной связи между собой во времени.*

Но о связи какихъ двухъ фактовъ говоритъ принципъ причинности? Должны ли они быть оба имманентными, или же одинъ изъ нихъ можетъ быть и трансцендентнымъ? Отъ отвѣта на этотъ вопросъ зависитъ возможность и невозможность примѣненія принципа причинности къ выясненію трансцендентныхъ причинъ съ помощью разсмотрѣнія имманентнаго міра: если оба факта, о которыхъ говоритъ принципъ причинности, должны быть непремѣнно имманентными, то такое примѣненіе непозволительно. Отвѣтъ же на нашъ вопросъ даютъ дальнѣйшія разъясненія Юма относительно причинной связи, взятой въ томъ самомъ видѣ, какъ ее показываетъ простая установка данныхъ опыта.

Намъ почему-то кажется, и мы охотно поддаемся мысли, будто бы причинная связь есть логическая связь, будто бы дѣйствіе Y оттого и порождается причиной X, т.-е. оттого всегда и возникаетъ вмѣстѣ съ ней, что Y логически связано съ X, подразумѣвается въ немъ или логически вытекаетъ изъ него. Если бы эта мысль была вѣрна, то, конечно, мы могли бы узнать трансцендентную причину любого имманентнаго факта: стоило бы только съ помощью какихъ-нибудь разсужденій построить понятіе такой трансцендентной причины, чтобы изъ нея вытекалъ данный имма-

нентный фактъ. Но мысль, будто бы дѣйствіе находится въ логической связи съ своей причиной, не только не подтверждается простой установкой данныхъ опыта, а даже явно противорѣчитъ всѣмъ его указаніямъ. Она образуетъ невольное и крайне ошибочное *примышленіе* къ указаніямъ опыта. Въ самомъ дѣлѣ: *опытъ свидѣтельствуетъ, что нѣтъ никакой логической связи между тѣми двумя фактами, изъ которыхъ одинъ служитъ причиной другого, и что поэтому никогда нельзя узнать одинъ изъ нихъ съ помощью другого путемъ какихъ-либо разсужденій, а надо каждый изъ нихъ отдѣльно подмѣтить въ опытѣ.* Напр., между нагрѣваніемъ даннаго тѣла и его расширеніемъ нѣтъ логической связи. См. объ этомъ стр. 300. Поэтому если бы мы никогда не видѣли въ опытѣ, что происходитъ съ даннымъ тѣломъ при его нагрѣваніи, то никакими разсужденіями не могли бы узнать того, что оно расширяется въ это время. Напр., безъ помощи опыта, одними лишь разсужденіями мы не могли бы узнать, что при нагрѣваніи воды между нулемъ и 4° Цельсія ея объемъ уменьшается, а при дальнѣйшемъ ея нагрѣваніи онъ увеличивается (сравн. выше, стр. 300). Точно также одними лишь разсужденіями, безъ указаній опыта, мы не могли бы узнать, что отъ прикосновенія пальца къ огню происходитъ обжогъ пальца, т.-е. боль, нарывъ и т. п., потому что между обжогомъ пальца и его прикосновеніемъ къ огню нѣтъ никакой логической связи. Она всего только *кажется* существующей вслѣдствіе нашей *привычки* думать объ обжогѣ, какъ только мы подумаемъ о прикосновеніи къ огню, т.-е. вслѣдствіе неразрывной ассоціаціи между этими представленіями. (О вліяніи неразрывныхъ ассоціацій см. выше, стр. 102). На самомъ же дѣлѣ ея здѣсь нѣтъ, потому что обжогъ состоитъ изъ покраснѣнія кожи, своеобразной боли, нарыва и т. д., а во всемъ этомъ нѣтъ никакой логической связи съ прикосновеніемъ къ огню.

Если же каждый изъ тѣхъ двухъ фактовъ, о которыхъ говоритъ принципъ причинности, можетъ быть узнанъ нами не иначе, какъ тѣмъ путемъ, чтобы мы его подмѣтили въ опытѣ, а вовсе не путемъ однихъ лишь разсужденій, то, значитъ, оба эти факта всегда должны быть имманентными. Такимъ образомъ, если принципъ причинности очистить отъ только-что разсмотрѣннаго невольнаго ошибочнаго примышленія, именно отъ примышленія, будто бы причинная связь образуетъ логическую связь, то онъ сводится къ слѣдующему положенію: всякій *данный въ опытѣ* фактъ возникаетъ не иначе, какъ при возникновеніи другого, строго опредѣленнаго, *и тоже даннаго въ опытѣ,* факта. Но ясно, что *съ помощью такого принципа можно заключать на основаніи одного имманентнаго факта только о другомъ имманентномъ фактѣ, но нельзя дѣлать никакихъ заключеній о трансцендентныхъ причинахъ даннаго имманентнаго факта*: вѣдь о такихъ причинахъ въ принципѣ причинности не говорится ни слова. Онъ говоритъ только о связи *имманентныхъ* фактовъ съ *имманентными*, но отнюдь не о связи имманентныхъ съ трансцендентными.

Такимъ образомъ, *съ точки зрѣнія эмпиризма нѣтъ никакихъ путей къ выясненію трансцендентнаго міра, и послѣдній приходится считать совершенно непознаваемымъ. Нельзя даже узнать, существуетъ ли онъ*, или же, напротивъ, правъ неспиритуалистическій идеализмъ, именно: можетъ быть, все существующее исчерпывается такимъ потокомъ душевныхъ переживаній, который не принадлежитъ никакому носителю, т.-е. никакой субстанціи, ни духовной, ни матеріальной, и въ которомъ одни душевныя переживанія сами изъ себя порождаютъ другія, т.-е. послѣднія постоянно возникаютъ, коль скоро возникнутъ первыя. При этомъ часть всѣхъ такихъ переживаній объектируется, т.-е. невольно сознается, какъ бы объекты, существующіе сами по себѣ, и этимъ путемъ создается *видимость* существованія внѣшняго или матеріальнаго міра на-ряду съ внутреннимъ или міромъ душевныхъ явленій. Намъ, конечно, кажется, будто бы такое положеніе дѣлъ явно невозможно, будто бы сзади только-что описаннаго потока душевныхъ переживаній непремѣнно должна лежать какая-нибудь субстанція, а можетъ быть даже цѣлая система субстанцій, служащая носителемъ этого потока, такъ что именно въ ней-то, т.-е. въ этой субстанціи или въ этой системѣ субстанцій, и происходитъ смѣна душевныхъ переживаній, образующихъ означенный потокъ. Но, какъ мы сейчасъ покажемъ, *съ точки зрѣнія эмпиризма ничѣмъ нельзя доказать существованіе какой бы то ни было субстанціи, хотя нельзя его и опровергнуть, а можно только обнаружить всю произвольность его допущенія.*

Впрочемъ, объяснимъ сперва значеніе термина „субстанція“ подробнѣе, чѣмъ это дѣлалось нами до сихъ поръ. Съ этой цѣлью обратимъ вниманіе на то, что всякая вещь невольно мыслится нами какъ бы составленной изъ двухъ элементовъ: во-первыхъ, изъ различныхъ свойствъ, состояній, отношеній къ другимъ вещамъ и т. п., словомъ, изъ разнообразныхъ видоизмѣненій всего того, что принадлежитъ вещи, въ родѣ ея цвѣта, величины, и т. п., но ея самой еще не составляетъ, и, во-вторыхъ, изъ того, что служитъ носителемъ или обладателемъ всего этого. Напр., находящаяся передъ нами бумага невольнымъ образомъ мыслится какъ бы составленной, во-первыхъ, изъ ея бѣлизны, опредѣленной твердости, шероховатости, величины и т. п., при чемъ, однако, все это только принадлежитъ бумагѣ, но ея самой еще не составляетъ, и, во-вторыхъ, изъ какого-то носителя всего сказаннаго, при чемъ ему-то, строго говоря, и принадлежитъ все это. И вотъ, все, что невольно мыслится, какъ *принадлежащее* вещи, но ея самой еще не составляющее, принято называть *принадлежностями* или *акциденціями* отъ латинскаго accidentia, означающаго то, что для чего-нибудь служитъ случайностью, одной лишь внѣшностью. А носитель всего, что вещи принадлежитъ, но ея самой еще не составляетъ, называется *субстанціей* отъ латинскаго глагола substare, означающаго стоять подъ чѣмъ-нибудь, служить для чего-нибудь подставкой. Вѣдь субстанція мыслится какъ бы подставкой для всѣхъ принадлежностей.

Какъ же долженъ эмпиризмъ относиться къ субстанціямъ? По его сло-

вамъ, *существованіе какой бы то ни было субстанціи не дано въ опытѣ, а всего только невольнымъ образомъ примышляется нами къ даннымъ опыта.* (Или, какъ выражался впослѣдствіи основатель критицизма Кантъ: это всего только одна изъ невольныхъ *формъ мысли* о вещахъ). Въ опытѣ же всегда бываетъ дано только то, что̀ мы считаемъ *принадлежащимъ* примышляемой субстанціи, а не сама субстанція. Напр., въ опытѣ даны одни лишь душевныя явленія, а не сама душа, и вообще не сама субстанція, служащая носителемъ этихъ явленій. Точно также въ опытѣ дана бѣлизна вотъ этой бумаги, ея плотность, шероховатость, четыреугольность и т. п., а не сама та субстанція, которая служитъ носителемъ всего этого: послѣдняя, какъ и душа, всего лишь невольно *примышляется* нами къ тому, что̀ дано въ опытѣ. Слѣд., *если и существуютъ какія-нибудь субстанціи, то онѣ входятъ въ составъ трансцендентнаго міра:* онѣ скрыты *сзади* того, что̀ дано въ опытѣ. Поэтому простой установкой данныхъ опыта нельзя ни подтвердить, ни опровергнуть существованія какой бы то ни было субстанціи. Заключать же что-нибудь о субстанціяхъ съ помощью принципа причинности эмпиризмъ считаетъ непозволительнымъ, потому что этотъ принципъ говоритъ только о связи имманентныхъ фактовъ съ имманентными, а не имманентныхъ съ трансцендентными. Субстанція же, какъ сказано, если и существуетъ, образуетъ трансцендентный предметъ.

Такимъ образомъ, въ глазахъ эмпириста всѣ метафизическія ученія: и оба вида идеализма, и дуализмъ, и матеріализмъ и т. д., одинаково возможны, т.-е. одинаково неопровержимы, но зато и одинаково недоказуемы. Выставить же какое-нибудь изъ нихъ, какъ бы доказанное, можно только цѣной логическихъ ошибокъ. И Юмъ заканчиваетъ свое „Изслѣдованіе о человѣческомъ разумѣніи“ (маленькую книжку, написанную съ образцовой ясностью и живостью изложенія, существующую и на русскомъ языкѣ въ переводѣ С. И. Церетели) совѣтомъ бросать въ огонь всякую попавшуюся намъ метафизическую книгу, потому что въ ней, по его словамъ, не можетъ быть ничего другого, кромѣ софизмовъ и заблужденій.

Таковъ эмпиризмъ. Но самъ-то онъ оказался однимъ изъ гносеологическихъ заблужденій, хотя его и нельзя упрекать въ софизмахъ. Съ перваго взгляда, конечно, онъ кажется вполнѣ правильнымъ ученіемъ о составѣ знанія. Дѣйствительно, съ перваго взгляда кажется, будто бы *знаніе* о фактахъ можетъ состоять только изъ тѣхъ двухъ родовъ сужденій, о которыхъ говоритъ эмпиризмъ (см. выше, стр. 666), всякое же сужденіе, непринадлежащее къ этимъ двумъ родамъ, повидимому, можетъ быть только либо догадкой, либо вѣрой. Въ дѣйствительности же, какъ впослѣдствіи показалъ основатель критицизма Кантъ, жившій между 1724 и 1804 гг., не только въ составъ естественныхъ наукъ, т.-е. не только въ составъ знанія о фактахъ, но даже въ составъ математики входятъ такія предпосылки, которыя допускаются, какъ завѣдомо годныя для знанія, *независимо* отъ ихъ оправданія простой установкой данныхъ опыта. Болѣе того: объ этихъ предпосылкахъ легко удостовѣриться, что онѣ навсегда недоказуемы *ника-*

кимъ путемъ. И не то, чтобы онѣ представляли собой аналитическія сужденія, такъ чтобы уже по одному этому были очевидны сами собой и не нуждались ни въ какихъ доказательствахъ. Напротивъ, онѣ образуютъ собой синтетическія сужденія. Кантъ условился называть эти предпосылки *апріорными* синтетическими сужденіями и, открывъ ихъ въ составѣ математики и естественныхъ наукъ, обнаружилъ этимъ путемъ, что мы логически обязаны къ одному изъ двухъ: либо не считать знаніемъ ни математики, ни естественныхъ наукъ, либо согласиться съ тѣмъ, что въ составъ знанія о фактахъ входятъ также и *апріорныя* синтетическія сужденія. Если же, вопреки эмпиризму, въ составъ знанія о фактахъ входятъ, между прочимъ, и такія сужденія, которыя допускаются въ немъ, какъ завѣдомо годныя для знанія, *независимо* отъ того, что ихъ нельзя оправдать простой установкой данныхъ опыта, то вопросъ объ осуществимости метафизическаго знанія долженъ быть пересмотрѣнъ заново: можетъ быть, *апріорныя* сужденія, какъ допускаемыя *независимо* отъ ихъ оправданія опытомъ, создаютъ возможность расширить наше знаніе и за предѣлы опыта, т.-е. выяснить трансцендентный міръ. Другими словами: можетъ быть, эти сужденія даютъ право заключать не только отъ имманентныхъ фактовъ къ имманентнымъ, но и отъ имманентныхъ къ трансцендентнымъ.

Такимъ образомъ, эмпиризму приходится превратиться въ критицизмъ. Но прежде, чѣмъ излагать критицизмъ, небезполезно прибавить пару замѣчаній въ дополненіе къ сказанному объ эмпиризмѣ.

3. Разница между эмпиризмомъ и сенсуализмомъ, теоріей познанія и психологіей. Въ старину эмпиризмъ обыкновенно называли сенсуализмомъ. Но не слѣдуетъ думать, будто бы вслѣдствіе этого термины „эмпиризмъ“ и „сенсуализмъ“ сдѣлались синонимами. Напротивъ, въ новѣйшей философской литературѣ ихъ стали употреблять въ разныхъ смыслахъ, и разница между ними слѣдующая:

Эмпиризмомъ называется *гносеологическое* убѣжденіе, именно—убѣжденіе, говорящее о составѣ *знанія*, разсматриваемаго съ *логической* точки зрѣнія. Это значитъ—съ точки зрѣнія тѣхъ методовъ, которыми оправдываются сужденія, составляющія знаніе. А что именно говоритъ эмпиризмъ, это уже было сказано выше, на стр. 365.

Сенсуализмомъ же называется *психологическое* убѣжденіе, именно — убѣжденіе, говорящее о составѣ *душевныхъ переживаній*, разсматриваемыхъ *независимо* отъ того, образуютъ ли они знаніе или нѣтъ. *Состоитъ же сенсуализмъ въ убѣжденіи, будто бы всѣ или, по крайней мѣрѣ, познавательныя явленія душевной жизни сполна, безъ остатка разлагаются на разнообразнѣйшія комбинаціи однихъ лишь ощущеній;* и свое названіе онъ получилъ отъ латинскаго слова sensus — чувство, ощущеніе. Напр., типичнымъ представителемъ сенсуализма былъ англійскій философъ XVII вѣка Гоббесъ, умершій въ 1679 г., и онъ училъ, что представленія состоятъ, подобно воспріятіямъ, изъ однихъ только ощущеній, но слабыхъ, блѣдныхъ, а сужденія только изъ соединенія представленій и т. д., такъ что, по его

мнѣнію, во всѣхъ познавательныхъ переживаніяхъ мы встрѣчаемся только съ разнообразными сочетаніями ощущеній.

Хотя многіе изъ эмпиристовъ были сенсуалистами, но эмпиризмъ еще не обязываетъ къ сенсуализму. Напротивъ, эмпиризмъ, говоря только о составѣ *знанія*, разсматриваемаго съ *логической* точки зрѣнія, оставляетъ вполнѣ открытымъ вопросъ о *психологическомъ* составѣ любого изъ душевныхъ переживаній, и бывали такіе эмпиристы, которые чужды сенсуализма. Таковъ, напр., англійскій философъ Локкъ XVII вѣка, умершій въ 1704 г. Изъ сказаннаго ясно, что эмпиризмъ и сенсуализмъ надо называть не однимъ, но разными терминами. Поэтому, хотя прежде, когда еще недостаточно отличали психологическую точку зрѣнія на знаніе отъ логической, употребляли только слово „сенсуализмъ", теперь рядомъ съ нимъ стали употреблять еще слово „эмпиризмъ".

Здѣсь кстати будетъ упомянуть о разницѣ между теоріей познанія и психологіей познавательныхъ явленій. Часто думаютъ, будто бы первая вся цѣликомъ *основывается* на послѣдней, и будто бы поэтому всякій гносеологическій терминъ долженъ въ то же время быть и психологическимъ. Разумѣется, при рѣшеніи нѣкоторыхъ, именно — дополнительныхъ, вопросовъ теоріи познанія могутъ понадобиться также и услуги психологіи, но *главная часть теоріи познанія, именно—рѣшеніе вопроса о границахъ знанія, т.-е. объ осуществимости метафизическаго знанія, не можетъ основываться на психологіи, а должна опираться только на логику.* Въ самомъ дѣлѣ: эта часть теоріи познанія должна выяснить, не существуютъ ли непроходимыя границы *всякаго* знанія, въ томъ числѣ и *психологическаго*. А какъ же она будетъ въ состояніи правильно это сдѣлать, коль скоро мы станемъ ее *основывать* на психологіи? Получится какой-то *заколдованный кругъ: психологія, чтобы вести свою работу вполнѣ правильно, не вторгаясь въ область, лежащую внѣ границъ всякаго знанія, должна руководствоваться ученіемъ теоріи познанія о границахъ знанія, а это ученіе, въ свою очередь, должно быть выведено изъ психологіи.* Иное дѣло, если ученіе о границахъ знанія опирается исключительно на одну лишь логику: тогда не выйдетъ никакого круга. Вѣдь логика не зависитъ ни отъ какихъ наукъ, въ томъ числѣ и отъ психологіи (сравн. выше, стр. 4 и сл.); поэтому никакіе гносеологическіе выводы не будутъ зависѣть отъ психологіи, если они опираются на одну лишь логику.

4. Опредѣленіе апріорныхъ сужденій. Перейдемъ теперь къ критицизму. Какъ мы упомянули на стр. 370, Кантъ показалъ, что въ составъ математики и естествознанія входятъ апріорныя сужденія. На этомъ-то фактѣ и основывается построенное имъ доказательство неосуществимости метафизическаго знанія, извѣстное подъ именемъ критицизма. Поэтому мы прежде всего укажемъ точное опредѣленіе апріорныхъ сужденій и тщательно разъяснимъ ихъ особенности. Запомнимъ при этомъ, что выраженіе естествознаніе или естественныя науки мы будемъ употреблять въ широкомъ смыслѣ, именно—въ смыслѣ изученія какихъ бы то ни было *дан-*

ныхъ опыта, такъ что сюда относятся не только астрономія, физика, химія и т. п., но и психологія, и лингвистика, и исторія и т. п. (Сравн. выше, стр. 34 и сл.).

Апріорными сужденіями называются такія общія синтетическія сужденія, завѣдомая годность которыхъ для знанія должна быть допущена, коль скоро мы считаемъ существующимъ опосредствованное знаніе, именно математику и естественныя науки, хотя никакъ и никогда нельзя доказать эти сужденія. Ихъ приходится допускать, какъ *завѣдомо* годныя для знанія, не только безъ всякихъ доказательствъ въ настоящее время, но и безъ всякихъ надеждъ на ихъ доказательство въ будущемъ, напротивъ — съ полнымъ пониманіемъ логической невозможности доказать ихъ, когда бы то ни было и какимъ бы то ни было путемъ — какъ дедуктивнымъ, такъ и индуктивнымъ.

По стилистическимъ соображеніямъ апріорныя сужденія называютъ одновременно и разными другими именами, напр.: „апріорными предпосылками знанія“, „апріорными принципами знанія“, „необходимыми предпосылками или необходимыми принципами знанія“, или даже просто — „предпосылками знанія“, „основными принципами знанія“, „его высшими основаніями“ и т. п. И противъ такой заботы о стилистическихъ удобствахъ, конечно, ничего нельзя возразить, если только, пользуясь всѣми этими названіями, какъ синонимными, твердо помнятъ, что подъ каждымъ изъ нихъ надо подразумѣвать не иначе, какъ *общія*, и при томъ *синтетическія* сужденія, *отличающіяся двумя только-что указанными особенностями*, а именно: 1 — мы логически обязаны допускать ихъ, какъ завѣдомо годныя для знанія въ составѣ математики и естественныхъ наукъ, коль скоро мы считаемъ всѣ эти науки *дѣйствительно* существующимъ опосредствованнымъ знаніемъ; 2 — тѣмъ не менѣе они навсегда недоказуемы.

Усваивая опредѣленіе апріорныхъ сужденій, конечно, прежде всего надо не смѣшивать между собой только-что указаннаго научнаго смысла „апріорныя сужденія“ съ сильно распространеннымъ обывательскимъ значеніемъ слова „апріорный“. *Обывательскій языкъ часто называетъ апріорными какія попало недоказанныя предпосылки, независимо отъ того, необходимы ли онѣ для математики и естественныхъ наукъ, какъ ихъ высшія основанія, или же нѣтъ. На обывательскомъ языкѣ слово „апріорный“ равносильно слову „произвольный“.* Напр., соображенія, исходящія изъ произвольныхъ предпосылокъ, т.-е. страдающія ошибкой petitio principii, называютъ „апріорными“, „исходящими изъ апріорныхъ предпосылокъ“ и т. д. Обывательскій языкъ иногда употребляетъ даже такое выраженіе: „Вы разсуждаете a priori, т.-е. зря“. Научный же языкъ никогда не назоветъ апріорнаго зряшнимъ; ибо это значило бы называть зряшними всю математику и все естествознаніе, какъ основанныя на апріорныхъ сужденіяхъ. *На научномъ языкѣ апріорными называются только такія сужденія, которыя, хотя и недоказуемы, все-таки, лежатъ въ основѣ математики*

и естественныхъ наукъ, а отнюдь не какія попало, лишь бы они оставались недоказанными, какъ это дѣлаетъ обывательскій языкъ.

Но кромѣ только-что указаннаго чисто-обывательскаго смысла словъ „a priori“ и „апріорный“, надо отличать вышеупомянутый *точный* смыслъ этихъ словъ отъ другого, *расширеннаго*, который попадается не только въ обывательскомъ языкѣ, но нерѣдко и въ научной литературѣ, иной разъ— даже рядомъ съ точнымъ. *Слово „a priori“, взятое не въ его точномъ научномъ, а въ расширенномъ смыслѣ, равносильно выраженію „заранѣе, безъ всякаго новаго изслѣдованія, а на основаніи однихъ лишь прежде накопившихся знаній“, а слово „апріорный“ — „видный или усматриваемый заранѣе, безъ всякаго новаго изслѣдованія, а только на основаніи прежнихъ знаній“.* Такъ, напр., когда идетъ рѣчь о годности на какую-нибудь должность человѣка, извѣстнаго своей старательностью въ томъ дѣлѣ, которымъ онъ занимался до сихъ поръ, то часто такъ говорятъ: „уже a priori видно, что онъ будетъ прекрасно исполнять эту должность: вѣдь какъ онъ старателенъ въ своемъ нынѣшнемъ дѣлѣ!“ Это значитъ: „заранѣе, на основаніи однихъ лишь прежде накопившихся знаній о немъ, видна его пригодность къ данной должности“. Если же такое мнѣніе о немъ окажется ошибочнымъ, то это объясняется тѣмъ, что оно было „апріорнымъ“, такъ что послѣднее слово, очевидно, пріобрѣтаетъ смыслъ „усмотрѣннаго заранѣе, безъ всякаго новаго изслѣдованія, а только на основаніи прежнихъ знаній“. Такимъ образомъ, *въ то время, какъ слова „a priori“ и „апріорный“, взятыя въ ихъ расширенномъ смыслѣ, примѣняются къ чему-нибудь выводному, выведенному безъ новаго изслѣдованія, эти же самыя слова, взятыя въ ихъ точномъ научномъ смыслѣ, примѣняются всегда только къ самому основному, къ тому, съ помощью чего можно вывесть все научное знаніе (т.-е. все опосредствованное знаніе), а что само уже ниоткуда не выводится.* И ясно, что если смѣшивать между собой два столь различныхъ словоупотребленія, то это можетъ иногда запутать насъ въ непроходимыя дебри логическихъ ошибокъ. Поэтому *условимся во всемъ дальнѣйшемъ изложеніи употреблять слова „a priori“ и „апріорный“ исключительно въ ихъ вышеуказанномъ точномъ смыслѣ.*

5. Доказательство необходимости допускать апріорныя сужденія, если математика и естественныя науки считаются знаніемъ. Какъ это ни странно съ перваго взгляда, но мы логически обязаны допускать въ составѣ знанія апріорныя сужденія, коль скоро считаемъ дѣйствительно существующимъ опосредствованное знаніе въ видѣ математики и естествознанія. Въ самомъ дѣлѣ: всякое опосредствованное знаніе въ этихъ наукахъ состоитъ либо прямо изъ общихъ синтетическихъ сужденій, именно—изъ теоремъ математики и законовъ природы, включая сюда и законы, высказывающіе причинныя связи явленій природы, либо изъ примѣненія этихъ сужденій (математическихъ теоремъ и законовъ природы) къ предсказаніямъ будущаго, къ заключеніямъ о такомъ прошломъ или настоящемъ, относительно котораго у насъ почему-нибудь нѣтъ показаній очевидцевъ, и къ

объясненіямъ всего этого. Такимъ образомъ, опосредствованное знаніе въ видѣ математики и естественныхъ наукъ существуетъ только въ томъ случаѣ, если существуютъ *доказанныя* общія синтетическія сужденія (именно—*доказанныя* теоремы и *доказанные* законы природы). Безъ нихъ исчезла бы всякая возможность научныхъ предсказаній, а съ ней и возможность техники, т.-е. господства надъ природой (ср. стр. 81 — 82). Вмѣстѣ съ тѣмъ безъ нихъ исчезла бы и возможность заключать о такомъ прошломъ или настоящемъ, о которомъ у насъ нѣтъ показаній очевидцевъ, и т. д. Слѣд., *безъ доказанныхъ общихъ синтетическихъ сужденій у насъ осталось бы въ рукахъ, самое большее, одно лишь непосредственное знаніе* [1]). Что же касается общихъ синтетическихъ сужденій, то какимъ бы путемъ мы ихъ ни доказывали, индуктивно или дедуктивно, ихъ доказательства всегда опираются на другія общія синтетическія сужденія (см. стр. 199 и слѣд. и 262). Отсюда ясно, что *если взять все допускаемое нами, (въ видѣ математики и естественныхъ наукъ) опосредствованное знаніе въ его цѣломъ, то окажется, что въ основѣ его лежатъ, кромѣ данныхъ опыта и опредѣленій, еще бо́льшая или меньшая группа такихъ общихъ синтетическихъ сужденій, при прямой или косвенной помощи которыхъ, т.-е. употребляя ихъ въ видѣ высшихъ основаній, можно доказать все опосредствованное знаніе, но которыя сами принуждены оставаться недоказанными, а принятыми не только безъ всякихъ доказательствъ въ данное время, но даже и безъ всякой надежды на возможность доказать ихъ когда-либо.* Вѣдь для ихъ доказательства понадобилось бы допускать, въ видѣ доказывающихъ основаній, новыя общія синтетическія сужденія, которыя, все равно, остались бы недоказанными,

---

[1]) Мы говоримъ, „самое большее“, а не прямо — „непосредственное знаніе“, и это вотъ почему: если бы не было апріорныхъ сужденій, то нельзя было бы ничего сознавать, какъ относящееся къ *прошедшему* времени. Вѣдь прошлое дано намъ не прямо, не лицомъ къ лицу, а исключительно въ видѣ представленій о немъ (въ видѣ, такъ называемыхъ, воспоминаній), на основаніи которыхъ приходится всего лишь *заключать* о немъ, такъ что знаніе прошлаго только кажется непосредственнымъ, а въ дѣйствительности оно опосредствованное. И какъ всякое опосредствованное знаніе, оно въ концѣ концовъ должно опираться на апріорныя сужденія. А если бы нельзя было ничего сознавать, какъ относящагося къ прошедшему времени, то это значило бы, что нельзя было бы сознавать самого времени (потому что нельзя сознавать время иначе, какъ сознавая что-нибудь въ видѣ прошлаго, хотя бы это прошлое было чисто-фиктивнымъ). Безъ сознанія же времени мы вообще ничего не можемъ сознавать (такъ какъ даже и самихъ себя мы сознаемъ не иначе, какъ во времени). Такимъ образомъ, выходитъ, что *если бы не было апріорныхъ сужденій, то не было бы не только опосредствованнаго, а даже и непосредственнаго знанія.* Вѣдь мы *ровно ничего* не сознавали бы, такъ что у насъ не было бы ровно *никакого опыта*, а потому и никакого непосредственнаго знанія. Но въ видахъ возможно большаго сокращенія и упрощенія нашего изложенія мы допустимъ, что непосредственное знаніе уцѣлѣло бы даже и въ томъ случаѣ, если бы не было никакихъ апріорныхъ сужденій. И такъ какъ на самомъ-то дѣлѣ это не совсѣмъ вѣрно, углубляться же въ этомъ вопросѣ мы не хотимъ, то и употребляемъ оговорку „самое большее“.

потому что и для ихъ доказательства понадобились бы, въ свою очередь, новыя общія синтетическія сужденія, и т. д. до безконечности. А все это и значитъ, что если мы считаемъ опосредствованное знаніе дѣйствительно существующимъ, въ видѣ математики и естественныхъ наукъ (въ широкомъ смыслѣ этого слова), то мы должны считать существующими въ его составѣ, въ видѣ послѣднихъ или высшихъ основаній, апріорныя сужденія.

Не было бы логической необходимости, считая существующимъ опосредствованное знаніе, допускать существованіе апріорныхъ сужденій только при одномъ изъ двухъ слѣдующихъ условій: во-первыхъ, если бы можно было общія сужденія оправдывать простой установкой данныхъ опыта (ибо тогда мы могли бы взамѣнъ доказательства оправдать этимъ путемъ апріорныя сужденія, несмотря на то, что они *общія*), *или же, во-вторыхъ, если бы можно было доказывать общія синтетическія сужденія безъ помощи другихъ общихъ синтетическихъ сужденій* (напр., выводя ихъ, какъ слѣдствія, *правильно* вытекающія изъ однихъ лишь аналитическихъ сужденій; ибо тогда мы могли бы вывесть апріорныя сужденія, несмотря на то, что всѣ они *синтетическія* общія, изъ однихъ лишь опредѣленій понятій, о которыхъ въ нихъ говорится). Но каждое изъ этихъ двухъ условій логически неосуществимо (см. объ этомъ стр. 107 и слѣд. и 199 и слѣд.), такъ что одно изъ двухъ: или мы должны отрицать существованіе всякаго опосредствованнаго знанія, а допускать всего лишь непосредственное, или же, взамѣнъ того, мы должны считать существующими апріорныя сужденія. Слѣд., *если мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ, то логически обязаны считать существующими въ ихъ составѣ и апріорныя сужденія. Существованіе послѣднихъ служитъ условіемъ права математики и естественныхъ наукъ считаться знаніемъ* [1]).

---

[1]) Чего добраго, кому-нибудь покажется, что, упрощая критическую гносеологію, мы нѣсколько измѣнили кантовское понятіе апріорности. Для подтвержденія же этой перемѣны могутъ указать, что наше опредѣленіе апріорныхъ сужденій по буквѣ не совпадаетъ съ кантовскимъ, и что самъ Кантъ говоритъ не только объ апріорныхъ *сужденіяхъ*, но также объ апр. *понятіяхъ* и даже объ апр. *представленіяхъ*. Но все это только кажущіяся перемѣны, т.-е. перемѣны всего лишь въ буквѣ, въ способѣ изложенія, а не въ мысляхъ. *Самъ Кантъ называетъ апріорными такія сужденія, завѣдомая годность которыхъ для знанія не зависитъ отъ опыта, т.-е. отъ ихъ оправданія при помощи опыта.* Это означаетъ слѣдующее: эти сужденія не могутъ быть оправданы ни простой установкой данныхъ опыта, ни доказательствами, *соединенными* съ установкой данныхъ опыта, а все-таки должны считаться завѣдомо годными для знанія, коль скоро математика съ естественными науками считаются знаніемъ. И на основаніи этого опредѣленія, подчеркивающаго *независимость* годности сужденія отъ его оправданія съ помощью *опыта*, Кантъ причисляетъ къ апріорнымъ не только нѣкоторыя общія синтетическія, но также и всѣ *аналитическія* сужденія, хотя на дѣлѣ всѣ его дальнѣйшія изслѣдованія касаются только апріорныхъ *синтетическихъ* сужденій. Но наше опредѣленіе апріорныхъ сужденій подразумѣвается въ кантовскомъ. Въ самомъ дѣлѣ: если общія синтетическія сужденія, служащія послѣдними основаніями математики и естествознанія, нельзя оправдать ни простой

6. О числѣ и содержаніи апріорныхъ сужденій. Конечно, относительно апріорныхъ сужденій возникаютъ теперь два слѣдующихъ вопроса: 1—„сколько ихъ?“ и 2—„каково содержаніе каждаго изъ нихъ?“ И въ „Критикѣ чистаго разума“ Канта мы встрѣчаемъ подробное изслѣдованіе по поводу этихъ двухъ вопросовъ. Но его нельзя назвать удачнымъ, и оно вызвало множество возраженій. Впрочемъ, это нисколько не вредитъ окончательному выводу кантовскаго критицизма, пот. что для рѣшенія главнаго вопроса теоріи познанія, т.-е. для вопроса о возможности метафизики въ видѣ знанія, важнѣйшее значеніе имѣетъ лишь тотъ фактъ, что *какія-то* апріорныя сужденія должны считаться существующими, коль скоро мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ; а сколько ихъ, и каково содержаніе каждаго изъ нихъ, это—дѣло второстепенное. Поэтому мы ограничимся относительно этихъ двухъ вопросовъ только слѣдующими замѣчаніями.

Съ перваго взгляда, конечно, кажется, будто бы апріорныя сужденія должны сводиться къ синтетическимъ аксіомамъ математики и къ принципу единообразія природы вмѣстѣ съ его частнымъ случаемъ — съ принципомъ причинности. Кажется же это оттого, что *синтетическія аксіомы и принципъ единообразія природы съ принципомъ причинности играютъ при расширеніи знанія такую же роль, какъ апріорныя сужденія.* Покажемъ это сперва относительно синтетическихъ аксіомъ математики. Подобно тому, какъ апріорныя сужденія допускаются въ видѣ высшихъ основаній всего опосредствованнаго знанія, взятаго въ его цѣломъ, безъ всякихъ доказательствъ *съ его стороны* и безъ всякихъ надеждъ доказать ихъ когда-либо доступными *ему* пріемами (индуктивными и дедуктивными), такъ точно синтетическія аксіомы допускаются въ видѣ высшихъ основаній математики безъ всякихъ доказательствъ съ *ея стороны* и безъ всякихъ надеждъ доказать ихъ съ помощью употребляемыхъ *ею* пріемовъ, т.-е. съ помощью доказательствъ, нигдѣ не соединяемыхъ съ установкой данныхъ опыта (сравн. стр. 128, 199 и слѣд.). Что же касается принципа единообразія природы

установкой данныхъ опыта, ни доказательствами, соединенными съ установкой данныхъ опыта, то ихъ вообще нельзя доказать *никакимъ путемъ;* ибо послѣ этого остается одно изъ двухъ—либо доказывать ихъ съ помощью другихъ, *столь же недоказуемыхъ*, общихъ синтетическихъ сужденій (а это значитъ оставлять ихъ недоказанными), либо выводить ихъ изъ однихъ аналитическихъ, что, какъ мы знаемъ, неосуществимо. Такимъ образомъ, и у Канта выходитъ, что апріорныя общія синтетическія сужденія, хотя и должны считаться завѣдомо годными для знанія, все-таки, навсегда недоказуемы, такъ что у насъ здѣсь нѣтъ ни малѣйшаго отступленія отъ кантовскихъ мыслей. Что же касается апріорныхъ „понятій“, то *Кантъ называетъ апріорными только либо тѣ понятія, которыя входятъ въ составъ апріорныхъ сужденій, либо тѣ, въ которыхъ мыслится содержаніе этихъ сужденій*, такъ что и мы смѣло могли бы употреблять терминъ „апріорное понятіе“, если бы только это было нужно для нашего изложенія. Слѣд., мы могли бы употреблять и терминъ *„апріорное представленіе“*, ибо *на языкѣ Канта „понятіе“ обозначаетъ то же самое, что и „представленіе“, только общее.* Такимъ образомъ, что касается апріорности, то всѣ допущенныя нами перемѣны въ кантовскомъ ученіи ограничиваются только способомъ изложенія этого ученія.

съ принципомъ причинности, то они допускаются въ видѣ высшихъ основаній каждой индуктивной наукой тоже безъ всякихъ доказательствъ съ ея стороны. И вмѣстѣ съ тѣмъ вполнѣ очевидно, что они осуждены оставаться для каждой индуктивной науки недоказуемыми съ помощью употребляемыхъ ею, т.-е. индуктивныхъ, методовъ: вѣдь *коль скоро всѣ индуктивныя доказательства опираются на эти принципы, какъ на свои высшія основанія* (сравн. стр. 262), *то всякая попытка доказать эти принципы индуктивнымъ путемъ принуждена путаться въ заколдованномъ кругу.* Вотъ все это, вмѣстѣ взятое, и дѣлаетъ синтетическія аксіомы математики и принципъ единообразія природы съ принципомъ причинности вполнѣ похожими на апріорныя сужденія.

И нѣтъ ничего невозможнаго, что послѣднія, дѣйствительно, сводятся къ тѣмъ аксіомамъ и принципамъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь. Однако, еще нельзя это утверждать навѣрняка безъ всякаго изслѣдованія, потому что остается пока еще неопровергнутой другая возможность, которую мы не въ правѣ заранѣе объявить неосуществимой, именно: можетъ быть, апріорными служатъ столь общія сужденія, что изъ ихъ сопоставленія между собой вытекаютъ какъ синтетическія аксіомы математики, такъ и принципъ единообразія природы съ принципомъ причинности.

Но какъ бы ни стояло дѣло, мы, во всякомъ случаѣ, узнали кое-что по поводу затронутыхъ нами вопросовъ, именно: во-первыхъ, *должно быть нѣсколько апріорныхъ сужденій, по крайней мѣрѣ, не меньше двухъ.* Въ самомъ дѣлѣ: *если* эти сужденія и не сводятся къ аксіомамъ математики и принципу единообразія природы съ его частнымъ случаемъ, то они должны быть такими, чтобы изъ нихъ выводились столь *разнородныя* по своему содержанію сужденія, какъ синтетическія аксіомы математики, съ одной стороны, и принципъ единообразія природы съ его частнымъ случаемъ, съ другой. Но ясно, что для вывода тѣхъ и другихъ недостаточно одного сужденія. Во-вторыхъ, *опираться на принципъ причинности позволительно только тамъ, гдѣ позволительно опираться на апріорныя сужденія.* Вѣдь одно изъ двухъ: либо онъ образуетъ одно изъ апріорныхъ сужденій, либо вытекаетъ изъ нихъ, такъ что гдѣ нельзя на нихъ положиться, тамъ нельзя положиться и на него.

7. Невозможность оправдать принципъ причинности простой установкой данныхъ опыта. Соображенія, изложенныя на стр. 107 и слѣд., которыми доказывается полная невозможность оправдать *простой* установкой данныхъ опыта *какое бы то ни было общее* сужденіе (разумѣется, кромѣ кажущихся общихъ), въ высшей степени легки, такъ что всѣ ихъ понимаютъ сразу безъ всякаго труда и безъ особаго напряженія вниманія. Но по этой самой причинѣ они тотчасъ же легко и забываются, и мы, на мгновеніе усвоивъ ихъ, вслѣдъ за тѣмъ возвращаемся къ издавна вкоренившимся въ насъ обывательскимъ убѣжденіямъ, будто бы многія общія (*подлинно*—общія) сужденія *могутъ* быть оправданы *простой* установкой данныхъ опыта. Къ числу же тѣхъ общихъ сужденій, которыя, по обы-

вательскимъ воззрѣніямъ, будто бы, могутъ быть оправданы простой установкой данныхъ опыта, относится, между прочимъ, принципъ причинной связи явленій природы. *Обыватель убѣжденъ, будто бы достаточно внимательно вглядываться въ данныя опыта, и мы прямо, безъ всякихъ разсужденій, т.-е. одной лишь простой установкой этихъ данныхъ, удостовѣримся неоспоримымъ образомъ, что возникновеніе каждаго явленія природы всегда подчинено принципу причинности.* Поэтому полезно не ограничиваться тѣмъ доказательствомъ невозможности оправдывать общія сужденія простой установкой данныхъ опыта, которыя были изложены на стр. 107 и слѣд., а нужно еще особо показать всю ошибочность обывательскаго взгляда на принципъ причинности. Вѣдь тѣмъ, кому кажется, будто бы этотъ принципъ *можетъ* быть оправданъ простой установкой данныхъ опыта, должно казаться вмѣстѣ съ тѣмъ, будто бы существуетъ такое опосредствованное знаніе, въ составѣ котораго нѣтъ никакихъ апріорныхъ сужденій; это—именно все то знаніе, которое опирается на означенный принципъ. А вслѣдствіе этого такимъ лицамъ должно казаться сомнительнымъ и все наше доказательство необходимости допускать апріорныя сужденія въ составѣ математики и естествознанія.

Итакъ, мы должны разсмотрѣть, можно ли оправдать принципъ причинности простой установкой данныхъ опыта. Для его оправданія надо удостовѣриться въ слѣдующемъ сужденіи: *всякое* явленіе природы находится въ такой связи съ какимъ-нибудь другимъ явленіемъ, что *всегда* возникнетъ, если возникнетъ это второе; ибо такая-то связь и называется причинной связью явленій природы. Но вотъ почему нельзя удостовѣриться въ этомъ сужденіи простой установкой данныхъ опыта:

Во-первыхъ, она можетъ дать намъ какія бы то ни было указанія только о такихъ явленіяхъ, съ которыми мы до сихъ поръ *уже* встрѣчались въ опытѣ, но *не обо всѣхъ*. Но, конечно, есть множество явленій природы, съ которыми еще никто не встрѣчался. Вѣдь наука постоянно открываетъ все новыя и новыя явленія: рентгеновскіе лучи, электрическія волны, радіоактивныя свойства нѣкоторыхъ веществъ и т. п.

Во-вторыхъ, даже про тѣ явленія, съ которыми мы уже встрѣчались въ опытѣ, простая установка его данныхъ можетъ говорить лишь о томъ, какъ дѣло стояло въ нихъ *до сихъ поръ*, но отнюдь не о томъ, что принципъ причинности будетъ соблюдаться и *въ будущемъ*.

Наконецъ, въ-третьихъ, *простой установкой данныхъ опыта нельзя удостовѣриться даже и въ томъ, чтобы принципъ причинности несомнѣнно соблюдался до сихъ поръ*. На это обстоятельство нужно обратить особенное вниманіе; всѣ легко соглашаются, что *простой* установкой данныхъ опыта нельзя удостовѣриться, что этотъ принципъ природы будетъ соблюдаться въ будущемъ, за то думаютъ, будто бы прямо видно, что онъ всегда соблюдался до сихъ поръ. Въ дѣйствительности же это видно вовсе не прямо, т.-е. оправдывается вовсе не одной лишь простой установкой данныхъ опыта, но мы всегда *умозаключаемъ* объ этомъ, и умозаключаемъ

исходя изъ принципа причинности, на что, конечно, мы не имѣемъ ни малѣйшаго права, пока еще только оправдываемъ его. *Вѣдь сплошь да рядомъ приходилось наблюдать то явленіе, которое считается причиной другого, тамъ, гдѣ вовсе не замѣчается явленіе, считаемое слѣдствіемъ перваго.* Напр., на обѣденной скатерти сплошь да рядомъ не бываетъ никакого спектра въ тѣхъ мѣстахъ, которыя освѣщены свѣтовыми лучами, преломившимися при своемъ прохожденіи черезъ графинъ съ водой. *А бываютъ также случаи, что явленіе, считаемое слѣдствіемъ какой-либо причины, наблюдается тамъ, гдѣ вовсе не видно того явленія, которое считается причиной перваго.* Напр., радуга, т.-е. образующій радугу спектръ, иногда встрѣчается и тамъ, гдѣ никто не видитъ ни преломляющаго тѣла, ни вызваннаго имъ преломленія свѣтовыхъ лучей. Конечно, наука легко объясняетъ указанное отсутствіе возникновенія спектра на обѣденной скатерти или отсутствіе преломленія солнечныхъ лучей при радугѣ, какъ всего только кажущееся. Но всѣ эти объясненія основаны сами-то на принципѣ причинности и поэтому непозволительны, пока мы всего только оправдываемъ его.

Если же взять данныя опыта въ ихъ чистомъ видѣ, безъ всякой примѣси подобныхъ, еще непозволительныхъ объясненій, то приходится сказать, что до сихъ поръ дѣло стояло слѣдующимъ образомъ: *при возникновеніи явленія, считаемаго причиной опредѣленнаго другого, послѣднее то наблюдалось, то не наблюдалось, при чемъ первое еще нерѣдко наблюдалось и тамъ, гдѣ никто не замѣчалъ присутствія явленія, считаемаго его слѣдствіемъ.* Очевидно, что *простая*, т.-е. взятая сама по себѣ, установка *такихъ* данныхъ опыта еще вовсе не доказываетъ, чтобы принципъ причинности постоянно соблюдался до сихъ поръ. Поэтому приходится его считать либо прямо однимъ изъ апріорныхъ сужденій, либо слѣдствіемъ, вытекающимъ изъ апріорныхъ сужденій.

8. Неустранимость апріорныхъ сужденій путемъ, какого бы то ни было, объясненія ихъ происхожденія: нативизмъ, генетизмъ и эволюціонная теорія. *Не слѣдуетъ думать, будто бы необходимость допускать въ основѣ математики и естествознанія апріорныя сужденія можетъ быть устранена посредствомъ какого-либо психологическаго объясненія происхожденія этихъ сужденій. Напротивъ, какимъ бы путемъ они въ насъ ни возникали, это нисколько не затронетъ необходимости считать ихъ апріорными*, т.-е. хотя и лежащими въ основѣ математики и естествознанія, а все-таки недоказуемыми. Вѣдь доказательство каждаго сужденія должно имѣть мѣсто, во-первыхъ, *послѣ* того, какъ оно *уже* возникло, потому что въ противномъ случаѣ у насъ не было бы въ рукахъ доказываемаго сужденія, и, во-вторыхъ, *независимо* отъ того, какими путями оно возникло; ибо при *всякомъ* способѣ возникновенія доказываемаго сужденія оно легко *можетъ* оказаться ложнымъ. Слѣд., *когда мы отвѣтимъ на вопросъ о способѣ происхожденія даннаго общаго синтетическаго сужденія, лежащаго въ основѣ математики или естествознанія (т.-е. апріорнаго), то, можетъ быть, мы и объяснимъ, почему оно со-*

провождается невольной увѣренностью въ его истинности, но считать ли его доказаннымъ, это еще останется неизвѣстнымъ; и вопросъ о доказанности долженъ еще быть разсмотрѣнъ самъ по себѣ, т.-е. независимо отъ отвѣта на вопросъ о томъ, какъ возникло данное сужденіе. При разсмотрѣніи же вопроса о возможности доказать апріорныя сужденія ясно обнаруживается, какъ мы видѣли на стр. 374, вся ихъ недоказуемость, и притомъ обнаруживается съ помощью такихъ соображеній, которыя должны сохранять всю свою силу при *всякомъ* рѣшеніи вопроса о происхожденіи этихъ сужденій: вѣдь соображенія, которыми мы выяснили недоказуемость этихъ сужденій, ведутся совершенно *независимо* отъ *всякаго отвѣта* на вопросъ о способѣ ихъ происхожденія.

Пояснимъ все сказанное еще разъ и нѣсколько нагляднѣе, именно — не въ столь общемъ видѣ, какъ это мы дѣлали сейчасъ, а въ примѣненіи къ тѣмъ теоріямъ, которыми разные авторы объясняютъ происхожденіе общихъ синтетическихъ сужденій, лежащихъ въ основѣ математики и естествознанія. Покажемъ, что ни одна изъ этихъ теорій, если даже принять ее безъ всякихъ споровъ съ ней по существу, нисколько не устраняетъ необходимости считать означенныя сужденія апріорными (т.-е. хотя и лежащими въ основѣ математики и естествознанія, а все-таки недоказуемыми).

Одна изъ упомянутыхъ теорій объясняетъ происхожденіе этихъ сужденій ихъ прирожденностью: они, по ея словамъ, прирождены нашей душѣ; послѣдняя не можетъ существовать иначе, какъ обладая этими сужденіями. Будутъ ли они вполнѣ отчетливыми, или же столь смутными, что мы еще не въ состояніи подмѣтить ихъ, это безразлично; но они не могутъ отсутствовать, коль скоро уже существуетъ душевная жизнь. А такъ какъ все прирожденное сопровождается невольной увѣренностью въ его истинности, то при построеніи математики и всѣхъ естественныхъ наукъ мы невольно подразумѣваемъ означенныя сужденія, какъ самыя высшія основанія всякаго знанія. Такую теорію выработалъ Декартъ (ум. въ 1650 г.), къ которому присоединились всѣ, такъ называемые, раціоналисты, т.-е. *континентальные* философы XVII и первой половины XVIII вѣка, при чемъ эта теорія часто встрѣчается и теперь. Ее называютъ либо *нативистической*, *нативизмомъ*, потому что она учитъ о прирожденности самыхъ высшихъ основаній знанія, либо *раціоналистической*, потому что ее исповѣдывали раціоналисты (но не раціонализмомъ, такъ какъ послѣдній обозначаетъ нѣчто другое, но его исповѣдники *вмѣстѣ съ нимъ* допускали и эту теорію, вслѣдствіе чего ее и называютъ раціоналистической, т.-е. теоріей, исповѣдуемой *раціоналистами*). Декартъ и другіе раціоналисты XVII и XVIII вѣка, конечно, еще не могли прямо говорить о прирожденности *синтетическихъ* общихъ сужденій, потому что раздѣленіе сужденій на аналитическія и синтетическія впервые установлено Кантомъ. Зато они говорили, напр., о прирожденности геометрическихъ аксіомъ, которыя, какъ извѣстно, принадлежатъ къ синтетическимъ сужденіямъ. А новѣйшіе послѣдователи нативистической теоріи уже имѣютъ возможность говорить прямо о прирожден-

ности общихъ синтетическихъ сужденій, лежащихъ въ основѣ математики и естествознанія.

Допустимъ, что эта теорія вѣрна по существу, что упомянутыя сейчасъ сужденія, дѣйствительно, прирождены намъ, и что отъ этого происходитъ та невольная увѣренность, которую человѣчество, несомнѣнно, питаетъ къ ихъ истинности, коль скоро постоянно подразумѣваетъ ихъ, какъ высшія основанія, при построеніи математики и естественныхъ наукъ. Но наше согласіе съ нативизмомъ не устраняетъ вопроса о томъ, какъ доказать, что означенныя общія синтетическія сужденія не только невольно *считаются* нами истинными (вслѣдствіе ихъ прирожденности), но и на самомъ дѣлѣ годны для знанія. Въ старину не замѣчали неизбѣжности этого вопроса, такъ какъ, находясь подъ вліяніемъ Декарта, были убѣждены, что прирожденныя мысли могутъ быть только истинными; ибо, вслѣдъ за Декартомъ, считали все прирожденное за внушенное нашей душѣ самимъ Богомъ, а Онъ-де не можетъ быть обманщикомъ и не можетъ внушать намъ ложныя мысли. Но отъ предвзятаго убѣжденія въ неоспоримой истинности всякой прирожденной мысли теперь уже приходится отказаться по двумъ причинамъ. Во-первыхъ, еще Кантъ справедливо указалъ, что, пока не рѣшенъ вопросъ о возможности метафизики въ видѣ знанія, у насъ нѣтъ никакихъ основаній думать, что прирожденныя мысли внушены нашей душѣ именно Богомъ, а не отцомъ лжи — дьяволомъ. Во-вторыхъ, съ успѣхами психіатріи стало несомнѣннымъ, что могутъ встрѣчаться и ложныя прирожденныя мысли. Вѣдь существуетъ также и наслѣдственное, т.-е. прирожденное, помѣшательство, сопровождающееся различными бредовыми мыслями, которыя тоже могутъ оказаться наслѣдственными, слѣд.—прирожденными. Таковъ, напр., наслѣдственный бредъ величія. Такимъ образомъ, *если мы докажемъ, что тѣ общія синтетическія сужденія, которыя образуютъ послѣднія основы математики и естественныхъ наукъ, прирождены намъ, то мы этимъ объяснимъ только, почему у насъ существуетъ невольная увѣренность въ ихъ истинности, но еще вовсе не докажемъ, чтобы они и въ самомъ дѣлѣ были истинными.* Для достиженія послѣдняго надо было бы доказать эти сужденія, разсматривая ихъ независимо отъ того, прирождены ли они или нѣтъ. При подобномъ же (производимомъ независимо отъ всякаго взгляда на ихъ происхожденіе) разсмотрѣніи вопроса о возможности доказать эти сужденія обнаруживается, какъ мы видѣли на стр. 374, вся ихъ недоказуемость. Такимъ образомъ, *если мы согласимся съ нативизмомъ, намъ придется считать эти сужденія прирожденными и вмѣстѣ съ тѣмъ апріорными,* т.-е. хотя и лежащими въ основѣ математики и естествознанія, но недоказуемыми.

Другая же теорія называется *генетизмомъ* (отъ греческаго слова „генезисъ“, которое у древнихъ грековъ обозначало *постепенное* возникновеніе, а не возникновеніе вообще, какимъ бы то ни было путемъ). Ее часто называютъ также *эмпиристической*, пот. что она была сильно распространена среди эмпиристовъ. Она утверждаетъ, что высшія основанія математики и

естествознанія вовсе не прирождены намъ, а возникли у каждаго изъ насъ *постепенно* подъ вліяніемъ внушеній со стороны *опыта*, постоянно переживаемаго нами съ первыхъ же дней нашего существованія. Онъ же, внушая намъ эти сужденія, вмѣстѣ съ тѣмъ порождаетъ въ насъ и увѣренность въ ихъ истинности. Напр., опытъ всегда показывалъ намъ, что любое явленіе *Y* возникало не иначе, какъ въ томъ случаѣ, когда возникало другое опредѣленное явленіе X; и этимъ путемъ опытъ внушилъ намъ увѣренность, что всякое явленіе возникаетъ не иначе, какъ при томъ условіи, чтобы возникло другое опредѣленное явленіе, т.-е. увѣренность въ принципѣ причинности. Такого взгляда на происхожденіе высшихъ основаній математики и естествознанія держатся со времени Локка (ум. въ 1704 г.) *почти всѣ англійскіе* философы.

Спенсеръ же (ум. въ 1903 г.) построилъ такое видоизмѣненіе генетизма, которое соединяетъ, какъ бы сплавляетъ, его съ нативизмомъ, и которое иногда называютъ *эволюціоннымъ эмпиризмомъ* или *эволюціоннымъ генетизмомъ*, а чаще всего — *эволюціонной теоріей происхожденія высшихъ основаній знанія*. Созданное Спенсеромъ видоизмѣненіе генетизма сводится къ слѣдующему ученію; для каждаго индивидуума *нынѣшняго* человѣчества самыя высшія основанія математики и естествознанія, а также увѣренность въ ихъ истинности, дѣйствительно, прирождены; но у отдаленныхъ предковъ нынѣшняго человѣчества (были ли они съ зоологической точки зрѣнія людьми, или же животными низшаго порядка, это безразлично) все это постепенно возникло подъ вліяніемъ опыта, все болѣе и болѣе укрѣплялось въ ихъ памяти, а вслѣдствіе наслѣдственности передавалось потомству и такимъ путемъ *превратилось* въ прирожденное.

Допустимъ же безъ всякаго спора *любое* изъ указанныхъ видоизмѣненій генетизма. Это нисколько не упразднитъ необходимости считать апріорными (т.-е. хотя и завѣдомо годными для знанія, но, все-таки, недоказуемыми) высшія основанія математики и естествознанія. Они, а равно и наша увѣренность въ ихъ истинности, по словамъ эмпиризма, внушены намъ опытомъ, либо индивидуальнымъ, какъ говоритъ первоначальная форма эмпиризма, либо родовымъ, какъ учитъ эволюціонная теорія. *Но опытъ можетъ внушать и всевозможнѣйшія заблужденія.* Напр., опытъ внушилъ прежнимъ ученымъ увѣренность въ неподвижности земли, въ томъ, что она служитъ центромъ вселенной и т. п. ложные взгляды. *Слѣд., если мы докажемъ, что тѣ общія синтетическія сужденія, которыя лежатъ въ основѣ математики и естественныхъ наукъ, внушены намъ опытомъ* (родовымъ или индивидуальнымъ, это безразлично), *то этимъ мы объяснимъ только, почему у насъ существуетъ невольная увѣренность въ ихъ истинности, но еще вовсе не докажемъ, чтобы они и въ самомъ дѣлѣ были истинными.* Для достиженія послѣдняго надо было бы доказать эти сужденія, разсматривая ихъ *независимо* отъ ихъ происхожденія. А при разсмотрѣніи вопроса о возможности доказать ихъ независимо отъ ихъ происхожденія обнаруживается, какъ мы видѣли на стр. 374, вся ихъ недока-

зуемость. Такимъ образомъ, *если мы примемъ какое-либо видоизмѣненіе эмпиризма, намъ придется считать эти сужденія сразу и возникшими подъ вліяніемъ опыта* (родового или индивидуальнаго), *и вмѣстѣ съ тѣмъ апріорными.*

9. Апріорность и прирожденность. Изъ всего сказаннаго объ апріорныхъ сужденіяхъ ясно, какъ жестоко заблуждаются всѣ, кто смѣшиваетъ апріорность съ прирожденностью: это—два разныхъ понятія, построенныхъ съ двухъ разныхъ точекъ зрѣнія, и поэтому, какъ бы, лежащихъ въ разныхъ плоскостяхъ.

Разница между апріорностью и прирожденностью слѣдующая:

1.—*Понятіе апріорности строится при разсмотрѣніи мыслей съ чисто-логической точки зрѣнія, отвлекаясь отъ какого бы то ни было психологическаго вопроса по поводу нихъ, слѣд.,—и отъ вопроса объ ихъ происхожденіи. Поэтому въ апріорности мыслится одна лишь необходимость считать данное сужденіе завѣдомо годнымъ для знанія, несмотря на его недоказуемость* (необходимость, обусловленная тѣмъ, что математика и естественныя науки считаются знаніемъ); *вопросъ же о происхожденіи этого сужденія остается въ понятіи апріорности открытымъ во всѣ стороны.* Слѣд., признавъ какое-либо сужденіе апріорнымъ, мы при разсмотрѣніи его съ психологической точки зрѣнія, именно — при разсмотрѣніи *происхожденія* этого сужденія, можемъ присоединиться къ любой изъ упомянутыхъ теорій—и къ нативизму, и къ любому изъ видоизмѣненій эмпиризма, глядя по тому, куда насъ приведутъ наши *психологическія* изслѣдованія.

2.—*Понятіе прирожденности строится при разсмотрѣніи мыслей съ психологической точки зрѣнія, отвлекаясь отъ ихъ логической оцѣнки, а имѣя въ виду одно лишь ихъ происхожденіе. Поэтому въ прирожденности мыслится всего только опредѣленный способъ происхожденія даннаго сужденія, вопросъ же объ его годности для знанія остается открытымъ во всѣ стороны.* Слѣд., признавъ данное сужденіе прирожденнымъ, мы вмѣстѣ съ тѣмъ можемъ объявить его либо апріорнымъ, либо завѣдомо ложнымъ, т.-е. опровергнутымъ, либо доказаннымъ, т.-е. хотя и не апріорнымъ, а все-таки завѣдомо годнымъ для знанія: все зависитъ отъ того, какимъ оно выйдетъ при разсмотрѣніи его съ *логической* точки зрѣнія.

Но почему часто смѣшиваютъ апріорность съ прирожденностью? Двѣ причины содѣйствуютъ этому. Одна изъ нихъ сводится къ часто встрѣчаемой наклонности смѣшивать логическую точку зрѣнія на знаніе съ психологической. Другая же состоитъ въ томъ, что все прирожденное, разумѣется, должно считаться первичнымъ, изначальнымъ, апріорное же, если буквально перевесть это слово на родной языкъ, означаетъ „первичное“, „изначальное“. Правда, здѣсь слово „первичное“ имѣетъ совсѣмъ другой смыслъ, чѣмъ тамъ: апріорное означаетъ *логически*, а вовсе не хронологически, первичное; прирожденное же означаетъ *хронологически*, т.-е. *психологически*, первичное. Но кто склоняется къ смѣшенію логической точки зрѣнія съ психологиче-

ской, конечно, невольно упускаетъ изъ виду только-что указанную разницу и поэтому отожествляетъ апріорное съ прирожденнымъ, невольно считаетъ ихъ простыми синонимами, между тѣмъ какъ слово „апріорный“ для того и введено Кантомъ въ науку, чтобы говорить *не о происхожденіи* знанія, а только объ его *составѣ*, разсматриваемомъ съ *логической* точки зрѣнія. Какъ бы предвидя смѣшеніе апріорности съ прирожденностью, Кантъ усиленно подчеркивалъ, что онъ всегда говоритъ только о *составѣ* знанія, а отнюдь не объ его *происхожденіи*.

Отсюда ясно, что, *пользуясь научной литературой и встрѣчая у какого-либо автора слово „апріорный“, необходимо давать себѣ отчетъ не только въ томъ, не смѣшиваетъ ли онъ точнаго научнаго значенія этого слова либо съ обывательскимъ, либо съ расширеннымъ* (о чемъ см. выше, стр. 372 и слѣд.), *а также еще, не смѣшиваетъ ли онъ апріорности съ прирожденностью*. А это смѣшеніе встрѣчается въ различныхъ формахъ.

Напр., очень многіе, подражая Спенсеру, утверждаютъ, будто бы апріорное для каждаго индивидуума нынѣшняго человѣчества было не всегда апріорнымъ, если разсматривать все человѣчество въ его цѣломъ; будто бы то, что теперь апріорно, сперва постепенно возникло подъ вліяніемъ опыта, а потомъ упрочилось въ памяти человѣчества, сдѣлалось наслѣдственнымъ и такимъ путемъ *превратилось* въ апріорное. Очевидно, что здѣсь апріорное смѣшивается съ прирожденнымъ. Вѣдь тому, кто вполнѣ свободенъ отъ такого смѣшенія, сказать, будто бы апріорное не всегда бываетъ апріорнымъ, должно казаться столь же непріемлемымъ, какъ и сказать, будто бы логическая связь двухъ понятій не всегда бываетъ логической связью. Прирожденное же нынѣшнему поколѣнію, дѣйствительно, *можетъ*, чего добраго, иногда оказаться постепенно возникшимъ въ прошлыхъ поколѣніяхъ и настолько упрочившимся съ теченіемъ времени, что превратится подъ вліяніемъ наслѣдственности въ прирожденное.

А бываетъ и такъ, что апріорное считается не постепенно возникшимъ изъ того, что внушается опытомъ, но существовавшимъ *всегда, какъ апріорное*, и тѣмъ не менѣе оно смѣшивается съ прирожденнымъ. Точь въ точь такое смѣшеніе наблюдается, напр., у Шопенгауера. И сказывается оно у него не только въ томъ, что *онъ обращается съ апріорнымъ, какъ съ прирожденнымъ*, а даже и въ томъ, что онъ употребляетъ оба слова — „апріорный“ и „прирожденный“, какъ синонимы, иногда ставя одно изъ нихъ вмѣсто другого, а иногда даже соединяя ихъ съ помощью союзовъ „или“ и „то-есть“, именно: „апріорный или прирожденный“, „апріорный, т.-е. прирожденный“. Точно такое же смѣшеніе наблюдается и у извѣстнаго физика и физіолога Гельмгольца, который находился подъ сильнымъ вліяніемъ Шопенгауера, но, не замѣчая того, насколько послѣдній отступилъ отъ Канта, самъ считалъ себя кантіанцемъ и рекомендовалъ всѣмъ натуралистамъ, какъ важный элементъ физико-математическаго образованія, изученіе Канта. Поэтому большая публика считаетъ его кантіанцемъ. Въ

дѣйствительности же, по крайней мѣрѣ въ вопросѣ объ апріорности, онъ усвоилъ Канта въ окраскѣ, приданной ему Шопенгауеромъ. Что же касается подлиннаго Канта, который первый установилъ понятіе апріорности, то онъ, конечно, вовсе не имѣлъ въ виду придумать всего лишь синонимъ для прирожденнаго; ибо, по его неоднократному предупрежденію, онъ никогда не изучаетъ *происхожденія* знанія, а всегда только его *состава*, и понятіе апріорнаго устанавливается имъ посредствомъ разсмотрѣнія знанія не съ психологической, а съ логической точки зрѣнія.

10. Условіе завѣдомой годности апріорныхъ сужденій для знанія. Апріорныя сужденія не могутъ быть оправданы ни простой установкой данныхъ опыта, ни доказательствами, соединенными съ установкой данныхъ опыта. Слѣд., они образуютъ такія предпосылки знанія, которыя допускаются, какъ завѣдомо годныя для знанія, но *независимо* отъ ихъ оправданія съ помощью *опыта*. Поэтому они внушаютъ надежду, что, опираясь на нихъ, можно выяснить и то, что̀ лежитъ за границами всякаго *опыта*, т.-е. трансцендентный міръ, такъ что на-ряду съ математикой и естествознаніемъ, въ широчайшемъ смыслѣ этого слова, у насъ получится еще третій видъ знанія, именно метафизика. Вслѣдствіе этого Кантъ не могъ прямо присоединиться къ тому рѣшенію вопроса объ осуществимости метафизическаго знанія, которое было указано эмпиристами, но долженъ былъ заново пересмотрѣть этотъ вопросъ (сравн. выше, стр. 370—371).

И чтобы рѣшить вопросъ, можно ли, опираясь на апріорныя сужденія, построить метафизическое знаніе, Кантъ сначала разсматриваетъ, *при какихъ условіяхъ сужденія, будучи апріорными, т.-е. навсегда недоказуемыми, все-таки окажутся завѣдомо годными для знанія*. Вѣдь отъ осуществимости этихъ условій въ метафизикѣ зависитъ и осуществимость метафизическаго знанія.

Замѣтимъ прежде всего, что *спрашивать объ условіяхъ завѣдомой годности апріорныхъ сужденій для знанія, это значитъ спрашивать: при какихъ условіяхъ они завѣдомымъ для насъ образомъ окажутся согласными со всею совокупностью предметовъ, изучаемыхъ при помощи этихъ сужденій*. Вѣдь всякое противорѣчіе сужденія съ тѣмъ предметомъ, который изучается при его помощи, дѣлаетъ это сужденіе *негоднымъ* для знанія.

Поэтому Кантъ сперва выясняетъ, при какихъ условіяхъ вообще *какое бы то ни было* сужденіе, апріорное или неапріорное, это все равно, окажется завѣдомымъ для насъ образомъ въ согласіи съ предметами, изучаемыми съ помощью этого сужденія. Это возможно, по словамъ Канта, только въ двухъ случаяхъ: во-первыхъ, если изучаемые предметы принуждаютъ, путемъ ли простой установки данныхъ опыта или же путемъ доказательствъ по поводу этихъ предметовъ, наше сужденіе согласоваться *съ ними*, съ этими предметами, т.-е. принуждаютъ высказывать какъ разъ то самое, что̀ находится въ изучаемыхъ предметахъ; во-вторыхъ, если, наоборотъ, сами же изучаемые предметы принуждаются нашимъ сужденіемъ, независимо

отъ того, доказано ли и вообще доказуемо ли оно или нѣтъ, согласоваться *съ нимъ*, съ этимъ сужденіемъ, какъ съ однимъ изъ законовъ, управляющихъ изучаемыми предметами, такъ что наше сужденіе господствуетъ надъ этими предметами, не само подчиняется *имъ*, но, наоборотъ, подчиняетъ ихъ *себѣ*, заставляетъ ихъ быть такими, какъ высказано въ этомъ сужденіи.

Очевидно, наше сужденіе, дѣйствительно, окажется въ завѣдомомъ согласіи съ изучаемыми предметами, а потому и завѣдомо годнымъ для знанія при осуществленіи *любого* изъ только-что указанныхъ условій. И вмѣстѣ съ тѣмъ, по справедливому замѣчанію Канта, нельзя придумать, никакого „третьяго условія“ *завѣдомой* годности сужденія для знанія.

Такимъ образомъ завѣдомая годность, *какого бы то ни было*, сужденія для знанія можетъ существовать не иначе, какъ *только* при одномъ изъ двухъ вышеуказанныхъ условій. Но ясно, что если у насъ рѣчь идетъ объ *апріорныхъ* сужденіяхъ, то первое изъ означенныхъ условій оказывается непримѣнимымъ. Въ самомъ дѣлѣ: если данное сужденіе оттого согласуется съ изучаемыми предметами, что послѣдніе принуждаютъ его къ такому согласію, либо путемъ простой установки данныхъ опыта, либо путемъ доказательствъ по поводу изучаемыхъ предметовъ, то это значитъ, что данное сужденіе уже оправдано какимъ-либо изъ этихъ путей, такъ что его нельзя считать *апріорнымъ*, т.-е. хотя и завѣдомо годнымъ для знанія, а тѣмъ не менѣе *навсегда недоказуемымъ*. Слѣд., *одно изъ двухъ: или вовсе нельзя допускать въ составъ знанія апріорныя сужденія, или же, допуская ихъ, мы должны допустить еще, что они, дѣйствительно, принуждаютъ предметы, изучаемые при ихъ помощи, подчиняться имъ, какъ законамъ, управляющимъ этими предметами*. Но если мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ, то, какъ мы видѣли на стр. 374—376, мы логически обязаны допускать въ ихъ составѣ, какъ самыя высшія основанія всѣхъ этихъ наукъ, апріорныя сужденія. Слѣд., *если мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ, то мы логически обязаны допускать, что апріорныя сужденія* (напр., принципъ причинности), *дѣйствительно, принуждаютъ согласоваться съ ними предметы, изучаемые во всѣхъ означенныхъ наукахъ*, что они какимъ-то путемъ заставляютъ эти предметы подчиняться имъ (сужденіямъ), какъ господствующимъ надъ ними законамъ, т.-е. заставляютъ означенные предметы быть такими, какъ высказано въ этихъ сужденіяхъ (напр., заставляютъ въ нихъ все быть въ причинной зависимости отъ чего-нибудь другого). Тотъ путь, самый механизмъ, которымъ осуществляется такая власть апріорныхъ сужденій надъ предметами, изучаемыми при ихъ помощи, конечно, очень интересенъ, и Кантъ пытается, хотя очень неудачно, описать его. Но для рѣшенія вопроса о возможности метафизики въ видѣ знанія важно только то обстоятельство, что *приходится* считать осуществимой подобную власть апріорныхъ сужденій надъ предметами, изучаемыми математикой и естествознаніемъ, коль скоро эти науки считаются знаніемъ.

Таковъ выводъ относительно апріорныхъ сужденій, къ которому при-

шелъ Кантъ при помощи соображеній, мѣстами почти дословно совпадающихъ съ только-что изложенными (см., напр., Prolegomena § 36 и примѣчаніе къ нему, при чемъ сравн. Prolegomena §§ 9, 10 и 11). *Этотъ выводъ и составляетъ центръ тяжести всей гносеологіи Канта:* онъ-то и приводитъ къ заключенію о невозможности метафизики въ видѣ знанія, какъ это мы покажемъ въ двухъ слѣдующихъ параграфахъ. *Все же остальное имѣетъ у Канта лишь дополнительное значеніе и можетъ быть отброшено, если мы ограничиваемся однимъ лишь вопросомъ объ осуществимости метафизическаго знанія.*

Впрочемъ замѣтимъ, что были философы, которые *откровенно* строили метафизику, преклоняясь вмѣстѣ съ тѣмъ передъ Кантомъ и даже увѣряя читателей, будто бы они остаются на почвѣ кантовской гносеологіи: они брали ее безъ того вывода, который только-что указанъ нами, и выставляли, какъ ея важнѣйшую часть, вовсе не выясненіе условія завѣдомой годности апріорныхъ сужденій для знанія, а что-нибудь другое, напр., ученіе о субъективности пространства и времени и т. п. Такъ, напр., поступаютъ Шопенгауеръ, Гербартъ и многіе другіе. Въ дѣйствительности же у самого Канта ученіе о субъективности пространства и времени, а также и о субъективности всего, что̀ дано намъ въ пространствѣ и времени, становится вполнѣ обязательнымъ для читателя не иначе, какъ въ связи съ разсматриваемымъ выводомъ, не иначе, какъ въ видѣ вытекающаго изъ него слѣдствія (о чемъ см. слѣдующ. парагр.), Доводы же, которыми это ученіе подтверждается у него независимо отъ этого вывода, таковы, что они свидѣтельствуютъ только о *возможности*, только объ отсутствіи препятствій, *но отнюдь не о неизбѣжности* считать пространство и время, а съ ними и всѣ данныя опыта, какъ внутренняго, такъ и внѣшняго, субъективными, т.-е. всего лишь нашими невольными представленіями о бытіи, а не самимъ истиннымъ бытіемъ, не вещами въ себѣ.

11. Три слѣдствія, важныхъ для вопроса о метафизикѣ, изъ условія завѣдомой годности апріорныхъ сужденій для знанія. Если считать вмѣстѣ съ Кантомъ вещи въ себѣ подчиненными закону противорѣчія (какъ мы рѣшили дѣлать это, см. стр. 362), то изъ только-что указаннаго условія завѣдомой годности апріорныхъ сужденій для знанія вытекаютъ три слѣдствія, крайне важныхъ для вопроса о возможности метафизики въ видѣ знанія, именно: 1—логическая необходимость считать всѣ предметы, изучаемые математикой и естествознаніемъ, всего лишь нашими представленіями о бытіи или вещахъ, но отнюдь не истиннымъ бытіемъ или вещами въ себѣ; 2—логическая необходимость считать все истинное бытіе или вещи въ себѣ исключительно трансцендентными, весь же имманентный міръ состоящимъ исключительно изъ явленій, феноменовъ или кажущагося бытія, но отнюдь не изъ ноуменовъ, вещей въ себѣ или истиннаго бытія; 3—логическая необходимость считать явнымъ произволомъ примѣненіе апріорныхъ сужденій къ вещамъ въ себѣ или истинному бытію. Подтвердимъ и

поясним все это въ томъ же самомъ порядкѣ, въ какомъ мы перечислили эти слѣдствія.

Первое слѣдствіе. *Если мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ, то вмѣстѣ съ тѣмъ логически обязаны считать всѣ изучаемые ими предметы (и пространство, и время, и всѣ данныя опыта, какъ внѣшняго, такъ и внутренняго, т.-е. даже самихъ себя, свое „Я“ и все то, что сознается нами, какъ происходящее въ нашей собственной душевной жизни) не вещами въ себѣ, не самимъ истиннымъ бытіемъ, но нашими невольными представленіями о вещахъ или бытіи, изъ которыхъ (представленій), правда, многія* (именно — данныя внѣшняго опыта, а также пространство и время) *кажутся намъ не субъективными, каковы они въ дѣйствительности, а транссубъективнымъ бытіемъ, т.-е. существующими независимо отъ того, переживаются ли они нами или нѣтъ.* Въ самомъ дѣлѣ:

Считая математику и естественныя науки знаніемъ, приходится, какъ мы сейчасъ видѣли, допускать, что высшія основанія всѣхъ этихъ наукъ, т.-е. апріорныя сужденія, обладаютъ силой подчинять себѣ предметы, изучаемые во всѣхъ этихъ наукахъ, принуждаютъ ихъ быть такими, какъ говорится въ означенныхъ сужденіяхъ. Но развѣ возможно проявленіе такого дѣйствія нашихъ *сужденій*, т.-е. нашихъ *мыслей*, на вещи въ себѣ или истинное бытіе, коль скоро и оно подчинено закону противорѣчія? Это было бы явной нелѣпостью, явнымъ противорѣчіемъ съ понятіемъ истиннаго бытія или вещей въ себѣ; ибо подъ этими названіями подразумѣвается бытіе, какъ оно существуетъ само по себѣ, *независимо* отъ того, изучается ли оно нами или не изучается, мыслится ли или не мыслится, сознается ли или не сознается и т. п.; здѣсь же то, какъ оно существуетъ, оказалось бы *въ зависимости* отъ того, каковы наши сужденія, мысли, употребляемыя нами въ видѣ высшихъ основаній математики и естествознанія. *Сужденія, т.-е. мысли могутъ приводить къ согласію съ ними, принуждать быть такими, какъ въ нихъ говорится, только мысли, только представленія о бытіи или вещахъ, но отнюдь не само истинное бытіе, не вещи въ себѣ.* Такимъ образомъ, *одно изъ двухъ: или надо не считать математики и естественныхъ наукъ знаніемъ, или же надо отказаться отъ обывательскаго мнѣнія, будто бы предметами математики и естествознанія служатъ вещи въ себѣ, само истинное бытіе.* Вѣдь если считать эти предметы самимъ истиннымъ бытіемъ или вещами въ себѣ, то тотчасъ же отпадаетъ всякая возможность осуществленія того условія, при которомъ только и могутъ апріорныя сужденія, вопреки своей недоказуемости, обладать завѣдомой годностью для знанія, такъ что примѣненіе этихъ сужденій въ видѣ высшихъ основаній математики и естествознанія придется считать явнымъ произволомъ; а это значитъ, что придется считать такимъ же произволомъ, но отнюдь не знаніемъ, и всю математику съ естествознаніемъ, какъ основанныя на явномъ произволѣ.

Однако, наши слова не слѣдуетъ понимать въ томъ смыслѣ,

будто бы, считая математику и естественныя науки знаніемъ, необходимо отрицать существованіе истиннаго бытія или вещей въ себѣ, существованіе пространства и времени, независимыхъ отъ того, представляются ли они намъ, какъ существующія, или нѣтъ и т. п. Напротивъ, все это, *можетъ быть*, и существуетъ, *можетъ быть*, даже *почти* одинаково съ предметами математики и естествознанія, именно: *можетъ быть*, вещи въ себѣ отличаются отъ предметовъ математики и естествознанія только тѣмъ, что въ первыхъ нѣтъ ни цвѣта, ни запаха, ни вкуса и т. д., словомъ — такихъ свойствъ, которыя для разныхъ людей кажутся разными (ибо транссубъективное существованіе такихъ свойствъ внесло бы противорѣчіе въ вещи въ себѣ, какъ это мы видѣли на стр. 31). За то, *можетъ быть*, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ вещи въ себѣ точь въ точь таковы, какъ и предметы, изучаемые математикой и естествознаніемъ, *такъ же* протяженны и измѣнчивы, находятся въ *такомъ же* (хотя и не въ томъ же самомъ) пространствѣ и времени и т. п. Все это остается, хотя и не обязательнымъ, а все-таки возможнымъ, мыслимымъ, ибо нисколько не противорѣчитъ ни тому заключенію, что предметы математики и естествознанія надо считать субъективными, т.-е. нашими представленіями, которыя всего лишь кажутся предметами, данными намъ въ опытѣ независимо отъ того, представляются ли они нами или нѣтъ, ни тому условію, при которомъ только и могутъ априорныя сужденія быть завѣдомо годными для знанія.

Правда, самъ Кантъ заключилъ, будто бы вещи въ себѣ находятся внѣ пространства и времени, будто бы оба послѣднихъ объективно не существуютъ. Но это — ошибочное заключеніе, при чемъ ошибка Канта состоитъ въ смѣшеніи *незнанія, существуютъ ли* пространство и время сами по себѣ (независимо отъ того, что они невольно представляются намъ существующими) съ *знаніемъ, что они не существуютъ* сами по себѣ.

Второе слѣдствіе. *Если математика съ естественными науками считаются знаніемъ, то весь имманентный міръ долженъ считаться состоящимъ исключительно изъ явленій, феноменовъ, т.-е. изъ нашихъ невольныхъ представленій о бытіи, вещи же въ себѣ или истинное бытіе должны считаться исключительно трансцендентными, а отнюдь не имманентными.* Вѣдь, считая математику и естественныя науки знаніемъ, приходится, какъ мы сейчасъ видѣли, *всѣ* изучаемые ими предметы считать всего лишь нашими невольными представленіями о вещахъ, явленіями, феноменами, кажущимся бытіемъ, а не вещами въ себѣ или истиннымъ бытіемъ. Но при томъ широкомъ значеніи, какое мы постоянно приписываемъ слову „естествознаніе“, если не дѣлаемъ особой ограничительной оговорки, столь широкомъ, что подъ него подходятъ на-ряду съ физикой, химіей, біологіей и т. п. и психологія, и лингвистика, и исторія и т. д., предметами математики и естествознанія исчерпывается рѣшительно *весь* имманентный міръ, такъ что послѣдній, очевидно, долженъ состоять исключительно изъ нашихъ невольныхъ представленій или явленій, изъ кажущагося бытія. Что же

касается истиннаго бытія или вещей въ себѣ, то при такихъ условіяхъ имъ не остается никакого мѣста въ имманентномъ мірѣ, такъ что, *если* онѣ существуютъ, то имъ приходится быть не иначе, какъ трансцендентными.

Третье слѣдствіе. *Наконецъ, примѣненіе апріорныхъ сужденій къ вещамъ въ себѣ приходится считать явнымъ произволомъ. Другими словами: позволительно примѣнять эти сужденія только къ нашимъ представленіямъ о бытіи, только къ явленіямъ, а отнюдь не къ истинному бытію, не къ вещамъ въ себѣ.* Въ самомъ дѣлѣ: у насъ нѣтъ ровно никакихъ основаній считать вещи въ себѣ подчиненными апріорнымъ сужденіямъ. И нечего надѣяться доказать неизбѣжность подобнаго подчиненія: вѣдь такое доказательство было бы равносильно съ доказательствомъ истинности самихъ апріорныхъ сужденій. Но апріорныя сужденія навсегда недоказуемы, а поэтому навсегда недоказуемо и подчиненіе имъ вещей въ себѣ.

Конечно, крайне соблазнительно оправдывать примѣненіе апріорныхъ сужденій къ вещамъ въ себѣ ссылкой на то, что они употребляются въ математикѣ съ естествознаніемъ. Но вѣдь *въ математикѣ съ естествознаніемъ употребленіе апріорныхъ сужденій оказывается логически позволительнымъ только при такомъ условіи, которое совершенно неосуществимо относительно вещей въ себѣ*, именно—при условіи, чтобы апріорныя сужденія имѣли силу принудить согласоваться съ ними тѣ предметы, которые изучаются съ помощью этихъ сужденій (см. стр. 387). И такое условіе вполнѣ осуществимо въ математикѣ съ естествознаніемъ, если предметы, изучаемые въ этихъ наукахъ, служатъ всего лишь нашими невольными представленіями о вещахъ. Но это условіе, какъ это уже было упомянуто при изложеніи перваго слѣдствія (см. выше, стр. 389), *не можетъ* быть осуществлено безъ грубаго нарушенія закона противорѣчія, когда рѣчь идетъ о вещахъ въ себѣ. Такимъ образомъ, *совершенно непозволительно ссылаться на примѣръ математики и естествознанія для оправданія примѣненія апріорныхъ сужденій къ вещамъ въ себѣ.*

12. Невозможность метафизики въ видѣ знанія. *Изъ трехъ слѣдствій, вытекающихъ изъ условія завѣдомой годности апріорныхъ сужденій для знанія*, которыя были только-что указаны въ предшествующемъ параграфѣ, *вытекаетъ полная невозможность метафизики въ видѣ знанія*, именно:

Если мы считаемъ математику и естественныя науки знаніемъ, то логически обязаны считать метафизику невозможной въ видѣ непосредственнаго знанія. Въ самомъ дѣлѣ: быть непосредственнымъ знаніемъ значитъ состоять изъ сужденій, оправданныхъ *простой* установкой данныхъ опыта. Но если математика и естественныя науки, дѣйствительно, образуютъ знаніе, то при *простой* установкѣ данныхъ опыта намъ всегда придется имѣть дѣло всего лишь съ нашими невольными представленіями о вещахъ или бытіи, всего лишь съ міромъ явленій, а не съ самимъ истиннымъ бытіемъ или міромъ вещей въ себѣ, такъ какъ послѣдній, при означенномъ условіи (т.-е. въ случаѣ принадлежности математики и естествен-

ныхъ наукъ къ знанію) долженъ считаться исключительно трансцендентнымъ, а весь имманентный міръ состоящимъ только изъ нашихъ невольныхъ представленій, изъ явленій или феноменовъ (см. стр. 390). При такихъ условіяхъ о томъ, каковы вещи въ себѣ, и даже о томъ, существуютъ ли онѣ, приходится всего лишь *заключать* по даннымъ опыта съ помощью принципа причинности, подобно тому, какъ заключаютъ по знакамъ или сигналамъ о причинахъ, заставляющихъ существовать эти знаки. А такія заключенія могутъ относиться только къ опосредствованному, но отнюдь не къ непосредственному знанію.

Но *метафизика невозможна и въ видѣ опосредствованнаго знанія*. Въ самомъ дѣлѣ: мы уже убѣдились на стр. 391, что логически необходимо считать явнымъ произволомъ примѣненіе апріорныхъ сужденій къ вещамъ въ себѣ. Поэтому, если метафизика въ своихъ заключеніяхъ о вещахъ въ себѣ станетъ опираться на апріорныя сужденія, то она должна считаться не знаніемъ, но явно произвольнымъ ученіемъ. Конечно, если бы для подобныхъ заключеній ей не было никакой надобности въ примѣненіи апріорныхъ сужденій къ вещамъ въ себѣ, то, *можетъ быть*, она и могла бы считаться опосредствованнымъ знаніемъ. Но такія заключенія настолько же нуждаются въ апріорныхъ сужденіяхъ, какъ и всякое основанное на данныхъ опыта опосредствованное знаніе. Дѣйствительно: они нуждаются въ примѣненіи къ вещамъ въ себѣ принципа причинности. Вѣдь рѣчь идетъ какъ разъ о томъ, чтобы по міру явленій, разсматривая его, какъ совокупность сигналовъ или знаковъ, заключить о природѣ міра вещей въ себѣ, какъ о *причинѣ* существованія всѣхъ этихъ сигналовъ или знаковъ. Что же касается принципа причинности, то, какъ мы уже видѣли на стр. 377—378, одно изъ двухъ: либо онъ самъ принадлежитъ къ числу апріорныхъ сужденій, либо онъ обязателенъ только потому, что вытекаетъ изъ апріорныхъ сужденій. Но и въ томъ и въ другомъ случаѣ *опираться на принципъ причинности въ своихъ заключеніяхъ о вещахъ въ себѣ то же самое, что̀ примѣнять къ нимъ апріорныя сужденія*. Такимъ образомъ, невозможно никакое знаніе о вещахъ въ себѣ—ни непосредственное, ни опосредствованное.

Правда, многіе увѣрены, будто бы вещи въ себѣ, хотя непознаваемы, да должны существовать, ибо явленія, будучи представленіями, принадлежатъ же какому-нибудь носителю. Но мысль о необходимости такого носителя для представленій составляетъ одно изъ трехъ: или выдумку, порождаемую столь глубокими психологическими причинами, что трудно отъ нея отдѣлаться; или одно изъ апріорныхъ сужденій; или законъ природы, доказуемый, подобно всѣмъ ея законамъ, не иначе, какъ съ помощью *апріорныхъ* сужденій. Съ выдумкой, какими бы *психологическими* причинами она ни порождалась, намъ незачѣмъ считаться; а во второмъ и въ третьемъ случаѣ мы не въ правѣ примѣнять мысль о носителѣ явленій къ истинному бытію (см. стр. 391), слѣд.—не въ правѣ настаивать на существованіи вещей въ себѣ. Слѣд., *существованіе вещей въ себѣ столь же непознаваемо, какъ и ихъ природа*. Можетъ быть, онѣ существуютъ, а можетъ быть, нѣтъ

ровно ничего, кромѣ замкнутаго въ самомъ себѣ міра явленій, т.-е. представленій, обходящихся безъ всякаго носителя.

12. Необходимость дополнить критицизмъ логицизмомъ. Критицизмъ справедливо считается наисильнѣйшимъ изъ иностранныхъ доказательствъ неосуществимости метафизическаго знанія. Тѣмъ не менѣе, чтобы вполнѣ достичь своей цѣли, онъ долженъ быть дополненъ логицизмомъ, даже въ томъ случаѣ, если мы вмѣстѣ съ Кантомъ произвольно допускаемъ, будто бы вещи въ себѣ навѣрное подчинены закону противорѣчія. Критицизмъ, исходя изъ этого допущенія, потому объявляетъ метафизическое знаніе невозможнымъ, что *нѣтъ основаній* считать вещи въ себѣ подчиненными апріорнымъ сужденіямъ (сравн. выше, стр. 391 и 392). Но если нѣтъ такихъ основаній, то это еще не значитъ, чтобы вещи въ себѣ навѣрное не подчинялись апріорнымъ сужденіямъ. Напротивъ, остается одинаково возможнымъ и то и другое, а какъ именно стоитъ дѣло, неизвѣстно. Поэтому *можно попробовать защищать метафизику съ помощью допущенія, будто бы вещи въ себѣ настолько же подчинены апріорнымъ сужденіямъ, какъ и явленія.* Тогда къ вещамъ въ себѣ можно будетъ примѣнять всѣ апріорныя сужденія, и съ помощью ихъ можно будетъ строить заключенія о природѣ вещей въ себѣ, такъ что у насъ получится метафизическое знаніе. Конечно, это знаніе будетъ опираться на произвольное допущеніе, тѣмъ не менѣе оно будетъ обязательно для всѣхъ, кто согласенъ съ нашимъ допущеніемъ.

Правда, Кантъ иногда высказываетъ мысль, будто бы вещи въ себѣ навѣрное *не* подчинены апріорнымъ сужденіямъ. Но это заключеніе основано у него на убѣжденіи, будто бы вещи въ себѣ существуютъ внѣ пространства и времени, будто бы ни то ни другое навѣрное не имѣютъ ни малѣйшей транссубъективной реальности, а существуютъ только въ видѣ нашихъ невольныхъ представленій. Но это—ошибочное убѣжденіе, возникшее, какъ мы уже говорили, на стр. 390, путемъ смѣшенія *незнанія, существуютъ ли пространство и время сами по себѣ* (независимо отъ того, что они невольно представляются намъ существующими), съ *знаніемъ, что сами по себѣ они не существуютъ.* И до какой степени ошибочно это убѣжденіе, видно уже изъ того, что оно явно противорѣчитъ всей гносеологіи Канта. Послѣдняя утверждаетъ полную непознаваемость вещей въ себѣ; даже ихъ существованіе остается проблематичнымъ. А тутъ допускается *знаніе,* что онѣ внѣ пространства и времени, что онѣ поэтому нематеріальны, что онѣ неподчинены апріорнымъ сужденіямъ и т. п.

Такимъ образомъ, *въ критицизмѣ остается неустраненной возможность защищать метафизику въ видѣ условнаго знанія, т.-е. въ видѣ знанія, обязательнаго для всѣхъ, кто допуститъ подчиненіе вещей въ себѣ апріорнымъ сужденіямъ. Устранить же эту возможность можно только посредствомъ доказательства, что трансцендентныя гипотезы не могутъ превращаться въ знаніе, пока нѣтъ готоваго метафизическаго знанія.* Вѣдь вслѣдствіе трансцендентности вещей въ себѣ знаніе о нихъ могло бы возникнуть только тѣмъ путемъ, чтобы мы строили гипо-

тезы о природѣ вещей въ себѣ, какъ о причинѣ фактовъ, наблюдаемыхъ въ имманентномъ мірѣ, и старались превратить эти гипотезы въ знаніе. Но если мы прибавимъ къ критицизму только-что указанное доказательство, то это значитъ, что мы дополнимъ его логицизмомъ, именно — той частью логицизма, которая доказываетъ неосуществимость метафизическаго знанія даже и въ томъ случаѣ, когда мы произвольно допустимъ, будто бы вещи въ себѣ навѣрное подчинены закону противорѣчія. Слѣд., *критицизмъ достигаетъ своей цѣли только въ томъ случаѣ, когда онъ дополненъ логицизмомъ*, послѣдній же нисколько не нуждается въ помощи критицизма (сравн. выше, стр. 307).

ГЛАВА XVIII.

Раціонализмъ. Неопровержимость матеріализма. Составъ цѣльнаго научно-переработаннаго міровоззрѣнія.

---

1. Раціонализмъ и его связь съ вѣрой въ осуществимость метафизическаго знанія. Кто хочетъ разрушить предвзятое убѣжденіе въ осуществимости метафизическаго знанія, тотъ долженъ не ограничиваться изложеніемъ доказательствъ этой неосуществимости, а надо еще изобличить ошибочность такъ называемаго раціонализма, пот. что почти у всѣхъ существуетъ сильная наклонность къ нему, а онъ обязываетъ высказываться въ пользу метафизическаго знанія.

Раціонализмомъ называется то философское направленіе, которое господствовало на континентѣ Европы въ XVII и въ первой половинѣ XVIII вѣка, и типичными представителями котораго были основатель этого направленія Декартъ, жившій между 1596 и 1650 г., Спиноза (1632 по 1677 г.) и Лейбницъ (1646—1716 г.). *Раціонализмъ состоитъ въ убѣжденіи, будто бы всѣ реальныя, т.-е. дѣйствительно существующія въ бытіи, связи и отношенія сполна, безъ остатка, разлагаются на чисто-логическія, другими словами — въ убѣжденіи, будто бы реальныя связи и отношенія служатъ всего лишь разнообразными соединеніями чисто-логическихъ связей и отношеній.* При этомъ подъ словомъ „бытіе“ подразумѣвается, какъ имманентное, такъ и трансцендентное. Поясникъ убѣжденіе, къ которому сводится раціонализмъ, слѣдующимъ примѣромъ: въ глазахъ раціоналиста истинная причинная связь, т.-е. связь истинной причины съ производимымъ ею слѣдствіемъ, тожественна съ логической связью, т.-е. съ связью основанія съ вытекающимъ изъ него слѣдствіемъ, а понятіе причины — съ понятіемъ основанія, такъ что слѣдствіе, по мнѣнію раціоналистовъ, логически вытекаетъ изъ своей причины и подразумѣвается въ ней. Поэтому

Декартъ и Спиноза сплошь да рядомъ употребляли выраженіе „causa *sive* ratio“, т.-е. „причина *или* основаніе“ [1]). Лейбницъ же, который изо всѣхъ философовъ первый подмѣтилъ существованіе закона достаточнаго основанія, такъ редактировалъ его, чтобы онъ охватывалъ собой также и законъ причинности (сравн. стр. 298 — 300). Другой примѣръ: раціоналисты убѣждены, что въ субстанціи могутъ быть только такія принадлежности, которыя логически вытекаютъ изъ ея природы (о значеніи терминовъ „субстанція“ и „принадлежность“ см. выше, стр. 369). Вслѣдствіе же убѣжденія, будто бы реальныя связи и отношенія сполна разлагаются на чисто-логическія, *раціонализмъ всегда стремится къ такому объясненію природы, которое дѣлало бы въ ней все безъ исключенія логически необходимымъ, такъ чтобы не оставалось въ ней ничего такого, что допускалось бы нами просто, какъ засвидѣтельствованный опытомъ фактъ, безъ всякаго объясненія, почему существуетъ этотъ фактъ*. Напротивъ, вопросъ „почему“ уже не долженъ больше возникать послѣ раціоналистическаго объясненія природы, пот. что такое объясненіе должно сдѣлать все въ природѣ логически необходимымъ, слѣдовательно — все вполнѣ понятнымъ и не возбуждающимъ вопроса „почему“. Таковъ-то раціонализмъ.

Впрочемъ, не мѣшаетъ упомянуть, что слово „раціонализмъ“ употребляется еще въ двухъ значеніяхъ, при чемъ каждое изъ нихъ оказывается крайне неопредѣленнымъ, сбивчивымъ. Во-первыхъ, раціонализмомъ нерѣдко называютъ противоположность всякаго мистицизма—вообще, какого бы то ни было, все, что отрицаетъ его. А такъ какъ само-то слово „мистицизмъ“ отличается крайней неопредѣленностью, разнообразіемъ тѣхъ значеній, въ которыхъ его употребляютъ, о чемъ см. выше, стр. 325, то, разумѣется, и слово „раціонализмъ“, если подъ нимъ подразумѣвать противоположность всякаго мистицизма, тоже становится неопредѣленнымъ, имѣющимъ нѣсколько разнообразныхъ значеній. Во-вторыхъ, подъ раціонализмомъ нерѣдко подразумѣваютъ вообще подчиненіе требованіямъ разума, подтверждая такое словоупотребленіе тѣмъ, что этотъ терминъ происходитъ отъ латинскаго слова „ratio“, которое значитъ „разумъ“ (но не исключительно „разумъ“, а только между прочимъ: напр., оно значитъ также и „основаніе“). Слово же „разумъ“ столь неопредѣленное и сбивчивое, что если подъ раціонализмомъ подразумѣвать подчиненіе требованіямъ разума, то слово „раціонализмъ“ тоже становится крайне неопредѣленнымъ и сбивчивымъ; ибо каждый понимаетъ по-своему и чаще всего сбивчиво, въ чемъ, именно, состоятъ эти требованія. Конечно, каждый терминъ, имѣющій неопредѣленное и сбивчивое значеніе, не только безполезенъ, а даже вреденъ для науки, такъ что, не будь у слова „раціонализмъ“ другого значенія, кромѣ этихъ двухъ сбивчивыхъ, то его слѣдовало бы изгнать изъ употребленія. Но рядомъ

[1]) См., напр., у Декарта 1-ую аксіому статьи „Rationes Dei existentiam etc. probantes“ или 11-ую теорему „Этики“ Спинозы. Въ одномъ лишь второмъ доказательствѣ этой теоремы (т.-е. менѣе, чѣмъ на одной страницѣ) означенное выраженіе встрѣчается восемь разъ.

съ этими сбивчивыми значеніями терминъ „раціонализмъ“ употребляется также и въ смыслѣ названія того философскаго направленія, которое было господствующимъ на континентѣ Европы въ XVII-мъ и въ первой половинѣ XVIII-го вѣка. А это направленіе, какъ разъ, и отличается той особенностью, что оно исходитъ изъ убѣжденія, будто бы всѣ реальныя связи и отношенія сполна разлагаются на чисто-логическія [1]). И если приписывать термину „раціонализмъ“ одно лишь это значеніе, то онъ становится безспорно полезнымъ для науки; ибо, съ одной стороны, онъ пріобрѣтаетъ точно опредѣленный и вполнѣ ясный смыслъ, а съ другой—онъ необходимъ въ исторіи философіи для обозначенія только-что указаннаго періода въ развитіи континентальной европейской философіи. По всему этому *условимся въ дальнѣйшемъ изложеніи подразумѣвать подъ раціонализмомъ только убѣжденіе въ разложимости всѣхъ реальныхъ связей и отношеній на чисто-логическія;* ибо намъ придется имѣть дѣло только съ этимъ убѣжденіемъ.

По двумъ причинамъ раціонализмъ обязываетъ насъ считать метафизическое знаніе осуществимымъ. Одна изъ нихъ состоитъ вотъ въ чемъ: *если метафизическое знаніе неосуществимо, то мы обязаны объяснять природу одними только законами природы* (сравн. выше, стр. 351); *но раціонализмъ не можетъ примириться съ этой обязанностью*, пот. что при такихъ объясненіяхъ всегда останется кое-что въ видѣ непонятнаго, т.-е. необъяснимаго остатка, который мы принуждены допускать, какъ засвидѣтельствованный опытомъ фактъ, безъ всякихъ объясненій, почему онъ существуетъ. Раціонализмъ же, какъ сказано выше, на стр. 395, стремится къ такимъ объясненіямъ, при которыхъ все дѣлалось бы логически необходимымъ, слѣд. вполнѣ понятнымъ, такъ чтобы уже не было мѣста вопросу „почему“, именно: „почему существуетъ этотъ фактъ?“ По всему этому *раціонализмъ принужденъ дополнять чисто-имманентныя объясненія природы метафизическими въ надеждѣ, что послѣднія вполнѣ устранятъ возникновеніе вопроса „почему“*. Впрочемъ, нужно еще удостовѣриться, что при чисто-имманентныхъ объясненіяхъ природы всегда остается кое-что непонятнымъ, т.-е. необъяснимымъ. Это мы подтвердимъ двумя слѣдующими примѣрами:

1. *Существованіе природы не можетъ быть объяснено посредствомъ однихъ лишь законовъ природы, т.-е. чисто-имманентнымъ путемъ, потому что сами-то законы природы дѣйствуютъ только тогда, когда уже существуетъ природа.* Напр., законъ всемірнаго тяготѣнія дѣйствуетъ только въ томъ случаѣ, когда уже существуютъ подчиненныя ему тѣла. Такъ же дѣло стоитъ и съ закономъ Архимеда, и со всякимъ другимъ закономъ природы. *Дѣйствіе каждаго закона природы уже пред-*

[1]) Подробнѣе объ этомъ см. въ моей (вступительной къ I-му выпуску „Трудовъ С.-Петербургскаго Философскаго Общества, состоящему изъ перевода „Метафизическихъ размышленій“ Декарта, Спб. 1901 г.) статьѣ „Декартъ и раціонализмъ“.

полагаетъ существованіе природы, такъ что явно непозволительно ссылаться на законы природы для объясненія ея существованія. Ими позволительно объяснять только то, что̀ наблюдается въ *уже существующей* природѣ, но не самое существованіе природы: иначе получится заколдованный кругъ въ нашихъ объясненіяхъ. Такимъ образомъ, если наши объясненія природы должны быть чисто-имманентными, безъ всякой примѣси метафизики, то существованіе природы образуетъ собой одинъ изъ необъяснимыхъ остатковъ. Вѣдь при каждомъ объясненіи съ помощью однихъ лишь законовъ природы приходится *исходить* изъ допущенія существованія природы; слѣд. при *такихъ* объясненіяхъ приходится ея существованіе допускать просто, какъ засвидѣтельствованный опытомъ фактъ, безъ всякой надежды отвѣтить на вопросъ: „почему существуетъ этотъ фактъ?“

2. *При чисто-имманентныхъ объясненіяхъ природы у насъ должна остаться бо́льшая или меньшая группа такихъ законовъ природы, которые необъяснимы, какъ слѣдствіе существованія другихъ законовъ*, пот. что при чисто-имманентныхъ объясненіяхъ природы законы природы нужно объяснять только, какъ слѣдствія другихъ законовъ природы (см. выше, стр. 395). Слѣд., въ лучшемъ случаѣ, именно—при идеальномъ развитіи науки, останутся необъяснимыми одни лишь *основные* законы. Подъ этимъ именемъ подразумѣваются такіе законы природы, съ помощью которыхъ можно было бы объяснить всѣ ея остальные законы. Обыкновенно же, пока наука далека отъ своего идеала, на-ряду съ основными законами въ этой необъяснимой группѣ окажутся еще и такіе *производные* законы, которыхъ мы пока еще не умѣемъ вывесть изъ другихъ. При этомъ остается открытой и та возможность, что нѣкоторые изъ законовъ природы, которые теперь кажутся основными, могутъ быть выведены при дальнѣйшемъ развитіи науки изъ другихъ законовъ. Но, какъ бы ближайшимъ образомъ ни стояло дѣло въ разные моменты развитія науки, очевидно, *всегда* будутъ оставаться такіе законы природы, которые не поддаются чисто-имманентному объясненію, т.-е. невыводимы изъ другихъ, а допускаются нами, какъ засвидѣтельствованный опытомъ фактъ, безъ всякихъ объясненій, почему онъ существуетъ.

Другая же причина, по которой раціонализмъ обязываетъ насъ считать метафизическое знаніе осуществимымъ, состоитъ въ томъ, что *для примиренія раціонализма съ данными опыта необходимо прибѣгать къ помощи метафизическихъ объясненій природы.* Дѣло въ томъ, что тѣ связи и отношенія, съ которыми мы встрѣчаемся въ опытѣ, оказываются вовсе не логическими. Напр., связь нагрѣванія желѣза съ производимымъ имъ дѣйствіемъ, именно—съ расширеніемъ желѣза, отнюдь не составляетъ логической связи, какъ мы убѣдились въ этомъ еще на стр. 300. *Если же мы исповѣдуемъ раціонализмъ, то для примиренія его съ данными опыта мы обязаны утверждать, что бытіе не исчерпывается однимъ лишь имманентнымъ міромъ, и что въ трансцендентномъ мірѣ скрыты такія причины, изъ которыхъ съ логической необходимостью вытекаютъ всѣ*

данныя намъ въ опытѣ связи и отношенія, такъ что послѣднія только до тѣхъ поръ *кажутся* неразложимыми на чисто-логическія, пока мы ихъ беремъ сами по себѣ, отдѣльно отъ трансцендентныхъ причинъ, производящихъ эти связи и отношенія. Напр., о связи нагрѣванія желѣза съ его расширеніемъ мы обязаны утверждать, что первое служитъ отнюдь не истинной, а всего только кажущейся причиной второго (ибо истинная причина, по мнѣнію раціоналиста, должна быть въ логической связи съ своимъ дѣйствіемъ), и что въ истинномъ-то бытіи скрывается такая причина, которая съ логической необходимостью принуждаетъ нагрѣваніе желѣза *казаться* причиной расширенія этого тѣла, т.-е. съ логической необходимостью принуждаетъ одновременно съ его нагрѣваніемъ возникать и его расширеніе.

По всему этому, если у насъ есть наклонность къ раціонализму, то намъ непремѣнно должно казаться метафизическое знаніе осуществимымъ. Какъ бы ни доказывали намъ его неосуществимость, у насъ все-таки будетъ бродить мысль, что при полномъ научномъ объясненіи природы никакъ нельзя обойтись безъ метафизики, что безъ нея многое останется необъяснимымъ, а съ ея помощью все станетъ *насквозь понятнымъ*. А слѣдующіе факты доказываютъ, что у насъ есть сильнѣйшая наклонность къ раціонализму.

Припомнимъ прежде всего то недовольство, которое мы испытывали, когда, бывало, впервые узнавали, что одно явленіе служитъ причиной другого, а не видѣли между ними никакой логической связи. Лишь постепенно, когда мы уже успѣвали *свыкнуться* съ этимъ знаніемъ, исчезало наше недовольство; а до той поры намъ хотѣлось бы сдѣлать причинную связь этихъ явленій, напр. связь пріема хины съ пониженіемъ температуры, не просто извѣстной намъ, не просто доказанной при помощи опыта, а еще понятной, т.-е. логически необходимой.

Далѣе, вспомнимъ, съ какою неохотою нашъ умъ допускаетъ дѣйствія на разстояніи или вдаль—actio in distans, хотя бы всемірное притяженіе. Мы говоримъ не о XVII вѣкѣ, когда господствовалъ раціонализмъ. Вполнѣ естественно, что тогда почти всѣ мыслители и ученые считали Ньютоновскій законъ только математической формулой, выражающей взаимоотношеніе явленій, истинная причина котораго состоитъ въ толчкѣ частицъ незамѣтной междупланетной среды, такъ подталкивающей планеты къ солнцу и другъ къ другу, что онѣ сближаются по закону Ньютона, т.-е. съ скоростями, прямо пропорціональными произведенію массъ и обратно пропорціональными квадратамъ разстояній. Вѣдь съ раціоналистической точки зрѣнія нельзя допускать въ субстанціи такихъ дѣйствій, которыя не вытекаютъ изъ ея природы (сравн. выше, стр. 395); а изъ понятія тѣла вовсе не вытекаетъ, чтобы оно дѣйствовало вдаль или на нѣкоторомъ разстояніи отъ него. Но мы имѣемъ въ виду вторую половину XIX в., когда господство раціонализма подъ вліяніемъ работъ Юма и Канта уже давно рухнуло. Именно: въ 60-хъ годахъ XIX в., послѣ продолжительнаго разрыва естествознанія съ философіей, снова возникло отрицаніе возможности

дѣйствій на разстояніи. Однимъ изъ самыхъ видныхъ первыхъ отрицателей былъ Секки, сочиненіе котораго „Единство физическихъ силъ“ вышло первымъ изданіемъ въ 1864 г. А въ 70-хъ годахъ въ Бреславлѣ составилось даже ученое общество съ исключительной цѣлью объяснить существованіе закона Ньютона безъ помощи дѣйствій на разстояніи. Съ той поры множество натуралистовъ считали такія дѣйствія явно невозможными. Въ 80-хъ годахъ О. Д. Хвольсонъ произнесъ даже такую неосторожную фразу: „въ настоящее время ни одинъ мыслящій физикъ не признаетъ такого дѣйствія одного тѣла на другое“. Эту фразу потому надо считать неосторожной, что никоимъ образомъ нельзя примѣнить ее къ такимъ знаменитымъ физикамъ, какъ В. Веберъ, Целльнеръ, Гельмгольцъ, Гирнъ; ибо они допускаютъ дѣйствія на разстояніи. А на что указываетъ такое враждебное отношеніе къ дѣйствіямъ на разстояніи, доходящее даже иногда до явной неосторожности? Вѣдь нѣтъ ни одной данной опыта, которая противорѣчила бы ихъ признанію. Слѣдовательно, здѣсь мы имѣемъ дѣло съ проявленіемъ какой-то особой умственной наклонности. Съ какой же? Съ наклонностью къ раціонализму. Въ самомъ дѣлѣ, чѣмъ мотивируютъ противники дѣйствій на разстояніи свое отрицаніе этихъ дѣйствій? Одной лишь ихъ *непонятностью:* нельзя понять, говорятъ они, какъ можетъ тѣло дѣйствовать тамъ, гдѣ его нѣтъ, вдали отъ него. Противники дѣйствій на разстояніи только и дѣлаютъ, что повторяютъ одну и ту же фразу: „тѣло не можетъ дѣйствовать тамъ, гдѣ его нѣтъ—corpus ibi agere non potest, ubi non est“, и это безъ всякихъ доказательствъ, т.-е. они ссылаются на эту фразу, какъ на истину самоочевидную, *логически необходимую* [1]). А все это означаетъ, что отрицатели дѣйствій на разстояніи предполагаютъ, что дѣйствія всякаго тѣла должны стоять въ *логической* связи съ понятіемъ тѣла, т.-е. они обнаруживаютъ явную наклонность къ раціонализму, усилившуюся среди натуралистовъ во времена ихъ разрыва съ философіей.

Наконецъ, всѣми признано, что нашъ умъ во всемъ сильнѣйшимъ образомъ стремится къ монизму, т.-е. къ объясненію разнообразныхъ фак-

[1]) Выведенный изъ терпѣнія этимъ грубымъ догматизмомъ, лейпцигскій астро-физикъ Целльнеръ очень остроумно отвѣтилъ противникамъ дѣйствій на разстояніи другой фразой (въ своихъ Principien einer elektro-dynamischen Theorie der Materie, Leipzig 1876 г.): „тамъ-то именно и не можетъ тѣло дѣйствовать на другое, гдѣ находится первое“. Вѣдь два тѣла всегда занимаютъ два *разныхъ* мѣста; слѣд., всякое тѣло всегда дѣйствуетъ на другое только тамъ, гдѣ нѣтъ перваго. Все это очень остроумно, но разумѣется однимъ лишь логическимъ изслѣдованіемъ понятій тѣла и его мѣстонахожденія мы ничего не узнаемъ ни объ его дѣйствіи, ни того, гдѣ именно оно дѣйствуетъ на другое тѣло, ни даже того, дѣйствуетъ ли оно вообще на другое тѣло; ибо ни то, ни другое, ни третье не подразумѣвается въ понятіи тѣла и его мѣстонахожденія. Замѣчу кстати: здѣсь я отнюдь не стремлюсь доказать необходимость допускать дѣйствія на разстояніи. Я только пользуюсь ихъ отрицаніемъ, какъ симптомомъ наклонности къ раціонализму: я лишь подчеркиваю тотъ фактъ, что отрицаніе этихъ дѣйствій вызывается вовсе не данными опыта, а только умственной наклонностью считать *завѣдомо* не существующимъ все то, что логически невыводимо изъ существующихъ вещей, хотя и не противорѣчитъ имъ.

товъ *однимъ* (по-гречески μόνος) началомъ. Нашъ умъ чувствуетъ себя крайне неудовлетвореннымъ, коль скоро находитъ себя вынужденнымъ объяснять что-нибудь при помощи нѣсколькихъ началъ, несводимыхъ къ одному общему. Многими эта потребность выставляется даже, какъ вполнѣ *достаточное* основаніе въ пользу монизма, и они находятъ возможнымъ опровергать немонистическія воззрѣнія одной лишь ссылкой на нее: такъ сильна эта наклонность. Но почему же относятся къ ней съ такимъ довѣріемъ? Вѣдь если монизмъ подтверждается фактами, то для его подтвержденія надо ссылаться на факты, а не на потребности ума. Но въ томъ-то и дѣло, что факты нисколько не доказываютъ монизма: они такъ разнообразны и разнородны, что едва-ли не легче мирятся съ немонистическими воззрѣніями, чѣмъ съ монизмомъ. Почему же тогда послѣдній съ такой силой привлекаетъ насъ, что мы ссылаемся на его необходимость, какъ бы на вещь саму собой очевидную, какъ бы на логически необходимое требованіе? Именно отъ того, что мы всегда склоняемся судить обо всемъ раціоналистически. Если мы исподтишка допускаемъ разложеніе всѣхъ отношеній на логическія, то мы уже не можемъ остановиться на признаніи нѣсколькихъ разнородныхъ началъ, потому что, вслѣдствіе ихъ разнородности, отношеніе ихъ сосуществованія между собой не можетъ быть сведено къ чисто логическимъ отношеніямъ. Только въ томъ случаѣ можно надѣяться рано-или поздно разложить всѣ отношенія на чисто логическія, если все существующее образуетъ разнообразныя слѣдствія единаго начала. Такимъ образомъ это стремленіе тоже служитъ однимъ изъ доказательствъ сильнѣйшей наклонности нашего ума къ раціонализму.

2. Двоякій путь опроверженія раціонализма. Неосуществимость раціоналистическаго объясненія существованія природы и ошибочность онтологическаго доказательства существованія Бога. Раціонализмъ — ложное убѣжденіе, и его ошибочность можетъ быть изобличена двоякимъ путемъ: исторически и чисто-теоретически. Историческій путь исходитъ изъ того соображенія, что если бы раціонализмъ соотвѣтствовалъ дѣйствительности, то *можно* было бы построить такія метафизическія объясненія природы, послѣ которыхъ все въ ней сдѣлалось бы логически необходимымъ, такъ что не оставалось бы никакого необъяснимаго остатка, и уже не было бы мѣста для новаго возникновенія вопроса „почему?“ Раціонализмъ, разумѣется, пытался дать такія объясненія природы, но этими попытками онъ добился только того, что выяснилъ неосуществимость своей цѣли, какъ это мы покажемъ сейчасъ на двухъ примѣрахъ: на объясненіи существованія природы и на объясненіи связи душевныхъ явленій съ тѣлесными. Чисто-теоретическое же изобличеніе ошибочности раціонализма состоитъ въ обнаруженіи его противорѣчія съ правилами логики.

Мы начнемъ дѣло съ историческаго пути и разсмотримъ, къ чему приводятъ метафизическія объясненія природы, построенныя въ духѣ раціонализма. Вовсе не къ тому, къ чему стремится раціонализмъ, вовсе не къ тому, чтобы послѣ этихъ объясненій не оставалось никакого необъясни-

маго остатка, а все дѣлалось логически необходимымъ, т.-е. насквозь понятнымъ и поэтому уже невозбуждающимъ вопроса „почему“. Напротивъ, здѣсь *снова получается необъяснимый остатокъ, который мы должны допустить просто, какъ фактъ, безъ всякаго объясненія, почему существуетъ такой фактъ; только этотъ остатокъ будетъ не тотъ, который появляется при чисто-имманентныхъ объясненіяхъ, но совсѣмъ другой. Именно: при чисто-имманентныхъ объясненіяхъ природы необъяснимымъ остаткомъ служитъ такой фактъ, существованіе котораго засвидѣтельствовано опытомъ; а при метафизическихъ объясненіяхъ такимъ остаткомъ служитъ какое-нибудь трансцендентное предположеніе, которое, какъ трансцендентное, конечно, не можетъ быть засвидѣтельствовано опытомъ, но допускается нами, какъ средство, необходимое для нашихъ объясненій.*

Посмотримъ прежде всего, какъ раціонализмъ объясняетъ существованіе природы. При чисто-имманентныхъ объясненіяхъ природы ея существованіе образуетъ необъяснимый остатокъ, т.-е. это существованіе приходится допускать, какъ засвидѣтельствованный опытомъ фактъ, безъ всякой надежды объяснить его чисто-имманентнымъ путемъ (сравн. выше, стр. 396). Раціонализмъ же объясняетъ этотъ фактъ метафизическимъ путемъ, именно— какъ слѣдствіе существованія Бога: по мнѣнію раціоналистовъ изъ существованія Бога вытекаетъ существованіе природы. Допустимъ и мы, будто бы изъ существованія Бога дѣйствительно вытекаетъ такое слѣдствіе. Но къ чему приводитъ это метафизическое дополненіе къ чисто-имманентнымъ объясненіямъ природы? Къ тому, что снова получается необъяснимый остатокъ, только не въ видѣ засвидѣтельствованнаго опытомъ существованія природы, а въ видѣ допущеннаго нами существованія Бога. Вѣдь Его существованіе намъ нечѣмъ объяснить, если мы спросимъ себя, почему Онъ существуетъ. А въ то же время Его существованіе вовсе не понятно само собой. Оно только кажется вполнѣ понятнымъ вслѣдствіе давнишней привычки думать о Богѣ, какъ существующемъ, т.-е. въ силу неразрывной ассоціаціи, установившейся между понятіемъ Бога и понятіемъ существованія (сравн. выше, стр. 102). Такимъ образомъ, въ примѣненіи къ существованію природы цѣль раціонализма остается недостигнутой. Онъ, конечно, объясняетъ загадку существованія природы, но цѣной появленія новой загадки, а вовсе не такъ, чтобы послѣ его метафизическихъ объясненій уже не возникалъ вопросъ „почему“. При чисто-имманентныхъ объясненіяхъ остается непонятнымъ, почему существуетъ природа, а теперь настолько же непонятно, почему существуетъ Богъ. Слѣд., и тамъ и здѣсь послѣ нашихъ объясненій возникаетъ вопросъ „почему“.

Цѣль раціонализма при объясненіи существованія природы была бы достигнута только въ томъ случаѣ, если бы въ понятіи Бога уже подразумѣвалось Его существованіе. Тогда сужденіе „Богъ существуетъ“ было бы аналитическимъ, т.-е. логически необходимымъ и само собой понятнымъ (сравн. выше, стр. 297), такъ что спрашивать „почему Богъ су-

ществуетъ“ было бы настолько же излишнимъ, какъ и спрашивать „почему квадратъ прямоугольенъ“. И еще раньше, чѣмъ раціонализмъ сдѣлался господствующимъ направленіемъ, одинъ изъ средневѣковыхъ ученыхъ, Анзельмъ Кентерберійскій (епископъ въ Кентербери), жившій въ XI в., сталъ утверждать, будто бы въ понятіи Бога дѣйствительно подразумѣвается Его существованіе. Поэтому онъ построилъ особое, еще не встрѣчавшееся до него, доказательство существованія Бога, прозванное *онтологическимъ аргументомъ* (т.-е. учащимъ о сущности). Отъ другихъ доказательствъ бытія Бога этотъ аргументъ отличается тѣмъ, что въ немъ существованіе Бога выводится не изъ чего другого, какъ только изъ понятія (или мыслимой въ немъ сущности) Бога. Конечно, если бы онтологическое доказательство было правильнымъ, то это было бы важнымъ пріобрѣтеніемъ для раціонализма. Но этотъ аргументъ неправиленъ: онъ исходитъ изъ *ложной* предпосылки.

Онъ состоитъ въ слѣдующемъ разсужденіи. Подъ Богомъ мы разумѣемъ существо наисовершеннѣйшее, слѣд.—такое, *совершеннѣе котораго нельзя и помыслить т.-е. нельзя придумать*. Если же мы допустимъ, что Бога нѣтъ, то намъ ничто не мѣшаетъ на-ряду съ понятіемъ Бога *придумать* понятіе такого другого существа, которое, обладая всѣми совершенствами, принадлежащими несуществующему Богу, въ то же время еще и существуетъ. Назовемъ это существо черезъ X. Тогда у этого существа X будутъ всѣ тѣ же совершенства, какъ и у Бога, а сверхъ того еще новое, именно — существованіе. Отсюда выходитъ, что существо X мыслится нами въ болѣе совершенномъ видѣ, чѣмъ Богъ. Но это явная нелѣпость: вѣдь подъ Богомъ мы подразумѣваемъ такое существо, совершеннѣе котораго *нельзя* и помыслить; а теперь мы мыслимъ существо X, болѣе совершенное, чѣмъ Богъ. Произошла же эта нелѣпость вслѣдствіе допущенія, что Бога нѣтъ. Слѣд., уже самое понятіе Бога запрещаетъ намъ допускать, что Его нѣтъ, т.-е. принуждаетъ насъ мыслить Его не иначе, какъ существующимъ.

Анзельмъ въ такой именно формѣ изложилъ онтологическій аргументъ. Тотчасъ же, какъ только онъ обнародовалъ свое открытіе, противъ него выступилъ монахъ Гаунилонъ [1]), который справедливо указывалъ, что мы можемъ мыслить любую вещь въ сколь угодно совершенномъ видѣ, но она отъ этого не станетъ существующей: мы можемъ мыслить наисовершеннѣйшій волшебный замокъ, но онъ не будетъ существовать вслѣдствіе своего совершенства. Тѣмъ не менѣе, онтологическій аргументъ пришелся по вкусу всѣмъ раціоналистамъ XVII и XVIII в.в., и они повторяли его, съ нѣкоторыми только измѣненіями, вплоть до конца XVIII столѣтія, когда Кантъ своей „Критикой чистаго разума“ подорвалъ вѣру въ него. И первый раціона-

[1]) Сочиненіе его озаглавлено „Liber pro insipiente“ (т.-е. книга въ защиту безумца). Оно имъ названо такъ потому, что Анзельмъ, излагая свой аргументъ, упоминаетъ тамъ слѣдующія слова (заимствованныя изъ одного псалма): когда „рече безумецъ въ сердцѣ своемъ—нѣсть Богъ“, то и онъ подъ Богомъ подразумѣваетъ наисовершеннѣйшее существо.

листъ Декартъ придалъ этому аргументу наипростѣйшую форму, именно— слѣдующую: Богъ есть существо наисовершеннѣйшее, т.-е. Его понятіе охватываетъ всѣ мыслимыя совершенства; слѣд., Ему присуще и существованіе. Иначе у Него не хватало бы одного изъ совершенствъ.

Кантъ удачно опровергъ сразу всѣ видоизмѣненія онтологическаго аргумента указаніемъ на то, что всякое сужденіе о существованіи можетъ быть только синтетическимъ (сравн. выше, стр. 93), пот. что бытіе никогда не составляетъ признака, входящаго въ составъ содержанія понятія. *Понятіе* любой вещи, разсуждаетъ Кантъ, не измѣняется отъ того, существуетъ ли она или нѣтъ. *Понятіе* ста талеровъ, говоритъ онъ, не измѣняется отъ того, лежатъ ли они у меня въ карманѣ или нѣтъ. Значитъ, и сужденіе о существованіи Бога не можетъ быть аналитическимъ, т.-е. въ понятіи Бога еще не подразумѣвается Его существованіе; и содержаніе понятія Бога не измѣняется, мыслю ли я Его существующимъ или несуществующимъ. Онтологическій же аргументъ исходитъ изъ ложной предпосылки, будто бы самое *содержаніе* понятія Бога (т.-е. совокупность признаковъ, мыслимыхъ въ этомъ понятіи) мѣняется въ зависимости отъ того, мыслю ли я Его существующимъ или несуществующимъ.

Но мы не ограничимся однимъ только кантовскимъ опроверженіемъ онтологическаго аргумента, пот. что защитники послѣдняго придумали такое хитрое возраженіе противъ Канта: въ понятіи Бога мыслится совершенно *исключительное* существо. Поэтому въ видѣ *исключенія* изъ общаго правила сужденіе „Богъ существуетъ“ аналитическое. Всѣ остальныя сужденія о существованіи, напр.—о существованіи ста талеровъ, дѣйствительно синтетическія. Въ этомъ Кантъ правъ. Но сужденіе о существованіи Бога аналитическое. Хотя и нельзя согласиться съ мнѣніемъ, будто бы понятіе Бога въ видѣ *исключенія* не подчиняется правиламъ логики [1]), все-таки мы къ кантовскому опроверженію онтологическаго аргумента присоединимъ еще свое собственное, именно:

Какъ бы ни видоизмѣняли разные философы онтологическій аргументъ, въ немъ всегда удерживаются двѣ существенныхъ черты: 1—Бога всегда опредѣляютъ при этомъ, какъ существо наисовершеннѣйшее (ens perfectissimum; summe perfectum; id quo majus cogitari non potest и т. п.), откуда выходитъ, что Онъ есть совокупность всѣхъ совершенствъ, какія только можно мыслить; 2—существованіе всегда отожествляется съ совершен-

[1]) Если мы допускаемъ вмѣстѣ съ Кантомъ, что вещи въ себѣ подчинены закону противорѣчія, то къ понятію Бога примѣнимы всѣ правила логики, и сужденіе о существованіи Бога, какъ и всякое другое сужденіе о существованіи, должно быть синтетическимъ. Если же Богъ въ видѣ исключенія изъ сдѣланнаго нами допущенія о вещахъ въ себѣ не подчиненъ закону противорѣчія, то къ понятію Бога, конечно, непримѣнимы правила логики, пот. что всѣ они обусловлены логическими законами мышленія (см. выше, стр. 301). Но тогда *никакое* сужденіе о Богѣ не можетъ быть аналитическимъ, т.-е. логически необходимымъ, пот. что логическая необходимость обусловлена закономъ противорѣчія (см. выше, стр. 297).

ствомъ, считается однимъ изъ совершенствъ. Изъ этихъ-то двухъ посылокъ и складывается всегда онтологическій аргументъ, а все прочее служитъ лишь поясненіемъ къ нимъ, какъ это ясно изъ сравненія тѣхъ формъ аргумента, которыя ему придали Анзельмъ и Декартъ.

Очевидно, *центръ тяжести онтологическаго аргумента состоитъ въ предпосылкѣ, будто бы бытіе или существованіе есть совершенство, такъ что осуществленіе мыслимой вещи дѣлаетъ ее болѣе совершенной, чѣмъ прежде.* Онтологическій аргументъ стоитъ и падаетъ вмѣстѣ съ этой предпосылкой. Но это—ложная предпосылка. Въ самомъ дѣлѣ:

1. *Бытіе (или существованіе) составляетъ понятіе болѣе общее, чѣмъ совершенство и несовершенство;* ибо существуетъ и совершенство и несовершенство, такъ что само-то существованіе (или бытіе) не составляетъ еще ни того, ни другого.

2. Если бы существованіе было совершенствомъ, то слѣдовало бы непремѣнно осуществлять всякій гнусный поступокъ, какой придетъ намъ въ голову, пот. что когда онъ осуществится, то онъ пріобрѣтетъ нѣкоторое совершенство, котораго у него не можетъ быть, пока онъ остается только мыслимымъ. Но ясно, что совершеннѣе не осуществлять мыслимаго гнуснаго поступка, чѣмъ осуществить его.

Такимъ образомъ, бытіе нельзя считать совершенствомъ, и онтологическій аргументъ невѣренъ. Конечно, это еще не значитъ, что Бога нѣтъ, зато значитъ, что и про Него мы въ правѣ спрашивать, *почему* Онъ существуетъ [1]). Слѣд., когда раціонализмъ объясняетъ существованіе природы существованіемъ Бога, то онъ вовсе не даетъ такихъ объясненій, послѣ которыхъ все становилось бы вполнѣ понятнымъ, но только замѣняетъ одну

[1]) Въ защиту онтологическаго аргумента противъ меня выступилъ (въ журн. „Вѣра и Разумъ“ за 1909 г., № XXI, въ статьѣ „Вѣра и знаніе“) проф. Глаголевъ. Онъ цѣликомъ выписываетъ мою критику этого аргумента и послѣ того прибавляетъ такое возраженіе: „остановимся на послѣднемъ доводѣ проф. Введенскаго. Смыслъ его тотъ: осуществившееся зло есть большее зло, чѣмъ неосуществившееся. Но если это справедливо, то, значитъ, справедливо и то, что осуществившееся добро есть большее добро, чѣмъ неосуществившееся. А если это такъ, то онтологическій аргументъ возрождается вновь, какъ фениксъ изъ пепла“ (l. c. стр. 367). Но это возраженіе проходитъ мимо меня; ибо смыслъ моего второго довода вовсе не въ томъ, что осуществившееся зло есть большее зло, чѣмъ неосуществившееся, но въ томъ, что осуществленіе зла не дѣлаетъ его болѣе предпочтительнымъ, менѣе дурнымъ, чѣмъ прежде, а это должно бы происходить, если бы существованіе было совершенствомъ. И для меня совершенно безразлично, составляетъ ли осуществившееся зло большее зло, чѣмъ неосуществившееся, или же равное съ нимъ; важно лишь, что оно не становится *меньшимъ* вслѣдствіе осуществленія. Если же соображенія проф. Глаголева разсматривать независимо отъ того, какъ они относятся къ моему второму доводу, то они не только не возрождаютъ онтологическаго аргумента, но изъ нихъ можно вывесть новый доводъ противъ него. Оказывается, что осуществленіе, значитъ—и существованіе, приводитъ то къ росту добра, то къ росту зла, то къ росту мірового совершенства, то къ росту несовершенства міра. Слѣд., само-то существованіе, вопреки предпосылкѣ онтологическаго аргумента, ни то, ни другое: ни добро, ни зло; ни совершенство, ни несовершенство.

загадку другой загадкой. Онъ вовсе не устраняетъ возникновенія вопроса „почему“, но только заставляетъ его возникнуть по поводу другого предмета, чѣмъ прежде (сравн. выше, стр. 400—401).

3. Неосуществимость раціоналистическихъ объясненій причинныхъ связей между душевными и тѣлесными явленіями: окказіонализмъ, престабилизмъ и психофизическій монизмъ. Раціоналисты съ большимъ усердіемъ старались раціонализировать, т.-е. свести къ чисто логическимъ связямъ и этимъ путемъ сдѣлать вполнѣ понятными тѣ причинныя связи, которыя подмѣчаются между душевными и тѣлесными явленіями. При чисто-имманентныхъ объясненіяхъ природы говорится только, что раздраженіе чувствующаго нерва вызываетъ опредѣленное ощущеніе, а хотѣніе—опредѣленное движеніе. Но каждый изъ этихъ двухъ законовъ допускается, какъ засвидѣтельствованный опытомъ фактъ, безъ всякаго объясненія, почему существуетъ этотъ фактъ, такъ что послѣдній образуетъ остатокъ, необъяснимый чисто-имманентнымъ путемъ.

Раціоналисты же объявили, что въ этихъ объясненіяхъ указываются однѣ лишь кажущіяся, а вовсе не истинныя причины возникновенія ощущеній и движеній; ибо нѣтъ ни малѣйшей логической связи между ощущеніемъ и нервнымъ раздраженіемъ, между тѣлеснымъ движеніемъ и хотѣніемъ, такъ что остается совершенно непонятнымъ, *почему* должно возникать ощущеніе, коль скоро возникло соотвѣтственное нервное раздраженіе, и почему должно возникнуть во мнѣ тѣлесное движеніе, напр.—*почему* моя рука должна подняться, коль скоро возникло соотвѣтственное хотѣніе. Поэтому раціоналисты усиленно старались съ помощью метафизическихъ предположеній такъ объяснить эти факты, чтобы они стали вполнѣ понятными и невозбуждающими вопроса „почему“. Для достиженія этой цѣли они перепробовали всевозможныя объясненія, но добились только одного: этими же самыми объясненіями они подорвали вѣру въ раціонализмъ; ибо оказалось, что ни одно изъ ихъ объясненій не достигаетъ своей цѣли и взамѣнъ объясняемой загадки обязательно создаетъ другую. Въ самомъ дѣлѣ:

Одно изъ этихъ объясненій, построенное Гейлинксомъ (ум. въ 1669 г.) и называемое *окказіонализмомъ*, состоитъ въ слѣдующемъ: Богъ *по поводу* моего хотѣнія поднять руку вызываетъ въ моемъ тѣлѣ соотвѣтственное движеніе. Само же по себѣ хотѣніе безсильно достичь этого, потому что въ немъ вовсе не подразумѣвается такой результатъ. Но такъ какъ намъ вмѣшательство Бога остается незамѣтнымъ, мы не сознаемъ его, то намъ *кажется*, будто бы само же наше хотѣніе и производитъ тѣлесное движеніе, служитъ его причиной. Точно также Богъ по *поводу* раздраженія чувствующаго нерва вызываетъ въ нашей душѣ соотвѣтственное ощущеніе. А такъ какъ мы не сознаемъ дѣятельности Бога, то намъ *кажется*, будто бы ощущенія возникаютъ вслѣдствіе однихъ лишь нервныхъ раздраженій, будто бы послѣднія служатъ причиной возникновенія ощущеній, хотя въ дѣйствительности это невозможно вслѣдствіе отсутствія логической связи между ощущеніемъ и нервнымъ раздраженіемъ. Такова окказіоналистиче-

ская теорія. Свое названіе она получила отъ латинскаго слова occasio, такъ какъ она то, что считается причинами ощущеній и движеній, превращаетъ въ *поводы* для дѣятельности Бога. Легко замѣтить, что въ окказіонализмѣ взамѣнъ объясняемой загадки появляется новая. Прежде мы не понимали, почему вмѣстѣ съ хотѣніемъ возникаетъ соотвѣтственное движеніе нашего тѣла, а вмѣстѣ съ нервнымъ раздраженіемъ соотвѣтственное ощущеніе; теперь же *мы не понимаемъ, почему Богъ поступаетъ такъ, какъ описываетъ окказіонализмъ. Въдь такое поведеніе Бога вовсе не подразумѣвается въ понятіи Бога.* Развѣ, напр., подразумѣвается въ понятіи Бога, что если я захочу ударить кого-нибудь, то Онъ подниметъ мою руку и направитъ ее на того, кого мнѣ захочется ударить?

Другое объясненіе носитъ названіе *престабилизма или теоріи предустановленной гармоніи* — harmonia *praestabilita*. Оно составлено Лейбницемъ (ум. въ 1716 г.). Сущность его такова: причиной тѣлеснаго явленія всегда служитъ тѣлесное же явленіе, и причиной каждаго душевнаго явленія служитъ непремѣнно только душевное явленіе, такъ что никакое наше хотѣніе не служитъ причиной возникновенія движенія, и никакое раздраженіе чувствующаго нерва не служитъ причиной ощущенія. Но Богъ искони и душевную и тѣлесную жизнь такъ приноровилъ другъ къ другу, *предуставилъ* между ними такую *гармонію* (откуда и происходитъ названіе этой гипотезы), что при возникновеніи опредѣленнаго хотѣнія всегда возникаетъ строго опредѣленное тѣлесное движеніе, а при раздраженіи чувствующаго нерва возникаетъ опредѣленное ощущеніе. Поэтому намъ и *кажется*, будто бы хотѣнія служатъ *причиной* нашихъ движеній, а раздраженія чувствующаго нерва *причинами* ощущеній. Такое взаимоотношеніе душевной жизни къ тѣлесной можно пояснить слѣдующимъ примѣромъ, который былъ указанъ самимъ Лейбницемъ: предположимъ, что искусный мастеръ устроилъ два часовыхъ механизма, которые двигались бы вполнѣ согласнымъ образомъ другъ съ другомъ, и, пуская ихъ въ ходъ, поставилъ стрѣлки каждаго циферблата на одинаковыхъ цифрахъ. Тогда, разумѣется, мы постоянно будемъ находить полное соотвѣтствіе въ положеніи стрѣлокъ тѣхъ и другихъ часовъ, но не потому, чтобы движеніе стрѣлокъ одного механизма служило *причиной* движенія стрѣлокъ другого, а только потому, что ходъ однихъ часовъ съ самаго начала приноровленъ къ ходу другихъ. Если же мы не знаемъ ни этого, ни того, какъ устроены часы, то намъ будетъ *казаться*, будто бы стрѣлки однихъ часовъ *вліяютъ* на стрѣлки другихъ. Но объясненіе Лейбница также, какъ и окказіонализмъ, взамѣнъ объясняемой загадки наталкивается на новую загадку, именно: *остается непонятнымъ, почему Богъ такъ приноровилъ другъ къ другу душевную и тѣлесную жизнь, какъ это описываетъ Лейбницъ. Въдь нѣтъ логической связи между понятіемъ Бога и подобнымъ приноровленіемъ.* Послѣднее въ теоріи Лейбница служитъ такимъ же необъяснимымъ остаткомъ, какъ и поведеніе Бога, предполагаемое окказіонализмомъ.

Наконецъ, третье объясненіе было построено Спинозой (ум. въ 1676 г.).

Впослѣдствіи, именно — въ XIX столѣтіи, его назвали *психофизическимъ монизмомъ*. (См. объ этомъ терминѣ выше, стр. 334). Спиноза утверждаетъ, что наблюдаемыя въ каждомъ человѣкѣ душевныя и тѣлесныя явленія принадлежатъ одному и тому же носителю, т.-е. одной и той же субстанціи, которая обладаетъ сразу двумя сторонами — духовной и тѣлесной, и каждое явленіе составляетъ состояніе (или видоизмѣненіе въ существованіи) этого единаго носителя, или единой субстанціи. Въ силу же единства означеннаго носителя (или субстанціи) каждое его состояніе или видоизмѣненіе должно сразу отражаться въ его и духовной и тѣлесной сторонѣ. Поэтому всякое душевное явленіе обязательно сопровождается строго опредѣленнымъ тѣлеснымъ и наоборотъ, вслѣдствіе чего намъ и *кажется*, будто бы душевныя явленія бываютъ *причинами* возникновенія тѣлесныхъ и наоборотъ, хотя въ дѣйствительности этого нѣтъ, потому что между душевными и тѣлесными явленіями нѣтъ никакой логической связи. Несомнѣнно, что и это объясненіе страдаетъ, подобно двумъ предшествующимъ, тѣмъ, что взамѣнъ объясняемой загадки появляется въ видѣ необъяснимаго остатка новая загадка. Вѣдь *совершенно непонятно, почему носитель душевныхъ явленій вмѣстѣ съ тѣмъ долженъ быть и носителемъ тѣлесныхъ или, если угодно, наоборотъ: почему носитель тѣлесныхъ явленій долженъ быть вмѣстѣ съ тѣмъ и носителемъ душевныхъ*? Вѣдь одно въ другомъ подразумѣвается столь же мало, какъ тѣлесныя явленія въ душевныхъ и наоборотъ.

Вотъ всѣ эти объясненія къ серединѣ XVIII вѣка подорвали вѣру въ раціонализмъ, а въ связи съ нимъ и вѣру въ возможность метафизики въ видѣ знанія, подготовивъ этимъ путемъ появленіе кантовскаго критицизма. Они наглядно показали, что *метафизическія объясненія возникновенія явленій природы оказываются съ точки зрѣнія раціонализма ничуть не въ лучшемъ положеніи, чѣмъ чисто имманентныя: и тамъ, и здѣсь появляется необъяснимый остатокъ, существованіе котораго должно быть допущено просто, какъ фактъ, безъ всякаго пониманія, почему онъ долженъ существовать*. А это, въ свою очередь, наглядно свидѣтельствовало, что *наукѣ не будетъ никакого ущерба, если она станетъ воздерживаться отъ всякой метафизики и ограничится чисто-имманентными объясненіями*.

4. Противорѣчіе раціонализма правиламъ логики. Необходимость мириться съ необъяснимыми остатками при объясненіяхъ природы и правильное отношеніе къ законамъ природы. Чисто теоретическое опроверженіе раціонализма, о которомъ мы упомянули выше, на стр. 400, сводится къ обнаруженію противорѣчія раціонализма правиламъ логики. Состоитъ же это противорѣчіе въ скрытомъ убѣжденіи, будто бы общія синтетическія сужденія можно выводить изъ аналитическихъ безъ всякой помощи со стороны общихъ синтетическихъ. Въ самомъ дѣлѣ: раціонализмъ убѣжденъ въ разложимости всѣхъ реальныхъ связей и отношеній на чисто логическія. А это значитъ, что *онъ убѣжденъ въ выводимости всѣхъ ре-*

альныхъ связей и отношеній изъ однихъ аналитическихъ сужденій. Вѣдь только въ аналитическихъ сужденіяхъ мыслятся логическія связи; связь же подлежащаго съ сказуемымъ въ синтетическомъ сужденіи никогда не бываетъ логической (см. стр. 297). Но реальныя связи и отношенія *въ опытѣ* осуществлены въ видѣ законовъ природы, изъ которыхъ каждый служитъ *общимъ синтетическимъ* сужденіемъ. А ни одно общее синтетическое сужденіе невыводимо изъ однихъ лишь аналитическихъ (см. стр. 199 и слѣд.). Такимъ образомъ, *раціонализмъ убѣжденъ, будто бы вопреки правиламъ логики, тѣ общія синтетическія сужденія, которыя осуществлены въ опытѣ въ видѣ законовъ природы, выводимы изъ однихъ аналитическихъ сужденій.*

Быть раціоналистомъ, это значитъ пренебрегать тѣмъ, что внесено въ логику Кантомъ, именно — ученіемъ объ аналитическихъ и синтетическихъ сужденіяхъ, и брать ее лишь въ томъ видѣ, въ какомъ она была до Канта. Взятая же въ связи съ этимъ дополненіемъ, она сразу обнаруживаетъ всю ложь раціонализма.

Если же раціонализмъ противорѣчитъ правиламъ логики, то *нельзя предъявлять къ наукѣ никакихъ раціоналистическихъ требованій, и необходимо мириться съ тѣми необъяснимыми остатками, которые совершенно неустранимы при чисто-имманентныхъ объясненіяхъ природы.* Напр.: при всякомъ объясненіи природы необходимо мириться, какъ съ необъяснимыми остатками, съ существованіемъ природы и съ большей или меньшей группой законовъ природы. То и другое должно быть не объясняемымъ предметомъ, но отправными пунктами всѣхъ объясненій природы.

Въ частности *относительно законовъ природы надо держаться слѣдующаго правила: никогда не слѣдуетъ отвергать ни одного закона природы на томъ только основаніи, что онъ приписываетъ ей что-нибудь непонятное. Къ каждому закону природы мы въ правѣ предъявлять только два требованія: 1) чтобы онъ былъ основательно доказанъ, и 2) чтобы, по мѣрѣ возможности, онъ былъ объясненъ, какъ слѣдствіе другихъ, болѣе общихъ, законовъ, или же, наоборотъ, чтобы онъ самъ служилъ объясняющимъ средствомъ для другихъ законовъ природы;* все же прочее отъ лукаваго. Напр., ньютоновскій законъ тяготѣнія, конечно, приписываетъ всѣмъ тѣламъ какое-то непонятное, невытекающее изъ понятія тѣла свойство. Но одно это не даетъ намъ ни малѣйшаго права отвергать законъ Ньютона, коль скоро мы поняли всю ошибочность раціонализма. Будь раціонализмъ вѣрнымъ взглядомъ, то мы, конечно, имѣли бы право требовать, чтобы намъ сдѣлали насквозь понятнымъ каждый законъ природы, т.-е. чтобы каждый законъ былъ разложенъ на чисто-логическія связи. Но раціонализмъ противорѣчитъ правиламъ логики, а поэтому нельзя предъявлять такого требованія. Конечно, мы въ правѣ добиваться объясненія каждаго закона природы; но въ виду невозможности метафизическаго знанія, съ одной стороны, и ошибочности раціонализма, съ другой, *мы въ правѣ требовать только чисто-имманентныя объясненія законовъ природы,* т.-е. объясненія,

основанныя на другихъ законахъ, которые, въ свою очередь, припишутъ природѣ что-нибудь непонятное. При этомъ замѣтимъ, что въ разсматриваемомъ правилѣ подъ словомъ „природа“ надо подразумѣвать совокупность всѣхъ имманентныхъ предметовъ; слѣд., подъ „закономъ природы“ здѣсь надо подразумѣвать и законы психологическіе, лингвистическіе, соціальные и т. д. Вѣдь всякій законъ, о какихъ бы явленіяхъ онъ ни говорилъ, служитъ *синтетическимъ* сужденіемъ (иначе незачѣмъ было бы его и доказывать), такъ что онъ непремѣнно приписываетъ природѣ что-нибудь непонятное, невытекающее изъ понятія того, о чемъ онъ говоритъ. И если онъ основательно доказанъ, то мы не въ правѣ отвергать его въ силу одной лишь этой непонятности.

5. Неопровержимость матеріализма. Понявъ ошибочность раціонализма, легко удостовѣриться въ неопровержимости матеріализма. А это необходимо по той причинѣ, что окончательные выводы всякаго научнаго изслѣдованія не должны противорѣчить никакому метафизическому направленію, въ томъ числѣ и матеріализму, между тѣмъ многіе ошибочно думаютъ, будто бы матеріализмъ уже опровергнутъ наукой, и будто бы поэтому можно смѣло противорѣчить ему въ своихъ научныхъ выводахъ (сравн. выше, стр. 350). Но эта ошибочная мысль поддерживается исключительно безотчетнымъ раціонализмомъ: *только исходя изъ раціонализма, можно опровергнуть матеріализмъ*. Раціонализмъ же, какъ мы видѣли, непозволительная точка зрѣнія, *а тѣ доводы, которые приводятъ противъ матеріализма независимо отъ раціонализма, не выдерживаютъ критики*.

Наисильнѣйшимъ доводомъ справедливо считается доводъ Лейбница, который опровергаетъ матеріализмъ ссылкой на *невыводимость душевной жизни изъ матеріи*, откуда и заключаютъ о невозможности порожденія душевной жизни матеріей. Невыводимость же первой изъ послѣдней явствуетъ изъ полнѣйшаго различія душевныхъ явленій съ матеріальными, различія столь сильнаго, что его можно назвать полной несоизмѣримостью тѣхъ и другихъ: все матеріальное связано съ протяженіемъ, наполненіемъ нѣкотораго объема, фигурой, вѣсомъ или массой и т. д.; а въ душевныхъ явленіяхъ нѣтъ ничего подобнаго. Доводомъ Лейбница постоянно пользуются и до сихъ поръ противники матеріализма, мечтающіе не только обнаружить его недоказуемость, но еще окончательно опровергнуть его, напр., проф. Московскаго университета Челпановъ въ своемъ „Введеніи въ философію“, а равно въ книгѣ „Мозгъ и душа“. Тотъ же доводъ постоянно повторяется и въ богословской литературѣ при защитѣ догмата безсмертія души. И надо сознаться, что это—доводъ, вполнѣ уничтожающій матеріализмъ, *если* мы исподтишка исповѣдуемъ раціонализмъ. Въ самомъ дѣлѣ: *если* всѣ реальныя связи и отношенія должны разлагаться на чисто-логическія, то не можетъ быть такого слѣдствія, порождаемаго матеріей, которое оказалось бы логически невыводимымъ изъ нея; а душевныя явленія, какъ вполнѣ разнородныя съ матеріальными, логически невыводимы изъ нихъ. Но для насъ этотъ доводъ уже непозволителенъ; ибо раціонализмъ не только исторически обна-

ружилъ свою несостоятельность, но даже явно противорѣчитъ правиламъ логики. Удостовѣрившись въ ошибочности раціонализма, уже нельзя отвергать матеріализмъ изъ-за одного лишь того, что онъ допускаетъ *непонятное*, т.-е. логически невыводимое изъ матеріи, порожденіе ею душевныхъ явленій.

Къ тому же всякое метафизическое ученіе, а не одинъ лишь матеріализмъ, обязательно допускаетъ что-нибудь непонятное, т.-е. логически невыводимое изъ того начала, которое въ этомъ ученіи считается истиннымъ бытіемъ. Напр., въ идеализмѣ, будетъ ли онъ спиритуалистическимъ или неспиритуалистическимъ (см. о томъ и другомъ выше, стр. 321—322), совершенно непонятно, т.-е. логически невыводимо изъ понятія потока душевныхъ переживаній, чтобы послѣдній рождалъ видимость существованія внѣшняго или матеріальнаго міра. И такое порожденіе одинаково непонятно, принадлежитъ ли этотъ потокъ душѣ, какъ своему носителю, или же онъ не принадлежитъ никакому носителю, а душевныя переживанія порождаютъ другъ друга по опредѣленнымъ законамъ сами изъ себя. Почти та же непонятность остается передъ нами и въ томъ случаѣ, если мы встанемъ на точку зрѣнія панпсихизма (см. о немъ выше. стр. 334): совершенно непонятно, т.-е. логически невыводимо изъ понятія духовной субстанціи, чтобы комплексъ духовныхъ субстанцій долженъ былъ казаться матеріальнымъ той духовной субстанціи, которая служитъ моей душой. Если же мы допустимъ дуализмъ, то становится непонятнымъ, т.-е. логически невыводимымъ изъ души и матеріи, чтобы первая была соединена или связана въ своей дѣятельности съ частью послѣдней, какъ съ своимъ тѣломъ и т. д. и т. д.

Опровергнуть же матеріализмъ тѣмъ путемъ, чтобы изобличить его въ противорѣчіи съ данными въ опытѣ фактами, нельзя, потому что нигдѣ не встрѣчается противорѣчій матеріализма съ данными опыта.

Прежде всего ихъ ищутъ въ фактахъ душевной жизни. Но заранѣе видно, что эти поиски должны остаться безплодными. *Неотдѣлимость возникновенія каждаго душевнаго явленія отъ опредѣленнаго процесса въ головномъ мозгу дѣлаетъ невозможнымъ найти такіе данные въ опытѣ факты душевной жизни, которые противорѣчили бы матеріализму и этимъ опровергали бы его.* Напротивъ, въ этой связи душевныхъ явленій съ тѣлесными, показывающей, что возникновеніе первыхъ до извѣстной степени *зависитъ* отъ возникновенія вторыхъ, матеріализмъ видитъ свое подтвержденіе опытомъ; ибо онъ истолковываетъ эту несомнѣнно существующую зависимость, какъ *причинную* зависимость, какъ порожденіе душевныхъ явленій процессами, происходящими въ головномъ мозгу. *Для опроверженія матеріализма надо было бы найти такія душевныя явленія, которыя нисколько не зависѣли бы отъ матеріальныхъ, т.-е. возникали бы безъ всякой связи съ матеріальными; но такихъ явленій нѣтъ, какъ это признано всѣми, какой бы кто метафизики ни держался.*

Правда, вмѣсто того существуетъ рядъ разнообразнѣйшихъ фактовъ, показывающихъ, что и душевная жизнь, въ свою очередь, вліяетъ на тѣ-

лесную, а не только подвергается ея вліяніямъ, что и возникновеніе нѣкоторыхъ тѣлесныхъ явленій *зависитъ*, въ свою очередь, отъ душевныхъ явленій. Простѣйшій примѣръ: хотѣніе поднять руку вызываетъ ея движеніе. Далѣе: внушенное намъ убѣжденіе, что мы приняли рвотное, какъ бы обращаетъ простую подслащенную воду въ рвотное (опытъ въ Лондонской больницѣ). Сюда же относятся другіе случаи внушеній и самовнушеній: пилюли изъ чистаго хлѣбнаго мякиша, какъ сильное слабительное; исцѣленія вѣрой; заболѣванія отъ порчи и т. д. (Сборникъ подобныхъ, *хорошо провѣренныхъ*, фактовъ см. въ книгѣ Хэкъ-Тьюка—„Духъ и тѣло. Вліяніе психики и воображенія на тѣлесную жизнь“ и въ книгѣ Карпентера „Физіологія ума“). Но матеріализмъ говоритъ, что во всѣхъ этихъ случаяхъ *душевныя явленія только кажущимся образомъ вліяютъ на тѣлесныя; на самомъ же дѣлѣ вліяетъ на послѣднія не само душевное явленіе, но то физіологическое, т.-е. матеріальное, явленіе, съ которымъ неотдѣлимымъ образомъ связано данное душевное явленіе* (съ которымъ, напр., связано хотѣніе поднять руку, убѣжденіе въ наступленіи исцѣленія и т. п.). Такимъ образомъ, во всѣхъ этихъ фактахъ нѣтъ ни малѣйшаго противорѣчія матеріализму, и онъ ими вовсе не опровергается.

Потерпѣвъ неудачу въ своихъ поискахъ среди фактовъ душевной жизни такихъ, которые противорѣчили бы матеріализму, обращаются къ помощи фактовъ, относящихся къ внѣшнему міру, и цѣпляются за законъ сохраненія энергіи, въ силу котораго при возникновеніи каждаго явленія природы бывшее до той поры количество энергіи нисколько не уменьшается и не увеличивается: она при возникновеніи новаго явленія природы только *преобразовывается* изъ одной формы въ другую. Напр., если вслѣдствіе движенія происходитъ нагрѣваніе, то сколько энергіи исчезнетъ въ формѣ движенія, равно столько же появится ея въ формѣ теплоты и т. п.

И вотъ, для опроверженія матеріализма разсуждаютъ слѣдующимъ образомъ: *душевныя явленія, не имѣя въ себѣ ничего матеріальнаго* (ни массы, ни движенія, ни даже, какъ думаютъ матеріалисты, способности на самомъ дѣлѣ вызывать движенія), *не представляютъ собой поэтому ни малѣйшаго запаса энергіи*, если употреблять слово „энергія“ въ томъ же смыслѣ, въ какомъ оно употребляется въ законѣ сохраненія энергіи (гдѣ подъ нимъ подразумѣвается способность къ работѣ, а подъ работой—движеніе, преодолѣвающее препятствіе). Это заключеніе вполнѣ правильное, и матеріалисты принуждены согласиться съ нимъ. Если же душевныя явленія порождаются матеріей, продолжаютъ противники матеріализма, то, значитъ, взамѣнъ той энергіи, которую израсходуетъ матерія при этомъ порожденіи, не возникнетъ никакого новаго запаса энергіи, такъ что матеріализмъ противорѣчитъ закону сохраненія энергіи. А это разсужденіе уже ошибочное, исходящее изъ ложной предпосылки, будто бы на порожденіе *душевныхъ* явленій должна расходоваться энергія. Напротивъ: если душевныя явленія не составляютъ никакого запаса энергіи, то на ихъ порожденіе матеріи не придется расходовать ни капли своей энергіи; ибо энергія, по закону со-

храненія энергіи, можетъ расходоваться только на такія явленія, которыя и сами образуютъ собой запасъ энергіи, а не на такія, въ которыхъ нѣтъ никакой энергіи. Вѣдь расходъ энергіи, какъ сейчасъ было сказано, состоитъ только въ *преобразованіи* одной формы энергіи въ другую; а гдѣ нѣтъ такого преобразованія, тамъ нѣтъ и расхода энергіи.

Но развѣ самый актъ порожденія душевнаго явленія матеріей не требуетъ отъ нея расхода энергіи? Нѣтъ, потому что 1) по закону сохраненія энергіи при порожденіи однимъ матеріальнымъ явленіемъ, напр.,—теплотой, другого явленія, напр. — движенія, въ первомъ уменьшается количество энергіи лишь настолько, сколько ея окажется послѣ этого порожденія во второмъ: энергія въ формѣ теплоты уменьшится лишь въ той мѣрѣ, въ какой она возникнетъ въ формѣ движенія. Отсюда видно, что *самый актъ* порожденія одного явленія другимъ не сопровождается затратой энергіи, и тратится она не на порожденіе, но на порождаемое явленіе, не на порожденіе движенія теплотой или теплоты движеніемъ, а на самоё теплоту или на само движеніе. 2) Если бы тратилась энергіи и на самый актъ порожденія одного явленія другимъ, а не только на само порождаемое явленіе, то ея запасъ въ природѣ, вопреки закону сохраненія энергіи, быстро исчерпался бы, потому что безпрерывно совершается порожденіе новыхъ и новыхъ явленій природы.

Наконецъ, нужно ли упоминать объ одномъ доводѣ, который придумалъ проф. Московской духовной академіи Кудрявцевъ въ своихъ „Начальныхъ основаніяхъ философіи“? Онъ разбиваетъ матеріализмъ ссылкой на нематеріальность души. Нелѣпо, по его словамъ, приписывать душѣ свойства матеріи, напр. — какую-либо фигуру, цвѣтъ, массу и т. д. Отсюда онъ выводитъ, что нельзя считать душу матеріальной, а поэтому-де ошибоченъ матеріализмъ, такъ какъ, приписывая душевныя явленія матеріальнымъ сущностямъ, онъ черезъ это дѣлаетъ душу (т.-е. то, что порождаетъ душевную жизнь) матеріальной. Но здѣсь явная ошибка, называемая quaternio terminorum: въ первомъ случаѣ у проф. Кудрявцева подъ душой подразумѣвается *духовная* сущность, а во второмъ *вообще* то, что порождаетъ душевныя явленія, будетъ ли это духовная или матеріальная сущность, безразлично, т.-е. терминъ „душа“ употребляется въ двухъ разныхъ смыслахъ, но такъ, какъ будто бы онъ обозначалъ одно и то же понятіе.

6. Метафизика, какъ морально обоснованная вѣра, и философія, какъ ученіе о законахъ міровоззрѣній. Нѣкоторыя метафизическія гипотезы касаются такихъ вопросовъ, безъ отвѣта на которые не можетъ обойтись научно переработанное, т.-е. философское міровоззрѣніе, какъ, напр., вопросовъ о существованіи Бога, души и т. п. (Сравн. выше, стр. 24). Какъ же намъ быть при построеніи философскаго міровоззрѣнія, коль скоро знаніе никогда не дастъ никакихъ отвѣтовъ на эти вопросы? Выходъ изъ этого затрудненія очевиденъ самъ собой: такъ какъ всѣ метафизическія гипотезы одинаково неопровержимы, и никакая не можетъ считаться болѣе вѣро-

ятной, чѣмъ другая, то мы въ правѣ ввести въ составъ нашего міровоззрѣнія любую изъ нихъ. Но, разумѣется, она должна входить туда не какъ знаніе, а какъ вѣра. Такимъ образомъ, *всякое научно разработанное міровоззрѣніе неизбѣжно должно слагаться не только изъ одного лишь знанія, какъ это обыкновенно думаютъ, но еще изъ вѣры метафизическаго содержанія.*

Но такой выходъ изъ нашего затрудненія возбуждаетъ новый вопросъ, именно: на чемъ основывать выборъ вѣры для нашего міровоззрѣнія изъ двухъ противоположныхъ метафизическихъ взглядовъ? Вѣдь онъ не можетъ быть произвольнымъ: произволъ противорѣчилъ бы понятію *научно* переработаннаго міровоззрѣнія.

Единственно удовлетворительный отвѣтъ на этотъ вопросъ далъ Кантъ. Онъ учитъ, что при построеніи *философскаго*, т.-е. научно разработаннаго, міровоззрѣнія мы должны вводить въ его составъ лишь такіе метафизическіе взгляды, которые *требуются* исповѣдуемыми нами нравственными воззрѣніями, т.-е. взгляды, которые *такъ связаны съ нашими нравственными воззрѣніями, что нельзя быть увѣренными въ истинности послѣднихъ, если считать ложными эти метафизическіе взгляды.* Замѣтимъ, что *здѣсь не нравственныя воззрѣнія основываются на метафизикѣ*, какъ это безплодно пытаются сдѣлать многіе философы, проглядѣвшіе, что изъ сужденій объ одномъ лишь бытіи, будетъ ли оно истиннымъ или кажущимся, безразлично, еще нельзя вывесть ровно ничего о долженствующемъ быть; но, наоборотъ, *здѣсь метафизика основана на нравственныхъ воззрѣніяхъ, установленныхъ независимо отъ всякой метафизики. И метафизика, выборъ которой основанъ на нашихъ нравственныхъ воззрѣніяхъ, называется морально обоснованной вѣрой.*

И *такая* метафизика отличается отъ всякой другой метафизики двумя слѣдующими особенностями:

Во-первыхъ, она понимаетъ свою разнородность съ знаніемъ, понимаетъ, что это только *психологически* она можетъ не отличаться отъ знанія, а съ логической точки зрѣнія она вѣра, но не знаніе. Метафизика же, которую строятъ подъ видомъ знанія, никогда не понимаетъ этого.

Во-вторыхъ, понимая, что она вѣра, она можетъ дать и даетъ правильный отчетъ въ тѣхъ *не логическихъ, а моральныхъ* мотивахъ, по которымъ она изъ двухъ противоположныхъ и одинаково неопровержимыхъ метафизическихъ гипотезъ усваиваетъ ту, а не другую. Метафизика же, претендующая быть знаніемъ, лишена всякой возможности правильно понять свои собственные мотивы: ошибочно считая себя знаніемъ, она ошибочно разъискиваетъ ихъ среди логическихъ мотивовъ; и твердость или непоколебимость своей увѣренности въ истинности проповѣдуемыхъ ею мыслей она считаетъ не чисто-*психологическимъ* признакомъ, который можетъ быть одинаково присущъ и вѣрѣ, и знанію (сравн. выше, стр. 13), но ошибочно принимаетъ его за признакъ знанія.

Но почему Кантъ рекомендуетъ основывать выборъ метафизики именно

на нравственныхъ, а не на эстетическихъ воззрѣніяхъ, къ чему на дѣлѣ многіе склоняются? Хотя самъ Кантъ ничего не говоритъ по этому поводу, но легко отвѣтить за него. Всѣми считается *общеобязательнымъ* имѣть тщательно обдуманныя нравственныя воззрѣнія: равнодушіе къ нимъ то же самое, что безнравственность. Эстетическія же воззрѣнія таковы, что ихъ вовсе не обязательно имѣть: человѣкъ, лишенный всякаго эстетическаго вкуса, все-таки, не заслуживаетъ однимъ лишь этимъ ни малѣйшаго порицанія и нисколько не теряетъ въ своемъ достоинствѣ. Онъ, конечно, лишенъ множества наслажденій, доступныхъ другимъ; но это его личное дѣло и нисколько не отзывается на его достоинствѣ. Конечно, врядъ ли возможно привести примѣръ человѣка, у котораго вовсе не было бы эстетическаго вкуса. Зато часто встрѣчаются примѣры его частичнаго отсутствія. Такъ, Кантъ, Гегель и Влад. Соловьевъ были лишены вкуса къ музыкѣ. Но никому не придетъ въ голову, чтобы это роняло ихъ достоинство. Философское же міровоззрѣніе строится съ той цѣлью, чтобы, рано или поздно, оно сдѣлалось *общеобязательнымъ*. Поэтому и метафизика, входящая въ составъ философскаго міровоззрѣнія, должна быть основана не на эстетическихъ, но на нравственныхъ воззрѣніяхъ. Такимъ образомъ *одно изъ двухъ*: *или никакое цѣльное философское міровоззрѣніе никогда не должно претендовать на общеобязательное значеніе, или же метафизика должна входить въ его составъ не иначе, какъ въ видѣ морально обоснованной вѣры.*

Но почему же метафизика, основанная на нравственныхъ воззрѣніяхъ, можетъ считаться всего только морально обоснованной *вѣрой*, а не знаніемъ? Это потому, что каковы бы ни были наши нравственныя воззрѣнія, они всегда составляютъ не знаніе, а всего только вѣру. Вѣдь увѣренность въ ихъ истинности поддерживается не логическими мотивами, а нравственнымъ чувствомъ (сравн. стр. 351). Впрочемъ, можно еще иначе удостовѣриться въ принадлежности этихъ воззрѣній къ вѣрѣ, именно:

Какъ бы ни были разнообразны наши нравственныя воззрѣнія, все-таки, они сводятся къ двумъ основнымъ классамъ, отличающимся другъ отъ друга тѣмъ, что или мы считаемъ нравственный долгъ *безусловно* обязательнымъ, или же мы отрицаемъ его *безусловную* обязательность. Въ первомъ случаѣ исполненіе требованій нравственнаго долга считается обязательнымъ *независимо* отъ того, будетъ ли оно полезно или вредно для лица, исполняющаго эти требованія, т. е. *независимо* отъ *условій* его счастья или несчастья. Во второмъ же случаѣ каждая нравственная обязанность считается выраженіемъ одного изъ тѣхъ условій, при соблюденіи которыхъ увеличивается счастье или, по крайней мѣрѣ, уменьшается несчастье того, кто исполняетъ эти обязанности.

Никакихъ другихъ взглядовъ на характеръ обязательности нравственнаго долга не можетъ быть: они логически невозможны въ силу закона исключеннаго третьяго. Поэтому всѣ нравственныя воззрѣнія, какъ бы ни отли-

чались они другъ отъ друга, непремѣнно окажутся либо допускающими, либо отрицающими безусловную обязательность нравственнаго долга.

Но допускаемъ ли мы безусловную обязательность нравственнаго долга или отрицаемъ ее, и въ томъ и въ другомъ случаѣ у насъ выйдетъ положеніе, котораго нельзя ни опровергнуть, ни доказать посредствомъ знанія, и которое поэтому можетъ быть только вѣрой. Дѣйствительно: всякое знаніе говоритъ только о томъ, что̀ было, есть, будетъ, или (если оно высказываетъ законъ природы) всегда бываетъ. Но изъ одного того, что̀ было, есть, будетъ, всегда бываетъ, еще нельзя вывесть безъ помощи произвольныхъ предпосылокъ ни того, что надо считать обязательныхъ такое поведеніе, которое остается *безусловно* (независимо отъ разсчетовъ на счастье) обязательнымъ, *хотя бы его никто не исполнялъ*, ни того, что его не слѣдуетъ считать обязательнымъ, т.-е. ни того, что есть *безусловная* (независимая отъ разсчетовъ на счастье) обязательность нравственнаго долга, ни того, что ея нѣтъ. Вѣдь во всѣхъ силлогизмахъ правильный выводъ долженъ состоять только изъ такихъ понятій, которыя уже встрѣчаются въ посылкахъ. Если же посылки говорятъ *только* о томъ, что̀ было, есть, будетъ, всегда бываетъ, то въ нихъ еще нѣтъ понятія *безусловной* обязательности нравственнаго долга, нѣтъ понятія такого поведенія, которое остается *безусловно* обязательнымъ, если бы даже никто не захотѣлъ его исполнять. Знаніе совсѣмъ не затрогиваетъ этого понятія; поэтому и въ правильномъ выводѣ изъ знанія (т.-е. изъ того, что̀ есть, было, будетъ, всегда бываетъ) не можетъ появиться это понятіе ни въ видѣ утвержденія существованія безусловной обязательности нравственнаго долга, ни въ видѣ ея отрицанія. Сдѣлать тотъ или другой выводъ изъ знанія можно только цѣной логической ошибки, напр., подсунувъ исподтишка въ составъ посылокъ то самое, что̀ мы собираемся доказывать, т.-е. какой-либо *опредѣленный* взглядъ на обязательность нравственнаго долга. Значитъ, всякій, кто отрицаетъ или допускаетъ безусловную обязательность нравственнаго долга, высказываетъ отнюдь не знаніе, но всего лишь недоказуемую, хотя вмѣстѣ съ тѣмъ и неопровержимую вѣру. А изъ этого слѣдуетъ, что *каковы бы ни были по своему содержанію наши нравственныя воззрѣнія, они во всякомъ случаѣ должны считаться вѣрой, а не знаніемъ;* ибо они непремѣнно окажутся либо допускающими, либо отрицающими безусловную обязательность нравственнаго долга, а и въ томъ, и въ другомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ вѣрой. А поэтому и метафизика, основанная на нашихъ нравственныхъ воззрѣніяхъ, можетъ быть только вѣрой, а не знаніемъ.

Въ заключеніе укажемъ, что, удостовѣрившись въ неосуществимости метафизическаго знанія, приходится къ философіи причислить еще одну задачу, которая, разумѣется, должна ускользать отъ вниманія тѣхъ, кто вѣритъ въ возможность метафизики въ видѣ знанія. Дѣло въ томъ, что вѣра въ различныя метафизическія направленія можетъ возникать и доходить до непоколебимой степени увѣренности по очень разнообразнымъ мотивамъ (сравн. выше, стр. 351). И вотъ, *философія должна еще систе-*

матически выяснить, во-первыхъ, какіе мотивы заставляютъ насъ исповѣдывать то или другое метафизическое направленіе, и, во-вторыхъ, по какимъ законамъ пріобрѣтаютъ въ разное время главенствующее значеніе тѣ или другіе изъ этихъ мотивовъ, а съ ними то или другое изъ метафизическихъ направленій.

Впрочемъ, надо замѣтить, что такое систематическое изложеніе всѣхъ видоизмѣненій метафизики, освѣщенныхъ только-что указаннымъ образомъ, еще никѣмъ не составлено и врядъ ли скоро можетъ быть составлено, хотя матеріала для него много въ исторіи философіи, въ исторіи религій, въ нѣкоторыхъ психологическихъ монографіяхъ, въ исторіи литературы и т. п. Но это—задача не изъ легкихъ, да еще требуетъ огромныхъ и разносторонніхъ свѣдѣній. Зато книга, въ которой философія излагалась бы въ столь расширенномъ видѣ, была бы необычайно важной и для воспитателя, и для священника, и для государственнаго дѣятеля и т. д.: вѣдь въ ней излагалось бы *ученіе о тѣхъ законахъ, по которымъ созрѣваетъ и видоизмѣняется наше міровоззрѣніе*, т.-е. о законахъ, управляющихъ высочайшими проявленіями всѣхъ сторонъ человѣческаго духа. Посредствомъ этой книги человѣчество въ его цѣломъ достигло бы исполненія издревле завѣщанной заповѣди: „*познай самого себя*“. Но пока такая книга еще не написана, приходится стремиться къ той же цѣли посредствомъ изученія психологіи и нѣкоторыхъ дисциплинъ исторіи, особенно же исторіи философіи.

Конецъ.

Примѣры.

Къ гл. IV. *a. Указать родовыя, видовыя и соподчиненныя понятія относительно слѣдующихъ понятій:*

1. Хвойное дерево. 2. Треугольникъ. 3. Русскій. 4. Страхъ. 5. Лошадь. 6. Исторія. 7. Насѣкомое. 8. Грибъ. 9. Романъ. 10. Храмъ.

b. Указать, какъ относится по объему и содержанію каждое понятіе къ двумъ сосѣднимъ въ слѣдующ. рядахъ:

11.—желѣзо, металлъ, простое тѣло, вещество;

12.—вещество, организованное вещество, животное, человѣкъ;

13.—книга, печатная книга, словарь, латинскій словарь.

c. Указать части и форму въ слѣд. сужденіяхъ, замѣнивъ, гдѣ нужно, предложенія равнозначащими:

14. Рыбы—позвоночн. животныя.

15. Нѣкоторые цвѣты не имѣютъ запаха.

16. Не все то золото, что блеститъ.

17. Только мусульмане ходятъ въ чалмахъ.

18. Бываютъ черные лебеди.

19. Не всѣ его дѣла были святы.

20. Только тотъ свободенъ, кто управляетъ собой.

21. Апостолъ Павелъ повелѣваетъ почитать всѣ законныя власти.

22. Не всѣ шалуны лѣнтяи.

23. Какая разница съ логической точки зрѣнія между «всѣ разумныя существа отвѣтственны за свои поступки» и «только разумныя существа отвѣтственны за свои поступки»?

24. Окружности, лежащія въ одной плоскости, бываютъ или эксцентрическими или концентрическими.

25. Въ Университетъ могутъ поступать студентами только лица, получившія среднее образованіе.

26. Нагрѣваніе тѣла происходитъ или отъ передачи ему тепла другимъ, болѣе нагрѣтымъ, тѣломъ, или отъ тренія, или отъ происходящихъ въ немъ химическихъ процессовъ.

27. Только нѣкоторые изъ великихъ людей оцѣнены были современниками по достоинству.

28. Тише ѣдешь, дальше будешь.

29. Если двѣ линіи параллельны третьей, то онѣ параллельны между собой.

30. Если вписанный въ окружность уголъ опирается на діаметръ, то онъ прямой.

Къ гл. VII. *a. Съ помощью соображеній, изложенныхъ на стр. 107—111, показать, какія изъ слѣдующихъ сужденій нельзя и какія можно оправдать простой установкой данныхъ опыта:*

31. Всякое нагрѣваніе ртути сопровождается ея расширеніемъ.

32. Пріемъ хины всегда вызываетъ пониженіе температуры крови.

33. Всѣ швейцарскія горы ниже Казбека.

34. Діагонали квадрата всегда взаимно-перпендикулярны.

35. Нѣкоторыя водяныя животныя дышатъ легкими.

36. Всѣ части свѣта обитаемы.

37. Всѣ птицы несутъ яйца.

d. Указать противоположныя (какъ противныя, такъ и противорѣчащія) сужденія для слѣдующихъ:

38. Нѣкоторые великіе люди не были оцѣнены при своей жизни.

39. Всѣ застѣнчивые люди самолюбивы.

40. Иногда при яркомъ солнцѣ морозъ усиливается.

41. Ни одно споровое растеніе не имѣетъ цвѣтовъ.

42. Нѣкоторыя водяныя животныя дышатъ легкими.

Къ гл. VIII. *Разобрать слѣд. доказательства:*

43. Найдите въ употребляемомъ Вами учебникѣ геометріи примѣры прямыхъ и апагогическихъ простыхъ и раздѣлительныхъ доказательствъ.

44. Всѣ рыбы, заключавшіяся въ неводѣ, представляли безпорядочную смѣсь всевозможныхъ родовъ рыбъ — и съѣдобныхъ и несъѣдобныхъ; тѣ, которыя были отобраны, какъ годныя для ѣды, принадлежали къ числу находившихся въ неводѣ, поэтому представляли собой безпорядочную смѣсь всевозможныхъ родовъ и съѣдобныхъ, и несъѣдобныхъ.

45. Магометъ самъ же и разсказываетъ, что Коранъ внушенъ ему Богомъ, такъ что эта книга боговдохновенная. Но только истинный пророкъ можетъ написать боговдохновенную книгу; пророкъ же не можетъ лгать; слѣдовательно, Коранъ дѣйствительно внушенъ Магомету самимъ Богомъ.

46. Экзаменующійся утверждаетъ, что экзаменаторъ мало поставилъ ему, и въ доказательство ссылается на то, что при такой отмѣткѣ его не освободятъ отъ платы за ученіе, а у него нѣтъ средствъ продолжать ученье при такихъ условіяхъ.

47. Лицу, заявившему, что мнѣніе такого-то профессора крайне нелогично, указываютъ, что послѣдній — профессоръ логики и поэтому, навѣрное, мыслитъ логичнѣе, чѣмъ лицо, оспаривающее его мнѣніе и никогда не изучавшее логики.

48. Конечно, это пьяница: взгляните только, какой у него красный носъ!

49. X: Арабы неспособны къ усвоенію европейской культуры. Въ самомъ дѣлѣ: они народъ черной расы, а народы черной расы неспособны къ ея усвоенію.

Y: Вашу мысль, что арабы неспособны къ усвоенію европейской культуры, нетрудно опровергнуть. Вы ошибаетесь, утверждая, что арабы — народъ черной расы: вѣдь они семиты.

Допустивъ, что арабы семиты, какъ назвать ошибку въ доказательствѣ X и ошибку въ доказательствѣ Y, если онъ думаетъ, что онъ опровергъ саму мысль X о неспособности арабовъ къ культурѣ.

50. Если этому больному суждено умереть, то онъ умретъ все равно — позоветъ ли онъ врача или нѣтъ; а если ему суждено выздоровѣть, то онъ выздоровѣетъ, все равно — позоветъ ли онъ врача или нѣтъ. Но такъ какъ ему суждено либо умереть, либо выздоровѣть, то не стоитъ ему звать врача.

51. Эпименидъ критянинъ говоритъ, что всѣ критяне лгуны, что каждое ихъ слово — ложь. Но самъ-то онъ критянинъ. Слѣд., онъ лжетъ, что всѣ кри-

тяне лгуны, и самъ же онъ выходитъ лгуномъ.

52. Та куча песку, изъ которой я возьму одну песчинку, все-таки, должна называться кучей. Но по одной песчинкѣ я могу взять и всѣ, кромѣ послѣдней. Слѣд., и эта послѣдняя песчинка, все-таки, должна называться кучей.

53. Профессоръ на просьбу проэкзаменовать отвѣтилъ, что сейчасъ онъ не въ правѣ это сдѣлать, потому что еще не наступилъ тотъ срокъ, который установленъ факультетомъ для экзаменовъ. Курсистка же возразила: «да нѣтъ, Вы въ правѣ: другіе экзаменуютъ же, когда ихъ ни попросишь, а я очень прошу Васъ».

54. Студентъ такими словами доказывалъ, что надо или поставить ему удовлетворительную отмѣтку или экзаменовать его еще дальше: «я прочелъ весь курсъ. Такъ, неужели же я ничего не знаю? Можетъ быть, я и отвѣчу на что-нибудь».

Къ гл. IX и X. *Разобрать смьд. умозаключенія: указать ихъ видъ, а въ пригодныхъ для доказательствъ подлинныхъ умозаключеніяхъ еще объяснить, правильныя ли они или ошибочныя, и въ чемъ ошибка.*

55. Только люди разумныя существа; слѣд., всѣ разумныя существа суть люди.

56. Ап. Петръ—родомъ изъ Галилеи, тоже и ап. Іоаннъ, и т. д. про каждаго изъ 12 апостоловъ; слѣд., всѣ апостолы родомъ изъ Галилеи.

57. Треугольники бываютъ только или тупоугольные, или прямоугольные, или остроугольные; и въ каждомъ изъ этихъ случаевъ площадь треугольника равна половинѣ произведенія основанія на высоту треугольника; слѣд., такъ же дѣло стоитъ и во всѣхъ треугольникахъ.

58. Не все то золото, что блеститъ; слѣд., кое-что блестящее вовсе не золото.

59. Какъ называется умозаключеніе, посредствомъ котораго петроградцы на основаніи многолѣтнихъ наблюденій утверждаютъ, что ладожскій ледоходъ на Невѣ портитъ погоду въ Петроградѣ?

60. Дѣти крестьянъ и рабочихъ, прошедшіе курсъ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеній, въ громадномъ большинствѣ случаевъ оказываются неспособными къ черной работѣ. Основываясь на такихъ наблюденіяхъ, многіе утверждаютъ, что образованіе дѣлаетъ людей низшихъ классовъ неспособными къ черной работѣ. Какимъ умозаключеніемъ доходятъ они до такого вывода?

61. Горы, по которымъ скользили ледники, исчерчены шрамами, идущими въ одномъ и томъ же направленіи, и имѣютъ форму куполовъ или бараньихъ лбовъ. Нѣкоторыя горы въ Финляндіи исчерчены шрамами, идущими въ одномъ и томъ же направленіи, и имѣютъ форму куполовъ или бараньихъ лбовъ. Слѣд., скорѣе всего нѣкоторыя горы Финляндіи были покрыты ледниками.

62. Тифъ есть болѣзнь, вызываемая микроорганизмами. Холера во многихъ отношеніяхъ сходна съ тифомъ: она представляетъ собою заболѣваніе кишечника, легко возникающее въ болотистыхъ мѣстностяхъ или въ грязныхъ, снабженныхъ дурною водою городахъ; у нея есть, такъ называемый, инкубаціонный періодъ и т. п. Слѣд., вѣроятно, холера также есть болѣзнь, вызываемая микроорганизмами.

63. Всѣ птицы имѣютъ крылья; слѣд., всѣ животныя, имѣющія крылья,—птицы.

64. Нѣкоторыя реальныя вещи матеріальны; слѣд., нѣкоторыя нематеріальныя вещи не реальны.

65. Ни одинъ видъ оливковыхъ деревьевъ не растетъ въ Германіи; слѣд., нѣкоторые виды деревьевъ, не растущихъ въ Германіи,—оливки.

66. Кто спряталъ вещь, знаетъ, гдѣ найти ее; слѣд., кто знаетъ, гдѣ найти спрятанную вещь, самъ же ее и спряталъ.

67. Нѣкоторыя млекопитающія суть четвероногія; слѣд., къ числу четвероногихъ относятся млекопитающія.

68. Чтеніе — умственная работа; слѣд., сопровождается нѣкоторыми процессами въ головномъ мозгу.

69. Ты сердишься, значитъ, ты неправъ.

70. Онъ, должно быть, докторъ, такъ какъ въ этомъ совѣщаніи принимаютъ участіе только доктора.

71. Всѣ застѣнчивые люди самолюбивы; слѣд., всѣ несамолюбивые люди не застѣнчивы.

72. У всякаго пьяницы красный носъ; слѣд., у кого красный носъ, тотъ пьяница.

73. Ни одинъ благоразумный человѣкъ не возьмется за это дѣло; слѣд., всякій, взявшійся за это дѣло, неблагоразуменъ.

74. Ни одинъ развитой человѣкъ не вѣритъ въ примѣты; слѣд., человѣкъ, вѣрящій въ нихъ, не можетъ считаться развитымъ.

75. Нѣкоторыя морскія животныя дышатъ легкими, а потому не могутъ находиться долгое время подъ водой.

76. Монбланъ — высочайшая гора Европы, такъ что вершина Монблана есть вершина высочайшей горы Европы.

77. *Вывесть изъ слѣд. сужденій заключенія путемъ обращенія, превращенія и противопоставленія сказуемому:*

a. Нѣкоторыя позвоночныя суть теплокровныя.

b. Нѣкоторые параллелограммы не принадлежатъ къ правильнымъ фигурамъ.

c. Ни одинъ треугольникъ не имѣетъ двухъ прямыхъ угловъ.

d. Нѣкоторые четыреугольники суть прямоугольники.

e. Не всѣ шалуны лѣнтяи.

f. Змѣи—пресмыкающіяся животныя.

g. Ни одна планета не свѣтитъ собственнымъ свѣтомъ.

78. Писатель—человѣкъ, такъ что великій писатель—великій человѣкъ.

79. Всѣ разумныя существа отвѣтственны за свои дѣйствія; животныя не разумныя существа и поэтому не отвѣтственны за свои дѣйствія.

80. Отвѣтственны за свои дѣйствія разумныя существа; а животныя не разумныя существа и поэтому не отвѣтственны за свои дѣйствія.

81. Называющій человѣка животнымъ вполнѣ правъ; а называющій человѣка обезьяной, называетъ его животнымъ, и поэтому вполнѣ правъ.

82. Резиденція англійскаго короля самый большой городъ въ мірѣ; Лондонъ же и есть самый большой городъ въ мірѣ, такъ что онъ-то и есть резиденція англійскаго короля.

83. Солдаты умышленно убиваютъ непріятеля; а всякій, кто умышленно убиваетъ другого, подлежитъ наказанію; слѣд., солдаты подлежатъ наказанію.

84. Квадраты — параллелограммы;

слѣд. діагонали квадрата суть діагонали параллелограмма.

85. Пауки—животныя; слѣд., описаніе ихъ жизни входитъ въ описаніе жизни животныхъ.

86. Духъ дѣятеленъ; матерія не духъ; слѣд., матерія не дѣятельна.

87. Лица, неимѣющія аттестата средняго учебнаго заведенія, не имѣютъ права поступленія въ университетъ; г. А. не имѣетъ аттестата средняго учебнаго заведенія: значитъ, г. А. не имѣетъ права поступленія въ университетъ.

88. Нѣкоторые политики нечестные люди, такъ какъ прибѣгаютъ ко лжи.

89. Каждый добросовѣстный человѣкъ воздерживается отъ сужденія о книгѣ, не прочтя ее; многіе рецензенты не дѣлаютъ этого; слѣд., они не добросовѣстные люди.

90. Всѣ насѣкомыя имѣютъ три пары ногъ; паукъ не имѣетъ трехъ паръ ногъ; слѣд., паукъ не насѣкомое.

91. Всѣ, кто считаетъ этого человѣка невиннымъ, противъ его наказанія; вы противъ его наказанія; слѣд., вы считаете его невиннымъ.

92. Нѣкоторые минералы встрѣчаются въ кристаллическомъ видѣ, такъ какъ въ такомъ видѣ встрѣчается горный хрусталь.

93. Ласточки перелетныя птицы; ласточки полезны; слѣд., нѣкоторыя перелетныя птицы полезны.

94. Всѣ параллелограммы суть четыреугольники; нѣкоторые же параллелограммы суть равностороннія фигуры; слѣд., нѣкоторыя равностороннія фигуры суть четыреугольники.

95. Нѣкоторыя растенія, имѣющія мясистые стволы, не растутъ въ сѣверныхъ широтахъ, такъ какъ всѣ кактусы имѣютъ мясистые стволы, а ни одинъ изъ нихъ не растетъ въ сѣверныхъ широтахъ.

96. Древніе персы поклонялись солнцу; солнце — неодушевленный предметъ; слѣд., древніе персы поклонялись неодушевленному предмету.

97. Опій—ядъ и не выдается безъ рецепта врача; слѣд., яды не выдаются безъ рецепта врача.

98. Змѣи— пресмыкающіяся, а всѣ пресмыкающіяся имѣютъ холодную кровь; слѣд., къ числу животныхъ, имѣющихъ холодную кровь, относятся и змѣи.

99. Былины суть произведенія народной поэзіи; произведенія народной поэзіи имѣютъ безыскусственный характеръ; слѣд., нѣкоторыя произведенія, имѣющіябезыскусственный характеръ, суть былины.

100. Растенія, размножающіяся посредствомъ споръ, не имѣютъ цвѣтовъ; папоротники размножаются посредствомъ споръ; слѣд., растенія, имѣющія цвѣты, не папоротники.

101. Нѣкоторыя птицы питаются мясомъ, а животныя, питающіяся мясомъ, называются хищными; слѣд., къ числу хищныхъ животныхъ относятся и нѣкоторыя птицы.

102. Нѣкоторые параллелограммы суть квадраты; всѣ квадраты суть правильныя фигуры; слѣд., нѣкоторыя правильныя фигуры суть параллелограммы.

103. Ни одна сѣверная страна не производитъ вина; всѣ страны, производящія вина, имѣютъ умѣренныя зимы; слѣд., нѣкоторыя страны, имѣющія умѣренныя зимы, не лежатъ на сѣверѣ.

104. Ни одинъ развитой человѣкъ не придаетъ значеніе примѣтамъ; между тѣмъ многіе люди, придающіе значе-

ніе примѣтамъ, отъ природы умны; слѣд., нѣкоторые умные отъ природы люди не развиты.

105. Ни одинъ уважающій себя человѣкъ не станетъ унижаться передъ богатыми и сильными; многіе унижающіеся передъ богатыми и сильными тѣмъ не менѣе умные люди; слѣд., нѣкоторые умные люди не уважаютъ самихъ себя.

106. Газы сжимаются отъ охлажденія или отъ давленія; этотъ газъ сжимается отъ давленія; слѣд., не отъ охлажденія.

107. Лекціи могутъ быть интересны или по своему содержанію, или по своему изложенію; лекціи А. очень интересны по своему содержанію; слѣд., не представляютъ интереса по своему изложенію.

108. Надо или повиноваться незаконнымъ требованіемъ властей, или возставать противъ властей; но не слѣдуетъ повиноваться незаконнымъ требованіямъ властей; слѣд., надо возставать противъ властей.

109. Историческій трудъ можетъ быть или научнымъ, или произведеніемъ фантазіи; трудъ, основывающійся на критическомъ изученіи источниковъ, ученъ; слѣд., подобный трудъ не есть произведеніе фантазіи автора.

110. Это лѣкарство или полезно, или вредно, или безразлично; оно полезно; слѣд., оно ни вредно, ни безразлично.

111. Міръ или вѣченъ, или произведеніе случая, или дѣло разумнаго существа; но міръ не вѣченъ и не произведеніе случая; слѣд., міръ — произведеніе разумнаго существа.

112. Если мѣстность гориста, то грозы тамъ сильнѣе, нежели въ низменныхъ мѣстностяхъ; Швейцарія гориста; слѣд., грозы тамъ сильнѣе, нежели въ другихъ низменныхъ мѣстностяхъ.

113. Если земля была когда-либо огненно-жидкой массой, то на землѣ въ это время не было органической жизни; земля въ самомъ дѣлѣ была нѣкогда огненно-жидкой массой; слѣд., земля въ самомъ дѣлѣ была нѣкогда лишена органической жизни.

114. Если спички содержатъ фосфоръ, то легко загораются; шведскія спички не содержатъ фосфора; слѣд., онѣ не загораются легко.

115. Если бы не было вѣтра, то парусное судно не могло бы придти на мѣсто назначенія; но оно пришло на мѣсто назначенія; слѣд., былъ вѣтеръ.

116. Если цвѣтовъ въ моемъ саду не поливали, то они засохли; цвѣты въ моемъ саду засохли; значитъ, ихъ не поливали.

117. Если лѣкарство ядовито, то его не выдаютъ безъ рецепта врача; это лѣкарство выдаютъ безъ рецепта врача; слѣд., оно не ядовито.

118. Если съ Казбека обрушится лавина, то она запрудитъ Терекъ; если Терекъ будетъ запруженъ, то во Владикавказѣ будетъ наводненіе; значитъ, если съ Казбека обрушится лавина, то во Владикавказѣ будетъ наводненіе.

Къ гл. XIII. *Разобрать слѣд. доказательства:*

119. Какъ называется методъ слѣдующаго доказательства: «явленіе *Y* возникало и при *XABC*, и при *XACD*, и при *XABD*, и при *XCDE*; слѣд., *X* есть причина явленія *Y*»? Правильно ли примѣненъ здѣсь означенный методъ?

120. Почему въ предшествующемъ доказательствѣ нельзя ограничиться

ссылкой только на три послѣднихъ случая возникновенія явленія *Y*, но надо вмѣстѣ съ ними ссылаться и на первый?

121. Горохъ, выросшій въ погребѣ, имѣетъ стебли бѣлаго цвѣта съ ненормально длинными междоузліями и листьями въ зачаточномъ состояніи; точно такими же свойствами обладаетъ горохъ, выросшій на днѣ картофельной ямы, а также горохъ, выросшій на землѣ, покрытой рогожею; слѣдовательно, горохъ, выросшій въ темнотѣ, имѣетъ стебли бѣлаго цвѣта съ ненормально длинными междоузліями и листьями въ зачаточномъ состояніи.

122. Составьте новые схематическіе (состоящіе изъ буквъ) примѣры на каждый методъ Милля.

123. Аристотель, чтобы узнать, имѣетъ ли воздухъ вѣсъ, взвѣсилъ кожаный мѣхъ сперва въ стиснутомъ видѣ, а послѣ въ сильно надутомъ; вѣсъ оказался прежнимъ, откуда Арист. заключилъ, что воздухъ невѣсомъ. Какой методъ Милля и правильно ли примѣнилъ онъ къ дѣлу?

124. *X* есть причина явленія *Y*, потому что послѣднее возникало и при *XABCD*, и при *XMDNE*, и при *XABDE*, и при *XBCDK*. Правда, что и *D* похоже на причину явленія *Y*, потому что и *D* присутствовало въ каждомъ изъ этихъ случаевъ. Но наше положеніе подтверждается еще и тѣмъ, что съ устраненіемъ явленія *X* явленіе *Y* уже не возникало. Напр., оно не возникло ни при *ABCD*, ни при *BCDK*.

125. Во всякомъ случаѣ *X* принадлежитъ къ составу причины явленія *Y*, потому что послѣднее возникло при *XABC* и не возникло при *ABD*. Мало того: когда было X_1ABCD, то возникло Y_1, т.-е. съ измѣненіемъ *X* измѣнилось и *Y*.

126. Указать всѣ простые методы Милля, примѣняемые въ слѣдующемъ разсужденіи: у всѣхъ находящихся въ закрытой комнатѣ появились и усплились угнетенное самочувствіе и головная боль, когда туда поставили открытый сосудъ, съ какой-то испаряющейся жидкостью; но эти болѣзненныя явленія быстро прекратились, когда этотъ сосудъ былъ вынесенъ изъ комнаты, а всѣ двери и окна въ ней раскрыты настежь; слѣдовательно, эти явленія были вызваны вдыханіемъ паровъ той жидкости.

127. Показать участіе простыхъ методовъ Милля въ полномъ доказательствѣ, что всякій напитокъ становится слаще отъ примѣси къ нему сахара.

Къ гл. XIV. *а) Разобрать слѣд. дѣленія:*

128. Углы дѣлятся на прямые, острые, тупые, смежные и вертикальные.

129. Люди дѣлятся на высокихъ и невысокихъ.

130. Сужденія дѣлятся на категорическія, условныя и раздѣлительныя.

131. Умозаключенія раздѣляются на кажущіяся, истинныя, но не пригодныя для доказательствъ, непосредственныя и силлогизмы.

132. Доказательство раздѣляется на основанія, разсужденіе и положеніе.

133. Пригодныя для доказательствъ умозаключенія дѣлятся на непосредственныя, опосредствованныя, простые и сложные силлогизмы.

134. Вещи дѣлятся на красивыя и некрасивыя.

135. Линіи дѣлятся на прямыя и кривыя.

136. Человѣкъ дѣлится на голову, туловище и конечности.

137. Признаки дѣлятся на общіе, существенные, единичные и несущественные.

b) *Разобрать слѣд. опредѣленія*:

138. Квадратъ есть четырехсторонняя прямолинейная фигура, всѣ стороны и углы которой равны.

139. Діаметръ круга есть прямая линія, соединяющая двѣ противоположныхъ точки окружности.

140. Прямой уголъ есть одинъ изъ двухъ равныхъ смежныхъ.

141. Пальма есть растеніе, не растущее въ холодномъ поясѣ.

142. Гранитъ не есть осадочная порода.

143. Логика есть наука о мышленіи.

144. Параллелограммъ есть четыреугольникъ, у котораго противоположныя стороны и параллельны, и равны между собой.

145. Параллелограммъ есть четыреугольникъ, у котораго противоположныя стороны параллельны, а всѣ углы равны между собой.

146. Логика есть наука о правильномъ мышленіи; правильное же мышленіе есть мышленіе, согласное съ правилами логики.

147. Полюсъ земли есть конечная точка земной оси, а земная ось есть линія, соединяющая оба полюса земли.

148. Умноженіе есть ариѳметическое дѣйствіе, въ которомъ множимое берется слагаемымъ столько разъ, сколько единицъ во множителѣ.

149. Категорическимъ силлогизмомъ называется силлогизмъ, состоящій изъ двухъ категорическихъ посылокъ, изъ которыхъ хоть одна утвердительная.

150. Основаніями доказательства наз. такія сужденія, которыя служатъ базой, откуда ведется атака противъ доказываемой истины.

151. Базировать свою мысль на чемъ-нибудь это значитъ пользоваться чѣмъ-нибудь, какъ базой для демонстрированія истинности этой мысли.

Къ гл. XV. *Пользуясь соображеніями, изложенными на стр. 293 и 294, указать противорѣчія, въ слѣдующихъ соединеніяхъ сужденій, и роль закона исключеннаго третьяго при возникновеніи этихъ противорѣчій.*

152. Хотя платина металлъ, а ни одинъ металлъ не разлагается на составныя части, платина, все-таки, разлагается на составныя части.

153. Хотя киты не дышатъ жабрами, а всѣ рыбы дышатъ жабрами, киты, все-таки рыбы.

154. Хотя ни одинъ честный человѣкъ не прибѣгаетъ къ помощи лжи, а нѣкоторые дипломаты дѣлаютъ это, все-таки, всѣ дипломаты честные люди.

155. Хотя нѣкоторые параллелограммы суть квадраты, а всѣ квадраты правильныя фигуры, все-таки, ни одна правильная фигура не составляетъ параллелограмма.

156. Металлы, конечно, простыя тѣла, но ни одно простое тѣло не составляетъ металла.

157. Ни одинъ китъ, конечно, не принадлежитъ къ рыбамъ, но рыбы-то бываютъ китами.

Оглавленіе.

Жирнымъ шрифтомъ отмѣчены нумера и названія главъ. Арабскія цифры означаютъ страницу, на которой начинается стоящій предъ цифрой параграфъ (или глава).

Предисловіе къ 3-му изданію III

I. Задачи логики и ея отличія отъ психологіи—1 Опредѣленіе логики—1. Логика открытій и логика провѣрки—2. Неосуществимость логики открытій—3. Независимость логики отъ психологіи—4. Главное отличіе логики отъ психологіи—5. Логика и психологія сужденій—7. Логика и психологія умозаключеній—9. Пункты, въ которыхъ психологія сама основывается на логикѣ — 11. Двоякій вредъ, причиняемый психологіи ея смѣшеніемъ съ логикой—11. Двѣ причины произвола въ логикѣ, обосновываемой на психологіи. Психологическая неразличимость вѣры и знанія—12. Вредъ для логики отъ механическаго переплетенія ея съ психологіей. Причины ложнаго мнѣнія о трудности логики—15.

II. Значеніе логики. Логика и философія—17. Возможныя значенія каждой науки—17. Утилитарное значеніе логики—19. Главная задача философіи—21. Важность теоріи познанія для философіи—23. Окончательное опредѣленіе философіи — 27. Окончательная формулировка главнаго вопроса теоріи познанія — 28. Метафизика и ея задачи. Истинное и кажущееся бытіе — 30. Условія безпредпосылочнаго отношенія гносеологіи къ истинному бытію и къ знанію—33. Философское значеніе логики и нравственное значеніе теоріи познанія—37. Исторія и разныя значенія термина „метафизика“—39. Методы устраненія для защиты метафизики—41. Методъ ложной предпосылки—42. Методъ замалчиванія явныхъ противорѣчій—43. Методъ двойной подмѣны естествознанія и метафизики—44. Методъ отожествленія разнородныхъ задачъ—46.

III. Сужденія и предложенія. Термины и понятія—47. Части сужденія и ихъ словесные знаки—47. Отступленіе строя предложенія отъ строя сужденія—49. Ошибочность принятыхъ въ грамматикѣ опредѣленій для подлежащаго и сказуемаго предложенія—51. Термины—54. Признаки и ихъ подраздѣленія—55. Относительность въ разницѣ существенныхъ и несущественныхъ признаковъ—57. Неудача попытокъ сдѣлать безотносительной разницу между существенными и несущественными признаками—59. Понятія—61. Важнѣйшія недоразумѣнія по поводу понятій—62.

IV. Видоизмѣненія понятій и сужденій—64. Содержаніе и объемъ понятія—64. Видоизмѣненія понятій по ихъ содержанію и объему—64. Взаимоотношенія понятій по ихъ объему—66. Взаимная зависимость объема и содержанія въ нѣкоторыхъ понятіяхъ—67. Ограниченіе и обобщеніе понятія. Распространеніе на термины названій, служащихъ для понятій—68. Простыя и сложныя сужденія—70. Относительность сужденія—71. Качество и количество сужденія—72. Модальность сужденія—74. Матеріалъ (матерія) и форма сужденія—75. Пріемъ англійскихъ логиковъ въ ученіи о понятіяхъ и сужденіяхъ—75.

V. Особенная важность общихъ сужденій и ихъ взаимоотношенія по степенямъ общности—77. Зависимость познавательнаго значенія сужденія отъ его формы—77. Какъ относятся математика и естествознаніе къ общимъ сужденіямъ?—77. Въ какихъ наукахъ больше оправданныхъ общихъ сужденій?—80. Почему всякая наука должна больше всего цѣнить общія сужденія?—80. Наибольшая важность общихъ сужденій въ исторіи—82. Особыя задачи логики относительно общихъ сужденій и разница послѣднихъ между собой—85.

VI. Зависимость познавательнаго значенія сужденія отъ его матеріала—88. Раздѣленіе утвердительныхъ сужденій на аналитическія и синтетическія—88. Анализъ и синтезъ. Одна изъ особенностей критической теоріи познанія. Почему сужденія называются аналитическими и синтетическими?—89. Средство для различенія аналитическихъ и синтетическихъ сужденій—91. Познавательное значеніе аналитическихъ и синтетическихъ сужденій—92. О раздѣленіи отрицательныхъ сужденій на аналитическія и синтетическія—94. О примѣненіи раздѣленія на аналитическія и синтетическія къ условнымъ и раздѣлительнымъ сужденіямъ—97. Причина и одно изъ проявленій враждебнаго отношенія къ критической теоріи познанія—98. Ошибочность возраженія, основаннаго на неотдѣлимости анализа отъ синтеза—98. Ошибочность возраженія, основаннаго на превращеніи всѣхъ синтетическихъ сужденій въ аналитическія—99. Причины мнѣнія, будто бы всѣ синтетическія сужденія должны превращаться въ аналитическія—102.

VII. Основные методы провѣрки сужденій—104. Оправданіе и опроверженіе сужденій. Методъ и пріемъ—104. Основные методы оправданія сужденій. Знаніе непосредственное и опосредствованное—105. Сужденія подлинно общія и кажущіяся общія—111. Составныя части и основныя видоизмѣненія доказательствъ. Значеніе чертежа въ геометріи—112. Ра-

ціональныя и эмпирическія науки — 113. Общая методологія и методологіи отдѣльныхъ наукъ—114. Методы опроверженія сужденій и противоположныя сужденія — 115. Сужденія противныя и противорѣчащія. Логическій квадратъ—117.

VIII. Доказательства, несоединенныя съ установкой данныхъ опыта, или чисто-раціональныхъ наукъ—120. О положеніяхъ, доказываемыхъ въ чисто-раціональныхъ наукахъ—120. О разсужденіи (демонстраціи) въ доказательствахъ чисто-раціональныхъ наукъ—123. Объ основаніяхъ въ доказательствахъ чисто-раціональныхъ наукъ: прежде доказанныя положенія и высшія основанія — 124. Два рода высшихъ основаній въ чисто-раціональныхъ наукахъ и необходимость опредѣленій въ числѣ ихъ—127. Полная характеристика второго рода высшихъ основаній. Пангеометрія Лобачевскаго—130. Точное опредѣленіе аксіомъ—134. Способъ рѣшенія вопроса о второмъ родѣ высшихъ основаній—135. Ошибки въ доказательствахъ—137.

IX. Умозаключенія, какъ части доказательствъ—146. Общій планъ ихъ изученія. Подлинныя и кажущіяся умозаключенія—146. Неполная индукція и заключенія по аналогіи—149. Раздѣленіе умозаключеній на непосредственныя и силлогизмы. Энтимемы. Сокращенный способъ изученія всѣхъ умозаключеній—152. Непосредственныя умозаключенія—155. Круговыя схемы непосредственныхъ умозаключеній—164.

X. Силлогизмы, какъ наиважнѣйшая часть доказательствъ — 167. Простые категорическіе силлогизмы и ихъ составныя части — 167. Фигуры и модусы простого категорическаго силлогизма — 170. Основныя и производныя правила категорическихъ силлогизмовъ—172. О распредѣленности понятій въ сужденіи—172. Основныя правила категор. силлогизмовъ—174. Ошибки въ категорич. силлогизмахъ—176. Методъ составленія таблицы правильныхъ модусовъ и условія правильности общаго вывода—177. Сложные категорическіе силлогизмы—183. Раздѣлительные силлогизмы—184. Условные силлогизмы—187. Ошибочность теоріи М. И. Владиславлева и Н. О. Лосскаго—190. Невозможность въ чисто-раціональныхъ наукахъ а) доказывать единичныя сужденія и b) обходиться безъ употребленія общихъ синтетическихъ сужденій, какъ высшихъ основаній — 197. Значеніе силлогизмовъ и ошибочность мнѣнія Милля объ ихъ значеніи—205.

XI. Важнѣйшія частности въ ученіи о силлогизмахъ—208. Установка правилъ категорическаго силлогизма съ помощью таблицы правильныхъ модусовъ—208. Доказательство, что всѣ новыя правила посылокъ категорическаго силлогизма всего лишь слѣдствія названныхъ основными—210. Доказательство, что всѣ новыя правила выводовъ категорическаго силлогизма всего лишь слѣдствія названныхъ основными — 212. Три способа оцѣнки правильности категорическихъ силлогизмовъ—213. Сводимость другихъ фигуръ на первую и первой на остальныя. Мнѣніе о самостоятельности одной лишь первой фигуры—214. Мнѣнія о наибольшей очевидности выводовъ первой фигуры въ связи съ мнѣніемъ объ ея исключительной самостоятель-

ности—217. Ложныя мнѣнія о dictum de omni et de nullo въ связи съ мнѣніемъ о самостоятельности одной лишь первой фигуры—218. Происхожденіе выдумокъ о самостоятельности одной лишь первой фигуры и о роли dictum'а—221. Сводимость каждой фигуры на любую другую. Вопросъ о большемъ совершенствѣ первой—221. Значеніе нѣкоторыхъ согласныхъ въ названіяхъ модусовъ—222. Неумѣстность упрековъ логикѣ за пропуски и искусственность нѣкоторыхъ силлогизмовъ—224.

XII. Доказательства, соединенныя съ установкой данныхъ опыта—228. Доказательства, соединенныя съ установкой данныхъ опыта, но однородныя съ несоединенными. Задачи эмпирическихъ наукъ—228. Случаи, въ которыхъ встрѣчаются доказательства, соединенныя съ установкой данныхъ опыта и разнородныя съ несоединенными—230. Гипотезы и троякій путь ихъ превращенія въ знаніе — 232. Значеніе гипотезъ для науки. Реальныя и рабочія гипотезы—235. Индуктивныя доказательства. Значеніе Бекона и Милля для ученія о нихъ—238. Условія, при которыхъ одно явленіе считается причиной другого—240. Методъ единственнаго совпаденія—243. Методъ единственной разницы—245. Методъ единственнаго сопутствующаго измѣненія — 248. Соединенный методъ совпаденія и разницы. Методъ остатковъ. Силлогизмы, какъ составная часть всякаго индуктивнаго доказательства—249. Неизбѣжность употребленія сложныхъ индуктивныхъ методовъ и ихъ разнообразіе—250. Законы природы—253. Доказательства догадокъ о законахъ природы—257. Точные и эмпирическіе законы природы—258. Принципъ единообразія природы и способъ осуществленія въ индукціи правила о доказательствѣ общихъ синтетическихъ сужденій—260. Ошибки въ индукціи—262.

XIII. Индукція и дедукція—264. Раздѣленіе доказательствъ на индукцію и дедукцію—264. Разница между индукціей и дедукціей—265. Индуктивныя и дедуктивныя науки—266. Неодинаковость въ употребленіи разными авторами терминовъ „индукція“ и „дедукція“—267. Такъ называемая, математическая индукція — 269. Исторія терминовъ „индукція“ и „дедукція“—271.

XIV. Раздѣленіе понятія и опредѣленіе понятія, какъ вспомогательныя средства при доказательствахъ—274. Раздѣленіе понятія, его основныя правила и встрѣчающіяся въ немъ ошибки—274. Пріемъ дѣленія, наиболѣе застраховывающій отъ ошибокъ. Возможность правильно раздѣлить понятіе разными способами. Основаніе дѣленія—277. Классификація въ ея отношеніяхъ къ дѣленію. Естественныя и искусственныя классификаціи—279. Реальныя и номинальныя опредѣленія—280. Правила и ошибки реальныхъ опредѣленій—284. Наикратчайшая форма реальныхъ опредѣленій—287. Правила научной терминологіи—288.

XV. Логическіе законы мышленія — 290. Методъ установки логическихъ законовъ—291. Установка законовъ противорѣчія и исключеннаго третьяго. Объясненіе обязательности выводовъ—292. Логическая связь и логическая необходимость—295. Установка закона достаточнаго основанія,

его самостоятельность и исторія. Необходимость отличать основаніе отъ причины и связь основанія съ слѣдствіемъ отъ причинной связи—298. Установка закона тожества и объясненіе самой возможности силлогизмовъ—300. Объясненіе логическими законами мышленія всѣхъ правилъ логики и формальный характеръ правильности мыслей, обусловленной этими законами—301. Обычный неправильный методъ установки логическихъ законовъ мышленія и его послѣдствія—303. Взглядъ Липпса на законы мышленія—304.

XVI. Логицизмъ А. И. Введенскаго или русское доказательство невозможности метафизики въ видѣ знанія—307. Логицизмъ—307. Необходимость отличать представленія отъ мышленія—307. Граница логически позволительнаго примѣненія умозаключеній и доказательствъ—309. Условіе права математики и естественныхъ наукъ считаться знаніемъ — 315. Невозможность всякой метафизики въ видѣ знанія и неопровержимость любой метафизики, выставленной въ видѣ вѣры—318. Защита метафизики Н. О. Лосскимъ съ помощью интуитивизма—322. Мистицизмъ и защита метафизики съ его помощью—324. Защита метафизики съ помощью единственнаго произвольнаго допущенія—332. Отсутствіе какого бы то ни было метафизическаго знанія въ настоящемъ—333. Неизбѣжность для метафизики быть ученіемъ о трансцендентныхъ предметахъ и всегда состоять только изъ гипотезъ—335. Недоказуемость навсегда всѣхъ трансцендентныхъ гипотезъ—338. Противорѣчіе въ понятіи появленія метафизическаго знанія. Обусловленная имъ особенность метафизики—343. Невозможность для метафизическихъ гипотезъ отличаться другъ отъ друга большей или меньшей вѣроятностью—346. Три гносеологическихъ правила, обязательныхъ при разработкѣ каждой науки—349. Вѣра и знаніе—351. Постепенная перемѣна во взглядахъ на мѣсто метафизики. Сознаніе у современныхъ защитниковъ метафизики ея разнородности съ знаніемъ. Сущность христіанства—355.

XVII. Иностранныя доказательства неосуществимости метафизическаго знанія: позитивизмъ, эмпиризмъ и критицизмъ — 362. Позитивизмъ — 362. Эмпиризмъ—365. Разница между эмпиризмомъ и сенсуализмомъ, теоріей познанія и психологіей—371. Опредѣленіе апріорныхъ сужденій—372. Доказательство необходимости допускать апріорныя сужденія, если математика и естественныя науки считаются знаніемъ—374. О числѣ и содержаніи апріорныхъ сужденій—377. Невозможность оправдать принципъ причинности простой установкой данныхъ опыта—378. Неустранимость апріорныхъ сужденій путемъ какого бы то ни было объясненія ихъ происхожденія: нативизмъ, генетизмъ и эволюціонная теорія—380. Апріорность и прирожденность—384. Условіе завѣдомой годности апріорныхъ сужденій для знанія—386. Три слѣдствія, важныхъ для вопроса о метафизикѣ, изъ условія завѣдомой годности апріорныхъ сужденій для знанія — 388. Невозможность метафизики въ видѣ знанія — 391. Необходимость дополнить критицизмъ логицизмомъ—393.

XVIII. Раціонализмъ. Неопровержимость матеріализма. Составъ цѣльнаго научно-переработаннаго

міровоззрѣнія—394. Раціонализмъ и его связь съ вѣрой въ осуществимость метафизическаго знанія—394. Двоякій путь для опроверженія раціонализма. Неосуществимость раціоналистическаго объясненія существованія природы и ошибочность онтологическаго доказательства существованія Бога—400. Неосуществимость раціоналистическаго объясненія причинныхъ связей между душевными и тѣлесными явленіями: окказіонализмъ, престабилизмъ и психофизическій монизмъ—405. Противорѣчіе раціонализма правиламъ логики. Необходимость мириться съ необъяснимыми остатками при объясненіяхъ природы и правильное отношеніе къ законамъ природы—407. Неопровержимость матеріализма—409. Метафизика, какъ морально обоснованная вѣра, и философія, какъ ученіе о законахъ міровоззрѣній—412.

Примѣры—417. Къ главѣ IV—417. Къ главѣ VII—417. Къ главѣ VIII—418. Къ главамъ IX и X—419. Къ главѣ XIII—422. Къ главѣ XIV—423. Къ главѣ XV—424.

Того же автора:

Ученіе Лейбница о матеріи. *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1886 г. № 1.

Опытъ построенія теоріи матеріи на принципахъ критической философіи. Спб. 1888 г. *Распродано.*

Критико-философскій анализъ массы и связь высшихъ законовъ матеріи въ законѣ пропорціональности. *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1889 г. № 3.

Научная дѣятельность М. П. Владиславлева. *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1890 г. № 6.

Къ вопросу о строеніи матеріи. *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1890 г. №№ 7 и 8.

О предѣлахъ и признакахъ одушевленія. (Новый психо-физіологическій законъ въ связи съ вопросомъ о возможности метафизики). Спб. 1892 г.—*Распродано.* (Въ томъ же году было въ *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.).*

Вторичный вызовъ на споръ о законѣ одушевленія. *Вопросы Философіи и Психологіи.* кн. 18-я. 1893 г.

О видахъ вѣры въ ея отношеніяхъ къ знанію. *Вопросы Философіи и Психологіи.* 1893 г. кн. 20 и 21 (вошло въ Философскіе Очерки).

О Кантѣ дѣйствительномъ и воображаемомъ. Комментаріи къ „Критикѣ Чистаго Разума". По поводу книги г. Каринскаго „Объ Истинахъ Самоочевидныхъ". *Вопросы Философіи и Психологіи,* кн. 25-я 1894 г.

Ученіе Канта о смѣнѣ душевныхъ явленій. *Вопросы Философіи и Психологіи,* кн. 29-я 1895 г.

Значеніе философской дѣятельности Н. Н. Страхова. *Образованіе.* 1896 г. № 3.

Russische Literatur über Kant въ *Kantstudien* 1896 г. № 1.

Атомизмъ и энергетизмъ. *Сѣверный Вѣстникъ.* 1896 г. № 9.

Условія допустимости вѣры въ смыслъ жизни. Спб. 1896 г. *Распродано,* равно какъ и переводъ на армянскій языкъ. (Въ томъ же году было въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* и вошло въ Философск. Очерки).

Объ атеизмѣ въ философіи Спинозы. *Вопросы Философіи и Психологіи* кн. 37-я 1897 г.

Новая постановка вопроса о самостоятельности четырехъ фигуръ силлогизма. Въ сборникѣ *Commentationes philologicae.* Спб. 1897 г.

Судьбы философіи въ Россіи. *Вопросы Филос. и Психологіи,* кн. 42-я 1898 г. (вошло въ Философск. Очерки).

О мистицизмѣ и критицизмѣ В. С. Соловьева. *Вопросы Филос. и Психологіи* кн. 56-я (вошло въ Философск. Очерки).

Споръ о свободѣ воли передъ судомъ критической философіи. *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1901 г. (вошло въ Философск. Очерки).

Философскіе Очерки. (О философіи въ Россіи, о мистицизмѣ и критицизмѣ В. С. Соловьева, о свободѣ воли, о смыслѣ жизни, объ отношеніяхъ вѣры къ знанію) Спб. 1901 г. *Распродано.*

Объ экспериментальной дидактикѣ А. П. Нечаева. Спб., 1902 г. *Распродано.* (Въ *Журн. Мин. Нар. Просв.* 1901 г. № 12).

О задачахъ современной психологіи. *Вѣстникъ и библіотека для самообразованія.* 1903 г.

Проф. Г. Челпанова учебникъ логики. *Журн. Мин. Нар. Просвѣщ.* 1908 г. № 6.

Новое и легкое доказательство философскаго критицизма. Спб. 1909 г. *Распродано.*

Что такое философскій критицизмъ? *Новое Слово* 1910 № 1.

Логика для гимназій 3-е изд. Петр. 1915 г.

Психологія безъ всякой метафизики. 3-е изд. Петр. 1917 г.

НАХОДИТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ:

Проф. А. И. ВВЕДЕНСКАГО

ЛОГИКА для ГИМНАЗІЙ.

Изд. 3-е. Цѣна 80 коп.

Складъ изданія въ книжн. маг. М. М. Стасюлевича, Петр. В. О., 5 линія, 28.

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущена къ употребленію, въ качествѣ руководства, въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ.

Удостоена въ первомъ изданіи полной большой преміи

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

Изъ отчета Ученаго Комитета о присужденіи въ 1910 г. премій

ИМПЕРАТОРА ПЕТРА ВЕЛИКАГО.

(См. Журн. Мин. Нар. Просв., Іюнь 1910 г.).

Проф. Введенскій начинаетъ съ разсмотрѣнія подлиннаго содержанія логики, которое всецѣло дано въ фактѣ сужденія. Авторъ строго разграничиваетъ предметъ логики отъ предмета психологіи и всѣ психологическіе вопросы оставляетъ безъ обсужденія.

Въ изложеніи проф. Введенскаго логика получаетъ характеръ удивительной связности, послѣдовательности и принудительности.

Проф. Введенскій стремился не къ сообщенію большого количества свѣдѣній, а къ выясненію основныхъ логическихъ понятій и ученій, и этого онъ вполнѣ достигъ.

У него попадаются превосходныя разъясненія логическихъ явленій, которыхъ мы не встрѣчали въ другихъ учебникахъ.

Въ общемъ слѣдуетъ признать учебникъ проф. Введенскаго вполнѣ научнымъ и въ то же самое время изложенныхъ въ формѣ, вполнѣ доступной для учащихся.